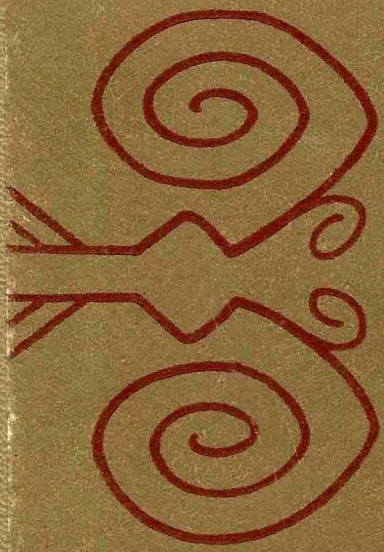


Русские народные песни Карельского Поморья

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник отражает местную песенную традицию, охватывающую различные песенные жанры. Публикуемый материал записан в 1963—1965 годы сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в северной части Карельского побережья Белого моря.

Песни поморов до последнего времени почти не изучались. В дореволюционных изданиях имеется немало этнографических, статистических и географических сведений о Поморье,[1] но произведения устного народного творчества, особенно песни, в публикациях представлены крайне бедно. В частности, описанию Карельского берега Белого моря большое место отведено в книге известного этнографа С. В. Максимова «Год на Севере».[2] Наряду с изучением этнографии Севера Максимов проявлял некоторый интерес и к словесному народному искусству, собирал и записывал песни, сказки, некоторые обряды.[3]

В 1880-е годы на Карельском берегу Белого моря побывали известные собиратели — Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, но их немногочисленные публикации песен из этого района не могли дать представления о песенной культуре поморов.[4]

В самом начале XX века в Поморье были обнаружены былины. Известно, что это открытие принадлежит крупнейшему собирателю эпической поэзии А. Д. Григорьеву. Обследуя в 1899—1901 годах Пинежский край, населенные пункты по рекам Кулою и Мезени, он посетил южную часть Карельского берега, от г. Сороки (ныне г. Беломорск) до Онеги,

---

[1] См., например: И. Пушкарев. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. I, кн. II. Архангельская губерния. СПб., 1845; В. Харузина. На Севере. М., 1890; А. А. Жилинский. Крайний Север Европейской России. Пгр., 1919, и др.

[2] С. В. Максимов. Год на Севере, т. 1. СПб., 1859.

[3] В книге «Год на Севере» есть, например, описание свадебного обряда (стр. 363—376); былина-баллада «Князь Роман и Марья Юрьевна», записанная Максимовым в д. Калгалакша Архангельской губернии (Карельский берег Белого моря) в 1856 г., опубликованная в «Летописях русской литературы и древности», изданных В. Тихонравовым (кн. 1, М., 1859, стр. 22); отдельные тексты песен, собранных Максимовым в Архангельской губернии, вошли в сборник П. Якушкина «Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным» (СПб., 1860). В заметке по поводу издания народных сказок Максимов пишет: «От Поньгомской старухи я успел записать пять сказок. Прибавил к ним еще десяток в Холмогорах, уступленный смотрителем уездного училища, и весь этот сборничек вручил Якушкину для передачи Ал. Ник. Афанасьеву» («Живая старина». СПб., 1897, вып. 1, стр. 52).

[4] См.: Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. — С Карельского побережья (из г. Кеми, деревень Подужемья и Сумпосада) в сборник вошло одиннадцать протяжных, плясовых и свадебных песен.

Песни, ноты: Ale07.ru

и записал там былины, былины-баллады, исторические песни.[5] Примерно в те же годы другой видный собиратель былин, А. В. Марков, изучая Терский берег, записал несколько былин и на севере Карельского Поморья.[6]

Организованное собирание и изучение фольклора Карельского Поморья началось в советское время, с 30-х годов. Комплексная экспедиция фольклорной комиссии Института этнографии Академии наук СССР (в настоящее время — Сектор народного творчества Института русской литературы АН СССР) и Карельский научно-исследовательский институт культуры (ныне Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР) в течение нескольких лет осуществили ряд выездов в районы Поморья.[7] В 1932 году изучалась южная часть Карельского Поморья (от г. Сороки до Нюхчи),[8] в 1933—1935 годах — северная его часть.[9] Наиболее ценными записями этих лет оказались сказки,[10] былины, записанные в Кемском районе,[11] а также поморские песни.[12]

Изучение состояния песенной и былинной традиции в Поморье было продолжено в 50-е годы Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, а также Московским государственным университетом.[13] В результате обследования Лоухского, Кемского и частично Беломорского районов в эти годы собрано большое количество песенных текстов, частушек, сказок, а в деревнях Гридино, Калгалакша, Поньгома и с. Шуерецком записаны былины и исторические песни. Собиратели советского времени, побывавшие в Поморье, отмечали богатство и своеобразие песенного репертуара, хорошую сохранность и добротность песенных текстов. Но собранные песни до последнего времени оставались достоянием архивов.

Первой публикацией поморских песен с напевами в советское время является сборник С. Кондратьевой, включающий ее записи 1958—1959 го-

---

[5] Былины, записанные А. Д. Григорьевым в Поморье, вошли в первый том его издания: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, ч. 1. М., 1904 (в дальнейшем: Григорьев...).

[6] Девять былин было записано в Кандалакше и ближнем с. Федосееве, одна — в г. Кеми и пять — в д. Гридино. Былины, записанные в Кемском районе, опубликованы в сб.: Былины новой и недавней записи. Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.

[7] В состав Беломорского отряда входили: А. М. Астахова (руководитель), А. Н. Нечаев, И. В. Карнаухова. См.: А. Астахова. Карельские фольклорные экспедиции (1931—1935 гг.). — Сов. этнография, 1934; А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, гл. V.

[8] О собирании былин в 30-е годы см.: Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938. Вступит. статья А. М. Астаховой (в дальнейшем: Аст. I). В 1932 г. было записано семь сюжетов былин и былин-баллад (Аст. I, стр. 40).

[9] Аст. I, стр. 41. В с. Кереть в 1933 г. записаны две былины и две сказки на былинные сюжеты.

[10] См.: Сказки Карельского Беломорья, кн. I и II. Петрозаводск, 1939.

[11] Былины, записанные И. Этиной в 1935 г. в деревнях Гридино и Калгалакша Кемского р-на, частично опубликованы (см.: «Студенческие зап. филол. факультета Ленингр. гос. унив., Л., 1937, стр. 1—31). Неизданные тексты хранятся в Архиве Карельского филиала АН СССР, колл. 56 (в дальнейшем: Архив КФ).

[12] Тексты песен были оформлены в сб. «Избранные песни Карелии» (составлен. А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой), но издание его не состоялось.

[13] В состав экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в 1956—1957 гг. входили сотрудники института К. В. Чистов (начальник отряда) и Д. М. Балашов, студенты Петрозаводского университета. Обследовались деревни Гридино, Калгалакша, Поньгома, с. Шуерецкое и г. Кемь. Материалы см.: Архив КФ, колл. 35, 36. В 1959 г. работала экспедиция студентов Петрозаводского университета под руководством сотрудницы института Н. С. Полищук. Записи производились в Лоухском р-не. Материалы см.: Архив КФ, колл. 59. В южной части Поморья в 1956 г. работу проводила экспедиция студентов Московского университета под руководством Э. В. Померанцевой. См.: Вестн. Московск. гос. унив., Историко-филол. серия, № 1, 1957. В Беломорском р-не были обследованы деревни Воренжа, Сумостров, Лапино, Коросозеро, Пулозеро. Копии записей см.: Архив КФ, колл. 79.

дов в небольшом районе южной части Карельского побережья Белого моря.[14]

Имея целью представить песенный фольклор Карельского Поморья в целом, институт в 1963—1965 годы предпринял еще одно обследование большинства прибрежных деревень северной части Карельского берега.[15] Неоднократные выезды и длительное пребывание в каждой предусмотренной маршрутом деревне позволили собирателям ознакомиться с жизнью и бытом местного населения, записать более тысячи разнообразных песен (протяжных, частых, игровых, величальных и других), небольшое количество былин, былин-баллад и исторических песен с напевами. Кроме того, было записано несколько вариантов свадебного обряда и бытующие в Поморье напевы частушек. Материалы, собранные в 1963—1965 годы, и публикуются в настоящем издании.

Хотя запись традиционных песенных текстов на севере Карельского Поморья в советское время производилась и ранее, издание песен с напевами осуществляется впервые.

В настоящий сборник отобрано 219 текстов, наиболее ценных в художественном отношении. Представлены песенные жанры, бытовавшие на севере Поморья в прошлом и встречающиеся в настоящее время. Не публикуются неполные варианты, песни литературного происхождения и городские так называемые «жестокие» романсы, занимающие в общем количестве собранного материала очень небольшое место.

Основу сборника и его первый раздел составляют песни. Они расположены по жанрам, понимаемым как совокупность музыкально-поэтических приемов, содержания и специфики бытового применения. Наиболее распространенными на севере Поморья являются лирические протяжные песни (№№ 1—64), частые (№№ 65—126), игровые (№№ 127—141); песни, сопровождающие свадебный обряд, и свадебные причиты (№№ 142—172); байки (№№ 173—177). Второй раздел составляют былины, былины-баллады и исторические песни (№№ 178—208). В связи с тем, что в настоящее время былины встречаются все реже и каждая запись их представляет особый научный интерес, публикуются не только относительно полные тексты, но и все записанные фрагменты. Третьим небольшим разделом представлены частушки (№№ 209—219), помещенные в издание как образцы бытующих в Поморье частушечных напевов. Внутри жанров материал размещен по географическому принципу (с севера на юг, начиная с д. Черная Река Лоухского р-на до с. Шуерецкое Беломорского р-на включительно). Названия песен, частушек, причитаний даны по первой строке текста. Былины и былины-баллады озаглавлены исполнителем; те, которые не были названы исполнителем, озаглавлены собирателями и обозначены звездочкой.

При подготовке текстов к публикации сохранены морфологические и синтаксические особенности местного говора: в речи коренного населения наряду с общепринятым литературным произношением встречается, например, употребление формы родительного падежа вместо дательного («к княгины», «к бабушки» и «к княгине», «к бабушке»); различные окончания прилагательных мужского рода («доброй», «умненькой» и

---

[14] С. Кондратьева. Русские народные песни Поморья. М., 1966 (в дальнейшем: Кондратьева). Записи песен сделаны в деревнях Сухое, Нюхча, Шижня, Вирма и г. Беломорске Беломорского р-на.

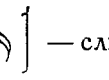
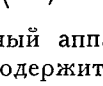
[15] В состав экспедиции входили научный сотрудник Института языка, литературы и истории А. П. Разумова, лаборанты Т. А. Коски и А. А. Митрофанова. Обследованы деревни Черная Река, Кереть, поселок Керетский Лесозавод Лоухского р-на; деревни Гридино, Калгалакша, Поньгома, Подужемье, г. Кемь Кемского р-на; с. Шуерецкое Беломорского р-на (во время работы экспедиции с. Шуерецкое по территориальному делению входило в состав Кемского р-на).

«добрый», «умненький»); прилагательные множественного числа в именительном падеже с разными окончаниями («белила белыя», «люди добрыя» и «белила белые», «люди добрые»); такое употребление формы творительного падежа существительных, как «лисицамы, охотамы, слезамы»; смешение падежных окончаний — «говорит он девицы красную»; древняя синтаксическая особенность — именительный падеж при инфинитиве (типа «искра затушити», «красна девка любить», «хорошо водочка пить»); отпадение конечной согласной в окончании глаголов 3-го лица («берё» вместо «берёт», «иде» вместо «идёт») и т. п.

Особенности же фонетики, затрудняющие восприятие текста читателем, унифицированы: снято «цоканье», имеющее в местном произношении самые разнообразные оттенки; общепринятой транскрипцией заменены: смягчение согласной перед последующим мягким согласным («серьцё, дерьнё, казаньско»); смягчение согласной в прилагательных женского рода («больня», «печальня»); твердое произношение шипящих (поежжат, напушшается, ешшо, ишшо, ешче и т. п.); личные окончания глаголов, имеющие в говоре северной части Карельского Поморья разные звучания («достаниссе», «достанессе», «досталася», «умываетсе», «умывается» и т. п.).

В произношении исполнителей сохраняется: употребление стяжения гласных — «оставлят», «бывat» (вместо «оставляет», «бывает») или лишние слоги — «сильныих»; переход «е» в «о» после твердой согласной — «брату большому», «старшому»; протетическое «в» и «г» — «до полна вума» (вместо «ума»), «сила-гармия» (вместо «армия»), «вона» (вместо «она»), «восённая» (вместо «осенняя»), «водин» (вместо «один»); необычные ударения.

Отдельные строки или слова, спетые при предварительном прослушивании и пропущенные при записи на магнитофон, даны в квадратных скобках (см. №№ 1, 6, 7, 18, 24, 27 и т. д.). Реплики и замечания исполнителей выделены курсивом. Прозаический пересказ былин вынесен влево за стихотворную строку.

В изложении нотного текста приняты следующие условные обозначения: 1) скрипично-теноровый ключ — звучание на октаву ниже нотации; 2)  — слышимое „придыхание“ в начале песни (без подтекстовки); 3) в тех случаях, когда нотная расшифровка начинается не с начала песни из-за дефекта в звукозаписи, перед подтекстовкой ставится три точки; 4)  — недостающая длительность.

Научный аппарат составляют вступительная статья и комментарии. Статья содержит краткую историческую справку о Северном Поморье и характеристику публикуемого материала.

Комментарии составлены к каждому тексту, они помогут осветить некоторые вопросы, касающиеся условий бытования песен, степени их традиционности и распространения в северной части Карельского Поморья. В комментариях сообщаются следующие данные: порядковый номер текста в сборнике, номер единицы хранения каждого текста в архиве Карельского филиала АН СССР и каждой записи напева, паспорт текста (место и время записи, краткие сведения об исполнителе); библиография; особенности публикуемого текста; распространение песни в северной части Карельского Поморья и ее бытовая роль.

В том случае, когда публикуются два варианта напева к одному и тому же сюжету, дается один комментарий при первом номере с отсыл-

кой к варианту напева; при втором номере напева дается ссылка на номер основного комментария.

Некоторые тексты песен в Поморье поются на один и тот же напев; об этом см. примечания под соответствующими текстами.

Для библиографии XVIII, XIX и начала XX века использованы основные сборники русских народных песен (текстовые и музыкальные). Из собрания Соболевского особо выделены песни, записанные С. В. Максимовым в Архангельской губернии (в основном в бывшем Кемском уезде), а также песни, собранные Ф. Студитским в Олонецкой губернии. Для библиографии советского периода использованы центральные и областные издания материалов, преимущественно из северо-западных районов страны.

К сборнику приложены: географическая карта Карельского берега Белого моря, список библиографических сокращений, географический указатель мест записи и исполнителей, алфавитный указатель песен и словарь местных и непонятных слов.

Запись текстов и составление комментария А. П. Разумовой и А. А. Митрофановой, музыкальная расшифровка Т. А. Коски.

Составители искренне благодарят всех женщин, принявших участие в исполнении поморских песен для записи их на магнитофон, и все организации, которые помогали успешной работе по собиранию песенного фольклора Поморья.

Узкой полосой на сотни километров вдоль западного побережья Белого моря раскинулось Карельское Поморье. Еще с XIII века оно начало заселяться русскими переселенцами.[16] Первыми колонизаторами Поморья были новгородские именитые люди: посадники, бояре, дети боярские. Вместе с новгородской знатью поморские земли осваивали и монастыри. Старейшие волости северной части Карельского Поморья (Керетская, Кемская, Шуерецкая) входили в состав богатейшей вотчины Соловецкого монастыря, который к концу XV—началу XVI века владел всеми землями карел на берегу Белого моря.

Главную роль в хозяйственной жизни поморов играли рыбный промысел, охота на морского зверя. Немаловажное значение имели солеварение,[17] добыча слюды; по морским рекам добывался жемчуг. Развитие промыслов сопровождалось сильной эксплуатацией поморского населения со стороны бояр и монастырей, взиманием обременительных налогов. Даже с такого незначительного промысла, как жемчужный, население Поморья должно было платить в казну великого князя каждое десятое (лучшее) зерно.[18]

Находясь продолжительное время в составе Новгородской вечевой республики, Карелия, а также и Карельское Поморье испытали сильное влияние новгородской культуры. После падения Новгорода дальнейшее экономическое и культурное развитие этого края шло под воздействием Москвы.

Несмотря на отдаленность от центра России, Поморье жило не изолированно. В XVI—XVII веках оно имело широкие торговые связи с центральными областями Московского государства и с Западом. Сюда проникали русские и зарубежные торговые люди, из Поморья вывозили рыбу, соль, рыбий жир, слюду, а привозили хлеб и другие недостающие продукты. Тесное общение поморов с приезжими людьми способствовало также проникновению сюда культуры. А. Н. Нечаев во вступительной статье к изданию сказок Карельского Беломорья убедительно показал, что северное крестьянство в культурном отношении стояло выше крестьянства других районов и областей России.[19] Известно, что здесь рано начала распространяться грамотность, получили развитие живопись и зодчество. Определенную роль в распространении книжной культуры

---

[16] Очерки истории Карелии, т. I. Петрозаводск, 1957, стр. 43 (в дальнейшем: Очерки).

[17] Почти в каждой волости Соловецкий монастырь имел усолья; известны Черноречское, Поньгомское усолья, Гридина Губа, усолья Шуерецкой волости (см.: А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 72, 127, 187).

[18] Жемчужный промысел существовал, например, по р. Керети; занимались им не только местные, но и «прихожие люди» (см.: Очерки, стр. 88).

[19] Сказки Карельского Беломорья, кн. 1. Петрозаводск, 1939, стр. XXXIV.

сыграло старообрядчество. Некоторое культурное влияние на население севера оказывали бежавшие сюда от преследования церкви народные певцы и поэты русского средневековья — скоморохи. В XVIII веке, после завоевания Прибалтики, Север, в том числе и Поморье, становится отсталой окраиной России. Но прочно укрепившаяся новгородская и московская культура продолжали здесь жить долгой жизнью.

Поморские деревни и села обосновывались в устьях рек или на берегах удобных бухт, где можно было заниматься рыболовством. Из деревень северной части Карельского Поморья Поньгома, например, расположена на трех небольших речках — Поньгоме, Куземе и Воньге, где ловилась семга; д. Калгалакшу речка Калга разделяет на две части — Калгалакшу и Каностров; на шумной, порожистой реке заселялся в свое время и современный г. Кемь. Особое впечатление оставляет д. Гридино, раскинувшаяся на голых скалах в одной из небольших морских бухт. С открытого моря она едва заметна. Жители утверждают, что это место было избрано их предками для поселения как наиболее безопасное от набегов неприятеля, суда которого не могли близко подходить к берегу. В народной памяти и сейчас еще сохраняются предания о набегах интервентов, пытавшихся поработить Карелию.[20] В д. Гридино записано предание о набеге «панов» на Прямой берег.[21] В далеком прошлом, говорит предание, на Прямом берегу жили люди, была там церковь с огромным колоколом. Но вот набежали «паны», разорили и сожгли селение, порубили много народу, а колокол утопили в море. Под колокол подвязали самую красивую девушку. В былые времена за ушко этого колокола рыбаки завязывали сети, но затем его замыло песком. Оставшиеся в живых жители разбежались по лесу, часть их осела на скалах; так и начало существовать Гридино.[22]

Удобств для жизни в этой деревне мало. Дома расположены как бы в три яруса: первый ряд — на самом берегу залива; второй — несколько выше; сюда удобно пройти по деревянной лестнице, установленной жителями; третий ряд — на более отлогом месте; за ним проходит тропа. Грунтовых дорог в деревне и вокруг нее нет. Зимой ездят на оленях, летом основной путь — по морю на лодке. Каждый небольшой участок малоплодородной земли, проглядывающий между огромными валунами, обнесен редким забором и используется для посадки картофеля. Народ приложил немало умения и по своим вкусам старался украсить жизнь и быт. Деревня стоит «лицом к морю», из окон видны приливы и отливы. Дома «сроботаны» из добротного круглого леса, просторные, внутри чистота; у многих хозяек еще сохранились старинные предметы быта (медная и деревянная посуда, прялки). Возле домов принято класть «крыльца» — деревянные настилы, а вдоль деревни для удобства передвижения — «мосты» (тесовые панели, соединяющие земляные бугры или валуны).

Основным занятием поморов и сейчас является лов рыбы.[23] За последние годы развилась еще одна отрасль хозяйства — сбор морских водорослей. Население прибрежных деревень объединено в рыболовецкие колхозы или бригады рыбозаводов. Государственный лов рыбы обеспечен новейшей промысловой техникой, судами. На территории Лоухского и Кемского районов (западнее от моря) проводятся большие заготовки леса, развиты лесопильная промышленность, горные разработки.

---

[20] Возможно, что имеются в виду известные походы шведских войск и разорение ими поморских волостей в 90-е годы XVI в. (см.: Очерки, стр. 109).

[21] Местечко, расположенное в нескольких километрах от д. Гридино.

[22] Записано составителями в д. Гридино от З. К. Мехниной, июнь 1963 г.

[23] Лишь в отдельных деревнях немного занимаются оленеводством.

Советская культура проникла сегодня в самые отдаленные уголки Поморья. В каждой деревне — школа, клуб, где демонстрируются кинофильмы, библиотека; многие жители выписывают газеты, население имеет возможность слушать радио. Вместе с этим в быту поморов среди старшего и среднего поколений еще сохраняется традиционная устно-поэтическая и музыкальная культура, живым примером которой является старинная русская народная песня, занимающая немалое место в поморском фольклоре. Песенный репертуар деревень в северной части Карельского Поморья очень разнообразен, и в нем немало общего с песнями более южных поморских районов.[24]

Главными песенными жанрами на севере Карельского Поморья являются лирические протяжные, частые, величальные (святочные и свадебные), а также игровые песни. Редки песни исторические и солдатские походные, совсем не встречаются календарные, заклинательные. В деревнях Гридино, Калгалакше и Поньгоме Кемского района в памяти отдельных лиц сохранились былины и былины-баллады. Все эти жанры имеют свои особенности бытования и распространения. Одни песни встречаются повсеместно, что подтверждается неоднократными записями их вариантов; другие (довольно старые и редкие) входят в репертуар лишь одной-двух деревень и неизвестны за их пределами; имеются и такие, которые являются достоянием единственного исполнителя.[25]

В быту поморов наиболее широко распространены внеобрядовые песни. Протяжные называются в народе «проголосными», «долгими», «продольными»; частые — «скорыми», «крутыми», «утушными». Протяжные песни исполняются большею частью группами, так как петь в одиночку их очень трудно.[26] В обыденной обстановке эти песни можно услышать при длительных переездах по морю на лодке, при сборе грибов и ягод в лесу;[27] в прежние годы их пели на беседах за рукоделием, на праздничных гуляньях, на качелях (такие песни носили название «качельных»).

Лирические протяжные песни Поморья очень разнообразны: встречаются старые, известные с XVIII века, сохранившие полные тексты, насыщенные интересными художественными образами. К ним относится довольно полный вариант песни «Уж вы горы...» (№ 7 данного сборника), записанный в д. Черная Река от мастерицы-песенницы М. К. Андреевой[28] и ее сверстниц; «Распекло в тумане» (№ 21) из д. Гридино и др. Имеются рекрутские и солдатские песни, отразившие переживания народа в связи с тяжелым бременем длительной службы в царской армии (например, «Славна питерска дорожка неширока» — № 16, «Что у маменьки родимыя» — № 17, «Не по реченьке-то лебедушка да плывет» — № 9). Но такие песни утратили свою специфическую принадлежность к обряду рекрутских проводов и воспринимаются как обычные лирические. В памяти отдельных стариков сохранились военно-маршевые песни. Редко встречаются песни исторические. В записях 1963—1965 годов

---

[24] См. публикации С. Н. Кондратьевой.

[25] Так, например, исполнительница лирических песен А. Е. Коновалова, уроженка д. Койда Архангельской области, более 30 лет проживает в д. Гридино, но ее песни (№№ 29, 34) никто из гридинских «краснопевок» петь не может. «Это койденские песни, не наши, мы их не знаем», — говорят они.

[26] «Наши „долги" песни тяжелы, одной не вытянуть, их надо голосами выводить, тогда хорошо, а одной и заводить нечего»; «Эта песня досюльня, отлого поется, ее одной не взять, духу не хватит», — говорят исполнительницы.

[27] Готовясь петь для записи на магнитофон, исполнительницы заметили: «Ну, давайте, бабы, споем, будто на карбасе едем!»; или рассказывали: «Бывало едешь в лодке по морю и слышишь ... поют где-то ... да новы так поют, что только море отзыват!».

[28] Умерла в 1964 г.

имеется единственный вариант песни о Платове (№ 208) и несколько протяжных, содержащих лишь элементы историзма, как например «Шли-то солдатики слободою»,[29] «Как на матушке на Неве-реке», с устойчивым традиционным текстом, отрывок песни об осаде Соловецкого монастыря.[30] Тексты их неполные, вспоминались исполнителями не без труда, напевы некоторых песен забыты. Так же редки песни, в истоках которых лежит пастораль XVIII века (типа «Шел-то Иванушка да долиною» — № 5; «Ничто меня не тешит» [31] и т. п.).

Наибольшее количество песен, встречающихся на севере Поморья, принадлежит к циклам семейно-бытовых и особенно любовных. Эти песни известны во многих других областях русского Севера. Иногда в них наряду с традиционными мотивами уживаются личные переживания исполнителей. Так, в заключительных строках текста «Да невеселенька наша компаньица» примечательна небольшая местная деталь:

Еще у всех-то дружочики с морей пришли,
Один-то мой миленькой не пришел,
Он остался, мой миленькой, хорошенькой,
Зимовочку, зимушку зимовать,
Да мне он, девушке, голубушке,
Подарочки, девушке, закупать.

В коротких строках выражена женская печаль о погибшем в море дружке или муже. При записи исполнение этой песни сопровождалось чувством глубокой скорби и слезами, так как гибель рыбаков на путине в прошлом была частым явлением. Наряду с общеизвестными в Поморье есть песни, редко встречающиеся в публикациях. Это преимущественно задушевные девичьи любовные, выражающие грусть о разлуке с милым, прощание с девичьей волей. К ним относятся: «Да было-то в ручках счастьицо» (№ 55), «Чтой травонька в поле за муравая» (№ 25), «Кто-то бы сбегал, распроведал» (№ 22), «Красно солнышко, да ты зайди-ко за небеса» (№ 8), «Воля, ты наша волюшка» (№ 27), «Гуляньё, ты мое гуляньицо» (№ 15) и ряд других. Встречаются песни типа романса («Несчастный родился», «Потеряла я колечко»), типа баллады («Да сторона ли ты, моя сторонка» — № 63; «Как один купец рассказывал рассказ»), но по сравнению с большим количеством классических протяжных песен, романсов записано экспедицией мало. В отдельных деревнях и особенно в г. Кеми мастерицы с большим репертуаром знают песни литературного происхождения,[32] но, как правило, массового распространения эти песни не имеют.

Известно, что в протяжных песнях поэтический текст особенно тесно связан с напевом. Наблюдения при записи показывают, что поморские исполнительницы очень тонко чувствуют необходимость этого единства; они охотно поют песню, но неохотно «сказывают», зная, что появляются пропуски, путаница, теряется неповторимая красота поэтического текста.

---

[29] См.: Архив КФ, колл. 52/56.

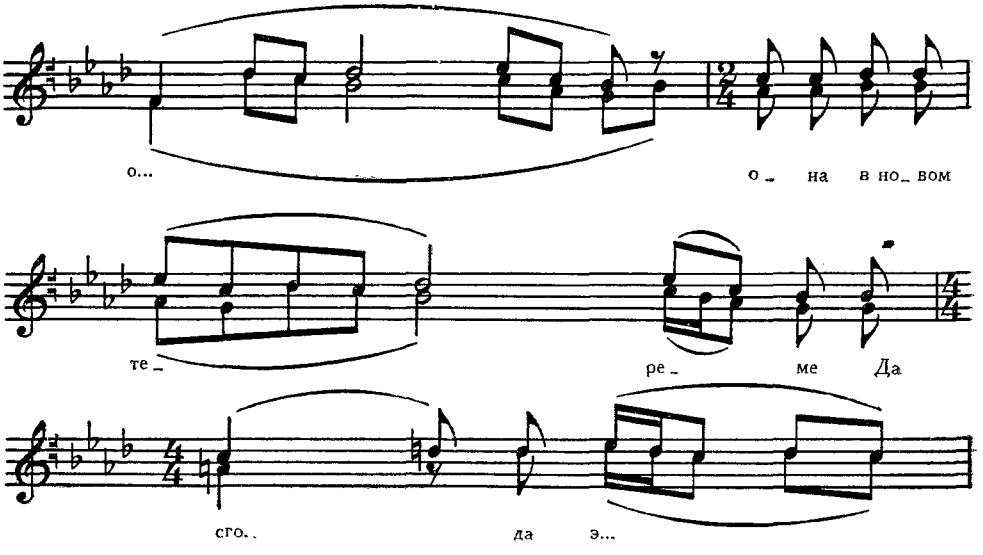
[30] Записана без напева от А. И. Ефремовой в д. Калгалакша, январь 1964 г. См.: Архив КФ, колл. 51/270.

[31] См.: Архив КФ, колл. 51/266. Текст близок к пасторали XVIII в. «Молчите, струйки чистые», приписываемой М. В. Ломоносову. Об этом см.: Песни Пинежья. Материалы фонограмм Архива Академии наук СССР, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, кн. II. Музгиз, М., 1937, № 17; Ф. Рубцов. Народные песни Ленинградской области. М., 1958, № 43.

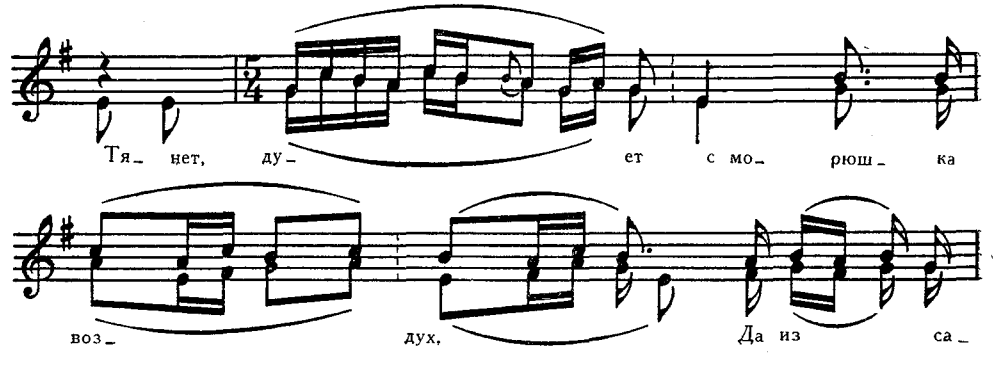
[32] Такие, например, как «Под окном в тени мелькает» Я. П. Полонского; «Уж ты доля, моя доля» И. З. Сурикова; «Я у матушки выросла в холе» А. И. Плещеева; «Казачья колыбельная» М. Ю. Лермонтова; «Хорошо было детинушке» из поэмы «Коробейники» Н. А. Некрасова; «По воле летает орел молодой», в истоке которой лежит стихотворение А. С. Пушкина «Узник», и некоторые другие.

В напевах поморских протяжных песен легко обнаруживаются характерные черты русской народно-песенной классики. При этом заметны устойчивые приемы интонирования, построения формы, ставшие для этого района традиционными. Интересны в этом отношении песни протяжные, записанные в д. Черная Река и Гридино, с их распевностью и широтой мелодического развития.

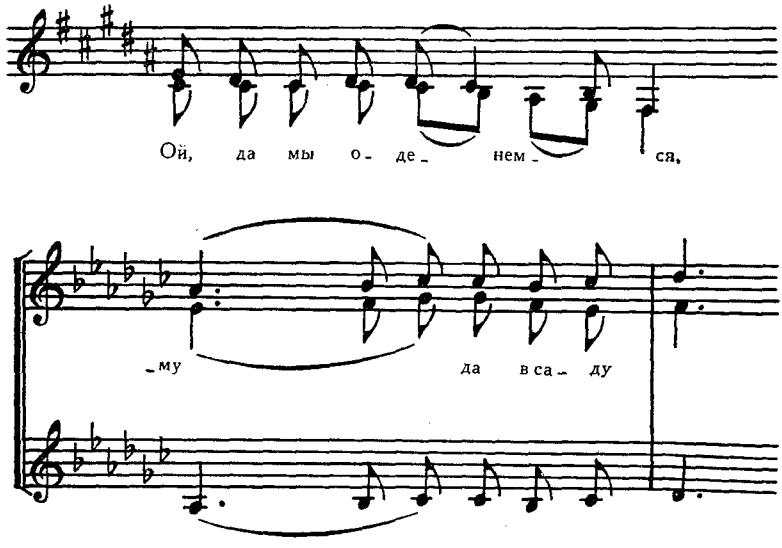
Характер распева тут неодинаков. В одних случаях распевность достигается своеобразными повторами, словообрывами, вставными возгласами, которые наряду с ударными слогами раскрываются широкими мелодическими разводами (песни д. Черная Река); например, № 1.



В других песнях распевается большинство слогов попевками из 2-3-4 и более звуков, благодаря чему получается гибкий, узорный мелодический рисунок. Такая распевность особенно характерна для песен д. Гридино; см., например, № 23.



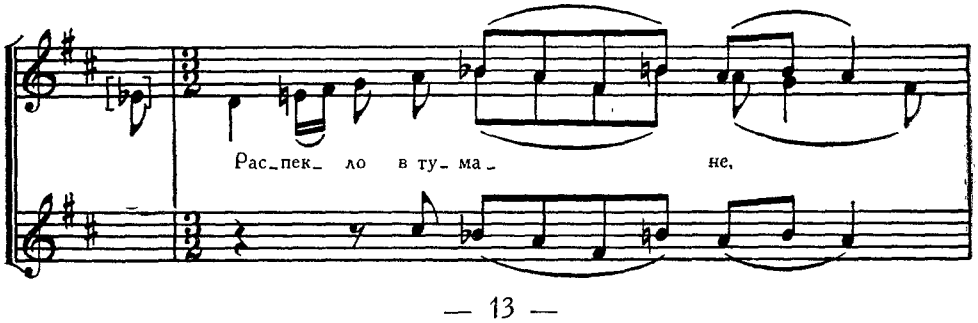
Запевает всегда средний голос (в двухголосии — нижний), который и является главным, ведущим. К нему сразу присоединяются два подголоска. Верхний подхватывает инициативу ведения мелодии. Параллельное движение двух верхних голосов терциями и секстами сочетается с расходящимся и встречным движением, унисонами. Нередки секунды, кварты, квинты, тритоны, встречается и параллельное движение этими интервалами.



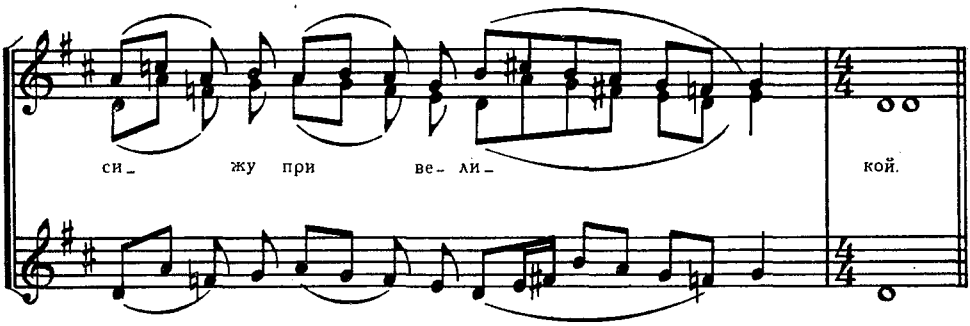
Третий голос повторяет то первый, то второй, часто октавой ниже, свободно переходя из одного голоса в другой, временами приобретая значение самостоятельного полифонического голоса.

Если проследить за ходом главного напева, интонационного стержня, можно заметить, что после запева он переходит к первому голосу. В дальнейшем же он то соединяется со средним голосом, то появляется в третьем. Таким образом, здесь нет ясного деления на главную партию и подголоски, которые выдерживались бы на протяжении всей песни, а есть голоса, которые вместе «творят» главный напев. Благодаря широкой распевности форма музыкальной строфы протяжных песен хорошо развита, состоит из 2-3-4 фраз или предложений с довольно свободной ритмической организацией внутри строфы (№№ 1, 5, 21, 22 и др.). Но так как мелодические разводы и другие элементы распевности имеют в основном строго закономерный характер, то песня в целом получает очень стройную форму. Только сольный запев первой строфы, а иногда и вся первая строфа отличаются от последующих и интонационно, и построением (это наблюдается и в других песенных жанрах, и в былинах).

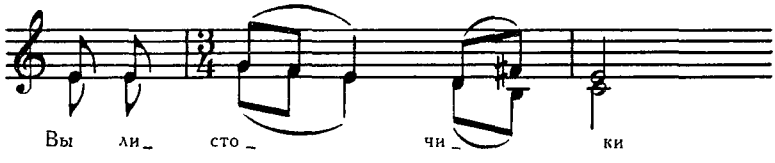
Большинство протяжных песен, за исключением песен с октавным удвоением, поется в диапазоне септимы, реже сексты. В ряде песен напев основан на квинтовой интонации. В одних — восходящий квинтовый шаг заполняется нисходящим движением к тонике; лад расширяется за счет VI и VII ступеней, опевающих квинту. Завершается музыкальная строфа в этих песнях разрешением квинты прямо в тонику (№ 4). В других песнях мелодия плавно движется между мягко опеваемой соседними ступенями квинтой и тоникой (№ 8).



Медленные распевы дают возможность, не нарушая общего движения мелодии, варьировать высотным положением отдельных ступеней. Ярким примером является песня «Распекло в тумане». Тоника ре, варьируются III, VI и VII ступени, лад осложнен несколькими тональными отклонениями.



Очень характерно варьирование VI ступени лада: (см. № 19, а также №№ 3, 4, 5).



Многие напевы целиком основываются на дорийском ладу (№№ 10, 13, 61), редко — миксолидийском (№№ 27, 37). В ряде песен первая и конечная фразы имеют различную ладовую структуру, лад переменный (№№ 23, 33).

Кроме протяжных, в Поморье широко известны «частые» песни. По композиции, художественным образам и общему эмоциональному тону они очень близки к традиционным русским частым песням. В большинстве своем жизнерадостные, разнообразные по содержанию, песни эти отражают положительные стороны жизни и быта крестьянства: счастливую любовь, дружбу и согласие между молодыми людьми, добрые взаимоотношения в семье. Возможно, что благодаря своему жизнеутверждающему характеру эти песни хорошо сохранились в Поморье до настоящего времени и известны всем возрастам. Среди них есть шуточные («Мой муж не стонул, не болел — киселя захотел», — № 70; «Попридумал комарочек жениться»), сатирические бытового характера («Куделька»,[33] «Теща про зятя пирог пекла»,[34] «Собирались ребятушка», — № 123, и др.). Частых песен, в которых говорилось бы о неудачах в жизни, о грусти в разлуке с милым, о переживаниях девушки, связанных с замужеством поневоле, мало. Одни частые песни имеют небольшой сюжет (не всегда он бывает законченным): «Я младым-млада, младешенька» (№ 80), «Вдоль по улице Ванюша» (№ 72); другие состоят из набора разнообразных мотивов, не связанных между собой единой сюжетной линией: «Красна девушка ходила бережком» (№ 92), «Уж ты, Аннушка, не плачь» (№ 115) и др. Иногда эти мотивы настолько разнообразны, что передать содержание песни становится трудно. В Поморье такие песни называют «набирухами»; в них допускается свобода импровизации, и наиболее искусные песенницы легко составляют такие тексты.

---

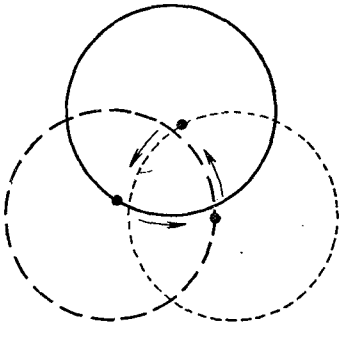
[33] См.: Архив КФ, колл. 45/67.
[34] Там же, колл. 45/233.

Многие частые песни в прошлом сопровождали пляски и исполнялись на беседах, вечеринках, свадьбах, гуляньях.[35] Кроме общеизвестной кадрили, в Поморье были распространены другие пляски (которые «водили» или под которые «ходили»), точнее их можно было бы назвать орнаментальной ходьбой, так как каждая имела свой рисунок, по которому двигались участвующие. К числу таких плясок принадлежат «тройка»,[36] шестерка»,[37] «одеянка»,[38] «змейка»[39] и самая популярная — «утушка»,[40] с нею, по-видимому, и связано местное название песен — «утушные». Устойчивого (единого по Поморью) закрепления определенной песни за той или иной пляской нет. Та или иная песня иногда могла сопровождать в одной деревне «утушку», в другой — «тройку», в третьей — «кадриль». Но в силу давних местных традиций в каждой деревне есть свои избранные песни, исполняющиеся только при определенной пляске. Так же, как и среди протяжных, в числе частых немалое количество старых песен, известных по сборникам Чулкова, Прача, Герстенберга («Мне сказали про девицу» — № 83; «По калинову мосточку» — № 66; «Я воскресен день обедню прогуляла» — № 125; «Во селе, селе Покровском, среди улицы большой» — № 99; «Уж вы лужки, вы лужки мои» — № 91), но не все тексты таких песен в одинаковой мере хорошо сохранились. Целый ряд частых песен Поморья представляет собой импровизацию местного характера, они не встречаются в публикациях, а некоторые в прошлом были записаны только в Олонецкой губернии («Уж ты зимушка, зима»,[41]

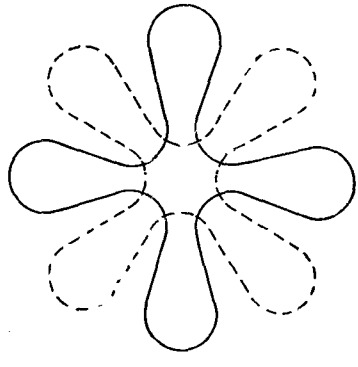
[35] «Прежде гармони не было, так „ходили" под песни», — рассказывали исполнительницы.

[36] В орнаментальной ходьбе участвует любое количество лиц. «Тройкой» начинают «ходить» всегда 3 человека по определенному орнаменту, а за каждым первым, ведущим, может встать любое число участвующих в танце лиц. «Тройка» сопровождается пением песен: «Я по жердочке шла», «Да спосеяли девки лен», «Во лузях» и др.

[7] Шестеркой «ходят» парами по такому же орнаменту, что и «тройкой», таким образом начинают плясать сразу шесть человек — три пары. «Шестеркой ходят» под песни «Что ль над речкой, над рекой», «Уж ты Дуня, Дуня» и некоторые другие.



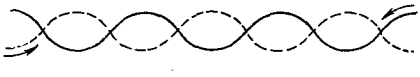
«Тройка», «шестерка»



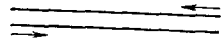
«Одеянка»

[38] «Одеянка» имеет более сложный рисунок; для сопровождения ее поют, например, «Уж ты, Ванюша, Ваня, Иван».

[39] «Змейкой» ходят по извивающейся линии, навстречу друг другу, большей частью под сопровождением игровых («полевых») песен.



«Змейка»



«Утушка»

[40] «Утушку водят» парами; взявшись за руки, идут по прямой линии сначала в одну сторону, а затем поворачиваются и идут обратно.

[41] См.: Архив КФ, колл. 52/18.

«Голубочек сизенький»).[42] Иногда они имеют несложный напев или произносятся речитативом.[43]

В «утушных» песнях ярче, чем в других песенных жанрах Поморья, нашли отражение черты местного колорита. В них можно встретить названия известных в Поморье рек, крупных торговых городов и сел, с которыми тесно была связана экономическая жизнь населения в прошлом. Неоднократно упоминаются Архангельск, Петербург, Новгород, старые крепосцы Гоморфест, Тромсен, Вардегуз:

Долго ждался, дожидался,
В Тромсин город отправлялся... (№ 71).
Я по осени приеду, тебе подарок привезу,
Подарочек дорогой да перстенечек золотой,
Я из гавани платок да саморфистый[44] поясок,
Я из гавани сережечки брильянтовые,
Из Архангельска атласу, на семи шелках прикрасу.[45]

Я по осени приеду, подарочек привезу...
На белую грудь цепочку, а на шею янтари,
Я из Тромсина платочек, с Гоморфеста поясок,
Я из Англии камаши с переплеточкамы,
Тонки беленьки чулочки со решеточками,
Из Архангельска матерью семишелковую.[46]

Встречаются и местные географические названия:

Я поеду в городок торговать,
Онежски товары закупать,

или

Нигде нет такого молодца,
Ни в Шуньге,[47] ни на ярмарке.

В отдельных текстах частых песен имеют место элементы локальной прикрепленности. Так, старая песня «Деревня от деревни неподалеку стоит» в Поморье имеет свой зачин: «Сорока[48] от Старчины[49] неподалеку стоит» (№ 109). «Дунай-речка», наполненная слезами горюющей девушки, сравнивается с архангельской Двиной, рекой Кемью, Колежомскими ручьями, бегущими в Белое море (№ 115). Обращают на себя внимание с любовью воспетые в частых песнях отдельные образы, связанные с морем: голубое судно, тонкие белые паруса, серебряные цепи, новый золотой якорь, раскрашенный, размощенный карбасок, шелковый невод; все это придает поморским песням особую окраску.

В отличие от протяжных на один напев частой песни нередко поется несколько текстов различного содержания (так, например, на напев «Уж

---

[42] Там же, колл. 42/93.

[43] Например:

Угорела, весь денечек не могу,
Провалялась весь денечек на полу.
Голова болит, нет моченьки,
Жаль хорошего Алешеньки,
Две косыночки Алешеньке дала,
На косыночке каемочка была.

Записано от А. Д. Ефремовой в д. Калгалакша, январь 1964 г.; см.: Архив КФ, колл. 51/36.

[44] Поясок, привезенный из Гоморфеста, маленькой норвежской крепосцы.

[45] Текст записан от М. И. Елисеевой в г. Кеми, июнь 1963 г.; см.: Архив КФ, колл. 42/72.

[46] Текст записан от А. И. Ефремовой в д. Калгалакша, январь 1964 г.; см.: Архив КФ, колл. 51/14.

[47] Шуньгская ярмарка в Олонецкой губернии была известна как крупный местный торговый пункт.

[48] Старое название г. Беломорска.

[49] Один из островов возле г. Беломорска.

ты Дуня» (№ 75) в процессе записи было исполнено до девяти разных текстов). Характерными для Поморья являются «утушные» песни с распевной округлой мелодией, с довольно медленным темпом. Они сопровождали хороводы («одеянку», «утушку»); в их напевах как бы претворен плавный, размеренный шаг. Очень хороши «утушные» песни, записанные в г. Кеми и в с. Шуерецком. Величавое движение мелодии как бы украшается попевками из 2—3 звуков, что придает песням особую прелесть (см.: «Как у наших у ворот» — № 96, «Уж ты Ванюша» — № 94, «Совевали ветерочки» — № 95 и др.).

«Кадрильные» и так называемые «троечные» и «шестерочные» песни более быстрые или, как в народе называют, «крутые». Первому ритмически и мелодически более плавному предложению противопоставляется второе, которое поется скороговоркой, равными длительностями (см.: «Уж ты Дуня» — № 75, «Да спосеяли девки лен» — № 78, «Что ль над речкой» — № 107).

Игровые песни в Поморье называют «полевыми» или «луговыми» (реже «игрищными»). Вероятно, такое наименование они получили по месту их исполнения. Обычно «полевые» песни разыгрывались на весенне-летних гуляньях («гульбах»), проводившихся на полянках, лужайках, сухих берегах рек,[50] т. е. там, где весной быстрее таял снег и молодежь могла перенести свои веселые сборища из тесных изб на широкий простор.[51] Эти гулянья приурочивались к большим старинным праздникам (Николину, Троицыну, Иванову, Петрову дню). Наиболее многолюдной, красочной и веселой была первая весенняя «полянка».[52] Молодежь одевалась в самые праздничные костюмы. Особенно старались вырядиться девушки.[53] На «полянах» пели различные песни, «водили утушку», танцевали кадриль, играли, «ходили воротами». В ряде деревень такие гулянья открывались пением «полевых» песен. В д. Черная Река, например, гулянье обычно открывалось исполнением песни «Кругом города царева» (№ 128).

Репертуар игровых песен в Поморье довольно ограничен: в 1963—1965 годы их было записано около двух десятков. В наибольшем количестве и в лучшей сохранности такие песни найдены в д. Черная Река. В основном это старые русские народные игровые песни, большинство которых известно уже с XVIII столетия. В них отражены процессы труда (полевые работы, обработка льна), картины семейного быта, раскрывается любовная тема. Обычно в Поморье «игровые» песни разыгрывались драматургически или сопровождали круговые хороводы; те же традиционные игровые, в которых театральный элемент был выражен менее ярко

---

[50] В отдельных деревнях сохранились местные названия таких полянок: в г. Кеми известна «сыпуха» — сухой песчаный берег, «кряжки» — сухая горушка, усеянная мелкими камешками; в с. Шуерецком «делать полянку» выходили на «бабью горушку».

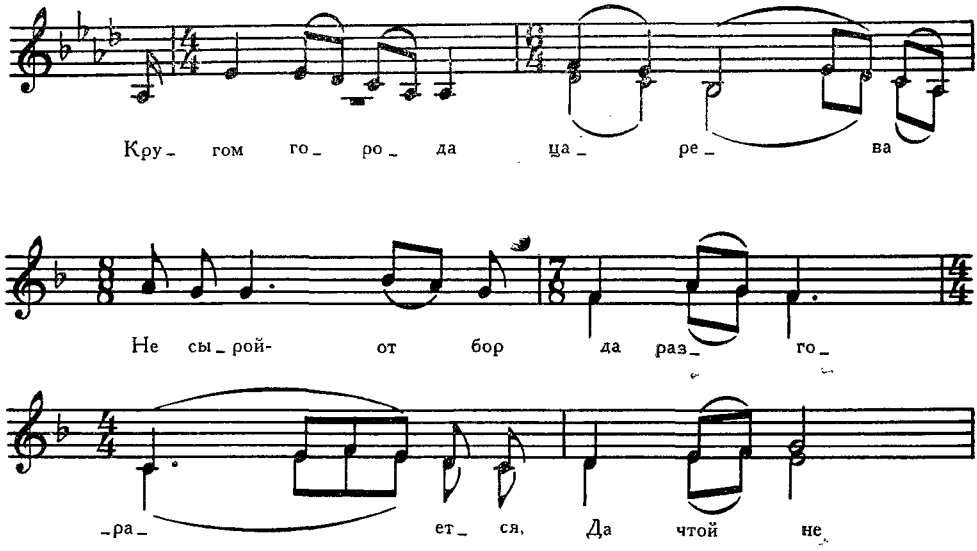
[51] Осенью («с Покрова») устраивались «посиделки»; «сидели» в откупленном для этих целей доме или просторной бане. Когда не было керосиновых ламп, «сидели» с сальниками. Девушки приходили на посиделки с работой (шитьем, вязаньем), молодые женщины смотрели, пели песни.

[52] Она проводилась в Николин день, ею открывались все весенне-летние гулянья. «Лишь бы дождаться Никольского поля», — мечтали девушки, — «а там уж пойдет веселье». Заключительное гулянье проводилось в Ильин день.

[53] Наряд девушки-поморки представлял собой цветной сарусный или шелковый сарафан, подпоясанный широким ремнем с большой блестящей пряжкой; под сарафан надевалась белая сорочка с пышными рукавами, украшенными лентами и кружевной оборкой («колотником»); на плечи накидывался большой шелковый платок с кистями, скреплявшийся на груди нарядной брошкой. Шея украшалась бусами, жемчужными нитками. Головным убором служила повязка, вышитая бисером; молодые женщины носили повойник. В настоящее время такие костюмы не носят, но сохраняют для выступления в концертах художественной самодеятельности.

или вообще был утрачен, местное население относило к «утушным» («Вдоль по речке, вдоль по Казанке» — № 135, «Мимо тех, мимо каменных палат» — № 141). В настоящее время «полевые» песни в игровом обиходе не встречаются; любители и знатоки исполняют их как обычные лирические, и то очень редко. По-видимому, в силу этих обстоятельств отдельные тексты в записи последних лет по сравнению с известными печатными вариантами несколько обеднены.

Оригинальной ритмикой отличаются несколько игровых песен в д. Черная Река: на напев с капризным, синкопированным ритмом свободно ложится поэтический текст, что дает перемещение музыкального акцента с ударного слога в одном слове на неударный в другом. Это делает напевы очень своеобразными и грациозными. Ритмика этих песен, вероятно, идет от тех времен, когда под их мелодию разыгрывались игры и пение «подлаживалось» под игру. Таковы, например, песни «Кругом города царева» или «Не сырой-от бор»:



В северной части Поморья есть и величальные свадебные песни, но святочные и величальные игровые припевки очень редки. Из святочных песен записан далеко не полный текст лишь одной колядки, исполнявшейся на рождественской неделе при «святовании»; возможно, что широкого бытования она не имела и прежде. Святочная колядка Поморья имеет сходство с колядками других районов Севера, но содержит свой зачин («Звезды падывали, перепадывали», № 142). Отдельные образы и мотивы сближают ее с колядками средней и нижней Печоры (прославление хозяйства воспеваемого лица, высказывание благих пожеланий хозяину иметь полный двор скота, дойную корову, густое молоко и сметану). Напев колядки построен на соединении терцовой попевки с нижней квартовой интонацией.

Святочная неделя в Поморье сопровождалась большим весельем. Из разных деревень съезжались многочисленные гости, молодежь собиралась на «вечеринки», «посидки», было принято ходить ряженными (их называли «гуляльщиками», «стариками», «тряпошниками»). «Гуляльщики» рядились в самые разнообразные костюмы: надевали на себя старую изношенную одежду, рогожи, вывернутые вверх мехом шубы, привязывали конские хвосты, колокольчики, на ноги прикрепляли старые бочонки, голову украшали оленьими рогами, а лица закрывали салфет-

ами или тряпками. В таких костюмах ходили парни. Девушек, разодетых в поморские сарафаны, называли «снарядны паньи». Ряженые гуляли по деревне, вечером заходили в дома, где были гости, плясали и пели, их благодарили, угощали праздничной стряпней. Среди девушек были распространены гаданья, связанные с будущим замужеством.[54]

В святки высматривали невест, а затем начиналось сватовство. Как и в большинстве других районов Севера, в быту Поморья традиционного свадебного обряда нет уже давно.[55] Старый обряд свадьбы здесь был записан экспедицией в 1964—1965 годы по воспоминаниям пожилых женщин, непосредственных участниц бывшей поморской свадьбы, с учетом всех основных элементов обряда в их последовательности и с уточнением местных особенностей.[56] Повсюду традиционными для поморской свадьбы являются сватовство, рукобитье, девиченье, «малый стол» у невесты и «большой стол» у жениха.

В Поморье долгое время сохранялись и другие старые элементы обряда свадьбы: выкуп невесты, предсвадебное прощание невесты с умершими родителями и причит на могиле, обязательный выезд невесты к родным с приглашением их на свадьбу и одаривание невесты.

Довольно широко были известны и свадебные величальные песни. Они исполнялись в процессе свадебного обряда (в основном на предсвадебной неделе), приурочивались к определенным его моментам (в доме невесты, перед венцом, за «малым столом») [57] и были предназначены жениху, невесте, свахе (брюдге), тысяцкому, а также другим многочисленным гостям — «свадебщикам». Богатому гостю исполнялась лучшая песня, менее состоятельному пели песню попроще.

По содержанию и художественным особенностям многие свадебные песни Поморья близки к общерусским старинным свадебным песням (например, «На горы, горы деревце», «Вдоль по речке-реке», «Из-за синего солоного», «По морю, морю синему, из-за Дунай» и др.), некоторые из них имеют сходство со свадебными песнями, известными на Печоре, Мезени, Пинеге («По горнице столовой», «По морю, морю»). Но есть и редко встречающиеся в публикациях; к ним относятся «Резвы ноженьки с подходом», «Ой, я вью около нового города», «Приобсели всю горницу». Свадебные песни на севере Поморья невелики по объему, большей частью они завершаются поздравлением лица, которому предназначена та или иная песня. Записывать свадебные песни было значительно труднее, нежели другие песенные жанры: отдельные тексты вспоминались не без

---

[54] Наиболее популярными были следующие: высматривание жениха в зеркале или в стакане с водой, на дне которого лежало золотое кольцо; литье олова; распознавание своего будущего по тени пепла от сожженной бумаги; бросание пепла на сугроб; сеяние снега сквозь решето; пропалывание снега с пением короткой песенки:

Полю, полю снежок, приговариваю,
Откликнись, собачка, откуль женишок?

Кроме этого, гадали, опуская чулок в прорубь; замыкали косу девушки замком; зачерчивали чертой шкуру убитого животного или зверя; вытаскивали дрова из чужих поленниц, угадывая при этом имя и черты характера будущего мужа. Были и другие виды гаданий.

[55] Местные жители утверждают, что последние свадьбы по старому обычаю в Поморье разыгрывались примерно по 30-е годы XX в.

[56] Свадебный обряд в южной части Карельского Поморья был записан в 30-е годы А. М. Астаховой. В 1964—1965 гг. записано 10 вариантов обряда на севере Поморья. Заметим, что в деревнях, где не было церкви, обряд совершался без венчания; это воспринималось как должное даже самыми пожилыми людьми, что объясняется, по-видимому, развитым в прошлом в этих местах старообрядчеством.

[57] Лишь в деревнях Гридино и Калгалакше величальные в честь гостей пели после венца, «за большим столом» на свадебном пиру.

труда, а некоторые вообще забыты, и восстановить их с напевами не представилось возможным. Кроме того, исполнительницы утверждали, что для пения свадебных песен нужна соответствующая обстановка обряда и петь их для записи по просьбе трудно.

На современной свадьбе величальных старинных песен не поют: в ней сохранился лишь свадебный пир и предсвадебная «вечеринка», где танцуют под гармонь, поют большею частью современные песни или старые лирические.

К свадебным величальным в Поморье относят и «виноградия», бытовавшие в ряде северных районов как величальные святочные. Известны два вида «виноградий» — «холостое», величающее жениха или невесту, и «женатое», прославляющее особо уважаемую пару женатых гостей. Когда-то и в Поморье, видимо, были известны оба «виноградия», но до настоящего времени сохранилось только одно — «холостое», да и то уже давно в живом бытовании не встречается. В вариантах, записанных в Поморье за последние годы, имеет место смешение мотивов «холостого» и «женатого» «виноградий». В своей основе и по целому ряду художественных образов поморское «холостое виноградие» (так называемое «девье») [58] близко к печорским величальным того же типа.[59] Но в зачине поморского «виноградия» упоминается достаток хозяина, его дом, стоящий на семи верстах и семидесяти столбах, окруженный железным тыном, муравой травой, лазуревыми цветами (что свойственно текстам «виноградия женатого»); остальная же часть текста посвящена личным качествам невесты, особенно ее необычайно искусному рукоделию. В «виноградии», славящем жениха или богатого гостя-свадебщика, действие развертывается в Москве, «середи Китая славного города». При исполнении этой величальной песни упоминались реальные лица, воспитавшие воспеваемого молодца. Такие упоминания в процессе исполнения для записи на магнитофон вызывали особый интерес у присутствующих.

В Поморье известны и свадебные причитания, но выявить и записать их было еще труднее, чем свадебные песни. Небольшие причиты невесты на могиле родителей и более стройные причиты матери, оплакивающей дочь в свадебное утро, являются импровизациями плакальщиц, владеющих лишь некоторыми основами поэтических приемов свадебных плачей. Людей, знающих полный текст оплакивания невесты, встретить не удалось. Обычай оплакивания невесты полностью исчез. Вполне возможно, что на севере Поморья причитания не представляли развитой части свадебного ритуала, как это было в других северных областях.[60]

Напевам свадебных лирических песен свойственно большое ритмическое разнообразие при относительно коротких мелодических построениях и нешироком диапазоне. Ритмическое разнообразие проявляется в частой смене тактового размера, затейливости ритмического рисунка, несимметричных построениях. Но, повторяясь из строфы в строфу, они создают новую, более крупную симметрию, организующую форму песни, похожую по рисунку на кружевной орнамент по неизменной канве.

По построению свадебные лирические песни делятся на три типа: к первому относятся песни, начинающиеся с запева, который как бы призывает начать песню, дает тональность, темп, после чего более не повто-

---

[58] Предназначенное девушке.

[59] См.: Песни Печоры, №№ 124, 125.

[60] Свадебные причиты, записанные в с. Шуерецком от Н. Е. Никитиной, уроженки Архангельской области, очень выгодно отличаются своей поэтичностью, своеобразными традиционными приемами и художественными образами, но никто из коренных поморок их не знает.

ается. Запев приводит мелодию к многократно повторяющемуся построению: эти построения по своей ритмике бывают различны.

Запев: $\frac{5}{8}+\frac{3}{4}+\frac{2}{4}$, $\frac{5}{8}+\frac{3}{4}+\frac{2}{4}$ и т. д.

Запев: $\frac{5}{8}+\frac{3}{8}+\frac{4}{8}$, $\frac{5}{8}+\frac{3}{8}+\frac{2}{4}$ и т. д.

Напев второго типа — куплетного строения. Запев очень короткий, лаконичный. Важным организующим ритмоцентром является припев, построенный из разных словосочетаний: «ой, рано, рано, ранешенько», «ель-елю», «э-хи да» и др. Ряд напевов строится из двух мелодически и ритмически несходных предложений. Некоторые из свадебных песен, сопровождавших пляски и хороводы, имеют простой акцентный ритм.

Величальные «виноградия» по своему построению близки к напевам второго типа свадебных песен. Здесь в виде припева повторяется словосочетание «виноградие да красно-зеленоё».

Четкий ритм запева роднит «виноградия» с частыми песнями. Размер $\frac{3}{2}$ в припеве придает песне торжественность.

Плачи, записанные нами, — песенного склада, с довольно широкими внутрислоговыми распевами. По характеру они скорее повествовательные, чем плачевые, тем более что имеют в основном мажорное наклонение. Музыкальные фразы представляют собой тип импровизации, поэтому расстановка тактовых черт очень условна.

Мажорное наклонение, простота голосоведения и терцово-секстовое соотношение голосов придают свадебной песенной лирике светлый характер.

Немалое место в устном народном творчестве Поморья занимает частушка; она известна здесь давно. Частушки исполняются на беседах, гуляньях, вечеринках, в праздничные дни и в обычной будничной обстановке, входят в концертные программы художественной самодеятельности колхозных клубов, домов культуры. Поют частушки большей частью под гармонь. Иногда начинает запевала, подхватывает хор, в других случаях собравшиеся поют поочередно друг за другом. Частушки известны в Поморье всем возрастам, много их записано от пожилых женщин, а молодые исполнительницы, не задумываясь, «сходу», предлагали их десятками.

Тематика поморских частушек разнообразна. Особенно широко бытуют любовные. В них, как и в песнях, отражен местный колорит: очень часто встречаются образы моря (море Белое, глубокое, ледовитое, синее, «солоное», взбушевавшееся), буйного ветра (ветерочка), лодочки-моторочки (шлюпочки). Здесь и милый-рыбак, отъезжающий на путину на лов трески, и уходящий вдаль пароход, и белокрылая чайка, и уточка, переплывающая море, и скалистые берега.[61] Иногда упоминаются названия

---

[61] Дайте лодочку-моторочку,
Моторное весло,
Перееду на ту сторону,
Платочек унесло.

Я любила сине морюшко,
Любила моряка
За красивую походочку
И цвет воротника.

Раскачайте-ка повыше,
Чтобы Кереть увидать,
Не пойдет ли мой хорошенькой
По Керети гулять?

Белокрыленькая чаечка,
Не ты ли мне сестра?
Раньше не было изменушки,
Не ты ли принесла?

(Продолжение см. на обороте)

местных деревень, рыболовецких колхозов. В поморских частушках нашли также отражение вопросы современного труда и быта: одни из них величают передовиков социалистического труда, поют об успехах своего колхоза, другие — шуточные или сатирические, созданные на местном материале, показывают недостатки в организации колхозной жизни, обличают нерадивых колхозников.

Исполнителями традиционных песен в Поморье в основном являются женщины. Перед нами прошло более ста исполнителей разного возраста. Среди них есть музыкально одаренные — А. И. Гукова из с. Шуерецкого, М. К. Андреева и С. К. Петрова из д. Черная Река, З. К. Мехнина из д. Гридино, З. М. Ломова и А. А. Минюкова из г. Кеми и многие другие. Знатоки песен хорошо известны в своей деревне, о них собиратель узнает сразу по приезде. В д. Поньгома, например, таким знатоком является П. В. Миккова, которая сообщила участникам экспедиции более 80 песен. Это не только хорошая исполнительница традиционной песни, но и своеобразный пропагандист, организатор молодых певцов. При ее горячем участии местная молодежь разучивает традиционные песни. Исключительной памятью обладает А. И. Ефремова из д. Калгалакша, от нее записано свыше 150 различных песен (протяжных, частых, свадебных, былин и баллад). Речь ее яркая, насыщена остроумными выражениями, пословицами и поговорками. По-своему интересна исполнительница М. И. Андронова [62] из с. Шуерецкого. Несмотря на преклонный возраст, болезнь и недуги, она была жизнерадостна. «Хоть горюй, хоть нет, а горем моря не переедешь», — говорила она. — «Не все горе надо плакать, не все горюшко тужить, половина надо горюшка на радость положить». В репертуаре М. И. Андроновой оказалось всего около 20 песен, но среди них редко встречающиеся.

Исполнять песни для записи на магнитофон обычно собирались небольшие группы женщин, по 4—7 человек, когда-то в молодости певших вместе. Узнав о цели записи, сразу соглашались прийти, пели много и охотно. Более ста песен записано от группы женщин в д. Гридино. В нее входили сестры Мехнины — Анна Самсоновна и Павла Самсоновна, П. В. Бутакова, А. И. Коновалова, З. К. Мехнина. Примечательно активное отношение этих женщин к записи песен: они старались дать наиболее полные тексты и правильный напев, в отдельных случаях спорили, уточняли свои сведения у более пожилых женщин, поясняли и воспроизводили ту или иную пляску. «Заводить» предлагали всегда З. К. Мехниной, вожаку их группы.

Очень интересным был небольшой коллектив в д. Черная Река. Здесь в основном пели женщины пожилого возраста: М. К. Андреева, сестры Петровы — Мария Константиновна и Соломанья Константиновна, А. Г. Таурьянен и П. П. Нифакина,[62a] прекрасно знающая песенные тексты. Запевалой была М. К. Андреева. «Как Марфа начнет возгудать, так приходи глядеть! У Марфы весь род такой, все поют», — говорили о ней в деревне. И действительно, солдатские и некоторые другие песни она

Это морюшко глубоко,
Не измерять будет дна,
Уехал миленький далеко,
Не увижу года два.

Едет шлюпочка по морю,
Знакомый парусок,
В этой шлюпке две карелки
И знакоменькой дружок.

Ягодиночка, у Белого
У моря постоим,
Ягодиночка, про прежнюю
Любовь поговорим

(из Архива КФ, колл. 35, 36, 59).

[62] Умерла в 1966 г.
[62a] Умерла в 1970 г.

исполняла вместе с братом, Е. К. Игнатьевым. Большим энтузиазмом отличались шуерецкие песенницы М. И. Мосорина, Е. А. Богданова, А. В. Дорофеевская, много песен исполнила А. И. Симонкова.

В каждой группе была своя запевала, или как они называли, «заводила», лучшая певица, которая хорошо знала текст и напев. Без запевалы группа оказывалась беспомощной. Каждая запевала «заводила» песню по-своему. Очень энергичная запевала гридинской группы З. К. Мехнина делала свои замечания исполнительницам после окончания каждой песни, хвалила или критиковала подруг: «Что вы поитё-то, бабы! Ведь на машинку пишут!». Для ее запевов характерны «придыхания» в начале песни. В с. Шуерецком А. И. Гукова, начав песню, чутко прислушивалась к пению других, помогала, где появлялась «слабинка». У Анны Ивановны красивый, светлый голос и хороший слух. От нее записано много сольных вариантов песен. Запевы М. К. Андреевой из д. Черная Река имели очень грустный, даже скорбный характер (особенно в песнях протяжных). После своего запева Марфа Кузьминична совершенно отключалась от остальных, вся отдавалась переживаниям, вызванным пением. За ходом песни здесь следила С. К. Петрова, которая вела третий голос, а иногда и запевала.

У каждой певческой группы свои особенности, своя исполнительская манера. В деревнях Черная Река и Гридино сохранился обычай старинного народно-песенного распева с мелодическими разводами, повторами. Для их исполнения характерно интонационное варьирование, октавные удвоения. В остальных местах (в Поньгоме, г. Кеми, Калгалакше) многие песни поются также в старинной манере, но все же они менее распевны, исполняются больше в терцово-секстовых последованиях, в унисон. Октавных удвоений нет. В Черной Реке поют в низком регистре: фа, соль малой октавы, соль—си^1 (запевает низкий голос), звук открытый, грубоватый, манера пения мужская. Встречается верхнее октавное удвоение. В гридинской группе тесситура выше: ля, до^1—до^2, ре^2, звук довольно резкий, особенно напряженно звучат песни, где из-за нижнего октавного удвоения приходится петь выше, чем для певиц свойственно. Музыкальностью, красивым звуком, мягкой, свободной манерой пения отличаются певческие группы д. Поньгома и г. Кеми. Поют в основном в первой октаве (до^1, ре^1—до^2), шуерецкая группа пела в более высоком регистре ми^1, фа^1—ре^2, ми^2).

Наряду с различиями между певческими группами есть черты, общие для всех. Это — плавный, спокойный характер исполнения, глубина чувства, удивительная непосредственность восприятия содержания песен. Характерным также для всех является большая свобода вступления голосов, огласовка согласных [по-д(ы)-ружка, собра-л(ы)-ся]. Певческие группы, собранные нами для записи, предварительно не спевались, и можно было только удивляться мастерству певиц, которые, несмотря на преклонный возраст, сумели сохранить такой обширный репертуар.

* * *

Северная часть Карельского Поморья относится к числу мест, где традиционная песня хорошо сохранилась и дожила до наших дней. Многие песенные тексты, записанные в последние годы, полнее и стройнее лучших прежних записей. При самом общем знакомстве с вариантами записанных песен становится очевидно, что сюжетные очертания их устойчивы. Изменению подвергались отдельные строки. Контаминация текстов встречается редко. Большею частью песня бытует с единым зачином. Неоднократны примеры, когда многочисленные варианты одного и того же

сюжета имеют единый зачин (в Поморье), тогда как зачины известных печатных вариантов того же сюжета разнообразны.[63]

Сохранению песенной традиции в какой-то мере способствуют местные хоры и хоровые группы, где собираются обычно лучшие местные певческие силы разных возрастов. Но, к сожалению, таких хоров в настоящее время в Поморье очень мало, и оживление в их работе наступает лишь перед смотрами художественной самодеятельности или большими праздниками.[64] Местное население любит свои «долгие» и «утушные» песни,[65] но полноценной жизнью они живут преимущественно среди старшего и среднего поколения. Молодежь старые песни не поет, не знает ни текстов, ни напевов. Зато население Поморья проявляет большой интерес к современной песне. Многие песни советских композиторов известны не только молодежи, но и среднему, даже старшему поколению.[66] Разучивают эти песни на слух — по радио, кинофильмам, но выбор зависит от художественного вкуса исполнителей. Активному проникновению советской песни способствует тесное общение населения, особенно молодежи Поморья с населением промышленных поселков (на рудниках, в леспромхозах, новостройках), где, кроме местных жителей, немалое количество рабочих, приехавших из других областей. Приезжие пополняют репертуар Поморья также и своими традиционными песнями.

В деревнях Подужемье, Поньгома, поселке Чупа вместе с русскими певицами в хорах участвовали карелы. Они хорошо знают русскую песню. Подужемские исполнительницы карелки утверждали, что русская песня среди карел известна очень давно.

* * *

Говоря о состоянии традиционного песенного фольклора северной части Карельского Поморья, следует особо отметить былины, былины-баллады и исторические песни, записанные в 1963—1964 годах в Кемском районе.

На общем фоне богатейшей эпической традиции Севера Карельское побережье в прошлом выглядело довольно бедно.[67] Характеризуя состояние былевого эпоса районов Севера, А. М. Астахова отмечала, что преобладающими среди былин Карельского Поморья (включая южную его часть и Кемский район) являлись былины-баллады и новеллы, а «героическая былина представлена немногими сюжетами».[68] Это наблюдается при знакомстве и с публикуемыми записями. Обращает на себя внима-

[63] В качестве примера назовем «Распечальное девушкино сердце», «Невеселенька наша компаньица», «Я нигде своего дружка не вижу», «Не шумите-ко, листочики лавровые» и некоторые другие.

[64] Много хоровых групп было создано в 30-е годы, а также в 1956 г. при подготовке к республиканскому празднику песни. Постоянно действующим хоровым коллективом на севере Поморья, исполняющим старые песни, до последнего времени являлась лишь народная группа Кемского Дома культуры, которая в меру своих сил и возможностей старалась сохранять местную традицию.

[65] При записи песен на магнитофон почти всегда собирались слушатели. В одной из деревень по просьбе населения собирателями была подготовлена местная радиопередача записанных здесь песен. Слушатели строго оценивали исполнение, сожалели, что не все любимые песни прозвучали, возмущались при малейшем искажении напева или пропуске слов, давали советы исполнителям на будущее.

[66] В д. Гридино пожилые исполнительницы настойчиво предлагали для записи на магнитофон известные им песни советских композиторов.

[67] Об этом в начале XX в. писали А. Д. Григорьев (Григорьев, стр. XIV) и А. В. Марков («Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. А. Масловым и Б. А. Богословским». Труды музыкально-этнографической комиссии, ч. II. М., 1911, стр. 14—15). Заметим, что тщательного изучения былинной традиции в Кемском районе в дореволюционное время не проводилось.

[68] Аст. I, стр. 51.

ние, что былины на севере Поморья в советское время записывались преимущественно в Кемском р-не, главным образом в деревнях Гридино и Калгалакша. Известны записи И. Этиной из этих деревень; при их изучении оказалось, что по сравнению с немногочисленными дореволюционными материалами из указанных деревень[69] тексты 1935 года менее полны, в ряде случаев не закончены, в некоторых наблюдалось смешение сюжетов.[70]

Спустя 20 лет после Этиной в деревнях Гридино и Калгалакша вновь производились записи былин, былин-баллад и исторических песен.[71] Кроме известных для Кемского р-на, в 1956 году здесь были выявлены три новых сюжета,[72] а также записана редкая историческая песня о Щелкане Дудентьевиче.[73] Былины и былины-баллады в этом районе сохранились до наших дней. В 1963—1965 годы при изучении песенной традиции в деревнях Гридино, Калгалакша и Поньгома еще раз удалось записать 11 текстов былин, 17 былин-баллад (в том числе один отрывок) и 2 исторические песни. Все эти жанры местное население называет «стихами» и считает их родственными. Исполнителями на этот раз были те же женщины, которые сообщали свой репертуар собирателям в 1956 году.[74] Исполнительницы с уважением вспоминали своих предшественников, у которых им пришлось слушать и «перенимать стихи». В основном это были их родственники. А. И. Ефремова, будучи тринадцатилетней девочкой, слушала «стихи» у своей бабушки — Анны Андреевны Данильевой из д. Летняя Река Кемского района. «Бабушка моя была памятна, знала столько шуток да прибауток, „стихов" разных, что и не пересказать, — говорила она. — 103 года прожила она, долговечна была старуха. Да я-то мала была, не все и помню». П. В. Миккова (уроженка д. Калгалакша) вспоминает, что «стихи» слышала от своей матери — Евдокии Васильевны Редькиной. А. Т. Бурая утверждала, что слышала пение былин у своего деда, предки которого были пришельцами из новгородской земли. Более прочно знала былины Анастасия Васильевна Иванова.[75] Ее учителем был родной дядя — Иван Матвеевич Мехнин, коренной помор, работавший в свое время на рыбопромышленника Норкина. «Мой дядя много „стихов" знал, любил их петь, пел хорошо, люди собирались его слушать. Я рыбачила с ним на тонях, тоже слушала да и запоминала», — рассказывала нам Иванова. От него же ею усвоена историческая песня о Щелкане Дудентьевиче.[76]

Наиболее разнообразен репертуар у двух исполнительниц — А. В. Ивановой и А. И. Ефремовой, причем тексты Ивановой полнее и крепче. Эта скромная, не очень разговорчивая старушка обладала хорошей памятью. Без малейшего затруднения загадывала десятки загадок, знала много песен,[77] но особую симпатию питала к «стихам», относилась к ним

---

[69] Имеются в виду записи А. В. Маркова.

[70] Аст. I, стр. 41.

[71] Материалы не опубликованы. См.: Архив КФ, колл. 35, 36. Былины и былины-баллады были также встречены в д. Поньгома и с. Шуерецкое.

[72] «Илья Муромец на заставе», «Сухмантий Одихмантьевич» и «Саул Леванидович».

[73] К. В. Чистов. Новая запись о Щелкане Дудентьевиче. См.: ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 510—512.

[74] Исключение составляет одна исполнительница — З. К. Мехнина из д. Гридино, сообщившая единственную балладу (№ 188).

[75] Умерла в 1967 г.

[76] В 1909 г. от И. М. Мехнина песня о Щелкане была записана А. В. Марковым. Опубликована Б. Н. Путиловым. См.: Русский фольклор. Материалы и исследования, III. М.—Л., 1959. Были ли сделаны Марковым от этого исполнителя другие записи, неизвестно.

[77] Назвав ряд песен, Иванова отказалась их исполнить. Многие пожилые женщины пение песен в старческом возрасте считают отступлением от «неписанного закона». По-видимому, в этом сказывается давнее влияние старообрядчества.

с особым уважением. Повторив сюжеты, которые она сообщала в 1956 году, Иванова вспомнила былину о Казарине, былину-балладу о Романе и Марье Юрьевне. Неплохо владея характерными приемами эпической поэзии, Иванова придерживается соблюдения былинной обрядности, использует средства ее художественной выразительности. Этой исполнительнице известны отдельные детали, редко встречающиеся даже у крупных мастеров эпического жанра.[78] По количеству текстов Ивановой не уступает исполнительница А. И. Ефремова из д. Калгалакша, но ее тексты неполноценны, в художественном отношении бедны и композиционно не завершены. Тексты былин и былин-баллад в записи 1964—1965 годов неодинаковы по качеству и своим художественным особенностям и у других исполнительниц. Былинная традиция в этом небольшом микрорайоне на севере Поморья, так же как и в других районах Севера, претерпела разрушение. Записанные былины короткие, в них утрачены общие места, нет развернутых зачинов, яркие художественные описания редки. Исполнители охотнее рассказывают, чем поют известные им тексты (поют лишь их часть или начальные строки). Перед записью на магнитофон А. В. Иванова предупредила: «Петь много не буду, попою, докуда духу хватит, а там доскажу: что хошь делай, не могу».[79] Но тут дело, по-видимому, не в физическом состоянии пожилого человека. «Сказывание», а не пение былин в Гридине и Калгалакше уже было отмечено при записи их в 1935 году.[80] Петь былину мешает отсутствие стройности текста. В записанных былинах и былинах-балладах нередки прозаические вставки,[81] завершающие фразы,[82] встречаются сказочные обороты речи; [83] кроме того, наблюдается перенесение традиционных мотивов из одного сюжета в другой,[84] путание и выпадение имен.[85] В Поморье известны случаи, когда небольшой кусок былинного текста бытует как самостоятельный текст и воспринимается в качестве лирической песни.[86] В кемских записях былин и баллад встречаются мотивы местного характера, которые приближают былину к обыденной, привычной исполнителям обстановке.[87]

Все исполнительницы эпических жанров — очень пожилые женщины, 60—75 лет. Среднее поколение былин не знает и особого интереса к ним

---

[78] Так, например, в тексте о Потыке герой, заживо погребенный вместе с женой-чародейкой, колокольным звоном из могилы извещает богатырей о своей беде.

[79] Ссылаясь на то, что «не бежит голосочек», с трудом пела А. Т. Бурая из д. Гридино, отказалась петь и рассказывала былину о Соломоне А. П. Костина из д. Калгалакша. Заранее предупредив, что текст будет путаным, рассказывала былину об Илье Муромце А. В. Иванова.

[80] См.: Аст. I, стр. 41.

[81] Такие явления в кемских былинах были отмечены А. М. Астаховой по записям 1935 г.; мы считаем необходимым подчеркнуть, что это же наблюдается и у исполнителей 1963—1965 гг.; они как бы стараются помочь слушателю понять сказанное: «Ну, калики-то таматко и говорят-то ему»; «Вот и пошли оны вперед попадать»; «Вид-то у его уже теряется» и т. п.

[82] «А у Алеши голову свернул с плеч и забрал свою жену»; «Пирком, пирком да и за свадебку»; «Ну, молилась, наверно, богу-то еще до пота, поклоны кланялась, да уж он и не видит как... Да и все!»; «А потом ей похоронил, да эту девку замуж взял».

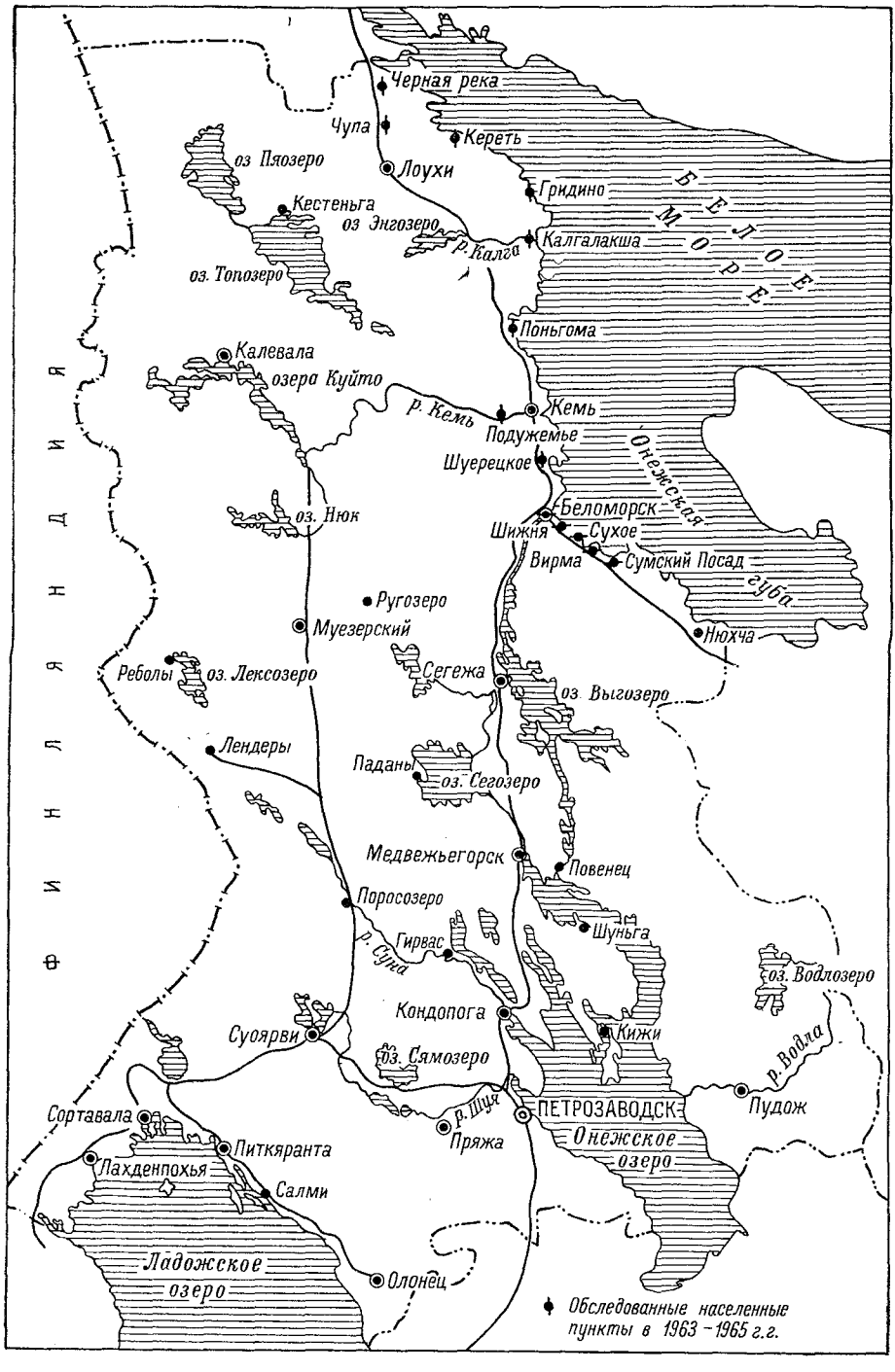
[83] «И стали жить-поживать да добра наживать»; «Фу, фу, фу, да как я долго по чисту полю бегал».

[84] Эпизод о дележе добычи татарами из былины «Казарин» используется в сюжете «Илья Муромец и разбойники» (№ 191).

[85] В былине «Добрыня и Алеша» (№ 200) имя Алеша заменено именем Михайло.

[86] См. № 205 — плач полоненной девушки. Точно такой же случай был зафиксирован А. Соляковой в 1948 г. в с. Кереть Лоухского района. См.: Архив КФ, колл. 58/49а; текст записан от Е. И. Ладиной.

[87] «Марья ... пришла ... на море большущее, а там рыбаки сидя» ... (№ 188); мать спускает колоду с Марфидой «в речку быструю-каменистую» (№ 186); Домна говорит о своем женихе: «кудерки желты да заонежские, речь у Васильевича корельская» (№№ 184, 195).



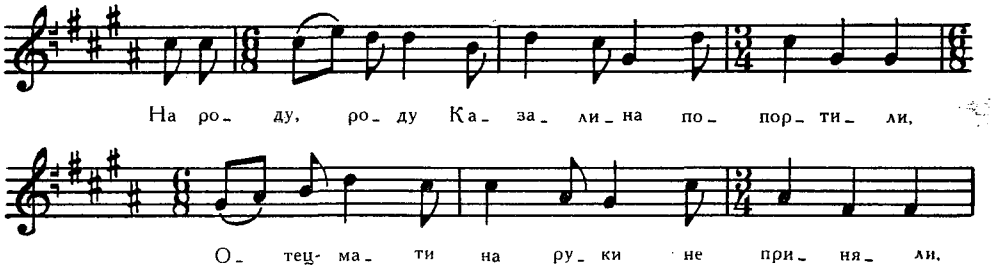
Карта-схема экспедиций 1963—1965 гг.

не проявляет. С каждым годом исполнителей былин становится все меньше и меньше. В связи с этим сужается и круг сюжетов. Изменения в составе репертуара происходят также и из-за дефектов памяти. Известные сюжеты забываются (правда, встретились и обратные случаи, когда вспоминаются ранее не записанные от данного исполнителя тексты).[88] В д. Калгалакша исполнительница А. И. Ефремова сделала попытку спеть былину «О Дюке Степановиче» (№ 196 — сюжет, ранее не встречавшийся на Карельском побережье), но ее текст оказался сильно деформированным; пропев небольшую часть былины, она перешла на сухой прозаический пересказ.

Повседневного бытования эпоса среди населения северной части Карельского Поморья в настоящее время нигде не встретилось. Каждый из исполнителей заявлял, что «стихи» забываются и мало кто их теперь знает. «Стихи не поют у нас давно, — рассказывала А. И. Ефремова. — Раньше посты знали, вот стихи-то и пели, а нонь все жито, да быто, да все и перезабыто. Живем теперь по-новому: радио есть, да кино есть, да и все есть. Молодежь и не слушает эту старину, а мы, старушки, если и споем когда, так разве что для себя». Явления такого порядка, когда сами исполнительницы говорят об исчезновении эпоса, отмечены в ряде других районов. Наши наблюдения на севере Поморья лишний раз это подтверждают.[89]

Несмотря на все это, нам все-таки удалось записать 26 былинных напевов от пяти исполнительниц. Каждая из них поет свои тексты на два-три напева. Первый напев, на который исполнено большинство былин, можно назвать типовым напевом данного района с оговоркой, что каждая исполнительница в ходе пения варьирует его по-своему. Это — тип ритмизованного сказа. Ритмический склад характеризуется спокойным, плавным движением мелодии с внутренней трехдольной пульсацией. Размеры $\frac{6}{8}$, $\frac{9}{8}$ состоят из ритмоячеек, в которых акцентрируется первая доля — обычно одна четвертая или слигованные две восьмых.

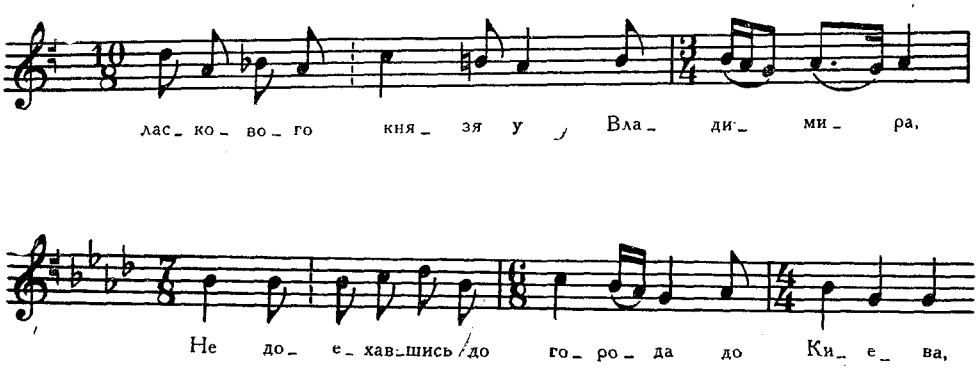
Кадансы с ритмически растянутыми последними слогами придают напеву стройность, законченность. Во многих напевах между 1-й и 2-й строчками появляется полукаданс, заканчивающийся, в отличие от конечного, на второй ступени:



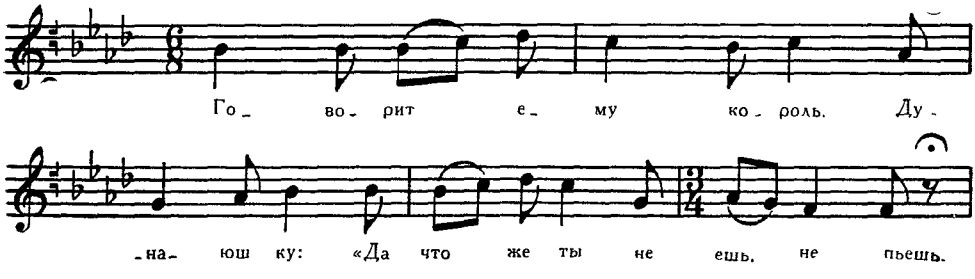
[88] В д. Поньгома П. В. Миккова вспомнила не записанную от нее ранее былину «О Добрыне и Алеше»; А. Т. Бурая рассказала былину «Об Илье Муромце» («Илья на заставе»). В то же время она не могла вспомнить текстов о Хотене, Дунае и Настасье Королевичне, записанных от нее в предыдущие годы; А. П. Костина из д. Калгалакша вместо трех довольно полных сюжетов, записанных от нее в 1956 г., смогла вспомнить лишь один. Отдельные исполнители ссылались на полное забвение былин, а путать в таких случаях считали «делом неприличным».

[89] См.: Э. Померанцева. Судьбы былевого эпоса в послевоенные годы. — Русская литература, Л., 1963, № 4; Н. Колпакова. На Мезени. — Сов. этнография, 1960, № 2; Н. Полищук. В поисках былин. — Вестн. Московск. унив., 1958, № 1, Серия историко-филол.

Напев тесно связан со стихотворным текстом былины: увеличение или уменьшение размеров стихотворной строчки влечет за собой изменение временно́й протяженности напева. Вместо $\frac{6}{8}$, $\frac{9}{8}$ появляются размеры $\frac{5}{8}$, $\frac{7}{8}$, $\frac{10}{8}$, $\frac{11}{8}$, но традиционный каданс и здесь остается неизменным:

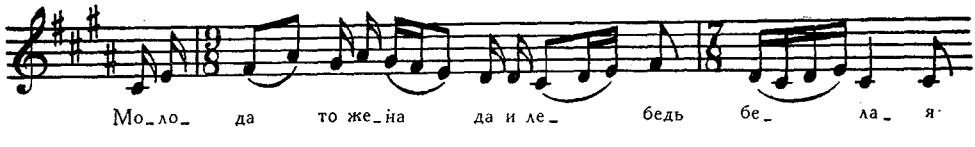


Иногда полукаданс в двухстрочных напевах стирается, исполнительница как бы проходит его:



С этим напевом А. В. Иванова поет 8 былин из 10, А. И. Ефремова — 6, П. В. Миккова — 3, А. Т. Бурая — былину и историческую песню.

Во втором напеве широко используются мелодические разводы из 3-4-5 звуков. По характеру он близок к причитаниям:



(№ 189; см. также №№ 193, 200, 202).

Трехдольность и кадансы сохраняются. Наряду с размерами $\frac{6}{8}$, $\frac{9}{8}$ появляются $\frac{3}{4}$, $\frac{6}{4}$, $\frac{5}{4}$.

Третий напев — менее употребляемый — декламационного склада, с четким, в некоторых случаях пунктирным ритмом (№№ 186, 206).

Былинные напевы Поморья неширокого диапазона, основаны на простых диатонических ладах. В некоторых напевах встречается варьирование высотного положения III ступени. К определенным сюжетам напевы не прикреплены.

* * *

Публикуемые песни записаны в тех населенных пунктах Кемского и Лоухского районов, где песенная традиция обследовалась менее 10 лет тому назад. Несомненно, что за этот короткий промежуток времени не могло произойти существенных изменений ни в составе репертуара, ни в текстах. Наблюдения собирателей, проводивших работу в одних и тех же районах в разное время, позволяют более уверенно утверждать, что песенный репертуар на севере Поморья в основном выявлен. За последние годы из общего состава песен Поморья выбыли отдельные тексты, не встреченные в 1963—1965 годах; песен, не записанных в предыдущие годы, экспедиция также нашла немного.

Материалы экспедиции 1963—1965 годов показали, что многие традиционные песни Поморья являются общерусскими традиционными песнями, записаны в других районах еще в дореволюционные годы и известны в неодонократных публикациях. Вместе с тем на севере Поморья имеются и редкие песни, по-видимому, забытые в других районах и почти не встречающиеся в публикациях советского времени; одни из них широко бытуют в Поморье до настоящего времени, другие сохранились в памяти ограниченного круга исполнителей. Наиболее своеобразной в этом отношении является д. Черная Река Лоухского района, где записаны редкие протяжные, свадебные и игровые песни, представляющие интерес и в музыкальном отношении.

В репертуаре певцов-поморов и сегодня имеется материал, восходящий к XVIII веку: в записях 1963—1965 годов более пятидесяти таких песен. Сохранность их текстов неодинакова: одни (например, «Распекло в тумане», «Уж вы горы», «Как у наших у ворот») более близки к старым записям; в других («Уж вы лужки», «Ой, не дождичком у красной девушки», «Во селе, селе Покровском», «Мне сказали про девицу» и др.) сохранилась только часть известного в XVIII веке текста или его основа.

В настоящее время, когда данный сборник своим «северным» репертуаром дополняет «южные» записи С. Кондратьевой, можно говорить о поморской песенной культуре в целом, изучать ее особенности. Оба собрания свидетельствуют о большом богатстве, высоких художественных качествах, своеобразии напевов и прекрасной сохранности песенной традиции Карельского Поморья. Они послужат материалом для изучения не только песни русского Севера, но и русской народной песни вообще.

А. П. Разумова
Т. А. Коски

ТЕКСТЫ

I. ПОМОРСКИЕ ПЕСНИ

ЛИРИЧЕСКИЕ ПРОТЯЖНЫЕ

1

Не кукушица ли да вона [1] во сыром бору да вона скуковала,
Э... эй, да как скуковала,
Ой, да не красавица ли о... она в новом тереме да сго...
Да э... эй, да сгоревала.
Уж, да уж я сам-то, я сам есть доброй молодец, сам я сгорева...
Ой как сгоревался,
Ой, да я малы́м, мало́й-то, маленькой мальчишечко,
Я от отца остался, оставался.
[Ой, да я родной своей маменьки, я вовсе не запо...
Ой, как не запомнил].
Ой, да еще кто же меня сиротиночку да во...
Дак воскормил-поил?
Ой, да воскормил-поил ме... меня сиротиночку да ве...
Ой, весь мир правосла...
Да православный мир.
Возлелеяла да ме... меня сиротиночку-то,
Ой, чужая сторонка,
Ой, незнакома.
Ой, да завивала мои кудерышка русыя девица кра...
Ой, девица да красавица.
Изошел-то я всю-то Волгу-ма... ой, да Волгу-матушку,
Да из конца в конец.
Не нашел-то я отца с матерью, а нашел ду... ой, да душечку,
Девицу да красавицу,
Нать [2] душечке-девице мне писемце писа. ..
Писати да написати,
А не умеет она писемце чита... читати
Да прочитати.

2

Заболели мои но... ой, ноженьки,
Эх, да с почтово́й-то дороженьки,
По дорожке-то едучи,

[1] Она.
[2] Надо.

Э... эй, да заболели мои ру... ой, рученьки,
Эх, да от роботушки да от чужой,
От проклятой тяжело.
Ой, да защемило серде... ой, сердечико,
Ох, да ой, да я не знаю-то, к чёму быть.
Не могу я знать, чему быть,
Да своего ли дружка ми... милого,
Ой, да не могу я его забыть.
Не могу его забыть,
Да я куда ли ни схожу, ой, схожу со горя,
Ой, да везде тошно-то стало мне.
Все тоскливо-то без дружка,
Ой, да у кого ли ни спрошу про... ой, про печаль,
Ой, да люди плакать-то все велят,
Люди плакать мне велят:
«Да ты поплачь, ой, поплачь, де... ой, девушка,
Ой, да погорюй-ка, бедна, по ём,
Все по молодце да своем».
Ой, да я не буду по ём пла... ой, по ём плакать,
Ой, да перестану я тосковать,
Я не буду-то тосковать,
Да лучше я буду красна де... ой, девушка,
Ой, себе по совести прибирать,
По согласьишку буду искать.
Да проторил милой доро... ой, дорожечку,
Ой, да сам не стал-то больше ходить.
Не стал к любушке ходить,
Да пропустил он, дурак, да худу... ой, худую славу,
Ой, да спокинул-то больше любить,
Да спокинувши, ой, да боле вечно-то не любить.

3

Цветики, вы цветики лазурёвыя!
Э... эй, как что, ой, что же вы ли да невесело, цветики, да цвели?
Ох разве-то бы вам, да цветочкам, дожди-те были да малы,
Как лю... ой, лютые ли да морозики крепко студёны,
А лютые да морозики крепко студены?
Как на... ой, на эти ли на цветочики шел-то маленькой дождь,
Ох, на эты на цветочики шел-то маленькой дождь.
Как на... ой, на всю-то, на всю, на осённую было темну ночь,
Ой, на всю ночь осённу было да темну ночь.
Как не... ой, не дали мне с миленьким дру́жком постоять,
Ой, не дали с любименьким дру́жком постоять,
Как в очи лю.. ой, любезного дружочика поругать,
Ой, в очи-то любезного, в очи поругать.
«Ой, как ду... душечка ли ты, удаленькой доброй молодец,
Ой, душечка, удаленькой добренькой молодец,
Что же ты до... ой, долго не женишься, миленькой дружок?
Что же ты не женишься, миленькой дружок,
Как меня... ты меня, красну девушку, замуж не берешь,
Как меня, красну девушку, замуж не берешь?».
«Поверь, ты моя, поверь, моя любушка, будут-то времена,
Поверь, моя любушка, будут-то времена,
Как по... ох, помрут-то у молодца весь род, все племена,
Как помрут-то у молодца весь род-племена,

А как во.. ой, возьму раскрасавицу замуж за себя,
Как возьму да раскрасавицу замуж за себя».
А как рощица, ты моя рощица зелененька,
Роща, ты моя рощица зелененька!
Ой, во этой-то во рощице горенка да стоит,
Во этой во рощице горенка да стоит,
Как во этой ли да во горенке девушка да сидит,
Как во этой во горенке девушка сидит,
Сидит-то она, раскрасавица, песенки да поет,
Как са... ой, сама-то она слезно плачет, все причитывает,
Сама-то она слезно плачет, причитывает:
«Как чтой-то это теперь за годики, пошли времена,
Чтой-то теперь за годики, пошли времена,
Как сушат-то крушат меня, девушку, дальни города,
Сушат-крушат меня, девушку, дальни города,
Плачу [1] все по девушке прежни друговья [2]».

4

Ветерочки, да ветры, вы легоньки да голосочки,
Голосочки, да полно вам, ве... ветёркам,
Да тянуть, ве... тянуть, веять.
Тянуть, веять, да на мои ли
На сеночки но... сени новы.
Сени новы, да мои вы сеночки,
Да сени, не качай... не качайте,
Не качайте да тесовую кровать,
Кровать не трясите да не трясите.
Не трясите да меня, девушку,
Да девку, да не буди... да не будите.
Не будите, да хошь вы разбу́дите,
Да меня не браните, да не браните.
Не браните, да без того ли-то мне-ка,
Девушке, девке, тошно.
Девке тошно, да пособить горюшку,
Горю неможно да невозможно.
Невозможно, да любил-то миленькой,
Сам-то споки... сам спокинул,
Сам спокинул, да в глаза он с душечкой
Насмеялся да насмеялся,
Насмеялся, да при беседушке мой милой
Похвалялся да похвалялся,
Похвалялся, да при компаньице мой милой
Избесчестил да избесчестил.
Избесчестил, да не спасибо
Дружку-то милому да вот милому.
Вот милому, да любезному да не благодарствую
Свету да дорогому да дорогому.
Дорогому, да уезжает-то мой миленькой
В дорожку да во дорожку.
Во дорожку, да оставляет-то в тоске он меня,
В кручины да во кручины,
Во кручины, да зажигает-то с огнем

[1] Плачут.
[2] Друзья.

Милой лучину да вот лучину.
Вот лучину, да со лучинки он сронил,
Милой, искру да сронил искру.
Сронил искру, да ко ретивому он
К сердчушку близко да сердцу близко,
К сердцу-то близко, стало близко,
Да стала искра разгораться да разгораться.
Разгораться, да стала-то девушка-то,
Девка, стала слезно плакать да слезно плакать.
Слезно плакать: да чем мне-ка искра,
Искра да затушить да затушити.
Затушити, да затушу-ко я искорку
Слезамы да вот слезамы.
Вот слезамы, да молодец девушку
Да ласковыма словами, да вот словамы.

5

Шел-то Иванушко до... эй, да долиною,
Да шел он вечернею, ой, да порою, по утру да росой.
Утряной росой,
Да шла-то Машенёчка из... эй, да из садочку,
Да несла в рученьках два... ой, да два веночка, да сама говорит.
Сама говорит,
Да как чтой-то вона ли сама,
Эй, да говорила, да пастушка да бранит.
Пастушка бранит:
«Да как уж ты, па́стух, ты па... ой, да пастушочек,
Да па́стух, девушкин же... ой, да женишочек, не спокинь-ко меня.
Не спокинь меня,
Да как ты-то спокинёшь, па́стух,
Да спомянешь, ты спомянёшь да меня».
Да как па́стух девушку испугался,
Да па́стух девушку испугался,
Па́стух девушкин же... ой, да женишочек,
Пастух девушкин да женишочек,
Он-то туда ли, сюда, пастух, бросался.
Он туда ли, сюда бросался, да со скотиночкою, ой, да отправлялся.
Со скотиночкою да отправлялся,
Он домой поспешал, домой поспешал,
Да ко своей жены, он к хозяюшке, к женочке верныя.
К хозяюшке, к женочке верныя,
Да служаночке он всю правду сказал,
Служаночке он всю правду сказал, тайно он объявлял.
Тайно объявлял:
«Да ты, жена ли, моя хозяюшка, женушка верная,
Хозяюшка, женушка верная, ой, да служаночка, не жди меня ночевать.
Служаночка, не жди меня ночевать,
Меня звали, почитали, ой, да почитали во лужках да гулять.
Во лужках-то гулять,
Да что на тот ли лужочек,
На прекрасный бе... ой, да бережочек, да где-то Машенька ждет,
Где-то Маше́нечка ждет».
Да как наша Машенька да прелукава,
Да за ракитов куст запала, да пусть мой миленький пройдет,
Пусть он пройдет.

Да стал мой миленькой на проходе,
Он да своей Мани не находит, не знает, да где ей взять,
[Где ей взять].
Да не стерпело-то Ма... ой, у Маши сердчушко,
Да звонким голосом, ой, да закричала: «Да здеся, милой,
Здесь я, любезной».
Да тут Иванушка возра... ой, да возрадова́лся,
Да за ракитовой куст, за ракитов куст бросался.
Да за белы рученьки брался,
Да ей целует, ой, да милует,
Он крепко к сердчушку прижимал, он Машенькой называт.
Машенькой называт:
Да ты-то, Машенечка черноброва,
Да ты зачем же любишь? Да ты много бросила да меня бросила,
Бросила меня».
Да как тут-то Иванушка осердился да пошел он,
С Машенькой, ой, да не простился, он толкнул Машу в грудь.
Толкнул Машеньку в грудь,
Да встала-то Машенька, отряхнулась, да не видал никто,
Не видал никто, да никто-то Машеньку не увидел.
Не увидел,
Да один миленькой изобидел,
Ой, да изобидел, некому было отнять.
Некому отнять,
Родной-то батюшка, ой, да во дорожке,
Родна-то матушка, ой, да во слободке, братцы-то за стрельбой.
Ой, да за стрельбой,
Да как одна-то меньша сестрица,
Всему дому-то домовица, да не знает она про то.

6

Ой, не дождичком-то у красной девушки белоё лицо
Смочило да помочило,
Ой, как не морозичкамы да ретивоё сердцо́
Да зазнобило, да зазнобило.
Ой, да как все смочи́ло у девушки белоё лицо
Слезамы да вот слезамы,
Ой, да как зазнобило у красной да ретивое сердцо́
Кручиной да вот кручиной.
Все-то ведь тужучи да все ведь плакучись
По дружочку да по подружочку,
Да как чтой-то по ласкову, по приметливому
По словечку да по словечку.
Скажут-то, хорош-пригож мой задушевной друг
Уродился да уродился:
Ох, уж как он ростичком да он ростичком,
Красотою да красотою,
Ой, как всей молодецкою да он поступочкой
Щегольской да щегольскою.
Ой, да он-то совсем-то, совсем доброй молодец
Присобрался да присобрался,
С отцом-матерью-то да распростился,
[Распростился да распростился].
Позабыл он с красной девицей,
С ей проститься да распроститься.

С половины-то пути-дорожечки милой
Воротился да воротился,
Он заметил-то девичий зеленый сад,
Близко становился да становился,
И снимает темную фуражечку,
Низко поклонился да поклонился.
Он сказал-то, сказал красной девице:
«Живи во здоровье да во здоровье,
Найдешь лучше —
Ты меня забудешь да позабудешь,
А найдешь хуже —
Ты меня спомянешь».

7

Уж вы го́ры, вы горы́, эх, горы Воробье...
Ой, да Воробьевския,
Воробьевския горы́, го́ры вы Моско...
Ой, да вы Московския,
Ой, да ничёго-то вы, горы́, ой, го́ры, да не споро...
Ой, да не спородили.
Ой, да вы ни травоньки, горы́, ни мура...
Да ни муравоньки.
Да спородили-то вы, горы́, го́ры, сер-валу...
Ой, да сер-валучей камень.
Да из-под камешка-то течет, ох, течет речка бы...
Ой, да речка быстрая.
Речка-то быстрая течет, ох, течет заводи...
Ой, да заводистая.
Ой, да возле реченьки стоял, стоял част раки...
Ой, да стоял част ракитовый куст.
Во кусточике сидел, сидел млад сизой...
Ой, да млад сизой-то орел.
Ой, да во когтях-то орел дёржал, ох, держал ясна-то со...
Да ясна сокола.
Ой, что не сокола держал, дёржал черна во...
Ой, да держал он черна ворона.
Он-то не бил да не трепал, все выспрашива...
Ой, да все вестей выспрашивал:
«Еще где, ворон, летал да где, сизой, поле...
Ой, да где, сизой, полетывал?
Ой, да ты чего, ворон, видал, да ты чего пови...
Ой, да ты чего повидывал?».
«Ой, да я летал-то, летал, ле́тал по темны...
Ой, да по темным-то лесам».
«Ой, да ты чего, ворон, видал, чего повида...
Ой, да чего повидал?».
«Я видал-то, видал, ой, да чудо чу...
Ой, да чудо чудное,
Чудо я чудное видал, ой, да тело бе...
Ой, да тело белое,
Тело-то белое я видал, [тело] молоде...
Ой, как молодецкое,
Ой, да молодецкое тело́, [те́ло] безоте...
Ой, да безотецкое.

Чтой ко этому телу́ летело три ла...
Ой, да ле́тело три ласточки,
Чтой-то три ласточки лете..., ле́тели коса...
Ой, да три косатыя,
Перва-то ласточка села́, се́ла-то ко буй...
Ой, да села ко буйной головы,
Друга ласточка села́, се́ла на белу,
Ой, да на белу-то его грудь,
Третья-то ласточка села́, се́ла-то ко резвы...
Ой, да села ко резвым его ногам.
Да перва ласточка плачёт, плачет, как река,
Ой, да плачёт, как река шумит,
Ой, да друга ласточка плачёт, плачет, как ручья-то шумят,
Как ручья шумят,
Ой, да третья ласточка плачёт, как роса падет,
Ой, да плачёт, как роса падет.
По утру-то роса падет, ко дню вся повы...
Ой, да ко дню вся повысохнет,
А весной ручья текут, ко лету повы...
Ой, да ко лету повысохнут,
А мать Дунай-то река течет, она никогда...
Ой, да она никогда не высохнет.
Перва ласточка-то была как родная ма...
Ой, да как родная матушка,
Ой, да друга-то ласточка была родимая се...
Ой, да родима его сестра,
Третья-то ласточка была молода жена...
Ой, да молода его жена,
Ой, да молода жена плачёт, плачет до гуля...
Ой, да плачет до гуляньица,
Ой, как родна сестра-то плачёт, плачет до заму...
Ой, да плачет до замужьица,
Ой, как родна-то матушка плачёт, плачет до гробно...
Ой, да до гробной она доски».

8

Красно солнышко, да ты зайди-ко за небеса,
Ой, да поскорей ты того катись за темные за леса.
Ой, да светел месяц, ты-то останься-ко за горой,
Ой, да мы оденемся, эх, да ночною-то тёмнотой,
Мы оденемся да ночною-то темнотой,
Ой, да люди ведают да все от горести да чужой.
Как людям-то нужно знать да всю кручинушку слез моих,
Эх, како [1] дело-то доходить людям до меня,
Како дело ходить людям до меня?
Ой, да мил уехал, ушел жить во дальние города,
Ой, да нету весточки да нет писемчика от дружка,
Да нет словесного-то наказика от его.
Ой, да напишу, что позабыл ты, радость, меня,
Да без тебя-то, милой, постыл, ой, весь белой свет.
Днем-то не видят да ничего-то мои да глаза,
Ой, да наступает на их все горючая да слеза,
Покрывает-то их да ночная темнота.

[1] Какое.

«Да уж вы девушки, да вы подруженьки да мои,
Не шутите-ко вы над великою над тоской,
Не делите вы скуки-горюшка моего.
Как придет-то времячко, да вы узнаете-то его,
Да та злодейка не минует вас никого».[1]

9

Не по реченьке-то лебедушка да плывет,
Да не ко мне ли-то родна маменька идет,
Не ко мне ли-то родна маменька идет.
«Ты поди-ко, поди, да родна маменька, сюда,
Поди-ко, поди, да родна маменька, сюда,
Погляди, посмотри да на несчастного да меня,
Погляди, посмотри да на несчастного меня.
Эй, как я, молодец, во чужих я людях да живу.
Как я, молодец, во чужих-то людях живу,
Да не по плису я, не... не по бархату хожу,
Ой, да не по плису я, не по бархату хожу,
Да помалешеньку да я на белой свет гляжу.
Помалехоньку я на белый свет гляжу».
Разливалася да Волга-матушка да река,
Разливалася да Волга-матушка река,
Эх, спотопляла река да все болота и луга,
Спотопляла река да все болота и луга,
Да оставался один маленький лужок,
Собиралися все солдатики в кружок,
Да что один-от[2] солдат позади круга́ гулял,
Что один-от солдат позади круга́ гулял,
Да он ходил-то гулял, себе товарища искал,
Он ходил-то гулял, себе товарища искал.
«Ты, товарищ, приятель, дружок дорогой, (2)
Да не с одной ли со сторонушки со мной,
Не с одной ли со сторонушки со мной?
Да как не поедешь ли по билетику да домой,
Не поедешь ли по билетику домой?
Да не свезешь ли моему-то отцу да письмо,
Не свезешь ли моему-то отцу да письмо?
Да моей маменьке снеси особое друго,
Моей маменьке снеси особое друго.
Да молодой-то жены на словах ты ей расскажи,
Молодой-то жены на словах ей расскажи,
Ты скажи-ка, скажи, что я женился-то на другой. (2)
Да споженила меня да чужедальна сторона,
Да повенчала меня да сабля вострая коса».

Примечание. Этот текст поется на напев № 8.

10

Я не думала-то да на сем свете тужить,
Эх, да пришло времячко, начало сердцо́ крушить.
Пришло время, начало сердцо́ крушить,

[1] Иногда исполнители поют эту песню, повторяя каждую строку по два раза.
[2] Один-то.

Да с воздыханьица-то сердечку да тяжело.
С воздыханьица-то сердечку тяжело,
Да я не вижу-то любезно́го дружочка-то своего.
Я не вижу любезно́го дружочка своего,
Да где я увижу — да наглядеться я не могу.
Где увижу — наглядеться я не могу,
Да злое времячко часто свидеться нам не даст.
Злое времячко часто нам свидеться да не даст,
Да ли́хи людюшки замечают и глядят.
Ли́хи люди замечают и глядят,
Да меня, девушку, да все ругают и бранят.
Меня, девушку-то, ругают и бранят,
Да не послушала-то руганья да ничьего.
Не послушала руганья-то ничьего,
Да полюбила я любезно́го дружочка своего.
Полюбила я любезно́го дружочка своего,
Полюбила, да теперь-то нет дружка при мне.
Полюбила, теперь-то нет дружка при мне,
Да я при миленьком-то резва да весела.
Я при миленьком-то резва да весела,
Без любезного-то я печальна и больна.
Без любезного да я печальна и больна,
Да уж я столь-то больна, да во постелечку легла.
Уж я столь-то больна, да во постелечку легла,
Всю постелечку да я бокамы облегла. (2)
Да две подушечки я все слезами облила.
Две подушечки я все слезами облила,
Да во слезах я не могу письма писать.
Во слезах я не могу письма писать,
Да не с кем тайного-то словечка наказать.
Не с кем тайного-то словечка наказать,
Да не с кем низкого-то поклона-то отослать,
Не с кем низкого-то поклона отослать.
Да вечер был-то я на почтовом, новом на дворе,
Вечер был я на почтовом, новом на дворе.
Получил-то я сейчас от любушки письмо. (2)
Как распечатал, да сам головкой-то покачал.
Распечатал, да сам головкой покачал,
Стал читать, и полились-то слезы́ из глаз. (2)
Да пишет любушка да сударушка моя,
Пишет любушка да сударушка моя:
«Не сбирай-ко ты караводов без меня, (2)
Да караводички не утешат горьких слез».

11

Не ясён сокол-то, сокол по борам лётал,
За лебедочкам да лётал,
По борам лётал, он лебедей искал,
Эй, все-то лебедочек-то искал.
Нашел стадышко да стадо он на крутой горы,
Эй, по край крутенькой да горы.
На крутой-то горы, горочке, край быстрой реки,
Эй, по край быстренькой да реки
Все лебедочки, все-то сидят да белешеньки,
Эй, ровно беленький да снежок.

Что одна-то лебедочка была побелее,
Побелее-то была она всех,
Побелее-то была лебедочка, поспорядливее,
Поспорядливе она была всех,
Поспорядливе она была, подогадливе,
Подогадливе она была всех.
Да с куста на́ куст она перелетывала,
Эй, перелетывала,
На мила дружка да часто взглядывала,
Эй, часто взглядывала.
Скажут мой-от милой да хорош-пригож,
Ох, расхорош-то, душа, пригож,
Расхорошенькой пригож, он в лужках гулял,
Ой, в лужочиках гулял,
Во лужках гулял, он тяжело вздыхал,
Ой, тяжелешенько да вздыхал,
Тяжело вздыхал он не по батюшке
И не по матушке своёй вздыхал,
Не по матушке он вздыхал-то — по любезненькой,
Ой, по любезной-то вздыхал по своёй.

12

Полно-ко солнышку да из-за лесу да пекчи,
Из-за лесику краснеть,
Полно-ко кра. . . красному да в саду яблочки да сушить,
В саду яблочки сушить,
Да полно-ко девушке да по молодцу плакать-тужить,
По удаленьком тосковать.
А еще как мне, девке, да не плакать будет не тужить,
Мне не плакать уж не тужить,
Да такого дружка, ой, да на сем свете мне будет не нажить,
На сем свете мне не нажить,
Да чтой ли-то не ростиком, не, ой, да не возро́стиком,
его красотой,
Не во́зрастом-то красотой,
Да всей ли молодецкою да поступочкой бравой, щегольской,
Поступкой его щегольской.
Да чтой-то на молодца, ой, да незгодушка подошла,
Незгода подошла,
Да как на удаленького на судару́шка, девка гневна,
Судару́шечка она гневна,
Уж как она столь гневна судару́шечка, она гневна,
Уж как она столь гневна,
Да сердита она на дружка, ой, да как сердита,
Сердита на дружка.
Да как она сердится да не встретится,
Не встретится она со мной,
Да хошь и встретится, да не кланяется она мне,
Ох, не кланяется мне,
Да хоть-то поклонится да отворотится,
Сама-то прочь пойдет.

13

[Вы], премилые девушки, да вы придите-ко в гости к нам,
Попросите-ко батюшка вы меня-то в гости к себе,
Попросите батюшка да вы меня в гости к себе,
У родимой матушки в зелен садик погулять,
У родимой матушки да в зелен садик погулять.
Есть-то у нас во садику, есть забава да хороша,
Есть у нас во садичку, да есть забава хороша.
Забава премилая, на древах-то лисьé шумит,
Забава премилая, да на древах лисьé шумит,
Под кусточком ташицы [1] шибко, звонко да говорят, (2)
Молодой соловьюшко летит, свищет мимо сад. (2)
Спрошу я у соловьюшка, тужит ли милой-то по мне,
Спрошу у соловьюшка, тужит ли милой-то по мне?
Я по своем миленьком в кажной час-то по ём тужу, (2)
Я-то по хорошеньком постоянно слезы лью. (2)
Пойду я в нову горенку, лягу вничь я на кровать. (2)

14

Черноглазый, чернобровый, душа ты мой,
Ой, да неразлучная-то любовь у нас с тобой,
Неразлучная-то любовь наша с тобой.
Ой, да во дорожечку ты поедешь, душа мой,
По дорожке ты тяжелешенько вздохни,
Эх, да как меня горькую да несчастливую спомяни.
Спомни, миленькой, ты да веселые да часы,
Да во которы мы ве... веселилися с тобой.
Говорили с тобой мы секретны, тайные слова,
Эх, да только слышали да прекрасные древа,
Со которых древ-то я яблочки рвала,
Эх, да я рвала-то, рвала да дружку в руки я подала,
Я со той-то поры сударушкой слыла:
«Да сударýшечка, не гневайся на меня».

15

Гуляньё, ты мое гуляньицо,
Ой, да гуляньицо ты девушкино!
Взира... взираньё, мое взираньице,
Ой, да взираньицо ты молодцово!
Довело ты меня, гуляньицо,
Ой, да до славýшечки, до... эй, как и до худой,
До худой, ты меня до славушки,
Да до великого-то меня стыда.
Вот стыда, журит-бранит родной батюшка,
Ой, да гулять волюшки, мне воли не даст.
Вот не даст, родимая-то, родна матушка
Да любить дружочка мне вовсе да не велит.
Не велит, не жаль, не жаль мне-ка, батюшко,
Да житья-бытья не жаль мне вашего,
А родима матушка, не жаль вашего, родимая-то, родна матушка,

[1] Пташицы.

Ай, да не жаль платьица мне-ка вашего.
Вашего, жалко мне растошнешенько,
Ой, да любезного мне дружка-то своего.
Своего, с той бы пути да с той дорожечки
Да назад дружка, его я ворочу.
Ворочу: «Воротись ты, мой расхорошенькой,
Ой, да воротися ты, радость, назад.
Вот назад, ежель, милой, не воротишься,
Буду плакать, я стану тосковать.
Тосковать». — «Не плачь, не плачь, моя любушка,
Да ты теперича не плачь при мне.
Вот при мне, поплачешься ты, моя любушка,
Да после летика, бедна, ты без меня.
Без меня, увезут-то меня, как молодца,
Жить во дальни как в города.
Города, не прослышишь ты, моя любушка,
Да скорой весточки, бедна, ты про меня.
Про меня, пришлю я, пришлю я тебе, любушка,
А подарочек да, ой, подарочек дорогой.
Дорогой, пришлю я тебе подарочек:
С руки перстень пришлю я, свой патрет.
Вот патрет, если тебе когда стошнется,
Да на патретичек, бедна, посмотри.
Посмотри, да если тебе да разгуляется,
Да меня, молодца, ты дружка вспомяни».

16

Славна питерска дорожка неширока,
В долину-то была московска да неизвестна, (2)
Чтой никто-то по той-то дороженьке да не ходит,
Что никто-то по ей, широкой, да не гуляёт,
Только шли да прошли-то лекрутики молодыя,
Только шли-то — прошли лекрутики молодыя,
За има-то да йдут маменьки да родныя,
За има-то да йдут маменьки родныя,
По реду [1]-то бредут жены да молодыя,
По реду-то да бредут жены молодыя,
Во слезах-то пути-дорожечки не видят, (2)
В возрыданьице словечка да не промолвят.
Тут возго́ворят да лекрутики молодыя:
«Вы не плачьте-ко, наши маменьки да родныя,
Не рыдайте вы, глупы жены да молодыя,
Не стоптать вам будет дорожечки ногамы, (2)
Не смочить-то сырой земли да слезамы,
Не смочить-то сырой земли слезамы,
Не наполнить вам синего моря горючими».
Не ясен-то сокол с тепла гнезда слетает,
Молодой-то лекрут с фатеры да поезжает,
Молодой лекрут с фатеры да поезжает,
Не отец-то, не мать лекрутика провожает, (2)
Провожают-то лекруточка чужи люди, (2)
Чужи люди да чужи жены да молодыя,
Чужи люди да чужи жены молодыя,

[1] По ряду.

Приближенны да чернореч ски красны девки.[1]
Одна девица всех дале-то спроводила,
На прощаньице платочиком дарила, (2)
Не за то ли ее маменька да бранила, (2)
Не за то ли ей сударыня журила?
Мне-то не жалко шелкова нова платочка,
Жаль тошнешенько молодого да лекруточка.

17

Что у маменьки родимыя
Да три сынка было любимыя.
Нам которого в солдатики отдать?
Как у старшего семья больша,
У середнего жена больна,
А у меньшего-то нет никого.
«Уж вы дети, мои деточки,
Сыновья мои любимыя,
Вы сходите-ко во кузницу,
Уж вы скуйте-ко по ножичку,
Вы по ножичку булатныя.
Уж вы подьте-ко в чистое во поле.
Вы срубите-ко по прутышку,
Уж вы сделайте по жеребью,
Вы сходите на Дунай, быстру реку,
Вы спустите эти жеребья,
У которого куда понесет».
А у старшего ко бережку,
У середнего ко камушку,
А у младшего по речке понесло.
Тут уж меньший сын расплакался,
На отца, на мать разгневался:
«Разве я вас не кормил, не поил,
Разве я вас не обувал, не одевал?».
Закричали ему: «Лоб таки лоб».[2]
Резвы ножки подломилися,
Белы ручки опустилися,
Голова его шатнулася со плеч.
Подхватили тут молодца,
Подхватили разудалого,
Привезли его во Кемь-город привольныя,
Ко начальничкам-чиновничкам.

18

Чтой за год такой да за народ лихой,
[Ой, да за народишко лихой],
Ой, да сам не сводливой да переводливой.
Сам не сводливой да переводливой,
Ой, да не дают с дружком да во любе пожить,
Не дают с дружком во любе пожить,
Да во любе пожить, кровать нажить.
Кровать новая, моя тесовая,

---

[1] Девушки, проживающие в д. Черная Река.
[2] Т. е. забрить в солдаты.

Ой, да перина ли ты моя пуховая,
Ты периночка моя пуховая,
Ой, да две подушечки, обои думные,
[Две подушечки, обои думные].
Ой, да как одеялишко мое холодное,
Одеялишко мое холодное.
Ой, да за три годика сердечко слышало,
За три годика сердечко слышало,
Ой, да за три месяца да споведало,
За три месяца да споведало.
Ой, да за неделечку стала плакати,
За неделечку да стала плакати,
Да увезут дружка во солдатики,
Увезут дружка во солдатики,
Да новобраные, да во лекрутики,
Новобраные да во лекрутики.
Да уж тут дружка да провожать пошла,
Уж я тут дружка провожать пошла,
Да через три поля широкия,
Через три-то реки глубокия,
А да через три луга зеленыя,
Через три луга зеленыя,
А я до любушки, до каменно́й Москвы,
Я до матушки, до каменно́й Москвы.
Да уж я тут с дружком стала прощатися,
Уж я тут с дружком стала прощатися,
Я стала прощатися да расставатися,
Я тут с дружком стала прощатися,
Да три полка солдат да сдивовалися: (2)
«Да это кто, братцы, у нас прощается,
Это кто-то, братцы да расставается?
Да или муж с женой, или брат с сестрой,
Или муж с женой, или брат с сестрой?».
Ой, да что не муж с женой и не брат с сестрой,
Тут не муж с женой и не брат с сестрой,
Ой, да добрый молодец с красной девушкой.

19

Вы листочики да лавровыя,
Не шумите-ка, листьица, во саду,
Во саду, уж как дайте-ко сердцу зазнобчики,
Ретивому сердчику моему,
Ретивому сердцу моему.
Да что вдоль бережка, было вдоль камешка,
Весной-то ручья ли да текут, (2)
Да уж милую мою, хорошую
К венцу-то ей скоро поведут. (2)
Да что жених-то ведет ее за рученьку,
Сваха ведет-то ее да за другу, (2)
Да позади-то ее идет милый друг,
Уж он слезушки-то спроливат: (2)
«Да уж ты, милая, моя хорошая,
Сударушка ли ты моя,
Да я кормил-то, поил тебя до возраста,
Дрочил-нежил-то взамуж за себя. (2)

Да не досталася, моя хорошая,
Ни мне да ни брателку моему,
Ни брателку моему.
Досталася, моя хорошенькая,
Невежелку, глупому дураку. (2)
Уж ты милая, хорошая,
Хоть писемце-то мне напиши,
Хоть писемце-то напиши.
Или, милая, моя хорошая,
Платочком-то мне махни». (2)
«Я бы рада платочком махнуть,
Да закрыты мои глаза».

20

«Экой ты, Ваня, разудала, Ванюша, голова,
Да сколь ты далече уезжаешь, Ванюша, от меня,
Сколь ты далече да уезжаешь, Ванюша, от меня,
Да на... на кого ты спокидаешь, друг, ты, Ваня, меня,
На кого ты да спокидаешь, друг, Ваня, меня,
Да с кем ты оставишь эту зимушку, Ванюша, зимовать,
С кем ты оставишь эту зиму, зимушку зимовать,
Да с кем ты дозволишь лето красно-то гулять,
С кем ты дозволишь лето красно-то, Ваня, гулять?».
«Да гуляй, ты гуляй, гуляй девушка-то, гуляй одна,
Гуляй, ты гуляй, да гуляй, девушка, гуляй одна,
Да я-то уеду, да не приеду го... ой, как года два».
«Экой, ты, Ваня, да что ты сделал, Ванюша, надо мной?
Да ты меня оставил ни девицей, Ванюша, ни вдовой,
Ты меня оставил ни девицей, Ванюша, ни вдовой,
Да ты меня оставил горе-горькой, бедненькой сиротой».

21

Распекло в тумане,
Во дороженьке едёт мой да любезненькой, едёт во широкой,
Едёт все широкой.
Да при... да при печалюшке сижу, красная девушка, сижу
при великой.
Сижу при великой,
Да еще взвещевало девушкино мое сердчико, оно взвещевало.
Знало, не сказало,
Сердечко слышало-то мое ли да ретивое нам с тобой да незгодушку,
Велику погодушку.
Да не... ой, да не увидит-то буйная моя головушка, теперь она
погибает.
Ой, сё году погибла,
Ой, да накутили-то, взяли-то про нас насказали злые лихи лю...
ой, как людюшки,
Все боле бабенка.
Ой, да для чего же они-то про нас кутили, разлучить они хотели
со дружком,
Да они-то похотели.
Как не... как не на то ли мой миленькой дружок рассердился,
уехал,
Со мной не простился.

Не виню, что мой миленькой не простился, людишек побоялся,
Пустой-то славушки
На летико не оставил, он тихошенько простился, сказал:
[«Прощай-ка, прощай, моя милая,
А не люби-ко иного дружка,
Ежли лучше ты меня полюбишь — меня позабудешь,
Ежели хуже ты меня полюбишь — так меня вспомянешь».
«Не найти мне, не найти мне-ка, расхорошенькой,
Больше такого-то дружка,
Ни походочкой-то его мужскою да и модой щегольскою,
Да ни черненькими тебя бровями,
Тихима да ни учливыма тебя разговорамы»].

22

Кто-то бы сбе... сбегал, распрове...
Распроведал, где мой милой, ой, да где мой ми...
Ох, миленькой да живет.
А он-то живет, милой, расхорошой, красивой
На веселой, ой, да на веселенькой дальней стороне.
На веселенькой на дальней сторо...
На сторонке, ой, да разливалася, ой, да разливалася там да вода.
И разливалися реченьки бы...
Речки быстры с крутым бережком, ой, да с крутым бе...
Ох, с бережком да вровень.
Я-то на эту ли да полну-то во...
Большу воду легку шлюпку, ой, да легку шлю...
Шлюпочку ли я спущу.
Я-то построю ли себе высок те...
Высок терем со косищатым, ой, да со косищатым да окном.
Со окошечком, со паратным,
Ой, да со паратненьким я крыльцом.

23

Тянет, дует с морюшка воздух,
Да из садочику листьё рвё.
Сорываёт со дрёв листьё зелененько,
Да путь-дороженьку милой устилат.
Устилаё милой путь, славну дороженьку
Да до крутого того ли бережка.
Чтой до крутенького ли бережочка,
Ой, да до зелененького ли до сада́.
Чтой у нас ли во зеленом садочку
Да развеселыя пташицы да поют.
Развеселыя поют птицы-пташи
Да размолоденькой свищет соловей.
Ты соловьюшко ли наш премиленькой,
Да ты везде можешь, сизой, облетать.
Ты летай-ко в сторонушку веселеньку,
Да в славной город лети в Еруслав.
Ты сыщи-ко дружочика любезного
Да сядь поближе ты, голубь, ко дружку.
Сядь поближе, ты кланяйся пониже,
Да жалобнешенько, сизой, воздохни.
Во-первы́х, ты скажи-ко любезному моему

Да как от меня скажи низенький да поклон.
Во-вторых, ты скажи-ко любезному моему
Да про несчастьишко, про горе ли про мое.
Эко девушкино мое несчастье,
Да Сашу, рано ей взамуж отдают.
Чтой сповыдали девушку взамуж
Да не за миленького ей за дружка.
Не за миленького ей за дружочика
Да за старóго ей судят старика.
Не в гостях ли я, девушка, гостила
Да во бесёдушке, глупа, сидела́.
Во бесёдушке со двума с подружкамы
Да на милого дружка смотрела́.
Скажут, мой ли-то миленькой хорошенькой,
Да он до девушек очень ласков был.
Свою-то прежнюю, досельну полюбовенку
Да на коленюшка пóряду да садил.
На коленюшка пóряду-то садил же
Да праву рученьку у ей крепко жал,
Праву-то рученьку со двума с колечикамы.
Да появился у Саши в личке жар,
Вышла-то Сашенька в сени простудитися,
Чтобы жар-то с бела лица сошел.
Да ко мне-то миленькой осенью пришел
Да мне подарóчек, девушке, принес.
Подарóчики были не простыя,
Да перстенечики были золотыя.
Не хочу я колечико носити,
Хочу-то в воду его бросити.
На воды-то колечико не тонет,
На огоничке перстень не горит.

24

[Вздумал да и уе...
Вот уехал миленькой мой, любе...
Вот любезненькой жить-то во да...
Жить во дальни мой миленькой не в знако...
Не в знакомой-то славной го...
Славной город миленькой Петербург.
Петербуричек, я-то по нем немно...
Ой, немножко слезушек рони...
Вот ронила, вот как по голу...
По голубчику, бедна, по своем.
Только я с уваже...]
С уваженьицем миленького проси...
Да вот просила, да хоть ты немно...
Хоть немножко ты, миленькой, поживи.
Поживи, да й как хоть ты живи немно...
Да хоть немножечко ты со мной, мале...
Вот малешенько да во... как водин ма...
Водин маленькой ты живи да часок.
Часочек, да он-то мне-ка сказал,
Он сказал, уверял, говорил, не мо...
Вот не можно, да и вот как нельзя, ты лю...
Нельзя, любушка, ты поверь да моя.

Моя, да и близешенько, близко по...
Да близко по ряду-то лихи сосе...
Вот соседишки да судя, не сове...
Не советуют-то боле да любить.
Любити, да и, ох, как веля Са...
Да веля Сашеньку-то предорогу...
Любезную да и ох, как веля бро...
Веля бросить, навеки позабыть.
Позабыти, да я-то когда помру,
Да я помру-то, любовь с дружком забу...
Позабуду да и когда-то скро...
Когда скроются-то мои да глаза.
Глазочики, да и, ох, как призакро...
Да призакроют телико-то мое бе...
Тело бело тоненьким да но...
Тоненьким новым беленьким полотном.
Полотенчиком, ох, как на мою...
Да на мою-то на беленьку грудь нава...
Привалится серенький валю...
Сер-валючий камешóк навалят.
Навалят, да я ли с того ка...
Я со камешка-то пойду сресу...
Соресую на белу бума...
На бумажку, на целой лист напишу.
Напишу, да как всем моим подру...
Всем подружкам я расскажу.
Расскажу: «Да как не делайте так, как я,
Не любите вы гридинских [1] дураков».

25

Чтой травонька в поле за мура...
Ой, да за муравая,
За муравая.
Да как чтой-то не днем ли ты рости начина...
Ой, да начинаешься?
Начинаешься,
Да как и не по мне ли, мой ли милой, сумлева...
Ой, да сумлеваешься?
Сумлеваешься,
Да как сушил-крушил мальчишко красну де...
Ой, да красну девушку.
Красну девушку,
Да как молодым-то ей, бедну, да молоде...
Ой, да молодешеньку.
Молодешеньку,
Да как умом-разумом, бедненька, глупе...
Ой, да совсем глупая.
Совсем глупая,
Да как я-то сегодняшну ноченьку одна...
Ой, да ночь одна да спала,
Ночь одна спала.
Да как нехорошенькой сон во снах приви...

[1] Т. е. из д. Гридино.

Ой, да сон-то привиделся.
Сон привиделся,
Да как не про батюшка сон, мне не про ма...
Ой, да не про матушку.
Не про матушку,
Да как про милого дружочка, про Ива...
Ой, да про Ванюшеньку.
Про Ванюшеньку,
Да как Ваня, Ванюша нежена...
Ой, да неженатенькой.
Неженатенькой,
Да как Ваня белой, Ванюша кудрева...
Ой, да кудреватенькой.
Кудреватенькой,
Да как мой ли Ванюша у ворот...
Ой, да у ворот да стоял.
У ворот стоял,
Да как у воротишек милой, у коле...
Ой, да у колечика.
У колечика,
Да как у крылечика.

26

Сторона ли ты моя, моя сторонушка да сторона,
Сторона, ты родима да жалима!
Жалима ты, больше да век на тебе, моя сторонушка,
Да боле на тебе, боле-то не бывати, не бывати.
Не бывати, да мне черной-то грязи со муравой травоньки,
Да боле травки не топтати, не топтати.
Не топтати, да отца с матушкой, ой, мне-ка, молодешенькой, боле,
Боле-то не видать да и не увидеть.
Не увидеть, да вы-то не дуйте-ко с моря, ветры буйные, да ветерки,
Ветры, да не тяните, да не бушуйте.
Не бушуйте, да не мешайте-ко мне-ка, молодешенькой, дайте-тко,
Дайте думу думать, подумать, спогадати.
Сподумать, да все я думушки, ой, как передумала,
Я мысельцы, мысли я перемыслила да размыслила.
Размыслила, да одна ли-то едина думушка со разумом-то ли та меня,
Та меня смешала да помешала.
Помешала, да не на час, не на два, с горюшка с кручинушки навеки,
На век навязалась да накачалась.
Накачалась, да я с того ли-то со горя, со того с бессчастьишка
Да пойду, выйду я на сени да на новыя.
На новы, да я со тех ли со сеней пойду я, красна девушка,
Да на красно, на красно-то крылечко, да на крылечко.
На крылечко, да с того ли со крыльца пойду, красна девушка, да во чисто,
Во чисто полё, да во полюшко.
Во полё, да во чистом ли во поле, в полюшке в широком стоял ту...
Туман с куревою да с маревою.
С маревою, да ничего-то мне, ничего сквозь этот большой туман, ничего,
Ничего-то не видно, не слышно.
Не слышно, да столько-то видно ли мне скрозь этот большой туман
у дома,
У дома сушиночка ли да вершиночка.
Вершинка, да под которой мы с то... мы с тобой, с сушиночкой, да

С миленьким-то сидели, с милым посидели.
Посидели, да еще тайно ли мы с миленьким секретички да говорили,
Говорили да выговаривали.

27

[Воля, ты наша во...
Да наша волюшка, девочья дорогая].
Дорогая, да ох, как довела да и довела, волюшка,
Ты, волюшка, да до неволюшки.
До неволюшки, да чтой-то теперь до сла...
Да чтой до славушки да девушку до худыя.
До худыя, да и что это ли-то пусто сла...
Да пусто славишко да се году про нас пала,
Пала, да и пала ли одна сла...
Да одна славишка се году надоела да надошла.
Надошла, да что это со большой разлу...
Да чтой разлукушки да сердчико у мня-то ное да унывать,
Унывать, да и как сердчико мое но...
Сердце-то ноет у девушки, да телико тает.
Тает-то, красота да раскрасоточка-то
Сейчас падает, сопадает.
Сопадает, да и бают, что близко по...
Да близко по ряду-то сам не подсядет, подойдет,
Подойдет, да как спросит, что ты, отчего,
Да отчего ты стала, да бедна-то, худешенька?
Вот худенька, да сам ты, мой расхоро...
Да сам хорошенькой, можете догадатися.

28

Да приотправился, да собрался
Да в путь дальну-то дороженьку,
...женьку, да и хоть и не [в] дальненькую,
Да как знаю, что во печальненькую.
В печальную, да и недалешенько ли он уехал,
Жаль дружка-то тошнешенько,
...шенько, да и моему ли-то сердечику
Пало тяжелешенько,
...шенько, да и надорвется-то мое сердчико,
Цело летико плачучи,
...чучи, да и по весны-то по красовитенькой
Дружка отправляючи,
Отправляючи, да и чтой по осени-то по холодной
домой дожидаючи.
Дожидаючи, да и со Архангельской-то пути
Да как со славной его дороженьки.
...женьки, да приотписывал да и наказывал
Весточку милой да и не с радостью,
...радостью: «Да не сиди-ко, моя ли-то хорошенькая,
Поздно-то вечером да и одна.
Одна, да ты-то не жги, не сожигай
Да и как свечку-то воску ярого.
Ярого, да и ты не жди, не дожидай
В гости-то к себе миленького дружка.
Дружка, я не гость к тебе пришел,

Не в гостюшки к тебе.
К тебе, я пришел ли к тебе,
Любушка, спроститися.
Спроститися, дозволенья я твоего
Пришел спроситися.
Спроситися, ты дозволь, благослови
Мне-ка, любушка, женитися,
Женитися». — «Ты женись-ко, женись,
Женись, разбессовестной дурак.
Дурак, не женись-ко на той,
На кой хочется,
Хочется, а ты женись-ко на той,
На кой я тебе велю,
Велю». — «Как сестричку твою взять,
Так ты будешь сердитися,
Сердитися, а как подружку твою взять,
Так ты будешь гнев большой держать,
Держать, лучше взять да прибрать
Тебя, красную девушку,
Девушку». Тут и девушка она взрадовалася
Да на белу грудь к милому бросилася.

29

За реченьку ходить
Да и не велят-то Дуне да моло... ой, молодчика любить,
Молодчика любить,
Да и размолоденького да моло... ой, молоденького,
Молоденького,
Да и душу Ва́нюшу чернобро... чернобровенького,
Чернобровенького.
Да не одна ли-то я да по бе... ой, по бережку хожу,
По бережку хожу,
Дак не одна ли-то я свежу ры... свежу рыбицу ловлю.
Рыбицу ловлю,
Да и я серы́х-то гусей да сога... ой, соганивала,
Соганивала,
Да я серы́м-то гусям нагова... наговаривала,
Наговаривала:
«Да и еще, гуси, вы еще се... еще серы со воды,
Серы со воды,
Да еще вы ли, гуси, да напла... ой, наплавалися,
Наплавалися,
Да еще я ли, молода, да напла... ой, наплакалася.
Наплакалася,
Да и прожила ли-то я свое... да свое девичье житье,
Девичье житье,
Да нажила ли себе я заму... я замужьице немудро.
Замужьице немудро,
Да до замужьица я да двадцать три, двадцать три года жила,
Двадцать три года жила,
Да через три-то года́ три я го... три я горюшка нажила,
Три горюшка нажила:
Да перво горюшко — вы... вышла замуж молода,
Замуж молода,

Да и второ горюшко — при... пришла в се... пришла в семью я не люба,
В семью не люба,
Да третье горюшко — за... и за старóго старика,
За старóго старика.
Да не спускает-то стар, стар на ули... стар на улицу гулять,
На улицу гулять,
Да хоть и спустит-то, стар в око... стар в окошечко глядит.
В окошечко глядит,
Да из окошечка стар, стар правой рукой грозит,
Стар правой рукой грозит:
«Да полно, Дунюша, по... поздно ве... поздно вечером гулять,
Поздно вечером гулять,
Да перестань же, Дуня, мураву да мураву травку топтать».

30

На что-то в людюшки рано торопиться,
Да нам спешиться, да жить у батюшки в домике хорошо.
В домике хорошо,
Да в чужих людюшках, людях рано будят,
Да рано будят, на работичку гонят-то до зари.
Гонят-то до зари,
Нам чужая работушка не по силы,
Да через силу-то от работичка рученьки у нас болят.
Рученьки болят,
Сердечко бьется, печалюшка придается,
Да придается, кого люблю, того-то дружочика жаль.
Того дружочка жаль,
Да и жаль тошнешенько своёго да милого,
Да жаль милого, любезнóго дружочика своего.
Своего,
Да куда скрылся мой милый, удалился,
Удалился на все летико милой от меня,
От меня,
На все летико милой, на всю осень,
На всю осень да на весь круглый годок.
Годок,
Мил первую оставочку оставил —
От сердечика ласковы слова,
Слова,
Вторую оставочку оставил —
С правой рученьки золото кольцо.

31

Ой вы ветры, вы мои ветерочки.
Ветерочики, ветерки, тоненьки буйныя вы голосочки.
Голосочки, потяните вы со синего моря
Да вот со морюшка...

32

Да невеселенька наша компаньица
Без миленького дружка,
Да там веселенька была компаньица,
Где мой миленькой водочку пьет.

Да он уж пить-то не пьет, мой хорошенькой,
За мною-то младу шлё.
Да я, млада-то, млада-младешенька,
Призамешкалася,
Да чтой за уткамы ли я, за гусямы,
За лебедочкамы,
Да я за той ли, за вольною птицею,
За пташицею.
Да распобедна я, птица-кукушица,
Похаживала.
Да чтой за реченькой да за быстрою
Слободушка ли там стоит.
Да там стоит слободушка —
Четыре двора,
Да чтой у каждого у дворика —
Четыре окна,
Да чтой у каждого ли у окошечка
Сидело-то в домике по кумы.
«Да уж вы кумушки, мои голубушки,
Подруженьки ли вы мои!
Да вы кумите-ко, меня любите-ко
Уж вы любите ли меня?
Уж вы пóйдете ли во сад гулять,
Возьмите-ко в садичек погулять,
Да уж вы будете ли цветочки рвать,
Сорвите-ко вы мне,
Уж вы будете ли венки плесть,
Сплетите-ко мне,
Да уж вы будете ль венки спускать,
Спустите-ко мой».
Чтой у всех-то веночики поверх воды,
А один мой веночек утонул,
Еще у всех-то дружочики с морей пришли,
Один-то мой миленькой не пришел.
Он остался, мой миленькой, хорошенькой,
Зимовочку, зимушку зимовать,
Да мне он, девушке-голубушке,
Подарóчки девушке закупать.

33

Уж ты счастьё мое, да ты талан худой,
Да талан-участь моя да горе-горькое!
Ты куда, мое счастьишко, делося,
Да ты куда, мой талан, да подеваешься?
За полынь, за горьку травку заплетаешься,
Да за сер ка... камешок да запинаешься.
Из-за лесику да лесу темного,
Да из-за садику, саду, саду зеленого
Выбегает-то конь, да конь — добра лошадь,
Да за лошадочкой ступат да доброй молодец.
Молодец-то коню речь выговаривал:
«Да ты не пей, конь, воды да со Дунай быстрой реки».
На Дунай-то на быстрой речке девка мылася
Да красотой-то своей она дивилася:
«Красота ли ты моя, была красоточка,

Да женихов ли на тебе да разве не было?
Да сватовья ли-то на тебе да разве не сватались?
А нынь просватались они у батюшки,
Вечор сватались все у матушки.
Да чтой просватала меня родна матушка,
А поручила меня да моя родимая
За того ли-то вора, вора-разбойника,
За церковного пограбителя
Да за девочьего погубителя».

34

Я куды с горя,
Да я куды-то с горя, да куда с горюшка?
Куды с горюшка,
Да я пойду-то с горя да во темны леса.
Во темны леса,
Да во темны-то леса, да где растет трава,
Где растет трава,
Да трава шелкова, цветы лазурьёвы.
Цветы лазурьёвы,
Да я со той ли травы, да с этой травоньки,
С этой травоньки,
Да я цветочек сорву, да я венок совью.
Я венок совью,
Да я веночек совью, да я милу дружку,
Я милу дружку,
Да я милу-то дружку на головушку.
На головушку,
Да ты носи-ко, носи, мил, не обранывай.
Не обранывай,
Да ты люби-ко, люби, да не обманывай.
Не обманывай,
Да как веночек-от спал, да мил любить не стал,
Он любить не стал,
Да он любить-то не стал, да все смеяться стал.
Все смеяться стал,
Да все смеяться-то стал, да все над девушкой.
Все над девушкой,
Да все над девушкой, ой, да все над Дунюшкой.
Все над Дунюшкой,
Да как у Дунюши да дума крепкая,
Дума крепкая,
Да дума крепкая, да речь хорошая.

35

Соловеюшко, парень молодой же,
Ох, да ты не пой, не пой-ко ранешенько весной.
Не пой гро... не пой громко, не пой звонко,
Да не то ль скучно мне будет, молодцу.
Не то ль ску... не то ль грустно,
Да я не знаю, милая, почему.
Только зна... только знаю по той же ль,
По той же, милая, по своей,
Да и что ль моя, что ль моя ли да любезная,

Дай удалилась, хорошенька, отошла.
Удалилась, отошла
Да за двенадцать, милая, городов.
За двенадцать и за пятнадцать,
В славный город во Москву.
Во Москву-то, парень, приди,
Да пару коней выбирай.
Пару коней боевых
Да извозчиков молодых.
Пару коней не нашел,
Да сам заплакал, прочь пошел,
Да ко товарищу пришел:
«Да товарищ, братец мой,
Да не с одной ли со сторонушки со мной?».

36

Вы-то скажите, мысельцы мои,
Про мое ли да про несчастьё,
Долго ли пожить-то будё
Да в этакой большой да напасти?
Печальноё сердечко мое,
Да чтой постоянно бедно тужит,
Тоскуё, горюё оно,
Да все по прежней-то и старой волюшке.
Куда ты, волюшка, делась у мня,
Да куда делась, миновалася?
Кабы-то мне-ка, молодцу,
Нажить прежня да стара волюшка,
Кабы мне, разудаленькому,
Нажить прежни-то легко крыльё,
И высоко бы я да улетел бы,
Я с издалеко да высокó.
Где-то бы полюбилось бы мне,
Да тут бы я опустился,
Сел бы я к своей любушке,
Да сел бы я о красно крылечико,
Стал бы я свою любушку,
Да стал бы я ей уговаривати
Ласковыма да словечикамы,
Да стал бы я ей улещатися:
«Любушка, ты сударушка моя,
Да поди, выйди ты на крылечко,
Ты-то со мною, с молодцем,
Да говори-то ино словечико потайно».

37

Что не знает-то, не знаёт мой миленькой,
Да не ведаёт, да не знат
Про мою ли вон [1] про тоску-то,
Как и про горё да кручинушку,
И про мое ли-то про несчастьишко,
Да и слезушки были горючия.

[1] Он.

Да чтой вчерась-то вечерком,
Да чтой девушку да засватали,
Молодым-то ей, молодешеньку,
Да и рано-то замуж отдали.
Не за миленького,
Да как отдали да за старенького,
А все за старенького.
Да было-то у старенького,
Трое деточек было у него:
И в-первых, Сашенька,
В-дру́гих, Машенька,
В-третьих, сам-то Ванюша холостой.
Стану я грамоту-то писать,
Да как миленького в гости наказывать:
«Ты приди-ко, приезжай,
Да как, миленькой, на свадьбу ко мне,
На последний, на останний день,
Приди ты на свиданьице.
Ты садись-ко, проходи,
Поди во большой во уго́л,
Да во большой во уго́л,
Да садись за дубовой новой стол.
Ты испей-ко, искушай
Да чарочку ты зеленого вина.
Зелено́го-то вина,
Да как выпей полтора сразу ведра».
Да и хорошо-то водочка пить,
Да с водочки головушка болит.
Болит, да хорошо-то ребят любить,
Да тошно с им расставатися,
Потошнее-то всего
Да как с миленьким прощатися,
По весне-то по красовитенькой
Дружка-то отправляючи,
Да еще по осени холодной
Домой дожидаючи.

38

Говорил я своёй любушке словцо,
Говорил, крепко да наказывал:
«И посмирнее ты живи, моя любушка,
Да и молода, сиза да голубушка.
Молода-то, сиза голубушка,
Да и задушевная красна девица ли да душа».
Я наказику его не слушала,
Да и приказаньица его не исполнила,
А со иным-то дружочиком спозналася,
Спознавши́сь, пошла я в зелененькой сад да гулять.
А чтой во садику да мне прилюбилось,
Во зелененьком да приглянулось,
Приглянулся-то в садике яров хмель.
Да я нарву ли хмелю ярого,
И наварю я пива пьяненького,
Да созову ли я себе дорогих гостей,
Дорогих гостей, отца да с матушкой.

Да я за батюшком посла пошлю,
Я за матушкой — да служаночку,
Да за милым-то дружочиком сама пойду,
А я сама ли пойду сбегаю,
Пойду я сбегаю, я спроведаю.
А посажу я дружочика выше всех,
Да выше роду — выше племени,
Выше всей честной родни да породушки.
Напою ли я дружочика допьяна,
У пьяного стану спрашивати,
У хмельного стану выведывати:
«Уж ты скажи, скажи, мой любезный друг,
Уж ты многих ли сушил-крушил?».
«А я сушил-то-крушил все семь годичков,
А я сповысушил всего семь девочек.
А я, во-во́сьмых, сушил молоду вдову,
Да и, во-девятых, сушил мужню женочку,
И во-десятых, я тебя, красну девицу-душу».
Да всем-то девушкам, им волюшка есть,
А молодой-то вдовы вольнее было всех,
Мужней женочке такой волюшки нет,
Да она от мужа уйдет украдучи,
Да с милым дружком сходит увидается,
Сходит в зелен садик прогуляется,
А домой придё — мужа опасается.

39

Ой, девушка по садику гу... ох, как гуляла́,
Да ой, красная крапивушку-то, бедна, жала́.
Да как это жала́ да я немножечко, девушка, нажала,
Да и как, кажется, да я ни с кем-то не гу... ох, гуляла.
Ой, как только я с миленьким, я речь говорила:
«Да как миленькой мой, да ты ласковой мой, душечка дорогой!
Да как ласковой мой, да ты возьми, увези ты меня с собой,
Да как назови да ты, родименькой, ты меня сестрой».
«Да и кака же ты глупа, безумна, красна девица-душа,
Да как нету у меня сестриченьки родименькой.
Да как только-то есть одна жена угрюмая,
Да как столь угрюма да свинья упрямая.
Да как с той со женой я не в совести, молодец, живу,
Да как с той, с молодой, не в согласьице, молодец, гуляю».
Брошу тоску-кручинушку, печаль в крапиву,
Да и сама я удалюсь, я во матушку, во сыру землю.
Да как сыра земля раздвинется,
Да как мой миленькой по мне растужится,
Да как он-то растужится да слезно расплачется,
Да как придё, у ворот, да у ворот-то поколотится,
Да с девушкой распростится.

40

Лесна птичка кинарейка,
Да и полетай-ко за моря.
За моря, да не увидишь ли милого,
Да и скажи горё про меня.

Про меня, да мое горё всем известно,
Да и мил уехал от меня.
От меня, да мил уехал, не простился,
Наверно, он забыл меня.
Наверно-то, он забыл меня, да отворю я в клетке двери,
Да пущу пташу на волю́.
На волю́, да спущу пташицу на волю,
Да словца два-три накажу,
Накажу, да все такия спотайныя:
Да слетай к милому дружку,
Дружку, да сядь на яблоньку кудряву,
Да на березку зелену,
Зелену, да пропой песенку такую,
Да участь горькую мою.
Мою, да до чего ты моя участь,
До чего ж ты довела?
Довела, да есть у нас ли во деревне,
Во веселой слободе,
Слободе, да жил-то мальчишка лет семнадцать,
Неженатой, холостой.
Холостой, да в одну девушку влюбился,
Да обещался взамуж взять.
Взять, да ни у кого не спросился,
Кроме сердца своего.
Своего, да его-то люди научили,
Да подь, спросись сын у отца,
У отца: «Да позволь, папенько, жениться,
Позволь взять, кого люблю,
Люблю». Да отец сыну не поверил,
Да что любовь на свете есть,
Есть, да есть любовь на свете разна,
Да можно всех равно любить.
Любить, да отвернулся сын, заплакал,
Да отцу словца не сказал.
Не сказал, да пошел Ваня по дорожке,
Да по дорожке в зелен сад.
В сад, да пришел к Маше под окошко,
Да под окошком постучал,
Постучал: «Да открой, Машенька, окошко,
Мы распро́стимся с тобой.
С тобой, да получай свое колечко,
Отдавай мой перстенек.
Перстенек». Да ему Маша отвечала:
«Мне теперя недосуг,
Недосуг». — «Да подай саблю, подай востру,
Заражу[1] я сам себя,
Себя». Пошел Ваня по дорожке,
По дорожке столбовой.
Столбовой, да пришел Ваня ко березке,
Да ко березке зеленой,
Зеленой, да вынял саблю, вынял востру,
Да заразил он сам себя.
Себя, да его буйная головка
Покатилась с плеч долой,

[1] Зарежу.

Долой, да его глазки-то голубые
Все на солнышко глядят,
Глядят, да его уста сахарные
Про любовь все говорят.
Говорят, да с моря весточка несется
Прямо к Маше в теремок,
В теремок, да где читала, тут и пала,
С милым кончена любовь.

41

Воля, ты наша во... наша волюшка, девочья дорогая,
Дорогая,
Ты довела, довела больша волюшка до неволюшки,
До неволи,
Да и чтой-то теперь до сла... чтой до славушки девушку до худыя.
До худыя,
Да пуста сла... пуста славишка се году про нас пала,
Пала,
Пала сла... пала славишка, се году надоела, надошла,
Надоела,
Да любовь с ми... любовь с миленьким дружочком удалилась.
Удалилась,
С той-то ра... с той разлукушки мое сердечко ноё,
Ноё,
Сердце но... сердце ное, у девушки тело тае,
Тае,
Еще та... еще та ли красоточка с бела лица спадае.
Спадае,
Придет ми... придет миленькой осенью, не узнает,
Не узнает,
Знаю, что бли... что близко по ряду ко мне подсядет,
Подсядет,
Знаю, что све... что свеселешенько со мной забает, заговорит.
Заговорит,
Спросит, по... спросит, почему ты, миленька, стала худенька,
Худенька,
С бела ли... с бела личика стала бледненька,
Бледненька,
С ясных о... с ясных очушков стала невеселенька,
Веселенька?
Сам ты, ми... сам ты, миленькой, можешь догадаться,
Догадаться,
Тоску го... тоску горе-кручинушке не сдаваться.
Не сдаваться,
Если то... если тошно так иди прогуляться,
Прогуляться.
Спознава... спознавались мы с миленьким с три годочка,
Годочка,
Расстава... расставались с миленьким три часочка.
Часочка,
Познава... познавались с хорошеньким в темном лесе,
В темном лесе,
Расстава... расставались с хорошеньким в чистом поле.
В чистом поле,

Спознава... спознаваючись-то никто не знали,
Не знали,
Расстава... расставаючись люди узнали,
Узнали,
Отцу-ма... отцу-матери взяли сказали,
Сказали,
Отцу-ма... отцу-матери пало бесчестно,
Бесчестно,
А роду-пле... а роду-племени пало укорно,
Укорно,
Всем подру... всем подруженькам моим пало разговорно,
Разговорно,
А мне с хоро... мне с хорошеньким пала разлука.

42

Мне комарики мешали-то ночку спать,
Мне мешали, не давали во всю ночь.
Я в рассветочках уснула да молода,
Как уснула, вижу милого во снях:
Будто миленькой да во горенку пришел,
Ко тесовой ко кровати да подошел,
Он ложился на тесовую кровать,
Стал он девушку обнимать, целовать,
Ко ретивому-то сердечику прижимать.

43

Я-то нигде своего дружка не вижу,
Ни в долинках его, ни в лужках.
Ни в долинах-то его, ни в лужках,
Столько я видела своего милого
У соседа поздно вечеро́м.
У соседишка поздно вечеро́м,
У соседишка во большой бесёды,
Унимала на ночь ночевать.
Унимала дружочка ночевать:
«Ты-то ночуй-ко, ночуй ты, мой любезный,
Ночуй ноченьку, радость, у мня».
«Я-то радешенек с тобой ночевать,
Боюсь до свету долго просплю». (2)
«Ты-то не бойся-ко, мой любезный,
До зорюшки тебя разбужу,
Я-то до той ли тебя, до утряной,
Я далече дружка спровожу».
Я-то до тех мест дружка спровожала,
Где началась с миленьким да любовь,
Где началася наша любовь, кончалась,
Слезно плакала, бедна, по нем.
Слезно плакала, бедненька, рыдала,
От слез речка быстра спротекла.
Течет реченька Казанка,
Не широка, течет глубока́,
Не широка, течет глубо́ка,
Сколь-то широка, течет река глубока,
Перевозу на ней вовсе нет.

Хотя-то есть перевоз не здеся,
На другой, на дальней стороне.
Чтой-то на дру́гой, на дальней на сторонке
Раскрашённой едет карбасок,
Раскрашённенькой едет, размощенный,
Веселышечка были зелены,
А уключенки были золоты.
На кормы-то сидел да хозяин,
Тот мой миленькой сидел да дружок.
Я-то по бережку, девушка, ходила,
По крутому, радость, гуляла,
Я-то, поджавши белые ручки к сердцу,
Пала грудью белой о воду́.
Хоть я пала, сама, бедна, сказала:
«Для тебя, мой миленькой, тону,
Для тебя, мой миленькой, для себя же,
Для любови прежней местяной [1]».
«Не тони-ко, — сказал, — моя хорошенька,
При моих при ясных при очах,
А при своих молоденьких летах».
Я-то, девчены́шка, была лет семнадцать,
Да изучилась рано баловать,
Да иссушила я, бедна, искрушила
Да удалого, бедна, молодца.

44

Сохнет, вянет во полюшке травонька,
Ой, да все не может она возрасти.
Частой-то дождичок травоньку не смочит,
Да со востоку потянет ветерок.
Ветерочик, долго-то, скучно-то было сожидатися,
Ой, да в гости миленького да к себе.
К себе, да как полно, сердчико мое, сокрушаться,
Ой, да мил не думат, не мыслит обо мне.
Было-то времячко то веселенько,
Ой, да когда мил-то любил да меня.
Теперь все-то прошло, переменилося,
Да мил другую, холеру, полюбил,
Меня-то горьку, победну, да сиротиночку,
Да взял спокинул, да бросил, позабыл.
Покидаючи, миленькой, хорошенькой
Одним вздохом тяжелым наградил.
Сколько ли вздохов я, бедна, вздыхала,
Ни один-то вздох не помог,
Сколько-то слез я, бедненька, пролила,
Во слезах-то меня милый не видал,
Сколько-то писем я ему писала,
Одного-то мой милый не читал.
Не читает-то милой, принимает,
Во конвертичек укладет.
Распроклятые-то вы, мужчинышка,
Ваши каменны, подлы сердца,
Ваши каменны, подлы, жестокие,

[1] По объяснению исполнителей — совместной.

Да вы убивцы бедненьких нас,
Вы убивцы были, заразивцы,
Почему же мы любим вас?
Извини-ко, мой хорошенькой,
Что я дёрзко с тобой говорю,
Я не здешнего была уроженьица,
Не с полетику девушка росла,
Городских ваших манер не знала,
Да я крестьяночкой слыла.

45

Шила наша Катенька да трои новы рукава,
Сошила рукавчики, сама к батюшку пошла:
«Родитель, мой батюшко, да что ты думашь обо мне?».
«А думаю я, Катенька, записать тя в монастырь».
«Родитель, мой батюшко, в монастырь я не годна,
Все я келейки прирушаю, монастырь весь разорю,
Всех молоденьких монахов во большой грех спровожу».
Сватался на Катеньке из Москвы славной купец,
Хвалился житьем-бытьем: триста тридцать душ крестьян.
Думала-то Катенька: «За того я не пойду».
Сватался на Катеньке из сенота сенотарь.
Хвалился житьем-бытьем: триста тридцать кораблей.
Думала-то Катенька: «За того я не пойду».
Сватался на Катеньке из трактира музыкант,
Хвалился житьем-бытьем: только скрипка да гармонь.
Думала-то Катенька: «Я за этого пойду.
Уж я сыта ли, не сыта, завсегда я весела,
Хоть я выду на крылечко, всякой скажет — музыкантова жена».

46

Не за реченькой девушка гуляла,
Да вот гуляла, не за быстрою счастьица нет.
И нет, я сегодняшну-то скуку провожала,
Провожавши-то веселого я до вечера ждала.
Ждала, веселого денечка дорогого,
Дорогого, в гости миленького дружка к себе.
К себе, сидел миленький, сидел на местечке,
Да на местечке прелюбезную Машу целовал.
Целовал, целовавши, мой милый, миловавши,
Миловавши, да один разичек любушкой назвал:
«Скажи, любушка, скажи, девица,
Скажи, любишь али нет,
Аль нет?. — «Я любить-то тебя бы не любила,
А отказать я дружка вовсе не могу,
Могу, отказаться, мой милый, приказаться-то»
«Пойдем, Машенька, в садик погулять».
«Пойду». Я по бережку, бедна, ходила,
По крутому я, радость, гуляла́,
Нашла перышко, нашла гусиное,
Да строчку-то, бедна, напишу,
Напишу ли я строчку на листочек,
Да пойду к ветру, на ветер спущу,
Припадите-ка, буйны ветерочики,
Из-под летней, летней стороны.

47

Там уж шла-прошла сила-гармия,[1]
Да сила-гармия — три полка солдат,
Три полка солдат да молодых ребят,
Все молодыя да безбородыя,
Безбородыя, чернобровыя,
Да ружья светлыя, замки крепкия.
А ружья забрякали, да солдаты заплакали,
Солдаты заплакали, да и во поход пошли,
Во поход пошли, да в путь-дороженьку.
Провожу ли я дружка да через три лужка,
Через три лужка да три зеленыя,
Стану с миленьким да я прощатися,
А с хорошеньким да расставатися.
Спереди полку да барабаны бьют,
Позади полку все прощаются,
Не муж с женой да не брат с сестрой,
А молодой солдат да с красной девушкой.
«Где солдатикам будет день дневать,
Где молоденьким ночка коротать?».
«В том темном лесу да во сыром бору,
Что под сосенкой да под кудрявоей.
Мать-сыра земля да нам постелочкой,
Зло кореньицо во изголовьицо,
А сине облачко да одеялышко,
Ветер буйный нам пробужаньицо,
Частый, мелкий дождь да умываньицо,
Шелкова трава да утираньицо,
Чужой дедушка пусть нам батюшка,
Чужа бабушка пусть нам матушка,
Чужа девушка пусть родна сестра».

48

Кру́гом Мо́сквы объезжали,
Э... ох, да как во деревенку, да во деревеньку да заезжали.
Во деревню заезжали,
Э... ох, да как ко вдовушке, да как ко вдовке на дворик приставали.
Ко вдовушке приставали,
«Э... ох, да как пусти, вдовушка, пусти, вдовушка-вдовка, постояти,
Да нас, молодчиков, немного,
Э... ох, да как пешеходиков, ох, пешеходиков было полтораста,
Пешеходов полтораста,
Э... ох, да как чтой-то на кониках, чтой на кониках едет полтретьяста,
Как на кониках полтретьяста».
«Э... ох, да как у мня-то, молодцы, у мня, молодцы, да не стоялой двор
У мня, молодцы, ведь не стоялой двор,
Да как задня-то горенка, ой, задня горенка у мня малая.
Задня горенка малая,
Э... ох, да как ро́стет доченька, ростё доченька, дочка молодая,
Ростё дочка молодая».
Э... ох, да тут-то силой гости, тут силой гости да в дом ввалилися,
Ох, силой гости да в дом ввалилися,

[1] Армия.

Э... ох, да как все-то по лавочкам, ай, все по лавочкам они садилися,
Чтой по лавкам по порядку,
Э... ох, да что один-то гость, ой, что один гость садился выше всех.
[Садился выше всех].
Э... ох, да стала вдовушка, стала вдовушка, бедна, ко печке,
Стала вдовушка ко печке,
Э... ох, да прижала-то руки, прижала-то, бедна, руки,
К сердечку прижала.
Э... ох, тут один-то гость стал ей выспрашивати, распробедную выведывати:
«Ты скажи-ко,
Ой, ты скажи-ко, давно ли вдовеешь, ой, ты давно ли, бедна, сиротеешь?».
«Да я-то вдовею,
Э... ох, я вдовею лет двадцать, я вдовею лет уже двадцать,
Да сиротаю,
Ой, сиротаю, победна, не считаю, [не считаю].
Я не считаю,
Ох, да в горе годики, в горе годики я, бедна, забыла,
В горе годы позабыла,
Ой, да когда я мужа, когда я мужа в солдаты спроводила,
Когда мужа в солдаты спроводила».
«Ой, подойди-ко, подойди-ко ты, вдовушка, поближе,
Подойди-ко, вдовушка, поближе,
Э.. ох, поклонись-ко, ой, поклонись-ко ты, вдовушка, пониже,
Поклонись-ко ты пониже,
Э... ох, скинь-ко шапочку, скинь-ко шапочку с меня военну».
Да как во шапочке был,
Э... ох, как во шапочке был-то платочек, во шапочке был платочек.
Во платочке,
Э... ох, во платочике был узелочек, в узелочке был да перстенечек.
[Перстенечек],
Э...ох, да тут ведь милого она-то мужа узнала,
Ой, она его узнала,
Э... ох, да как, бедна, в обморок она упала.

49

Да не ясен сокол со гнездышка слетаё,
Да молодой лекрут с фатеры уезжает,
Да ни отец его, ни мать не провожают.

50

Да уж ты зорюшка, зоря, да как зорь...
Зорюшка вече... ой, зорюшка вечерня,
Рано потыхаешь ты, зоря.
Ты, зоря, да закутила, завила да как силь...
Сильная пого... ой, сильная погода,
Сильная погода, ветерок.
Ветерок, да не дала-то, не дала да как на...
Ой, нам с полей убра... ой, нам с полей убраться,
Нам с полей убраться, молодцам.
Молодцам, да мы пойдемте-ко, пойдемте да мы,
Ой, мы, братцы-ребя... ой, мы, братцы-ребята,
Тройку вороных мы лошадей [наймем],
Лошадей, да уж мы седем ли, пое...

Мы, ой, мы, братцы-ребя... ой, мы, братцы-ребята,
Питерской дорожкой столбовой.
Столбовой, да я со всеми-то, со все...
Да как со... и со всем, добрый мо... ой, со всем,
добрый молодец,
Со всем распростился, молодец,
Молодец, да я с одной ли единой, да как с лю...
С любушкой-суда... ой, с любушкой-сударушкой,
С ей забыл проститься, молодец.
Молодец, да с половины ли пути да как широ...
Ой, широкой доро... ой, широкой дорожки
Назад воротился молодец.
Молодец, да я приду ли-то, приду да как и к лю...
Ой, к любушке-суда... ой, к любушке-сударушке
Смело постучаю у окна.
У окна, да я спрошу ли-то, спрошу, да как спро...
Ой, спрошу про здоро... ой, спрошу про здоровье,
Спрошу про здоровьё у ея,
У ея: «Да каково ты, каково да как, лю...
Любушка-суда... ой, любушка-сударушка,
Живешь-поживаешь без меня,
Без меня?». — «Да что ли пло... плохое здоро...
Ой, плохое здоровьё,
Плохое здоровьё без тебя,
Без тебя, да всю я но... ноченьку,
Ой, всю, всю я не сыпала,
Всю я не сыпала без тебя.
Без тебя, да что ль пуховая периночка в пу...
В пусте пролежа... ой, в пусте пролежала,
В пусте пролежала без тебя,
Да что ль высоко зголо... ой, высоко зголовье,
Оно утону... утонуло оно во слезах.
Да соболино ново, да как но... ново,
Ой, ново одеяльце,
Оно не согрело во всю ночь».

51

Скучно жить с милым дружком в разлуке,
Я... как я вздыхаю-то, девушка, тяжело.
Тяжело, да было времячко у нас весёло,
Про... ой, как прошла осень и зима.
Зима, да наступает вре... ой, время скучно,
Ле... ой, да лето тёпло и весна.
Весна, да нас с дружочиком, с им разлучают и
По... ой, как по ём плакать да девушке не велят.
Не велят, по милом плакать,
Ве... ой, как велят вздохи-то девушке отсылать,
Отсылать, да уж вы, вздохи, мо... ой, как мои вздохи,
Ро... ой, как ростяжелые мои.
Мои, да полетайте, тя... ой, тяжки вздохи,
В ту... ой, как в ту подсеверну дальну страну.
Страну, да уж вы там дружка, его, взыщите,
Ра... ой, как расскажите-то жизнь да мою.
Мою, да как я мучуся, бедна, страдаю,
Все... ой, да все спокоя-то, девушка, не взыщу.

Не взыщу, да говорю, сама, бедна, рыдаю,
Сле... ой, как слезы катятся ручьем из глаз.
Из глаз, да слезы канут, сне... ой, как снег растает,
Тут... как тут травиночка не растет.
Не растет, да тут травинка не растет же,
Алой цветик же не цветет.
Не цветет, да девки песен не... не поют же,
Да в зелен сад гулять не идут.
Не идут, а девки песенки запе... запели,
Да в зелен сад гуля... гулять пошли,
В зелен сад гулять пошли,
Да по дружочику нашли.

52

Лучше бы я, девушка, у батюшка жила,
Ой, с утра день до вечера улочку мела,
С утра день до вечера улочку мела.[1]
Ох, мела, мела улочку, распахивала,
Ой, кофеюшку грешного с месяц не пила,
Ой, сварила на донышке, то я спролила.
С этого со горюшка в зеленый сад пошла,
Сяду я, младешенька, под зе́леный кусток,
Выслушаю, девушка, что пташи поют.
Поют, поют пташицы, громко говорят,
С миленьким, хорошеньким разлукушку сулят.
Скука и разлука, чужедальня сторона,
Чужая сторонушка без ветерка шумит,
Чужие родители без винушки бранят,
Без вины, без причины, без причины бить хотят.
Рассержусь на матушку, я на батюшка,
Три годочка в домичек, в домик не зайду,
На четвертый годичек пташей залечу,
У родного батюшка садик обсушу,
У родной у матушки в слезах утону.
Родимая матушка по сеням ходила,
Ой, молодых невестушек разбуживала:
«Встаньте-ко, невестушки, встаньте, молоды,
Ой, что у нас во садике за пташи поют,
Ой, поют, поют пташеньки, слезно рыдают?».
Первый брат проговорил: «Ружье заряжу».
Ой, второй брат заговорил: «Я пойду застрелю».
Ой, третий брат заговорил: «Я пойду посмотрю».

53

Как поехал добрый молодец во чисто полё гулять,
Да перво полюшко проехал, а второе перешел,
Перво полюшко проехал, а второе перешел.[2]
Да как на третьем чистом полюшке начал сон меня долить,
Да начал сон меня долить да дрема с ног стала валить.
Да привяжу ль я добра коничка ко сырому ко дубу,

[1] Каждая строчка, кроме первой, повторяется два раза; при повторе междометия «ой» и «ох» опускаются.
[2] Каждая строка, кроме первой, повторяется два раза без частицы «да».

Да ко сырому ль ко дубочику, сам я лягу с милой спать.
Да что ль не пыль ли в чистом полюшке распылай-пылается,
Да ото сна ли добрый молодец пробужай-бужается.
Как проснулся добрый молодец — ни коня нет, ни седла,
Да ни коня нет, ни седелышка, да ни девицы, ни шатра.
Да погляжу ли в чисто полюшко — моего коня ведут,
Да чтой на том ли добром коничке красна девица сидит,
Да она сидит и слезно плачет, слезно плачет, говорит:
«Да изменил священной клятве, разрешаю, друг, женись».

54

Ты полынёчка ли да полынька,
Полынь, травка горь... полынь горькая,
Полынь, травка горькая!
Что ль не я тебя ли да садила,
Не я травку се... ой, не я сеяла,
Не я травку сеяла?
Не сама ли ты, да злодейка,
Травонька, уроди... уродилася,
Травка уродилася,
По зеленому ли да садочику,
Травонька, расстели... расстелилася,
Травка расстелилася?
Заняла ли ты, да злодейка,
Травонька, в саду ме... в саду местечко,
Травка, в саду местечко?
В саду местечко было предоброе,
Место хлеборо... ой, хлебородное,
Местечко хлебородное,
Хлебородное было местечико,
Место, зелен са... зелен сад стоял,
Местечко, зелен сад стоял,
Зелен садичек да стоял же.
В садику алый цве... алый цвет цветет,
В садочку алый цвет цветет,
Алый цветичек да цветет же,
В саду виногра... виноград растет,
В садочку виноград растет.
Виноградичек да растет же,
Расте изюм-я... изюм-ягода,
Растет изюм-ягода.
Изюм-ягода растет, малина,
Черная сморо... вот смородина,
Черная смородина.
Алый цветочек цветет же
Ради де... ради девушек,
Цветет ради девушек.
Изюм-ягода растет, малина
Ради хо... ради холоста,
Ради холоста.
Еще черная растет смородина,
Растет-то ради бе... ради бедных вдов,
Растет ради бедных вдов.
Уж ты, батюшка, светел месяц,

Светит до бела. . .до бела света,
Светит до бела света.
Опекай-ко путь да дороженьку,
Свети, куда мил, куда мил пройдет,
Свети, куда мил пройдет.
Что прошел ли мой да хорошенькой,
Зашел он по ули... по улице вдоль,
Зашел по улице вдоль.
Что ль зашел да мой хорошенький,
Зашел в самой кра... в самой крайний дом,
Зашел в самой крайний дом.
Зашел [в] домишечко,
Зашел к женке к му... к женке к мужнеёй,
Зашел к женке к мужнеёй.
Женка мужняя была догадливая.

55

Да было-то в ручках счастьицо,
Ой, да не умела я содёржать.
Содёржати, да любила я любезного,
Ой, да не могла я в любви признать,
Признать, да стал мой миленькой отставать.
Стал мой миленькой отставать,
Да пришло-то расставаньицо,
Ой, да не мил девушке белой свет,
Не мил девушке белой свет,
Да не мил ей, не милешенек,
Ой, да не мил девушке белой свет.
Ни мать, девушке, ни отец,
Да ни отец ей, ни матушка,
Ой, да ни брат, девушке, ни сестра,
Уж ни брат, девушке, ни сестра,
Да ни брат ей, ни сестричушка,
Ой, да ни род девушки не примат,
Ни род девушки не примат.
Да куда же я теперь пойду, млада,
Ой, да очи на свет-то не глядят,
Очи на свет-то не глядят.
Да куда же мне теперь идти, младой,
Ой, да туды ноженьки-то мои не идут,
Уж туды ноженьки мои не идут.
Да темным-то лесом шла, млада,
Ой, да одно листьице-то в лесу шумит, (2)
Да шумит-то, гремит листьицо,
Ой, да листьё березовое,
Уж листьё березовое.
Да как чистым-то полюшком шла, млада,
Ой, да ничего-то я не нашла,
Ничегошеньки не нашла.
Да одна-то белая березонька,
Ай, да приклонилась-то ко земли,
Приклонилась-то ко земли.
Да на эту белу березоньку
Да солетались пташицы,
Уж солетались-то пташицы,

Да всяки-то разны мелки пташицы,
Ай, да соловей-то с кукушею,
Соловей-то с кукушею.
Да кукует бедна кукушица,
Ой, да по утру-то до зорюшки,
По утру-то ранешенько,
Ой, да вечером-то позднешенько,
Вечером-то позднешенько.
Да в это-то самое времячко,
Ой, да меня маменька родила,
Уж меня маменька родила.
Да не собравши с умом-разумом,
Взяла замуж-то отдала.
У меня-то, у молодешенькой,
Есть четыре заботушки:
[А перва-то заботушка — свекор да свекровушка,
А втора заботушка — деверь да золовушка,
Третья-то заботушка — да муж, удалая голова,
Четвертая заботушка — чужедальняя сторона].

56

Отлетаёт мой-то теперь соколик
Из очей моих да из глаз.
Вот из глаз, вздумал да уехал миленькой,
Любезной жить-то во да...
Дальнёй, миленькой городок.

57

Сохнет, вянет во полюшке травонька,
Ой, да все не может возрасти.
Возрасти, да частым дождичком да не смочит,
Да тянет с горы-то ветерок.

58

На плоту ли, плоту девица мылася,
Она мылася да белилася, (2)
В светло зеркальце да смотрелася,
В светло зеркальце она смотрелася,
Красоты она своёй да дивилася.
Красота ли-то в лице есть да красоточка,
Красота ли в лице есть непомерная,
Красота ли-то в лице есть непомерная.
Стала думать победна, горе-горькая:
«Ты куда же ты, мой таланик, подеваешься?
Ой, да в темном лесике, в лесе заблуждаешься,
В темном лесе, лесочку, заблуждаешься,
Чужим людюшкам, людям доставаешься, (2)
Всем суседышкам ближним, порядовныям. (2)
Ой, да женихов ли у мня разве не было,
Женихов ли у мня да разве не было,
Женихи ли на мне иль не сватались,
Женихи ли на мне разве не сватались?
Хотя сватались да из Питера, (2)

Из Питерика были петербурщички, (2)
Из синотика были синаторщички,
Из посадику были добры молодцы».

59

Что ж вы, девушки, ой, да призадумались,
Да расхорошенькия, ой, да запечалились?
Разве вам, девушкам, ой, да жить невесело,
Да жить невесело, ой, да любить некого?
Из молоденьких ребят, ой, да выбрать есть кого.
Да мы повыберем себе, ой, да одинокие,
Мы повыберем себе, ой, да одинокие,
Одиноконькие, ой, да живут всякие.
Горький пьяница дурак, дурак пропоица,
Он пропоица да беспокоится,
Он пропил-прокутил да все житье-бытье,
Он все житье-бытье, мое приданое.
«Ты, соловьюшко, ой, да соловеюшко,
Ты куда, сокол, летишь, куда машешься,
Куда машешься, ой, летишь торопишься?».
«Ох, я лечу ли, машусь, ой, да на ту сторону,
На ту сторону, ой, да в мелку рощицу.
В мелкой рощице, ой, да есть гуляньице,
Есть гуляньице, ой, с дружком свиданьице».
Генерал-то гулял да с генеральшею,
Капитан-то гулял с капитаншею,
А добрый молодец гулял с красной девицей.
На посту солдат стоял, да он ружье держал,
Он ружье в руках держал да себе смену ждал.
Да идет сменушка да красна девушка,
Идет сменушка да красна девушка.
Не дошед она его, ой, да становилася,
Становилася, ой, да прослезилася,
Во слезах ли она слово молвила:
„Горе-горькое житье, ой, житье солдатское,
Беспечальное житье, ой, да житье девушкой".
Ненадолго оно ей да доставалося,
На единый малый час, ой, да показалося.

60

Куды, милый, скрылся, где буду искать,
Оставил крушиться, плакать, бедну, горевать,
Оставил крушиться, плакать-горевать.
Болит мое сердце, режет белу мою грудь,
Болит мое сердце, режет белу грудь.
Пойду с горя к морю, не плывет ли с моря что,
Пойду с горя к морю, не плывет ли что?
Плывет с моря судно, ронит судно паруса,
Плывет с моря судно, ронит паруса.
Суденышко голубое, персидский убор на нем,
Судно голубое, персидский убор,
Зеленые трали,[1] светят трали над водой,

[1] Искажение, не объясненное исполнителями.

Зеленые трали светят над водой,
Серебряны цепи, якорь новый, золотой,
Серебряны цепи, якорь золотой.
По суденышку гуляет раздушечка милый мой,
По судну гуляет раздушечка мой,
Сертучок на нем военный, надетый сертук на нем.
Сертук рублей триста, фуражечка на нем пятьсот,
Сертук рублей триста, фуражечка пятьсот,
На руке да колечко — милая дарит, (2)
Кольцо золотое, в тысячу кольцо рублей,
Кольцо золотое в тысячу рублей.

61

По зоре-то было, по зорюшке,
Да по зоре-то было по утрянной,
Красна девушка коровушку гонила,
Да пригонила, подоить скоро пошла.
Подоила, скрозь платочек цедила,
Да процедила — уговаривала:
«Да не женись-ко ты, друг Иванушка,
Да ежель женишься — переменишься,
Потеряешь ты, Ваня, молодость свою,
Да и позабудешь молоду свою жену.
Уж между нами, между девушками,
Да меж вдовами, да меж сироточками».
Да брала ведрышко, сама по воду пошла,
Да почерпнула, становила я на траву,
Уж почерпнула, становила я на траву,
Да сама скрылась я в быстру речку, под волну.
Да посмотрите, как быстра река текет,
По той реченьке красна девушка плывет.

62

Не ходил бы да не гулял да по этой дороженьке,
По той дороженьке.
Да как не глядел бы я, не смотрел бы на эти окошечка,
На эти окошечка.
Да как на окошечке у дружочика лёжала предметочка,
Лежала предметочка.
Да как не предметочка да лежит, да лежит печаль-горюшко,
Лёжит печаль-горюшко.
Да как не печаль-то-горе да лежит, да лежит сухота моя,
Лёжит сухота моя.
Да как иссушил-то и сокрушил да парень красну девушку,
Парень красну девушку,
Да как без белил-то, без румян да у ней щечки алые,
У ней щечки алые.
Да как щечки-то аленькие да глаза, брови черные,
Глаза, брови черные.
Да как прочь-то от Дунюши Ваня отстал, да Ванюша несчастной стал,
Да Ванюша несчастной стал.
У колодчика да было у ракитова, да было у студеного,
Было у студеного,

Там донской казак да он коней поил,
Да он коней поил.
Он не коничков поил да молоду жену губил.
Молода-то жена да мужу возмолилася:
«Уж ты муж, ты муж, да не губи ты меня
Да середи белого дня,
А губи ты меня середи темной ночи,
Когда малые детки спать повалятся,
Спать повалятся да успокоятся».

63

Да сторона ли ты, моя сторонка,
Нету матери, ни отца,
Да, во-вторых, моя ли да родима,
Нет по совести у мня дружка,
Я вечор-то ли, девушка, уснула,
Вижу миленького во снях.
Да я проснулась и прохватилась,
Закипела кровь во мне.
Да слышу, вижу, мой-то любезный,
Он смеется надо мной.
Да смейся, смейся, мой любезный,
Смейся совести своей.
Если я-то тебе да по ндраву,
Возьми замуж за себя,
Да если, девушка, я не ндравлюсь,
Сошли в дальни города.
Не сошлешь на чужу ли на сторонку —
Веди в горенку ты к себе,
Да посади ты меня да на стулик,
Возьми в рученьки ружье.
Возьми в рученьки оружельцо,
Застрель беленьку мою грудь.
Да моя грудочка томится
От больших-то, великих ран.
Схорони-то меня, любезной,
Между трех ты больших-то дорог:
Да между питерской, ты московской,
Славной киевской ты большой.
Ты повыстрой-ко церковь божью,
Чтобы знали-то весь народ,
Да чтобы знали, поминали,
Где же я, девушка, лежу.

64

— Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла,
Ой, да ты когда взошла, когда выросла?
— Да я весной взошла, летом выросла,
Ой, да я весной взошла, летом выросла.
— Да под тобою ли, под рябиною,
Да чтой не мак цветет, не огонь горит,
Ой, да чтой не мак цветет, не огонь горит,
А горит сердце молодецкоё,

Ой, да молодецкое, все солдатское,
Ой, да не по батюшке, не по матушке,
Не по батюшке, не по матушке,
А по душе да красной девице.
Мне-ка девица да все с ума не идет,
Душа-красная да все мерещится.
Скучно пташечке да жить без клеточки,
А тошно молодцу да жить без девицы.

ЧАСТЫЕ

65

Из-под той белой березы
Спротекала речка.
Течет речка Чернореčка —
Водица мутненька.
Чтой нельзя воды пить,
Свежей зачерпнути.
Чтой у старого мужа,
У старого мужа
Жена молодая,
Чтой нельзя жену бить,
Молоду учити.
Уж я бил жену час,
Сам плакал неделю,
Сушил, крушил ясны очи
По четыре ночи.
Иссушил я ясны очи
На красном на солнце.
Да у майора по любови,
У майора по любови
Хороши две дочи,
Что охочи его дочи,
Охочи его дочи
Гулять до полночи.
До полуночи гуляли,
Домой приезжали,
Шубки, юбки скидывали,
Головы чесали,
Частым гребешком чесали,
Пучком завязали,
Пучком, лычком завязали,
Лентой овивали,
Алой лентой овивали,
На двор выходили.
Чтой на дворик выходили,
Коней выводили,
Пару коней выводили,
Седлышко седлали,
Заседлали, обуздали,
Сели, поехáли,
Поехáли, засвистали,
На базар попали.
На базаре их спросили:
«Что это за люди?».
«Это люди не простые,
Дочери майора».[1]

66

По калинову мосточку
Бежал Ваня, торопился,
Калин мостик подломился
На его беду, на Ванюшину.
Да перва Дуня подбежала,
За рученьку поддержала,
Зовет во лесок, зовет во лесок:
«Пойдем, Ванюша, в лесок,
Да сядем вместе под кусток,
На желтой песок, на россыпчатой.
Поиграем, радость, здесь,
Покуль волюшка нам есть,
До того часу, до девятого.
Скоро волюшки не будет,
Темной ноченьки прибудет,
Мы пойдем домой, мой дорогой».
Отдают меня младу
На чужую сторону,
Да не за ровнюшу, все за старого.
Мне не ровнюша любить,
Да горючи слезы ронить,
Плакать завсегда, рыдать завсегда.
Шла я, шла я, молода,
Да мимо рощи шла одна,
Боялась того, дружка своего.
Да оглянулася назад,
Да бежит воинский солдат,
Велит обождать, велит обождать:
«Ты уж жди, дожди, девица,
Дожди, радость дорога,
Душечка моя».

[1] Каждая строка кроме 7-й, 8-й, 18-й, 21-й и 22-й, повторяется два раза.

67

Во лузях да во лузях,
Таки во лузях, во зеленых лузях[1]
Да выросла,
Да выросла трава шелковая,
Да шелкова,
Шелкова трава муравленая.
Да росцвели,
Росцвели цветы лазуревые,
Лазуревы,
Чтой лазуревы прекрасные цветы.
Да я возьму,
Я возьму косу, повыкошу траву,
Повыкошу,
Да я повыкошу, повысушу.
Да той травой,
Уж я той травой выкормлю коня,
Повыкормлю,
Я повыкормлю, повылажу его.
Да снаряжу,
Снаряжу я коня в золоту узду,
В золоту,
В золоту узду, серебряную,
В серебряну,
В серебряну, спозолоченную.
Да отведу,
Отведу я коня к батюшке:
«Да батюшко,
Да уж ты батюшка, родитель,
сударь мой!
Да матушка,
Да уж ты маменька, родная моя,
Да ты прими,
Да ты прими-ка коня лажена,
Да лажена,
Коня лажена, снаряжена».

68

Не отдай меня, батюшка, замуж,
Дунинай, най, най, меня замуж,
Восударь, не отдай не за ровню,
Дунинай, най, най, не за ровню,
Да не укинься[2] Василия именья,
Дунинай, най, най, на именья.
Да у Василья имения — булавки,
Дунинай, най, най, да булавки.
Да его цветное платье на грядке,
Дунинай, най, най, да на грядке.
Да неровня спит на кровати,
Дунинай, най, най, на кровати,
Да неровня велит разувати,
Дунинай, най, най, разувати.
Да разувати, раздевать не хотела,
Дунинай, най, най, не хотела,
Да белых рученек измарати,
Да золотых перстней изломати,
Дунинай, най, най, изломати.

69

Не беги, не беги, да красна девица-душа,[3]
Полюби, полюби да удалого молодца!
Если ты меня полюбишь, будешь счастливая,
Будешь счастливая, будешь таланливая.
Полюби меня душой да наделю тебя казной.
Ни ткать и ни прясть — ты не будешь того знать,
Только знай, моя любезна, обновки обновлять,
Знай умыться, снарядиться, знай в обновочке гулять,
Знай умыться, знай одеться, знай в обновочке гулять.
По природы, по родне да буду милую водить,
Буду милую водить да буду радости казать.
На радости такой да на особенной спокой,
Цветамы, зеркаламы свою спальню уберу:
Красна дерева кровать да на ковре будет стоять,
На бархате перина будет Саша почивать,

---

[1] Далее каждая строка повторяется два раза.
[2] Не кидайся на...
[3] Каждая строка, кроме 8-й, 9-й и последней повторяется два раза.

Будет Саша, будет Маша, будет милая моя.
Я к ей прибегу и от ей убегу,
Расцелую, размилую свою радость дорогую.

70

Мой муж не стонул, не болел — киселя захотел,
Вой реди, реди, да вой рано[1]
«Уж и ну-тко, жена, раствори киселя,
Раствори-ка киселя во большой квашне,
Во большой квашне, во полумерной».
Три недели киселя я не сматривала,
На четверту недельку пошла погулять,
Я пошла погулять, киселя посмотреть.
Вот повыплыл кисель, по печи кисель,
По печи кисель, по печуркам кисель,
По его сапогам, по моим башмакам.
Я пошла по суседам решета попросить,
Решета не дали, только выругали.
Процедила кисель скрозь костычный подол,
Процедила кисель скрозь передничек.
«Ну-тко, ну-тко, жена, киселя на стол!».
«Уж ты муж, ты мой муж, не ослеп ли ты есть?».
Еще тут-то мой муж приобсе́рдился,
Уж он три года ходил, три соломины нашел,
Уж он первый раз ударил — ребро изломал,
Уж другой раз ударил — ребро изломал,
Уж он третий раз ударил — третье напополам.
Но я со тех со побоев, со тех со тяжелых
Съела три печи хлебов, семь печей калачей,
Съела матушку-свекровь с головы до ног.

71

Мне из Питера любезный газеты присылал,
Я газетики примала, с удовольствием читала.[2]
Пишет милый, дорогой да об любви о своёй,
Пишет милый, дает знать, да чтобы я вышла гулять.
Я у батюшки, у матушки едина дочь была.
У родимого у братца сповыгуляна.
Я без спросу, без отказу не ходила никуда.
Я у батюшки спрошусь, да у мату́шки доложусь:
«Сударыня, моя мать, да дозволь с милым погулять».
Дозволенья мать дала, да с дружком свидеться пошла.
Не успела выйти вон — да мил стоит передо мной.
Мил стоит передо мной, да разговаривать со мной:
«Здравствуй, лапушка моя, да долго ждал в гости тебя,
Долго ждался, сожидался,
В путь-дорожку отправлялся,
В путь-дорожку отправлялся, говорил, что не скучай,
Ты не плачь, не тужи — да через год буду сюды.
Я из Питера приеду, подарок привезу:

---

[1] Этот припев повторяется после каждой строки.
[2] Каждая строка, кроме первой и последней, повторяется два раза с добавлением слова «да».

Я на белу грудь цепочку, на шею жемчужку,
Да я отласу на прикрасу, на лазуревый платок».
«Благодарствую, любезный, много жалуешь меня.
Не теряй своей любови, мне обида дорога,
Обиду́шка дорога, да ввечеру была больна».
«Скажи, лапушка моя, да почему была больна?».
«На ветру долго стояла, простудилась молода,
С той простуды груди ломит, голова моя болит.
Что головушка болит, да грудь, сердеченько щемит.
Я за доктором послала, его в доме не застала,
За тобой, радость, послала, вдруг несчастье в доме стало.
У нас кучер не избран, да беспрерывно очень пьян,
Беспрерывно очень пьян, да все кареты приломал,
Все кареты приломал, да всех подружек растерял».
Уж вы девушки, подружки, голубушки мои!
Вы несчастливые, да неталанливые.
Одна я была счастлива да полюбила щеголя,
По походке парень бравый, по природе молодец,
По природе молодец да нашей песенке конец.

72

Вдоль по улице Ванюша,[1]
Он похаживал,
Ко любезненькой в окошко
Часто взглядывал:
«Скажи, спишь, не спишь, девица,
Или так сидишь?».
«Я не так сижу, Ванюша,
Думу думаю.
Научу тебя, Ванюша,
Как ко мне ходить:
Ты не улицей ходи,
Ходи переулками,
Не воротами стучи,
Через тын скачи,
Чтобы я, красна девица,
Догадалася,
Со беседушки домой
Собиралася.
Родну батюшку скажу:
«Голова болит»,
А родной матушке скажу:
«Уж я вся больна».
Ко милу дружку приду
Веселешенька,
У любезного сижу
Здоровешенька,
От любезного пойду
Распьянешенька.

73

Девица, девица,
Девица круглолица, (2)
Красавица моя,
Ай люли да ай люли,
Красавица моя!
Поди замуж за меня,
Да поди замуж за меня,
Ай люли, ай люли,
Да поди замуж за меня.[2]
Я найму тебе, красавица,
Червончатой корабль,
Я найму тебе, красавица,
Гребцов-молодцов, (2)
Да десять весельщиков.
Все ребятушки гребут,
Да самы песенки поют.
Один парень не гребет,
Да он и песен не поет,
По червончату кораблику
Он погуливает,
Сапог о сапог
Поколачивает,
Ко своей милой, любезной
Приворачивает:

---

[1] Каждая строка повторяется два раза.
[2] Далее после каждых двух строк припев «Ай люли, ай люли» с повторением второй строки.

«Уж ты милая моя,
Да не болит ли голова,
Не болит ли голова,
Да не забыла ли меня?».
Простужу бело лицо
И свалюся под крыльцо.

74

Поймали чечеху (2)
На боярском дворце, (2)
Посадили чечеху (2)
За решеточку. (2)
Прижила себе чечеха (2)
Ровно семь дочерей: (2)
Все Марью да Дарью,
Анусью, Федусью,
Акулину, Степаниду,
А седьмую Катерину —
Душеньку Катюшу.
Поймали чечеху (2)
На боярском дворце, (2)
Посадили чечеху
За решеточку. (2)
Прижила себе чечеха (2)
Ровно семь зятевей: (2)
Все Ивана, Степана,
Дементья, Клементья,
Евстигнея, Пестигнея,
А седьмого Алексея —
Душеньку Алешу.
Поймали чечеху (2)
На боярском дворце, (2)
Посадили чечеху (2)
За решеточку. (2)
Прижила себе чечеха (2)
Ровно двенадцать внучат: (2)
Двое на лавочке сидят,
Двое в окошко глядят,
Двое на печке сидят,
Две Олёнки в пеленках катаются,
Две Варюхи ко краюхе потягаются.
А на лавочке сметана,
У сметаны два Ивана усмехаются.

75

Уж ты Дуня, Дуня,
Да не велика, не мала́,
Не велика, не мала́,
Да Дуня бела, румяна́, (2)
Да со иныма гуляла,
Со иныма, со такима
Мила дружка решила́.
Да я за то его решила,
Он неверен был,
Он неверен, неверён,
Да не одну меня любил,
Да меня горьку, бессчастну,
Спокинул, позабыл.
У столи́ка стоячи,
Да на цветочки глядючи,
Да плачучи, рыдаючи
Да слезы утираючи.
Мне-ка слезы не помогут,
Разговор не веселит,
Да разговор не веселит,
Да мне жениться велит.
Мне жениться, разориться,
Полтораста издержать, (2)
Да велят Дунюшу взять.
Велят Дунюшу взять
Да в терему Дуню держать.
Дуня в тереме ходила,
Мужа пьяного будила:
«Встань, муж, встань, Иван,
Встань, удала голова, (2)
Да принаехала родня.
Принаехала родня,
Да у широких у ворот, (2)
Да дороги гости стоят,
Да дорогие, не простые,
Шурья-братья холостые».
Муж с постели не встават,
Да головы не поднимат,
Он головки не здымат,
Своей женке отвечат:
«Отстань, женочка, немила,
Родня твоя постыла».
Она заплакала, заныла,
На крылечко выходила, (2)
Горючи слезы ронила, (2)
Братьям речь говорила:
«Уж вы, братцы мои,
Да поезжайте домой,
Поезжайте, не споздайте,
На дороге не ночуйте.
Приедете ко дому,
Скажите по поклону,
Всему роду по поклону:
Моему отцу родному,
Позабыдьте таку
Да мою мачеху лиху,
Чтой просватала не к месту,
Родне нету приезду,

Приобзарилась она
Да на высокие домы, (2)
На украшены верхоны, (2)
Чтой на светлы самовары, (2)
На хрустальные стаканы.
Не могу чаю напиться,
Через блюдце слезы льются,
Чаем-кофеем запить,
Мила дружка позабыть».

76

Затопила млада печь,
Да сама по воду пошла,
Сама по воду, воду́
Да на мату́шку на Двину.
Да на мату́шке на Двине
Да гуси серые сидят,
Гуси серенькие,
Да гуси маленькие.
Да я гусей-лебедей
Да прочь отганивала,
Да отгонила далеко,
Да почерпнула глубоко.
Да почерпнула воды много
Для бурлака молодого, (2)
Для Васильюшка баского,
Вася, Васенька,
Да кудреватенькой.
До полугоры зашла
Да до царева кабака,
Да у царева кабака,
Солучилася беда — (2)
Да загорелась слобода, (2)
Да в чужом лесе, господа,
В чужом лесе, господа,
Дай говорили, что пожар.
Еще что этот пожар,
Да он не пылко горит, (2)
Да не потрескивает?
Да еще что этот за муж,
Да молоду жену не бьет?
Уж он бил жену к обеду,
Снова к ужину опять,
Чтобы щи были горячи,
Каша яственная,
Да каша яственная,
Блины масленые,
Пирожки были пряжены,
На окошечке стужены
Для мила дружка,
Для Васильюшка,
Для милой подружки
Катеринушки.

Примечание. Этот текст, а также №№ 77, 86 поются на напев № 75.

77

Я по жердочке шла,
Да я по тоненькой,
Я по тоненькой.
Да по еловенькой,
Тонка жердочка гнется,
Не ломится,
Хорошо с милым живется,
Не стошнется.
Да и хошь и стошнется —
Да разгуляется.
Разгуляется
Да увидается.
«Да какова, милой, пора,
Да не болит ли голова,
Чтой не бо́лит ли головушка,
Не ноет ли живот?».
Да чтой не ноет ли живот,
Да парень с девицей живет,
Он за горницамы,
Да за поварницамы,
Да мил не в гусельцы играё,
Не свирипо[1] говорит.
Говорит красна девица
Со удалым молодцом:
«Да мы пошутим с тобою,
Да быдто брат с сестрою,
Быдто брат с сестрою,
Со красной девицею».
Да позади идут товарищи,
Высматривают,
Чтой высматривают
Да выговаривают:
«Да кабы эта красна девушка
За молодцем была,
Я бы летнею порою
На ямщаточку садил,
На ямщаточку садил,
Да на семи лошадях,
На семи лошадях,
Да на пяти почтарях.

[1] Свирепо.

На ём кучера кафтан,
Да черноречского[1] шитья,
Черноречского шитья,
Да петербургского сукна».
Кладу голову на ручку —
Не тешится,
Переложу на другу,
Да мил не ластится.
Да полетай, голубь, домой,
Да ко голубушке своёй.
Начал голубь голубать,
Да голубушку целовать.

78

Да спосеяли девки лен,
Да спосеяли они в огород, в огород, в огород,
Ходи браво, гляди прямо,
Говори, что в огород.[2]
Да детинуша парень молодой,
Да детинуша парень молодой, молодой, молодой,
Да повадился молодец гулять,
Да повадился молодец гулять, вот гулять, вот гулять,
Да со лен цветы сорывать,
Да со лен цветы сорывать, сорывать, сорывать,
[В Дунай-речку сбросать,
Да в Дунай-речку сбросать сбросать, сбросать.
Дай Дунай-речка цвету не примат,
Да Дунай-речка цвету не примат, не примат, не примат].
Да ко бережку ко яргу,
Да ко бережку ко яргу, ко яргу, ко яргу,
Да ко серому камешку,
Да ко серому камешку, камешку камешку.
Да в сыром камне огня нет,
Да в сыром камне огня нет, огня нет, огня нет,
Да в своей женке правды нет,
Да в своей женке правды нет, правды нет, правды нет,
Да в чужой женке правда вся,
Да в чужой женке правда вся, правда вся, правда вся.
Своей женке верзенки,
Своей женке верзенки, верзенки, верзенки,
Чужой женке башмачки,
Чужой женке башмачки, башмачки, башмачки.

79

Полно, полно вам, ребята, чужо вино пити!
Не пора ли, холостягам, свое становити?[3]
Щиплё, ноё сердечико, ноё ретивое.
На точине, на елине, на самой вершине.
Точеюшка вьется, вьется, во хмель придается,
Опускается хмелечек в зеленой садочек.
В зеленом саду гуляла Маша черноброва,
Она ростом невеличка, личком круглоличка.
Не смельхайся, не смельхайся, о хмель, со травою,
Не влюбляйся, не влюбляйся молодец в девицу.
Хорошо будет влюбляться — тяжело расстаться.
«Пойду брошусь — утоплюсь с буетого моста».

---

[1] Сшитый в д. Черная Река.

[2] Припев «Ходи браво, гляди прямо, говори, что...» с добавлением последних слов предыдущей строки повторяется после каждых двух строк.

[3] Каждая строка, кроме первой, повторяется два раза.

«Не кидайся, не бросайся, душечка молодчик,
Свою голову погубишь, сам в раю не будешь,
Сам в раю, душа, не будешь, скажи, кого любишь?».
Девка парню говорила: «Что в гости не ходишь?».
«Рад бы, душечка, ходити, мне нечем дарити.
Случай будет в Москву ехать, привезу подарок.
Привезу тебе подарок — кумачу, китаек».
«Кумачу я не хочу, китайка не к моды,
Ежель любишь, душа, купишь аленьку матерью
И под пару ленту алу во русую косу.
Мне не стыдно, красной девке, на улицу выйти,
Мне не стыдно, молоденькой, с милым повидаться».

80

Я, младым-млада, младешенька, в компаньице была,
Да я по совести детинушу в любовь себе брала,
Я по совести детинушу в любовь себе брала.
Да во уборе, во наряде милый нравился, хорош,[1]
Да он хорош собою, бравый, очень вежлив на словах,
Да по поступке парень бравый, туровит во всех делах.
Да прочь от прежних разговоров, милый в речь меня манил,
Да отманивши, мой любезный на колени посадил,
Да со колен меня любезный танцевать меня просил,
Да я с ним долго танцевала, милой ручку крепко жал,
Да я руки не отымала, появился в лице жар.
Да вышла в сени простудиться, чтобы жар с лица согнать,
Да мой-от милой не робеет, меня за руки берет,
Да за ручку, за праву в особливую ведет,
Да в особливу заводил, да за дубовый стол садил,
Да за дубовый стол садил, да чаем-кофеем поил.
Да не могу я чаю пить, не могу дружка забыть.

81

Ой, да девушка садочком шла,
Ай люли, люшеньки,[2]
Да раскрасавица зелененьким,
Во правой руке — луговой цветок,
Да во левой руке — немецкий левердок.
Да леверком девка помахиваё,
Да за ней молодец присматриваё.
«Да уж я сколько бесед обошел,
Да уж я краше тебя не нашел,
Да еще лучше, краше тебя нет,
Да во моем сердце жаланной такой нет.
Да полюби-ка меня, девушка,
Да полюби меня, голубушка».

82

Возле речки, возле моста,
Возле речки, возле моста трава росла.
Да и росла трава муравая,

[1] Далее каждая строка повторяется два раза; при повторах слово «да» опускается.
[2] Этот припев повторяется после каждой строки, кроме последней.

Росла трава муравая, шелковая.
Да и травку в три косы косила,
Травку в три косы косила ради друга,
Да и ради друга, ради гостя,
Ради друга, ради гостя дорогого,
Да и ради своего милого,
Ради своего милого, любезного.
Да и чтой задумал моя радость,
Чтой задумал моя радость, друг, жениться
Да и не на душечке на красной,
Не на душечке на красной на девице,
Да и на победной, на несчастной,
На победной, на несчастной на вдовице.
Да и есть у вдовушки добыча,
Есть у вдовушки добыча да девица.
Да и какова я молодешенька,
Какова я молодешенька бывала,
Да и по утру раным-раненько,
По утру раным-ранешенько вставала,
Да и я на плечико салопчик,
Я на плечико салопчик одевала,
Да и на босу ногу башмачки,
На босу ногу башмачки одевала,
Да и поскорей того ко речке,
Поскорей того ко реченьке бежала,
Да и через речку голосочиком,
Через речку голосочком кричала:
«Да и воротися, моя радость,
Воротися, моя радость, друг, жениться!
Да и ежель ты не поворотишь,
Ежель ты не поворотишь и поедешь,
Да и вдоль по реченьке поедешь,
Вдоль по реченьке поедешь, овернешься,
Да и овернешься, захлебнешься,
Овернешься, захлебнешься и потонешь».

83

Мне сказали про девицу,
Сказали про девицу
Небыль, небылицу. (2)
Да про ей небыль, небылицу,
Про ей небыль, небылицу,
Все пустые речи. (2)
Да будто я, красна девица,
Будто я, красна девица,
По милу тужила. (2)
Да я тужить не тужила,
Тужить не тужила,
Все слезы ронила. (2)
Да уж я слышала про вас,
Уж я слышала про вас,
Да будете жениться. (2)
«Да ко венцу, милый, поедешь,
Ко венцу, милый, поедешь,
Приди распроститься. (2)

Да ты сойми тоску-кручину,
Ты сойми тоску-кручину
С меня, молоденькой, (2)
Да запряги тоску-кручину,
Запряги тоску-кручину
Коню в сиву гриву. (2)
Да сивой конь бежит, стряхнется,
Сивой конь бежит, стряхнется,
Гривой растряхнется, (2)
Да сива грива растряхнется,
Сива грива растряхнется —
Тоска разойдется». (2)
Да разойдись, тоска-кручина,
Разойдись, тоска-кручина,
По чистому полю, (2)
Да обрасти, тоска-кручина,
Обрасти, тоска-кручина,
Травой-муравою (2)
Да травой, травой-муравою,
Травой, травой-муравою,
Алыма цветамы. (2)
Да еще все цветки аленьки,
Еще все цветки аленьки,
Один всех алее, (2)
Да еще все дружки миленьки,
Еще все дружки миленьки,
Один всех милее. (2)

84

Ты мука, ты мука,
Ты солдатский паек,
Сухо высушена
Да мелко вымолота.
У крестьянина дочь
Худо выращена.
Она по полу ходит,
Головушку чёше,
Русу косу плетё
Да приговаривает:
«Ты расти, расти, коса,
Да всему городу краса».
Питер женится
Да Москву взамуж возьмет,
Все уездны города
Да во приданых отдают,
Еще пуд калачей
За собой волочи.
Вот по дворику гуляет,
Воротину отворяет, (2)
Свою любезну запускает.

85

Казачок, казачок,
Оловянны пряжки,
Лычаны подвязки.
Я казаченьку люблю,
За его замуж пойду.
Вот приходит новый год,
При печали весь народ.

86

На крыльце девка стоит,
Да в белом лице жар горит,
В белом лице жар горит,
Да красавица говорит,
Красавица говорит:
«Да на что миленький сердит»,
Он сердит, сердит, сердит,
Да ничего не говорит, (2)
Да в зелен сад гулять манит:
«Пойдем, девица, во сад
Да раскрасавица гулять, (2)
Да цветы алы сорывать.

Мы сорвем-ко цветок,
Да возьмем в рученьки платок.
Возьмем в рученьки платок,
Да мы завяжем цветок,
Мы завяжем цветок
Да во шелковый во платок,
Во шелковый во платок
Да во четвертый узелок.
Уж мы бросим платок
На кровать в уголок».
Еще вянет ли, не вянет
Мой лазуревый цветок,
Да еще тужит ли, не тужит
По мне миленький дружок.
Тужит, плачет мой любезный
На другой стороны,
Да на другой стороны,
Да в Миллионной улицы,
В Миллионной улицы,
Да сидят девки в горницы,
Они сидят, рассуждают,
Дружка в Питер отсылают,
Повод в руки подают,
Дружка наказывают:
«Да ты поедешь в торги
Да не затаргивайся,
Ой, на хороших, на баских
Не засматривайся.
Да хоть я худенька, худа
Да вековечна твоя,
Вековечна твоя,
Да подвенечна жена,
Под венцом стояла́
Да одну чарочку пила».

87

Как по зорьке, по зоре,
Да по вечерней по зоре,
По вечерней по зоре
Да шел молодчик из гостей,
Да шел-то молодчик из гостей
Да со великих радостей.
Он торопится, бежит,
[Да к своему двору спешит], (2)
Да за ним девица бежит, (2)
Да кричит: «Молодец, постой»,
Кричит: «Молодец, постой,
Да неженатый, холостой! (2)
Да ты не смейся надо мной,
Ты не смейся надо мной,
Да над моей русой косой,
Над моей русой косой,
Да над девичьей красотой.
Моя руса-то коса,
Да в алу ленту убрана».
Да ты скажи, красна девица,
В одного ли влюблена?».
«Я по совести скажу
Да сущу правду говорю,
Сущу правду говорю:
Да семерых с тобой люблю».
Показалось-то моло́дцу
Да за обиду велику,
Да за обиду велику,
Да за досадушку-то большу.
Он ударил красну девицу
По белому лицу,
Он-то по белому лицу
Да по румяной по щеке.
По румяной по щеке
Да по жемчужной по серьге.
Как жемчужная сережечка
Рассыпалася,
Тут уж красная девушка
Расплакалася.

88

Наколола-то ноженьку на былинку
Да на горьку́ю травоньку, на полынку,
На горьку́ю-то травоньку, на полынку.
Да болит моя ноженька, да не больно,[1]
Да любит меня миленькой, да недолго.
Недолго, недолышко мил, с годочек,
Уезжает миленький в городочек,
Да со всема подружкамы распростился,
Со мной, с молодешенькой, постыдился.
Да я ли, девченышечка, не гонюся,
Гонится, не гонится мил за мною,

[1] Далее каждая строка, кроме последней, повторяется два раза; при повторении слово «да» опускается.

Да за моей за русою за косою.
Ой, да коса моя русая коротенькая,
Да я ли-то, девченышка, молоденькая.
Да эта ль быстра реченька с камешка шумит,
А за этой реченькой дева говорит:
«Да ты не пой, соловьюшко, в зеленом саду
Да не давай зазнобушки сердцу моему».

89

Комарочку во лесочку много уродилось,
Много, много уродилось, я тому дивилась.[1]
Тому-сему издивилась, что много родилось,
Нельзя девке, нельзя красной в лесе погуляти,
В темном лесе погуляти, цветиков сорвати.
Цветы алы возростали до зелена лужка,
Тоска, хочется увидеть сердечного дружка,
Сердечного, любезного давно не видала,
Давношенько не видала, вечор целовала.
Чтой вечор ко мне, младенькой, прилетал голубчик,
Чтой не сизенькой голубчик, удалой молодчик,
Он садился, сиз голубчик, на красно крылечко:
«Не отворишь, душа, двери, открой хоть окошко».
Девчонышка взрадовалась, в окошко бросалась,
Брала милого за ручки, провела во спальню,
Угощала, учащала дорогим напитком,
На походе говорила: «Душечка, не хвастай,
Ты не хвастай, мой любезный, своим друзьям, братьям».
Мил ударил ручкой в столик, пошел шум-раздорик,
Пошел шум, пошел гром во всей моей спальней.
Все соседи услыхали, маменьке сказали.
Присылает ко мне мать верную служанку,
Верну, верную служанку, молоду дворянку.
Дворяночка приходила, речи говорила:
«Сударыня-барыня, что с тобой случилось?».
«Сера кошечка игрива на комод вскочила,
На комодичек вскочила, туалет сронила,
Туалетик уронила — зеркальце разбила,
И не стало на окошке любимой приметки».

90

Я под ельничком ягодки брала,
Да под березничком грузди ломала́,
Я брала, брала, поукивала,
Да никто в лесе не откликнется,
Да никто в темном не отукнется.
Откликались пастушки, наши дружки,
Да моей маменьки помощнички,
Государевы работнички.
Пляшучись меня мать родила,
Да со похмелья бабка выбабила,
Окупали в зеленом вине,
Окрестили во царевом кабаке,

[1] Каждая строка, кроме первой, повторяется два раза.

Крестной батюшко — крещельщик молодой,
Крестна мать — винокурова жена,
Вся порода от царева кабака.
Расти, Дуня, высока и велика,
Быдь,[1] Овдотьюшка, счастливая,
Сошьем Дуне сарафан, сарафан,
Носи, Дуня, не марай, не марай,
На лавочку не кидай, не кидай,
На лавочке таракан, таракан,
Да все он груди искусал, искусал.
Все он пуговки отщелкивал,
Все он петельки отстегивал.

91

Уж вы лу́жки, вы лу́жки мои,
Люли, люли,[2]
Зелены луги не таптываны,
Красны девицы не сматриваны,
Молодицы не целованныя.
Да еще как люди в людях живут,
На людей люди улаживают,
На свекровишек сноравливают?
У мня матушка лиха, недобра,
Есть свекровишка неласковая,
Посылает меня матушка
В темный погреб за пивом, за вином.
В погребу я принаслушалася,
Зелена вина накушалася,
Холостому стакан рому налила,
Я женатому зеленого вина,
А вдовцу несла — спролила,
Солдатика не почествовала.

92

Красна девушка ходила бережком,
Подтягалася шелковым ремешком,
Хотя туго — не подтянешься ремнем,
Хотя любо — не подкупите рублем.
Эки милые девушки,
Да как у тетушки-матушки,
Подгородние сударушки!
Да сорок девок на году я обману,
Никотору девку замуж не возьму.
Сломал Серушко у батька три дуги,
Купит батюшка смазные сапоги,
Батька Бурушку продаст, таки продаст,
На гармошку денег даст, таки даст.
Гармошка двадцати пяти рублей,
А без гармони девки сделают кадрель,
Кадрелишка прилюбилася,
А в городу Маша родилася,

---

[1] Будь.
[2] Этот припев повторяется после каждой строки.

Со песочку воротилася назад,
А во слободку на желтых песках.
Жили-были две названы, две сестры,
Обе девушки красивы, хороши,
Из себя были порядочны,
Выбирали себе двух молодцов,
Петербургских богатых купцов,
Кочегарова Григорьюшка,
Да Шимбазарова Иванушка.
Кочегарова ведь девушки любили,
А Шимбазарова на улицу манили,
Кочегаров стал выспрашивати,
А Шимбазаров стал выведывати:
«Уж ты дурина, фигурина моя,
А фигурина некатаная,
Я давно к тебе не хаживал
Да цветно платьице не сматривал».
«А потеряла трои золоты ключи
Я на розовой на ленточке
На фарфоровой тарелочке,
Кто бы, кто бы эти ключики нашел,
За того бы я взамуж пошла».

93

Вечор девок,[1]
Вечер девок вечеринушка была.
Пришел к девкам,
Пришел к девушкам незваный гостенек.
Стали девки,
Стали девки перешаптываться:
«Чем же будем,
Чем же будем гостя потчевати?».
«Пивцом, винцом,
Пивцом, винцом, сладкой водочкой».
Одна девка,
Одна девица смелее была всех.
Она парня,
Она парня стала гнать, стала гнать.
«Постой, девка,
Постой, девка, черну шляпу позабыл.
В этóй шляпé,
В этой шляпе три узла, три узла:
Первый узел,
Первый узел — белила, белила;
Второй узел,
Второй узел — румяна, румяна;
Третий узел,
Третий узел — мятны прянички».
«Пригласим парня,
Пригласим, посадим возле себя,
Ай да парень,
Ай да парень, полюбить бы его».

[1] Каждая строка повторяется два раза.

94

— Уж ты, Ванюша, Ваня, Иван, (2)
Да ты чего, Ваня, ни бел и ни румян,
Чего, Ваня, ни бел и ни румян,
Да ты куда, Ваня, румянец подевал? [1]
— Да уж ты, Дунюша, любуша моя,
Да скажи, тужишь ли, плачешь обо мне?
— Да все я, все я по тебе, Ваня, тужу,
Да завсегда я взираю на тебя,
За твои, сударь, за ласковы слова,
Да что ль за ваш за веселый разговор.
Да уж ты вспомни, мой миленький дружок,
Да принадпомни част ракитовый кусток,
Да когда жили мы вместе с тобой,
Да мы гуляли во зеленом саду,
Да уж мы рвали-щипали алый цвет,
Да мы коренье бросали на кровать.
Да еще летели соло́вья мимо сад,
Да они видели в садочке двоих нас.
Да ты дозволь, душа-радость, сосчитать,
Да еще много ли над нами птиц летат?
Да в саду птички-перелеточки,
Да с куста на куст перелятывали,
Да письма-вести перенашивали,
Да про меня, младу, рассказывали.

95

Совевали ветерочки со горы,
Со моей ли со родимой стороны,
Да со моей ли со родимой стороны,
Да во мои ли во широки ворота.[2]
Да ворота были не заперты,
Да подворотенка не вложена была,
Да сера уточка с двора сошла,
Да со малыма со деточкамы,
Да с горе-горькима сироточками.
Да очутилась эта утица,
Да проявилась красна девица-душа
Да во Питере во фатере во дворе.
Да стали утицу приманывати,
Да серу малу приголубливати:
Да ты сюда, сюда, утица,
Да поживем, красна девица-душа,
Да мы сошьем тебе юбочку,
Да парчевую душегреечку,
На головушку шелковый плат,
Да на праву руку злачен перстень.

---

[1] Все строки, кроме последней, повторяются два раза без слова «да».
[2] Все строки, кроме первых трех, повторяются два раза; при повторении слово «да» опускается.

96

Как у наших у ворот
Да стоит озеро с водой,
Ай люли, ай люли,
Да стоит озеро с водой.[1]
Стоит озеро с водой
Да с берегами наровень,
Чтой во этом озере
Да молодец коня поил,
Молодец коня поил
Да ко воротам приводил,
Ко воротам приводил
Да к золоту кольцу вязал,
К золоту кольцу вязал
Да никому не приказал,
Никому не приказал
Да одной девице сказал:
«Красна девица-душа,
Да сбереги добра коня,
Береги добра коня,
Чтоб не сорвал повода,
Повода шелкового,
Узду серебряную».
Красна девица идет,
Будто павынька плывет,
Чтой на девице перо
Да восемьсот рублей дано,
Восемьсот рублей дано
Да из Казани везено,
Из Казани везено
Да за любовь подарено,
За любовь подарено
Да ей пожаловано.

97

Офицерик, офицерик, офицерик молодой,
Калина ли моя, малина ли моя![2]
Да офицерик молодой да под ним коник вороной,
Да под ним коник вороной да весь убор золотой,
Весь убор золотой да сбруя под серебром,
Сбруя под серебром, узда под золотом,
Пухова шляпа со пером да перщаточки,
Пухову шляпу снимал да честь девицам раздавал:
«Да уж вы, здравствуйте, молодки, молодки, молоденьки,
Вы молоденьки да чернобровеньки,
Вы пожалуйте, девицы, на квартиру на мою,
У меня ли на квартиры, право, нету никого,
Да в-первых, писарь, в-других, я
Да в-третьих, верна слуга.
Уж я верна слуга во царев кабак сошлю
Я за пивом, за вином, за сладкой водочкою.
Уж я милую свою на диванчик посажу,
На диванчик посажу да ей червончик подарю».
«Уж ты миленький мой, как домой мне прийти,
Как домой мне прийти да червончик принести?».
«Уж ты милая моя, скажи — во садику была,
Ты во садике была, сладко вишенье рвала,
Сладко вишенье рвала да на базаре продала,
На базаре продала, на червончик наклала».

98

Мимо моего двора миленький гуляет,
Он к окошку-то к моему часто припадает,
Он раздушечкой-то меня своей называет.
Скажет: «Спишь ли ты, не спишь, моя дорогая,

---

[1] После каждых двух строк припев «Ай люли, ай люли» поется с повторением второй строки.

[2] Этот припев поется после каждой строки.

Если, душечка, ты не спишь, выйди на крылечко,
Ты со мной ли, да с молодцом, вымолви словечко».
«Я радешенька с тобой всю ночь говорити,
Да спрошу ли я, дорогой, будешь ли любити?
А на правой на руке лежит муж постылый,
Он на правой на руке лежит, как колода,
Не колода лежит стара, стара, дубовая,
Мне обнять-поцеловать, право, неохота.
Лежучись я, молода, богу возмолилась:
Ты повыстань-ко, взойди с моря, грозна туча,
Ты повыпади из тучи, стрела громовая,
Ты убей-ко да зарази немилого мужа,
Сохрани-тко да сбереги ты сердечного дружка».
Как повыстала, взошла с моря грозна туча,
Как убила да заразила сердечного дружка,
Сохранила да сберегла немилого мужа.
Кабы знала бы, бедна, я богу не молилась,
Воску яровой свечи я не становила».

99

Во селе, селе Покровском, среди улицы большой
Разыгралась, расплясалась красна да девица-душа,
Красна девица-душа да Овдотьюшка хороша.
Разыгравши, говорила: «Вы, подружки мои, (2)
Поиграйте, подружки, теперича при мне, (2)
Я со радости, с веселья поиграть с вами хочу». (2)
Приезжал ко мне детина из-за Питера,
Серебром меня дарил да много золота сулил. (2)
Сказал: «Куплю тебе парчу да на шею жемчужку». (2)
Я сказала, что поеду, отдумала опять: (2)
«Нет, сударчик, не поеду, — говорила я ему — (2)
В вашем городе обычай, я слыхала от людей,
Всех вы любите словами, а на деле никого».

100

Я по бережку похаживала,
По бережку похаживала,[1]
Лебедынь-траву заламывала,
Да лебедь белу заворачивала:
«Да уж вы, гуси, гуси-лебеди мои,
Серы, белы лебедочки,
Да солетайте со Дунай-реки домой».
Дунай-речка сколыбалася,
В море рыба разыгралася,
В берега рыба кидалася.
Да узнали про рыбинку,
Да узнали про белужинку
Молоды гребцы михайловцы.[2]
Сошили шелков неводок,
Клали плутева серебряные,
Проволоку позолоченую.

---

[1] Все строки, кроме последней, повторяются без слова «да».
[2] Михайловское — одна из деревень Олонецкого р-на.

Изловили эту рыбинку,
Изловили белужинку,
[В неводу рыба приплясывает].
Свежа рыбинка в шелковом неводу,
Красна девица в высоком терему
Да у рыбинки выспрашивает,
У белужинки выведывает:
Каково рыбы жить без воды,
Также девушке без милого дружка,
Без мила дружка, Иванушка.
Взяли, приняли Ивана-молодца,
Прописали в трои книги удальца,
Не на горе, горе-горькое.
Горе-горько солдатско житье,
Не велико идет жалованье:
По две денежки за суточки,
[По три гроша на неделечку].
Хоть ешь, хоть пей молодец,
Хоть на сладкие прянички клади,
Хоть душе красной девице подари.
С трема деньгамы на рыночек схожу,
Чего надо, красной девице куплю,
[Которóго цвету надобно].
Спокупил души алый цвет,
Сошьем платье нарядливоё,
Уберемся, уладимся,
В новы саночки усадимся
Да по городу прокатимся,
На хороших оглянемся:
Поглядите, люди добры, на меня,
Чем я, девушка, родилась плоха?
Наша Маша хорошенька,
На нее глядеть милешенько.

101

Я бегу, бегу по поженке
Да прибегаю ко часовенке,
Прибегаю ко часовенке,
Да у часовенки два голуба сидит.[1]
Да один голубь в часы говорит,
Да второй голубь приговаривает,
Да третий девушку обманывает:
— Да ты, хорошая, веселая моя,
Да иди, девушка, взамуж за меня,
Да за меня ли, за дородна молодца.
— Да я нейду, нейду, не думаю идти,
Да, право, я и не надумалася.
Да вечор слышала славу про тебя,
Да йде славушка не очень хороша:
Да скажут, ходит по темным ночам,
Да скажут, пьешь ты пивцо и винцо,
Да табачок, сударь, покуриваешь.
— Да поверь, душечка, нигде я не бывал,

[1] Каждая строка повторяется два раза; при повторении слово «да» опускается.

Да окромя воды, ничёго не пивал,
Да окромя тебя, ни с кем не гуливал
Да красных девушек полюбливал.

102

У Иванушка заболела голова,
Да у хорошего от зеленого вина,
Да у хорошего от зеленого вина.
Да там построен невелик город Москва,[1]
Да невелик город Москва, очень широка,
Да в той Москве-то никто не ходит-то, не гулят,
Да только шел-прошел детинуша молодой,
Да не имел себе он печали-то никакой.
Только есть у мня, есть забота-то сухота,
Да навязалась мне не по совести жена,
Да чтой жена мужа журит-бранит завсегда,
Да муж не слушался своей женки никогда,
Да он со вечера буйну голову чесал,
Да против зеркала русы кудри завивал,
Да со полуночи на гулянье-то уезжал,
Да по белу свету со гулянья приезжал.
Да он стучит-брячит у широких у ворот:
«Да открывай, жена, мужу двери-ворота,
Да запускай, жена, со гулянья молодца».

103

Из-под камешка водичка спротекла,
Да не своей волей взамуж бедна пошла.
Не своей волей взамуж бедна пошла,
Да чужи людюшки просватали меня,[2]
Да родна маменька не знала про меня,
Да догадалася желанна у меня,
Да когда я стала со личика бледна,
Да стала маменька выспрашивать у мня:
«Да ты зачем, зачем со личика бледна,
Да ты зачем приуплаканы глаза,
Да приутерты кисейны рукава?».
Да я головушку платочком подвяжу,
Да на родимую сторонку погляжу,
Да посмотрю я, кто по улице пройдет,
Да, может, милый на окошко поглядит,
Да меня, девушку, поклоном подарит,
Да, может, скажет, овернувшися вокруг:
«Да я люблю тебя по-прежнему, мой друг».

104

Из-под горья студены ключи шумят
Да льются, льются и на час не замолчат,

---

[1] Далее все строки повторяются два раза (без слова «да»).
[2] Далее все строки, кроме последней, повторяются два раза; при повторении слово «да» опускается.

Льются, льются и на час не замолчат,[1]
Да какова у красной девицы печаль,
Да дружка милого покинуть сердцу жаль.
Да злые люди разлучили счастье мне,
Да об любви нашей поведались они,
Да разлучили с милым другом, развели,
Да позабыть его заставить не смогли.

Примечание. Этот текст поется на напев № 103.

105

Полно по улице ходити,
Полно по широкой гуляти,
Полно черной грязи топтати,
Полно по любезном тосковати.
Как мне по милом не тужити,
Во́веки такого не нажити:
Ни возрастом, ростом, красотою,
Всей молодецкою поступкой.
Вечер со любезным разбранилась,
С миленьким, с хорошим раскорилась.
Как мне со милым помириться?
Мне самой мириться не годится,
Мне людей послати не кстати.
Дождусь я темную ночку,
Темную ноченьку осенню,
Сама пойду к милу побываю,
В очи любезного напеняю:
Любчик, сизенький голубчик,
Надеженька, миленький дружочек!
Не слущай, друг, разума чужого,
Чужих людских басен, переводов.
Все люди бают, смущают,
Нас с тобой, надежда, разлучают.
Что людям зазорно, то сговорно
Или то забедно, что советно.[2]

106

Весел, не весел сегодняшний день,
Ой, радость, не радость теперешний час, (2)
Да видел я, видел я надёжду свою,
Да видел, не видел надёжду свою,
Да ходит, гуляет в зеленом саду,[3]
Да щиплет, ломает зелен виноград,
Да корнице мечет ко мне на кровать,
Шуточек шутит со мной, с молодой:
«Тебе ль не жениться, мне-ка замуж не идти,
Женись ты, женись, мой милый, хорош,
Возьми ты, возьми да надежу свою».

---

[1] Все строки, кроме первой и последней, повторяются без слова «да».
[2] Все строки, кроме двух первых, повторяются два раза.
[3] Далее каждая строка повторяется два раза.

107

Что ль над речкой, над рекой, да над муравкой зеленой,
Где листочики шумят, громко пташи говорят,
Где листочики шумят да громко пташи говорят.
Одна пташа во саду да на ракитовом кусту,[1]
На ракитов кустик села, сама песенки запела.
Радость девица-душа да уродилась хороша,
Уродилась хороша да заблудилась во лесах,
Во леса, не во леса да во зеленые сада.
В саду девица гуляла, раскрасавица плясала,
Раскрасавица плясала, цвету алого искала,
Цвету аленького да дружка миленького,
Не нашла цвету алого против своего милого.
Скажет, мой милой хорош, чернобров душа, пригож,
Чернобров душа, пригож, хорош подарочек принес,
Подарóчек дорогой да перстенечек золотой,
Не хочу перстня носить да хочу на воду бросить,
Хочу на воду бросить да буду так дружка любить.
Уж ты, миленькой мой, да мил сердечный, дорогой,
Мил сердечный, дорогой, да купи новой, иной,
Купи новой, иной да позолоченой,
Позолоченой, витой да перстенечек золотой.

108

Да я не думала сегодня угореть,
Пришел вечер — голова стала болеть,
Да пришел вечер — голова стала болеть.
Зашумели угары да в головы,
Да закипели самовары на столе,
Закипели самовары на столе,
Да забренчали чайны чашки на столе.
Ай, девица у ворот, у ворот,
Да красавица у широких стоит,
Красавица у широких стоит,
Да промежду собой речи говорит:
«Здравствуй, миленькой, красавчик дорогой,
Да лет семнадцать мы не виделись с тобой,
Уж лет семнадцать не виделись с тобой.
Да хотел миленькой бесчестить меня,
Русу косу отрезать у меня,
Русу косыньку отрезать у меня,
Алу ленточку измять, измарать,
Да меня, девушку, на веки обругать».

109

Сорока от Старчины[2] [не]вдалеке стоит,
[Да меж темами деревнями быстра реченька течет], (2)
Да что ль во этой во деревне два молодчика живет,
Во этой во деревне два молодчика живет,

---

[1] Далее все строки, кроме последней, повторяются два раза.
[2] Географические местные названия (Сорока — ныне г. Беломорск, Старчина — остров).

Да два молодых, два хороших, два удаленькия,
Два молодых, два хороших, два удаленькия.
Да оповадились ребятушка за реченьку ходить,
Оповадились ребятушка за реченьку ходить.
Они по улице идут да громко песни поют,
По улице идут да громко песни поют,
Да ко воротам приходят, насвистывают,
Ко воротам приходят, насвистывают,
Да за колечко берут, выговаривают,
За колечко берут, выговаривают:
«Да если б девица была да вышла, встретила меня,
Если б девица была да вышла, встретила меня,
Да прям широкого двора за белы руки брала,
Прям широкого двора да за белы руки брала,
Да за белы руки брала, в высок терем провела,
За белы руки брала да в высок терем провела,
Да в высок терем проводила, за дубовый стол садила,
В высок терем проводила, за дубовый стол садила,
За дубовый стол садила, чаем, кофеем поила. (2)
Пей кофе, кушай чай, забывай скуку-печаль. (2)
Да не хочу я чаю пить, не могу тоски забыть».

110

Если б знала я, младенька, (2)
Сейгодну разлуку да сейгодну разлуку,
Не ходила б, не гуляла (2)
Вдоль по лугу, лугу, да вдоль по лугу, лугу.
Не топтала — потопчу (2)
Лужка зеленого да лужка зеленого,
Не любила — полюблю (2)
Парня молодого да парня молодого.
Я за то его люблю, (2)
Что порою ходит да что порою ходит,
Ходит миленькой порою, (2)
Вечерней зарею да вечерней зарею.
По утру ходит раненько, (2)
Вечером поздненько да вечером поздненько.
Еще я млада-младенька (2)
Вставала раненько да вставала раненько,
Я ранешенько вставала, (2)
Дружка ворочала да дружка ворочала:
«Воротися, друг любезный, (2)
Воротися, сердце, да воротися, сердце.
Не воротишься, мой милый, (2)
Хотя овернися да хотя овернися.
Вечер слышала про вас, (2)
Будете жениться да будете жениться.
Ты поедешь, мил, венчаться, (2)
Заезжай прощаться да заезжай прощаться.
Ты сними мою кручину (2)
С меня, с молоденькой, с меня, с молоденькой,
Ты отдай мою кручину (2)
Коню сивогриву да коню сивогриву».
Сивой конь бежит, стряхнется, (2)

Грива размахнется да грива размахнется,
Сива грива размахнется, (2)
Тоска разойдется, да тоска разойдется,
Разойдись, тоска-кручина, (2)
По чистому полю, по чистому полю,
Обрасти, моя кручина, (2)
Травой муравою, травой муравою,
Всякой травонькой муравой, (2)
Алыми цветами, алыми цветами,
Еще все цветы алы́е, (2)
Один всех алее, один всех алее,
Еще все дружки милы́е, (2)
Один всех милее.

111

Не нападывай, пороха, не нападывай, пороха,
На талую землю да на талую землю.
Что ль на талую землю, на талую землю,
На злоё кореньё да на злоё кореньё,
Что ль на злоё кореньё, на злоё кореньё,
Петрово говеньё да петрово говеньё,
Что ль петрово говеньё, петрово говеньё,
Вербно воскресеньё да вербно воскресеньё.
Что по той белой порохе, по той белой снеговой
Шел Ваня хороший да шел Ваня хороший.
Идет Ванюша печален, идет Ванюша печален,
Головой качает, гловой качает.
Он головушкой качает, головушкой качает,
Умом размышляет да умом размышляет.
Размышляет друг Ванюша, размышляет друг Ванюша,
Кого полюбити да кого полюбити.
Мне мужня жена любити да мне мужня жена любити —
Опасно ходити да опасно ходити.
Молода вдова любити да молода вдова любити —
Денежному быти, денежному быти.
Красна девица любити да красна девица любить —
Щегольно ходити, щегольно ходити.
Хотя щегольно ходити, хотя щегольно ходити —
Девицу любити, девицу любити.

Примечание. Этот текст поется на напев № 110.

112

Прираздвиньтесь, прираздайтесь, добрые люди,
На две, на три на сторонки, на все на четыре,
Пропустите молоденьку в садик погуляти,
В садик, в садик погулять, цветики срывати. (2)
Цветы алы с розы пали, негде нам взыскати, (2)
Нужно, надобно пойти до зелена луга,
Нужно, надобно пойти до зелена лужка.
Прилетал ко мне, молодке, из полку поручик, (2)
Он садился, голубочек, на красно крылечко,
Он со красного крылечка — на красно окошко. (2)

113

Никогда нашу Надежду
Не разбирывал хмелек,
Ох-хо, ох-хо-хо, да
не разбирывал хмелек,[1]
Да разобрал нашу Надежду
В один праздничный денек,
В один праздничный денек
Да в воскресенский вечерок,
В воскресенский вечерок
Да полюбился паренек.
Уж он так ей полюбил
Да на кораблик посадил,
На кораблик посадил
Да тонкий парус распустил,
Тонкий парус распустил
Да по синю морю пустил.

114

Снежки белые пушисты
Призакрыли все луга,
Ай люли, ай люли,
Да призакрыли все луга.[2]
Да они только не закрыли
Люта горя моего.
Да еще кустичок в саду
Единешенек стоит,
Да к земле веточек не клонит,
И листочков нет на нем.
Да уж я, горька, разнесчастна,
Все горюю по милом,
Да день горюю, ночь тоскую,
Понапрасну слезы лью.
Да пойду с горя в чисто поле,
Сяду ль я на огород,
Да посмотрю я в ту сторонку,
Да где ж мой миленькой живет.
Да мне не нужно все наряды:
Да ленты, жемчуг и шелки,
Да кудри молодца и взгляды
Ретиво сердце зажгли.
Да сжалься, сжалься, родимая,
Да перестань меня бранить,
Да знать судьба моя такая,
Что должна его любить.

115

Уж ты, Аннушка, не плачь, люли, люли,
Душа-радость, не вопи, люли, люли,
Твои слезы дорогие, люли, люли,
Во Казань-город бегут, люли, люли,
Сто рублей денёг дают, люли, люли,
Дунай-речку сделают, люли, люли,
Дунай-речка широка, люли, люли,
Широка и глубока, люли, люли,
Как Архангельска Двина, люли, люли,
Колежомски[3] ручейки, люли, люли,
В сине море спротекли, люли, люли,
Летом высохли, люли, люли,
Зимой вымерзли, люли, люли.

116

Как во Брантовой[4] конторе, люли, люли,
За набраныма столами, люли, люли,
Сидел молодец с делами, люли, люли,
Шла девица во наряде, люли, люли,

---

[1] После каждых двух строк припев «Ох-хо, ох-хо-хо» с повторением второй строки.
[2] После каждых двух строк припев «Ай люли, ай люли» с повторением второй строки.
[3] Ручьи, впадающие в р. Колежма (Беломорского р-на).
[4] По-видимому, контора, принадлежащая коммерсанту Брандту.

При кисейной белой юбке, люли, люли,
При голубом полушубке, люли, люли,
Чтой на шее шаль атласна, люли, люли,
[Бела юбочка с борами, люли, люли,
Полушубочек с хазами, люли, люли],
На головушке косынка, люли, люли,
В ушах серьги золотые, люли, люли.
Да она тщилась и божилась, люли, люли,
Да во все стороны четыре, люли, люли:
Да она писарю поклон, люли, люли,
Да караульщику другой, люли, люли,
Да писаришко не стерпел, люли, люли,
Да взял девицу посмотрел, люли, люли,
Бросил книги и бумаги, люли, люли,
Да прочь казенны дела, люли, люли,
Да стала девица мила, люли, люли.
Да красави́ца здесь была, люли, люли,
Да праву ручку дала, люли, люли,
Да за его заму́ж пошла, люли, люли.

Примечание. Этот текст поется на напев № 115.

117

Зелено вино в кармашке, сахар на бумажке,
Зеленоё вино пьет, сахар на закуску.[1]
Есть у моего милого три саду зеленых:
Во первом саду-садочке кукуша кукует,
[Во втором саду-садочке сам, душа, гуляет],
Во третьём саду-садочке поет птица-пташа.
Спишу пташин голосочек на тонкой листочек,
Что ль на тоненькой листочек, на белу бумажку,
Отошлю этот листочек в дальний городочек,
В самой дальной городочек, к милому дружочку,
Пусть прикажет моя радость хорошо ходити:
«Ходи, гуляй, моя радость, гуляй хорошенько,
Ты умойся, уберись, басче снарядися,
Не ходи, моя милая, к суседу в беседу,
У соседа на бесёды все сидят холосты,
У холостых глаза востры, сами завидущи.
Холост ходит, глазом водит, из ума выводит,
На праву ногу ступает, разума пытает,
Черны брови выздымает, на двор вызывает,
Что ль на дворик вызывает, подарок желает,
Что ль подарочек желает — золото колечко,
Золото, вито колечко на праву на ручку».

118

Девка мала, туровата, с парнем вожевата [2]
Приходил к её [3] детина, белый, кудреватый,
Белый, белый, кудреватый, холост, неженатый.
Нальем чару зеленого, сядем рядом, выпьем:

[1] Все строки, кроме первой, повторяются два раза.
[2] Все строки, кроме последней, повторяются два раза.
[3] К ней.

— Уж ты пей, моя надёжа, пей, не упивайся,
На хороших, пригожих ты не укидайся,
Хоть хороши, пригожи — тебе ненадолго,
Много на день, много на два, много на неделю.
Протурил к...н дорожку — не хочет ходити,
Пропустил он дурну славу — спокинул любити.
— Рад бы, девица, любить, мне нечем дарити,
Случай будет в Москву ехать, — привезу подарок:
Куплю девице подарок — тафту или ленту.
— Мне тафта, милой, не надо, ленточка не в моды,
Если любишь, душа, купишь алого грезету,
На две юбки, на две шубки, на две душегрейки.
Буду шубоньку шить — по милом тужити,
Душегрейку одевать — дружка вспоминати.

Примечание. Этот текст поется на напев № 117.

119

О-хо-хонюшки, сердечко просится,
Ох, хоть один-то разок да увидать его,
Увидать-то его, дружочка милого.
Уж он не раз-то, не два да ей наказывал,
Он не раз-то, не два да ей наказывал,
Ох, свою девушку да уговаривал:
«Уж посмирнее живи да летом, девушка,
Ох, сизокрылая моя голубушка».
Уж я наказику его не слушалась,
Ох, свою заповедь я принарушала,
Ох, не с милым и не с любым да я гулять пошла.
Ох, на гуляночке я да приразумалась,
Уж приразумалась, слезно расплакалась:
«Ох, пойдем, миленькой, со мной ты во горенку,
Пойдем, миленькой, со мной во горенку,
Ох, сядем, миленькой, да под окошечко,
Под одно-то окно да на единый стул,
Уж мы посмотрим, дружок, во чисто полё,
Уж во чистом поле да есть туман большой,
Ох на синем на море — больша погодушка,
Уж погодушечка, да мил сердечный друг».
Ох, зазнобил он сердечко, взял повысушил,
Уж суше ветрышка да суше вехоря,
Уж суше той травы, травы кошеныя,
Уж столь кошеныя, травы сушеныя.
Ох, за неделечку сердечко-то нояло,
За един мал час сердечко плакало,
Уж как возьмут-то у меня дружка в солдатики,
Уж как возьмут у меня дружка в солдатики,
Ох, во молоденькие да во лекрутики,
Уж далеко ль я, далече провожать пойду,
Ох, провожу ли я дружка да через три лужка,
Уж через три-то лужка, до быстрой реченьки.
Ох, у быстрой у реки мы расставалися,
У быстрой у реки мы расставалися,
От полку-то солдат да сдивовалися:
Уж это кто же такой там расставается,

Ох, видно, брат с сестрой или муж с женой,
Или брат с сестрой да или муж с женой?
Ой, добрый молодец да с красной девушкой.
Уж спознаваньице было тайное,
Ох, расставаньице было явное,
Уж расставались мы с дружочком три часа,
Ох, спознавалися да три годочика.

120

Красна девица сидела под окном
Да утирала слезы беленьким платком,
Да пришла весточка нерадостная к ней,
Да что сердечный друг неверен больше ей,
Да он задумал другую замуж взять,
Да стала девица плакать, горевать,
Да стали девушку подружки унимать:
«Да полно, глупа, об неверном тосковать,
Да ты в селе у нас всех лучше красотой,
Да наши молодцы любуются тобой,
Да тебя, девицу, желают увозить,
Да ты зазнаешься другого полюбить».
Да красна девица подруженькам в ответ:
«Сердечка [1] милого на свете лучше нет».

121

Я по горенке хожу, таки хожу
Да сквозь околенку на милого гляжу,
Да у мня миленькой хорош, таки хорош,
Да чернобров душа пригож, таки пригож,
Да я не знаю, к чему дружка применить,
Да применю я к жемчужку, к жемчужку,
Да жемчужочек весовой, весовой,
Да у мня милый часовой, часовой,
Да злачен перстень на руке, на руке,
Да у мня милый на уме, на разуме.

Примечание. Этот текст, а также № 122 поются на напев № 120.

122

Скучно, маменька, весною жить одной,
Да поскучней того — уйдет у мня милой.
Да куда скрою я кручинушку свою,
Да пойду, выйду на крылечко, постою,
Да посмотрю, не пролетел ли мой сокол.
Да вдоль по улице метелица метет,
Да за метелицей порошица падет,
Да по порошице мой миленький идет,
Да зовет Машу своим беленьким платком,
Да подошел он, говорил со мной тайком,
Да сказал: «Стой, постой, красавица моя,
Да дай мне волю насмотреться на тебя,

[1] Т. е. дружочка.

Да на твое ли на белое лицо,
Да на твою ли на прекрасну красоту.
Да красота твоя с ума меня свела,
Да иссушила добра молодца меня,
Да с той поры, когда расстались мы с тобой,
Да потерял я все здоровье и спокой».
«Да или ты смеешься горю моему?
Да какова ли я до сей поры жила,
Да такова ли я хорошенька слыла,
Да на лице споблекли алые цветы,
Да не забудьте красной девицы-души».

123

Собирались ребятушка,
Собирались удалы́е молодцы,
Собиравшись, таки речи говорят:
«Да где бы, где бы нам девицу увидать,
Где красавицу повысмотрети?».
Да нашелся такой паренек,
Овернулся сизой козонькой.
Пошла ко́за вдоль по улице гулять,
Пошла сизая прогуливаться.
Пришла коза ко девице под окно,
Она стукнула копытом о бревно.
Бросилася красна девица в окно.
«Под окном, мати, сиживала,
Такова чуда не видывала.
Под окном, мати, козо́нька,
Да под окном, мати, сизая,
На козы, мати, синь кафтан,
На козы, мати, со скрипом сапоги,
На козы, мати, фуражечка,
Да на козы, мати, перчаточки.
Кабы эту, мати, козоньку,
Да кабы эту, мати, сизую,
Да ко батюшке в широкой двор,
Да ко маменьке в высок теремок,
Да ко мне, младой, в шитой браной положок,
Я не стала бы ни спать, ни дремать,
Все бы стала эту ко́зу утешать».

124

Ну, за двором было за батюшковым
Да за теремом за матушкиным
Выростала трава шелковая,
Да шелкова трава, лазуревы цветы,
Да лазуревы цветы аленькие.
Да пойду, выйду на ули́цу гулять,
Пойду, выйду на ши́рокую,
Да я одна была низка, плоска,
Я низка, плоска, поджимиста,
Да невелика, мала пташечка.
Да что ль садилась мала пташечка
Середи моря на серой камешок,

Да она слушала, выслушивала,
Во которой сторонушке
Красна девица плакала?
Да она плакала, приплакивала,
Да плачучись выговаривала:
«Уж ты стар, ты мой старой муж,
Старый муж, погубитель мой,
Погубил мою головушку,
Да со головки кунью шапочку,
Да дорогу мою повясточку,
Да из русой косы ленточку,
Да с дорогой косоплеточкой».

Примечание. Этот текст поется на напев № 123.

125

[Я воскресен день обедню прогуляла],
Я за молодца, за пьяницу попала,
На кабак идет — детина скачёт, пляшёт,
С кабака идет — детина слезно плачёт,
Ко широкому двору прибегаёт:
«Открывай, жена, широкие ворота»
(*«Сейчас открою!»*).
Поскорешеньку надеженька вставала,
Посмеле того надежа да поступала,
Да покрепче ворота запирала:
«Да уж ты где, моя надёжа, напивался,
Поди там, моя надежда, просыпайся,
Тебе мягки перины — снеги белы,
Тебе круто сголовье — суметы,
Тебе буйные ветры — окутки,
Тебе яркие звезды — поцелуи».

126

Вечер девки вечерину сидели. (2)
И ко девушкам, ан ко девушкам,
Чтой ко девушкам незваный гость пришел.[1]
Он нежданн, незван,
Нежданн, незван, ненаказываной.
Стали девки,
Стали девки перешаптываться:
«Чем же мы будем,
Чем мы будем гостя потчевати?
Винцом, пивцом,
Винцом, пивцом, сладкой водочкою».
«А не надо мне,
Мне не надо ни винца, ни пивца,
А надо мне,
Мне-ка надо красна девица-душа».
Одна девка,
Одна девица лучше всех,
Головушка,

[1] Далее каждая строка, кроме двух последних, повторяется два раза.

Головушка глаже всех,
Брала девка,
Брала девка парня за волосы,
Через скамью,
Через скамью, парня под скамью,
По новым сеням,
По новым сеням метелочкою,
По листовкам,[1]
По листовкам как овес толкут,
По двору,
По двору будто солому волокут,
По улице,
По ули́це мимо кузницы.
Во кузницы,
Во кузни́це есть молоды кузнецы,
Куют, дуют,
Куют, дуют, приговаривают,
Меня, Дуню,
Меня, Дунюшу, обманывают:
«Иди, Дуня,
Иди, Дунюша, во кузницу,
Скуем, Дуня,
Скуем, Дуня, два замочка золотых,
Умей, Дуня,
Умей, Дуня, отмыкать-замыкать,
Умей, Дунюша, отщалкивати».

ИГРОВЫЕ

127

Вышли две девицы на улицу гуляти,
Вью, вью, вью, ель-е-лю,[2]
Еще вышло две красных на ши́року,
Еще сма́хнули девицы по рукаву,
Еще сма́хнули красныя по перщату,
Еще с тех рукавов по бело́й лебеде́,
Еще поплыли лебеди вверх по реке,
Еще вверх по реке, супротиво воды,
Супротиво воды, супротиво струи,
Еще девицы у лебедей выспрашивали,
Еще красны у белых выведывали:
«Каково же вам, лебеди, плыть по реке,
Еще плыть по реке супротиво воды,
Супротиво воды, супротиво струи?».
Еще лебеди-то девицам ответ держали,
Еще белы-то красным отщалкивали:
«Да вы умейте-ка, девицы, самы собой,
Да уж вы самы собой, промежу собой,
Еще выдаст вас батюшка за старого замуж,
Чтой со вечера старой журит-бранит,
Со полуночи старой, он спать не дает,
Чтой по утру-то рано побуживает,

[1] По лестнице.
[2] Этот припев повторяется после каждой строки.

Чтой пора, жена, вставать, пора печка топить,
Пора печка топить, пора щи, кашу варить,
Пора щи, кашу варить, пора старого кормить».
Еще выдаст нас батюшка за молодого замуж,
Чтой со вечера младой, он шутки шутит,
Со полуночи младой пришучивает,
Чтой по утру-то рано прикутывает,
Да уж ты спи-ко, жена, высыпайся, молода,
Да до белого света, до красного солнца.

128

Кругом города царева, царева,
Кругом каменной ограды, ограды,
Там ходил, гулял царев сын, царев сын,
Он искал свою царевну, царевну.
— Еще где моя царевна, царевна?
Середи города стояла, стояла,
Золотым венцом светила, светила.
— Ты зайди, царев сын, во город, во город,
Ты бери свою царевну, царевну,
Чтой за правую за ручку, за ручку,
За злаченый за перстень, за перстень.

129

По насту, насточку,
Да е-во-ле-лю, младо мое,[1]
Дай по белому снежочку
Я стелила и белила
Тонкий беленький положок,
Уж стелила, говорила:
«Уж ты, беленький мой положок,
Убелишься хорошенек,
Белé белого снежочку,
Краше красного камешка,
Уж я в грязь брошу и стопчу,
Уж я из грязи повыну,
Я свежой водой умою.
Я на солнышке сушила,
Я на пласточки сложила,
Милу дружку подносила:
„Ты прими, сударь, пожалуй,
Тонкий беленький положок“».
Резвы ноженьки с подходом,
Белы рученьки с подносом,
Буйна голова с поклоном,
Тиха речь с подговором.

130

Не сырой-от бор да разгорается,
Да чтой не мой ли муж да рознемогается?
Да захотел мой муж да со Дунай-реки,
Да со Дунай-реки да ключевой воды.
Да во первом часу я за водой пошла,
Да во втором часу я воду-то черпала,
Да во третьем часу я со водой пришла.
Да не дошед двора да скора весть пришла,
Да скора весть пришла да скорая грамота:
Да чтой преставился да мой-от старой муж,
Да мой-от старой муж, да мой-от прежний друг.
Да стану плакати, да очи-то портятся,
Да очи-то портятся, да личико мутится.
Да наживу дружка лучше я старого,
Да лучше старого, лучше я прежнего.

[1] Этот припев повторяется после каждой строки.

131

На ракитовом кустишке, да е... эхи,
На малиновом прутышке, да е... эхи,
Соловей-птица песни поет, да е... эхи,
Молодой-душа насвистываёт, да е... эхи,
Холостой речь выговариваёт, да е... эхи:
«Поиграйте-ко, девушки, да е... эхи,
Поиграйте, голубушки, да е... эхи,
Во своей воле у батюшки, да е... эхи,
Вроде неги у матушки, да е... эхи,
Неровно взамуж выйдется, да е... эхи».
Неровен муж навяжется, да е... эхи.
Неровен муж, пьяница, да е... эхи,
Надо мной корыпается, да е... эхи,
Надо мной, над купеческой женой, да е... эхи,
Над купеческой дочерью, да е... эхи,
Разувать, раздевать велит, да е... эхи,
Жидовинку распоясывать, да е... эхи.
У меня ведь ручки белые, да е... эхи,
На руках все златы перстни, да е... эхи,
На руках спозолочены, да е... эхи,
Я пойду ли, млада, в торг торговать, да е... эхи,
Свой худящий домишко разорять, да е... эхи,
Да по разуму товару закупать, да е... эхи,
Еще что в торгу прилюбится, да е... эхи,
Что прилюбится, приглянется, да е... эхи.
Прилюбился в торгу камешок, да е... эхи,
Я за камешек три денежки дала, да е... эхи,
За полцену целой алтын, да е... эхи.
Отвезу я мужа на воду, да е... эхи,
Сама выстану на гору, да е... эхи,
Погляжу с горы на воду, да е... эхи,
Каково старой плавает, да е... эхи,
Вся рука, вся нога вверху, да е... эхи,
Да буйна голова ко дну, да е... эхи.
Тут взмолился ведь старый муж, да е... эхи:
«Уж ты Лушка, женушка моя, да е... эхи,
Уж ты свет-душа, ягода, да е... эхи,
Перейми старика со воды, да е... эхи,
На тебя я буду век работать, да е... эхи,
По три утра без едцы молоть, да е... эхи,
По четыре без завтраканья, да е... эхи,
Против печки онучки сушить, да е... эхи».

132

— Уж мы мост-то ведь сте́лили, сте́лили,
— Уж мы рано-то сте́лили, сте́лили.[1]
— Уж мы рожь-то ведь сеяли, сеяли.
— Уж мы рожь-то ведь по́топчем, по́топчем.
— Уж мы чем же ей[2] по́топчем, по́топчем?
— Уж мы коней-то выпустим, выпустим.

[1] После каждой строки припев «Уж мы рано-то...» с повторением последних слов строки.
[2] Её.

— Уж мы коней-то в хлев запрем, в хлев запрем.
— А мы коней-то выкупим, выкупим.
— Уж мы даем вам сто рублей, сто рублей.
— А нам не надо ведь тысячи, тысячи.
— А кого же вам надобно, надобно?
— Уж нам надо-то девицу, девицу.
— Ой, вам которую надобно, надобно?
— Уж нам надо-то крайнюю, крайнюю.
— У нас полку-то убыло, убыло.
— А у нас полку-то прибыло, прибыло.

133

Вдоль было по травоньке,
Вдоль по муравке,
Лёли, лёли, лёлюшки,
Вдоль по муравке,[1]
Ходит, там гуляет
Красная девица.
Вдоль было по травоньке,
Вдоль по муравке
Да ходит, там гуляет
Да добрый молодец.
Тут девица к молодцу
Подходила,
Тут девица с молодцем
Речь говорила:
«Я же тебя, молодец,
Избесчещу,
Сойму со головушки
Пуховую шляпу».
Русые кудерышка
Растрепала,
Синь кафтан у молодца
Да замарала,
Да смазненьки сапожечки
Затоптала.
Пошел, пошел молодец,
Сам заплакал:
«Несчастлива маменька
Да спородила,
Да на гулянье молодца
Отпустила,
Да на гулянье молодца
Невзлюбили».
Вдоль было по травоньке,
Вдоль по муравке
Ходит да гуляет там
Красная девица.
Тут девица к молодцу
Подходила,
Тут девица с молодцем
Речь говорила:
«Прости, прости, молодец,
Я же виновата».
Русые кудерышка
Расчесала,
Пуховую шляпочку
Накладала,
Да синь кафтан у молодца
Вычищала,
А смазненьки сапожечки
Вытирала.
Ах, пошел, пошел молодец,
Взрадовался.
Тут счастлива маменька
Спородила,
Да на гулянье молодца
Отпустила,
Да на гулянье молодца
Полюбили.

134

А хóдил, гýлял барин,
Да хóдил, гýлял барин,
Да и́скал барин (2)
Да сам себе невесту. (2)
Нашел барин,
Да нашел барин
Да сам себе невесту. (2)
Ах, люди говорили, (2)
Что пива не варили. (2)
— Да тесть ты, мой батюшко, (2)
Да навари-ко пива,
Навари-ко пива!
Да тёща ты, матушка, (2)
Напеки блиночков! (2)

[1] После каждых двух строк припев «Лёли, лёли, лёлюшки» с повторением второй строки.

Шурин ты, милой мой, (2)
Да запряги лошадку,
Запряги лошадку!
Свойка ты, милая, (2)
Да подруби платочек! (2)

Ах, весел я, весел
Сегодняшний вечер,
Радостен, радостен
Теперешний час.

135

Вдоль-то по речке да вдоль по Казанке
Селезеюшка да плывё,
Он со кудрямы да он со русыма
Да разговаривал со мной:
«Кому эти кудри да кому эти русы
Доставалися чесать?»
Доставались кудри да доставались русы
Молодой девке чесать.
Вот не умеет, вот не разумеет,
Волос ко волосу ведет (2)
Да алой лентой обовьет.
«Кому эти кудри, кому эти русы
Доставалися чесать?»
Доставались кудри, доставались русы
Молодой вдовы чесать.
Вот она умеё да вот и разумеё,
Волос к волосу ведет.
Волос к волосу кладет,
Алой лентой обовьет.

136

Как у наших у ворот, как у наших у ворот,
Ай люли, у ворот, ай люли, у ворот
Да сто́ял девок, сто́ял девок, сто́ял девок хоровод,
Ай люли, хоровод, ай люли, хоровод,
Да молодушек, молодушек, молодушек табунок,
Ай люли, табунок, ай люли, табунок.[1]
Да меня, младу, меня, младу, меня, младу, кликали,
Да на улицу, на улицу, на улицу манили.
Меня свекор, меня свекор, меня свекор не спустил.
Да хотя спустил, хотя спустил, хотя спустил, грозу дал:
«Гуляй, сно́ха, гуляй, сно́ха, гуляй, сно́ха, недолго,
Чтой недолго, недолго, недолго, до поры,
До вечерней, до вечерней, до вечерней до зари».
А зорюшка, а зорюшка, а зорюшка занялась,
Я ли млада, я ли млада, я ли млада поднялась.
Да счастливой, да счастливой, да счастливой выход мой,
А навстречу, навстречу, навстречу милой мой:
«Деверечек, деверечек, деверечек молодой,
Проводи, проводи, проводи меня домой».

137

Налетали голуба на дуба, люли, люли,
Да соклевали ягода, люли, люли,

[1] Далее припев «Ай люли, ай люли» после каждой строки, кроме последней, с повторением последнего слова строки.

Да оставили отросточку, люли, люли,
Да добру молодцу на тросточку, люли, люли.
Да чтой у всех мужевья хороши, люли, люли,
Да хороши были, хорошеньки, люли, люли,
Да у меня у единешенькой, люли, люли,
Да негодяй мужичонышко, люли, люли.
Да я сама ли буду до́ мужа добра, люли, люли,
Да я сама ли буду ласковая, люли, люли,
Да я поеду в городок торговать, люли, люли,
Да я онежски товары закупать, люли, люли,
Да я куплю ли мужу пуговку, люли, люли,
Семь пудов ему с четвертью, люли, люли,
Привяжу ему на ворот, люли, люли,
Отвезу его на море, люли, люли,
Сама выстану на гору, люли, люли,
На гору́, гору́ высокую, люли, люли.
Погляжу ли я на старенького, люли, люли,
Не черт в воды барахтается, люли, люли,
Не пузырь наливается, люли, люли,
Старый муж заливается, люли, люли,
От жены своей канается, люли, люли:
«Уж ты душка, женушка моя, люли, люли,
Самоцветна ты ягодка, люли, люли,
Перейми со воды старика, люли, люли,
На тебя я буду век работа́ть, люли, люли,
По три утра не завтракати, люли, люли,
По четыре не обедывати, люли, люли».
Вот уж рука и нога вверху, люли, люли,
А буйна головушка ко дну пошла, люли, люли,
А я, молоденька, гулять пошла, люли, люли.

138

Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему, (2)
Да по синему, по синему,
По синё морю Балтийскому (2)
Да плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами, (2)
Да со малыми, со малыми
Со малыми со утятами. (2)
Да плывши лебедь, плывши лебедь,
Плывши лебедь встрепенулася, (2)
Да под ней вода, под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася, (2)
Да откуль взялся, откуль взялся,
Откуль взялся млад ясён сокол, (2)
Да рушил-крушил, рушил-крушил,
Рушил-крушил лебедь белую, (2)
Он кровь пролил, он кровь пролил,
Он кровь пролил по синёму по морю, (2)
Лебяжий пух, лебяжий пух,
Лебяжий пух по зеленым по лужкам. (2)
Брала тот пух, брала тот пух,
Брала тот пух красна девица-душа (2)
Милу дружку, милу дружку,

Милу дружку во подушечку. (2)
Пускай держит, пускай держит,
Пускай держит на здоровьице. (2)
Тут шел-прошел, тут шел-прошел,
Тут шел-прошел удалой молодец. (2)
«Божья помощь, божья помощь,
Божья помощь, красна девица-душа», (2)
Она ему, она ему,
Она ему ни словечушка. (2)
Грозил парень, грозил парень,
Грозил парень красной девице-душе: (2)
«Добра девка, добра девка,
Добра девка, добра красная! (2)
Будёшь, девка, будёшь, девка,
Будешь, девка, за мной замужем, (2)
Да стоять будёшь, стоять будёшь,
Стоять будешь у кровати моей, (2)
Ронить будёшь, ронить будёшь,
Ронить будешь горючи слезы из глаз». (2)
Скоро девка, скоро девка,
Скоро девушка схватилася, (2)
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку извинилася: (2)
«Прости, друг мой, прости, друг мой,
Прости, друг мой, виновата пред тобой, (2)
Да не знала я, не знала я,
Да не знала я, что буду за тобой, (2)
Да стоять буду, стоять буду,
Стоять буду у кровати у твоей, (2)
Да ронить буду, ронить буду,
Ронить буду горючи слезы из глаз».

139

Задумал недорасточёк жениться,
Да жениться, жениться, жениться.
Да жена недоростка невзлюбила,
Невзлюбила, невзлюбила, невзлюбила,
Отводила недоростка во лесочек,
Во лесочек, во лесочек, во лесочек.
Привязала недоростка ко березке,
Ко березке, ко березке ко кудрявой.
Три недели недоростка не смотрела,
Не смотрела, не смотрела, не смотрела.
На четвертую неделю посмотрела,
Посмотрела, посмотрела, посмотрела.
— Каково недоростку жированье,
Жированье, жированье, жированье?
— Мне непутне, жена, жированье,
Жированье, жированье, жированье!
Мне еловая корочка приелась,
Приелась, приелась, приелась,
Да мне болотна водица испилася,
Испилася, испилася, испилася,
Меня серые волки напугали,
Напугали, напугали, напугали!

140

Я капустицу полола, приговаривала:
«Кому надобно капусты, приходите покупать,
Да кому надобно капусты, приходите покупать,
Приходите покупать да будем сходно отдавать».[1]
Вдруг нашелся тут детина, в саду ягода малина,
Зашел милый в огород да за белы руки берет,
За белы руки берет да ей почтенье отдает:
«Тебе бог помощь, красавица, капустицу полоть!».
Он капусты не купил да красну девку полюбил.
На улице есть заря, да не иди, милый, со двора.
Да на улице белый свет, да я за милым пойду вслед.

141

[Мимо тех ли, мимо каменных палат
Проезжали две девицы в маскарад],
Алы розы очень рано расцвели,
Проезжало две девицы в маскарад,[2]
Что ль на тех ли, на лаковых санях,
На военных, на прекрасных лошадях.
Да середи лета красавица была,
Будто кралечка написанная.
Что ль туда мил не пожалует меня,
Через речку милый просится сюда.
Мы с хорошеньким стояли ровно час,
Покатились горючи слезы из глаз
Вниз по моему, по белому лицу,
По белу лицу, румяненькому.
Да в белом ли́це кровь горит, кровь горит,
В белом ли́це разгорается,
Со милым любовь кончается.

СВЯТОЧНЫЕ КОЛЯДКИ

142

Звезды падывали,
Перепадывали,
Со небес Христос
С ангелом Гаврилом,
С Иваном Предтечем.
Сбегайте,
Сопроведайте
Про книжно житье,
Про Христово рождество.
Прикатило рождество
Восподину на крыльцо:
«Вставай, господин,
Вставай, дорогой,
Со перины со пуховой,
Со кровати со тесовой.
Ой, дай христослав[у]
Хоть грош ли, полтину,
Золота гривен,
За то тебе, хозяин,
Полной двор скота,
Коровушка дойна,
Молочко густо,
Сметанка красна».
Через скакало,
Хвосты залупало,
Рожественска козуля
Под дверям не ходит,
По окнам шьет,

[1] Далее каждая строка, кроме последней, повторяется со словом «да».
[2] После каждых двух строк, кроме трех последних, припев «Алы розы очень рано расцвели» с повторением второй строки.

Галунок волокет,
Калитку за нитку,
Пирог за щиток,

Подавайте рубашечек,
Хозяин с хозяюшкой,
С пра-а-а-здничком!

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ СВЯТОЧНЫЕ

143

Ещё да́лече, дале́че во чистом есть поле,
Да виноградиё красно-зеленоё,
Да стоял белый шатер, белополотняный,
Да виноградиё красно-зелено мое,
Да чтой во этом во шатре да сидит девица-душа,
Да виноградиё красно-зелено мое.
Да вона шила, вышивала трои пялышка златые,
Виноградиё красно-зеленоё:
Да чтой на первый угол шила сине море со волнамы,
[Да сине море со волнамы], со черныма кораблямы,
Виноградиё красно-зелёноё,[1]
Да со черныма кораблямы, со белыма парусамы,
Да на второй на угол шила да чисто поле со кустамы,
[Чисто поле со кустамы, со серыма со волкамы],
Да на третий угол шила ясен месяц со звездамы,
Да на четвертый угол шила ясно солнце со лунамы,
Да на середку вышивала божью церковь со крестамы.
Да чтой по той стороне да шел удалый молодец,
Да он своей-то тонкой золотой [тростью] подпирается,
Небылыми словами похваляется:
«Я бы жил, я бы был да я на той стороне,
Да я бы этот шатер под подошву стоптал,
Да я бы этую девицу за себя бы взамуж взял».

144

У Степана-то дом да на семи верстах стоит,
Да виноградьё да красно-зеленоё,
Да у Михайловича да на семидесяти столбах,
Да виноградьё да красно-зеленоё.
Да кругом этого дома был железный тын,
Да виноградьё да красно-зеленоё.
Да кругом этого тына росла трава-мурава,
Да виноградьё да красно-зеленоё.
Росла трава-мурава, цветы лазоревые,
Да виноградьё да красно-зеленоё.
Там стояла ли береза кудреватенькая,
Виноградьё да красно-зеленоё.[2]
Да там стоял ли шатер белополотняный,
Да там сидела ли девица да душа-красная,
Да она шить-вышивать да мастерица была,
Да она шила-вышивала трои пялышка злачены:
Да перво пялышко шила она во сто рублей,
Второ пялышко шила да во тысячу рублей,
Третье пялышко шила, ему не было цены.

[1] Далее этот припев повторяется после каждой строки.
[2] Далее этот припев повторяется после каждой строки, кроме двух последних.

Да первой угол вышивала красно солнце со лучами,
Второй угол вышивала ясный месяц со звездами,
Третий угол вышивала сине море со волнами,
Сине море со волнами, со белыми кораблями,
На середку вышивала божью церковь со крестами.
Тут уж шел-прошел да детинуша молодой,
Он куницами-лисицами обвесился,
Он черными да соболями опоясался,
Не былыми-то словами да похваляется:
«Если б жил, если б был на одной с ей [1] стороне,
Я бы эту березку под корень бы срубил,
Я бы этот шатер до подошвы разнес,
Я бы эти трои пяльцы прибил бы, приломал,
Я бы эту девицу за себя бы взамуж взял,
За себя бы взамуж взял да во божью б церковь свел,
Во божью бы церковь свел да закон божий принимал,
Закон божий принимал да чудный крест целовал».
Еще здравствуй, Степан да Михайлович,
Со душой прекрасной девицей, да Евгенией Филипповной.

145

Да в-первых, я шила, вышивала-то ярко солнце с облаками,
Виноградиё да красно-зеленоё,
Да во-вторых, я-то вышивала да чудный месяц со звездами,
Виноградиё да красно-зеленоё,
Да что во-третьих, я вышивала да божью церковь со крестами,
Виноградиё да красно-зеленоё,
Да во-четвертых, я вышивала да черно море с кораблями,
Виноградиё да красно-зеленоё,
Да уж я жил бы, да уж я был на одной с ей стороны,
Да я бы эти трои пяла да по чисту полю разнес,
Да я бы эту красну девушку за себя бы взамуж взял,
Да виноградиё да красно-зеленоё.

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ СВАДЕБНЫЕ

146

Да середи-то было Китай да славного города,
Да виноградиё да красно-зеленоё,[2]
Да там стояла-то божья церковь соборная.
Да что ль во этой-то божьей церкви соборные
Да незнакомой-то молодец богу молится,
Да он куницам-то, лисицамы овесился,
Да в три ряда-то кудерышка завивалися:
Да во первой ряд завивались чистым серебром,
Да во второй-то ряд завивались красным золотом,
Да во третьей-то ряд завивались крупным жемчугом.
Да на Москвы-то купцы-бояра сдивовались над молодцом:
— Да это чей-то такой детина, чей удалой-то молодец?
Да скажи, кто-то тебя спородил, добра молодца?

[1] С ней.
[2] Далее этот припев повторяется после каждой строки.

— Да спородила-то меня мать-государыня,
Да что ль по имени Агнея Ивановна,
Да воспелёнывала сестрица,
Нина-то Александровна.
До воскормил-то, воспоил родной-то меня отец,
Да что ль по имени Александр да Иванович.
Да завивала-то желты кудри богосуженая моя,
Да что ль по имени Анна Васильевна.

147

Не кума[1] ль жалобилася,
Не кума жалобилася,
Жалобилася, плакала, (2)
Да сёстра-то брату старшему
Да сёстра-то брату большему:
— Да уж ты брат, ты мой брателко,
Уж ты брат, ты мой брателко,
Да ты чего рано прогневался (2)
Да на меня ты молодешеньку,
На меня ты молодешеньку,
На мою ли буйну голову, (2)
Да на мою ли трубчату косу,
На мою ли трубчату косу,
Да на мою ли хаз-подвясточку,
На мою ли хаз-подвясточку,
Да семишелкову ленточку,
Семишелкову ленточку,
Да золотую косоплеточку,
Золотую косоплеточку?
— Да ты сестра моя родимая,
Ты сестра моя родимая,
Да не клади ты судьбу-жалобу,
Не клади ты судьбу-жалобу
Да на света, на батюшку,
На света, на батюшку,
Да ты на света, родну матушку,
На света, родну матушку.
Да ты клади-ко судьбу-жалобу,
Ты клади-ко судьбу-жалобу
Да на сватью милавую,
На сватью милавую,
Да на змею ты семиглавую,
На змею ты семиглавую,
Да все ходили, тебя сватали,
Все ходили тебя сватали
Да на чужу-то дальню сторону,
На чужу-то дальню сторону,
Да на злодейку незнакомую,
На злодейку незнакомую.
Да что хвалили, нахва́лили,
Что хвалили, нахва́лили:
Да что чужа дальня сто́рона,
Что чужа дальня сто́рона
Да садами рассажена,
Садами рассажена
Да медом поливана,
Медом поливана,
Да сахарём была посыпана,
Сахарём была посыпана.
— Дак я сама да знаю, ведаю,
Я сама знаю, ведаю,
Да молодая, догадаюся,
Молодая, догадаюся,
А что чужа-то дальня сто́рона,
Что чужа-то дальня сто́рона
Угородой огороженная, (2)
Ой, да слезами поливанная,
Слезами поливанная,
Да тоской она покрыванная,
Тоской она покрыванная,
Да кручиной посеянная,
Кручиной посеянная.

148

— Тысяцкой ли ты, тысяцкой,
Да розудалой да доброй-от молодец,
Да ты сидишь ли да, тысяцкой,
Да во большом углу,
Да в честном месте,
Да на тебе ли да кунья́ шуба́,
Да над тобой ли да божья́ милость.
Да ты уж кушашь ли, тысяцкой,
Да ты гусятину со перцем,
Да лебедину да со чёсноком.

[1] Искаж. куна — куница.

Да ты уж любишь ли, да тысяцкой,
Да ты Феклу ты люби в золоте.
— Да это все-то ведь я люблю,
Да это все-то, да душа моя.
Проздравляем, Степан-господин,
Со своёй госпожой,
С госпожой да Феклушкой,
Со Феклушкой да Ивановной.

149

По горни́це-то столово́й да столово́й,
Да по светлице пировой да пировой,
Да стоят столики дубовы да дубовы,
Да на столах ковры шелковы да шелковы,
Да на коврах стоят чары золоты да золоты,
Да полны меду-то налиты да налиты.
Да еще кто эту чару наливал да чару наливал,
Да кто золо́тую дополнял да дополнял?
Да наливал чару Андрей-господин да Андрей-господин,
Да дополнял чару Петрович да Петрович.
Да по горнице он походил да походил,
Да по светлице он поступал да он поступал,
Да он до умныя доходил да доходил,
Да до разумныя доносил да доносил.
Да Серафимушка, друг ты моя, да друг ты моя,
Да ты, Степановна, сердце мое, да сердце мое,
Да если любишь ты меня, да ты меня,
Да прими чарочку от меня да от меня,
Да выпей, золото, всю до дна да всю до дна,
Да принеси мне-ка сына сокола́ да сына сокола́,
Да ростом-возрастом, друг, ты в меня, да друг, ты в меня,
Да белым личиком, друг, ты в себя, друг, ты в себя,
Да очи ясного сокола да сокола,
Да брови черного соболя да соболя.
Поздравляем, Андрей-господин, Андрей-господин,
Со женой, Серафимой Степановной.

150

На горы, горы деревце стоит,
Под горою кудрявоё,
Да под горою кудрявоё,
Чтой ли под тем ли под деревчиком,
Да чтой под тем ли, под кудрявеньким,
Там тулилась, хоро́нилась,
Да там тулилась, хоро́нилась
Душа — красная девица,
Да душа — красная девица.
Похвальбу вела великую,
Да похвальбу вела великую,
Уж чтой великую, немалую:
«Уж чтой не взять да не выкупить,
Да чтой не взять да не выкупить,
Ой, ни с тем да ни с другима,
Да ни с тем да ни с другима,

И ни целой счетной тысячей
Да ни целой счетной тысячей».
— «Ой, что не хвастай, не хвалися, дева,
Да ты не хвастай, не хвалися, дева,
Ой, не один я тебя выкуплю,
Да не один тебя выкуплю,
Я со хрестной со матушкой,
Да я со хрестным со батюшком,
Ой, с двумя дружкамы холостыма,
Да с молодцамы удалыма».
Затем здравствуй, Иван-господин,
Да проздравляем, Семенович,
Со душой да со девицей,
Чтой со Павлой Самсоновной.

151

Из-за синего солоного
Да летит стадо серых гусей,
Да второ стадо — белых лебедей.
Да отставалась лебедочка,
Да отставалась лебедь белая,
Да чтой от стада лебединого.
Да приставала лебедочка,
Да приставала лебедь белая
Да чтой ко стаду серым гусям.
Да начали ей серы гуси,
Да начали у ей щипать перьё,
Да у ей крылышки поламливати.
«Да вы послушайте-ко, серы гуси:
Да не сама я к вам залетела,
Да занесло меня погодою,
Да чтой великою незгожею».
Да начала тут свекровушка,
Да начала журить-бранить.
«Да ты послушай-ка, матушка,
Да ты послушай, свекровушка:
Да не сама я к вам заехала,
Да завезли меня добры́ кони,
Да добры кони Иванушковы».
Да затем здравствуй, Иван-господин,
Да проздравляем, Михайлович,
Да со душой да со девицей,
Да чтой со Анной Ивановной.

152

Чтой на стуле рети-бархати,
Да на ковре на красном золоте,
Да против зеркала хрустального,
Да против чистого заморского,
Да там Иван-то чесал кудри,
Да там Михайлович русые.
Да он чесал, перечасывал,
Да жемчужком пересыпывал,
Да скатным золотом обвертывал.

Да он садился на добра коня,
Да он уж плеткой посвистываё,
Да правой ручкой помахиваё,
Да ко двору приворачиваё,
Да чтой ко дворику ко батюшкову,
Да чтой ко шиту пологу Марьюшкину:
«Да уж ты, Марьюшка, выдь на двор,
Да ты, Ивановна, встречай молодца,
Да удала добра молодца».
Да отвечала-то Марья-душа,
Да отвечала Ивановна:
«Да не твоя, сударь, сужена,
Да не тебя хочу слушати,
Да уж я слушаю батюшку,
Да уж я слушаю матушку».
Затем здравствуй, Иван-господин,
Да проздравляем, Михайлович,
Да со душой — красной девицей,
Да с Павлиной Самсоновной.

153

Из устья березового, да е... эхи,
Да со ходу корабельного, да е... эхи,
Да не ровен ли там садик плывет, да е... эхи,
Да во садочку немножко людей, да е... эхи,
По росчету сорок семь молодцов, да е... эхи,
А во восьмых-то коршичек,[1] да е... эхи,
Да во девятых весельщичек, да е... эхи,
Да во десятых сам удалый молодец, да е... эхи.
Да по суденышку погуливает, да е... эхи,
Да во карман руки посуивает, да е... эхи,
Да частой гребешок выдергивает, да е... эхи,
Да русы волосы зачасывает, да е... эхи.
Да он тугой лук натягивает, да е... эхи,
Да ко стрелы приговаривает, да е... эхи,
Да уж ты, стрелка, ты, стрелка моя, да е... эхи,
Да ты лети, моя калена стрела, да е... эхи,
Да выше лесу стоячего, да е... эхи,
Да ниже облака ходячего, да е... эхи,
Да не пострель, моя калена стрела, да е... эхи,
Да черна ворона под тучею, да е... эхи,
Да белу лебедь на заводи, да е... эхи,
Да селезеюшка на камешку, да е... эхи,
Да серу утицу под кустышком, да е... эхи,
А красну девицу в высоком терему, да е... эхи.
Да черный ворон — то ворог мой, да е... эхи,
Да сера утица — еетво[2] мое, е... эхи,
Да селезеюшка — забава моя, да е... эхи,
Да бела лебедь — на кушанье, да е... эхи,
Да красна девица — невеста моя, да е... эхи.
Да выходила Анна-душа, да е... эхи,
Да Анна крикнула-зыкнула, да е... эхи,
Да своим зычным голосом, да е... эхи,

[1] Кормщичек.
[2] Искаж. «ество» (еда).

Да зычным разнослетныим, да е... эхи:
«Да уж вы няньки, вы мамки мои, да е... эхи,
Да вы верны служанки мои, да е... эхи,
Да вы берите золотые ключи, да е... эхи,
Да отмыкайте кованы́ сундуки, да е... эхи,
Да вы берите голубое сукно, да е... эхи,
Да вы раскройте на Ивана пальто, да е... эхи,
Чтобы то пальто не долго было, да е... эхи,
Да чтой не долго, не коротенько, да е... эхи,
Да по середке поджимисто, да е... эхи,
Да по подолу раструбисто, да е... эхи,
Да на коня скакать легошенько, да е... эхи,
Да со коня хорошохонько, да е... эхи.
Да проздравляем, Иван-господин, да е... эхи,
Да проздравляем, Михайлович, да е... эхи,
Да со душой — красной девицей, да е... эхи,
Да со Павлой Самсоновной.

154

Ой, я вью, вью да ель-елю,[1]
Окол Нового города,
Круг стены городовыя,
[Там трои были ворота].
Ворота́ были стекольчаты,
Берега были хрустальныя,
Подворотенка рывчата.
Это кто берега утесал,
Это кто ворота устрогал?
Утесали все бо́яра,
Устрогали все сватовья.
Тут не знала-то Анна-душа,
Тут не ведала Ивановна.
Почему ж она уведала,
Чтой узрила, усмотрила
Из высока нова терема,
Скрозь околенку бела стекла?
А душа — красна девица,
Да и Анна Ивановна,
Из окошка косивчата
Тут сама ли сдивовалася:
У единого боярина
Голова была зачесана,
Русы кудри призавиты.
Зачесала ему голову
Его мати сударыня,
А завивала кудри
Сестрица родимая.
Проздравляем, Иван-господин,
Иван да Михайлович
Со душой да со девицей,
Да со Марией Ивановной.

155

Сыро елью река спротекла,
Ель-елю, ель-елю,[2]
Да подо все города подошла,
Да под красив город Холмогоры,
Да под Москву да и под Вологду,
Да там живут люди богатыя,
Чтой кафтаны у них синия,
Да кушаки у их камзотовыя,
Да дочеря у их хорошия.

156

Чтой уж по морю, морю по синему
Да из-за Дунай,[3]

[1] Этот припев повторяется перед каждой строкой, кроме четырех последних.
[2] Этот припев повторяется после каждой строки.
[3] Припев «Да из-за Дунай» повторяется после каждой строки.

Что ль по синему морю, по соленому,
Там уж плыло-выплывало тридцать три корабля,
Тридцать три корабля да со единым кораблем,
Да со единым кораблем да со удалым молодцом.
По кораблику гуляет свет удалый молодец,
Он строгал стружки да перестругивал,
Он бросал стружки да во синё море,
Обронил-то он да свой злачён перстень,
Свой злачён перстень да позолоченной.
Говорил-то он да слугам верным своим:
«Уж вы слуги, вы слуги, слуги верныя мои,
Вы берите-тко да шелковы́е невода,
Вы ловите-тко да мой злачён перстень».
Ещё первый раз ловили — не выловили,
Еще дру́гой раз ловили — его нет как нет,
Еще третий раз ловили — сповыловили.
Что сповыловили всего три окуня:
Еще первой-то окунь во сто рублей,
А уж дру́гой-то окунь во тысячу рублей,
А уж третьему окуню — цены-то ему нет.
Еще есть-то цена да во Нове-городе,
Да во Нове-городе, да у царя в Москве,
У царя в Москве, да в золотом ларце.
Затем здравствуй, Иван, поздравляем, Иванович,
Да со Павлушкой со Самсоновной.

157

Налетали, наезжали ясны́е соколы́,
Да ой, рано, рано, ранешенько,
Да что ясны́е соколы́ да со чужой стороны,
Да рано, рано, ранешенько.[1]
Да садились соколы за дубовые столы,
Да за дубовые столы да за камчатны скатерти.
Да еще все-то соколики пьют и едя,
Да они пьют и едят да очень весело сидят,
Да один-то соколик не ест и не пьет,
Да он не ест и не пьё да сам невесело сидит,
Да сам невесело сидит, часто за завесу глядит,
Часто за завесу глядит, себе невесту манит.
Да тут поспела, не поспела Павлина-душа,
Да тут поспела, не поспела Самсоновна,
Да у ей белые дары да недобеленыя,
Да у ей катанки да недокатаныя,
Да у ей русая коса до шелкова пояса.
Да затем здравствуй, Иван-господин,
Да проздравляем, Михайлович,
Да со душой — красной девицей,
Да с Павлиной Самсоновной.

158

Ест-то на улице карета,
Да есть карета земляная,
Да земляная, стеклянная.
Да что во этой во карете,

[1] Этот припев повторяется после каждой строки.

Да что во этой земляною,
Да земляною, стеклянною
Да сидит девица-душица,
Да красавица-хорошица.
Да она плаче, рыдае,
Да свою жизнь проклинае.
Да ты не плачь, не плачь, девица,
Да ты не плачь, красавица,
Да у тебя ли во светлице
Да хлеба-соли до довóлу,[1]
Да ты во горенку не зайдешь,
Да ты на лавочку не сядешь,
Да ты в окошечко не взглянешь,
Да ты с соседом не забаешь,
Да свою жизнь проклинаешь.

159

Ель-елю, ель-елю,[2]
Сыро елью река протекла,
Подо все города подошла,
Под красив город Холмогород,
Под Москву да под Вологду.
Там живут люди богатые,
Чтой кафтаны у них синие,
Кушаки у них камзотовые,
Дочери у них хорошие.
Одна из их выбиралася:
Без платьица толстенька,
Без башмачков высоконька,
Без белил она беленька,
Без румянца румяненька.
Не молодец на коне разъезжал,
Говорит: «Я каков,
я каков молодец?».
«От меня ты хорош кажешься.
Ужо я схожу к батюшку,
Ужо я схожу к матушке,
Объясню своей подруженьке:
„Вы, подружки любимыя,
Души — красные девицы,
Расплетите мою косыньку.
Благословите-ко вы меня,
Родной батюшка и матушка.
Вот пришел ко мне суженой,
Вот пришел ко мне ряженой“».
Здравствуй, Иван-господин,
Поздравляем, Михайлович,
Со своей молодой женой,
Со Марией со Юрьевной.

160

Не буйны ветры навеяли, они навеяли,
Да нежданы гости,
Нежданы гости наехали, они наехали,
Поезжана на двор съехали, они съехали.
Да й что тебе, свату большему,
Да еще бы свату большему,
Затрясло бы тебя, сватушко,
На печи да под шубою,
Под трёма одеяламы.
Да еще свату большему,
Да изменщику девочьему
Киселем задавитися,
Молоком заклякнутися,[3]
На порог ступить — нога сломить,
На другой ступить — друга сломить,
[Со высокой горы ехати —
С коня пасть, голова свернуть].

161

Не слыхала свет Ольга-душа,
Да не слыхала Петровна-душа,

[1] Вдоволь.
[2] Этот припев повторяется перед каждой строкой.
[3] Захлебнуться.

Да как ворота растворялися,
Да широкие раскатался,
Да как бояре во двор въехали,
Да поезжана приехали,
Да Александр вступил в горницу,
Да Иванович во светлицу.
Да тут свет Ольга расплакалась,
Да Петровна разжалобилась:
«Да вот идет погубитель мой,
Да вот идё разоритель мой,
Да вот идет расплети косу,
Да вот идет потеряй красу».
Да что услышал эту похвальбу
Удалой добрый молодец,
Да Александр свет Иванович:
«Да чтой не я разоритель твой,
Да что ль не я погубитель твой,
Чтой не я расплети косу,
Чтой не я потеряй красу.
Разоритель твой — батюшка,
Погубительница — матушка,
Расплети косу — сватьюшка,
Потеряй красу — подруженька,
Что подружка, названушка».
Душа — красная девица
За столом сидит городом,
Да на головушке теремом,
На руках золоты перстни
Да с дорогими со камушками,
Да с разноцветными ставочками.
Да поздравляем, Александр-господин,
Да Александр свет Иванович,
Да со душой — красной девицей,
Да со свет Ольгой-душой.

162

Резвы ноженьки с подходом,
Белы рученьки с подносом,
Голова буйна с поклоном,
Ясной речью с приговором,
Со исусовой молитвой,
Доливай да допалнивай,
Мой родименький батюшка,
Доноси-ко до умного,
Доноси-ко до разумного,
До удала добра молодца,
Александра Петровича.
— Ты испей-ко, испей, умненькой,
Полюби меня, разумненькой.
— Я испью ли, испью, умная,
Полюблю тебя, разумная,
Душа — красная девица,
Да Надежда Афанасьевна.

163

Вдоль по речке, реке,
Вдоль по речке, по быстрой реке,
Там суденко плывет,
Там суденышко легенькое.
Во суденке сидит
Удалой добрый молодец,
Да Иван да Васильевич.
По бережку шла
Молодая боярыня,
Александра Ивановна.
Закричала она
Своим зычным голосом:
«Воротися, сокол,
Воротися, ясен,

Воротися, надёжда моя!
Я те радость скажу,
Я весельё великое!
Я те сына несу,
Я те сына, ясна сокола».
«То есть радость моя,
То весельё великое».
Поздравляем тебя,
Удалой добрый молодец,
Да Иван да Васильевич,
Со супругой своей,
Александрой Ивановной.[1]

164

У чарочки да у серебряной
Да золотой он был вьюночек, (2)
У Ивана-молодца, у Ивановича
Да дорогой-от был обычай,
Да занятой-от был обычай:
Где ни ест, где ни пьет,
Где ни кушаё вино,
Да домой идё ночёвати. (2)
«Уж ты, Аннушка, встречай, ты, Ивановна, встречай».
«Да недосуг, сударь, встречати, (2)
Уж я дочерь качаю (2)
Да переменушку сначаю».[2] (2)
У чарочки да у серебряной
Да золотой он был вьюночек, (2)
У Ивана-молодца, у Ивановича
Дорогой он был обычай,
Да дорогой он был обычай:
Где ни ест, где ни пьет,
Где ни кушаё вино,
Да домой идё ночевати. (2)
«Уж ты, Аннушка, встречай,
Да ты, Ивановна, встречай».
«Да недосуг, сударь, стречати, (2)
Недосуг, сударь, встречати,
Уж я сына качаю, (2)
Переменушку сначаю».

165

Быстра реченька по сахару текла,
Да быстра реченька по сахару текла,
Да по сладку меду́ крупищатому, (2)
Да что ль как Анна по бархату шла,
Да что ль Ивановна по аленькому, (2)
Да доходила до белого стола, (2)
Да до стола белоду́бового, (2)
Да что ль до скатерти бельчатые, (2)
Да до большого боярина: (2)
«Да тебе хлеб-соль, удалый молодец, (2)
Да что ль Иван да Иванович». (2)
«Да хлеба кушати, Анна-душа,
Да хлеба кушать, Ивановна».
«Да я не есть, не пить с тобой пришла, (2)

[1] Каждая строка, кроме 6-й, 7-й, 9-й, 10-й, 13-й, 14-й, 23-й, 24-й, повторяется два раза.
[2] Чую (ожидаю).

Да я пришла поиграть с тобою, (2)
Да я во все игры турецкие, (2)
Да во все карточки немецкие». (2)
Да проигралася Анна-душа,
Да проигралась Ивановна
Да со головушки волюшку,
Да из русой косы ленточку,
Да голубую повясточку.

166

Как Васильева матушка
[Мати сына спородила]
Да в воскресеньё спородила,
Да в воскресенску заутреню,
Да из белой груди кормила,
Да по головушке гладила:
«Да ты рости, рости, дитятко,
Да ты рости, чадо милоё,
Да быдь таланливой, счастливой,
Да ко невесте приветливой,
Да ко людям будь отчесливой.
Как поедешь женитися,
Да приворачивай прощатися,
Как приедешь на тестин двор,
Да не спускай коня ко двору,
Отдавай коня в конюшний двор,
Пусть накормят пшеницею,
Напоят лошадь сырой водой.
Переступишь на новые сени,
Скидывай пуховую шляпу;
Переступишь нову горницу,
Ты недолго богу молися,
Ты не низко людям кланяйся,
Чтой пониже одной теще своей,
Да богоданной своей матушке.
Примечай свою сужену,
Твоя сужена знаема,
Душа — красная девушка,
Что ль Наталья Матвеевна».
Проздравляем, Иван-господин,
Проздравляем, Васильевич,
Со своей богом суженой,
Да Натальей Матвеевной.

167

Приобсели всю горницу
Да сизокрылыя голуба,
А это всё сидят не голуби,
А это всё сидят сватовья,
А сватовья сидят Ивана-князя,
Да поезжана — Михайловича.
А они сватали, высватывали
Да по три утра, по три вечера,
А по три утра, по три вечера,
Да свет у Анны на дочери,
Свет у Анны на дочери,
Да на душе, на красной девицы,
И на душе, на красной девицы,
Да свет на Нины, на Павловны.
Ох, тута Нина услышала,
Да она села, заплакала,
А она села, заплакала,
До во слезах речь говорила,
А в возрыданье речь говорила,
Да ко ларцу ли приговаривала:
«А уж ты ларчик, ты ларчик мой,
Да окованной весь в золоте,
Окованной весь в золоте
Да в дорогом чистом серебре.
И у тебя ли, у ларчика,

Да есть четыре сторонушки,
Да что на каждой сторонушке
По четыре было сторожа,
А у меня, у красной девушки,
Нет родима батюшка,
А у меня, у красной у девушки,
Есть родительница матушка,
Да нет родителя батюшка, (2)
А есть братец ясен сокол, (2)
Да нет сестрички лебедочки, (2)
Да я с има ли расставалася, (2)
Да как с водой разливалася.
И выводил меня брателко
Да из-за завесы ситцевыя,
Да становил меня брателко,
Становил меня брателко
Да середи покоя теплого.
Отдавал меня брателко
Да сватовьям меня на руки, (2)
Да свет Ивану да во́ веки, (2)
Да свет Михайловичу век вековать».

168

Что ль не яфрантик [1] по горенке катался,
Не крупной жемчуг по блюду рассыпался,
Добрый молодец жениться собирался.
Его маменька снаряжала,
Хорошо русы кудерышки чесала,
На пое́зде таково слово сказала:
«Ты поедешь, мое дитятко, жениться,
Тебе будут девицы песни пети,
Ко тебе, сударь, невесту припевати,
Будут умницею называти,
Станут разумницею величати.
Не дари ни рублем, ни полтиной,
Унижайся своим низким поклоном,
Да и паче того помилее».

169

Что ль по сенам, по сеночкам,
Да по частым переходочкам,
Да там ходила и гуляла
Да молодая бояраня,
Да свет-то Марья Михайловна.
Да чтой она ли выговаривала:
«Да уж вы гости, вы гостюшки,
Да изобраны добры молодцы,
Да посидите малешенько,
Да покуть я ли, молодешенька,
Да я пойду ли потихошеньку,
Да я ступлю ли помалешеньку,
Да я до светлой до светлицы,
Да до столовой новой горницы,
Да там сидит ли мой милый муж,
Да он сидит ухмыляется,
Да во музы́ке забавляется,
Да своей женкой похваляется:
„Да у меня ли Маня умная,
Да свет как Марьюшка разумная,
У ей походочка повинная,
Да тиха речь лебединая,
Да очи ясного сокола,
Да брови черного соболя.
Да у брава добра молодца
Да у Сергея Ивановича“».

[1] Искаж. яхонтик.

170

[Пойду], стара, матера лебедочка, по своему полу белому.
Уж вы раздайтесь-ко, разодвиньтесь,
Чужи белы, молоды лебедочки,
Чужи сизы, касаты голубушки,
Дайте мне-ка путь-дорожечку неширокую,
Единую тонку, гибку мостинку,
Чтобы которая не гнулась, не ломалась,
Побудить мне-ка свою сизу, касату голубушку.
Уж раньше я давала ей спать да высыпаться,
От крепкого сна я не будила,
А теперь надо ей побудить,
Налетели чужи, ясные полетные соколы.
(*Мать подходит к дочери и плачет*):
«Встань, сизая моя бела лебедочка,
Высоко взошло солнце сугревное».
(*Невеста-то и сядет*):
«Ну, что ты меня, маменька родная, будишь,
Меня по ранней зорюшке утряной,
Не даешь ты мне-ка повыспаться да пробудиться?
Я сама знаю и ведаю,
Что отдаваете меня да отсылаете
На злодейку чужу дальню сторону.
(*А если не на чужую, то „чужому ясному полетному соколу“*).
Как я буду приставать к чужому ясному полетному соколу?
Как я буду приставать к чужим нежеланным родителям?».
(*Все это невеста отплакивает матери. Дочь встает,
мать берет ее за руку и ведет к умывальнику*).
[Не свежей] водой умывалася,
Тонким белым полотенцем да утиралася,
Умывалась я своима горькима слёзамы,
Утиралася я злодейкой кручиною великою.
[Да и все, кончается у меня воля, преволя великая,
Да и отставать мне-ка надо от своих желанных родителей.
Да уж и я пойду по своему теплому,
Родительскому витому гнездышку,
Да и обсмотрю я, обгляжу свои светлы окошечка,
И как не тулятся ль, не хоронятся ль
Мои дорогие свет желанные родители,
И пойду я к своей свет желанной родитель матушке:
«Да уж отчего вы призадумали
Меня отсылать да и отдавать
К чужим-то не родным родителям?
Да и уж вы разве не можете меня, кручинную,
Да от чужих-то от невест, от белых лебедей,
Да не прошу я у вас цветна платья снарядного,
Да только мне бы была своя волюшка, преволя девичья»].

171

Будет спати, высыпаться,
Тебе, бела, моло́да лебедочка,
Время вставати, пробужаться

От сладких снов сахарных.
Да встань-ко, тебе вот
Светла водица — вумойся,
Да и бело полотенце — утрися.

172

Пора встати, пробудитися,
Да от крепкого сна прохватитися,
По садам поют ранние птички жупячия
Да по церквам служат ранни заутрени.
Да давно встала и пробудилася
Да твоя мила, родимая [ласкова] матушка,
Она ходит потихохоньку,
Она ступает помалехоньку,
Да боится разбудить тебя,
Молоду касату отлетну голубушку.
(Тут девушки начинают расплетать косу):
Да прежде этой поры, да прежде этого времячка
Она будила тебя по раннему утру, утряному,
Да отправляла да наряжала
На всякие дела, недосуги житейские.
«Ты дозволь, прикажи, моя милая советна подруженька,
Положить мои белы руки на твои на плечи могучие,
На твою на буйную головушку,
Расплести, растрепать твою русу косу красовитую».
(Невеста держит косу, не дает расплетать):
«Не спеши да не торопись
Расплетать мою русу косу красовитую».
(*Косу расплетают. Невеста идет к матери*):
«Прирастроньтесь, приразвиньтесь, добры людюшки,
Дайте мне пройти одну мостинку дубовую.
Не кипарис-дерево зашаталося,
Не изюм-ягода рассыпалася,
А покатились эти горькие слезы из глаз
У поневольной касатой голубушки,
У Анны Ивановны.
Вы приуймитесь, приужахнитесь, мои слезы капучие,
Дайте мне углядеть да усмотреть,
Где пекет и воспекает теплое солнце сугревное,
Где сидит и беседует моя милая родимая матушка.
Ты дозволь, прикажи, моя милая матушка,
Положить мои белые рученьки на твои на плечи могучие,
Поспасать и поблагодарить тебя
За долгие хлебы с припасами,
За твою доброту материнскую».
(Мать плачет):
«Ты прости, извини,
Мое мило сердечно дитятко,
Я, может, тебя огорчила да огрубила,
Посылала тебя на всякие недосуги житейские,
Может, ты повырубила себе белу березку кудрявую,
Может, тебе будет некорыстно да неудачно?
Так ты не обижайся на меня».

173

Баю, баю, баюшки,
Да прискакали заюшки,
Люли, люли, люлюшки,
Да прилетели гулюшки.
Стали гули гулевать,
Да стал мой милый засыпать.

Приди, котик, ночевать,
Да приди дитятко качать.
Дам кувшин молока
Да дам кусок пирога.
Еш-ко, котик, не кроши,
Да больше у мня не проси.

174

Спи-ко, спи-ко, баю, бай,
Свои глазки закрывай,
Баю, баю, баю, бай,
Поскорее засыпай.
Ходит сон по лавочке
В голубой рубашечке,

Баю, баю, баю, бай,
Поскорее засыпай.
А сониха по другой,
Сарафанец голубой,
Баю, баю, баю, бай,
Поскорее засыпай.

175

Баю, баю, баю, бай.
— Поди, котик, на сарай,
Поди, котик, на сарай,
Поди Олежку качай,
Поди Олежечку качай,
Поди мальчика свеличай.

Не умею я качать,
Не умею свеличать,
Я как столечко умею
По крыночкам ходить,
Да по крыночкам ходить,
Да сметану слизать.

176

Баю, баю, баюшки,
Да баю, баю маленьку,
Да спи-ко, маленька,
Да спи, хорошенька.
Баю, баю, баю, бай,
Да ты, собачка, не лай,
Да ты, собачка, не лай,
У нас маленьку не пугай.

Бай, бай, бай, бай,
Да не ложись, Люба, на край:
Придет серенький волчóк,
Любу схватит за бочок,
Любу схватит за бочок,
Да и утащит во лесок,
А там волки живут
Да орешки грызут.

177

Баю, баюшки, баю,
Баю Юленьку мою.
Я улюликиваю,

Я укачиваю,
Я укачиваю
Да уговариваю.

178

Ездил старый малый на добром коне,
На добром коне, на туче-патушке.
Он мхи, болоты скромеж [1] ног пущал,
Сине морюшко да й на узко скакал.
Не доехавшись до города до Киева,
Попроехавшись Корелушку проклятую,
И наехал на сер камешек.
На сер камешку напись написана:
Во перву дорожку ехать — быть богатому,
Во втору дорожку ехать — быть женатому,
Во третью дорожку ехать — все живу не быть.
Как сидит тут стар да й удивляется,
Головой качает да й ухмеляется:
Как на что мне, старому, богату быть,
Мне кому носить да й золотой казны?
Некому держать да платья цветного,
Нет у мня ведь молодой жены,
Да еще нет у мня да малых деточек.
Но на что мне, старому, женату быть?
Мне молода взять будет — чужа корысть,
Еще стару взять мне-ка — замены нет,
На печи держать да киселем кормить,
Да киселем кормить — пресным молоком поить,
Лучше еду, старой, в ту дороженьку,
В какой живу не быть.
И наехал старой на разбойников.
Как разбойники на его да напущаются.
«Вы почто ко мне, к старóму, крепко-сильно приступаете?
А с меня-то, старóго, взять вам нечего,
Только есть у мня лапоточки шелковыя!».
У старóго, у седóго сердце разгорается,
Сердце разгорается, в лице кровь разливается.
Тут бурлакушек задор берет
Боле старого да боле прежнего,
На старóго, на седого крепко-сильнё напущаются.
«Вы почто ко мне, к старóму, крепко приступаете?

[1] Промеж.

Со старóго, с седого, с меня взять-то нечего.
Только есть у меня одна шуба куньяя.
Как у той ли куньей шубы есть три пуговки:
Перва пуговка да стоит сто рублей,
Втора пуговка стоит семьсот рублей,
Третья пуговка да стоит тысячу,
А самой ли куньей шубочки цены ей нет».
Уж как тут бурлакушек задор берет
Боле старого да боле прежнего,
На старóго, на седатого крепко напущаются,
Да у старóго, у седатого сердце разгорается,
А в лице кровь разливается.
«Со старóго с меня вам взять больше нечего».
Тут бурлакушек задор берет
Боле старого да боле прежнего,
На старóго, на седого крепко-сильно напущаются.
Выломал старóй прутышок березовой,
Стал бурлакушек помахивать да похлапывать.
Всех убил он до единого,
Сделал дорожку прохожалую да проезжалую,
Стали по этой дорожке ходить да ездить.
Никто никуда не стал тереться[1] да и деваться.

179

Во славном городе во Киёве,
Да у ласкового князя у Владимира,
Там стояли у заставы да три богáтыря:
Да й первый богатырь — Илья Муромец,
А второй — Добрынюшка Никитич был,
Во третей — Олешенька Попович был.
Пошел Олешенька коня поить,
Видит — едет богатырь да по чисту полю,
На коне сидит, как сильна гора,
А конь бежит, как стрела летит,
Остается ископыть конинная
Не с малую хоромину — с крестьянский дом.
На правóм плече сидит ясён сокóл,
На левóм плече сидит сизый орел,
У гривы у конинной — змея лютая.
Ездит неверный, похваляется:
«Сказали, что возле Киева много есть богáтырей,
Не можно наехать на единого.
Я завтра буду в столен Киев-град,
Я Киев-град весь в полон возьму,
Я божью церковь на огни сожгу,
А народ христианский повырублю,
Маленьких детишек на колы сажу».
Пришел Олешенька, рассказывает.
Говорит Илья Муромец Добрынюшке Никитичу:
«Поезжай, — говорит, — на чисто полё на поединщика».
У Добрынюшки сразу голова закружилася.
«Поезжай, Олешенька, на чисто поле».
Олешенька свалился с постелюшки.

[1] Теряться.

Говорит Илья Муромец таковы речи:
«Ой же вы, русские сильные богатыри,
Не стояли бы вы у стены городовыя,
Чистили бы вы нужники да конюшни,
А не числились бы вы бога́тырями».
Поехал Илья Муромец на чисто полё сам на поединщика,
Брал Илья Муромец себе копьё долгомерное
И брал еще палицу тяжелую
И поехал на поединщика.
Они съехались первый раз копья долгомерного —
Ни с которого коня не слетели, не уязвили,
Оставалися только в белых руках рукоятки от копьев.
«Полетай, орел, во свою землю,
Я наехал на русского сильного богатыря,
Мне будет с кем побиться и побрататися».
Они съехалися другой раз в палицы тяжелы —
Оставалися у них тоже рукояточки во белых руках.
«Полетай, орел, во свою землю,
Я наехал на сильного русского, сильного богатыря,
Мне-ка будет с кем побиться и побрататися».
Они съехались в третий раз в рукопашный бой.
Слетел Илья Муромец на сыру землю.
Садился неверной на белу грудь.
«Ты скажи, богатырь, не губи себя,
Ты какого отца, какой матери?».
Говорит Илья Муромец таковы слова:
«Ты бы лежал на сырой земле,
А я бы сидел на твоей груди,
Я бы не стал спрашивати ни роду и ни племени,
Я бы резал твое сердцо со печенью,
Тянул бы язык твой со теменью,
Выкопал бы глаза со косицамы».
«Ты скажи, богатырь, не губи себя,
Ты какого отца, какой матери?».
Говорит Илья Муромец таковы речи:
«Мати, святая богородица,
Дай мне-ка силы дру́го столько!».
Закипела сила в могучих плечах,
Слетел неверный со белых грудей.
И говорит Илья Муромец таковы слова:
«На роду-то смерть мне не указана,
У святых отцов в книгах не написана,
Что помереть Илье Муромцу в чистом поле́,
Да в победушке великии».
«Ой же ты, Илья Муромец, двоюродный брат,
Отправила меня матушка родимая,
Что есть в России от моей сестры Илья Муромец богатырь,
Я вам буду верный слуга!».

180

Ходил Потык сын Иванович,
Ходил он на охотушку,
Подходит он да к морю синёму,
К морю синёму — крутому бережку,
Видит плавает да лебедь белая.

Он берё в руки ружье калиново,
Натягат курок стрелочкой.
Лебедь белая из куста в куст перелетела,
Говорит ему языком человеческим:
«Ты уж здравствуй, здравствуй, Потык сын Иванович!
Ты не лебедь стрелять заводишь —
Стрелять девицу красную.
Уж как буду я тебе да молодой женой,
Молодой женой да богом суженой,
Богом суженой да и богом ряженой».
Он подходит к девицы красную,
Он берет ее да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Он целуё ей да в сахарны уста,
Говорит он ей да таковы речи:
«Ну, пускай же ты будешь молодой женой,
Молодой женой да богом суженой,
Богом суженой да богом ряженой».
Полагат она ему заповедь великую:
«Кто из нас прежде умрет, живому вслед пойти».
Но согласился Потык сын Иванович,
И пошел он с ей да с молодой женой.
Еде встречу им казак Илья Муромец
С двумя братьями, с Добрыней Никитушкой
Да Олешенькой Поповичем, крестовым братом.
Стречаются оны с Потыком с Ивановичем.
Говорит Илья да ему Муромец:
«Ты уж здравствуй, да Потык сын Иванович,
Ты кого себе ведешь да кого жалуешь?».
«Да я веду себе да молоду жену,
Молоду жену да богом суженую,
Богом суженую да богом ряженую».
Говорит ему да казак Илья Муромец:
«Не жену ты ведешь, не богом сужену,
Не богом сужену, не богом ряжену,
Ты ведешь себе да змею лютую,
Налагали вы заповедь себе великую:
Кто из вас прежде умрет, живому вслед идти,
Как она умрет, тебе нать [1] вслед идти.
Ты бери-тко колокол трезвонный,
Ты бери еще книгу церковную,
Как станет она тебя змеей точить,
Как станет змеей точить, огнем палить,
Ты звони тогда в этот колокол трезвонный
И читай книгу эту церковную».
Померла его да молода жена,
Молода жена да лебедь белая.
Ложился рядом в могилушку Потык сын Иванович,
Зарыли могилушку сырой землей.
Стала она его змеей точить да огнем палить,
Стал Потык звонить в колокол трезвонныя,
Да книгу читать церковную.
Вот и едет стар казак Илья Муромец с двумя братьямы,
И слышит он колокол трезвонныя.

[1] Надо.

Говорит он Добрынюшке Никитичу и Олешеньке Поповичу:
«Вы сходите-ко, братья, со добра коня,
Вы берите-ко в руки заступья железныя,
Разрывайте вы сыру землю,
И спасите-ко вы Потыка сын Ивановича».
Разрыли с могилочки сыру землю,
Скочил Потык сын Иванович,
А она уже овернулась женщиной настоящею.
Говорит ему Илья Муромец:
«Не бери-ко ты, Потык, молоду жену,
Она уходит тебя, спроводит во сыру землю».
Не послушал Потык сын Иванович
Старого казака да Илью Муромца.
Овернула Потыка она заюшком рыскучиим да скакучиим.
Опеть же едет стар казак Илья Муромец на добром коне,
Еде с братьямы своима, с Добрынюшкой Никитушкой
Да с Олешенькой Поповичем.
И увидели этого заюшка скакучего да рыскучего.
Говорит братьям да Илья Муромец:
«Наверно, это Потык сын Иванович
Овернут заюшком прыгучиим да скакать по чисту полю.
Сойди-ко ты, Олешенька Попович, брат,
Возьми-ко ты этого заюшка прыгучего
Да брось-ко его через правое плечо».
Олешенька Попович не мог в руки взять его.
Говорит он да Добрынюшке Никитушке:
«Сойди-ко ты, Добрынюшка Никитушка,
Возьми заюшка прыгучего, рыскучего
Да брось-ко через левое плечо».
Не мог Добрынюшка Никитушка взять заюшка в белы руки
Да бросить заюшко через левое плечо.
Говорит Илья Муромец да таковы слова:
«Не пало заменушки старому казаку Илье Муромцу,
Нать сойти самому и взять заюшку прыгучего в белы руки».
Сошел стар казак да Илья Муромец
И взял заюшка прыгучего, рыскучего во белы руки,
И бросил взял да через правое плечо,
Очутился Потык сын Иванович.
Опеть говорит ему Потык сын Иванович:
«Фу, фу, фу, да как я долго бегал по чисту полю
да в пору стал».
А говорит ему старый казак Илья Муромец:
«Это овернула тебя молода жена
Заюшком прыгать по чисту полю,
Кабы не я, так ты век бы скакал да прыгал по чисту полю».
Вот опеть и говорит стар казак Илья Муромец:
«Не бери ты эту молоду жену».
Не слушал Потык сын Иванович Илью Муромца.
(Вот и пошли они вперед попадать).
Овернула она Потыка сер-валючим камушком.
Едет стар казак да Илья Муромец со своима братьямы
Олешенькой Поповичем да Добрынюшкой братом.
Говорит-то стар казак да Илья Муромец:
«30 лет я этта[1] выездил да выходил,

[1] Здесь.

Не видал я камешка сер-валючего».
Говорит-то стар казак да Илья Муромец:
«Сойди-тко ты, Добрыня Никитович, с добра коня,
Ты возьми-ко сер-валюч камешок в белы свои руки,
Ты уж брось его да через правое плечо».
Сошел Добрынюшка Никитушка с добра коня,
Он не мог принять своима белыма рукамы
Да не мог и бросить.
Говорит-то стар казак Илья Муромец:
«Ну-ко ты, Олешенька Попович,
Ты сойди-ко со добра коня,
Ты возьми в белы руки сер-валюч камешок,
Ты возьми, кинь его да через левое плечо».
Но Олешенька Попович не мог взять в свои белы руки,
Кинуть-бросить камешок да через левое плечо.
Говорит стар казак да Илья Муромец:
«Не пало заменушки да старому казаку да Илье Муромцу,
Приходится сойти, слезть самому с добра коня».
Вот взял стар казак Илья Муромец
Сер-валюч камешок во белы руки,
Он бросил его да через левое плечо,
Оказался это Потык сын Иванович.
«Фу, фу, фу, да я ведь долго спал,
Как я долго спал да я ведь впору стал».
Говорит ему стар казак да Илья Муромец:
«А не мне бы тебя разбудить, так ты бы век и спал,
Не ходи-тко ты больше с этой с молодой женой,
А уходит она тебя ведь до́ смерти».
Пришли они в город в Киев-град,
Уложила спать она Потыка сына Ивановича,
Напустила сон ему крепкой спать
И пошла ковать в кузницу гвоздьё полуаршинное,
И сковала гвоздьё ему полуаршинное,
Забивала их в белы руки,
В белы руки и в резвы ноги.
И сама себе говорит: «Какая я глупа женщина,
Что сковала гвоздьё полуаршинное
И забила в белы руки, в резвы ноги».
Вот пошла она в кузницу ковать гвоздьё аршинное,
И забивать Потыку в белы груди.
Была тут девица красная,
И жалет она Потыка сына Ивановича,
Она будит его от сладкого сна,
Не могла никак разбудить его,
Стала она ронить свои горьки слезы,
Падет слеза горька Потыку сыну Ивановичу во ясный глаз,
Пробудился Потык сын Иванович
От сладка сна, от саха́рного.
Говорит девицы красную:
«Вытягай гвоздьё из резвых ног да из белых рук».
Вытаскала девица гвоздьё полуаршинное,
А и говорит ему таковы слова:
«А и идет, молодец, жена твоя из кузницы,
Несет гвоздьё тебе аршинное забивать их в белы груди».
Скочил Потык сын Иванович на резвы ноги,
Говорит девицы он красныя:

«Подай мне саблю вострую».
И пошел он ко белым дверям,
Как открывать двери молода жена,
И пехат во двери гвоздьё аршинноё.
Он срубил-сказнил у ей буйную голову с плеч,
(*А потом ей похоронил, а эту девку замуж взял*).
Стретился с казаком Ильей Муромцем:
«Здравствуй-ко, здравствуй, Потык сын Иванович,
Да кого ведешь ты себе?».
«Молоду жену да и богом сужену,
Богом сужену да богом ряжену».

181

Поезжат Добрынька во чисто полё,
Он приказыват, Добрынька, молодой жены:
«Дожидай меня да через шесть годов,
Как не можь будё дождать-то через шесть годов,
Дожидай меня тогда да через девять лет,
Как не можь будё дождать за через девять лет,
Дожидай тогда через двенадцать лет,
Как не можь будё дождать через двенадцать лет,
Хоть вдовой живи, тогда взамуж поди.
Только я тебе скажу, что за Олешу за Поповича не ходи:
А Олешенька Попович мне крестовой брат,
Как крестовой брат, мне-ка приятель-друг».
На ей сватался Олешенька Попович-брат,
Она волей не идет, а ей силком берут,
Апракса Королевична пуще всех.
Идет Добрынька по чисту полю,
Стречается с каликамы да с перехожима,
С перехожима да с переброжима.
«Уж как здравствуй-ко, здравствуй, Никитушка Добрынюшка!».
Никитушка им отвечат:
«Почем же вы, каликушки, меня знаете,
Да почем называете?».
«Были мы да у твоей мамоньки».
«Все ли у нас во городе по-старому,
Да все ли у нас в Киеве по-прежнему?».
(*А калики-то ему и отвечают*)
«Все у вас во городе по-старому,
Все у вас во Киеве по-прежнему,
Только есть одно да не по-старому да не по-прежному:
Выходит у Добрыньки молода жена замýж,
Выходит она за Алешу да за Поповича,
Она волей не идё, а ей силком ведут».
(*Пирком, пирком да и за свадебку*!).
«Ой же вы, калики перехожия,
Да перехожия калики, переброжия,
Скиньте-ко мне одно платье калическо,
А оденьте мое платье богатырское».
Ну, калики тама-тко [1] говорят-то ему:
«Приходится дать, а не то силком возьмешь».

[1] Там-то.

Один из них скидовал платье калическо,
А одел платье богатырское.
Вот он затем и приходит к своей-то матери.
Пришел он прямо на честной-то пир
И садится на дверной лавочке,
А его примечат молода жена:
По лицу-плечу быть Добрынюшка Никитушка,
А по платью быть калике перехожему.
Затем стала просить молода жена родна батюшка:
«Ой же ты, родной батюшка,
Разреши-ко мне чару поднести зелена вина да зелья лютого
Тому-то калике перехожему,
Перехожему калике, переброжему».
Вот подносит ему молода жена чару зелена вина
И говорит ему таковы слова:
«Прими-тко ты, каликушка, да чару зелена вина,
Да зелена вина да зелья лютого».
Вот каликушка выпил-выкушал
Да чару зелена вина да зелья лютого,
Сердце-то у каликушки взволновалося,
В лице кровь-то разыгралася.
(*Вид-то у его уже теряется*).
Вот она второй раз просит:
«Разреши, батюшка, поднести мне
Втору чару зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого
Тому-то калике перехожему,
Перехожему калике, переброжему.
Прими-ка ты, каликушка перехожий-переброжий,
Чару да зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого».
Он опеть принял да и выкушал
Да чару зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого.
Сердце-то у калики взволновалося,
В лице кровь-то разыгралася.
Третий раз она просит:
«Разреши, батюшка, поднести мне
Третью чару зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого
Тому-то калике перехожему,
Перехожему калике, переброжему.
Прими-ка ты, каликушка перехожий-переброжий,
Чару да зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого».
Он опеть принял да выкушал
Да чару зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого,
Сердце-то у калики возволновалося,
В лице кровь-то разыгралася.
Опустил он в чару золотой перстéнь,
Золотой свой перстéнь да с именным клеймом.
Она узнала, что это муж ей.
Подходит калика ко дубовому столу,
Берет он молоду жену да за белы́ руки́,
За белы́ руки́ да за златы перстни,

Целует он ей да в сахарны уста.
«Ой, ты, Апракса Королевична,
Из сущих ты б.....».

А у Олеши голову свернул с плеч и забрал свою жену. Стали жить-поживать да и добра наживать.

182

Жило-было на почестном на пиру,
Жило-было две умныя вдовы,
Как две умныя вдовы да две почетныя жены:
Первая — Овдотья Блудового жена,
Другая — Офимья Часового жена.
Сидят на пиру да они весело,
Сидя на пиру да речи гуторя.
Возговорит Овдотья Блудового жена:
«Ой же ты, Офимья Часового жена,
Станем говорить да мы добры с тобой дела,
Про доброе дело про сватовство.
У тебя ли то есть княжая любимая племянница,
Девяти братам да родима сестра,
У меня ли то есть Хотенко сын Блудович».
Берет тут Офимья чару зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого,
Плёщё Овдотье Блудового жены да во ясны очи,
Сама говорит да таковы речи:
«Что же ты Хотенком похваляешься,
Да что же ты блудищем восхваляешься?».
Пошла тут Овдотья со честного пира,
Пошла она невесела,
Буйную головушку свою повесила.
Стречает ей Хотенко сын Блудович:
«Что же ты, маменька, с честна пира невесела идешь,
Свою буйную головушку повесила?
Разве на пиру тебя низко приняли,
Разве на пиру тебя чарой прио́бнесли,
Разве пьяницы-горюши насмеялись над тобой?».
«На пиру меня да честно приняли,
На пиру меня чарой не о́бнесли,
Пьяницы-горюши не смеялись надо мной,
Насмеялася баба богатая, богатая баба, гордливая,
Твоя ли, сын, теща ломливая».
Садился Хотенко на добра коня,
Поехал Хотенко во чисто полё.
Приехал Хотенко ко дубу деревенскому,
Выломал он палицу дубовую,
Нажал он палицей дубовою:
Терем пал — виноград приломал,
Малы теремки политучилися.
Приехал он к палаты белокаменной.
Нажал он палицей дубовою:
Вся палатушка белокаменная да покачнулася,
Да с угла на угол пошатнулася,
Усиделася только Чайна Часовична,
Княжая любимая племянница,
Девяти братам да родима сестра.

Идет со честна пира баба богатая,
Богатая баба, гордливая,
Идет и сама ухмыляется:
«Не было ни бури, ни падари,
Терем пал — виноград сломал,
Маленькие теремки все политучилися».
Стречает ей Чайная Часовична,
Княжая любимая племянница,
Девяти братам родима сестра.
Говорит она ей, родима сестра:
«Это, дяйна, не буря, не падара,
А это Хотенко сын Блудович»
(*все-то и наделал*).
Говорит Хотенко таковы слова:
«Ежель не пожалеешь ты своих девяти братан
На поединок биться,
То выдашь свою милую племянницу».
Пожалела она этих братьев-племянников
И выдала взамуж племянницу за Хотенка сына Блудова.

183

Ездил царище Кудреянище по чисту полю — солнышко Владимир-князь. Он искал себе богатыря во чистом поле по своей силушке богатырской. И не нашел себе богатыря по своей силы богатырской. И приезжал к своей родимой маменьке, и говорит ей, что я ездил по чисту полю и не нашел себе богатыря по силе равну в чистом поле. Говорит ему мать родная: «Я найду тебе богатыря по твоей силы богатырской во чистом поле. Есть богатырь Илья Муромец во чистом поле. Только я не даю совету биться-брататься. Мы сестры родные, а вы будьте братья двуродные».

И поехал солнышко Владимир-князь во чисто поле. Еде по чисту полю, а богатырь гуляет во чистом поле. Ну и съехались оны конь с конем. Слетел с коня да Илья Муромец да и на землю. Как на егову грудь садился неверной царь — царище Кудреянище и говорит ему таковы слова: «Ты скажи, скажи, богатырь, ты коей ягры, да ты коей земли, коего отца, коей матери?». Отвечал богатырь Илья Муромец: «Кабы я сидел на твоей белой груди, я не спрашивал бы да ни роду, ни племени, я бы порол твои белы груди, вынимал сердце ретивое, рвал язык со теменью. Так он спрашивает три раза. Во святых божьих книгах не написано, что лежать Илье Муромцу во чистом поле под богатырем мертвому. Дай-ко ты, господи, силушку друго столько, матерь пресвятая богородица». Развернулся он на две стороны, и слетел богатырь с его белой груди. И Илья Муромец стал на резвы ноги и подходит к ему неверный царь — царище Кудреянище, и давает ему руку в белы руки, и говорит ему таковы слова: «Не будем мы ни биться, ни брататься, и мы будем с тобой братья двуродные. Матери наши родны сестры, а нам тетки родны. Затем он с има уехал к царю-то к неверному в гости.

184

Ездил Митрей-князь да он женитися,
Васильёвич-князь да он по три зимы,
Он по три зимы да по три осени,
На четверту осень только свадьбы быть,
Только свадьбы быть да лишь к венцу пойти.
Пошел Митрей-князь да ко заутрени,

Васильёвич-князь да й к воскресенския.
Тут бросалась Домнушка по плеч в окно,
Фалилеевна да ниже пояса.
«Этот ли, маменька, да Митрей-князь,
Этот ли, сударяня, Васильёвич-князь?
Он сутул, горбат да наперед покляп,
Ноги кривы и его глаза косы,
Кудерки желты да заонежския,
Речь у Васильёвича да корельская».
Воротился Митрей-князь да от заутреней,
Васильёвич-князь от воскресенския,
Вот он приходит к сестриченьке родимыя:
«Ой же ты, сестриченька родименька,
Собери-тко ты мне-ка завтра да почестен пир,
Почестен пир да девиной стол,
Созови-тко ты Домнушку да на почестен пир,
На почестен пир да за девиной стол,
Скажи-тко ты: брателка у меня да дома нет,
Васильевича не пригодилося».
Вот первы послы да до сеней дошли,
Вторы послы да до дверей дошли,
А третьи послы прямо к Домнушке в дом зашли.
«Поди-ка, Домнушка, на почестен пир,
На почестен пир да за девиной стол,
Брателка да у мня дома нет,
Дмитрия-то да не случилося,
Васильёвича да не пригодилося».
Засбиралася Домнушка да на почестен пир,
Фалилеевна да за девиной стол.
Говорит-то ей мать да таковы слова:
«Не шла бы ты, Домнушка, на почестен пир,
Да не шла бы, Фалилеевна, за девиной стол».
Не послушала она родну матушку.
Вот пошла она на почестен пир,
На почестен пир да за девиной стол.
Вот пришла она да на почестен пир,
На почестен пир да за девиной стол.
Все уж девушки да приуселися,
Они шуткамы да прибауткамы забавляются,
Садят тут Домнушку да за дубовой стол.
Села Домнушка за девиной стол,
Наливают ей чарочку зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого,
Берет Домнушка чару зелена вина да во белые руки,
Во белы руки да зелья лютого.
Выходит Митрей князь да из заулочки,
Он ей стал страмить-ремить:
«Ой же ты, к....-б...., да на что пришла
Да на почестен пир,
Ой ты, крысая да подземельная?».
Это Домнушке все да не пондравилось,
Брала она в руки нож булатныя,
Пошла она во чисто полё,
Во чисто полё, полё зеленоё,
Становила она нож булатныя
В черен в мать сыру землю,

А сама ложилась на востреть ножа булатного
И говорила она да таковы слова:
«Не достань-ко-ся ты, мое тело, Дмитрею да косолапому,
А достань-ко-ся мое тело матушке да сырой земле».
Все-то девушки идут да со честна пира,
А Домнушки моей не видать у мня,
А Домнушка-то лежит на сырой земле.
(*А на другой день затем хоронили*).

185

На роду, роду Козарина попортили,
Отец-матушка на руки не приняли,
Отдавали бабушке-задворенке,
Чтой кормить-поить да до шести годов,
От шести годов да до девяти лет,
С девяти-то лет да до двенадцать лет,
От двенадцать лет да до полна ума,
До полна ума, до полна разума,
Пока не станет молодец конем владать,
Чтой конем владать да ружьем шурмахать.
Стал Козарин по уличкам похаживать,
Стал со малыма ребяткамы поигрывать,
Как которого он дерне за руку, руки выдерне.
Как которого-то дерне за ногу, ногу выдерне.
Уж как стали его, молодца, ругать-бранить,
Как ругать-бранить: «Да ты уж в....,
Ты уж в..... да заугольщина,
Ты пряма добыча деревеньщина,
У тебя ли нету роду-племени,
У тебя ли нету отца-матушки».
Как приходит Козарин к бабушке к задворенке:
«Уж ты бабушка, моя задворенка,
Ты скажи, скажи, да не утай, скажи,
Еще есть ли у меня да отец-мать родна?».
«Уж как есть у тебя да отец-матушка,
Уж как есть родна матушка — Настасья Королевична,
А родной батюшка — Петр Коромыслович.
Была у тебя сестриченка — Хрестинушка,
Увезли твою сестрицу в прокляту Литву
Те татарища-некрасища».
«Ой же ты, бабушка-задворенка,
Дай-ко ты мне да добра коня,
Добра коня да дай остро копье».
Говорит ему бабушка да таковы слова:
«Мы тебе волей не дадим, так ты силой возьмешь».
Подводила бабушка добра коня
И давала ему остро копье.
Не видали Козарина поедучи,
А столько видели добра молодца седучи.
Едет Козарин по чисту полю,
Во чистом поле видит три шатра роздернуто,
А под землей, слышит, плаче девица,
Плаче девка, плаче красная,
Своей русы косы причитыват:
«Ты руса моя косынька,

На Руси была коса плетёная,
А расплетут косу на проклятой Литве
Да те татарища-некрасища».
Выходил татарин из черна шатра,
Говорил поганый таковы слова:
«Ты не плачь, девица, не плачь, красная,
Утром завтра мы едем в прокляту Литву,
В проклятой Литве будем дел делить:
На перву долю положим чиста серебра,
На втору долю положим злато-золото,
На третью долю — тебя, красну девицу.
Ежли ты, девица, мне достанешься,
Да я топором в куски тебя прирублю».
Плаче девка, плаче красна
Больше прежнего да больше старого,
Своей русы косы причитыват:
«Ты руса моя косынька,
На Руси коса была плетёная,
А расплетут косу на проклятой Литвы
Да те татарища-некрасища».
Выходит татарин из черна шатра,
Говорит поганый таковы слова:
«Ты не плачь, девица, не плачь, красная,
Утром завтра мы едем в прокляту Литву,
В проклятой Литвы мы будем дел делить:
На перву долю положим чисто серебро,
На втору долю положим злато-золото,
На третью долю — тебя, красну девицу.
Ежли ты, девица, мне достанешься,
То я, девица, тебя пополам перерву».
Плаче девка, плаче красная
Больше прежнего да больше старого,
Своей русы косы причитыват:
«Ты русая моя косынька,
На Руси коса была плетёная,
Расплетут косу на проклятой Литвы
Да те татарища-некрасища».
Выходит татарин из бела шатра,
Говорит поганый таковы слова:
«Ты не плачь, девица, не плачь, красная,
Утром завтра мы едем в прокляту Литву,
В проклятой Литвы мы будем дел делить:
На перву долю положим чисто серебро,
На втору долю положим злато-золото,
На третью долю — тебя, красную девицу.
Ежель ты, девица, мне достанешься,
Я тебя, девица, за себя взамуж возьму».
Плаче девка, плаче красная
Больше прежнего да больше старого,
Своей русы косы причитыват:
«Ты руса моя косынька,
На Руси коса была плетёная,
А расплетут косу на проклятой Литвы
Да те татарища-некрасища».
Выходит Козарин да из красна шатра,
Выводил девицу красную,

Он брал девицу за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Целовал девицу в сахарны уста,
Называл ее да родимóй сестрой,
Она ему да не поверила.
Посадил он ее да на добра коня,
И поехали оны по чисту полю.
Говорит он девице таковы слова:
«Ты скажи, скажи, девица,
Ты коёй ягры да ты какой земли,
Коёго отца да коёй матушки?».
А девица ему не речится да и не молвится.
«Да ты не бойся меня и не опасайся,
Ты скажи, скажи, девица,
Ты коёй ягры да ты какой земли,
Коёго отца да коёй матушки?».
А она все с ним не речится да не молвится.
«Ты скажи, скажи, девица, ты коёй ягры,
Ты коёй ягры да ты коей земли,
Коёго отца да коёй матушки?».
Она ему отвечает теперь:
«Я родна отца Петра Коромыслова,
А родной матушки Настасьи Королевичной».
Подъезжает Козарин к дворцу королевскому,
Скричал, зычал своим зычным голосом:
«Ой же ты, Настасья Королевична,
Выноси-ка ты чашу злата-золота,
Злата-золота да чиста серебра,
Выкупай-ка ты свою дочь родиму».
Скричал, зычал своим зычным голосом:
«Ой же ты, Настасья Королевична,
Выноси-ка ты чашу злата-золота,
Злата-золота да чиста серебра,
Выкупай-ка ты свою дочь родиму».
Вскричал, зычал своим зычным голосом:
«Ой же ты, Настасья Королевична,
Выноси-ка ты чашу злата-золота,
Злата-золота да чиста серебра,
Выкупай-ка ты свою дочь родиму».
Наливала она чару яду змеиного,
Выносила она сыну родимому,
Наливала чару яду змеиного,
Подносила сыну родному,
А он коня поворотил и заговорил:
«По роду, роду будь ты мать родна,
А по житью-бытью змея лютая».

Как он уехал, дочь-то и сказала: «Что же ты, маменька родима, это твой сын, а мой брат!». (*Да и поздно! Ну и все!*).

186

Но, ездил Михайлушко-князь да молодыя,
Он искал себе жену беляну
Да красну хорошу жену Марфиду.
Он приехал к своёй к маменьке родимой
Да ко сударыне к Овдотье.

«Уж ты мать, ты моя матушка родная,
Государыня Овдотья,
Ты уж пой-ко, корми мою беляну,
Да красну хорошу жену Марфиду,
Ты уж пой-ко, корми-тко ей крупищатой пшеницой,
Пой ключевою сладкою медовою водицой».
Тут уехал Михайлушко-князь да молодыя.
Матушка его беляну не взлюбила,
Да парну баенку она топила,
Серой камешок она нажигала,
Белы грудочки у ей она прожигала,
Ретиво-то сердечико она у ей порола,
Вынимала три приметы:
Перва примета — жили с Михайлушкой во совете,
А другая примета — бладень [1] во утробы,
А третья примета — князь Михайлушко да во дороге.
Тут он воротился из дороги.
Приходит он к своей матушке любимой:
«Ты мать, ты моя матушка родима,
Ты ли, государыня Овдотья,
Еще где моя беляна,
Красна государыня беляна,
Хороша жена Марфида?».
«Твоя беляна ушла в лес по ягодки
Да медовые щипать яблоньки».
Метался Михайлушко-князь,
Искал свою беляну,
Красну хорошу жену Марфиду,
Да и не нашел.
Приходит опять к матушке родимой:
Ты, моя матушка родима,
Ты скажи, не утай,
Где же есть моя беляна,
Красна хороша жена Марфида?».
«Твоя Марфида ушла в парну баенку помыться
Да в божью церковь богу помолиться».
Опеть же Михайлушко-князь метался,
Искал свою беляну,
Красну хорошу жену Марфиду.
Вот и приходит к своей матенке к родимой,
К государыне Овдотье.
«Ой ты, моя мать, матушка родима,
Государыня Овдотья,
Ты опеть скажи, да скажи, не утай,
Где же есть моя беляна,
Красна хороша жена Марфида?».
«Твоя Марфида ушла на быструю речку за водицей
Да зашла к суседам порядовным».
Вот и приходит он к суседам порядовным:
«Ой же вы скажите, суседы ближни порядовны,
Скажите, скажите, не утайте,
Где же есть моя беляна,
Красна хороша жена Марфида?».
Суседы-то и отвечают:

[1] Младенец.

«Матушка твоя родная Марфиду не взлюбила,
Парну баенку топила,
Серый камень нажигала,
Белы груди у беляны прожигала,
Ретиво сердце порола,
Вынимала три приметы:
Перву примету — жили с Михайлушкой во совете,
А другая примета — бладень во утробы,
А третья примета — да князь Михайлушко во дороге.
Полагала беляну во колоду,
Спускала колоду в речку быстру, в каменисту».
«Ой же вы, суседы порядовны,
Спасибо, спасибо, что мне рассказали».
Приходит он к рыболовам:
«Ой же вы, рыболовы-ловцы,
Да удалы молодцы,
Вы закиньте шелков невод —
Вам приде рыбы немного».
Первый раз закинули невод шелков —
Им пришло рыбы немного.
«Ой же вы, рыболовы-ловцы,
Да удалы молодцы,
Да вы киньте шелков невод —
Вам приде рыбы много.
Оны заметали шелков невод —
Им пришло рыбы много.
(Он отдават им всю рыбу, рыбу не берё).
«Ой вы, рыболовы-ловцы,
Да удалы молодцы,
Вы закиньте невод —
Вам приде рыбы немного».
Они затянули невод — пришло рыбы немного, а пришла колода.
Вытягат Михайло колоду на гору
И открыл эту колоду.
Становил нож булатный — черень на белую грудь,
А сам ложился на вострень-то белой грудью и говорит:
«Где лежит моя жена беляна,
Хороша красна жена Марфида,
Тут пусть лежит и Михайлушко-князь моло́дой».
(Вот три головы мать-то и погубила,
теперь мать и спохватилась, осталась одна).

187

Женился князь, да князь молоденькой,
Брал княгинушку себе молоденьку,
Он молоденьку да девяти годов,
Девяти годов да лет двенадцати.
Он немножко жил — всёго три денечка,
Он немного спал — всёго две ноченьки.
Поезжат-то князь, да князь молоденькой,
Оставлят жены да питье-кушаньё,
Оставлят он молоденькой да добрых коничков:
«Ты уж пой, корми, княгинушка, да добрых коничков,
Ты уж пой водой-то их уж досыта».
Оставлят еще да князь молоденькой

Свечки ей да воску ярого:
«Ты уж жги, княгинушка, прем[1] бога
Эти свечки воску ярого,
Ты моли-ко за князя да здоровьице».
Тут уехал князь да во чисто полё,
Во чисто полё, полё зеленоё.
Он уж едёт по чисту полю, лугу зеленому,
Как стречается с девицамы с чернявицамы.
Говорят ему девицы таковы слова:
«Уж ты здравствуй, здравствуй, князь молоденькой!».
Отвечаё им князь да таковы слова:
«Вы почем же меня, девицы, знаете,
Меня знаете, так нарекаете?».
«Мы уж были у твоей да молодой жены,
Во твоем да теплом витом гнездышке,
У ей кони все стоят не кормлены,
Овсом не кормлены, водой не поены,
У ей свечки стоят не прижганы,
Питьё-кушанье у ей не съедено,
А как веснёт бладенец у ей под пóтолоком уж трехмесячной».
Воротился князь да князь молоденькой,
Он чесал коня добра плетьёй немилостиво.
Говорит ему конь языком человеческим:
«Раньше ты меня, хозяин, жалел дай и плётью не чесал,
Для чёго теперь ты меня плёткой чёшешь шелковой,
Меня гонишь поту да мыльнёго?».
Тут приехал князь да ко своёму теплому витому да гняздышку,
А выходит его стречат дай молода жена.
Он в руки брал да саблю вострую,
И сказнил, срубил ейну головку с плеч,
Полетела ейна головка с воем на небо,
Прямо на небо, господу богу в рученьки.
Как зашел князь да во палату белокаменну
И глядит-то, нет никакого бладенца трехмесячного,
(Нигде не видно, не мог найти).
Стоят конички у ей накормлены,
Овсом накормлены, водой напоены,
Свечки божия у ей дай прижганы.
(Ну, молилась, наверно богу-то еще до пота.
Поклоны кланялась-то, да уж он и не видит, как... Да и все).

188

И походит Романушка за охотамы,
Да и он стрелять-то гусей да и белых лебедей,
Маленьких-то пернастых серых уточок.
Да и унимала Романушка молода жена,
Да и молода-то жена да и Марьюшка Юрьевна,
Да и Марья Юрьевна да лебедь белая:
«Да и не ходи ты, Романушка, за охотамы,
Уж как сей ночи мне мало спалося,
Мало спалося да сон привиделся:
Как сокатился у Марьюшки злачен перстень,
Уж как злачен-то перстень да со правой руки,

[1] Перед.

Да со правой-то руки, с перста с мизеночка».
Не послушал Роман да молоду жену,
Да и поехал Романушка за охотамы.
Да уселась Марьюшка к окошечку,
Да глядит-то уж Юрьевна во синё морё,
Во синё-то море да и во солоноё,
Да и там бежит-то, бежит да три корабличка,
Да и забегают-то в гавань корабельную,
Да и опускают-то паруса поло́тняны,
Как метают-то якоря булатные,
Подъезжают-то ко бережку.
Глядит-то Марьюшка, что ей беда пришла,
А ей беда-то пришла, да деться некуда.
Да уж вышла Марьюшка на белы сени,
Да и со белых-то сеней на красно крыльцо,
Да и со красна-то крыльца да и во чисто полё,
Да и во чисто полё она под кустышек,
Да из-под кустышка она под камешек,
Да из-под камешка она под яблоньку.
Да и вот уж ищут татарища поганыя,
И уж как все-то татара отступилися,
А один-то поганый не отсту́пился,
Да и нашел он уж Марьюшку под яблонькой,
Да и берет-то он Юрьевну за белы руки,
Да за белы-то руки да за златы перстни,
Да и повел-то татарин на кораблички,
Да и понесли они Марьюшку за сине морё,
За синё морё да за солоноё.
Да пришел-то Романушка — Марьи-то нет,
Да увезли его Марьюшку за синё морё,
Посадили-то Марьюшку за семи замков,
Да и за семи замков да и за двенадцати,
А и велели слугам носить еду-кушанье.
Она не ест-то, не пьё, а уливается:
«Уж вы слуги, вы слуги, слуги верныя,
Да и отпустите вы домой меня к Романушку».
«Да мы не можем тебя отпустить домой,
Мы отпустим тебя, так нас самих убьют».
«Отпустите вы, да я отдам перстни».
Да одна-то слуга да согласилася,
Отпустила-то Марьюшку за златы перстни
И направила ей в путь-дороженьку.
Уж как шла-то Марьюшка по темному лесику,
Да вся-то она оборвалася.
Пришла она на море большущее, а там рыбаки сидя,
Она там плаче да уливается.
Дала им с левой руки златы перстни
И пришла домой к Романушку.

189

Походит Романушка за охотамы,
Он стрелять-то гусей да и белых лебедей,
Маленьких-то пернастых серых уточёк.
Унимат-то Романушка молода жена,
Молода-то жена да и лебедь белая:

«Не ходи-тко, Романушка, за охотамы,
Не стреляй ты гусей да и белых лебедей,
Маленьких-то пернастых серых уточёк».
Не послушался Романушка да молоду жену,
Молоду жену да Марью Юрьевну.
Еще сей ночи да Марьюшке мало спалось,
Мало спалось да во снях виделось:
Сокатился у Марьюшки злачен перстень,
Злачен перстень да со правой руки,
Со правой руки, с перста с мизеночка,
Рассыпался перстень на мелки куски,
На мелки куски на мелки дребезги.
Все зерна Марья присобрала,
Да одного зерна Марья да не могла собрать,
Налетело три ворона граючие
Да соклевали три зернышка.
Села-то Марьюшка к окошечку,
Да глядит-то она во синё морё,
Во синё морё, море солоное.
Увидала она три корабля черненыя,
Да забегают оны в гавань корабельную,
Да опущают-то паруса полотняны,
Бросают-то да якоря булатныя,
Опушчают-то да шлюпочки дубовыя,
Верхом убелены, низом украшены.
Марьюшка глядит, что ей беда пришла,
Беда пришла, да деться некуда.
Вышла-то Марьюшка да на белы сени,
Со белых сеней да на красно крыльцо,
Со красна крыльца да на тропиночку,
Со тропиночки да во чисто полё.
Села-то Марьюшка под елочку,
А из-под елочки да под кустышек,
Из-под кустышка под яблоньку, под ту кудрявую.
Те-то татарища да отступилися.
Один-то татарища да не отсту́пился,
Он приходит ко яблоньке да ко кудрявой,
Берет ли он Марьюшку да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Целует ей да в сахарны уста,
Говорит он ей да таковы слова:
«Ты ли есть лебедь белая да Марья Юрьевна?».
Привел он Марьюшку да на чернен корабь,
Он рукой махнул да головой кивнул:
«Вытягайте-ко да якоря булатныя,
Поднимайте-ко да паруса полотняны,
Здымайте-ко да шлюпочки дубовыя».
Ветерок припал да парусок подул,
Да и корабль пошел.
Повезли Марьюшку да Юрьевну во синё море.
(Дальше не знаю).

190

Все-то на пиру наедалися,
Все-то на чёстном да напивалися,
Ан все-то на пиру да приросхвастались:

Который хвастат молодой женой.
Безумной хвастат родимой сестрой,
Неразумной хвастат золотой казной.
А один сидит Дунаюшко, не ест, не пьет,
Он не ест, не пьет, ничё не хвастаёт.
Говорит ему король, Дунаюшку:
«Да что же ты не ешь, не пьешь,
Ты не ешь, не пьешь, ничё не кушаёшь,
Ничё не кушаёшь, ничем не хвастаёшь?».
Говорит Дунай да таковы речи:
«Чем же стать да мне-ка хвастати,
Еще чем мне стать молодцу выхвастывать?
Разве тем-то стать да мне-ка хвастати,
Разве тем мне стать выхвастывать,
Когда жил у короля я по три года да по три осени,
Во конюшни-то да я по три года,
Да по три осени жил во придворниках,
А третьё по три годы да по три осени
Я жил у Настасьи Королевичной да во лакейниках,
Я стелил периночки пуховыя,
Я улаживал зголовьицо высокоё,
Натягал я одеяло соболиноё,
И лежал я у ее да на белой груди,
Я держал у ей да руки в пазухе,
Повыше колен — пониже пояса,
Попряме сказать — да у черной мошни».
Ну это все королю да не пондравилось.
Говорит король да слугам верныим:
«Ой вы слуги, слуги верныя,
Вы берите Дуная за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Вы берите в руки сабли вострыя,
Вы ведите Дуная во чисто поле,
Вы ведите, казните буйну голову с плеч его».
Говорит Дунай да слугам верныя:
«Ой вы слуги, слуги верныя,
Вы ведите меня мимо Настасьина бела крыльца».
Во-первых, кричал-зычал он зычным голосом:
«Ты прости, прощай, да белый свет!».
Во-вторых, кричал-зычал:
«Да прости, мать-отец!
Во-третьих, кричал-зычал:
«Прости, прощай, Настасья Королевична!
Во-первых, скричал боле старого да боле прежнего:
«Ты прощай, прости, да прем[1] белый свет!».
Во-вторых, кричал да боле старого да боле прежнего:
«Ты прощай, прости да прости, мать-отец!».
Во-третьих, кричал-зычал да боле старого
да боле прежнего:
«Ты прощай, прости, Настасья Королевична!».
Во первый находе она не слышала,
Во второй находе не дослышала,
Он скричал-зычал да еще третий раз,
Боле старого да боле прежнего:

[1] Здесь: весь.

«Ты прощай, прости, Настасья Королевична!».
Во третий находе она услышала,
Из окошечка в окошечко металася,
Увидала она, ведут Дунаюшка да за белы руки,
Выбегала она да на красно крыльцо,
Да увидала она Дунаюшка,
Как ведут палачи да за белы руки,
За белы руки да за златы перстни.
Да говорит она слугам верным:
«Ой же вы слуги, слуги верныя,
Вы уж дайте Дунаюшка в мои белы руки,
Вы берите злата-золота, сколько надо,
Да еще берите серебра, сколько надо,
Только отдайте Дунаюшка в мои белы руки».
Выкупала она Дунаюшка в белы руки.
Говорят ей слуги верныя:
«Мы бы отдали Дуная в твои белы руки,
Да боимся твоего батюшка».
Отдавала она им злато-золото,
Злато-золото да чисто серебро.
И брала Дунаюшка во свои белы руки,
Завела там в свой зал и заперлась.
(Больше я не знаю).

191

Ездил старенькой да по синю морю,
По синю морю да на сером коне.
Да середи-то моря был да сер камешок,
А на камешку было написано:
Во перву дорожку ехать — знать богату быть,
Во втору дорожку ехать — знать женату быть,
Во третью дорожку ехать — знать убиту быть,
Знать убиту быть да й похоронену.
А на́ что мне, старому, богату быть,
А на что мне-ка, седатому, женату быть,
Мне моло́да взять, дак на чужу корысть,
На чужу корысть, людям на завидость;
А мне стару взять, дак на печи держать,
На печи держать да киселем кормить,
Киселем кормить да молоком поить.
А поеду в ту дорожку, где убиту быть,
Где убиту быть да и похоронену.
Подъезжает старенькой к белу шатру,
Ко белу шатру, белополотнищу.
Там три татарина да все казну делят:
«Вы, татаришка, да вы, поганыя,
Вы возьмите-ко меня да в поединщички».
Как татара друг на дружку оглянулися,
Оглянулися да усмехнулися.
«Вы не смейтесь-ка, татаришка, над стареньким,
Вы над стареньким да и над седатеньким.
Есть у старого, у мня, кунья́ шуба́,
У куньёй шубы́ да есть три пуговки:
Одна пуговка стоит пятьсот рублей,
Втора пуговка стоит семьсот рублей,

Третья пуговка да целу тысячу,
А самой куньичей шубы цены не было.
Есть на головушке у мня колпачичек:
Уж как днем мне ехать — не нать солнышка,
А как ночью ехать — не нать месяца.
Есть на ножечках сапожки да сафьяновы,
А на шее крест есть солнышка Владимира да подареньица».
Одного татарина конем стоптал,
А другого татарина копьем сколол,
А третьего да кулаком убил.
Собирал казну да многотысячну
И сделал дороженьку проезжую,
Всем людям дороженьку прохожую.

192

Поезжает Саулушко во чисто полё
(Во чисто поле воевать),
Оставлят княгины питье-кушаньё,
Питье-кушаньё да и добрых коничков.
Говорит княгине таковы слова:
«Если сына ты спородишь — воскорми, воспой,
Воскорми, воспой да до семнадцать лет
И пошли его мне на завыручку.
Если дочь спородишь — воскорми, воспой,
Воскорми, воспой да и взамýж сповыдай ей,
И пошли мне зятя на завыручку».
И родился сын у княгинушки,
И поехал он к отцу да на завыручку.
Едет он да мимо города Чернигова,
А кричат ему да там татаровя,
А татаровя да и улановя.
Говорят татаровя да таковы слова:
«Приворачивай-ко, доброй молодец,
Мы возьмем тебя да королевствовать».
Приезжает Саулушко да из чиста поля,
Собирает Саулушко почестен пир.
Все на пиру пьют и едят,
Только не ест молода жена Саулова,
Не пьет, не ест и не кушаёт.
Говорит она да таковы слова:
«Ох-хо-хо-хо-хо да о-хо-хонюшки,
Как сокол-то есть да соколенка нет».
У Саулушки-то пир попортился,
Он садился на добра коня,
На добра коня да скоростyпчива
И поехал сыну на завыручку.
Подъезжат ко городу к Чернигову,
[Кричат татарове ему таковы слова:
«Приворачивай, добрый молодец,
Мы возьмем тебя королевствовать»].
Говорит Саул да таковы слова:
«Вы татарове, да вы улановя,
Вы отдайте мне да едина сына,
Едина сына да одинакова,[1]

[1] Единственного.

А не отдаитё, так я весь Чернигов-град огнем сожгу,
А вас, татаришек, да во полон возьму».

Примечание. Этот текст поется на напев № 191.

193

Собирает-то солнышко Владимир ведь почестен пир,
Приглашает-то всех да князей-бояров,
Да й приглашает-то Дюка Степановича.
Унимает тут Дюка родна матушка:
«Ты не езди-ко, чадо, да на почестен пир,
Ты ведь у мня чадышко захвастливо,
Да ты захвастливо да и занословио,
Захвастнешь на пиру, чего и в доме нет».
Не послушался да и [Дюк] свою матушку,
Он поехал к солнышку Владимиру.
Да уж как все на пиру да вот пьют, едят,
Они пьют, едят да и речи гуторят.
Один Дюк Степанович не ест, не пьет,
Он не ест, не пьет да и не кушаёт.
Да тут спросили Дюка да Степановича:
«Уж что же ты, молодец, не ешь, не пьешь,
Да ты не ешь, не пьешь, ничё не кушаешь?».
«А вы налейте мне чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра».
Наливали чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
Уж он брал-то чару единой рукой
Да испивал ту чару за единой дух.
После этого Дюк расхвастался:
«У вас, — говорит, — пахнет корочка на сосонку,
(Помялья-то у нас из сосны делают),
Пахнет мякишку у вас на гнилочку.
А у нас-то печечки муравлены,
А помялышка у нас шелковыя,
Из семи шелков да заплеченые.
А пекет маменька моя калачики,
Калачик съешь — по другому душа болит,
А без третьего так жить и нéможно».

Дюк хотел взять замуж сестру Владимира. Солнышко Владимир дал Дюку задание. Еще они делали уговор, чтобы выездить в поле целый год и сменять каждый день одежду сменну и лошадь каждый день менять. Потом они поехали описывать Дюково именье. Князь сказал: «Поезжайте-ко Дюково именье описывать». Наклали семь возов лошадиных чернил да бумаг. Едут, а у Дюка палаты, как огонь горя, все палаты золоченые. Выходила навстречу Дюкова портомойница.

«Здравствуй-ка, здравствуй, Дюкова родна матушка».
«А я не матушка Дюкова есть, а портомойница».
Выходит навстречу Дюкова калашница:
«Здравствуй-ка, здравствуй, Дюкова матушка».
«А я не Дюкова родна матушка, а я Дюкова калашница».
Выходит Дюкова да родна матушка:
«Зачем вы, ребятушки, да к нам приехали?».
«Мы приехали Дюково именьице описывать».

Отвела она им кладовы с посудою фарфоровой, а чернил-то, бумаг у их не ставится, а Дюковой посуды не сбавляется. И уехали обратно эти писари.

Стали выезжать на поединок в полюшко: кто кого объездит да обгонит.

Дюк наряжался в нову одежду в каждый день. Встанет Дюк ранешенько, вычистит своего Буренушка чистехонько, а у Буренушка нова шерсть появится. И так в каждый день они выездили целый год. У их кони стали спотыкаться да запинываться, а у Дюка конь, как стрела, летал. И поехали оны, урядилися через реку скакать. Кто первой скочит, делали уговор — это второе задание. Уговаривались перескакивать через реку. Дюк перескочил первый через реченьку быструю, а этот конь упал в середины реки — солнышка-то Владимира, а Дюк обратно вернулся и за волосы вытащил с реки князя Владимира и привез его на берег.

194

Без отца, без матушки живут люди,
Без роду-племени люди богатеют,
А без божьей милости жить неможно.
Уродилось чадышко неумноё
Да неумноё да неразумноё.
Он спознался с девкамы, с к....мы,
Со тема да голямы кабацкима.
И пошла тут маменька на пристань корабельную
Продавать Иванушка на ка́рабле.
Он ругал-бранил свою матушку словамы непоноснымы.
Там стояли три ка́рабля черненые
Со тема товарамы заморскима,
Со тема матросамы удалыма.
«Ой, вы ребятушки, да вы улановя!
Вы купите-ка у мня едина́ чада,
Едина́ чада да одинакого,
Он спознался с девкамы, со к.... мы,
Со тема со голямы с кабацкима.
Уж вы дайте мне за молодца пятьсот рублей».
Тут кричал-зычал Иванушка да зычным голосом:
«Не жалейте за удалого да целой тысячи,
Чтобы не ходила моя матушка да по подоконью,
Не сбирала бы она да ломтей резаных,
Ломтей резаных да кусков сбираных».
Посадили его в трубу [1] да корабельную.
Сидит Иванушка да трои суточки,
Трои суточки да не едаючи,
Не едаючи да не пиваючи.
Подходит к Ивану хозяин ко́раблей,
Говорит хозяин таковы слова:
«Ой же ты, Иванушка Гостиный сын,
Оцени-ко ты мои три ка́рабля
Со тема товарамы заморскима,
Со тема матросамы с удалыма,
Небольшой ценой, да и немалою.
Если ты оценишь их ценой подходящею,
Я отдам тебе эти три ка́рабля

[1] Искаж. «трюм» (см. «трун» у Григорьева).

Со тема товарамы заморскима,
Со тема матросамы удалыма».
Обценял Иванушка три ка́рабля ценою подходящею.
Отдавал ему хозяин три ка́рабля
Со тема товарамы заморскима,
Со тема матросамы с удалыма.
И уходит прочь хозяин с ка́раблей,
А Иванушка сел-то играть во карточки,
И за три дня проиграл три ка́рабля,
И опять пошел с голямы кабацкима,
Со тема со девкамы, со к....мы.

195

Сватался Митрей-князь по три годы,
Да по три годы да й по три осени,
На четверту осень только свадьбы быть,
Только свадьбы быть да к венцу идти.
Случилось Митрею идти к заутрени,
А Васильевичу да к воскресенския,
Тут бросалася Домнушка по плеч в окно,
Фалилеевна да ведь по поясу:
«— Этот ли, матушка, есть Митрей-князь,
Да этот ли, сударыня, Васильевич?
Он сутул, горбат да и наперед покляп,
Ноги кривы да и глаза косы,
Кудри желты да заонежския,
Речь-то у Митрея корельская».
Митрею да забедно пало,[1]
Васильевичу да за конфуз большой.
Пришел он к сестре Домны Васильевны
Да с обидою пришел с великою:
«— Уж ты, Домнушка, да ведь Васильевна,
Собери-ко ты да ведь почестен пир,
Созови к себе Домну Фалилеевну».
Собирала Домнушка почестен пир,
Пригласила Домну Фалилеевну:
«Приходи-ко, Домна Фалилеевна,
Ты садись на лавочку брусовую,
Ко тому столу да белодубову».
Выходил Роман [Митрей] да из-за завесы,
Из-за завесы да из шелковыя,
Из-под одеялышек да соболиновых,
Из-за подушечек да пуховеньких.
Говорит тут Митрей таковы слова:
«Ты зачем пришла, да змея лютая,
Змея лютая да подколодная,
Не уйдешь, змея, да никуда больше».
Брала Домнушка ножичек булатный
И втыкала себе во белую грудь:
«Не достанься ты, мое тело белое,
Ни сутулому да ни горбатому,
Ни ногам кривым да ни кудрям желтым,

[1] Обидно стало.

Ни кудрям желтым да заонежскиим,
А досталося тело мое белое
Гробовой доске да сырой матери-земле».

196

Женился князь да на княгинушке,
На княгинушке на Катеринушке.
Он немного с ей жил — всего три месяца,
Он немножко с ей спал — всего три ноченьки.
Поезжает князь да й во чисто полё,
Оставлят княгины питьё-кушаньё,
Питьё-кушаньё да свечи-ладаны,
Свечи-ладаны да добрых коничков:
«Уж ты корми коней да ведь пшеницею,
А пой коней да ключевой водой».
Вот княгина день и ночь богу молилася,
А поила коней да ключевой водой
И кормила коничков пшеницею.
И прошло тут быстро десять лет,
Поезжает князь да из чиста поля,
Добрый конь идет да спотыкается,
Ко сырой земле да приклоняется:
«Уж ты конь, ты конь, да травяной мешок,
Ты чего идешь да спотыкаешься,
Ко сырой земле да приклоняешься?».
Говорит ему конь да таковы слова:
«Ты прольешь, дурак, да понапрасну кровь,
Понапрасну кровь да бесповинную».
А идут к нему навстречу да три старицы,
Да три старицы да три чернявицы.
«Здравствуй, здравствуй-ко ты, да князь молоденькой,
Князь молоденькой да чернобровенькой!
Были мы у твоей княгинушки,
Да у княгинушки у Катеринушки,
Мы смотрели у ей младенчика трехмесячного,
Добры конички у ей все приезжены,
Свечи-ладаны стоят ведь не жганы,
Питьё-кушаньё да все прикушано».
Во чистом поли́ да курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит,
А желты пески столбом ставятся.
Подъезжает князь к шатру белому,
К шатру белому да палатам белокаменным,
Палаты с боку на бок покачнулися.
Выходила княгина на красно крыльцо,
Говорила княгина таковы слова:
«У нас десять лет да солнце не́ пекло,
Солнце не́ пекло да красно не́ грело,
На одиннадцатый год да солнце ро́спекло,
Солнце ро́спекло да красно ро́згрело».
Вынимает князь да саблю вострую,
Отрубил княгине по плеч буйну голову
И заходит в палаты белокаменны,
Не нашел младенца трехмесячна,
Питьё-кушаньё было не кушано,

Свечи-ладаны все были прижганы,
Добры конички были неезжены.
Тут садился князь да на добра коня,
На добра коня да скороступчива.
Во чистом поле да курева стоит,
Курева стоит да дым столбом валит,
Да желты пески столбом ставятся.
И подходя к князю опеть три старицы,
Три старицы да три чернявицы,
Поблизку коню да подвигаются,
Понизку князю да поклоняются:
«Здравствуй-ко, здравствуй, князь молоденькой,
Князь молоденькой да чернобровенькой!
Были мы у твоей книгинушки,
У княгинушки твоей, у Катеринушки,
Мы смотрели у ней младенчика трех месяцев».
«Ах вы, старицы да вы чернявицы,
Провалитесь-ко вы да скрозь сыру землю,
Скрозь сыру землю да сыру матушку».

197

Ездил князь Михайло по Поморью,
Он искал себе возбручную княгину.
Он нашел себе княгину да Марфиду,
А Марфиду-то мати не взлюбила,
Она парную баенку топила,
Да й горяч-то камень нажигала,
Во Марфидину утробу воспускала.
Да приехал князь да Михайло:
«А где же моя да Марфида,
И прекрасная моя да беляна?».
«Наверно, она ушла в баенку помыться,
Или в церковь-то ведь божью помолиться».
Вернулся. Опять стал спрашивать:
«Где моя беляна, жена Марфида?».
«Ушла к соседям прохладитися».

А ему соседи рассказали, что мать его парну баенку топила и туда Марфиду водила. Он убил сам себя. А мать сказала: «Что я, что я натворила, три души сгубила: перва душа — Марфида, втора душа — младенца, а третья — сына Михайла». (*Жена была в положении. Вот ведь кака была старуха*).

198

На роду, роду Казалина попортили,
Отец-мати на руки не приняли,
Дали бабушке, дали задворенке,
А кормить-поить ведь ей до трех годов,
А от трех годов да до шести ведь лет,
От шести-то лет да до двенадцати,
Чтобы мог Казалин уж конем владать,
А и конем владать да копьем шоровать.
Стал Казалин по улицам похаживать,
Стал шара мечать [1] с ребятамы, покидывать,

[1] Метать шары (играть с ребятами).

Кого схаватит за руку — рука оторвется,
Кого хватит за ногу — нога оторвется.
Стали тут Казалина ругать-бранить
И тема словамы непоносныма:
«Уж ты сукин сын да и заугольщина,
Не прямой добычи деревенщина».
Тут Казалину да забедно пало,
Забедно пало да и за конфуз большой.
Пришел к бабушке, пришел к задворенке:
«Уж ты бабушка, да ты задворенка,
Ты скажи, скажи, да не утай, скажи,
Я коёй орды да я коей земли,
Коего отца да и коей матушки?».
«Уж ты города, дитё, Березова,
А того отца — Петра да Коромыслова,
Той ты матери — Настасьи Королевичней.
На роду, роду да тебя попортили,
Они на руки тебя не приняли,
И была у их еще доченька любимая,
Увезли ее да три татарина,
Три татарина да три поганыя».
Да не видели Казалина-то сéдучи,
Только видели Казалина поедучи.
Приезжат Казалин ко белу шатру,
Там сидят татаровя, дел делят да паи паюют:
На первой дел клали золота,
На второй дел клали серебра,
А на третий дел клали девушку.
Девка плачет пуще старого
Да пуще прежнего.
Говорит татарин таковы слова:
«Если ты мне, девушка, достанешься,
Я отвезу тебя во чисто полё
Да отрублю тебе там буйну голову,
Брошу туловище волкам на рысканье,
Черным воронам на граянье».
Девка плаче пуще прежнего
Да пуще старого.
Говорит второй татарин таковы речи:
«Не плачь, девица, да душа красная,
Если ты мне достанешься,
Дак я возьму тебя за себя взамýж».
Девка плаче пуще прежнего
Да пуще старого.
Говорит третий татарин таковы слова:
«Не плачь, девица, да душа красная,
Если ты мне достанешься,
Я возьму тебя себе в портомойницы».
Девка плаче пуще прежнего,
Да пуще старого.
Заезжает Казалин во белой шатер:
Первого татарина копьем сколол,
Второго татарина кулаком убил,
Третьего татарина во полон взял
И собирал казну да многотысячну.
Брал сестру, садил на добра коня,

Повез и выспрашивать:
«Ты коёй орды да коёй земли,
Коёго отца да коей матери?».
«Я из города Березова,
Отца Петра Коромыслова,
Матери Настасьи Королевичны».
Подъезжает к палатам Петра Коромыслова,
Петра Коромыслова полаты, как огонь, горя.
Вскричал, зычал зычным голосом:
«Тут ли есть Петр Коромыслов
Да Настасья Королеевна,
Есть ли у вас кого малых деточок?».
Бросалась Настасья Королеевна
По плеч в окно да по поясу:
«Была у нас доченька любимая,
Да увезли ее три татарина».
«Выкупайте-ко вы доченьку любимую,
Вы овесьте моего коня куницамы да лисицамы
Да налейте мне чару зелена вина полтора ведра».
Овешали коня куницамы да лисицамы,
Налили вместо вина да зелья лютого,
Он сам не пил, а коню на гриву лил:
У коня грива вся в кольцы завилась. (*Сгорела*).
Он скочил на добра коня своего
Да скричал-зычал зычным голосом:
«По роду, роду да ты мне мать родна,
Да по житью-бытью змея лютая».
Закричали: «Держи, держи Казалина», а Казалина уж след простыл.

199

Поезжает Соло́ман-царь за охотамы
Стрелять гусей да белых лебедей,
Перелетных серых малых уточок.
Унимает Соло́мана молода жена,
Молода жена, царица Соломаньица:
«Не ходи, Соломан-царь, за охотамы,
Мне в сей ночи мало спалось,
Мало спалось, плохо виделось:
Скатился перстень со правой руки,
И рассыпался перстень на мелки зерна,
Все куски собрала,
А одного кусочка не могла найти».
Не послушал Соло́ман молодой жены.
В то вермя говорит царь Василий Окулович
Своему слуге верному:
«Найди мне молоду жену,
Умом умну, разумом статну,
Чтобы у ей походочка была повинная,
Тиха речь лебединая,
Очи ясного сокола,
Брови черного соболя».
Говорит ему слуга верная:
«Я найду тебе молоду жену,
Умом умную да разумом статную,
У ей походочка повинная,

Тиха речь лебединая,
Очи ясного сокола,
Брови черного соболя.
Есть у царя у Соло́мана молода жена,
Да есть умом умна да разумом статная.
У ей походочка повинная,
Тиха речь лебединая,
Очи ясного сокола,
Брови черного соболя».
«А как же можно у жива мужа жена обрать?».
«Нагрузи мне-ка три ка́рабля черненыя сущом-хрущом,
А поверх насыпь красным золотом,
А на третий корабль клади ты птицу-пташицу,
Чтобы пела она голосамы разныма
Про тебя царя про Окулова,
Про твою красу да изреченную».
Вот сидит царица Соломаньица да у светла окна,
Смотрит во синё морё:
Идут три ка́рабля черненых,
Заходя в гавань карабельную,
Забирают паруса они полотняны,
Опускают якоря вот булатныя,
На воду шлюпки легкия.
Идут оны к палаты к белокаменной,
К царице Соломаньице,
Говорят они царице Соломаньице таковы речи:
«Где же ваш есть Соло́ман-царь?
Он должен обценить наши ка́рабли черненые».
Она и говорит:
«Царя дома не случилося,
Царя дома не пристатилося,
Ушел на тихи мелки заводи
Стрелять гусей да белых лебедей,
Перелетных серых малых утушек».
Говорят они царице Соломаньице:
«Иди же ты сама обценяй наши карабли черненыя».
Она волей не идет, они ее силой берут.
Пришлось идти царице Соломаньице.
Обценила она первый корабь черненый,
Перешла на второй корабь,
Как ступила она на третий корабь черненый,
Тут запели птицы-пташицы голосамы разныма
Про того царя да про Василия про Окулова.
Тут уснула царица Соломаньица,
Она спит не пробуждается,
Она сладких снов не прохватается.
Проснулась она во синем море,
Спрашивает у слуги верныя:
«Куда ты меня везешь,
За себя ты меня везешь или за друга?».
«Я везу тебя за царя да за Василия за Окулова».
Ждет Василий царь Окулович.
Привезли царицу Соломаньицу,
Берет он ей за белы руки,
Ведет в палату белокаменну,
Начинает он почестен пир.

(*Потом они уж, верно, просвадебничали*).
Тут пришел к ней Соломан-царь,
Василья-то царя дома не случилося,
Окуловича не пристатилося.
Она стала прощаться
Царю Соло́ману да извиняться.
«Спрятай меня куда подальше».
Открыла она большой ящик,
Закрыла в сундук царя Соло́мана.
Приходит тут Василий-царь,
А царица Соломаньица на ящику́ сидит
Да царю говорит:
«Загану тебе загадочку:
На царе сижу, а на царя гляжу».
Никак Василий не может отгадать.
Открывает царица еще большой сундук,
Выпускает она царя Соло́мана,
Говорит Соло́ман-царь:
«Ой, ты Василий-царь,
Куда ты меня теперь кладешь?».
Говорит Василий царь Окулович:
«Уходи, царь Соло́ман, откуль пришел».
«Нет, не хочу я так уйти от вас,
Сделай ты что-нибудь надо мной,
Пусть сделает лестницу высокую твои слуга верныя,
Пусть сделат три петелки шелковыя,
Чтобы сунуться мне было в одну петелку правой рукой,
А во втору — левой ногой,
А в третью петелку буйной головой».
А говорит царица Соломаньица
Своему Василию Окулову:
«Василей царь ты Окулович,
Ведь Соло́ман-царь есть хитер-мудер,
Он погубит тебя и меня».
«А никуда царь Соло́ман не денется,
Как он у нас в руках».
Повели царя Соло́мана с большой лестницы,
Он ступил на ступень на первую,
Говорит Василью он Окулову:
«Василий царь Окулович,
Разреши сыграть мне во турий рог».
Унимат царица Соломаньица
Одного царя своего Соло́мана [Василия]:
«Он, царь Соло́ман, хитер-мудер».
Он ступил на втору лестницу,
Опеть разрешил ему царь Василий
Играть во турий рог.
Вот он переходит на третью лесенку
И просит у Василия:
«Еще дай на последе сыграть во турий рог».
И говорит тут Соло́ман-царь Василию Окулову:
«Погляди-ко ты во чисто полё,
Не орлы ли летя да не пшено ли клюют,
А клюю-то пшеницу белоярову».
Оглянулся Василий-царь Окулович,
Тут покрыла силушка верная.

Когда он поехал к Василию, он выставил свои войска. Когда подошли к городу войска, так как заиграл в турий-то рог, в третий-то рог, так войско уже тут были. Стала она прощаться с Соломаном. Василья в петлю, ее в петлю да и слугу верного. (*Ей Василий-то лучше приглянулся*).

200

Да женился князь да и на княгинушке,
И да чтой на той-то княгине, на Настасьюшке,
И да он недолго с ей жил — всего три денечка,
А да уезжае-то князь во чисто полё,
А да й оставляё княгинушке таковы слова:
«Да еще восемь лет никуда не ходь,
Да на девято-то летико хоть вдовой живи,
Да хоть вдовой ты живи, хоть и взаму́ж поди.
И поди за всех-то князей, поди за бояров,
Поди за простых мужиков, поди за богатыя.
Да не ходи за Олешеньку Поповича,
Да мне Олеша Попович есть крестовой брат,
Да он крестовой да задушевной друг».
Да прошло восемь лет, а князя и с поля нет,
А на девято-то летико едет князь домой из чиста поля,
Идут калики стречу, калики перехожия.
Спрашиват князь у каликушек:
«Где вы были, где вы жили, в каком городе?».
«Были в городе мы в Киеве,
А в Киеве идет да почестен пир,
Женился Олеша Попович на Настасье Королевичне».
«Вот вы, калики да перехожия,
Скиньте платье с себя калическо,
Оденьте мое богатырское».
Сняли платье свое калическо, одели богатырское.
Приезжает князь Михайло ко своей палатушке,
Окна затянуты черной канвой,
А мать на печке лежит муравленой.
Вот спрашивает:
«Где же моя молода жена, Настасья Королевична?».
«А сватали Настасью князи да сватали и бо́яра,
Олеша Попович ей силой увел».
Взял калика гусельца веселые,
Которыма с Настасьей веселилися,
Взял перстень, которым обручалися.
Идет калика на почестен пир,
Ни за каку тягу не хватается,
А самы двери открываются.
Все на пиру удивляются,
Что за калика, что за перехожия.
Говорит Настасья Королевична:
«Подать калике зелена вина,
Подать калике полтора ведра».
Принимал каликушка на один пёрст,
Выпивал каликушка на один вздох,
Подавал перстень, которым обручалися,
Заиграли гусельки веселые,
Кто стоя стоял, тот сидком уснул,

А кто сидком сидел, тот лежком уснул.
Брал каликушка Олешеньку за желты кудри
И бросал каликушка о кирпичный пол,
И убил Олешеньку Поповича,
Уводил Настасью Королевичну во свои палатушки.

201

Да походит Роман да за охотамы,
Да и он стреляё гусей да белых лебедей,
Да и перелетных малых серых уточёк.
Да и унимат Романа молода жена,
Да и молода жена, да Мария Юрьевна.
Да и не послушал Роман да молоду жену,
Да и молоду жену, да Марию Юрьевну.
Да еще сей ночи Марьюшке мало спалось,
Да вот мало спалось да во снях виделось:
«Да и сокатился перстень со правой руки,
Рассыпался перстень на мелки зёрна,
Да еще все-то зернышка присобрала,
Да одного зерна я не могла собрать».
Да села Марьюшка да все к окошечку,
Да тут глядела Юрьевна в синё морё,
Да во синем мори да есть три ты́чинки,
Да есть три ты́чинки, идет три ка́рабля,
Да три чернёные да оснащенные.
Да забегают ка́рабли в гавань корабельную,
Да опускают паруса белополотняны,
Да чтой бросают якоря в воду булатныя,
Да опускают шлюпочки дубовыя,
Да тут садятся три татарища неверныя.
Да стала Марьюшка да тут тулитися,
Да стала Юрьевна да хоронитися,
Да из бела шатра да на новы сени,
Да со новых сеней да на красно крыльцо,
Да со красна крыльца да во чисто полё.
Да села Марьюшка да тут под кустышек,
Да села Юрьевна да под ракитовой.
Да ищут татарища неверные,
Да пришли в чисто полюшко под кустышки,
Да брали Юрьевну да за белы руки,
Да целовали Юрьевну в сахарны уста,
Да уводили Марьюшку да на корабличек,
Да увозили Юрьевну да во свои го́рода.
Да тут вернулся Роман да со охотушки,
Да еще Марьюшки в палаты не пристатилося,[1]
Да стал искать Роман да молоду жену,
Да молоду жену, да Марью Юрьевну.
Да лисицамы, куницамы овесился,
Да черными соболями опоясался,
Приходил на кораблик татарища,
А увел домой молоду жену, Марью Юрьевну

[1] Не оказалось.

Да женился-то князь да и на княгинушке,
И да й вон на той-то княгине, на Катеринушке.
И да й вон недолго с ей жил-то — всего три денечка,
А да й уезжаё-то князь да во чисто полё,
А да й во чисто полё да и на сраженьицо.
А да й оставляё княгиночке свечи да и ладана,
Да оставляё княгинушке питья-кушанья,
Да оставляё княгинушке цветно платьице,
Да оставляё княгинушке да таковы слова:
«А да уж ты восемь лет никуда не ходь,
А да на девято-то летико хоть и вдовой живи,
Да хоть вдовой-то живи да хотя взамуж поди».
Да прошло восемь лет да князя из поля нет.
Да еще плачет княгина да Катеринушка.
Да едет князь из чиста поля, бьет лошадочку.
Да что идут-то настрету две чернявицы:
«Да вы, чернявицы, да вы, белёницы,
Да вы откуда идете́, да из какого города?».
«Да мы идем из города все с Киева».
«Да не слыхали ли княгину там Катеринушку?»
«А да мы были у ей, у твоёй княгинушки,
Да мы смотрели ребеночка-то месячна,
Да у ей платье-то цветное изношено,
Да питье-кушанье все искушано,
Да свечи-ладан у княгинушки ведь не сжены».
Да тут бьет князь лошадь да пуще старого,
Да больше старого да пуще прежнего.
Да еще конь-то бежит, да вся земля дрожит,
Да мхи, болотинки под ним колыблются.
Да идут-то настрету две чернявицы,
Да две чернявицы да две белёненьки.
«Да вы скажите, откуда путь ноне держите?».
«Да мы ведь были-то в городе да в Киеве,
И да мы ведь были у княгины, у Катеринушки,
И да мы смотрели ребеночка трехмесячна».
Да тут розгневался князь да больше старого,
Да больше старого бьет лошадь, больше прежнего.
Да подъезжает к палáты белокаменной,
Да и он скричал голосом богатырским,
Да чтой палата у их с угла на угол шатнулася,
Да тут Катеринушки в палатушке не пристатилося,
Да выбегает она на красно крыльцо.
И да берет саблю князь, да берет вострую,
Да отрубил он голову да у княгинушки,
Зашел он в палату да белокаменну
Да видит всё у ей ладан-свечи прижжены,
Да цветно платье у ей да есть не ношено,
Да питье-кушанье у ей да не искушано,
Да ребеночка-то нет ни месячна, ни трехмесячна,
Назлили это все чернявицы-беляницы.
Да тут напала тоска и на князя неисходная,
Да брал шелков-то пояс князь, да отъезжал в темный лес,
Да и одевал петелку на свою голову.

203

Ездил Митрей-князь тридцать лет по заморью,
Да вон искал-то себе да белёну.
Да хорошу жену нашел душу Марфиду,
Да привозил вон к матушке своей Овдотьи.
— Да уж ты, матушка, государани Овдотия,
Да ты корми-ко, пой ей пшеницей.
Да и пришло время, вотъезжаё во чисто полё Митрей-князь.
А поехал Митрей-князь во чисто полё,
Да и добрый коничек его пошатнулся,
Да Митрей-князь назад воротился.
Да приезжает к матушке государыни Овдотии:
«Да ты скажи, скажи, матушка, где моя жена Марфида
Да хороша жена моя белёна?».
«А твоя-то Марфидушка в божьей церквы
Да за Митрея бога молит».
Да тут метался Митрей-князь в божью церковь,
Да не нашел там жены да белёны,
А воротился к матушке государыни Овдотии:
«Да ты скажи, скажи, не утай, где жена белёна?».
«А твоя-то Марфида у суседа во бесёды».
Да й тут метался Митрей-князь да к суседу.
«А суседы мои, не утайте, да й вы скажите-ко,
Где моя жена да белёна?».
«А твоя матушка, государыня Овдотия
Да парну баенку она топила,
А горячо красный камень нажигала,
Да во утробушку да ей спускала,
Она ей колоду колотила,
Да в быстру реченьку ее спустила».
Тут метался Митрей-князь к рыболовам:
«Да рыболовы, рыболовы, заметите-ко невод».
Заметали невод, им пришла колода,
Да во колоды был да младенец.
«А рыболовы, рыболовы, заметите еще невод».
Да заметали рыболовы,
Им-то пришла тут колода,
Да й во колодушке лежала Марфида,
Да хороша жена его белёна.
Тут метался Митрей-князь в быстру речку.
Плакала-то мать, государыня Овдотия:
«Три душеньки я нонь погубила:
Да перва душенька — да сын Митрей-князь,
А друга душенька — да младенец,
А третья душенька — жена его белёна».

204

На роду, роду Козарина попортили,
Да и отец-мати на руки не приняли,
Дак отдавали бабушке-задворенке,
Да и чтой поить-кормить да до шести годов,
Да от шести годов да й до двенадцати,
Да от двенадцати да до полна роста,
До полна роста, до полна возроста.

Да й стал Козарин по уличкам похаживать,
Да стал он шуточки с ребятамы поигрывать,
Да он уж хватит за белу руку, дак оторвется рученька,
Да й он уж схватит за буйну ногу — оторвется ноженька,
Да бросал за буйну голову — пролилася кровь.
Да й бранят-ругают Козарина тут в.....м:
«Уж ты в.....к да заугольщина,
Да и нет у тебя ни отца, нету ни матери».
Да й приходит к бабушке к задворенке:
«Да уж ты, бабушка моя задворенка,
Да й ты скажи, скажи, да не утай, скажи,
Да какого отца я, какой матери?».
«Да ты уж отца Петра Коромыслова,
Да еще матушки Настасьи Королевичней».
Да й тут не видела-то бабушка седучи,
Да й увидела Козарина поедучи,
Да дым столбом стоит да курева тут курится.
(*Все. Больше не знаю!*).

205

По утру было, по зорюшке,
Да и по утру рано, по утрику,
Да не лебедочка зайкала,
Да красна девушка сидит, заплакала,
Да она плачет, уливается,
У русой косы да причитаючи:
«Ты, коса моя да светло-русая,
Да и плетена коса да на святой Руси,
Да и расплетут косу да злы татарища,
Да злы татарища да злы неверныя»
Да один говорит: «Будем дел делить,
Да будем дел делить да паи паевать.
Да если ты мне достанешься, красна девушка,
Я взамуж возьму да отдам в портомойницы».
А второй говорит: «Если ты мне достанешься,
Дак я взаму́ж возьму, да отвезу в чисто полё,
Да и я отдам черным воронам да на съеденьице».
А третий говорит: «Если ты мне достанешься,
Дак я взамуж возьму, да и отвезу к быстрой реке,
Да спущу в реченьку».

206

Во высокой новой горнице
Да на стуле рети-бархати,
На ковре, на красном золоте,
Против зеркала хрустальнёго,
Против чистого заморского
Царь сидит— суды судит,
Суды судит, ряды рядит:
Мишку на Костомку,
Да Ваську на Малыя ряды,
Шурина любимого,
Щёлкана Задудентьёвича,
Службой большею,

Дорогой дальнею —
За тридевять земель,
За тридевять горей
Сбирать дани-пошлины,
Прежни невыплатки,
Досельни невыкладки:
Со всякой улицы по курицы,
Со всякого дому по пяти рублей.
У кого нету с улицы по курицы,
Со всякого дому по пяти рублей,
У того брать по дочери любимыя
Да по сыну одинакому.
Пошел Щелкан Задудентьевич
Службой большею,
Дорожкой дальнею —
За тридевять земель,
За тридевять горей.
Идет и сам ухмеляется,
Ухмеляется и забавляется,
Что служба-то большая
Да дорожка дальняя.

Навстречу попала ему старая старушка, седатая да вся бела, спрашивает:

«Здравствуй, Щелкан Задудентьевич!
Куды ты пошел да куды ты побрел?».
Говорит Щелкан да Задудентьевич:
«Я пошел службой большею
Да дорожкой дальней —
За тридевять морей,
За тридевять горей
Сбирать дани-пошлины,
Прежни невыплатки,
Да досельни невыкладки:
Со всякой улицы по курицы,
Со всякого дому по пяти рублей.
У кого нету с улицы по курицы,
У кого нету со дому по пяти рублей,
У того брать по дочери любимыя,
У того брать по сыну одинакия».

Тут старушка ему ответила:

«Дай тебе бог туда не дойти
И назад не прийти».

А Щелкан ей и говорит: «А сама бы ты ни сюда, ни туда не дошла, а на дороге бы померла». Старушка боле с им ничо не говорила. А он потом приходит к озеру большинскому, ко дому деревенскому. Потерся спиной о дерево и смотрит на ту сторону озера, там видит он:

Что ходя люди ли за люди,
Попы или дьяконы, черти или дьяволы?
Оглянется назад себя —
Стоит перед ним, оказалось,
Четвертна вина и стокан.

Щелкан обрадел[1] да к бутылке пришел, наливат стокан вина, к губам поднес. Хватил глоток да тут и околел.

[1] Обрадовался.

Без отца, без матери живут люди,
Без роду-племени богатеют,
[А без божьей милости жить нéможно].
Когда воссияло солнце красноё,
А тогда уродился ты, светёл месяц,
Тогда воцарился православной царь,
Грозной государь, Иван Васильёвич.
Он задумал пойти, ой, под Казань-город,
Казанско-то царство мимоходом взял,
Казанска царя да и он с престола сбил,
С его снял-то форму златоцарскую.
Возвращался он во свой Киев-град.
Собирает грозный царь Иван Васильевич себе честной пир.
Всех князей-бояр.
Все на пиру напивалися,
Все на честном наедалися,
Все же на пиру прирасхвастались:
Умный хвастат отцом-матерью,
А безумный хвастат молодой женой,
А неразумный хвастат родной сестрой,
Богатый хвастат богатой казной,
Казак-то хвастат добрым конем.
Похвастал грозный царь Иван Васильевич,
Похвастал он да своей силой богатырскою:
«Я повывел три изменушки:
Первую измену из Чернигов-города,
А втору измену из Тобольского,
А третью измену из Казань-города.
Я Казанской-то город мимоходом взял,
А Казанского царя с престола снял».
Возговорит Федор-царевич:
«Ты вывел три изменушки,
А не вывел измены из каменной Москвы».
Он взглянул на Федора мутным оком:
«Дай мне, — говорит, — поединщика!».
Сидит Федор, подумывает:
На себя сказать ему не хочется,
А на брателка сказать, так виноватому быть,
На соседушка сказать —
Нать чужа кровь пролить.
Он скричал ему второй раз:
«Дай мне поединщика!».
Он сидит, да поединщик,
За одним столом,
Он пьет-ест да с одного блюда.
Он скрикнул, грозный царь Иван Васильевич,
Во третий раз:
«Ой же вы, да палачи наемны!
Вы берите Федора за белы руки,
Увезите-ко его да во чисто полё,
Под ту под саблю под вострую,
И сказните вы его буйну голову,

И везите ее в божью церковь».
Все палачи испугалися,
Из за́столья разбежалися,
По подлавочкам расхоро́нилися.
Один Малюта не пугается,
Имени Малюта Воскуратов сын.
Он раздумал камочку мелкотравчату,
И он брал себе коня необседланного,
Необседланного да необузданного,
А потом брал Федора за белы руки
И повез его во чисто полё.
Потухла заря рано вечером,
Загорелася свеча воску ярого,
Узнала его мати родимая,
Прибегает ко тому сыну Микитушке:
«Что ты спишь, Микита, да высыпаешься,
Над собой невзгоды не ведаешь:
Не стало братика у тебя родимого,
Увозил Малюта да во чисто полё».
Тут немножко Микита разговаривал,
Он надел сапожки на босу ногу,
Накидывал шинель на одно плечо,
Надевал шляпу на одно ухо,
Он брал себе да своего добра коня,
Уехал Микита во чисто полё.
Он рукой-то машет да голосом кричит:
«Ой же вы, народ православныя,
Дайте-ко дорожному дороженьку,
Разодвиньтесь на сторонушки!».
Народ Микитушку послушался.
Не доехал Микитушка до чиста поля,
Он скрычал своим громким голосом:
«Ой же ты, Малюта, Воскуратов сын,
Как ты этот кусок съешь, так подавишься,
Тебе той кровью захлебнуться нать».
Думает Малюта, что царю послы пришли,
Упала сабля у Малюты на сыру землю.
Подъехал Микита ко чистому полю,
Взял брата и Малюту,
И поехали они в каменну Москву.
Оны выбрали у вдовы сына одинакова,
На одно лицо со Федором-царем.
Дали денег ей пятьсот рублей и убили его.

И приехал Малюта в Киев-град,
И привез эту голову,
И принес в божью церковь.
Подъехал Микита и оставил брата
за ободверницей,
Идет он, потихоньку подвигается,
Да понизешеньку поклоняется:
— Есть ли виноватому прощеньице?
— Хотя есть или нет, а взять неоткуль.
— Есть ли виноватому прощеньице?
— А хоть есть иль нет — взять неоткуль.
— Есть ли виноватому прощеньице?

— А тебя бог простит, Микита, не знаю в чем.
Вот он вывел брата из ободверницы,
И завели они пир на весь мир.

208

Мать Россея, мать Россея,
Мать Россейская земля,
Эх-хе, эх-хе-хе,
Мать Россейская земля,[1]
Про тебя ли, мать Россея,
Широка слава прошла,
Что про белого царя,
Про Платова казака.
А Платов бритву, ножницы купил,
Усы, бороду забрел,
Усы, бороду забрел,
Сам к французу в гости шел.
Француз его не спознал,
За купчика спочитал,
В особливу заводил,
За дубовый стол садил,
За дубовый стол садил,
Зеленым вином поил,
Зеленым вином поил,
Про Платова говорил:
«Кто Платова бы показал,
Бóльшу бы сумму денег дал».
(А Платов ему в ответ):
«Почему сумму драть с их,
Когда можно так увидеть».
А француз тут догадался,
За патретом побежал,
А Платов тут догадался,
Он из комнат выбирался,
На белой двор выбегал,
Громким голосом кричал:
«Уж вы слуги,
Мои слуги,
Слуги верные мои,
Приведите вороного мне коня».
На коня Платов садился,
Громким голосом кричал:
«Не умела ты, ворона,
Ясного сокола щипать,
Не изволишь ли француз
В чистом поле погулять,
В чистом поле погулять,
Пулькам-ядрами играть.
Не бывать тебе, ворона,
В нашей в каменной Москве,
Не стрелять тебе, ворона,
Наших золотых крестов.
Ты французская ворона,
Ты французский Пакипарт».[2]

[1] После каждых двух строк припев «Эх-хе, эх-хе-хе» с повторением второй строки.
[2] Бонапарт.

III. ЧАСТУШКИ

209

Мы с подружкой боевые,
Боевых нас только две,
Мы нигде не подкачаем:
Ни в работе, ни в гульбе.

Некрасивая я,
Не от красивой матери,
Только не знаю, почему
Красивые страдатели.

210

Трудно Карюшку спускаться
Со крутой горы в реку,
Трудно девушке гоняться,
Как не надо пареньку.

Платочек, розовы каемочки,
Плыви, не утони,
Дроля, русыя кудерышка,
Люби, не оммани.

Девушки, гармонь-то ваша,
Гармонист-то — дроля мой,
Забираю гармониста,
Отправляюся домой.

А стань-ко, маменька, пораньше
И послушай на заре,
Песни петь и плакать буду
На чужой на стороны.

211

Куда — бы два — пошел — бы два,
Куда — бы два — повел — бы [два]
Девче — бы два — нку — бы два
Молоде — бы два — шенку.
Во — бы два — зеле — бы два — ной — [бы два]
Сад — бы два — гулять — бы два
На тра — бы два — вку — [бы два]
Зе — бы два — лене — бы два — шенку.

212

Сядем, сядем со мной рядом,
Земляниночка моя,
Да чтобы скукушка распала
От тебя и от меня.

А скоро, скоро расплетут
Да по плечам волосьё,
Да у родимой маменьки
Да скоро буду гостья.

А ты не пой, не кукарекай,
Мой жаланный петушок,
А не буди родиму матушку,
В гостях сидит дружок.

Кабы знала девка я,
Да в Гридино не ехала,
Прогостила долго я,
Отбили дролю у меня.

213

Сохни, сохни мой платочек,
На тонкой лучиночке,
Разорвись, мое сердечко,
На две половиночки.

Кабы я да кабы я
Была у милого одна,
У дроли целая бригада,
Бригадиром буду я.

214

Все запали, зарастали
Все путя и поженки,
Да только те не зарастайте,
Милого дороженьки.

Сделай, бабка, забастовку,
Бей у матери горшки,
Чтоб по праздникам христовым
Не месила пирожки.

215

Кемска реченька широка,
Ей не смеряшь ремешком,
У мня миленький далеко,
И не сбегашь вечерком.

Мне сказали: «Не люби»,
Я сказала: «Буду».
Он меня, а я его
Вовеки не забуду.

216

Говорят, суда горят,
Горят дубовы лодочки,
Я вовеки не забуду
Милого походочки.

У подружки фартук алый,
У меня есть голубой,
У меня беседник бравый,
У подружки баловной.

217

Речка северна пойдет,
Я стану на лединочку,
Утону, пойду ко дну,
Забуду ягодиночку.

Моя думушка волнуется,
Как на море волна,
Волна на море стихает,
Моя дума — никогда.

218

Попоем, подружка, песен,
Я люблю, как ты поешь,
Не последне ли ты летико
Во девушках живешь?

Погоди, милый, жениться,
Походи на улочке,
У мня перина не готова,
Перышки на курочке.

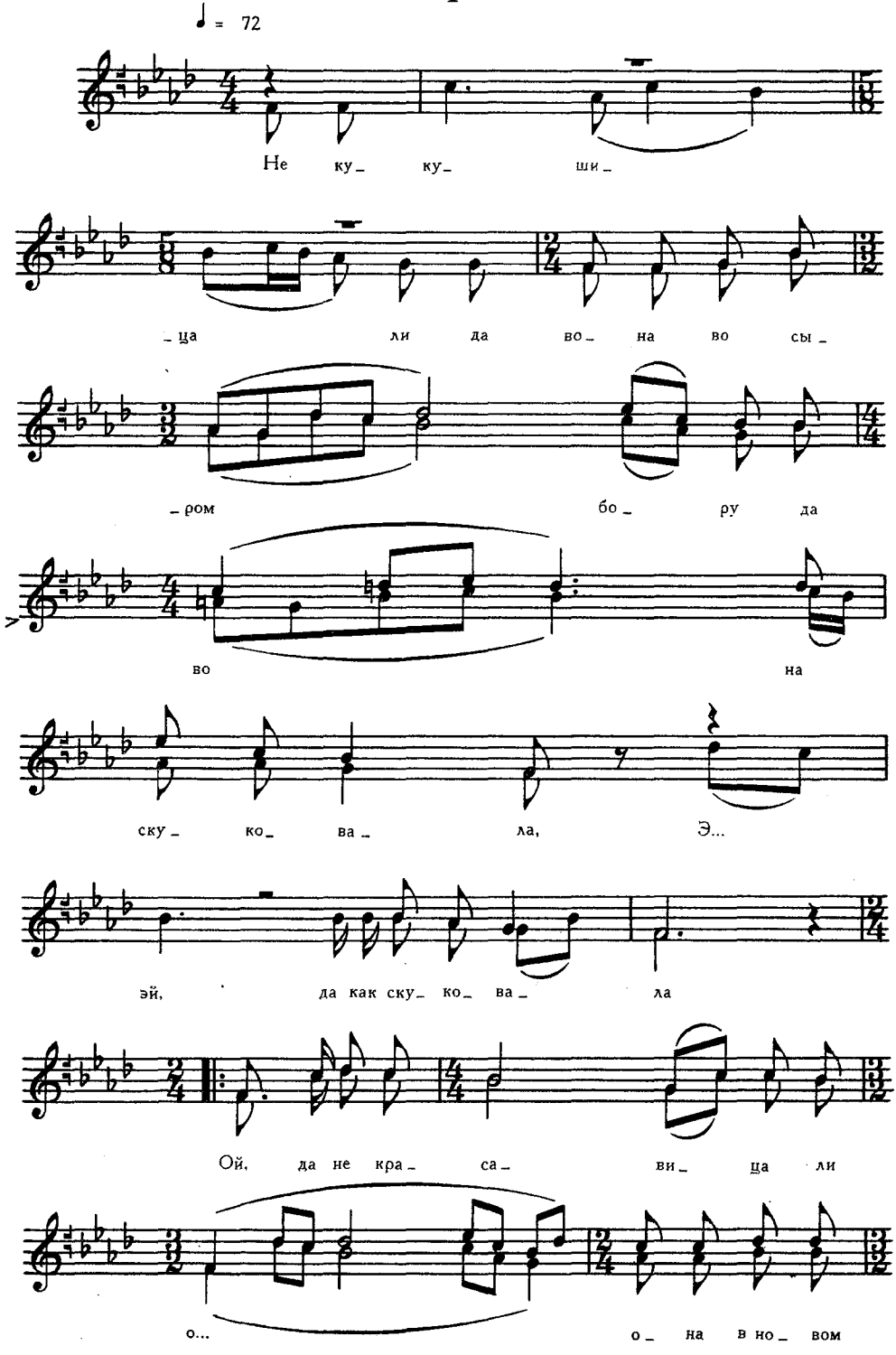
219

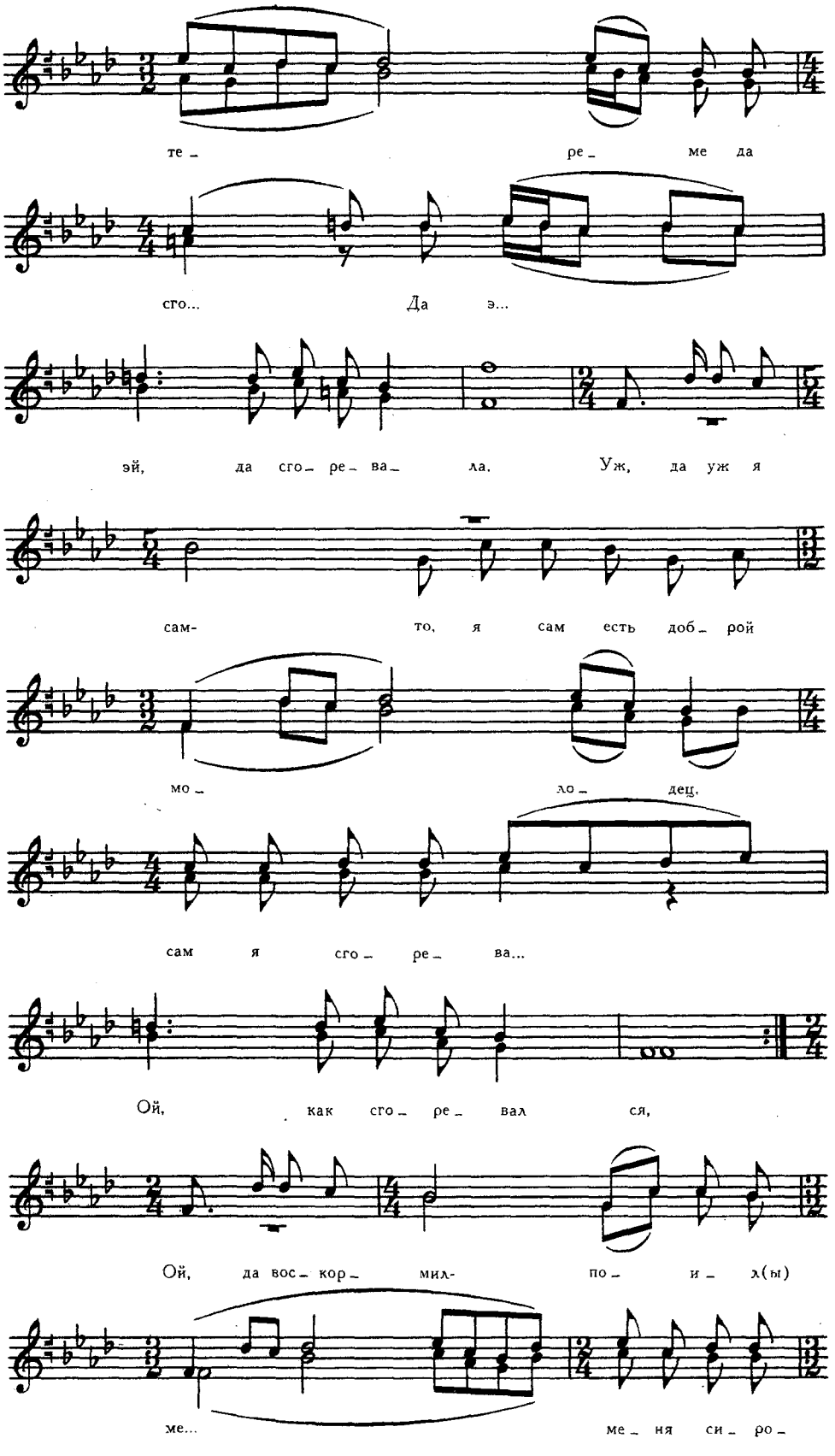
Занавеска не простирана,
И вам не простирать,
Я девчонка не просмеяна,
И вам не просмеять.

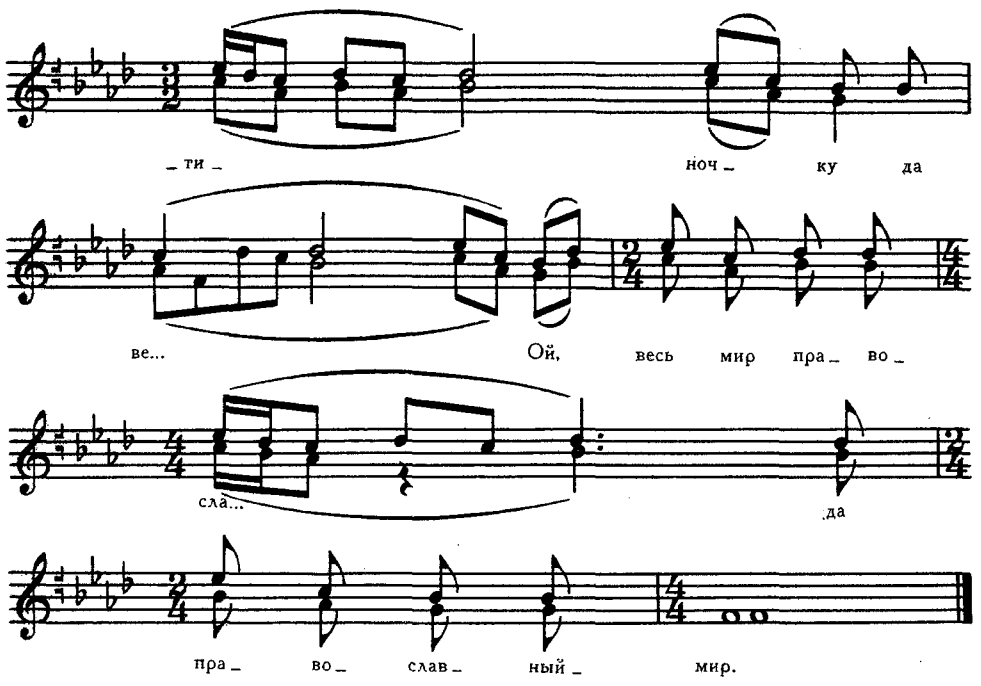
Кабы знала в речке ямку,
Я бы не купалася,
Кабы знала, что уедет,
Я бы не влюблялася.

НОТЫ

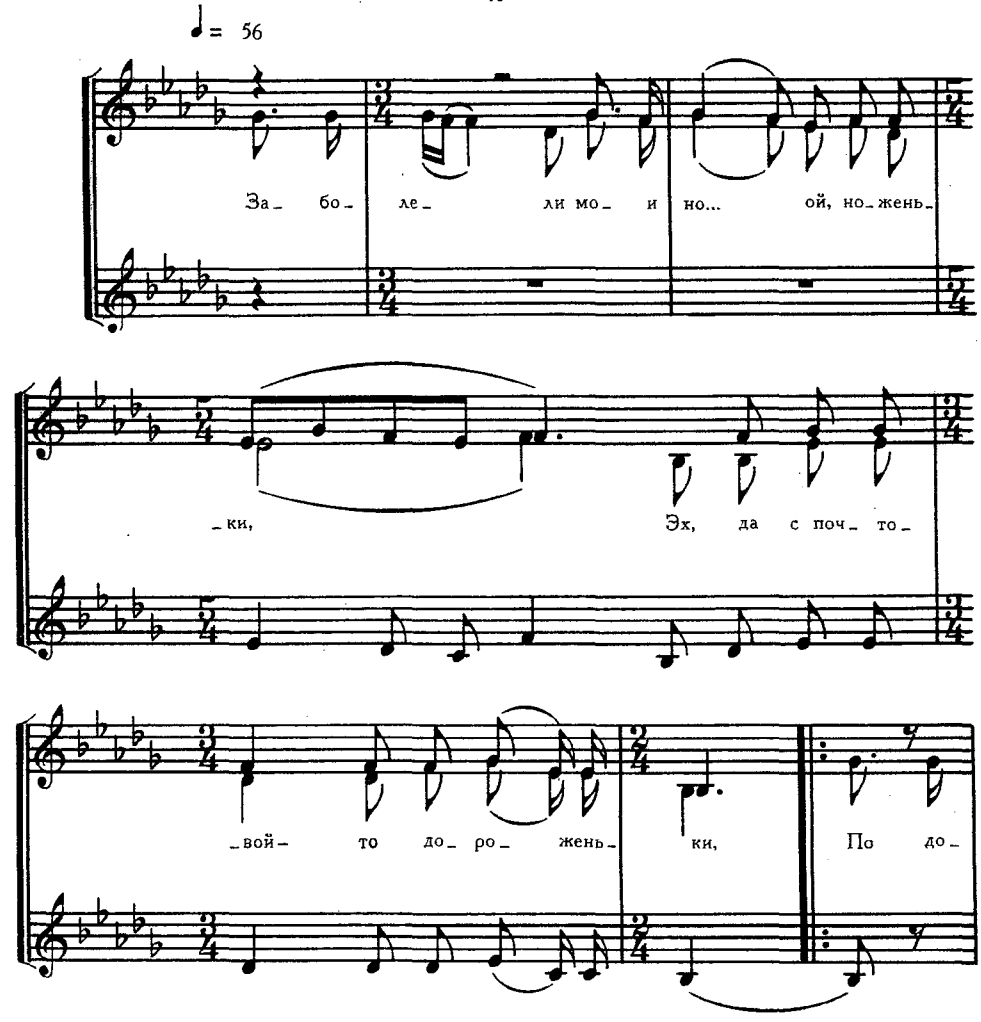
1

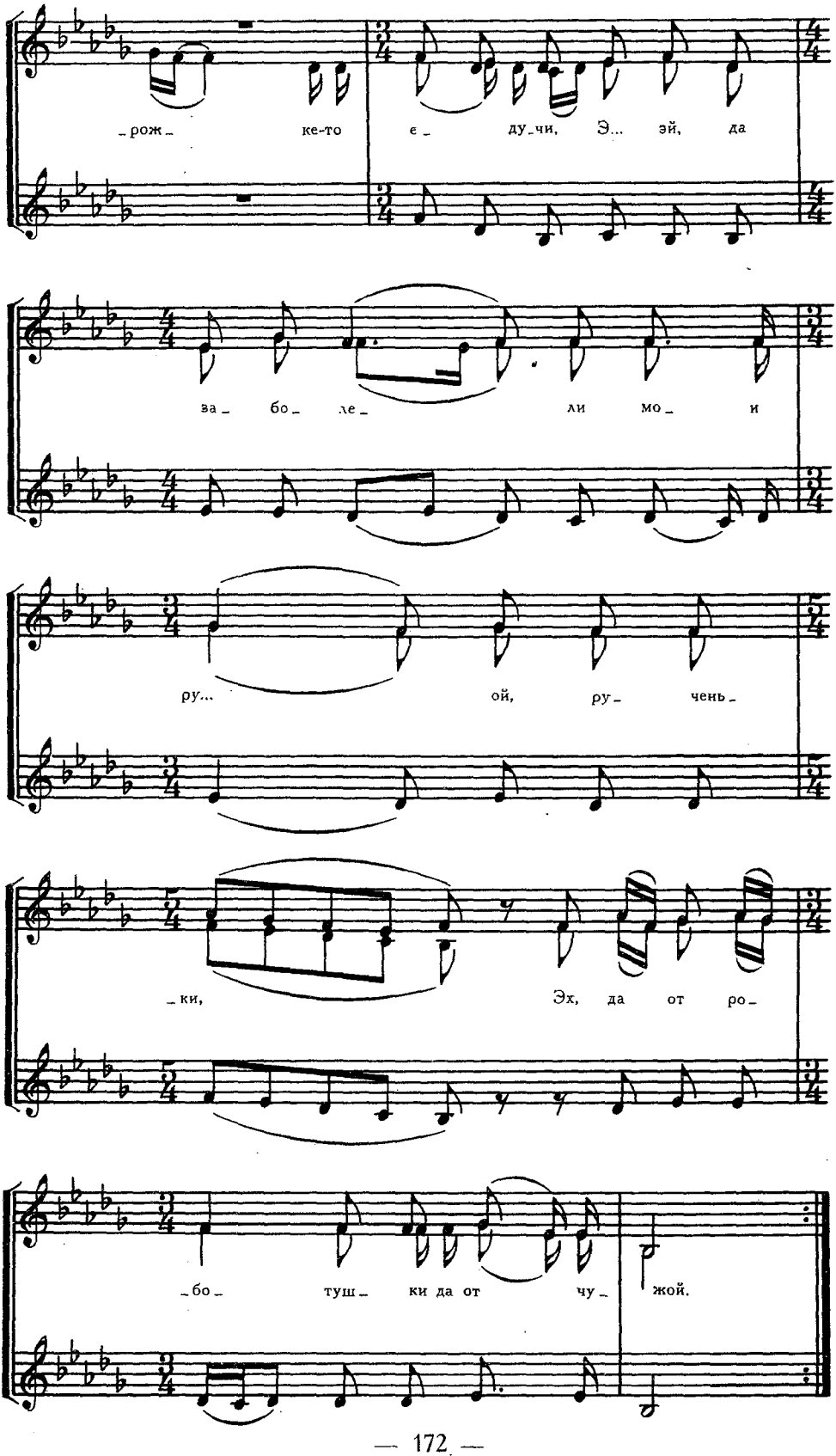

♩ = 72
Не ку_ ку_ ши_
_ца ли да во_ на во сы_
ром бо ру да
во на
ску_ ко_ ва_ ла, Э...
эй, да как ску_ ко_ ва_ ла
Ой, да не кра_ са_ ви_ ца ли
о... о_ на в но_ вом

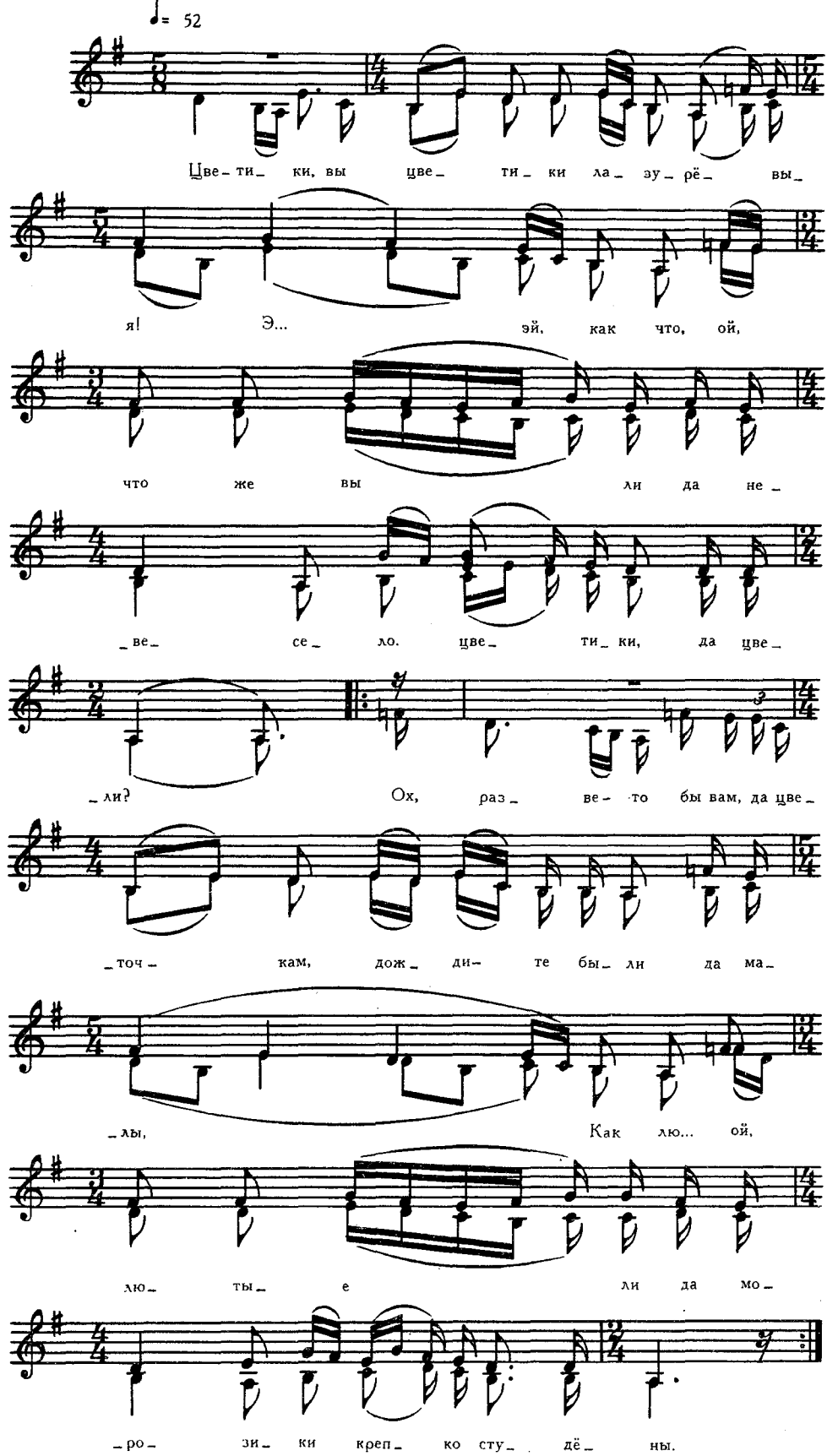

те – ре – ме да
сго... Да э...
эй, да сго – ре – ва – ла. Уж, да уж я
сам- то, я сам есть доб – рой
мо – ло – дец,
сам я сго – ре – ва...
Ой, как сго – ре – вал ся,
Ой, да вос – кор – мил- по – и – л(ы)
ме... ме – ня си – ро –

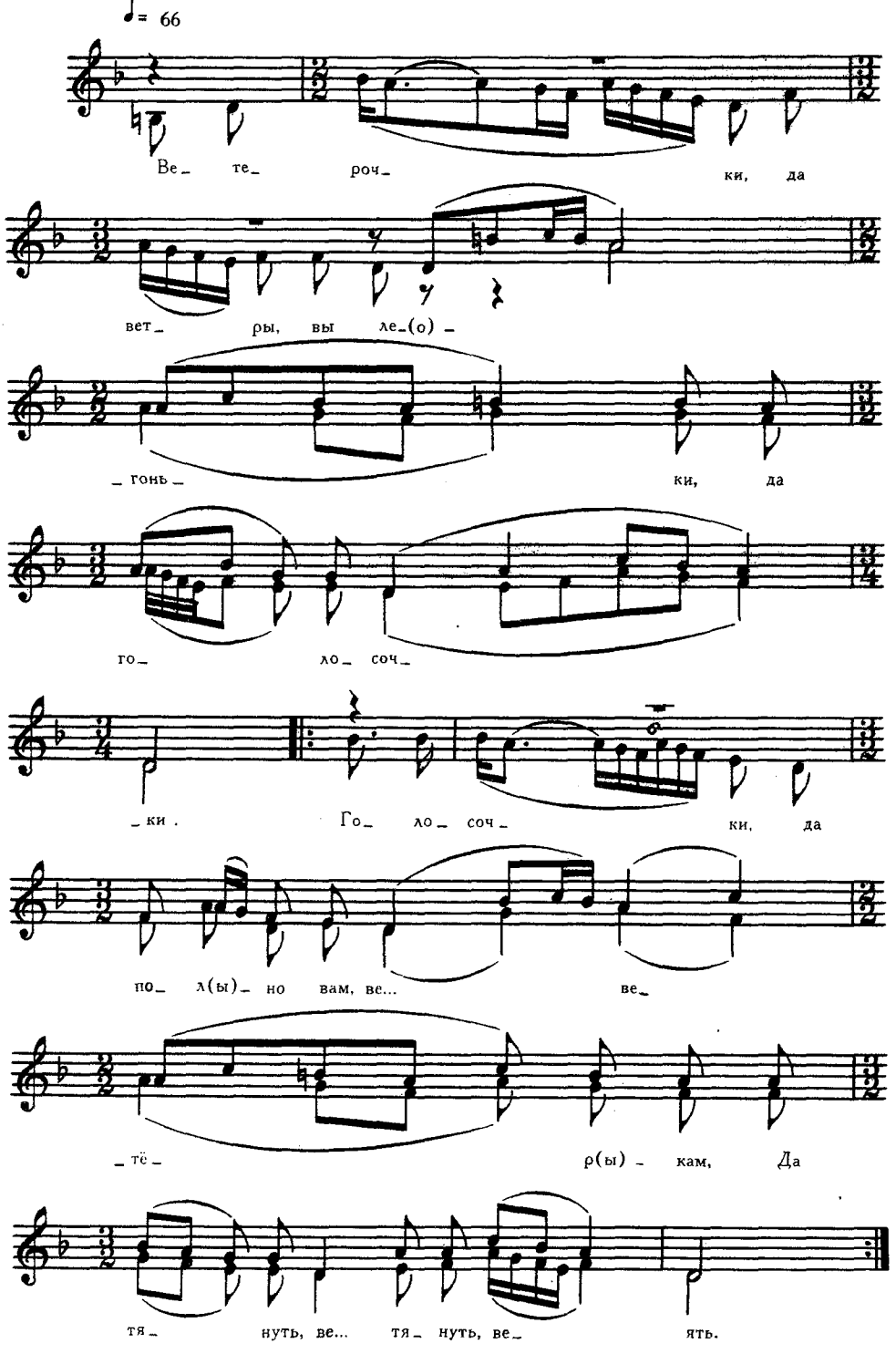

_ти_
ноч_ ку да
ве...
Ой, весь мир пра_ во_
сла...
да
пра_ во_ слав_ ный_ мир.

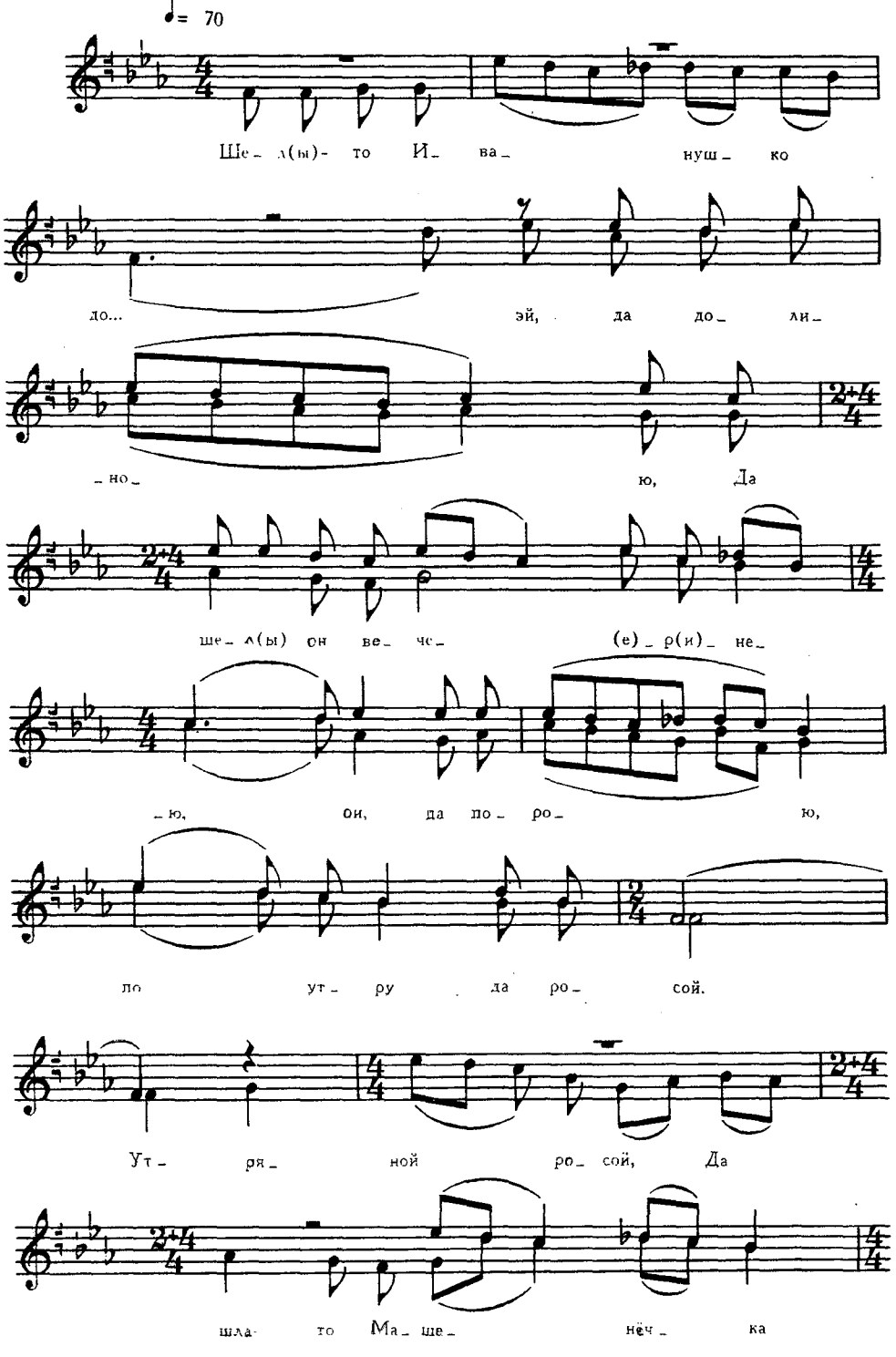
2

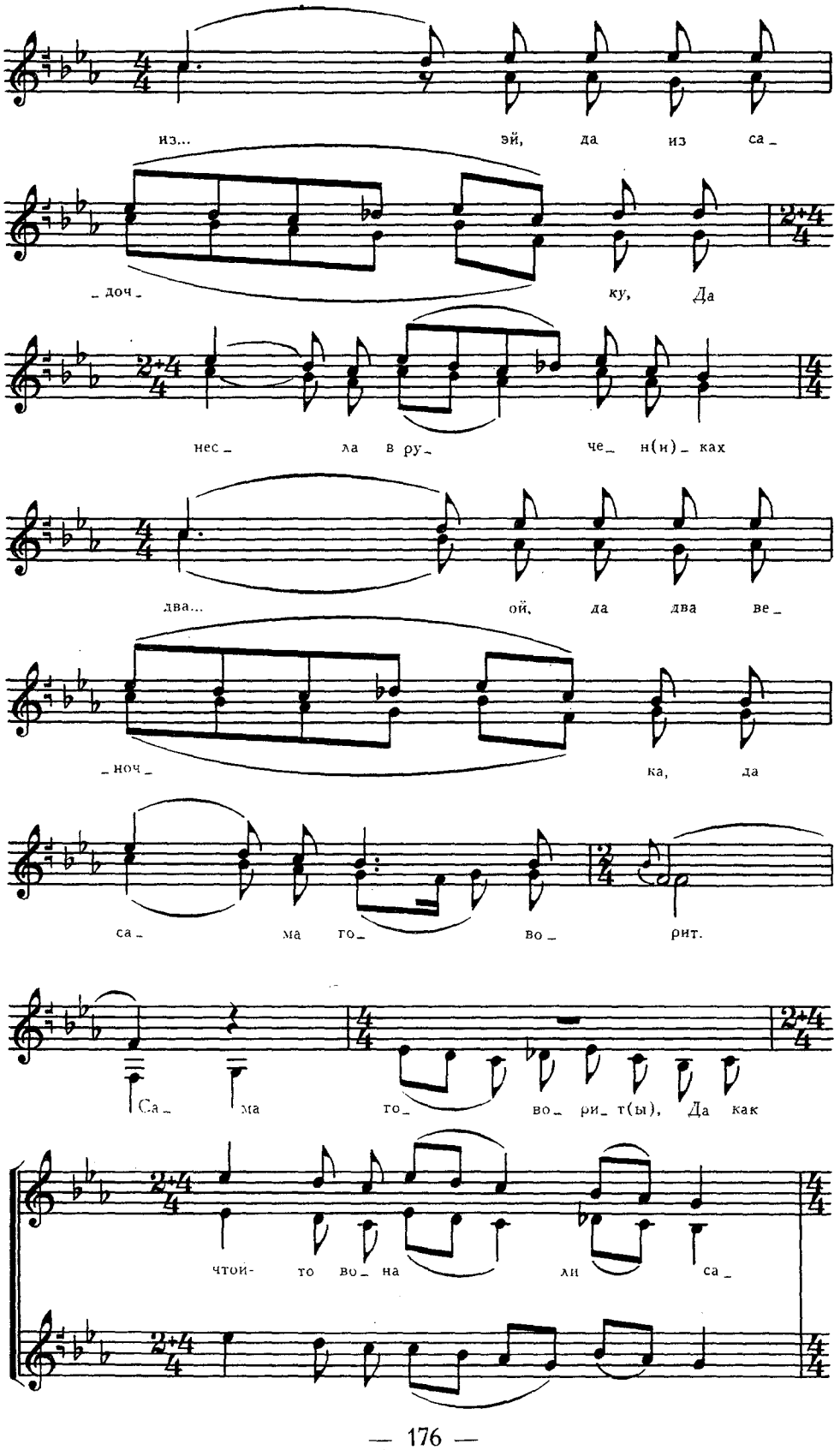

♩= 56
За_ бо_ ле_ ли мо_ и но... ой, но_женьки,
Эх, да с поч_ то_
вой то до_ро_ женьки, По до_

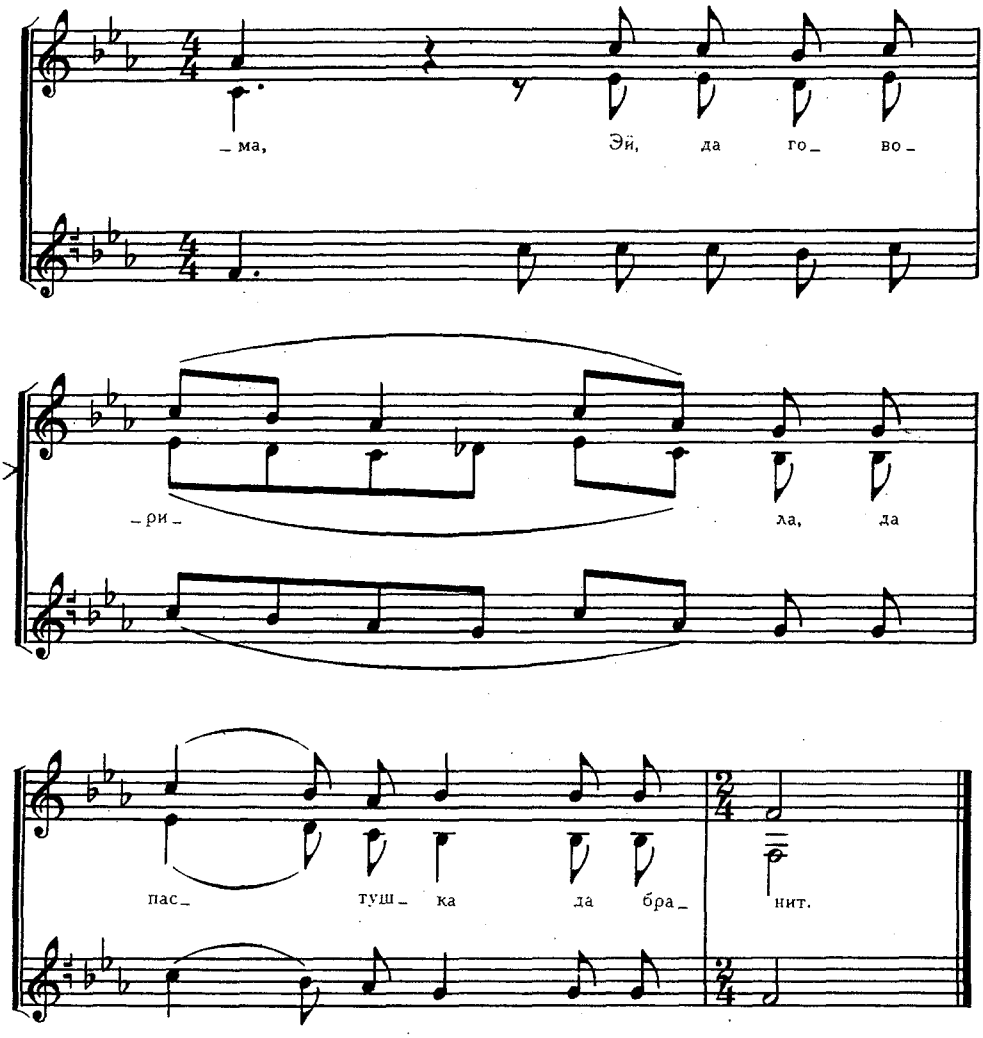

рож ке-то е_ ду_чи, Э... эй, да
за_ бо_ ле_ ли мо_ и
ру... ой, ру_ чень_
_ки, Эх, да от ро_
_бо_ туш_ ки да от чу_ жой.

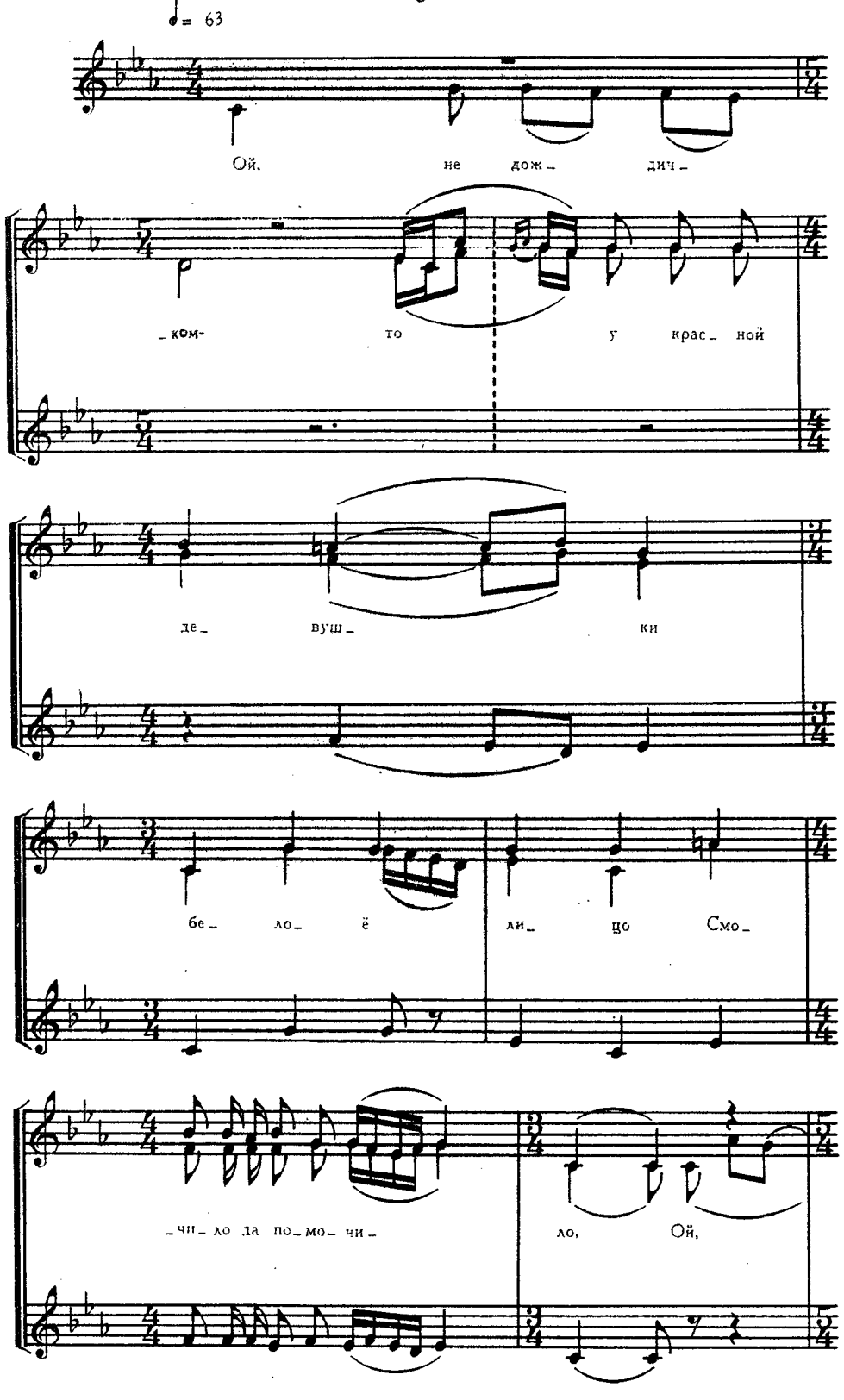

♩= 52
Цве- ти- ки, вы цве- ти- ки ла- зу- рё- вы-
я! Э... эй, как что, ой,
что же вы ли да не-
-ве- се- ло. цве- ти- ки, да цве-
-ли? Ох, раз- ве- то бы вам, да цве-
-точ- кам, дож- ди- те бы- ли да ма-
-лы, Как лю... ой,
лю- ты- е ли да мо-
-ро- зи- ки креп- ко сту- дё- ны.

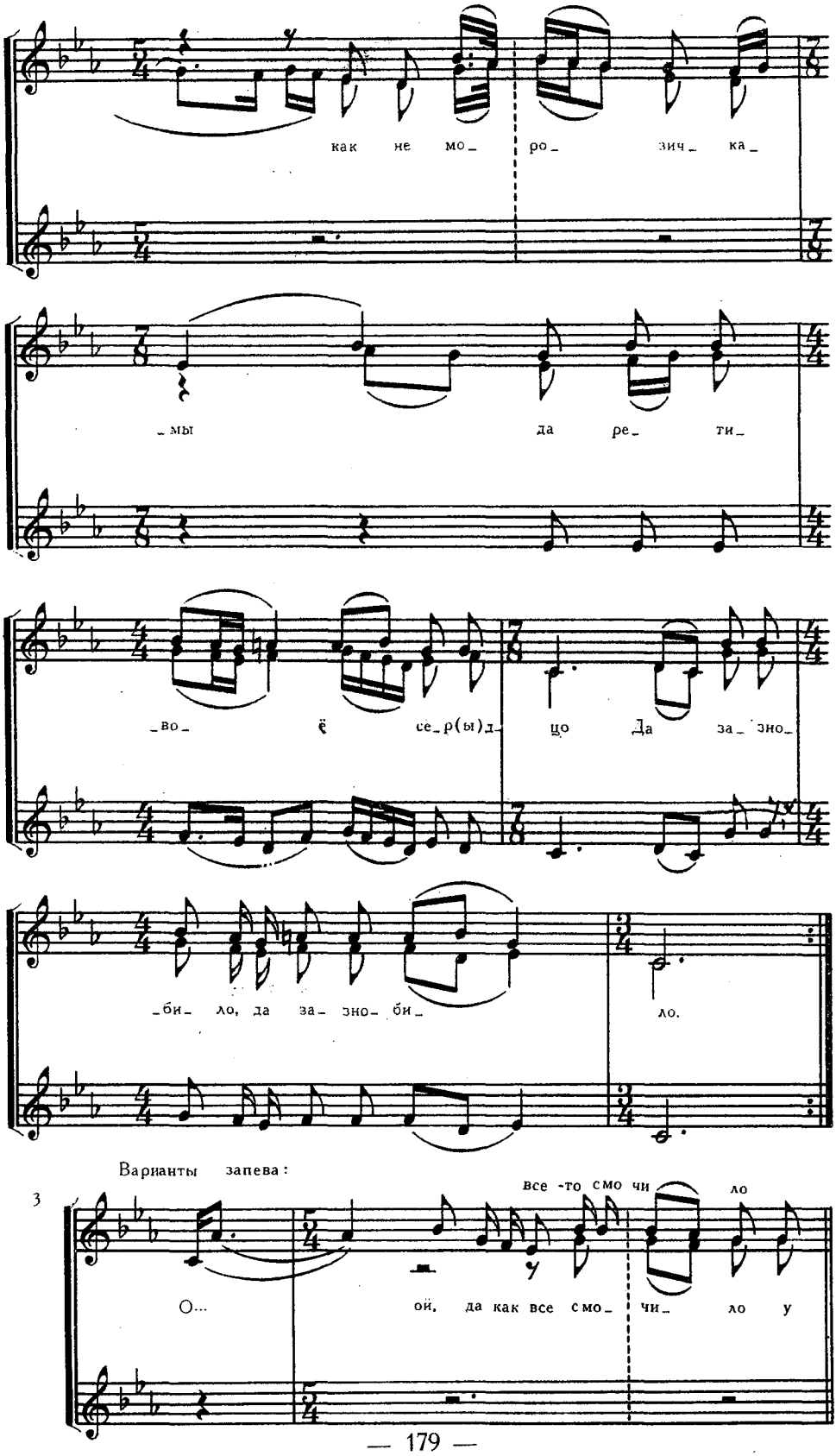

♩= 66
Ве_ те_ роч_ ки, да
вет_ ры, вы ле_(о)_
_ гонь_ ки, да
го_ ло_ соч_
_ки. Го_ ло_ соч_ ки, да
по_ л(ы)_ но вам, ве... ве_
_тё_ р(ы)_ кам, Да
тя_ нуть, ве... тя_ нуть, ве_ ять.

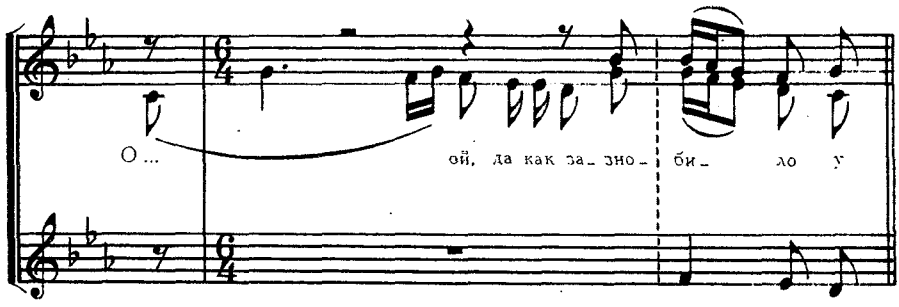

♩= 70
Ше_ л(ы)- то И_ ва_ нуш_ ко
до... эй, да до_ ли_
_но_ ю, Да
ше_ л(ы) он ве_ че_ (е)_ р(и)_ не_
_ю, ои, да по_ ро_ ю,
по ут_ ру да ро_ сой.
Ут_ ря_ ной ро_ сой, Да
шла то Ма_ ше_ нёч_ ка


из... эй, да из са_
доч ку, Да
нес_ ла в ру_ че_ н(и)_ ках
два... ой, да два ве_
ноч ка, да
са_ ма го_ во_ рит.
Са_ ма го_ во_ ри_ т(ы), Да как
чтой- то во_ на ли са_

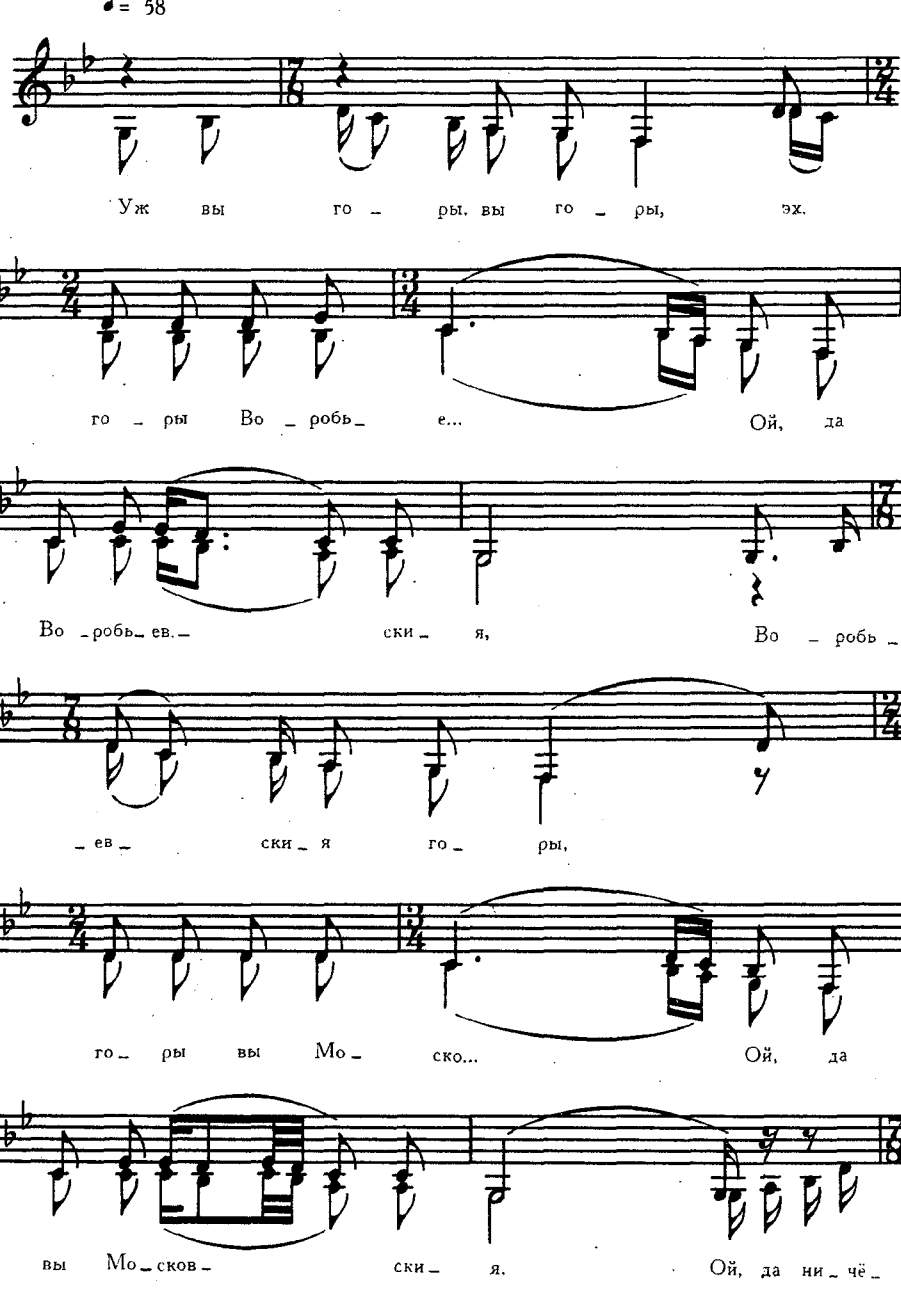

_ма,
Эй, да го_ во_
_ри_
ла, да
пас_ туш_ ка да бра_ нит.

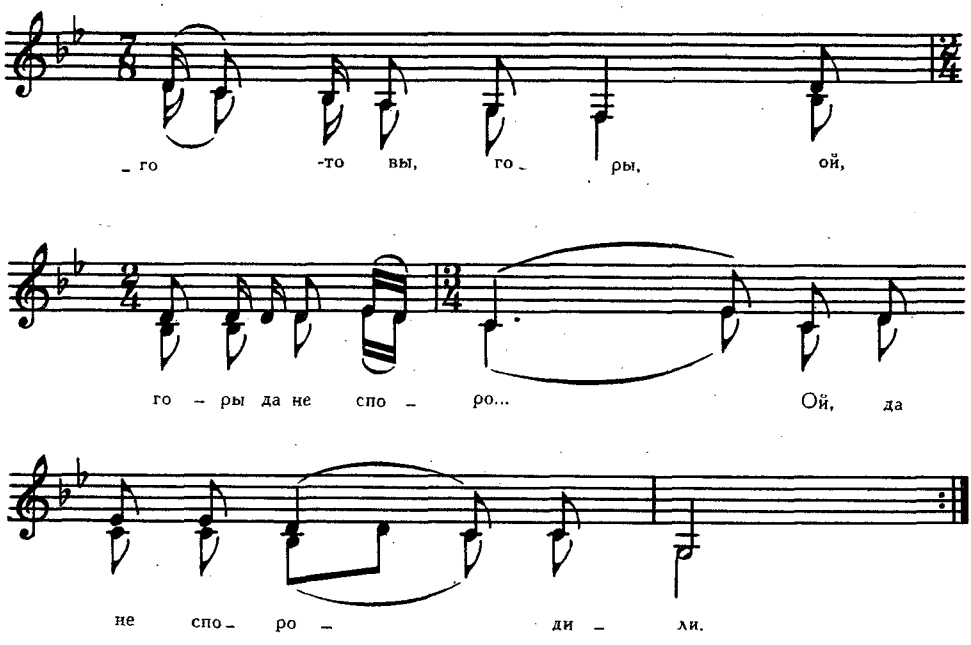

♩= 63
Ой, не дож_ дич_
ком то у крас_ ной
де_ вуш_ ки
бе_ ло_ ё ли_ цо Смо_
_чи_ хо да по_мо_ чи_
ло, Ой,


как не мо_ ро_ зич_ ка_
_мы да ре_ ти_
_во_ ё се_р(ы)д_ цо Да за_ зно_
_би_ ло, да за_ зно_ би_ ло.
Варианты запева:
3
все -то смо чи ло
О... ой, да как все смо_ чи_ ло у

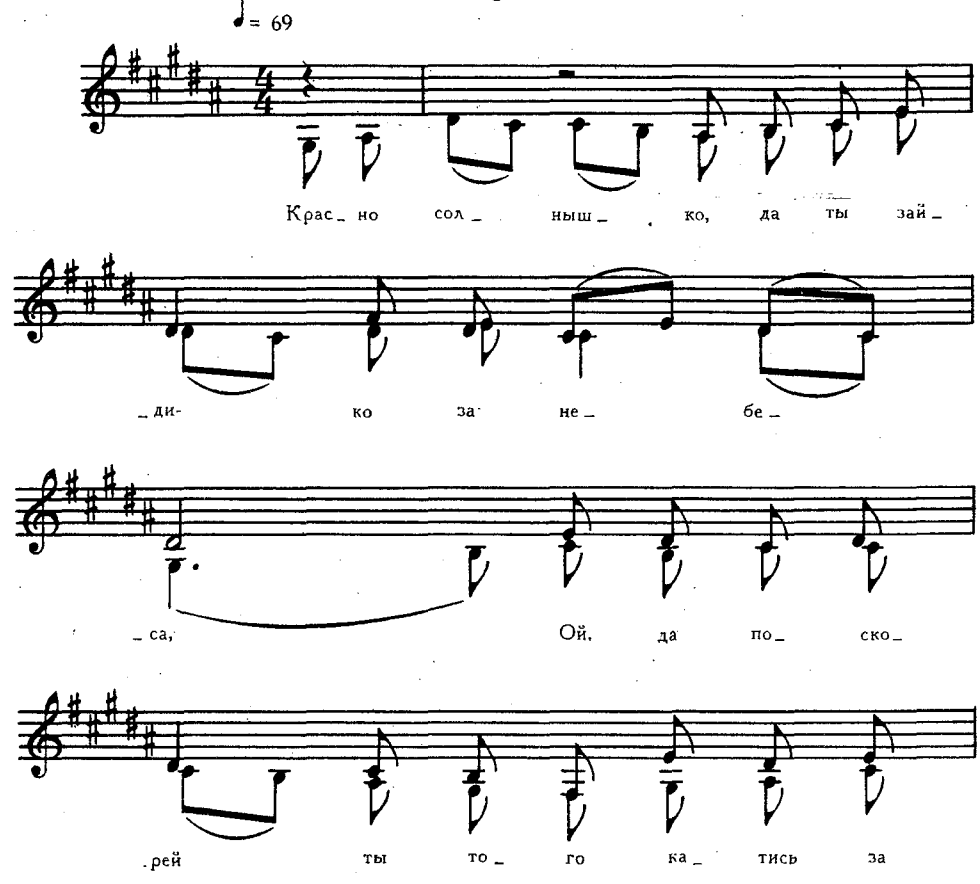

О...
ой, да как за- зно- би- ло у

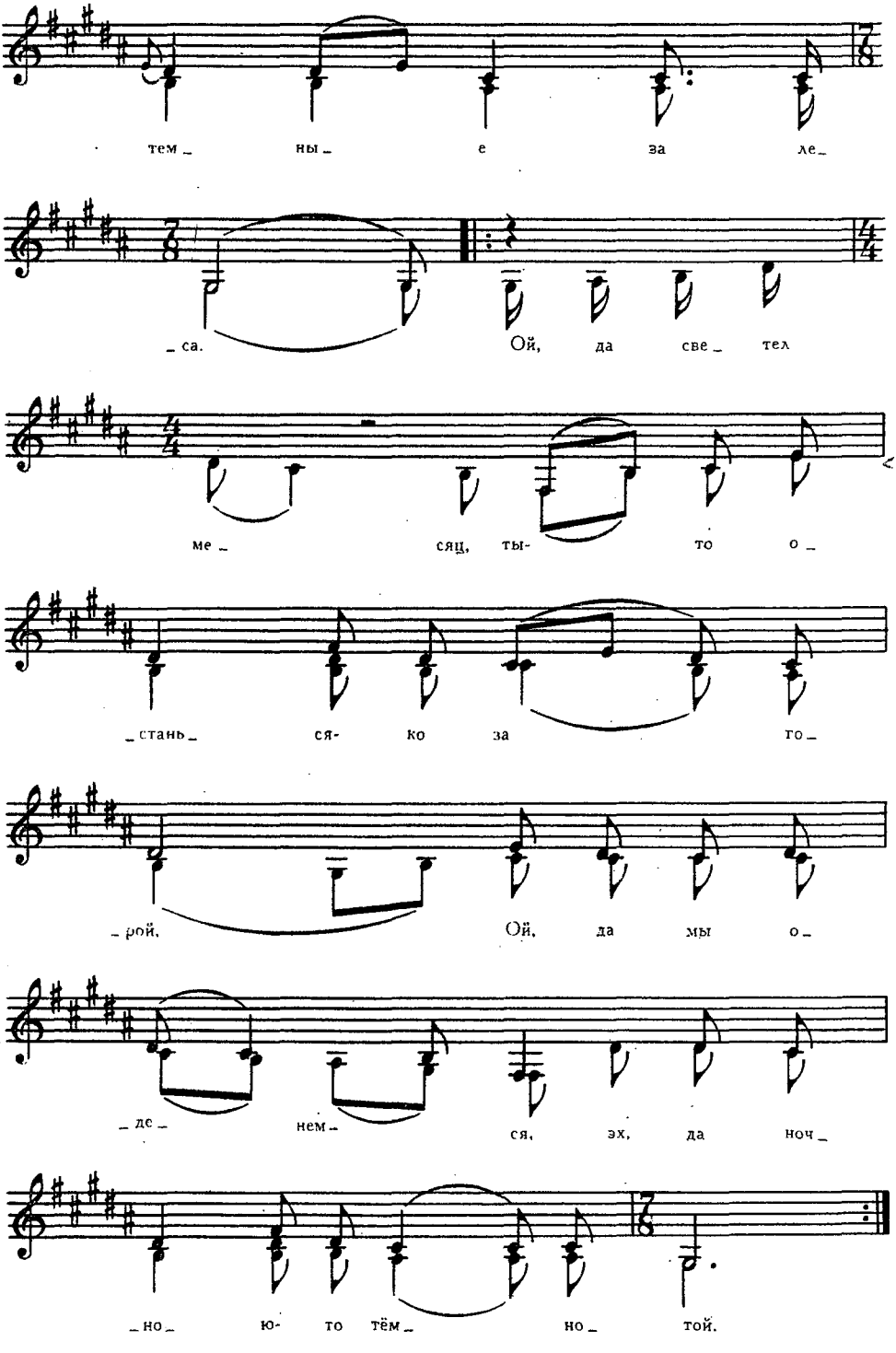
7

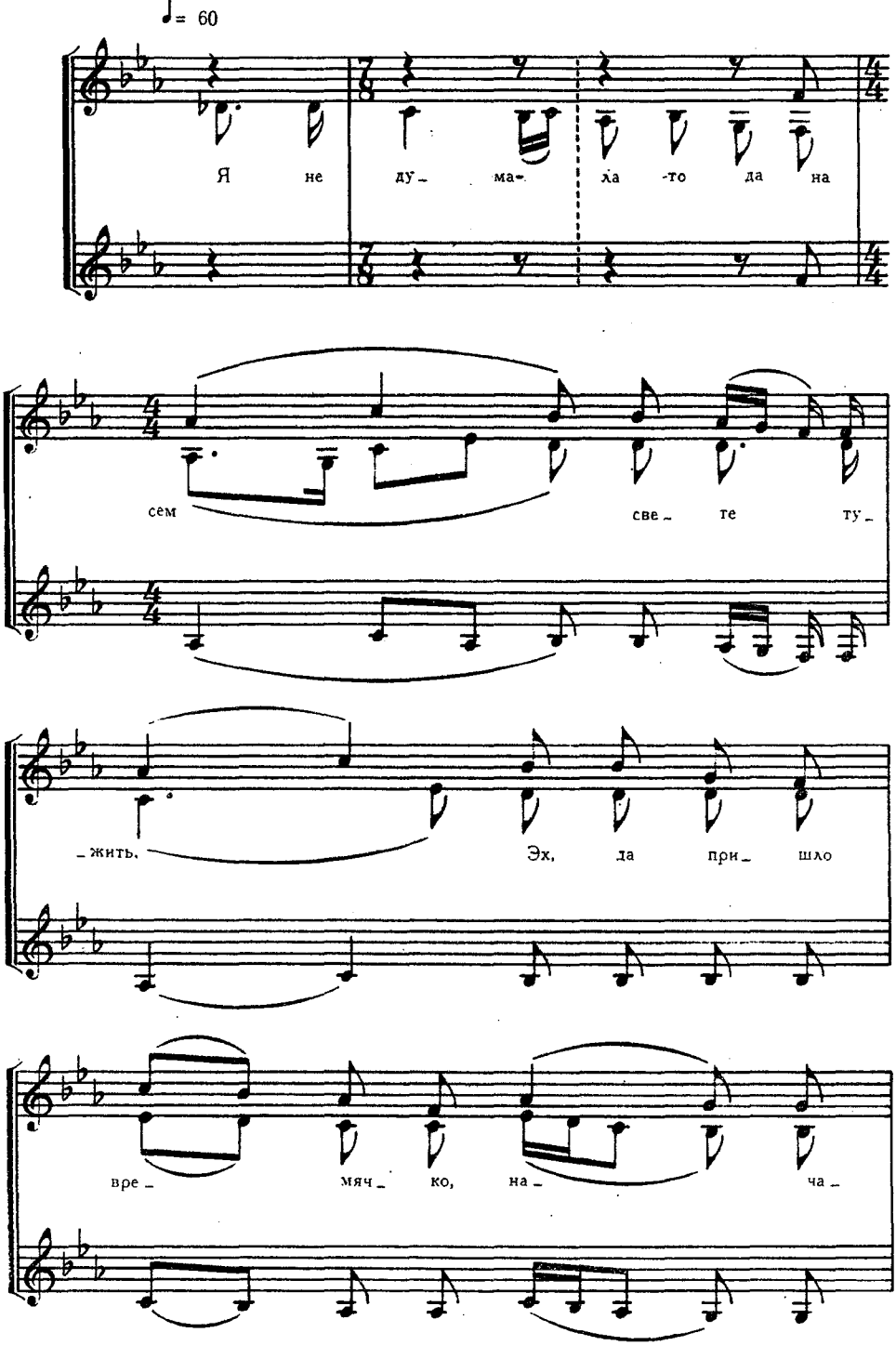

♩= 58
Уж вы го- ры, вы го- ры, эх.
го- ры Во- робь- е... Ой, да
Во- робь- ев.- ски- я, Во- робь-
-ев- ски- я го- ры,
го- ры вы Мо- ско... Ой, да
вы Мо- сков- ски- я. Ой, да ни- чё-

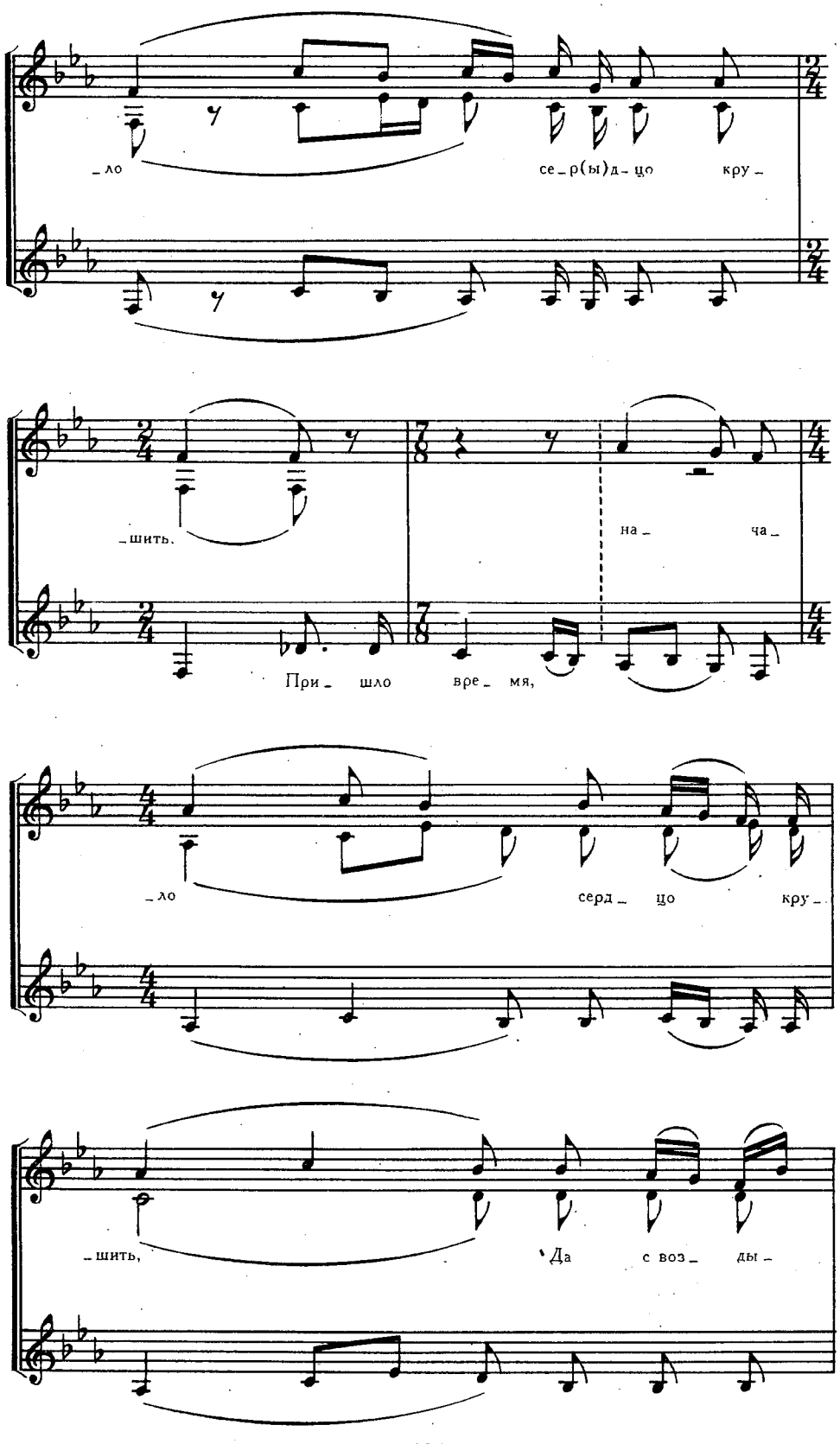

_го -то вы, го_ ры, ой,
го _ ры да не спо _ ро... Ой, да
не спо_ ро _ ди _ ли.

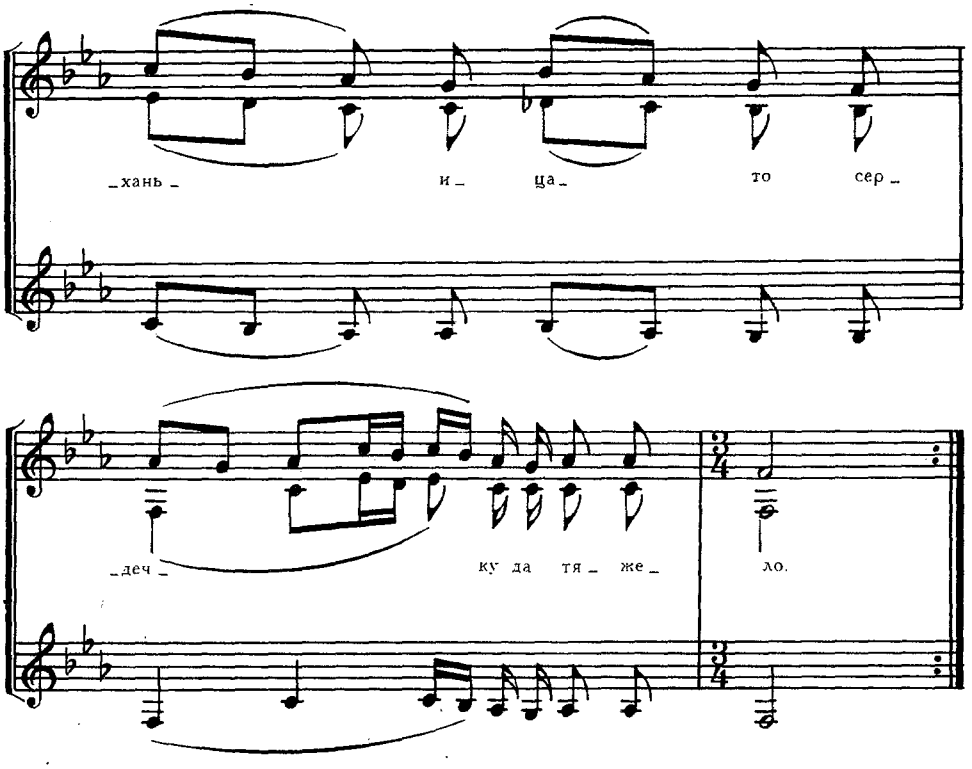
8


♩= 69
Крас_ но сол _ ныш _ ко, да ты зай _
_ди- ко за не _ бе _
_ са, Ой, да по _ ско _
рей ты то _ го ка _ тись за

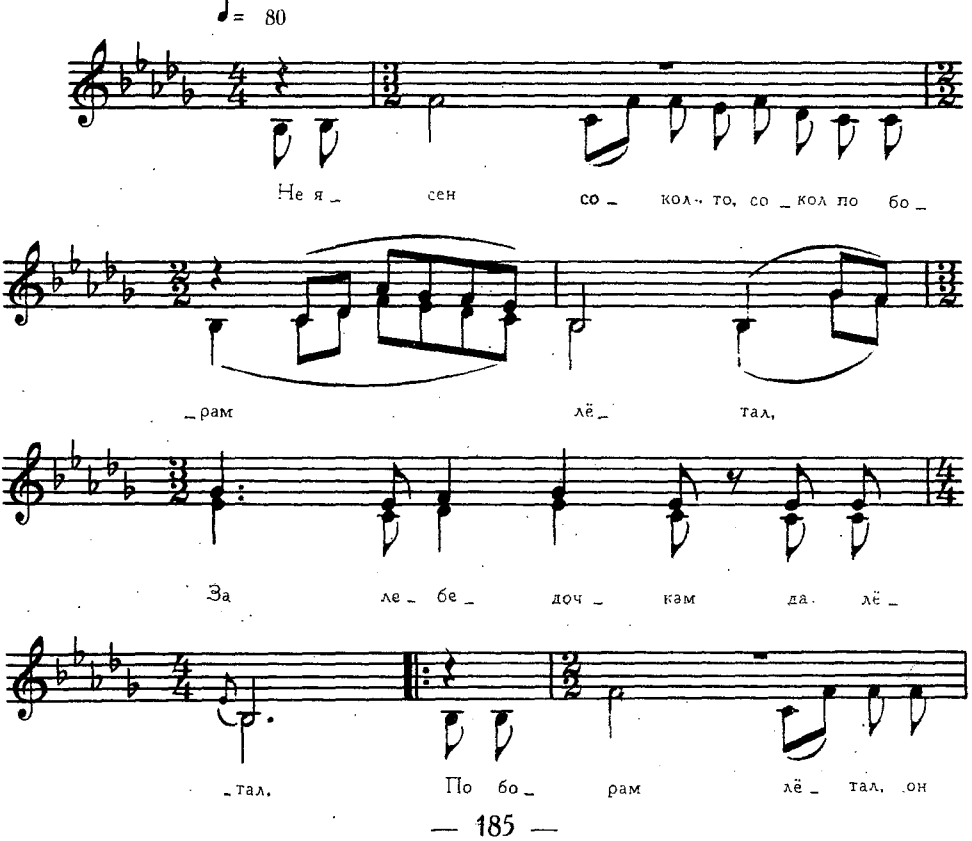

тем_ ны_ е за ле_
са. Ой, да све тел
ме_ сяц, ты- то о_
стань ся- ко за то_
рой, Ой, да мы о
_де_ нем_ ся, эх, да ноч_
_но_ ю- то тём_ но_ той.

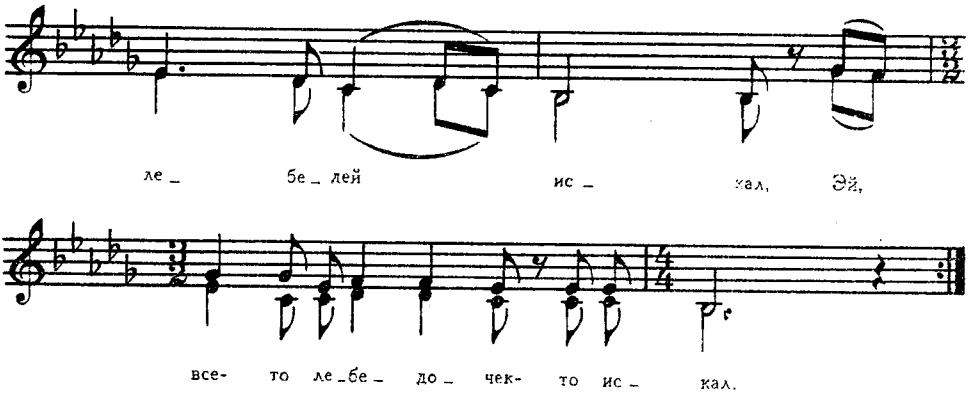

♩= 60
Я не ду_ ма_ ла -то да на
сем све_ те ту_
жить. Эх, да при шло
вре_ мяч_ ко, на_ ча_


_ло
се_р(ы)д_цо
кру_
_шить.
На_
ча_
При_ шло
вре_ мя,
_ло
серд_ цо
кру_
_шить,
Да
с воз_ ды_

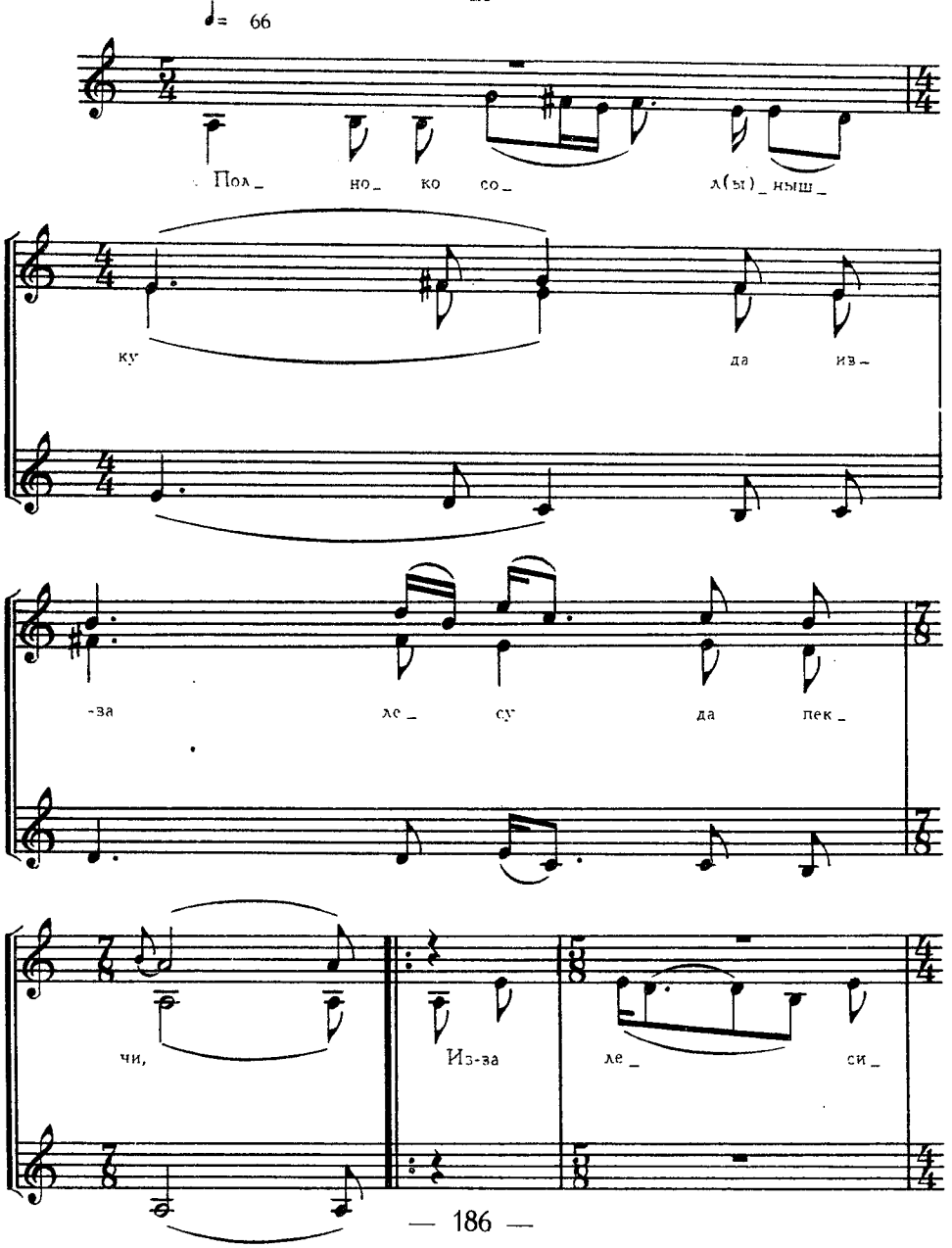

_хань _ и _ ца _ то сер _
_деч _ ку да тя _ же _ ло.

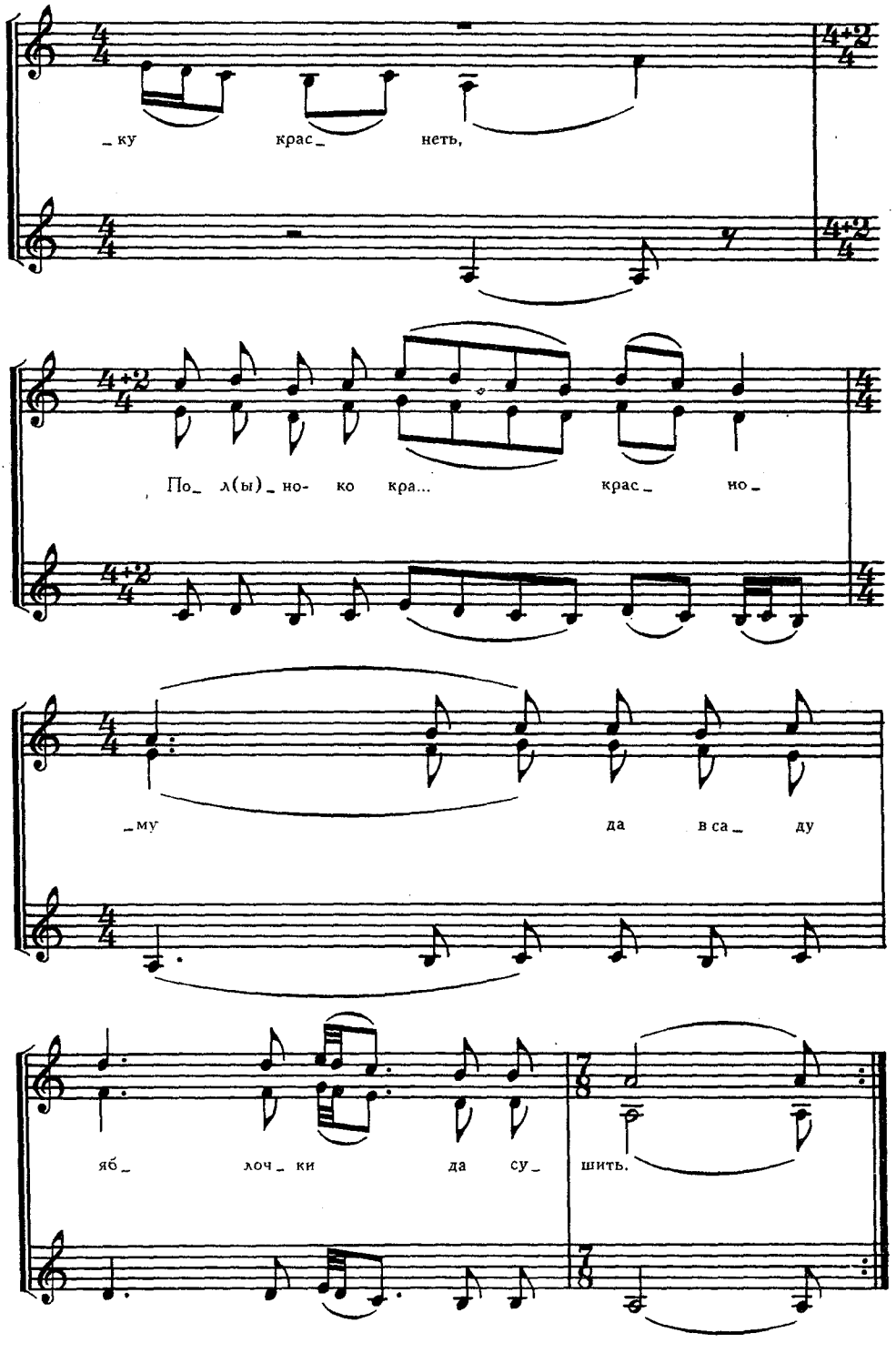
11


♩= 80
Не я _ сен со _ кол - то, со _ кол по бо _
_рам лё _ тал,
За ле _ бе _ доч _ кам да лё _
_тал. По бо _ рам лё _ тал, он

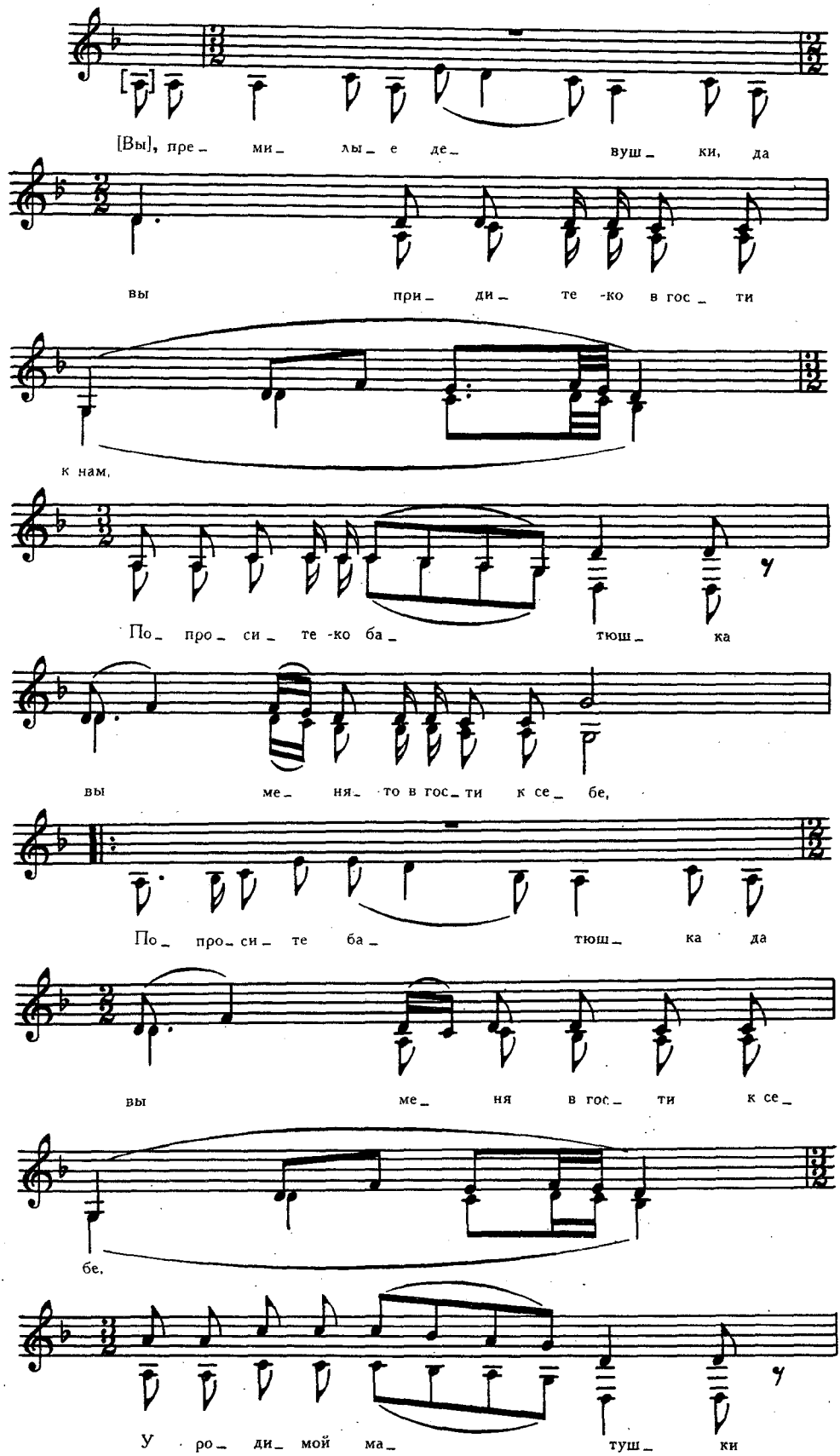

ле_ бе_ дей ис_ кал, Эй,
все- то ле_бе_ до_ чек- то ис_ кал.

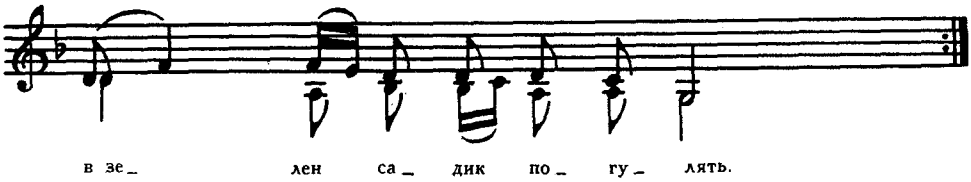
12

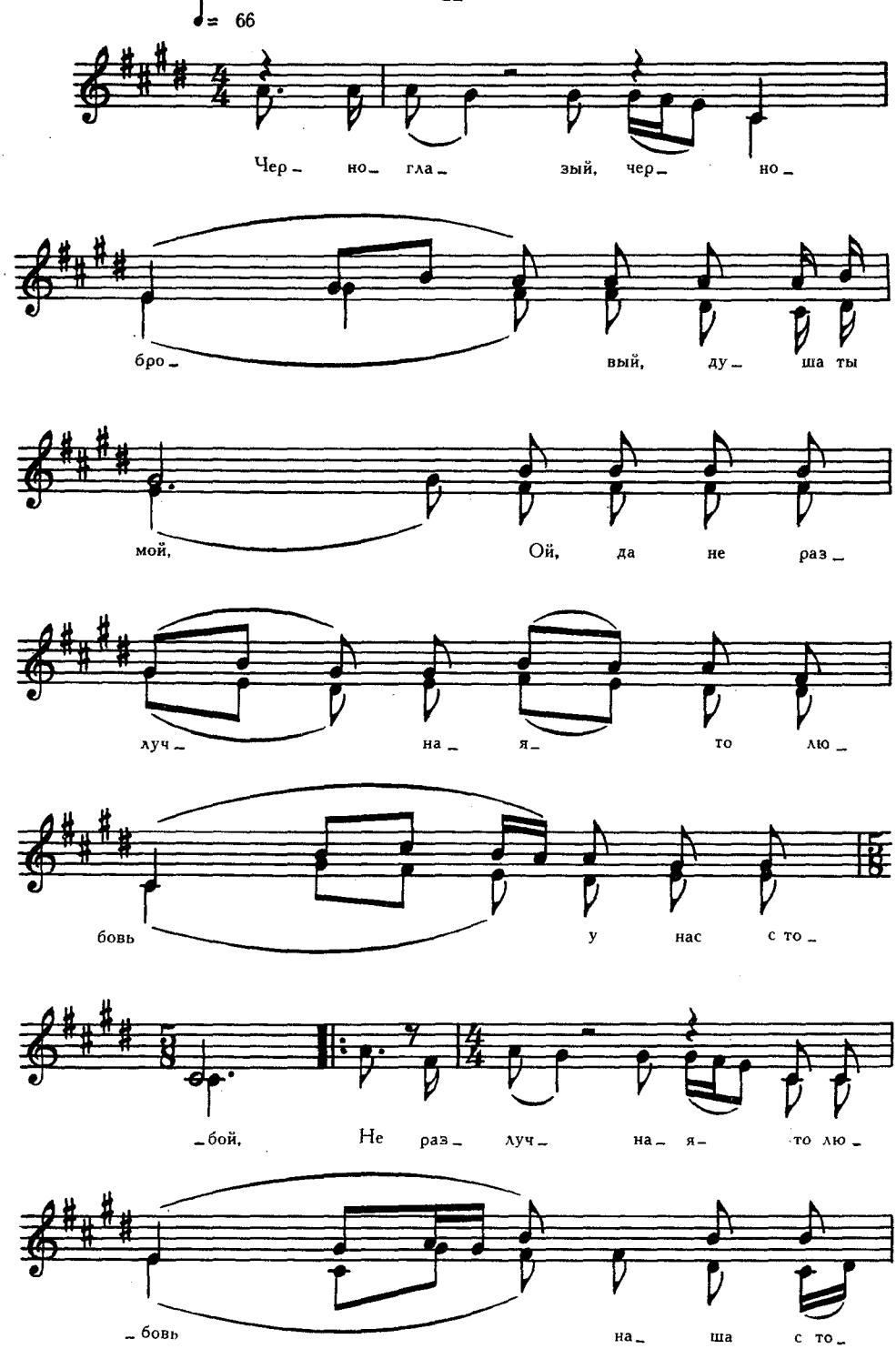

♩= 66
Пол_ но_ ко со_ л(ы)_ныш_
ку да из_
-за ле_ су да пек_
чи, Из-за ле_ си_

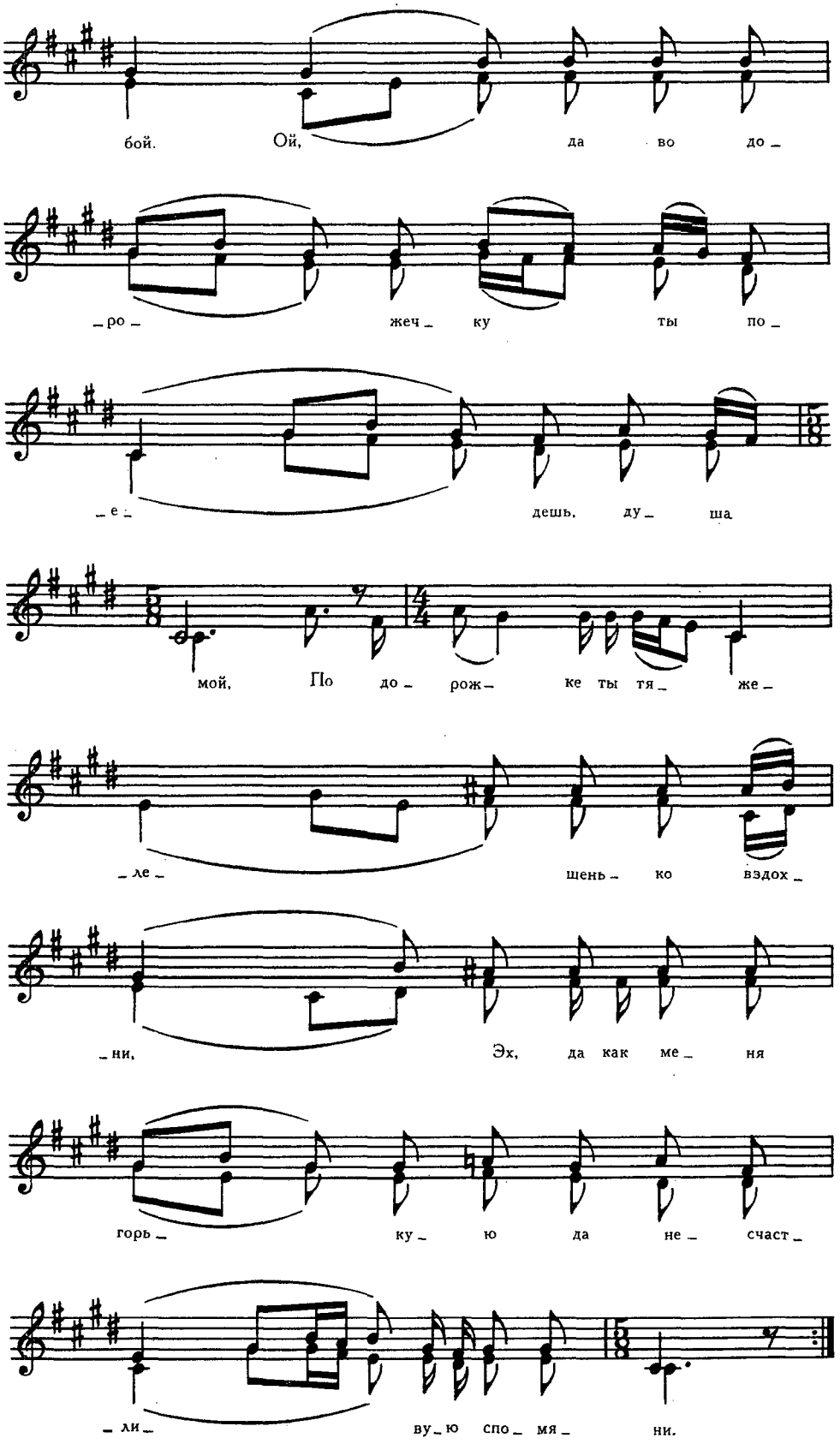

ку крас неть,
По_ л(ы)_но- ко кра... крас_ но_
_му да в са_ ду
яб_ лоч_ки да су_ шить.

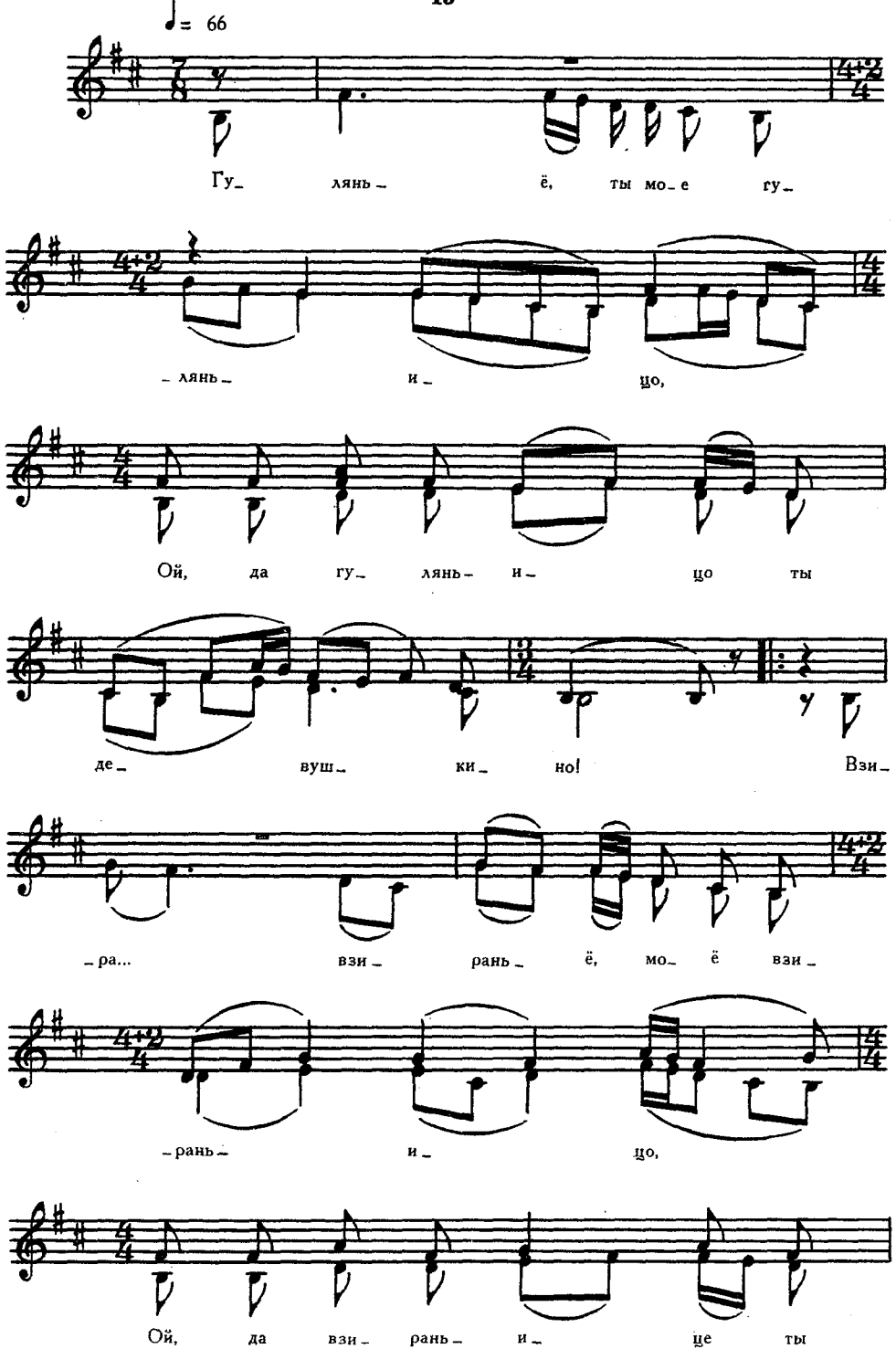
♩= 59

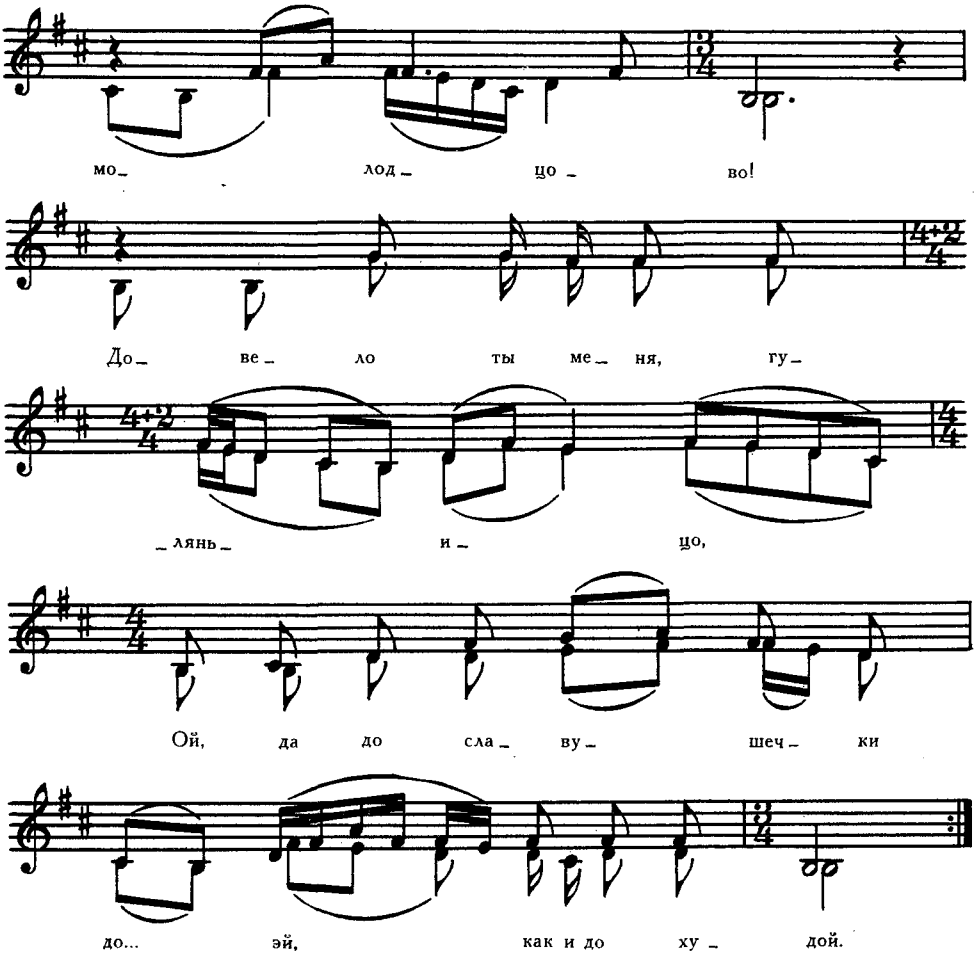

[Вы], пре_ ми_ лы_ е де_ вуш_ ки, да
вы при_ ди_ те -ко в гос_ ти
к нам,
По_ про_ си_ те -ко ба_ тюш_ ка
вы ме_ ня_ то в гос_ ти к се_ бе,
По_ про_ си_ те ба_ тюш_ ка да
вы ме_ ня в гос_ ти к се_
бе,
У ро_ ди_ мой ма_ туш_ ки


в зе_ лен са_ дик по_ гу_ лять.

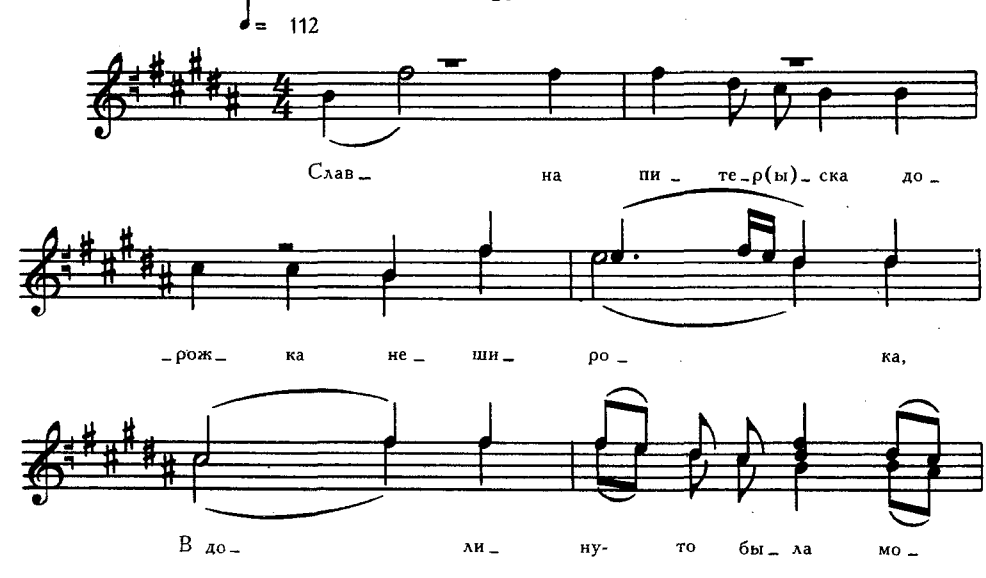

♩= 66
Чер_ но_ гла_ зый, чер_ но_
бро_ вый, ду_ ша ты
мой, Ой, да не раз_
луч_ на_ я_ то лю_
бовь у нас с то_
бой, Не раз луч_ на_ я_ то лю_
бовь на ша с то_

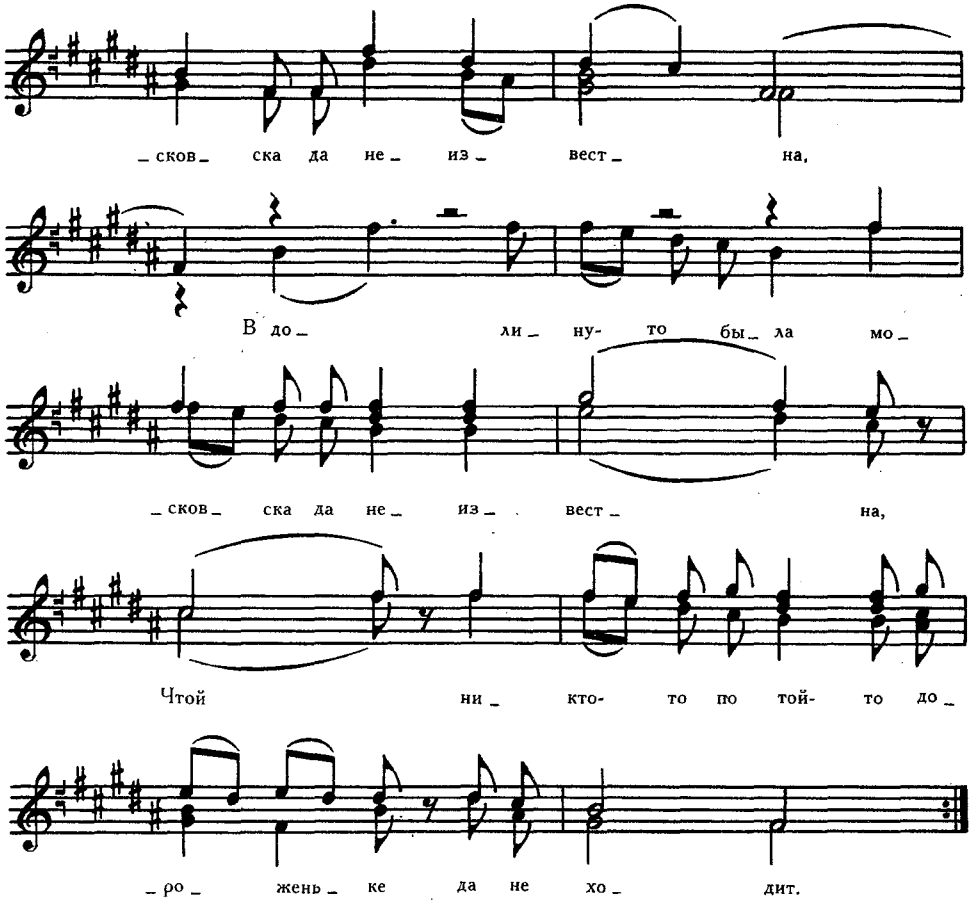

бой. Ой, да во до _
_ро _ жеч _ ку ты по _
_е _ дешь, ду _ ша
мой, По до _ рож _ ке ты тя _ же _
_ле _ шень _ ко вздох _
_ни, Эх, да как ме _ ня
горь _ ку _ ю да не _ счаст _
_ли _ ву _ ю спо _ мя _ ни.


♩= 66
Гу_ лянь_ ё, ты мо_е гу_
лянь и_ цо,
Ой, да гу_ лянь_ и_ цо ты
де_ вуш_ ки_ но! Взи_
ра... взи рань_ ё, мо_ ё взи_
рань и_ цо,
Ой, да взи_ рань_ и_ це ты

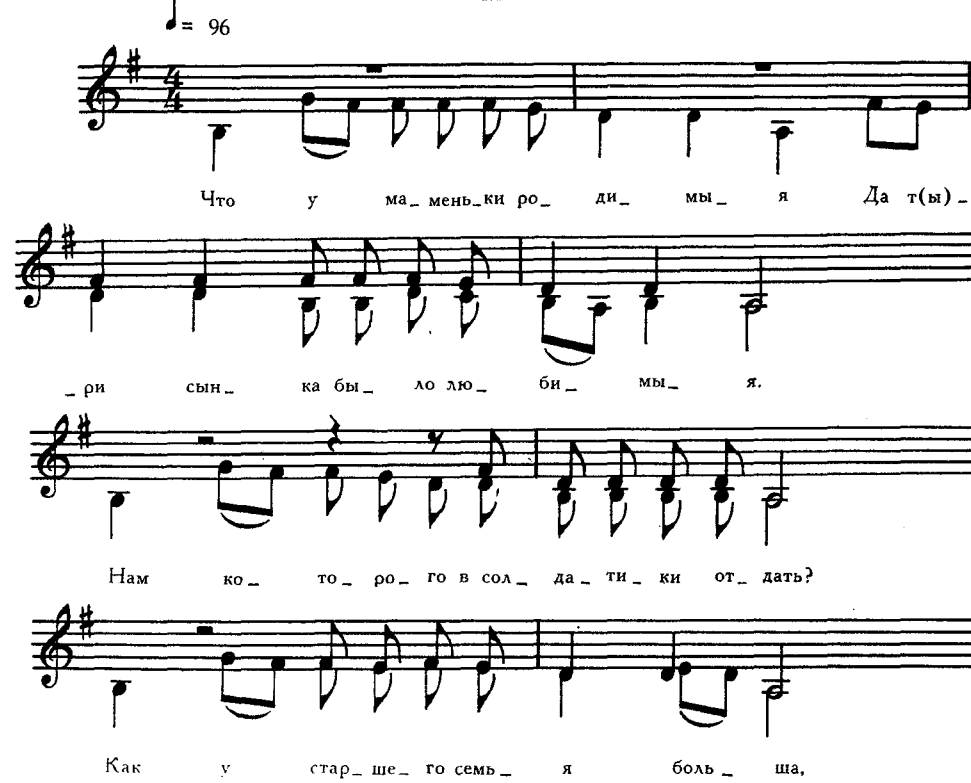

мо_ лод_ цо_ во!
До_ ве_ ло ты ме_ ня, гу_
лянь и_ цо,
Ой, да до сла_ ву_ шеч_ ки
до... эй, как и до ху_ дой.

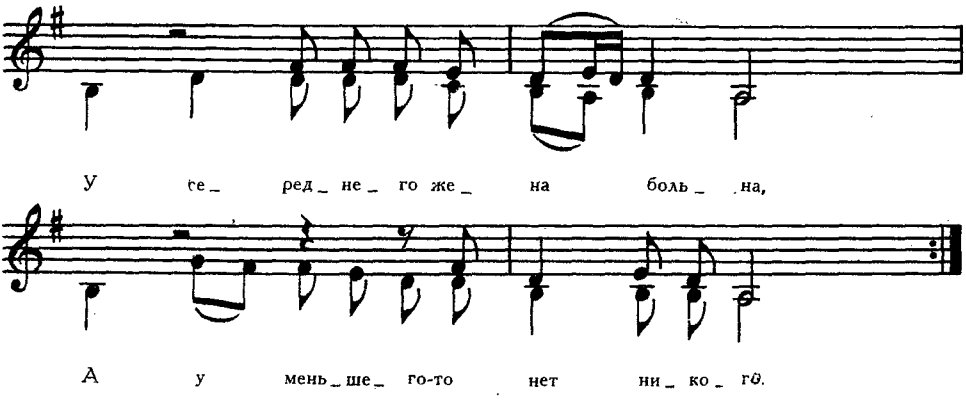
16


♩= 112
Слав_ на пи_ те_р(ы)_ска до_
рож ка не_ ши_ ро_ ка,
В до_ ли_ ну- то бы_ ла мо_

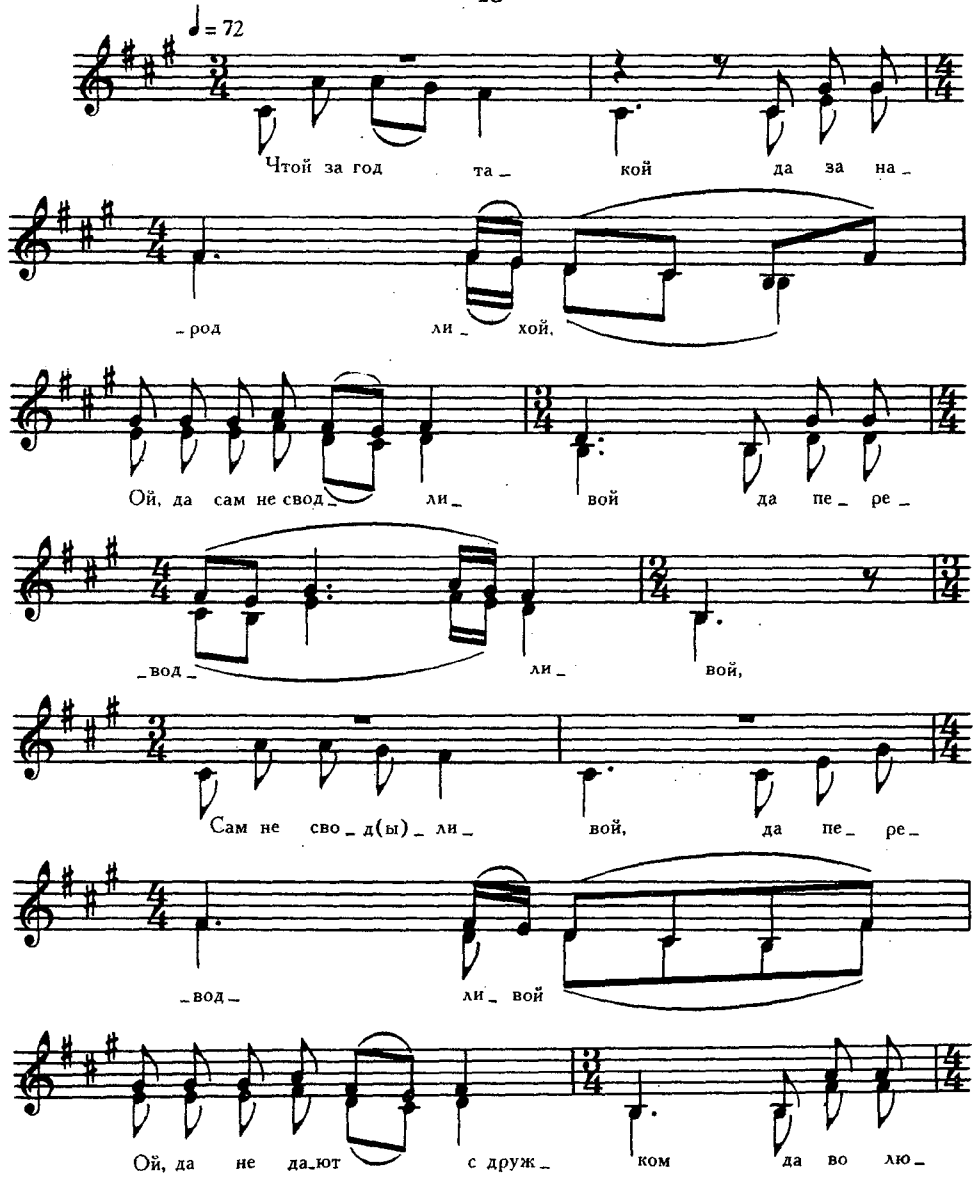

сков ска да не_ из_ вест_ на,
В до_ ли_ ну- то бы_ ла мо_
сков ска да не_ из_ вест_ на,
Чтой ни_ кто- то по той- то до_
_ро_ жень_ ке да не хо_ дит.

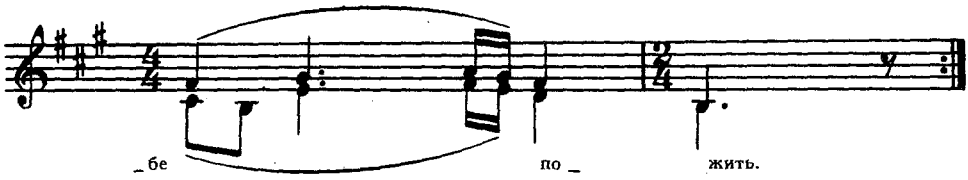
17


♩= 96
Что у ма_ мень_ки ро_ ди_ мы_ я Да т(ы)_
ри сын ка бы_ ло лю_ би_ мы_ я.
Нам ко_ то_ ро_ го в сол_ да_ ти_ ки от_ дать?
Как у стар_ ше_ го семь_ я боль_ ша,

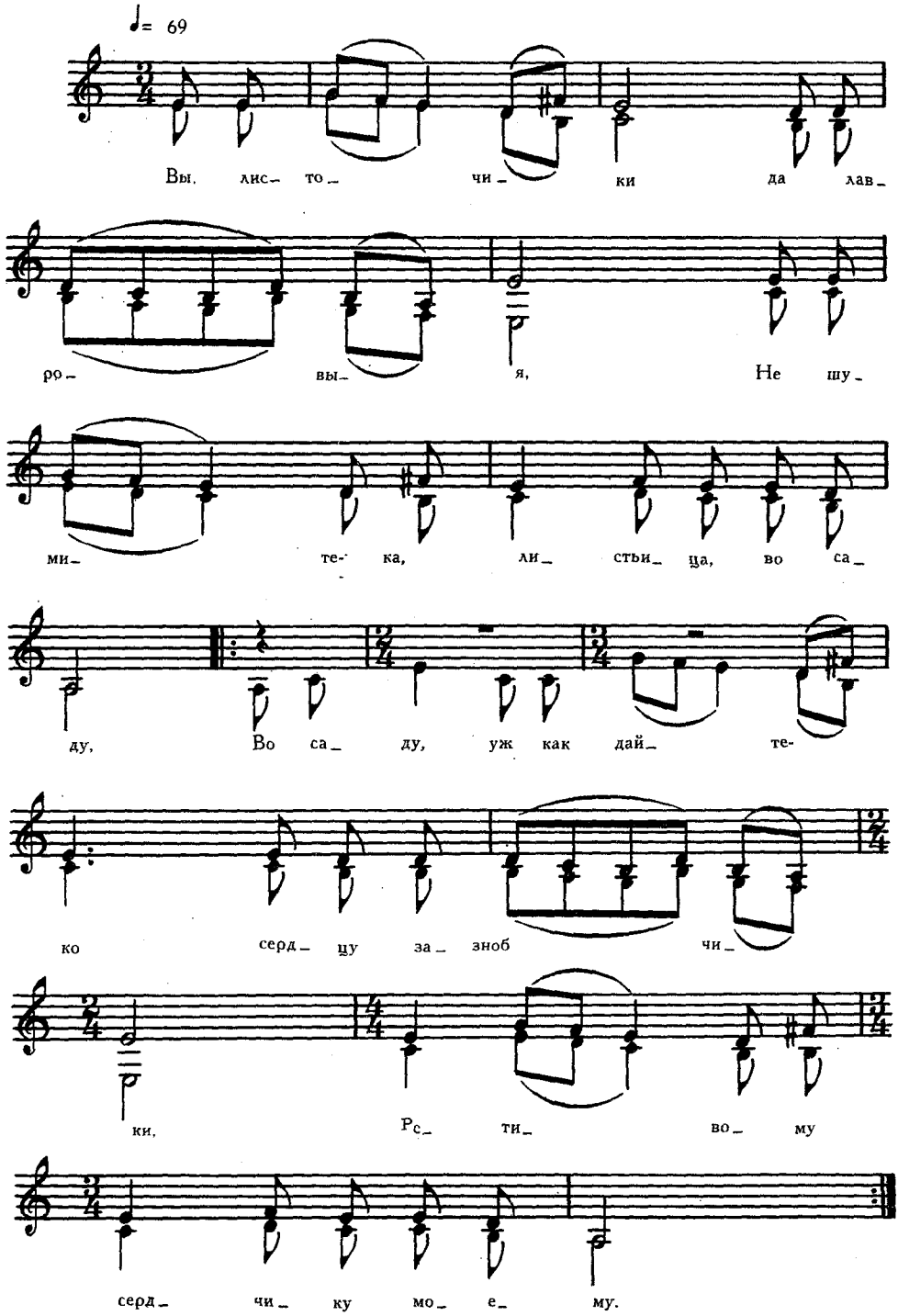

У ге_ ред_ не_ го же_ на боль_ на,
А у мень_ше_ го-то нет ни_ ко_ го.

18

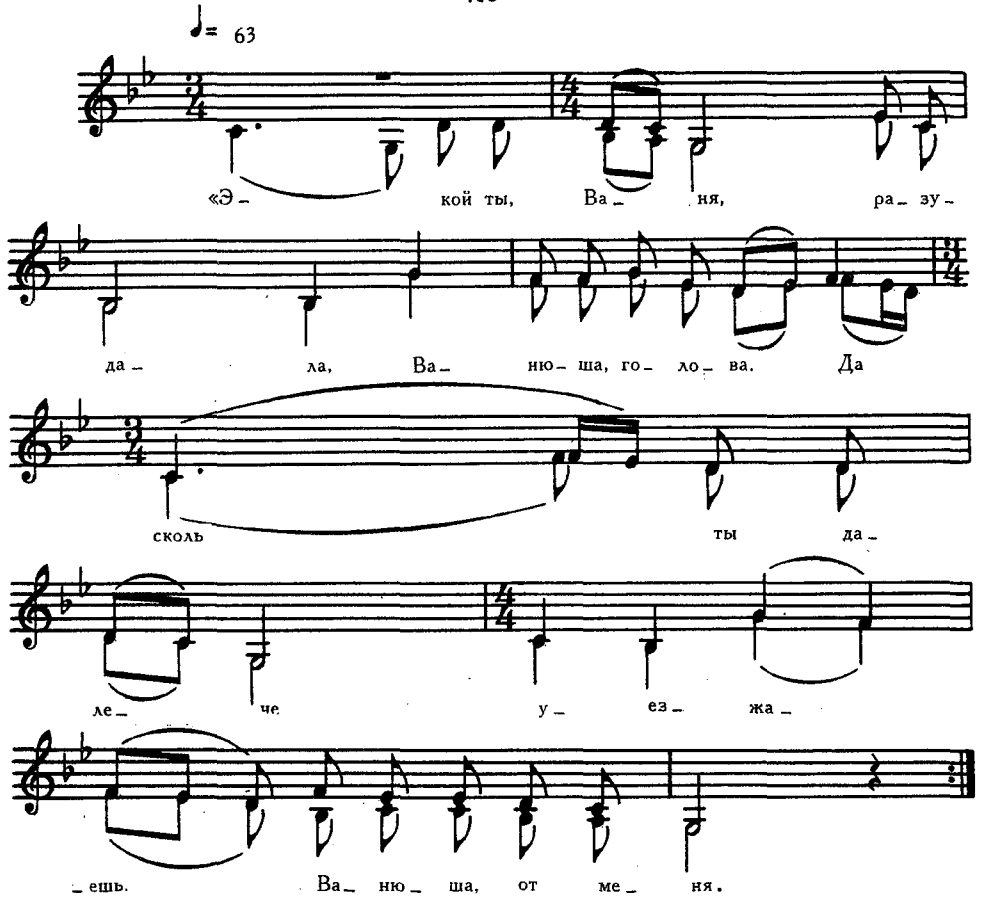

♩ = 72
Чтой за год та_ кой да за на_
род ли хой,
Ой, да сам не свод_ ли_ вой да пе_ ре_
вод ли_ вой,
Сам не сво_д(ы)_ли_ вой, да пе_ ре_
вод ли_ вой
Ой, да не да_ют с друж_ ком да во лю_


_бе
по _
жить.

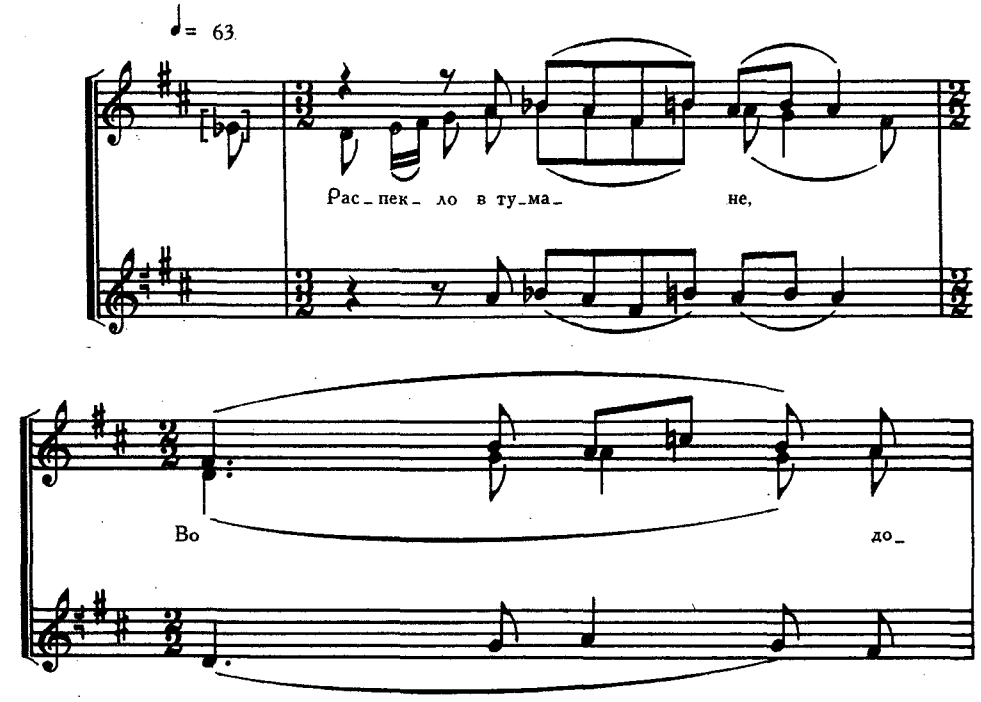
19

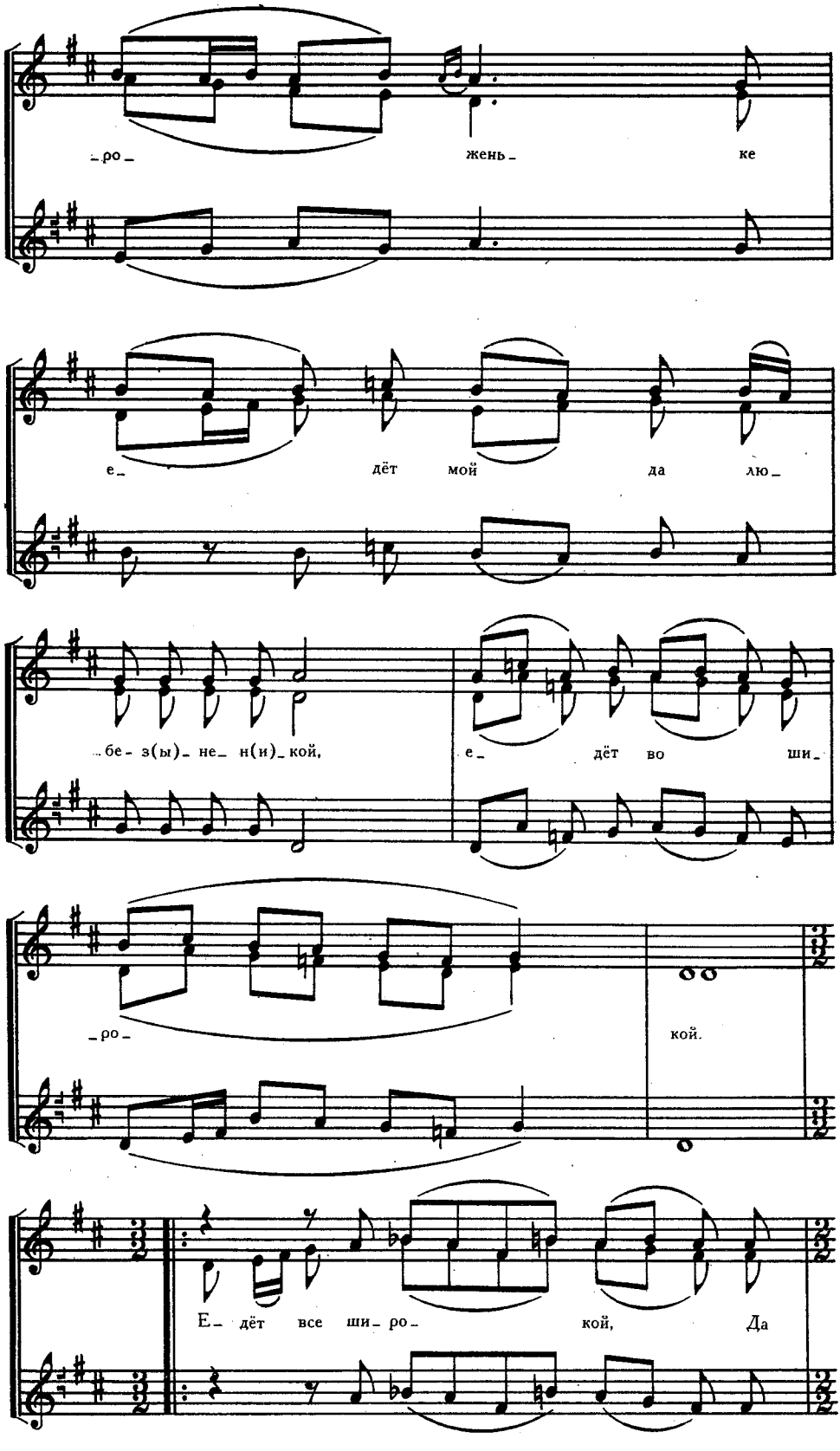

♩= 69
Вы, лис_ то_ чи_ ки да лав_
ро_ вы_ я, Не шу_
ми_ те- ка, ли_ стьи_ ца, во са_
ду, Во са_ ду, уж как дай_ те-
ко серд_ цу за_ зноб чи_
ки. Рс_ ти_ во_ му
серд_ чи_ ку мо_ е_ му.

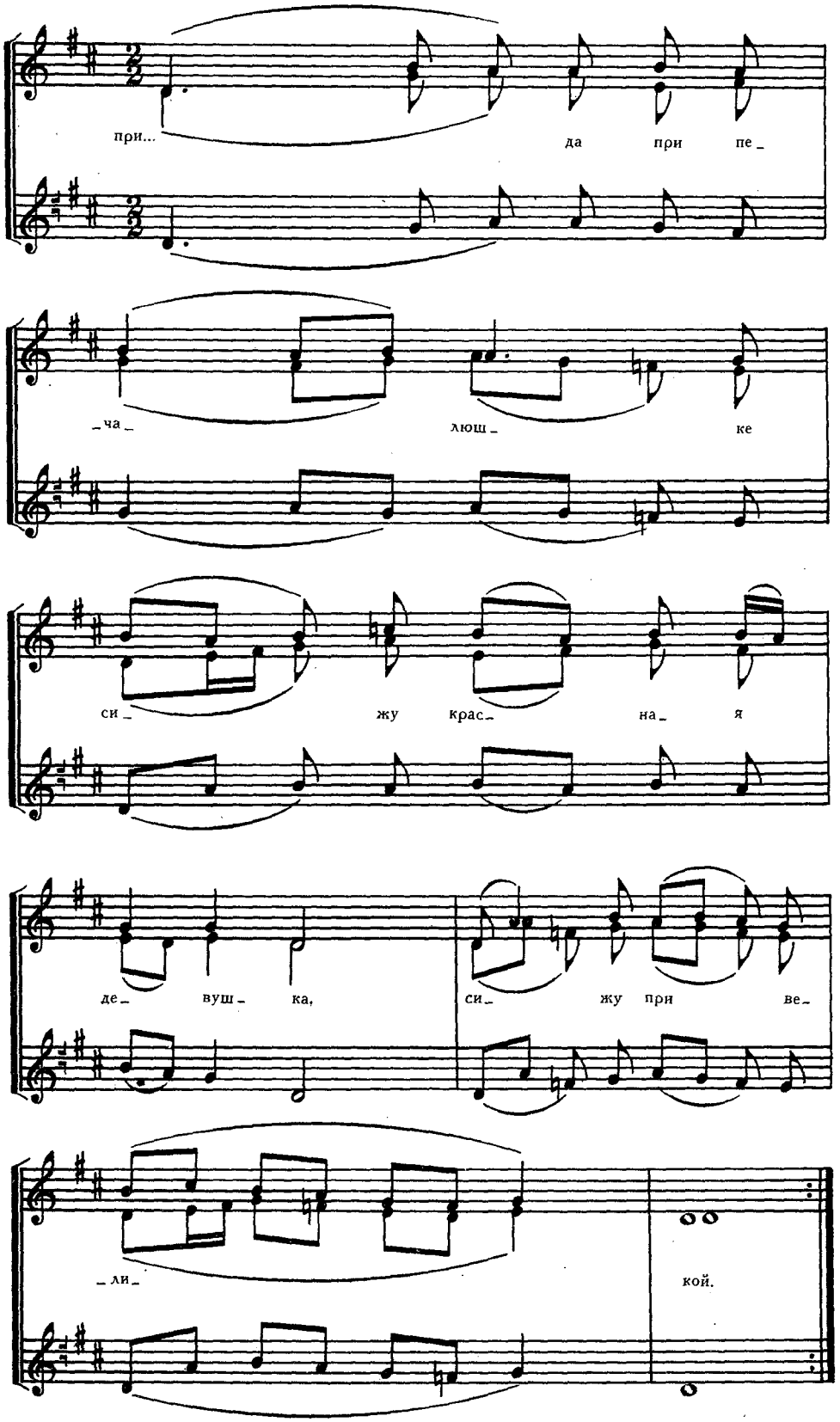
20

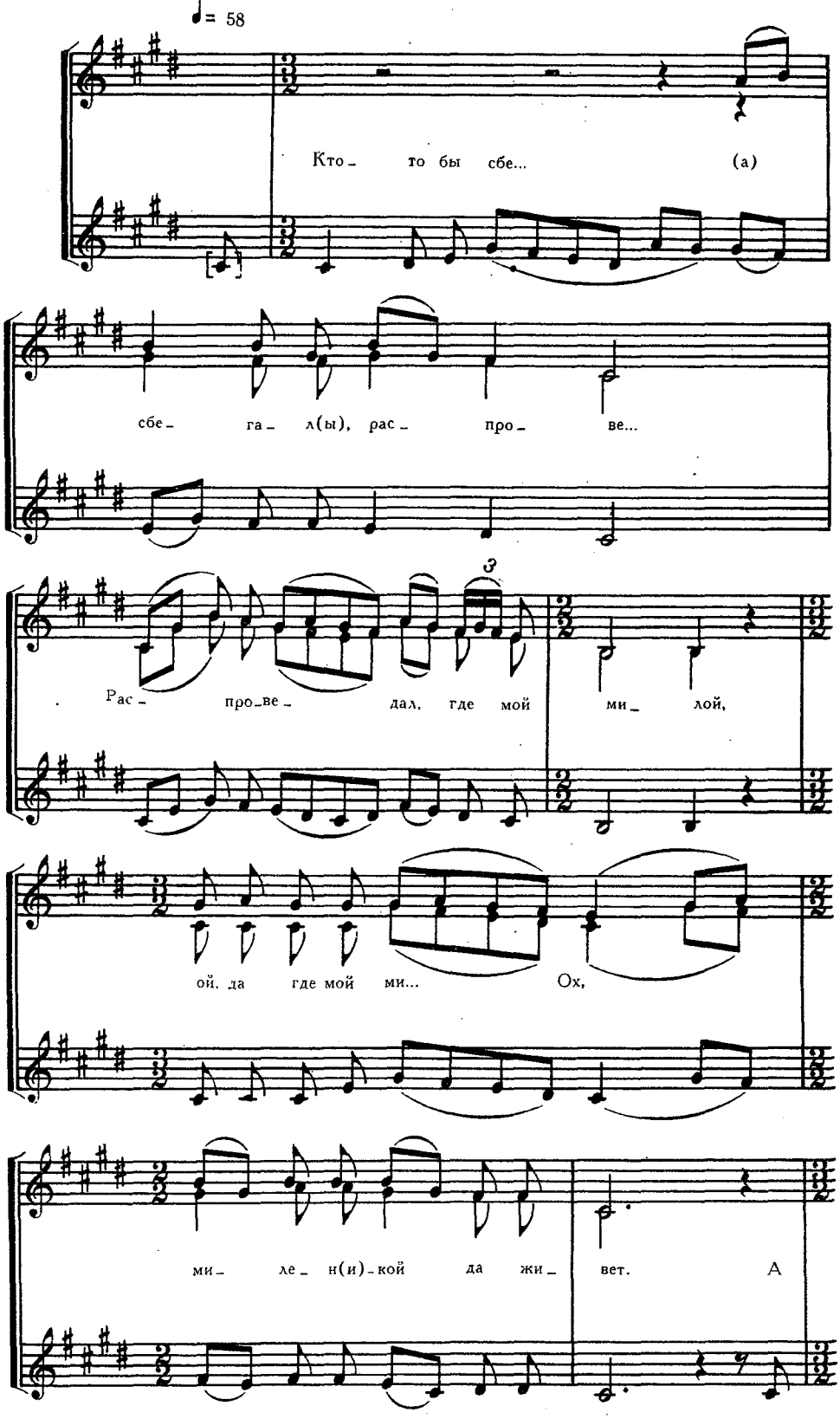

♩= 63
«Э_ кой ты, Ва_ ня, ра_ зу_
да_ ла, Ва_ ню_ ша, го_ ло_ ва. Да
сколь ты да_
ле_ че у_ ез_ жа_
ешь. Ва ню_ ша, от ме_ ня.

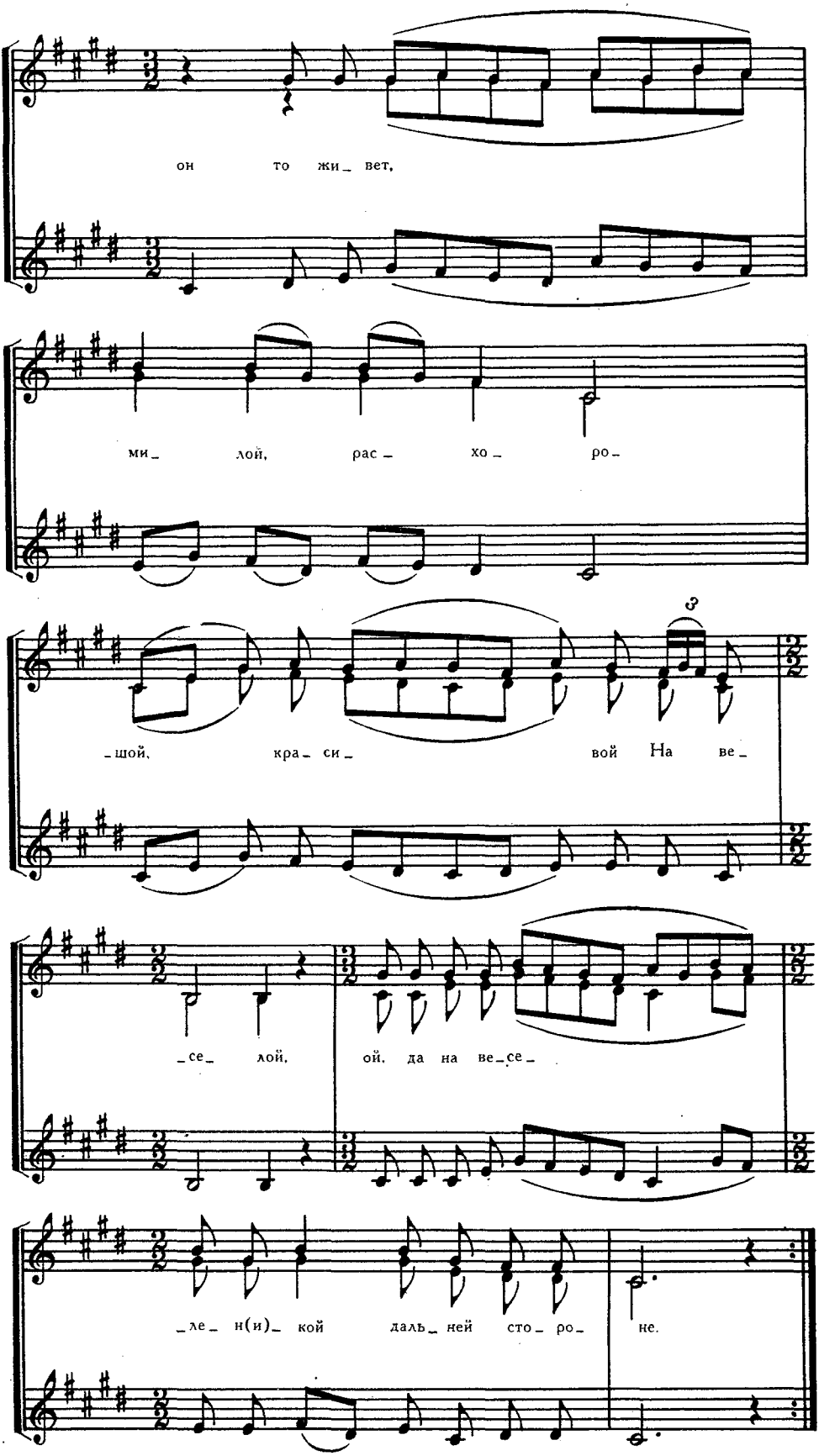
21

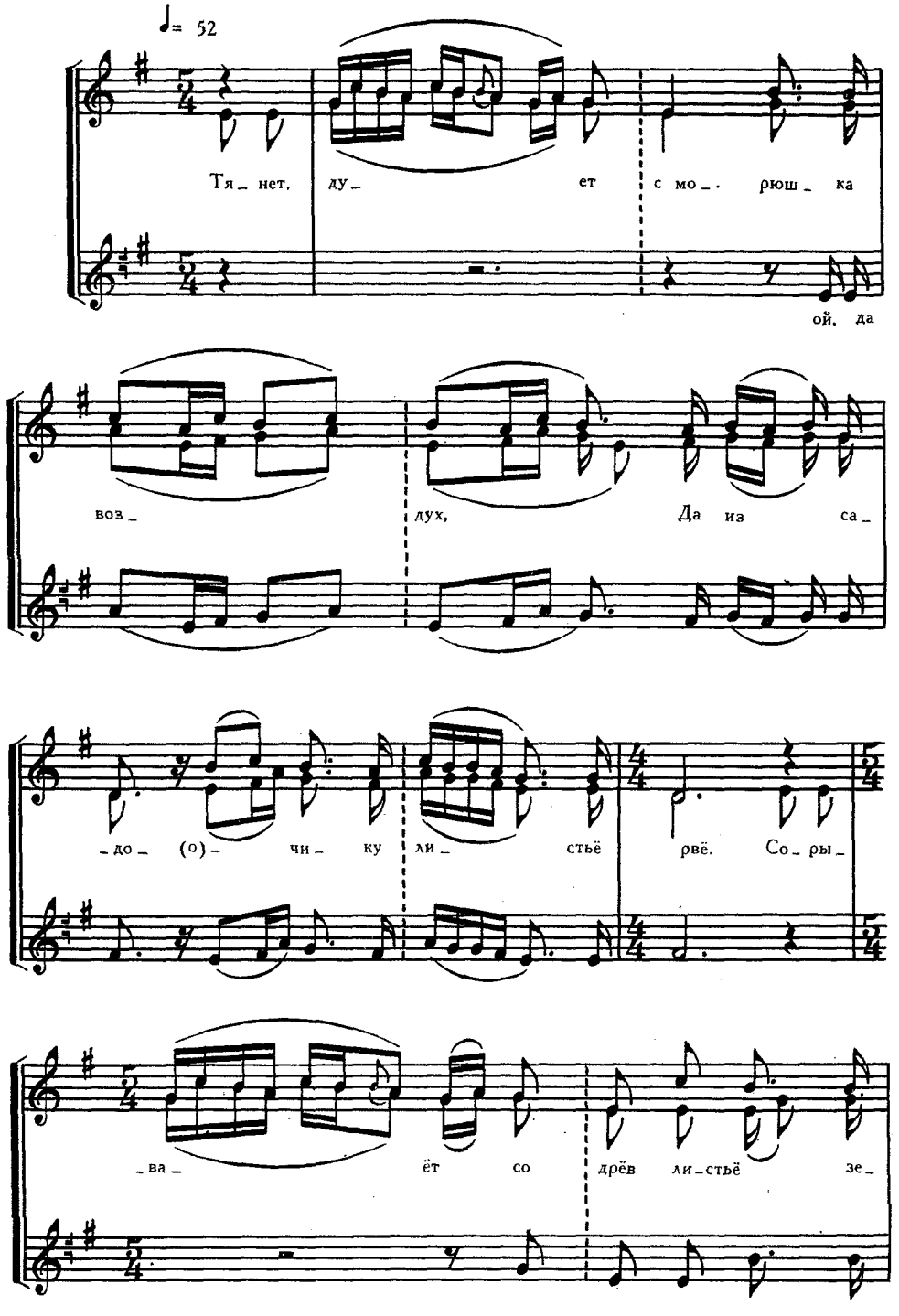

♩= 63
Рас_пек_ ло в ту_ма_ не,
Во до_

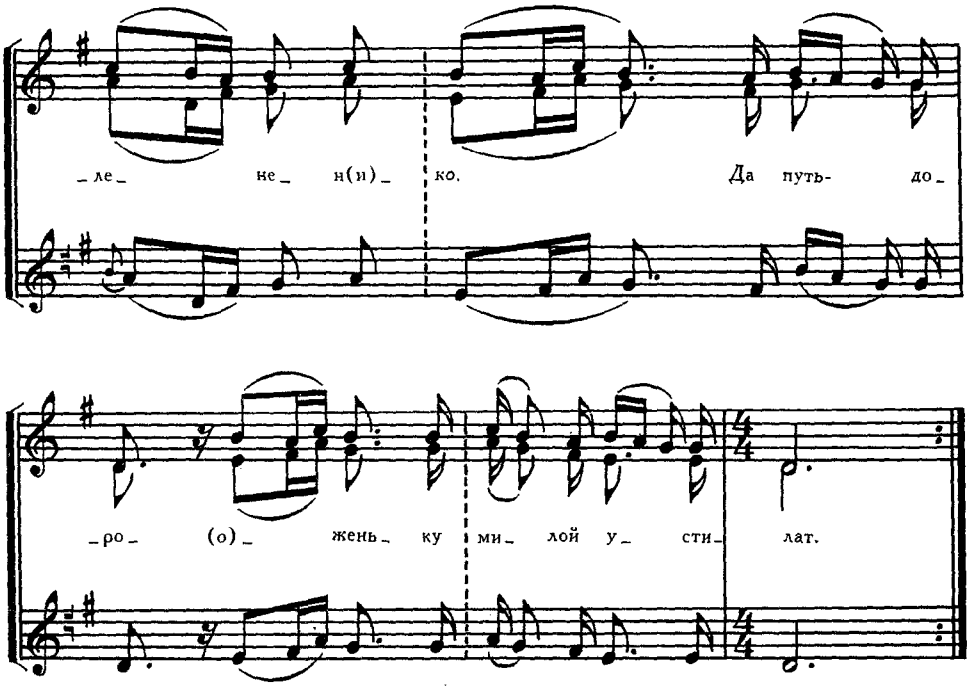

_ро_ жень_ ке
е_ дёт мой да лю_
_бе_ з(ы)_ не_ н(и)_кой, е_ дёт во ши_
_ро_ кой.
Е_ дёт все ши_ ро_ кой, Да


при...
да при пе_
_ча_
люш_
ке
си_
жу крас_
на_
я
де_
вуш_
ка,
си_
жу при
ве_
_ли_
кой.

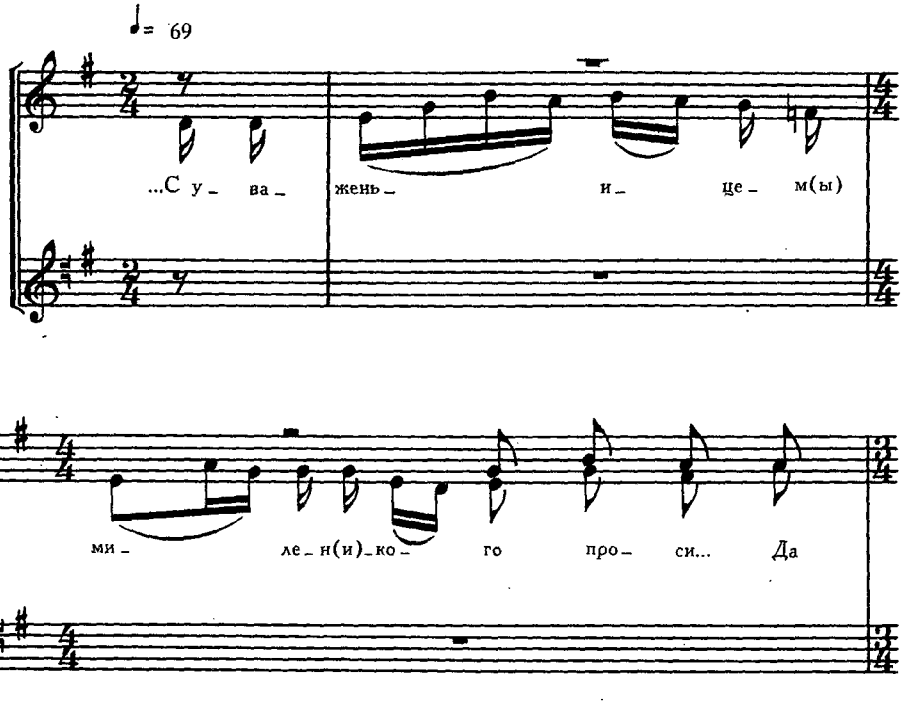

♩= 58
Кто_ то бы сбе... (а)
сбе_ га_ л(ы), рас_ про_ ве...
3
Рас_ про_ве_ дал, где мой ми_ лой,
ой, да где мой ми... Ох,
ми_ ле_ н(и)-кой да жи_ вет. А

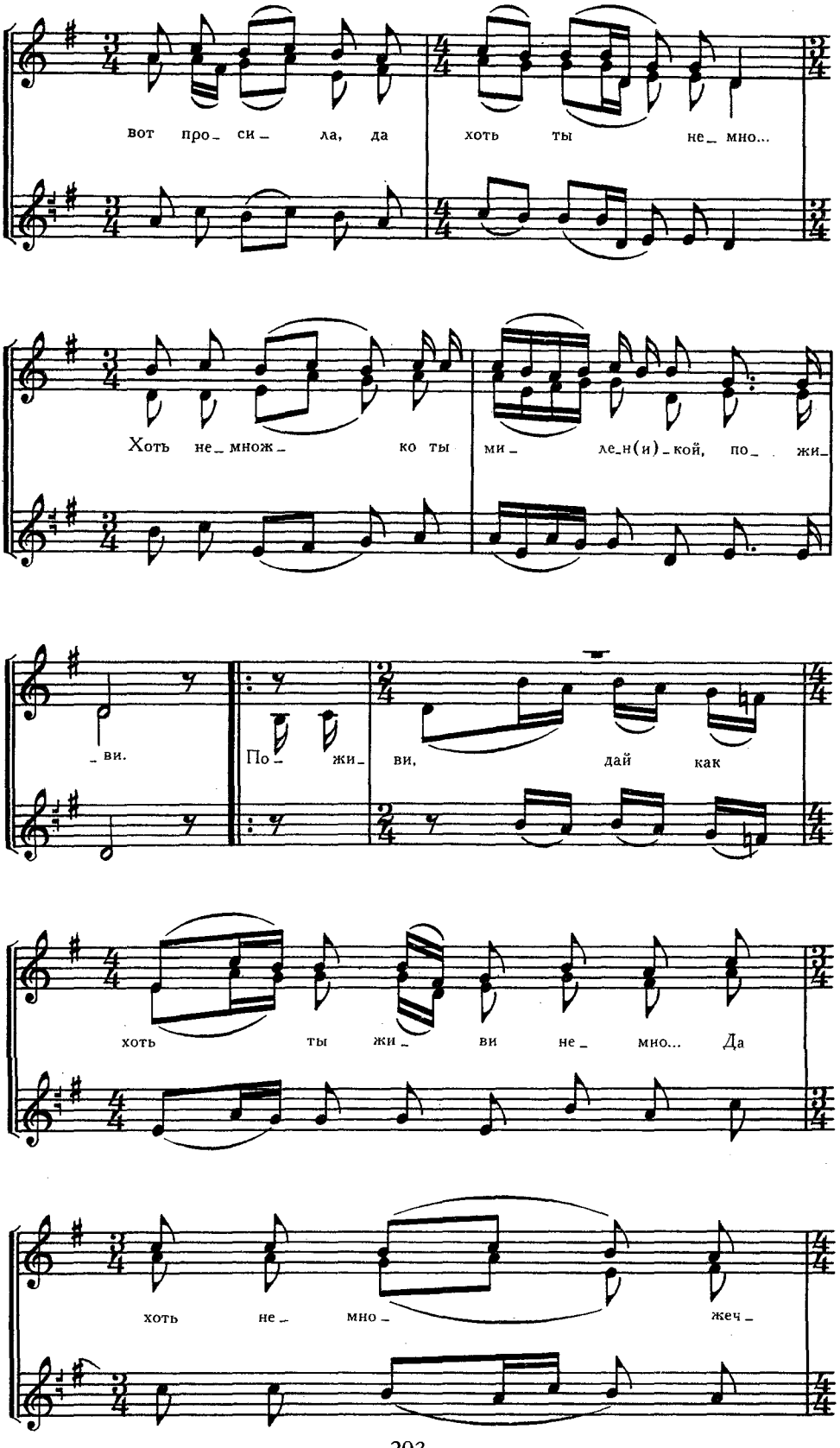

он то жи_ вет,
ми_ лой, рас_ хо_ ро_
шой, кра си_ вой На ве_
_се_ лой, ой, да на ве_се_
_ле_ н(и)_ кой даль_ ней сто_ ро_ не.

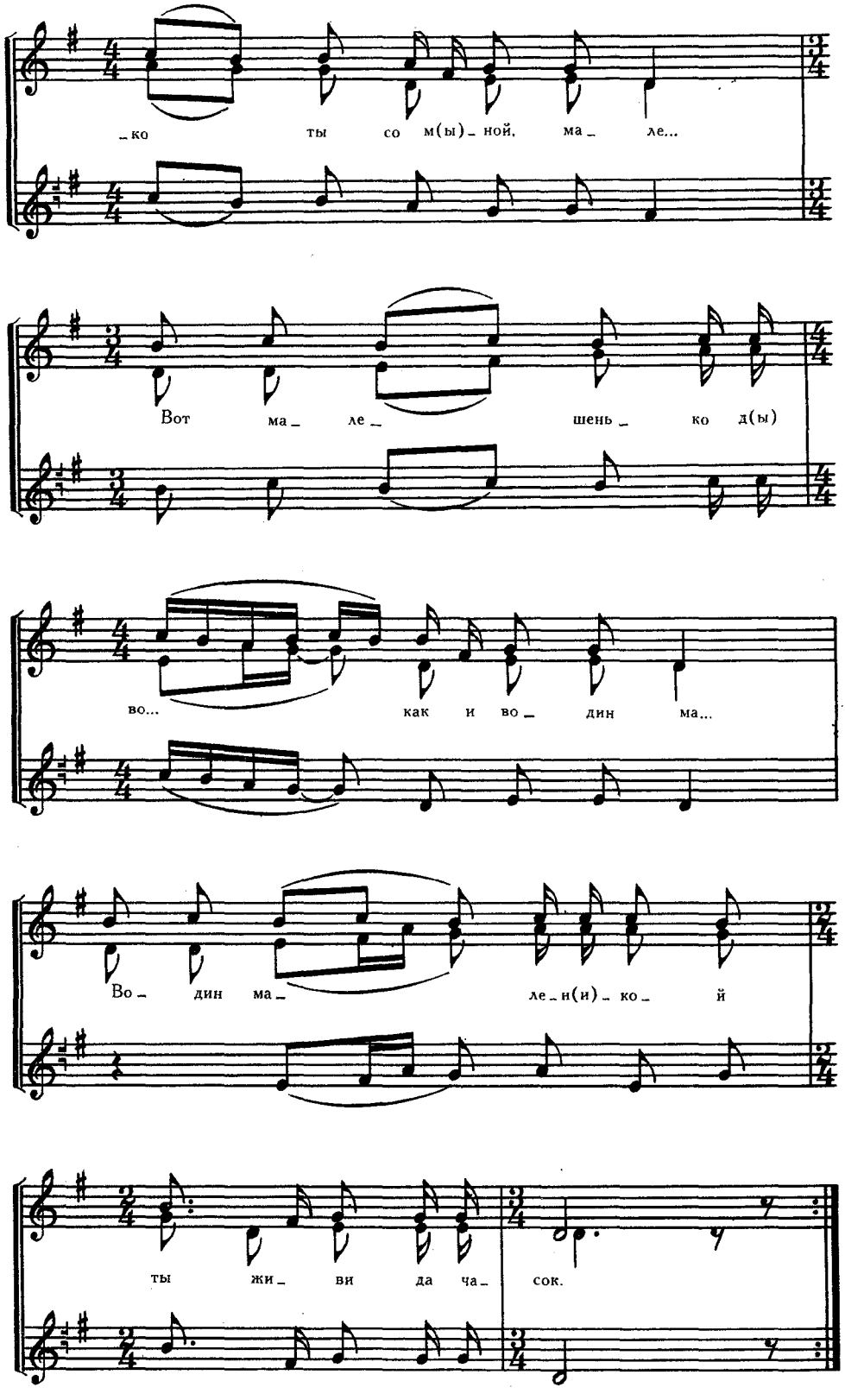

♩= 52
Тя_ нет, ду_ ет с мо_. рюш_ ка
ой, да
воз_ дух, Да из са_
_до_ (о)_ чи_ ку ли_ стьё рвё. Со_ ры_
_ва_ ёт со дрёв ли_стьё зе_

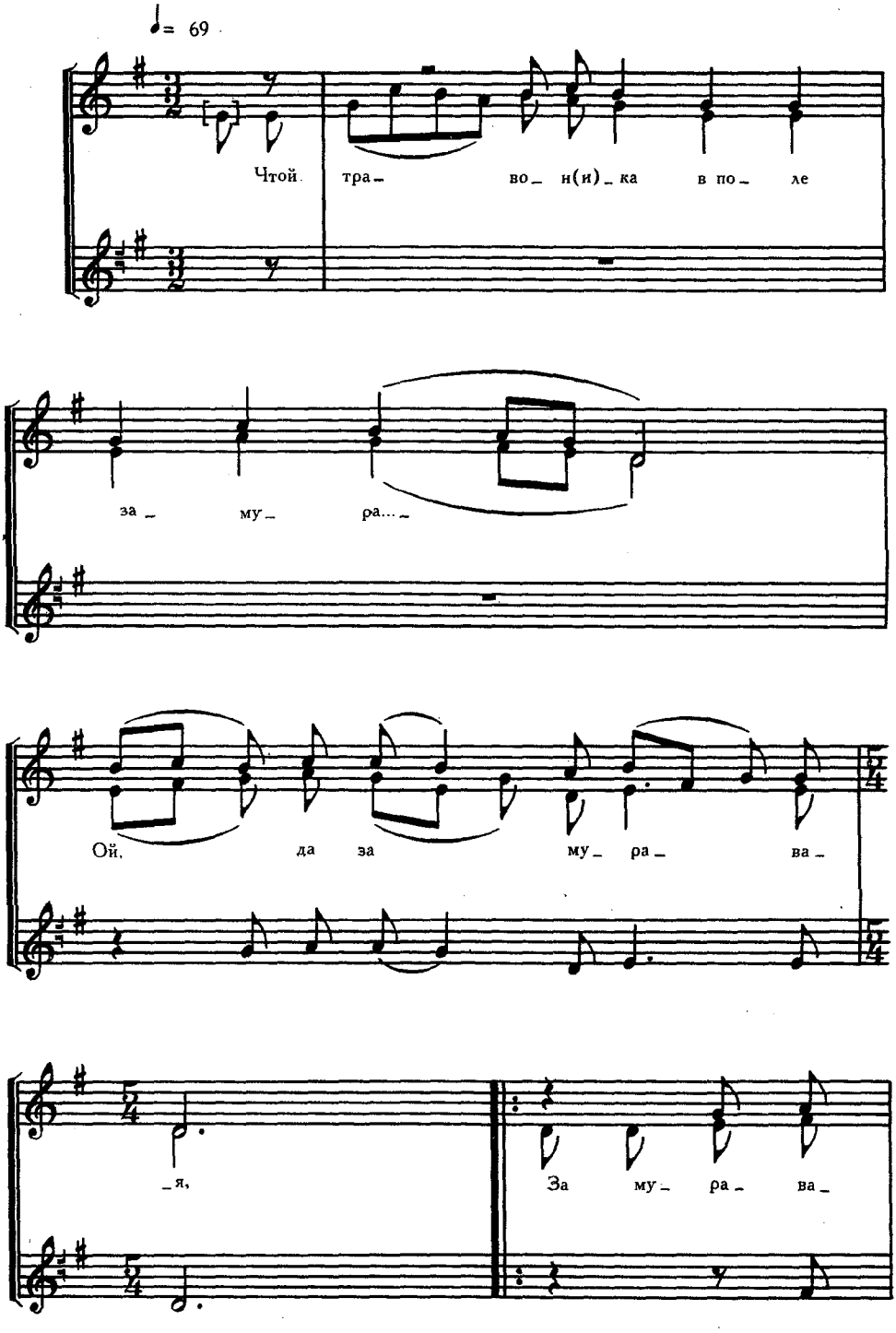

_ле_ не_ н(и)_ ко. Да путь- до_
_ро_ (о)_ жень_ ку ми_ лой у_ сти_ лат.

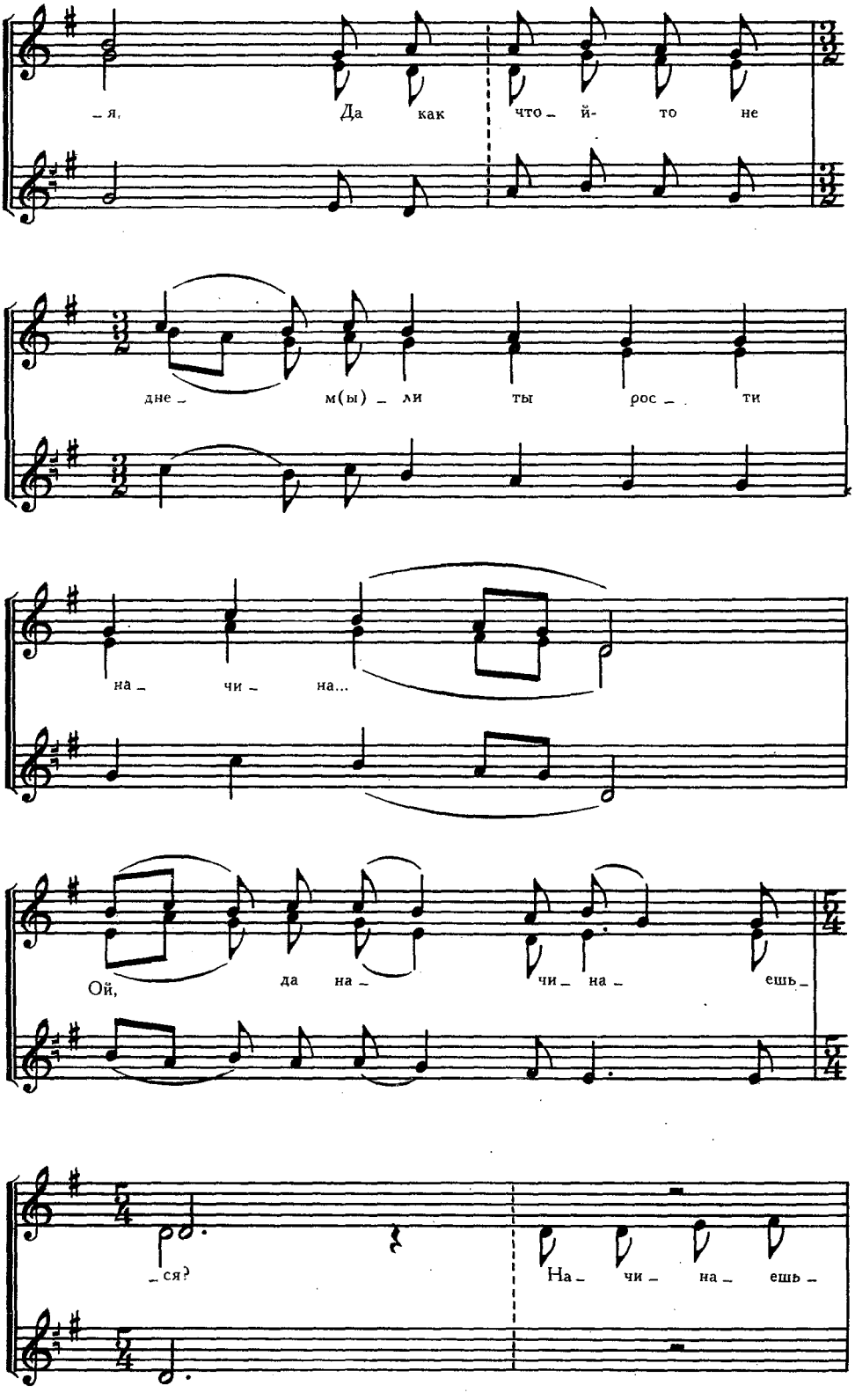
24

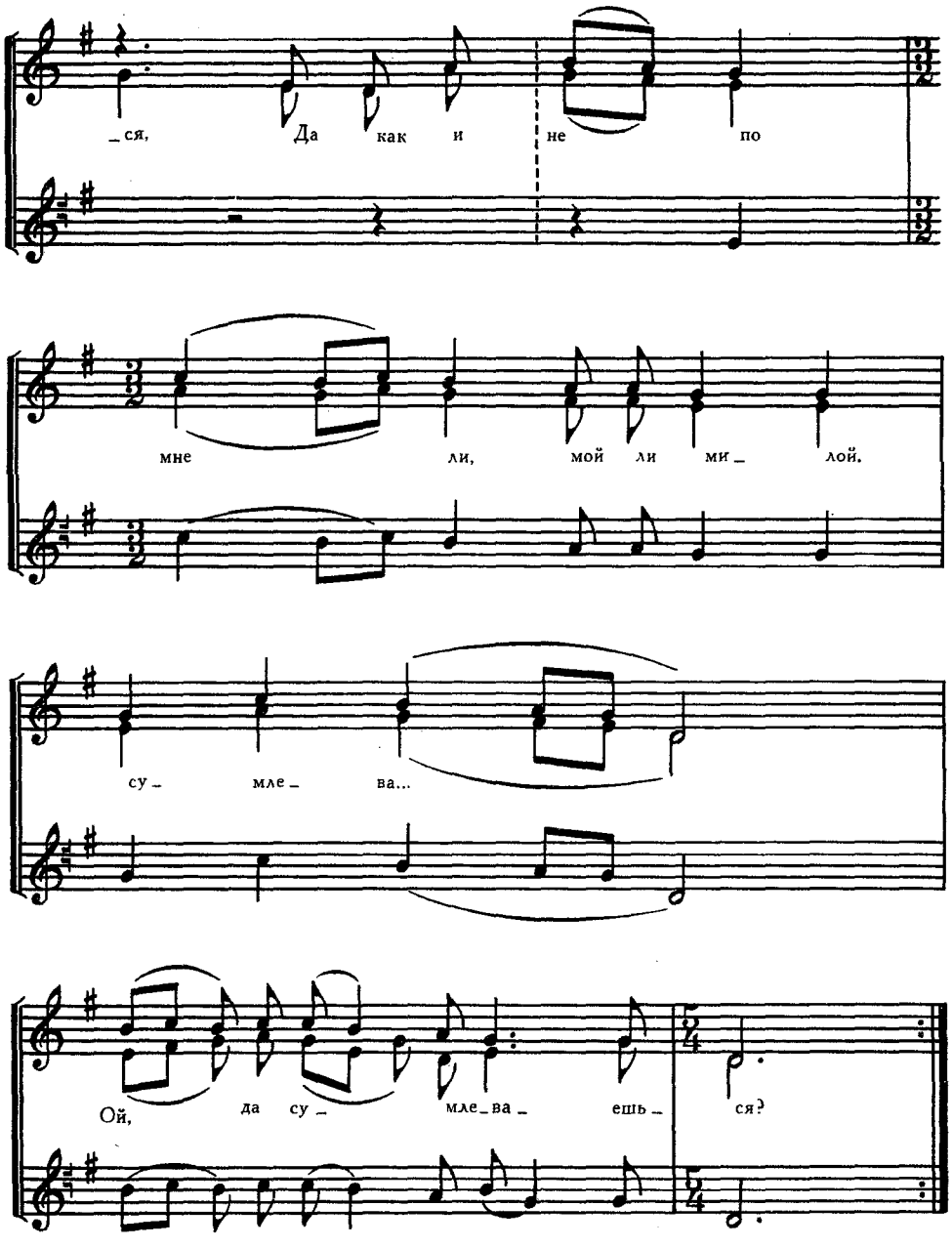

♩= 69
...С у_ ва_ жень_ и_ це_ м(ы)
ми_ ле_н(и)_ко_ го про_ си... Да

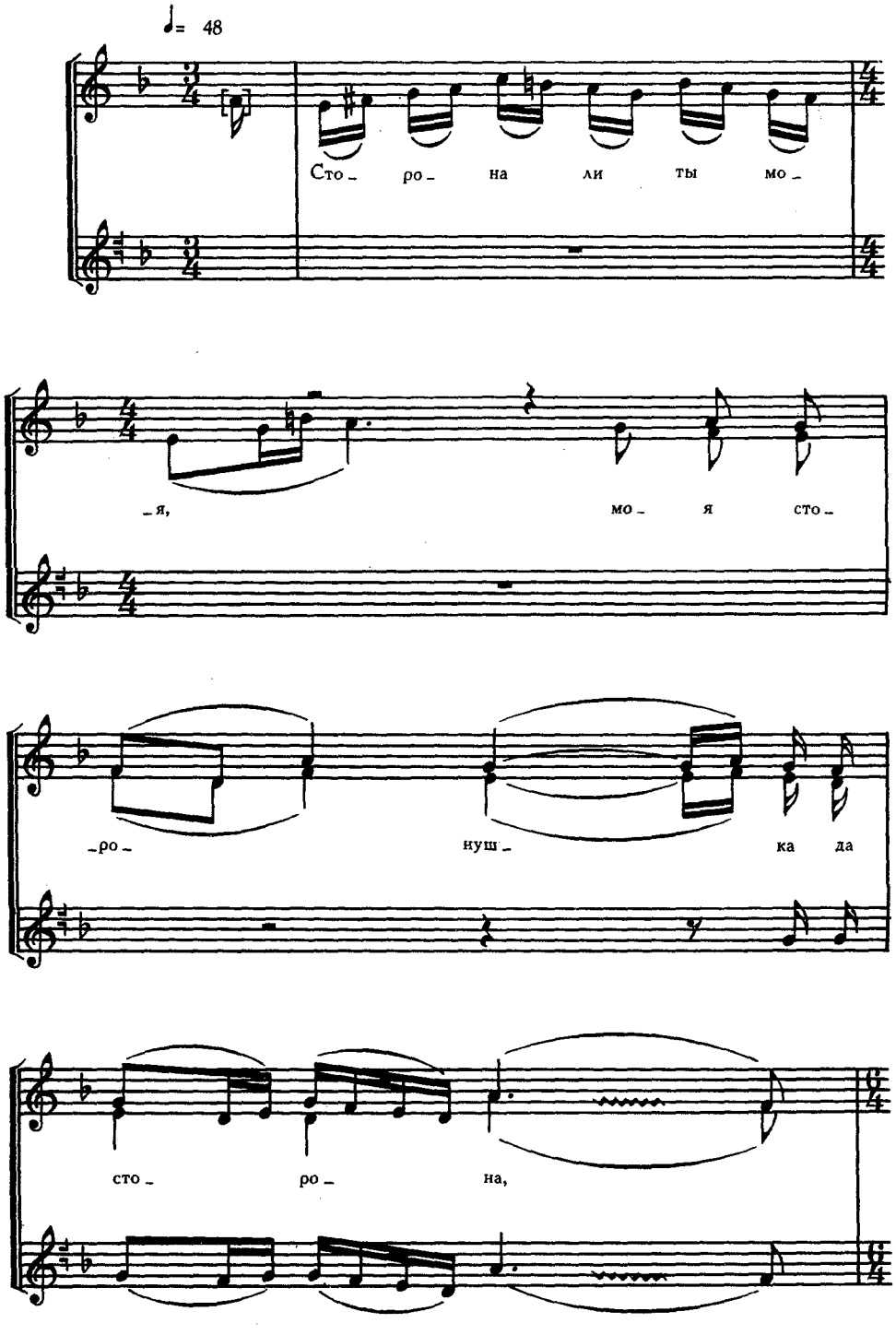

вот про_ си_ ла, да хоть ты не_ мно...
Хоть не_ множ_ ко ты ми_ ле_н(и)_кой, по_ жи_
_ви. По_ жи_ ви, дай как
хоть ты жи_ ви не_ мно... Да
хоть не_ мно_ жеч_

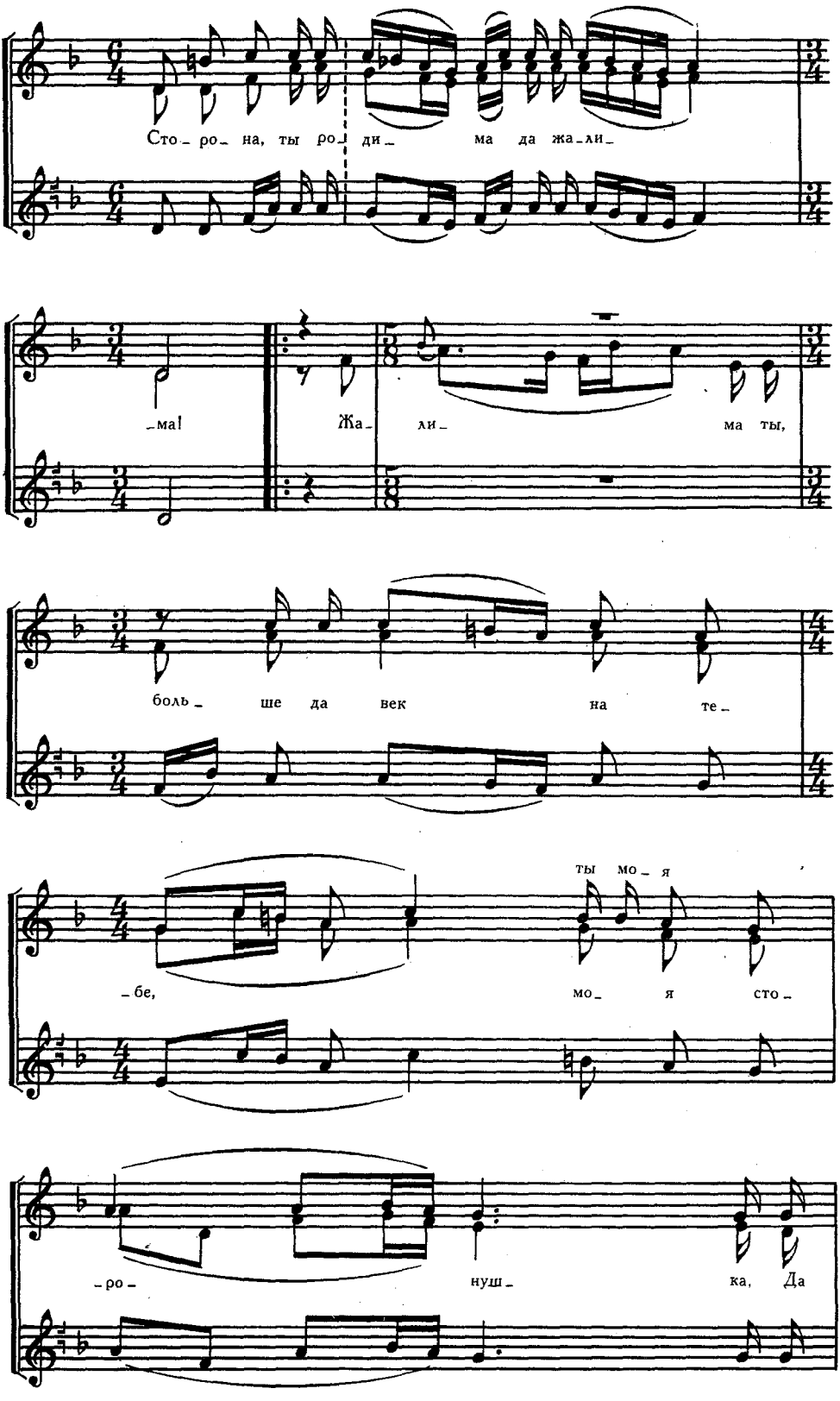

_ко ты со м(ы)_ной, ма_ ле...
Вот ма_ ле_ шень_ ко д(ы)
во... как и во_ дин ма...
Во_ дин ма_ ле_н(и)_ко_ й
ты жи_ ви да ча_ сок.

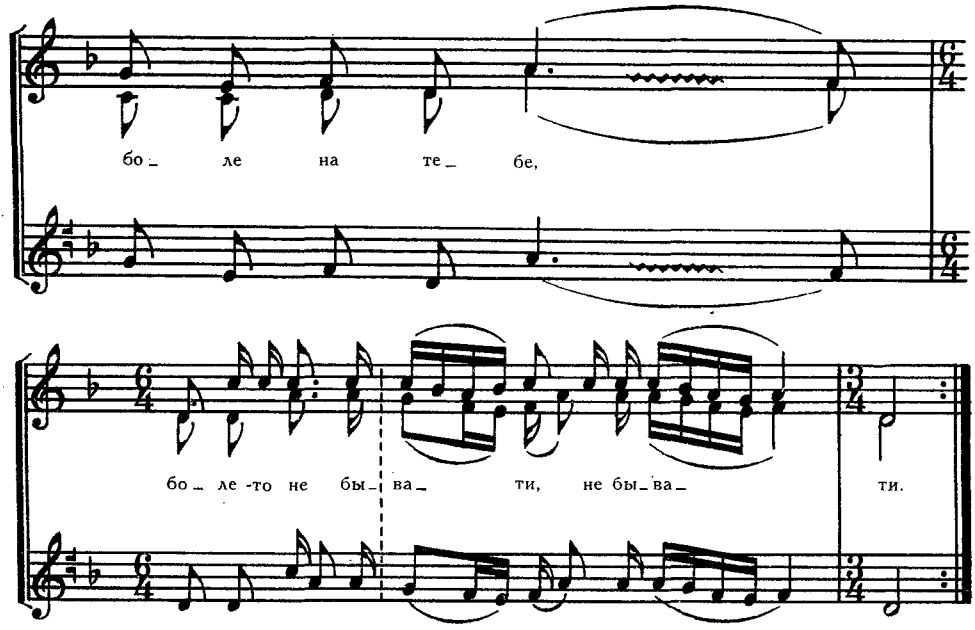

♩= 69
Чтой тра_ во_ и(и)_ка в по_ ле
за_ му_ ра..._
Ой, да за му_ ра_ ва_
_я, За му_ ра_ ва_


_я,
Да как что_ й- то не
дне_ м(ы)_ ли ты рос_ ти
на_ чи_ на...
Ой, да на_ чи_ на_ ешь_
_ся?
На_ чи_ на_ ешь_

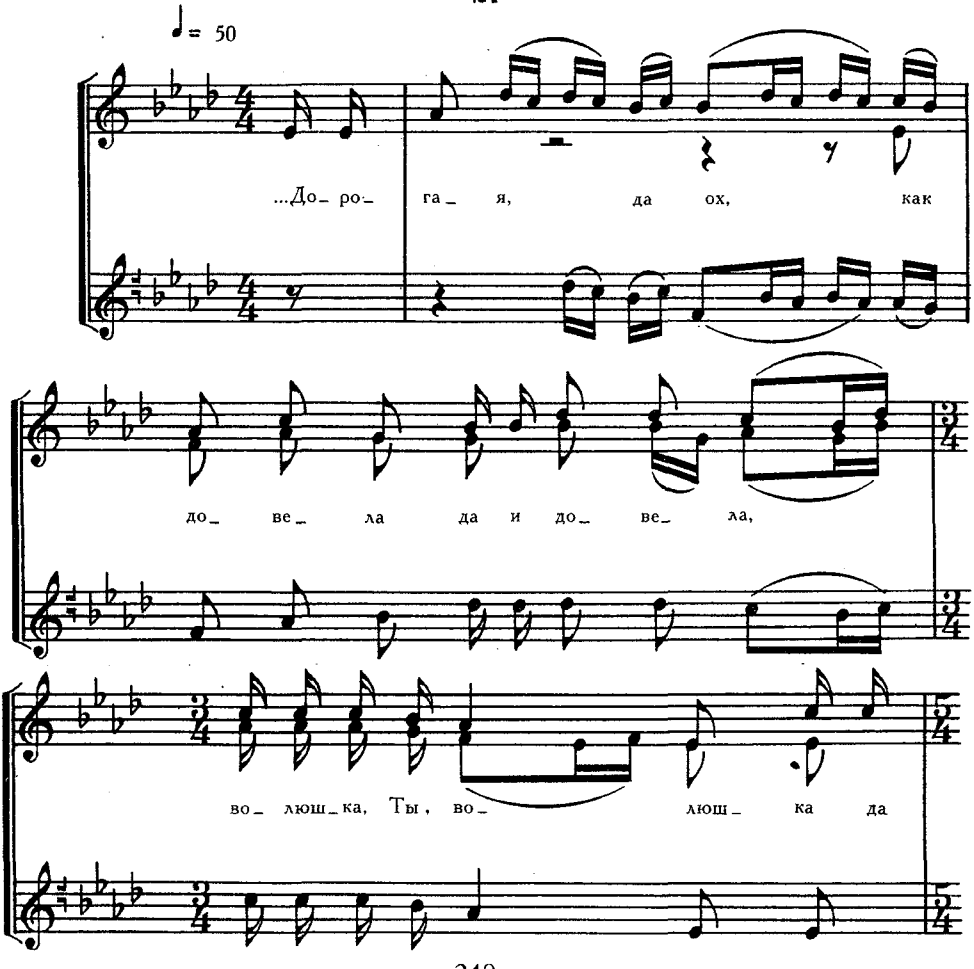

_ся, Да как и не по
мне ли, мой ли ми_ лой.
су_ мле_ ва...
Ой, да су_ мле_ва_ ешь_ ся?

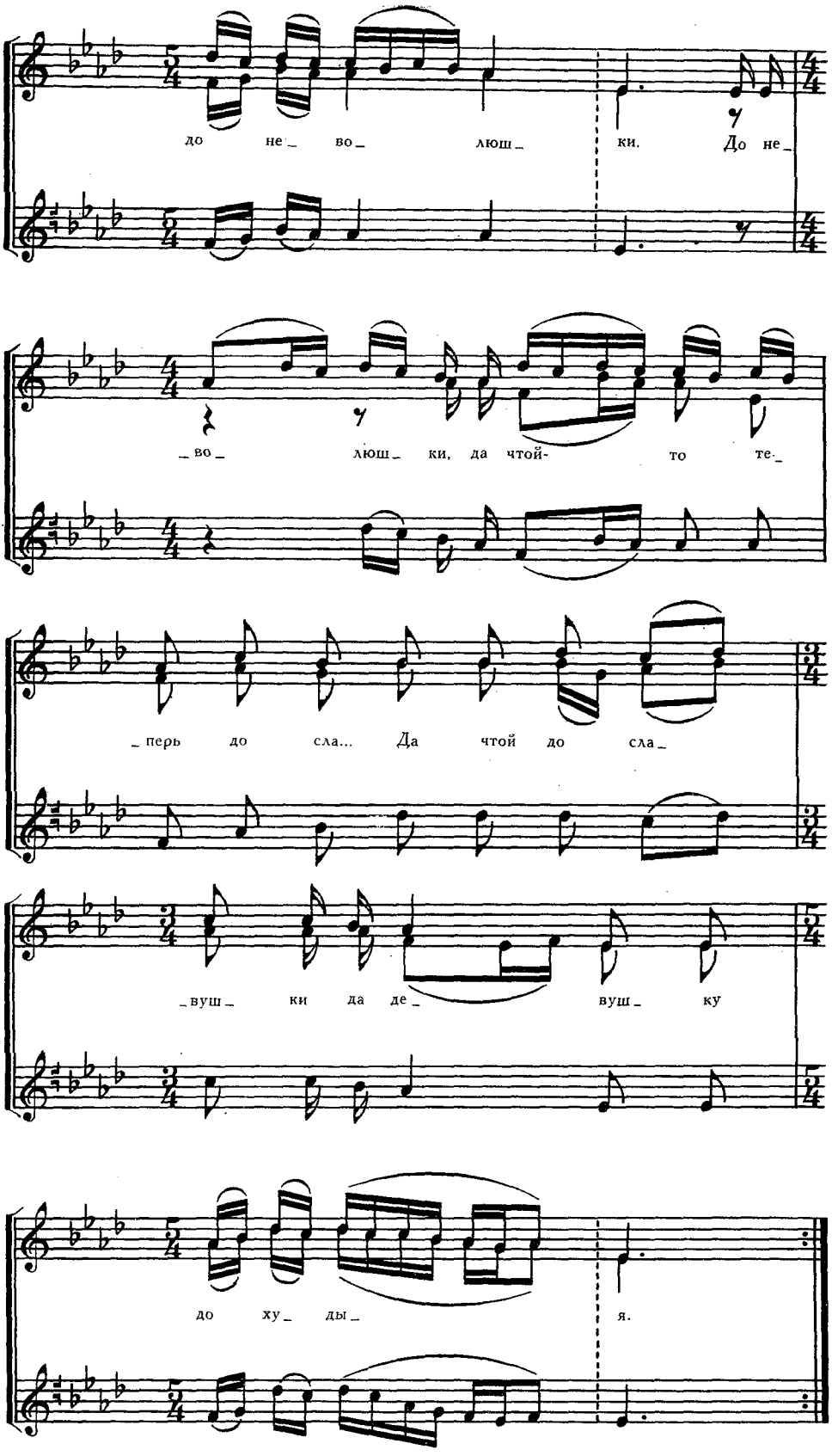

♩= 48
Сто_ ро_ на ли ты мо_
_я, мо_ я сто_
_ро_ нуш_ ка да
сто_ ро_ на,

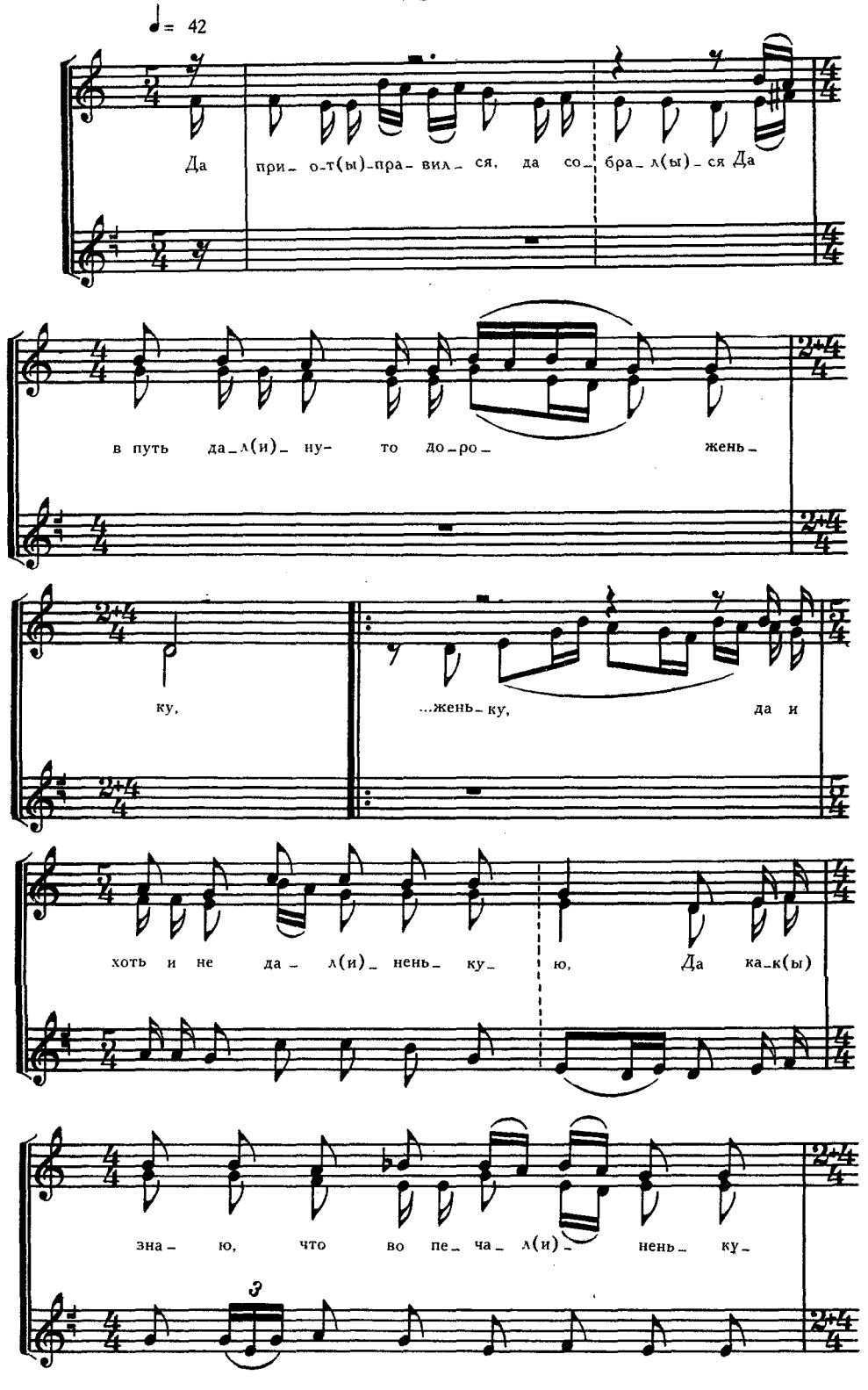

Сто_ро_на, ты ро_ди_ ма да жа_ли_
_ма! Жа_ ли_ ма ты,
боль_ ше да век на те_
ты мо_я
_бе, мо_ я сто_
_ро_ нуш_ ка, Да

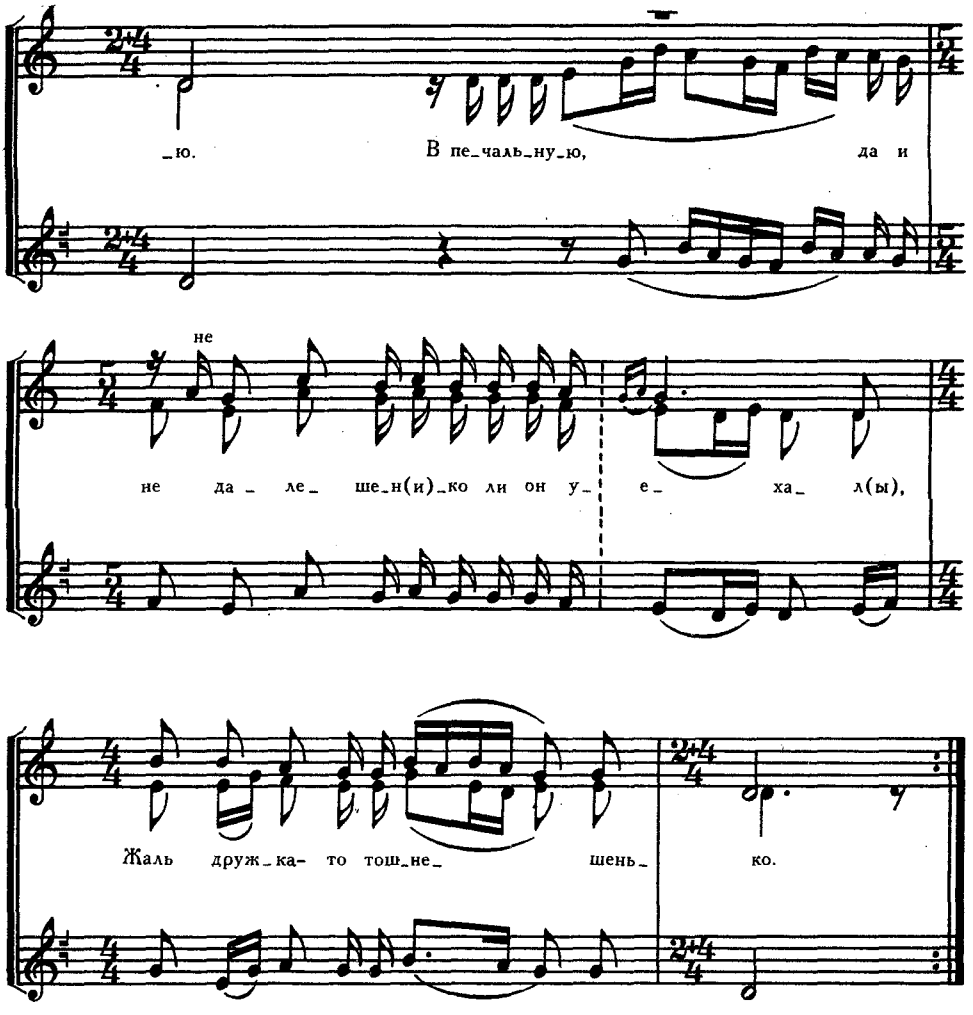

бо_ ле на те_ бе,
бо_ ле-то не бы_ва_ ти, не бы_ва_ ти.

27

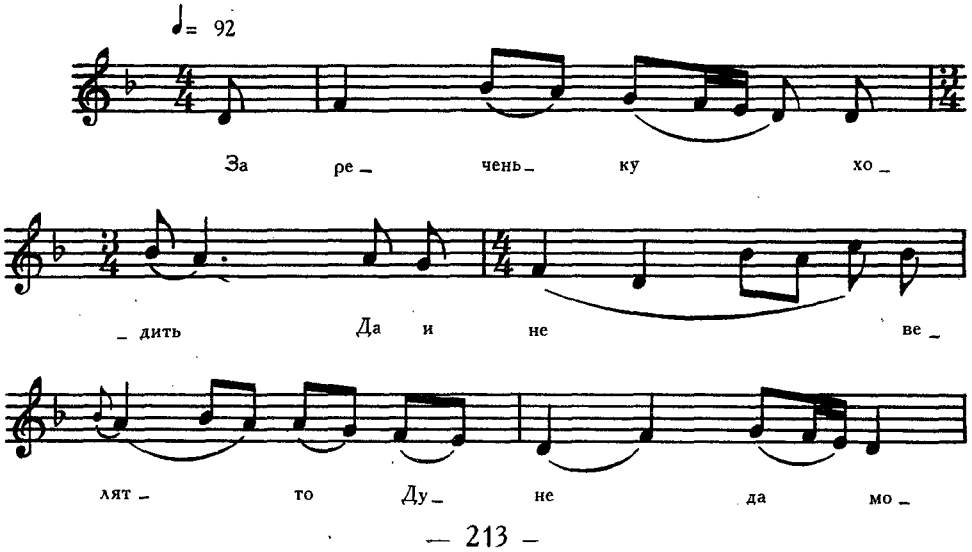

♩= 50
...До_ро_ га_ я, да ох, как
до_ ве_ ла да и до_ ве_ ла,
во_ люш_ка, Ты, во_ люш_ ка да

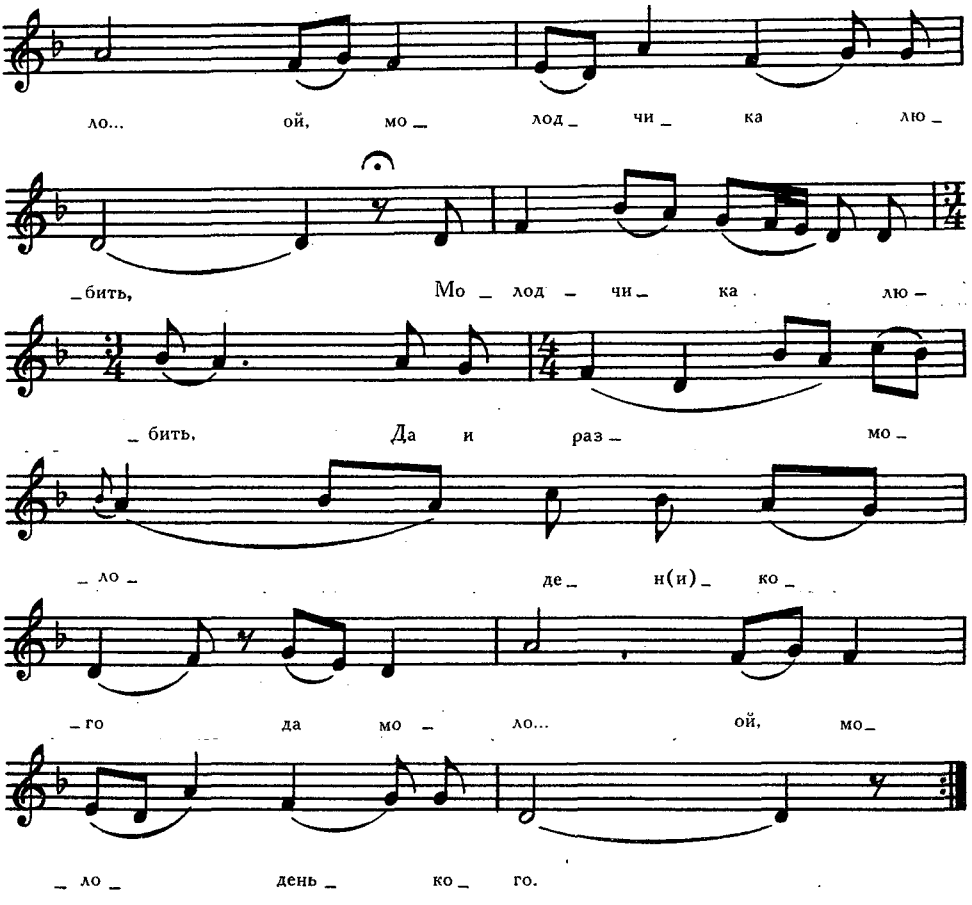

до не_ во_ люш_ ки. До не_
_во_ люш_ ки, да чтой- то те_
перь до сла... Да чтой до сла
вуш ки да де_ вуш_ ку
до ху_ ды_ я.


♩= 42
Да при- о-т(ы)-пра- вил- ся, да со- бра- л(ы)- ся Да
в путь да-л(и)- ну- то до-ро- жень-
ку,
...жень- ку, да и
хоть и не да- л(и)- нень- ку- ю, Да ка-к(ы)
зна- ю, что во пе- ча- л(и)- нень- ку-
3

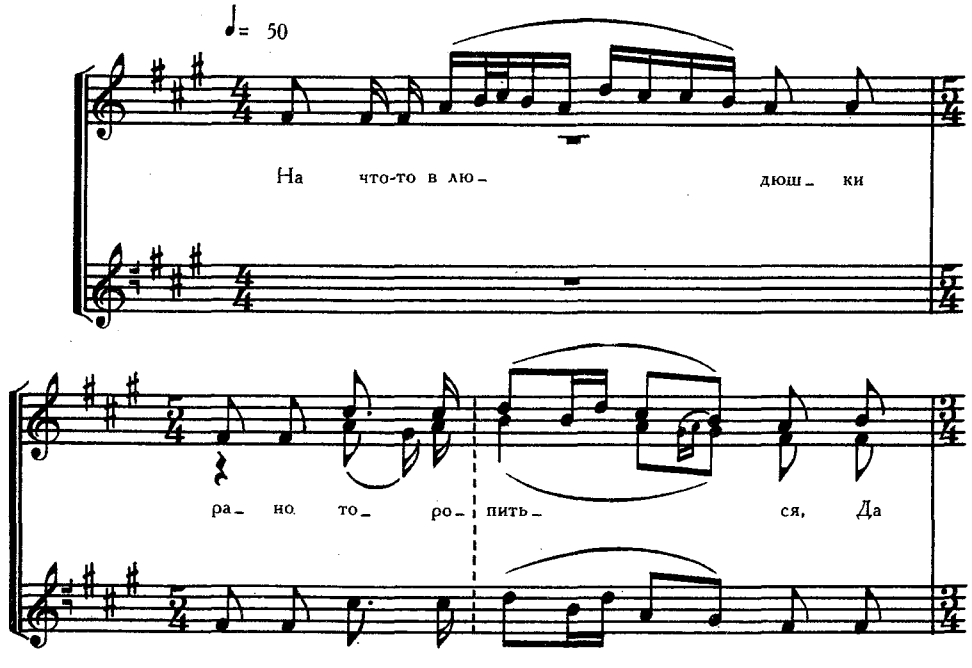

_ю.
В пе_чаль_ну_ю,
да и
не
не да_ле_ше_н(и)_ко ли он у_е_ха_л(ы),
Жаль друж_ка_ то тош_не_ шень_ко.

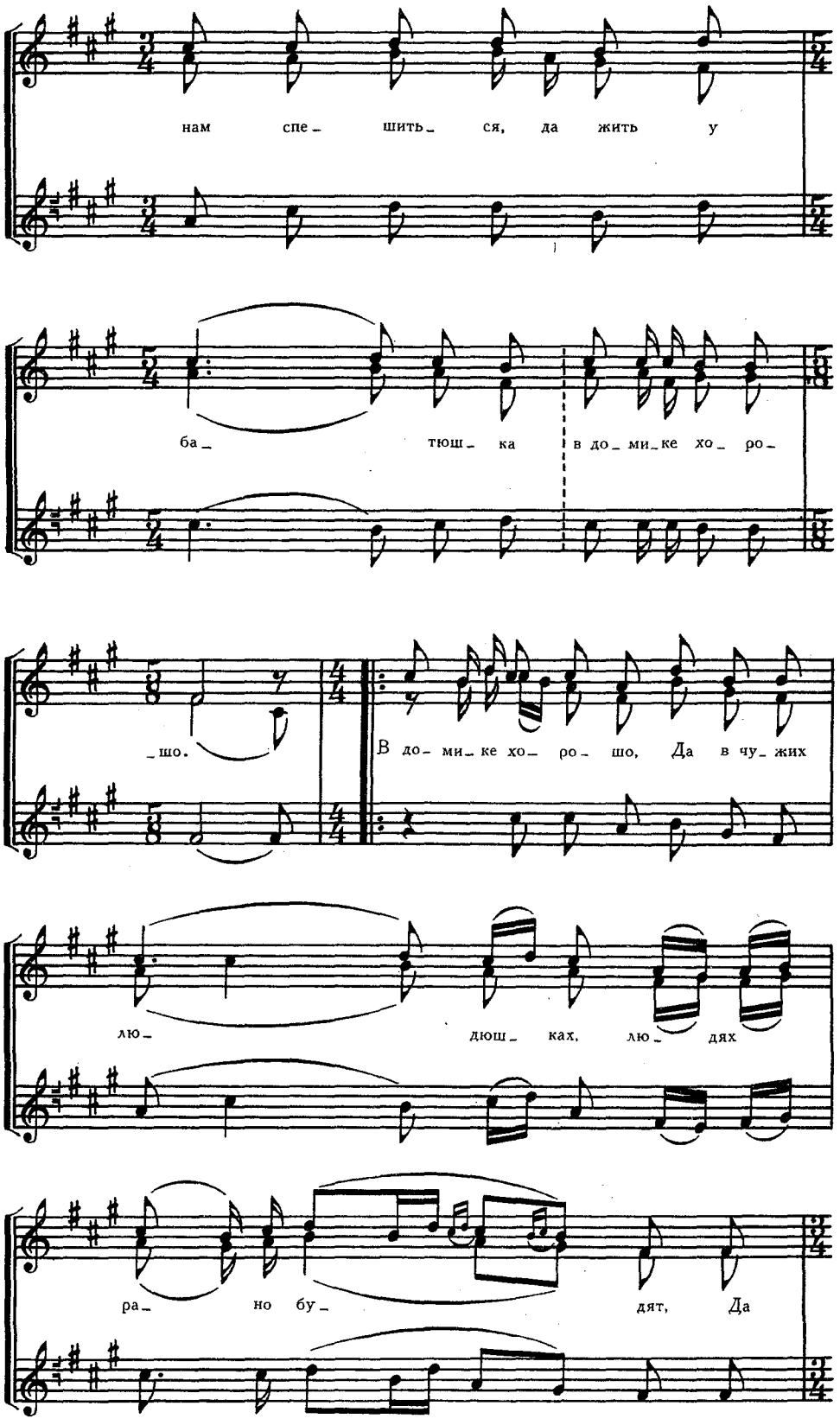
29

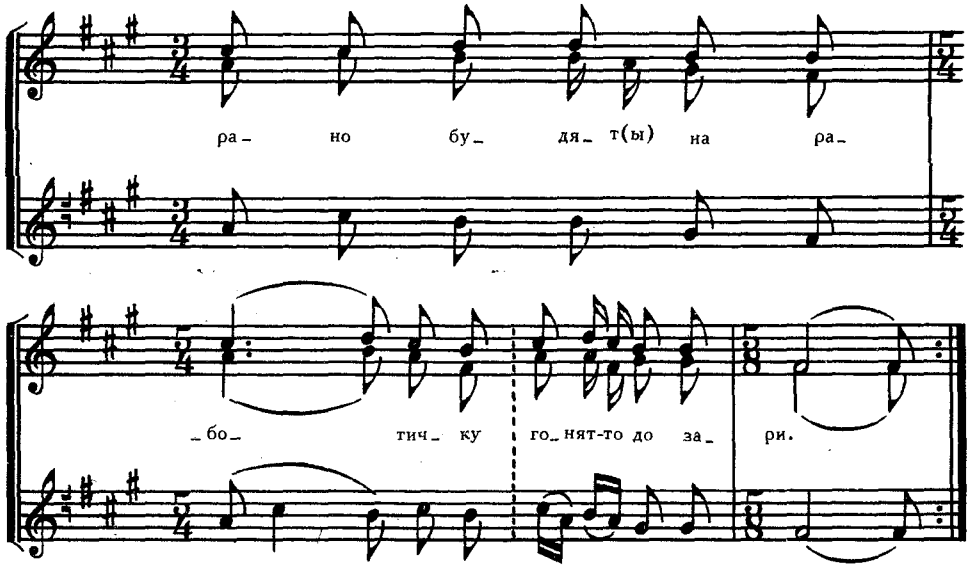

♩= 92
За ре_ чень_ ку хо_
_ дить
Да и не ве_
лят_ то Ду_ не да мо_


ло... ой, мо_ лод_ чи_ ка лю_
бить, Мо лод_ чи_ ка лю_
бить, Да и раз мо_
_ло_ де_ н(и)_ ко_
_го да мо_ ло... ой, мо_
_ло_ день_ ко_ го.

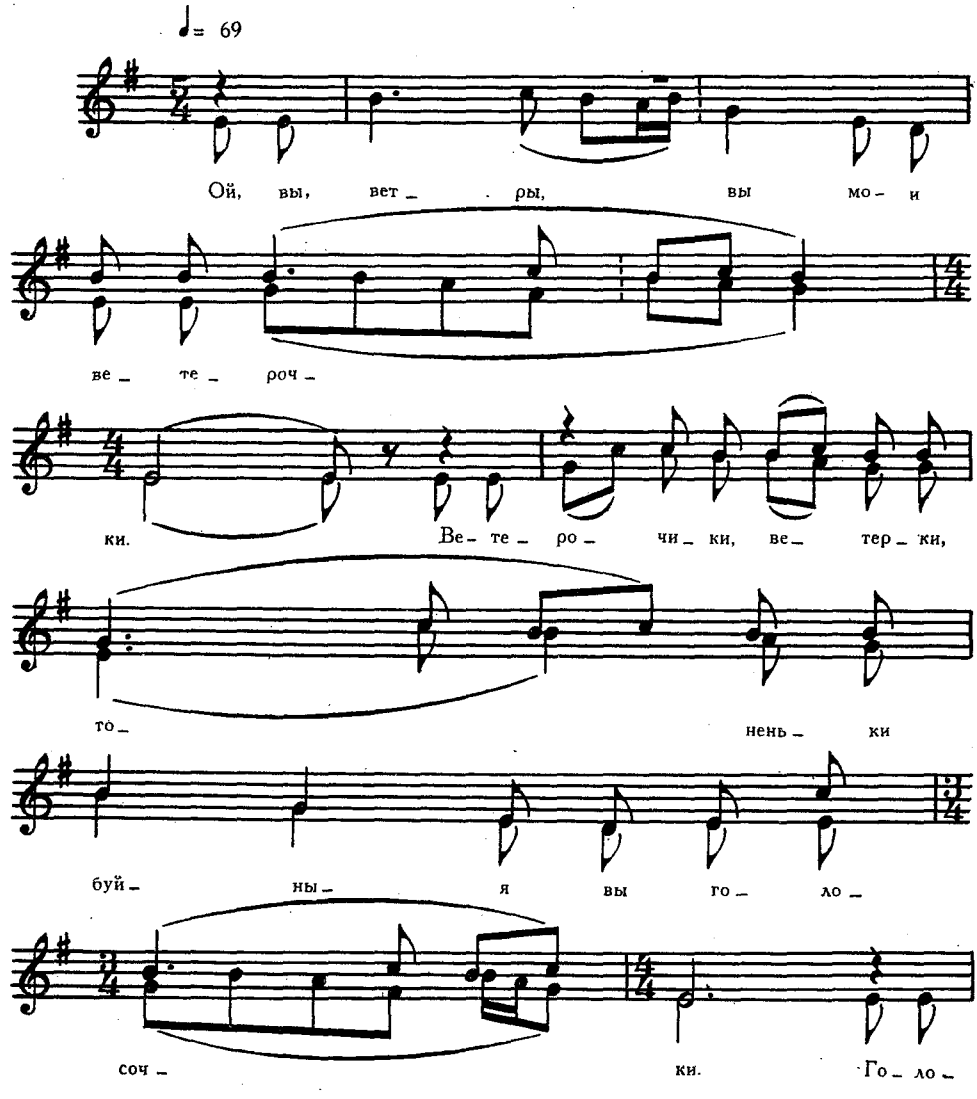
30

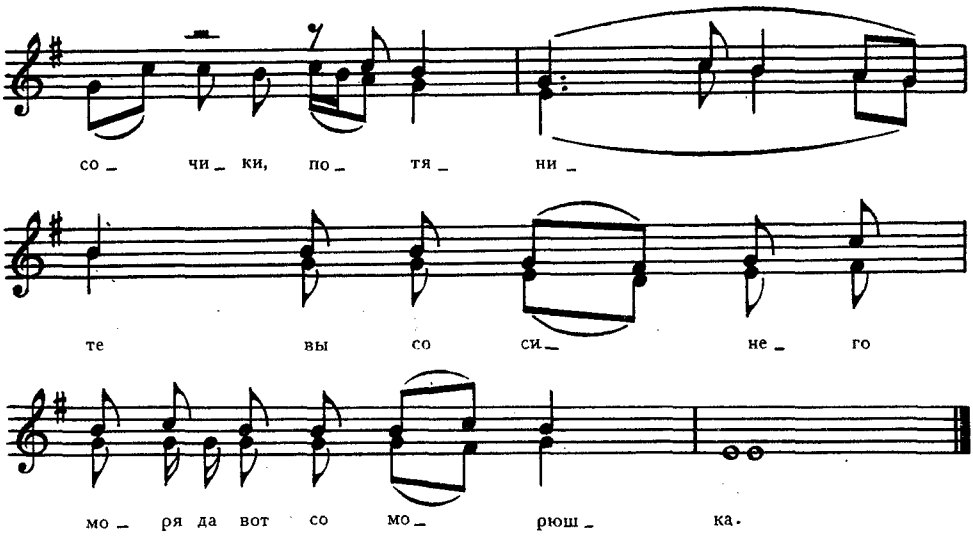

♩= 50
На что-то в лю_ дюш_ ки
ра_ но то_ ро_ пить_ ся, Да


нам спе_ шить_ ся, да жить у
ба_ тюш_ ка в до_ми_ке хо_ ро_
_шо.
В до_ми_ке хо_ ро_ шо, Да в чу_ жих
лю_ дюш_ ках, лю_ дях
ра_ но бу_ дят, Да

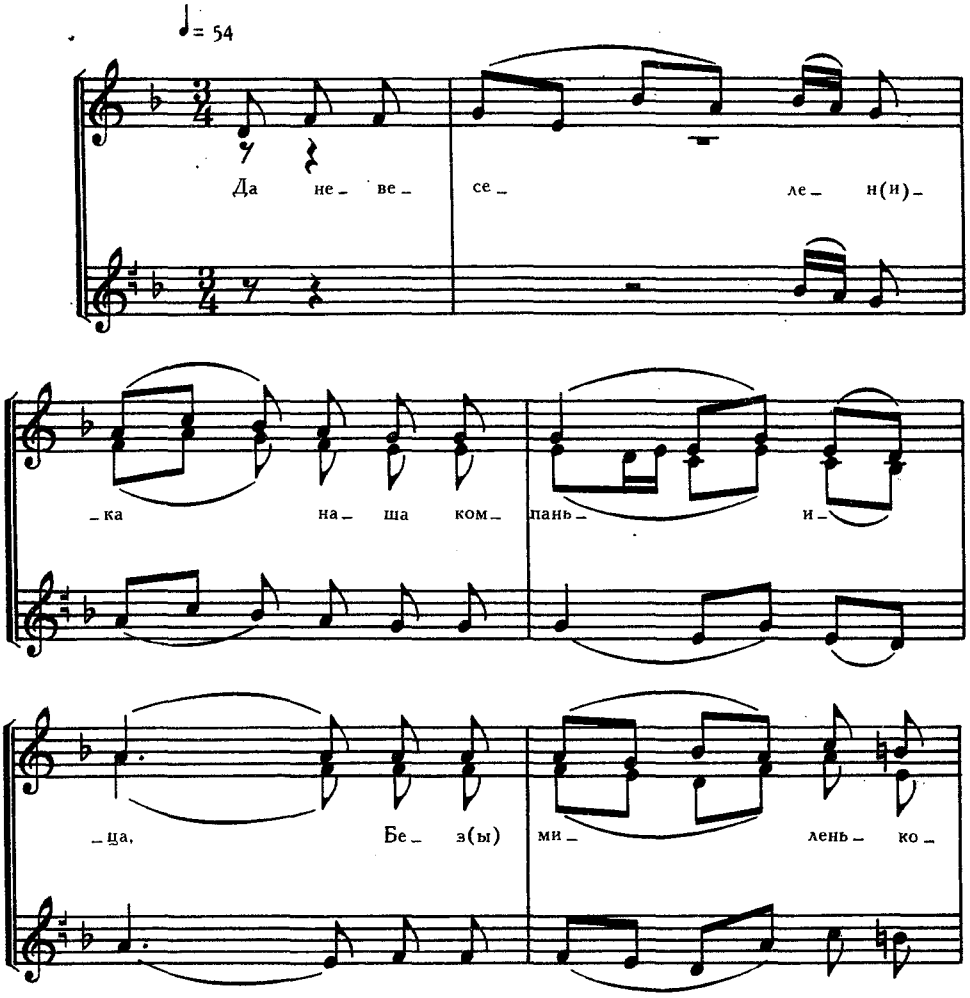

ра- но бу- дя- т(ы) на ра-
-бо- тич- ку го-нят-то до за- ри.

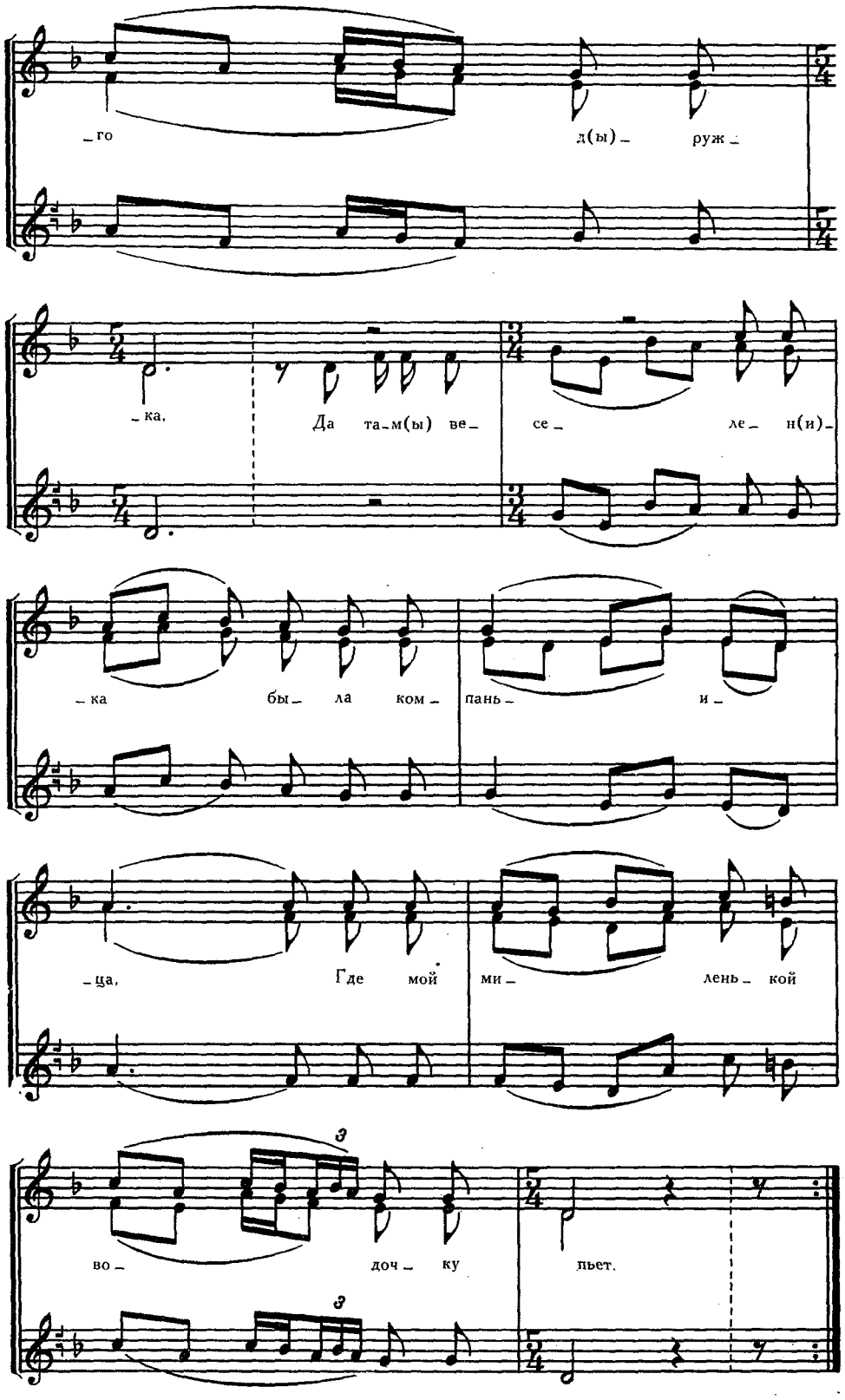
31

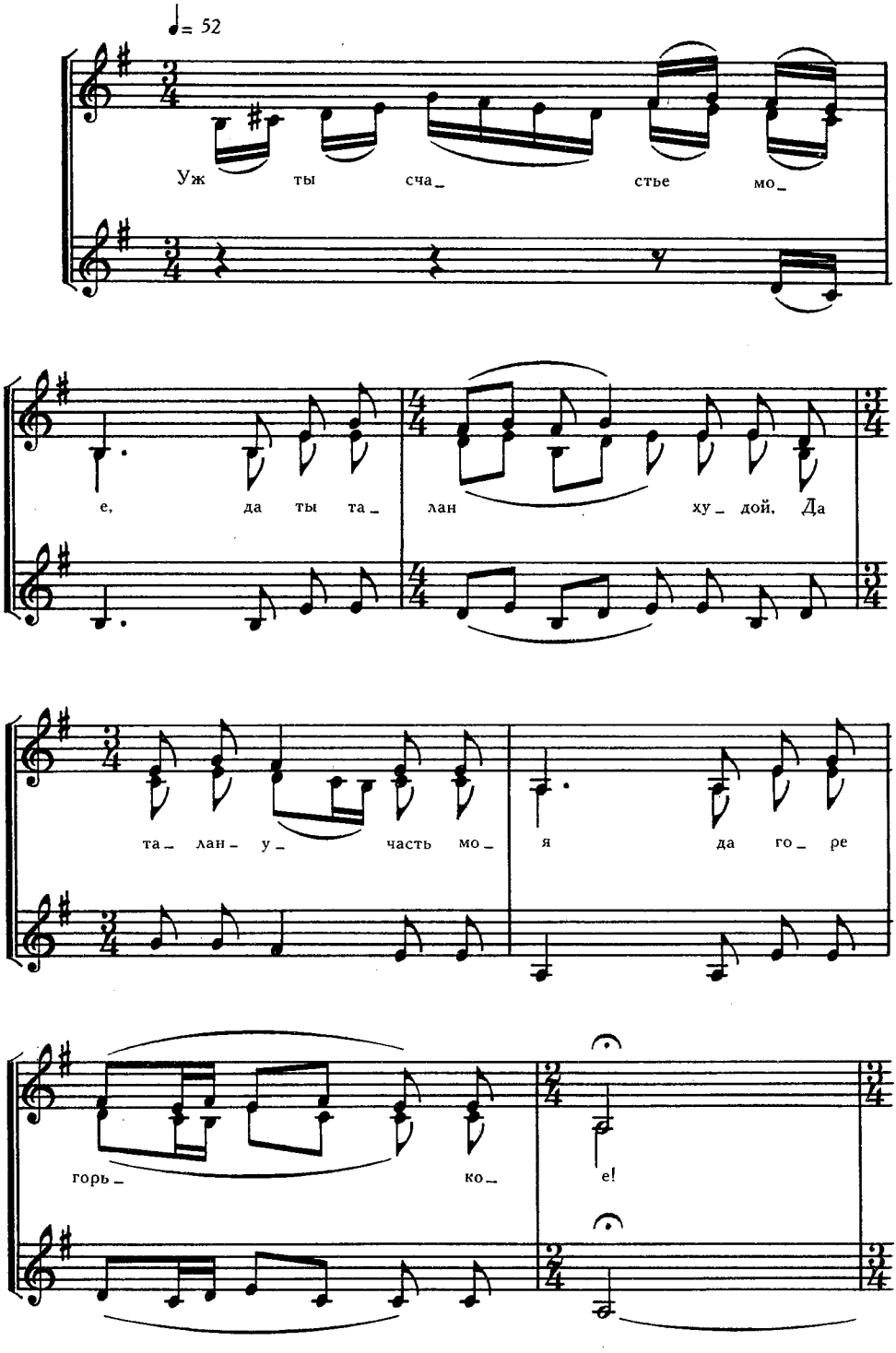

♩= 69
Ой, вы, вет- ры, вы мо- и
ве- те- роч-
ки. Ве- те- ро- чи- ки, ве- тер- ки,
то- нень- ки
буй- ны- я вы го- ло-
соч- ки. Го- ло-

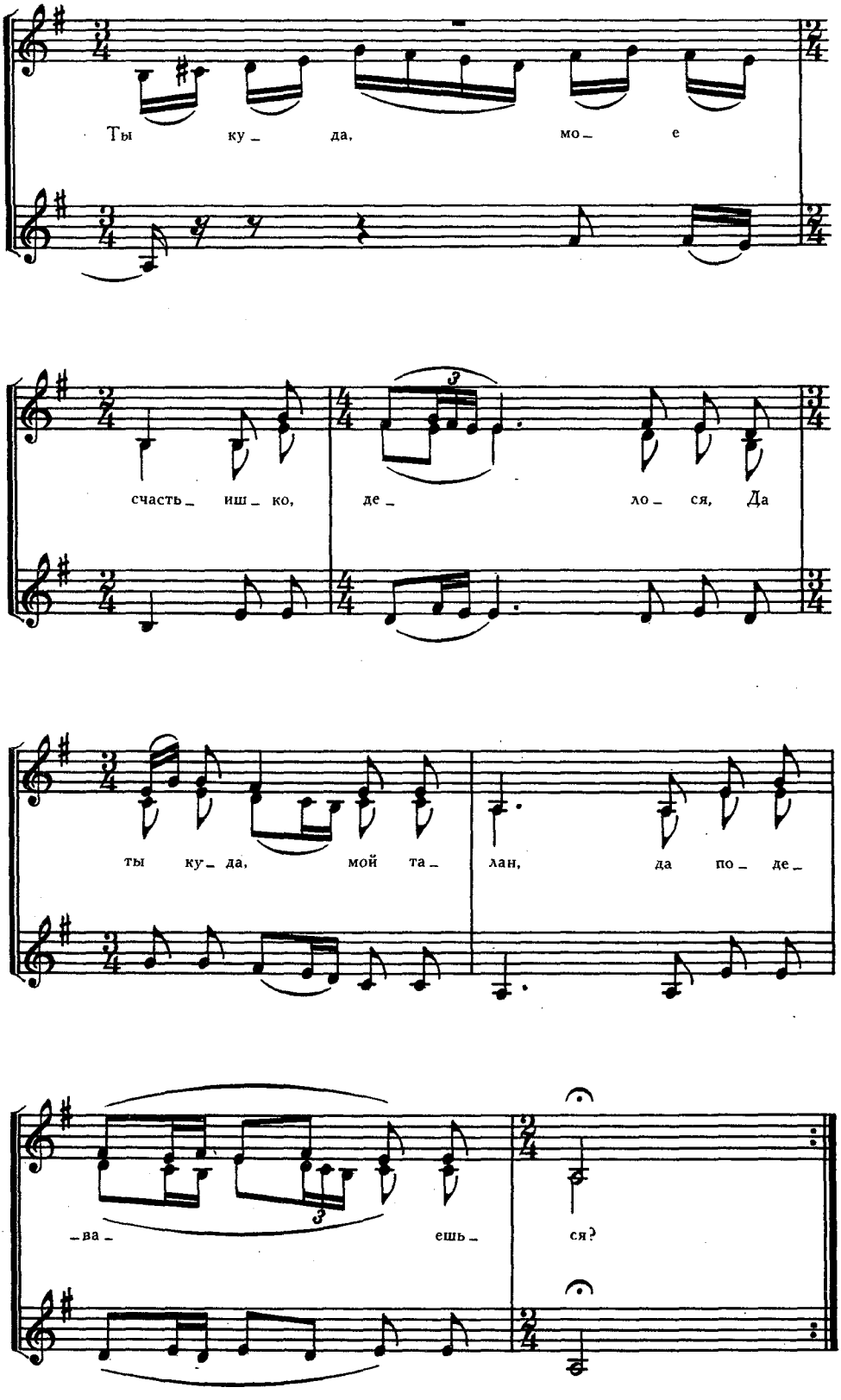

со_ чи_ ки, по_ тя_ ни_
те вы со си_ не_ го
мо_ ря да вот со мо_ рюш_ ка.

32

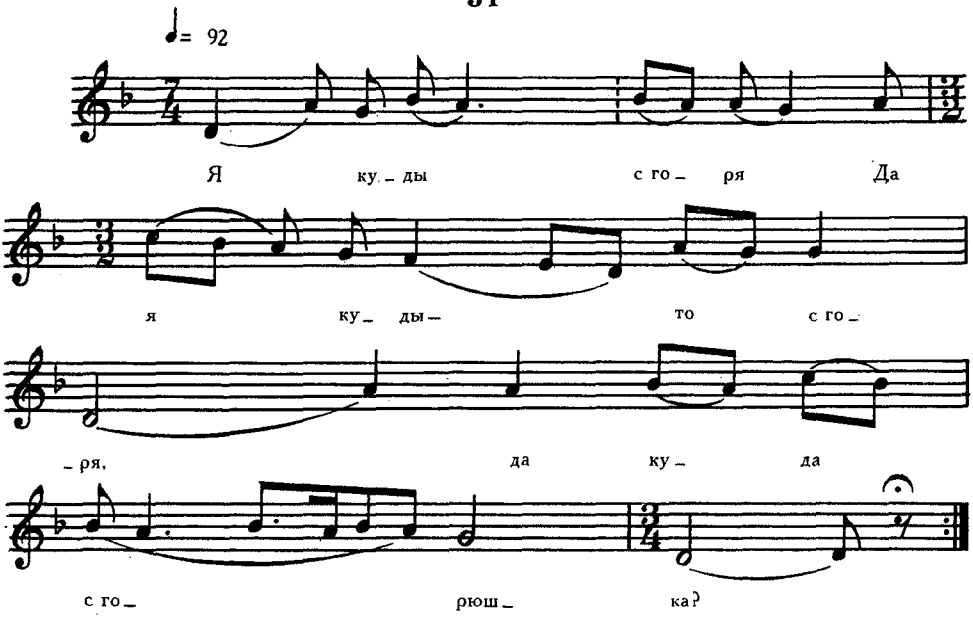

♩= 54
Да не_ ве_ се_ ле_ н(и)_
_ка на_ ша ком_ пань_ и_
_ца, Бе_ з(ы) ми_ лень_ ко_


_го д(ы)_ руж_
_ка, Да та_м(ы) ве_ се_ ле_ н(и)_
_ка бы_ ла ком_ пань_ и_
ца, Где мой ми лень_ кой
во_ доч_ ку пьет.

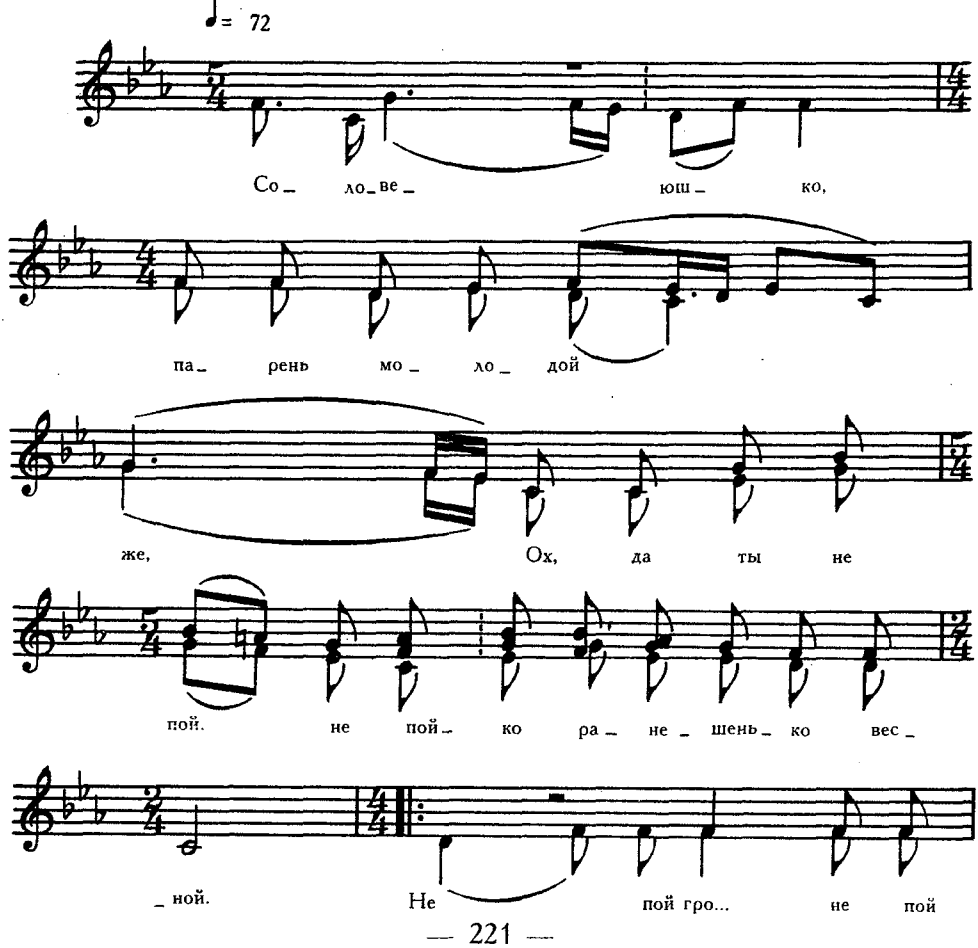

♩= 52
Уж ты сча_ стье мо_
е, да ты та_ лан ху_ дой. Да
та_ лан_ у_ часть мо_ я да го_ ре
горь_ ко_ е!

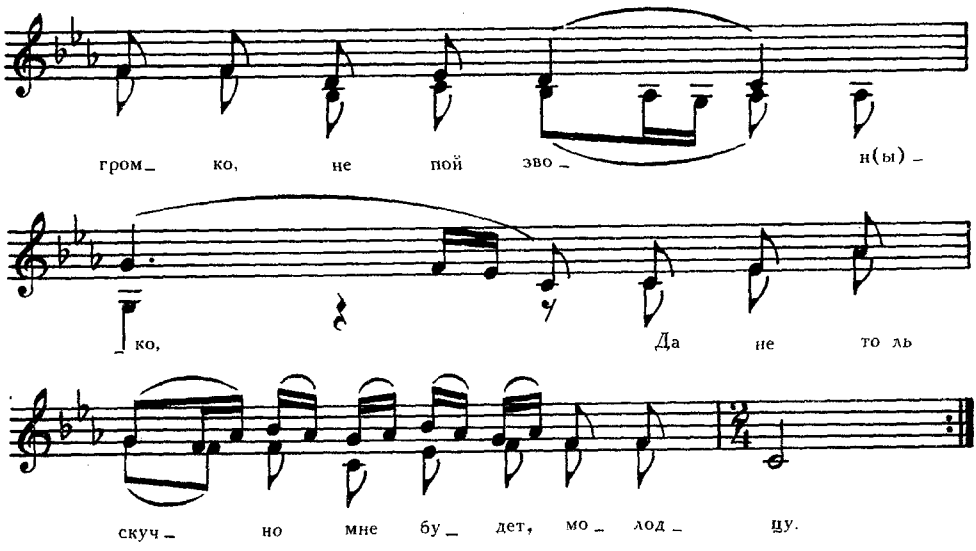

Ты ку_ да, мо_ е
счасть_ иш_ ко, де_ ло_ ся, Да
ты ку_ да, мой та_ лан, да по_ де_
_ва_ ешь_ ся?

34

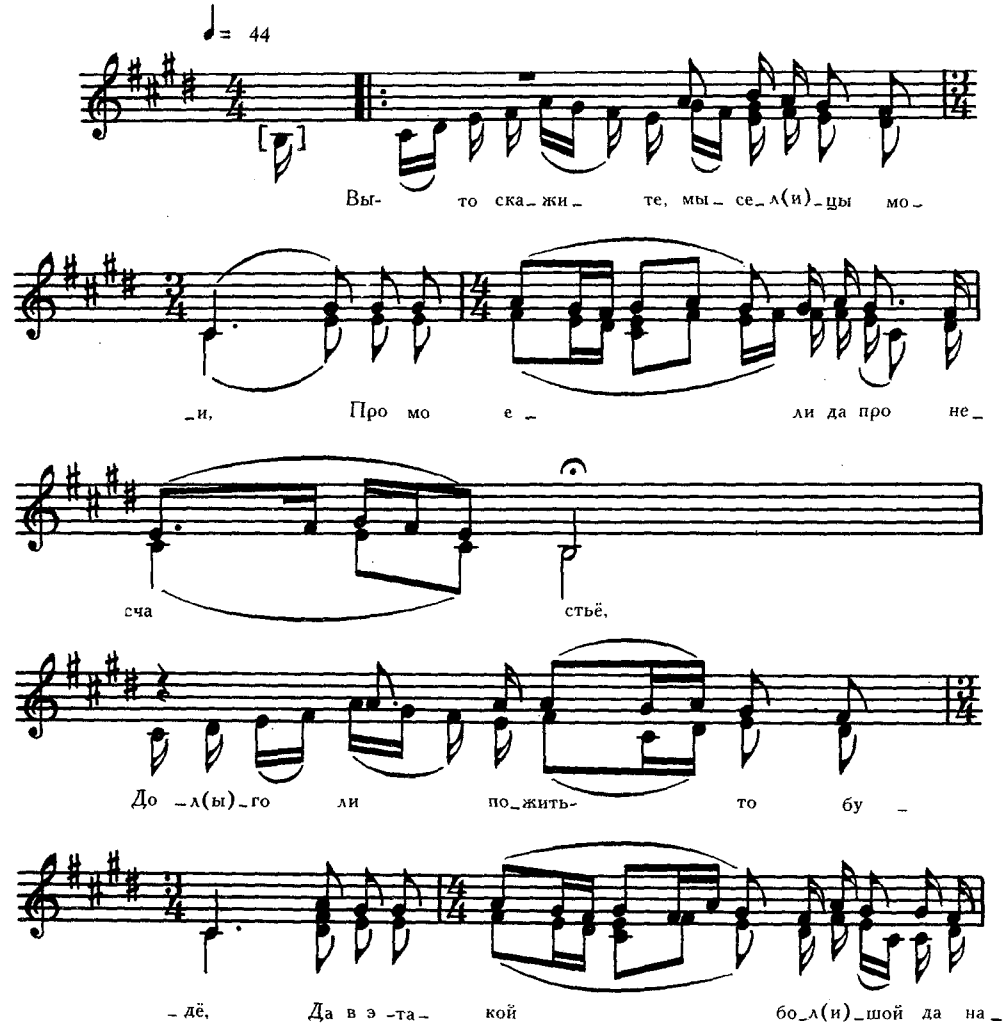

♩= 92
Я ку_ ды с го_ ря Да
я ку_ ды_ то с го_
_ря, да ку_ да
с го_ рюш_ ка?

35


♩= 72
Со_ ло_ве_ юш_ ко,
па_ рень мо_ ло_ дой
же, Ох, да ты не
пой. не пой_ ко ра_ не_ шень_ ко вес_
_ной. Не пой гро... не пой

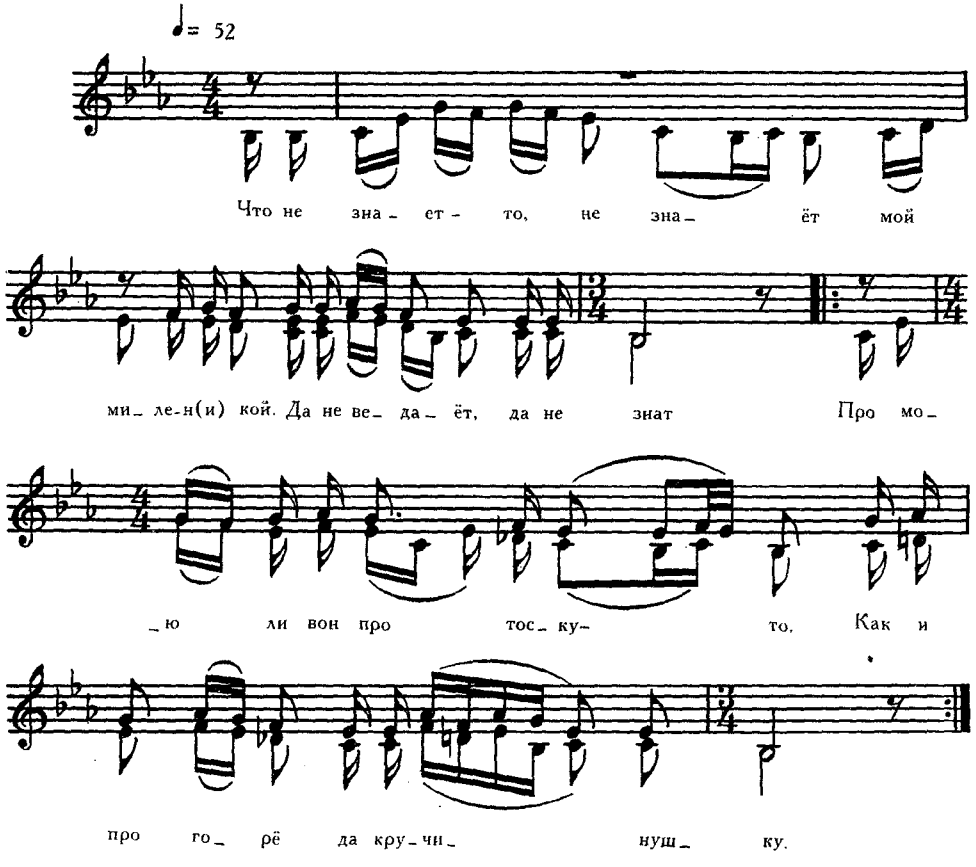

гром_ ко, не пой зво_ н(ы)_
_ко, Да не то ль
скуч_ но мне бу_ дет, мо_ лод_ цу.

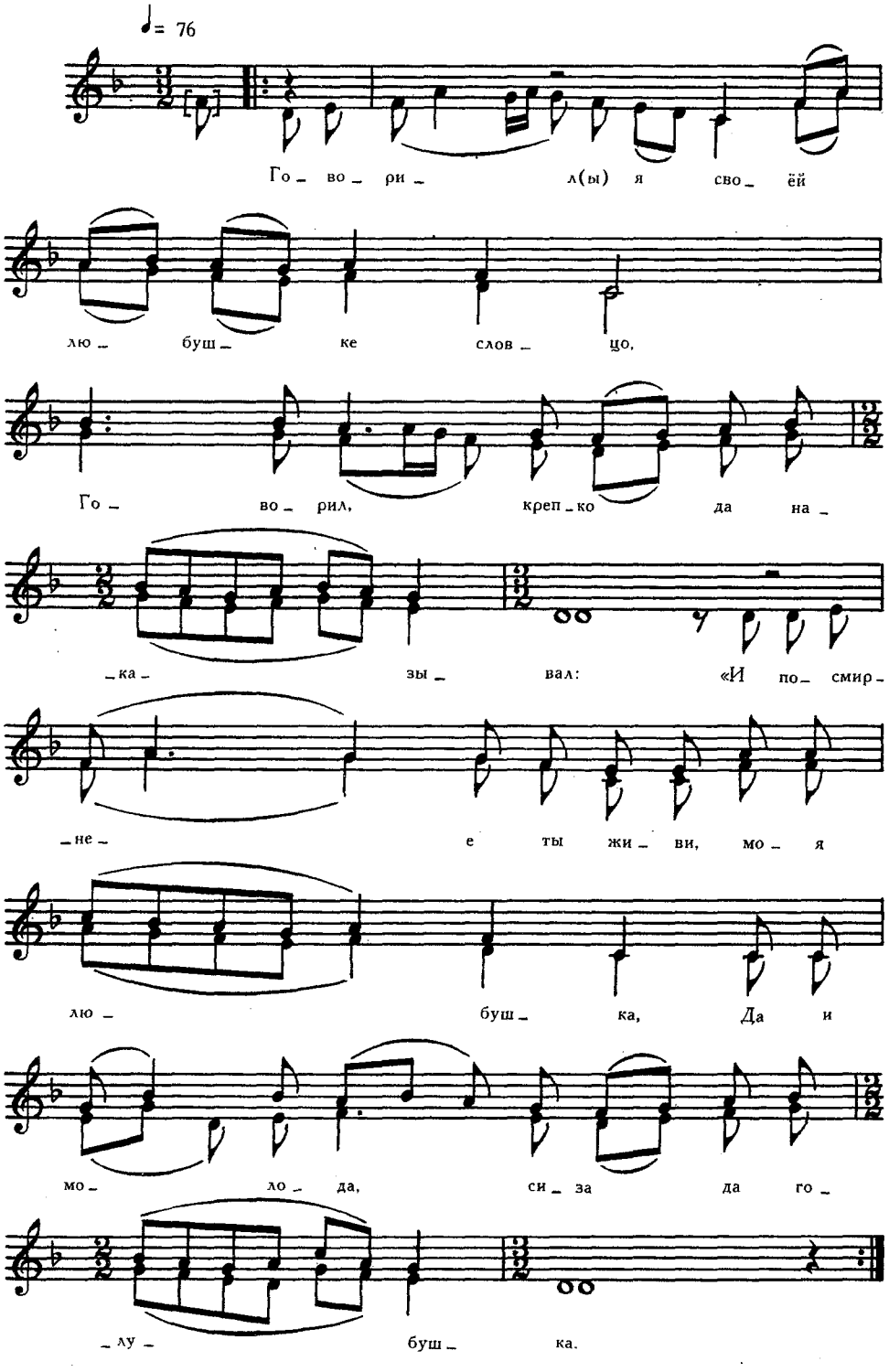
36

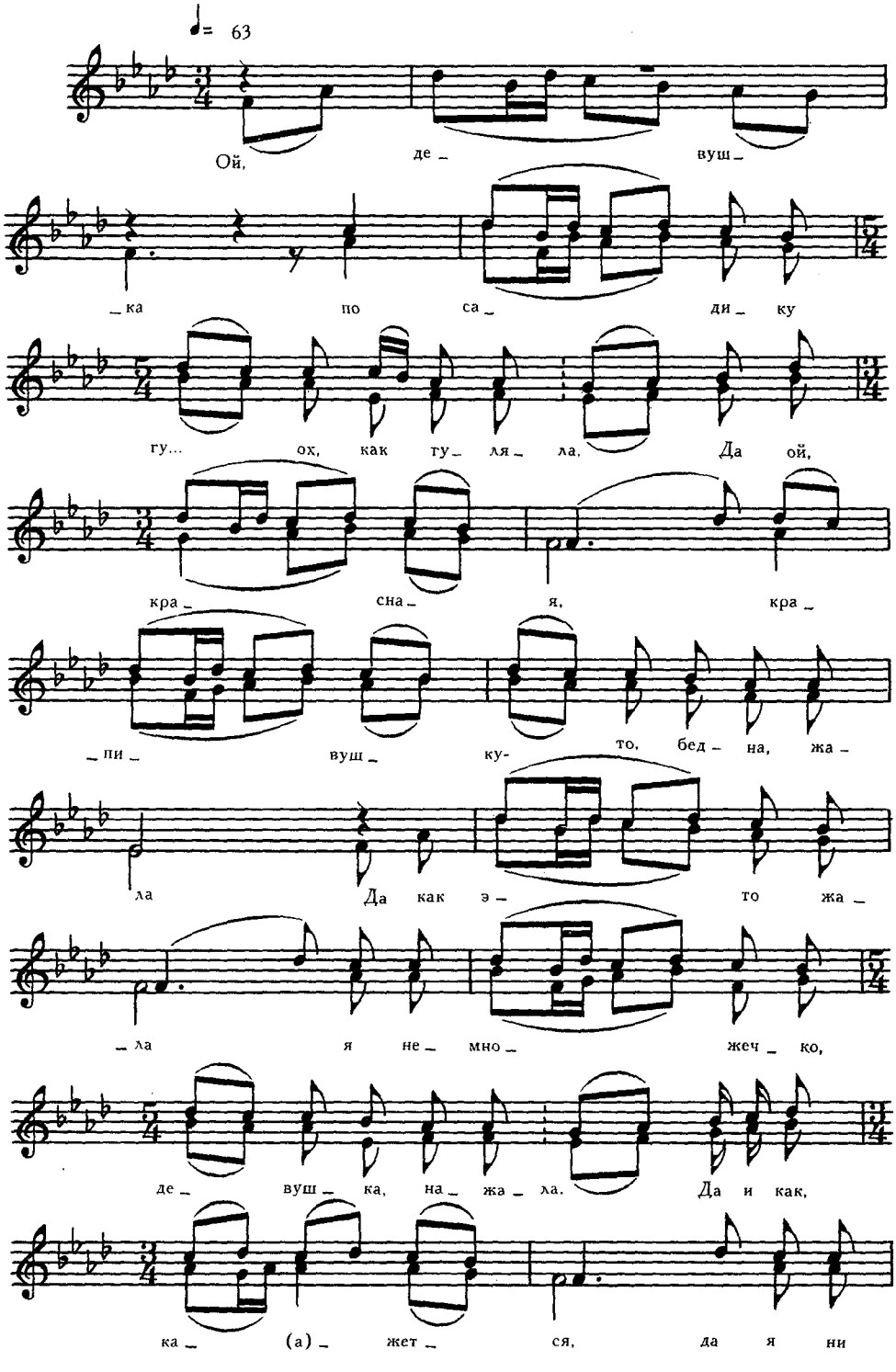

♩= 44
Вы- то ска_жи_ те, мы_ се_л(и)_цы мо_
и, Про мо е ли да про не_
сча стье,
До _л(ы)_го ли по_жить- то бу_
_дё, Да в э_та_ кой бо_л(и)_шой да на_

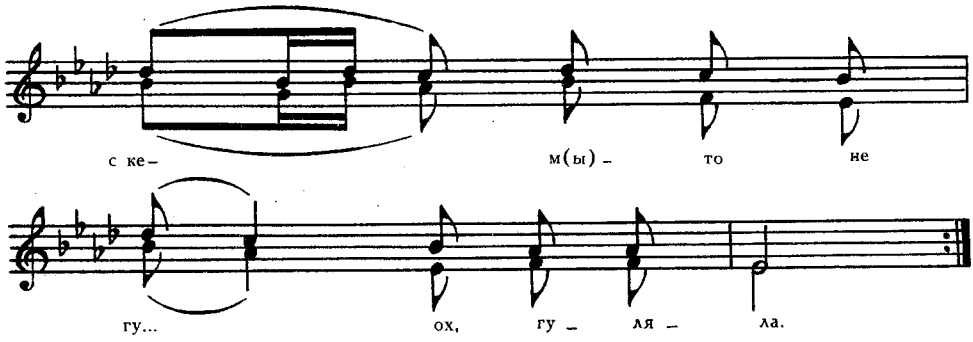
_пас _
ти?

37

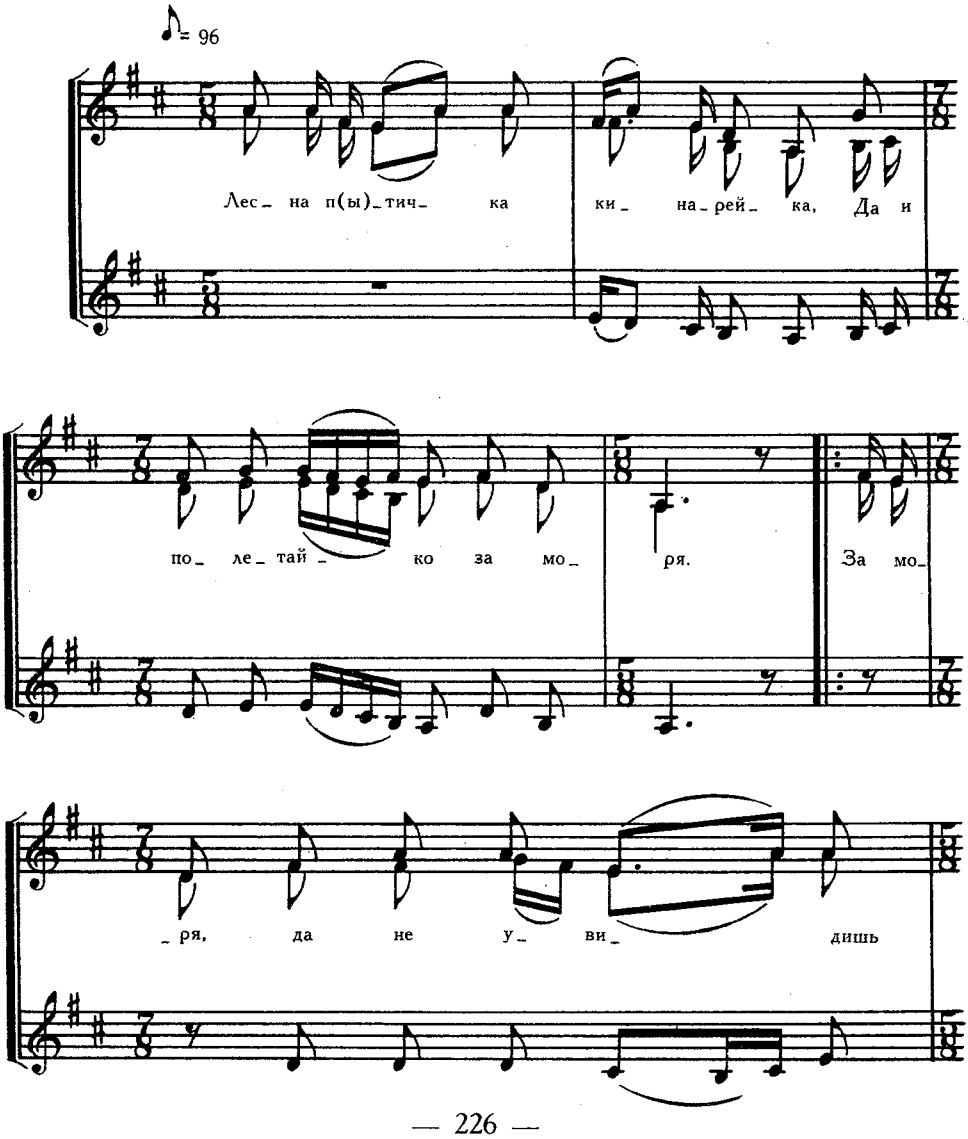

♩= 52
Что не зна_ ет - то, не зна_ ёт мой
ми_ ле-н(и) кой. Да не ве_ да_ ёт, да не знат Про мо_
ю ли вон про тос ку_ то, Как и
про го_ рё да кру_чи_ нуш_ ку.

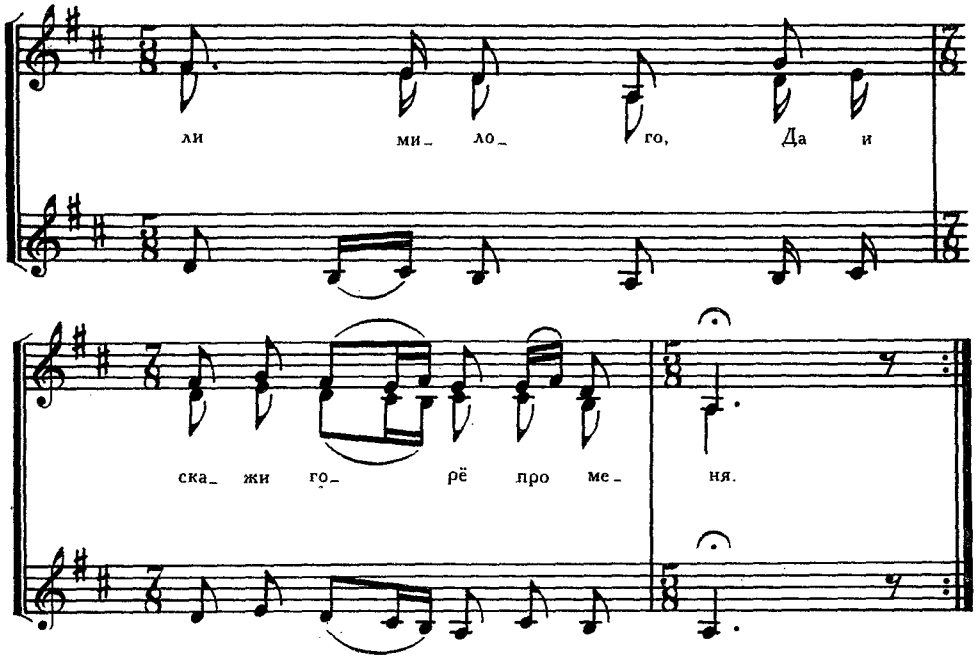

♩= 76
Го_ во_ ри_ л(ы) я сво_ ёй
лю_ буш_ ке слов_ цо,
Го_ во_ рил, креп_ко да на_
_ка_ зы_ вал: «И по_ смир_
_не_ е ты жи_ ви, мо_ я
лю_ буш_ ка, Да и
мо_ ло_ да, си_ за да го_
_лу_ буш_ ка.


♩= 63
Ой, де _ вуш _
_ка по са _ ди _ ку
гу... ох, как ту _ ля _ ла, Да ой,
кра _ сна _ я, кра _
_ пи _ вуш _ ку- то, бед _ на, жа _
ла Да как э _ то жа _
_ ла я не _ мно _ жеч _ ко,
де _ вуш _ ка, на _ жа _ ла. Да и как,
ка _ (а) _ жет _ ся, да я ни

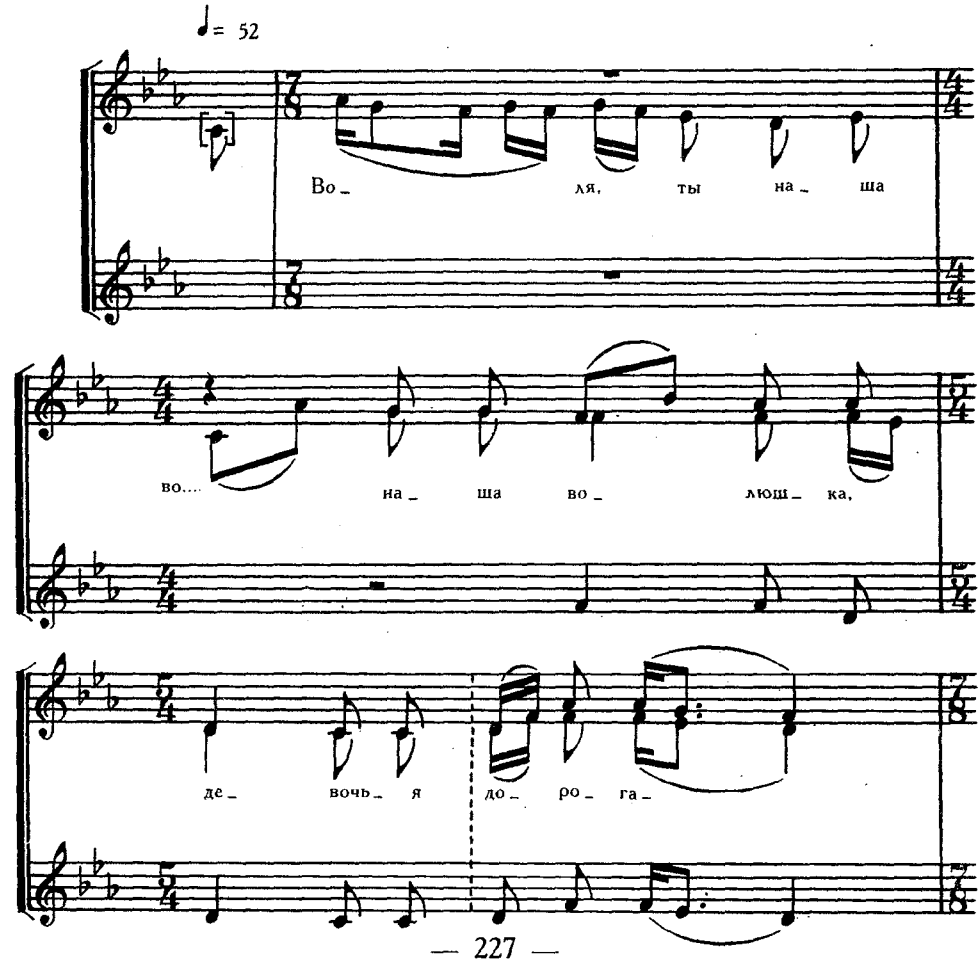

с ке-
м(ы) -
то
не
гу...
ох,
гу - ля -
ла.

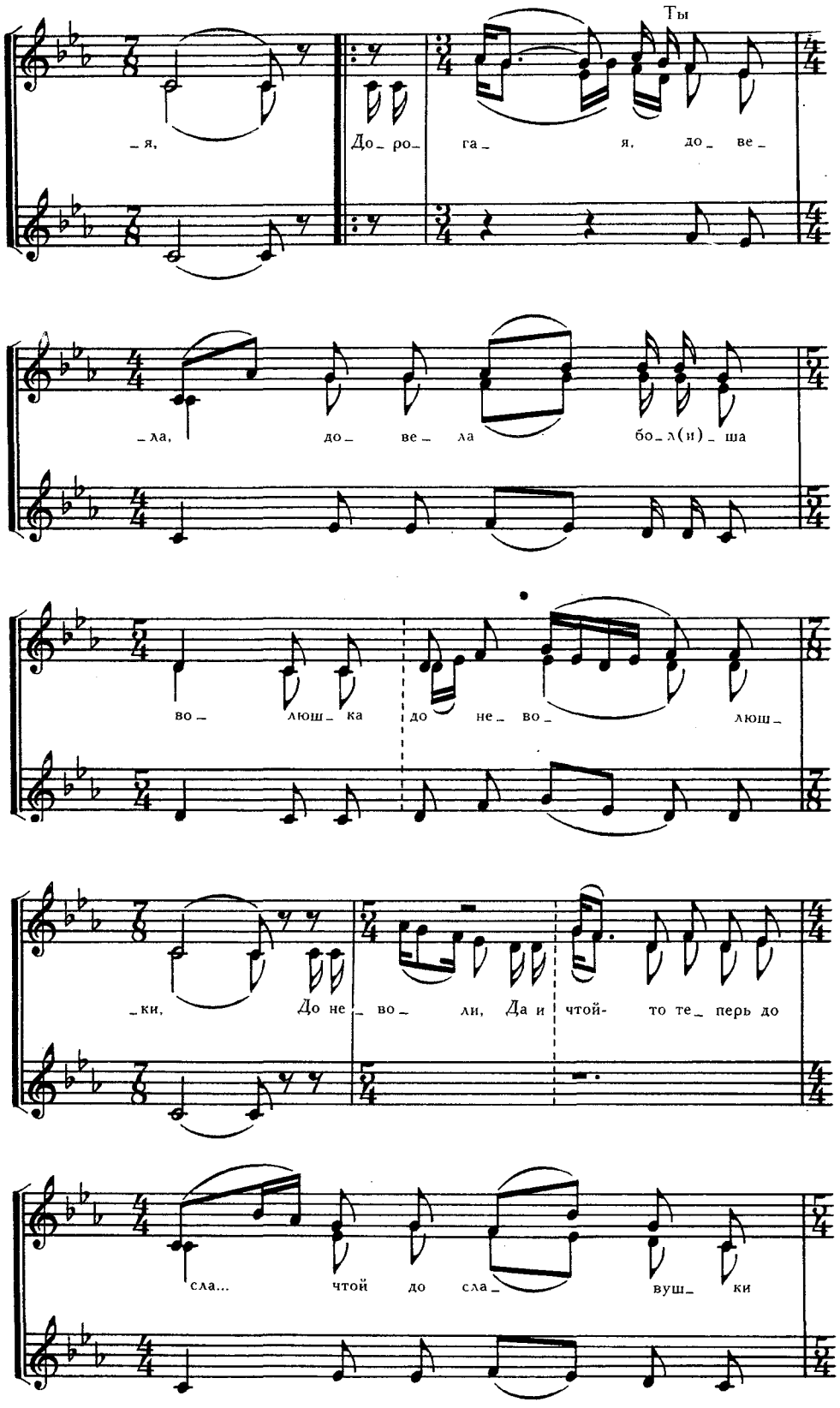
40

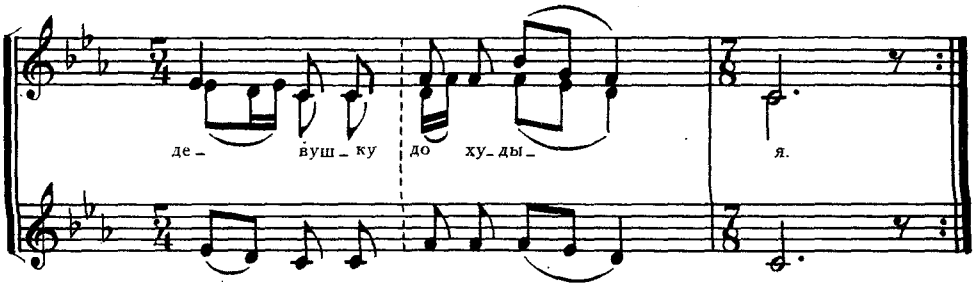

♪= 96
Лес - на п(ы) - тич - ка
ки - на - рей - ка, Да и
по - ле - тай - ко за мо -
ря.
За мо -
- ря, да не у - ви -
дишь


ли ми_ ло_ го, Да и
ска_ жи го_ рё про ме_ ня.

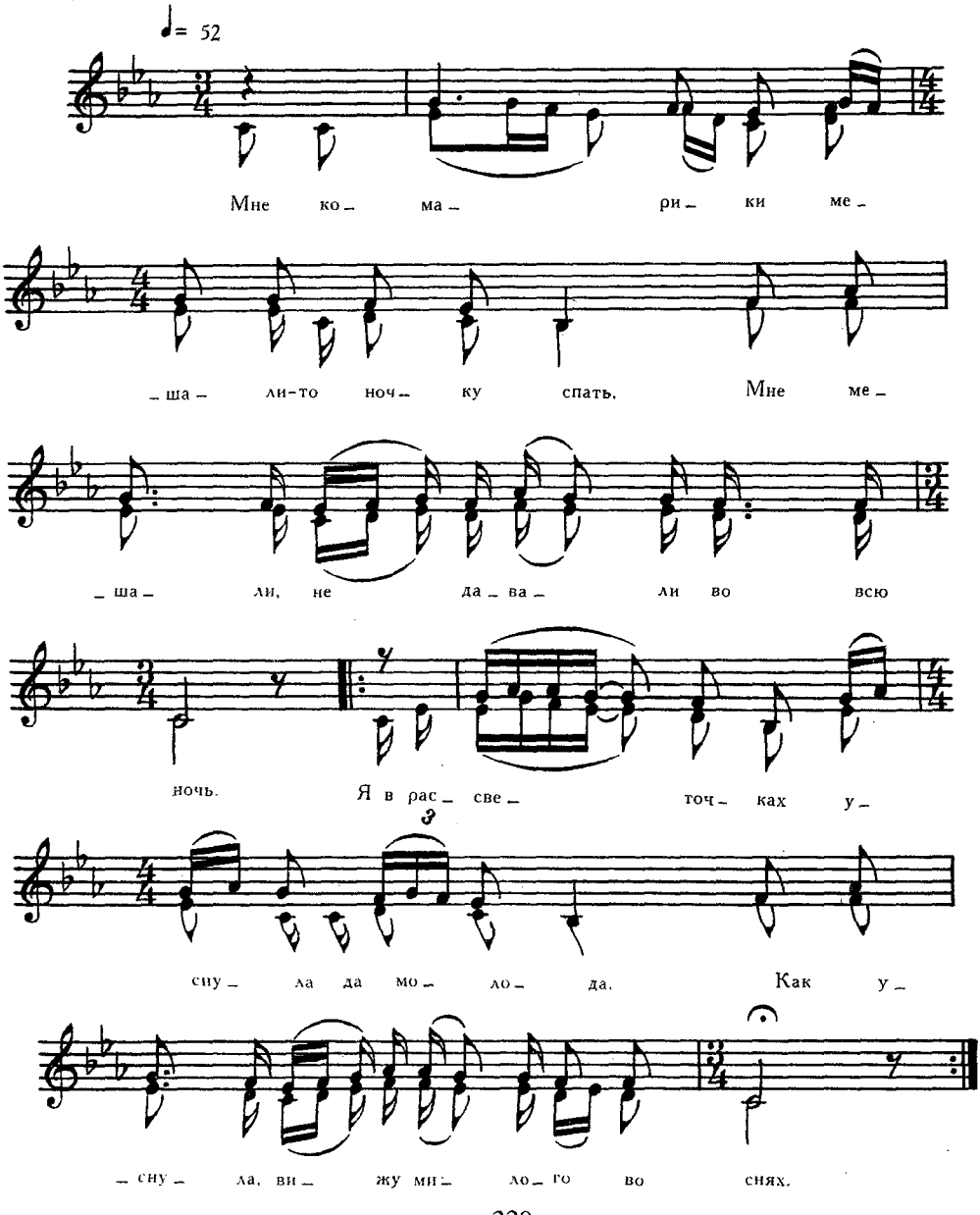
41

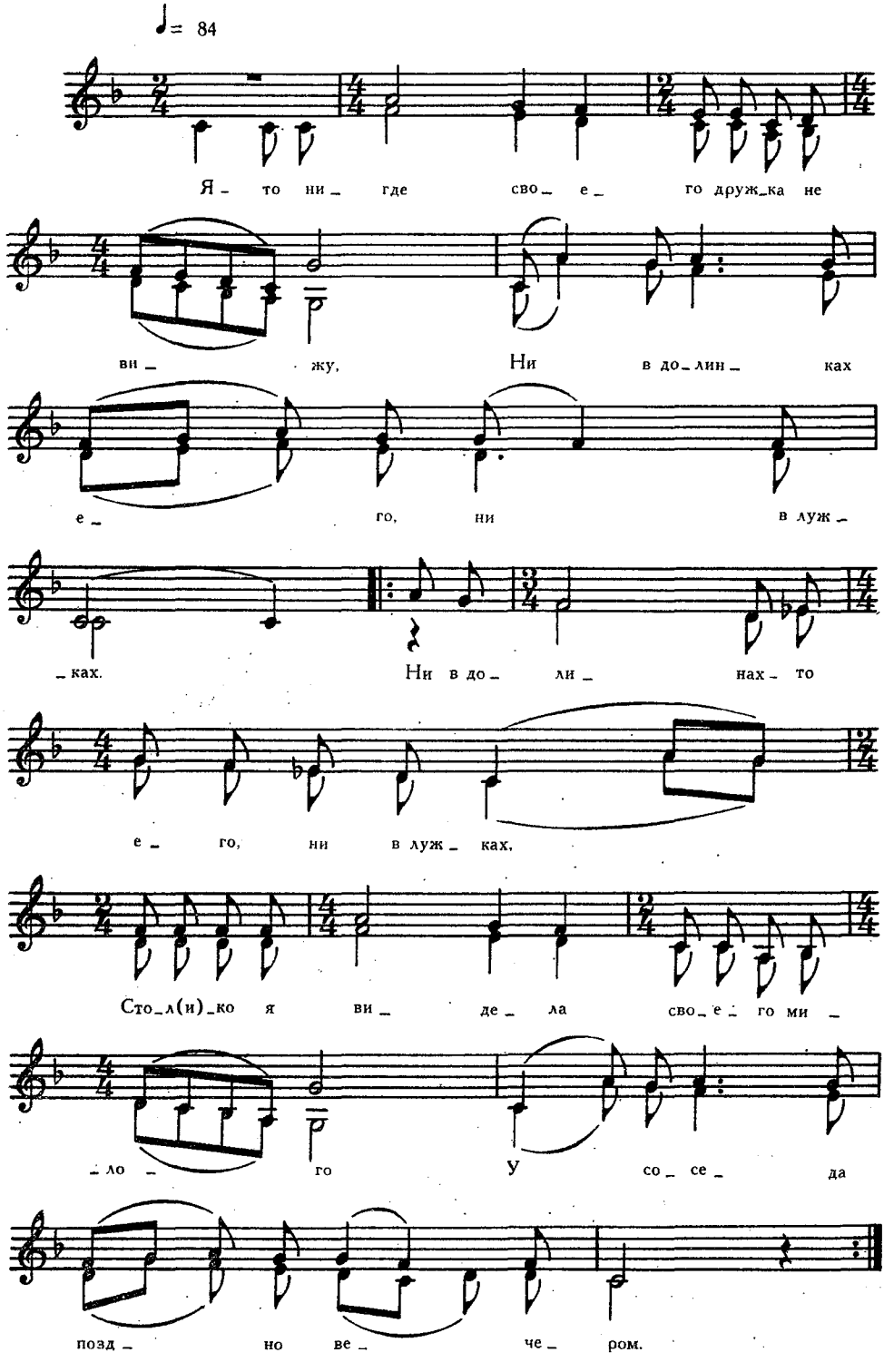

♩= 52
Во_ ля, ты на_ ша
во.... на_ ша во_ люш_ ка,
де_ вочь_ я до_ ро_ га_

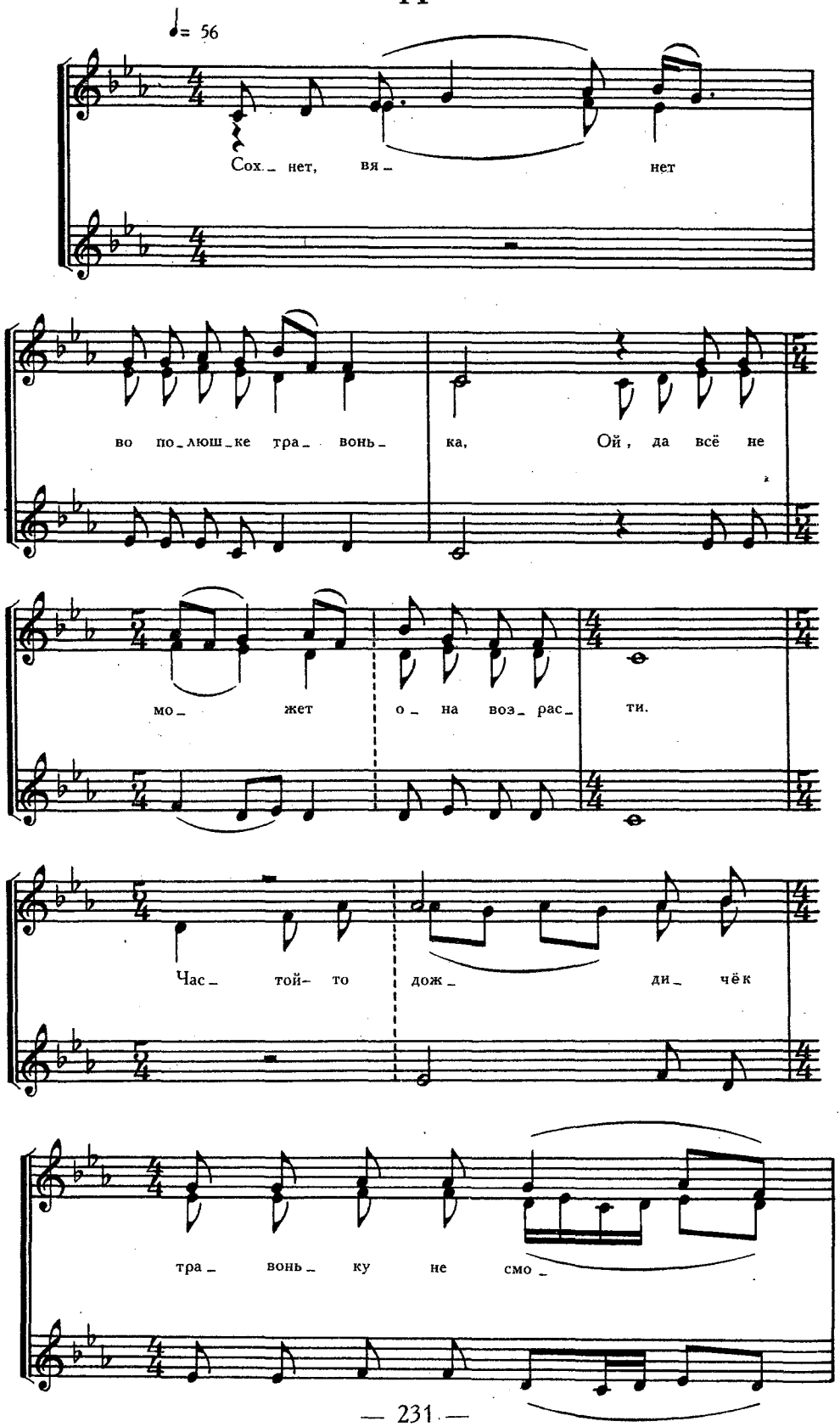

Ты
_я,
До_ро_
га_
я,
до_
ве_
_ла,
до_
ве_
ла
бо_л(и)_ша
во_
люш_ка
до
не_
во_
люш_
_ки,
До не_
во_
ли,
Да и
чтой-
то те_перь до
сла...
чтой
до
сла_
вуш_
ки

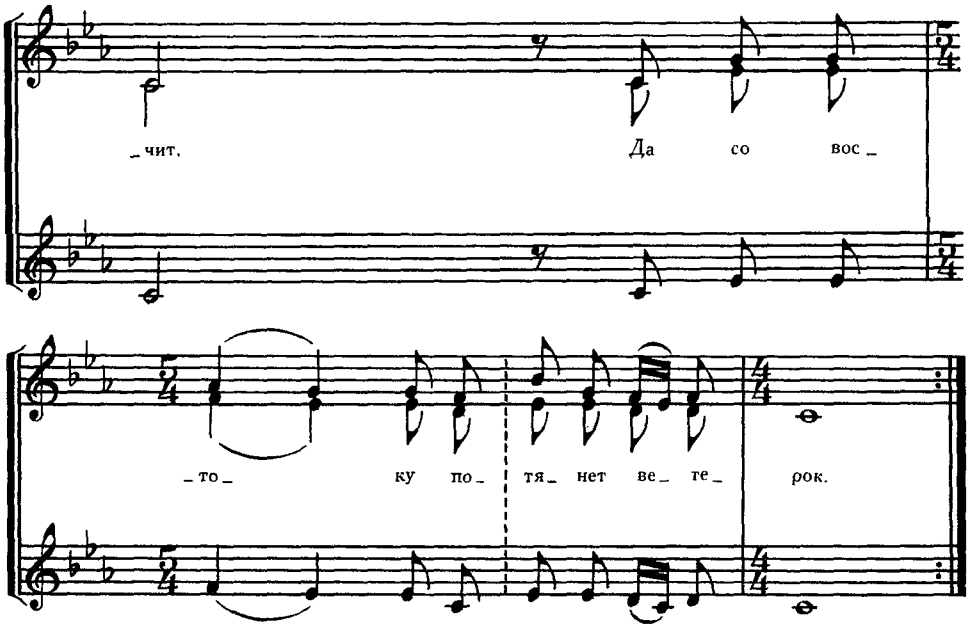

де_ вуш_ку до ху_ды_ я.

42

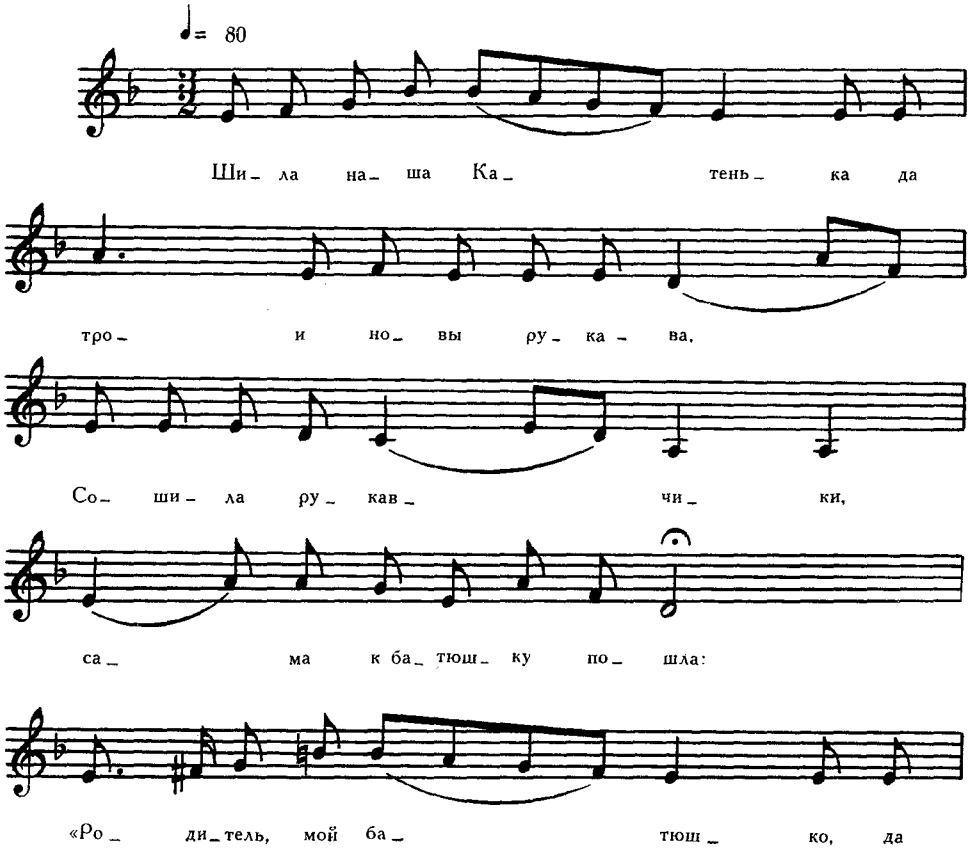

♩= 52
Мне ко_ ма_ ри_ ки ме_
_ша_ ли-то ноч_ ку спать. Мне ме_
_ша_ ли, не да_ ва_ ли во всю
ночь. Я в рас_ све_ точ_ ках у_
сну_ ла да мо_ ло_ да. Как у_
_ сну_ ла, ви_ жу ми_ ло_ го во снях.

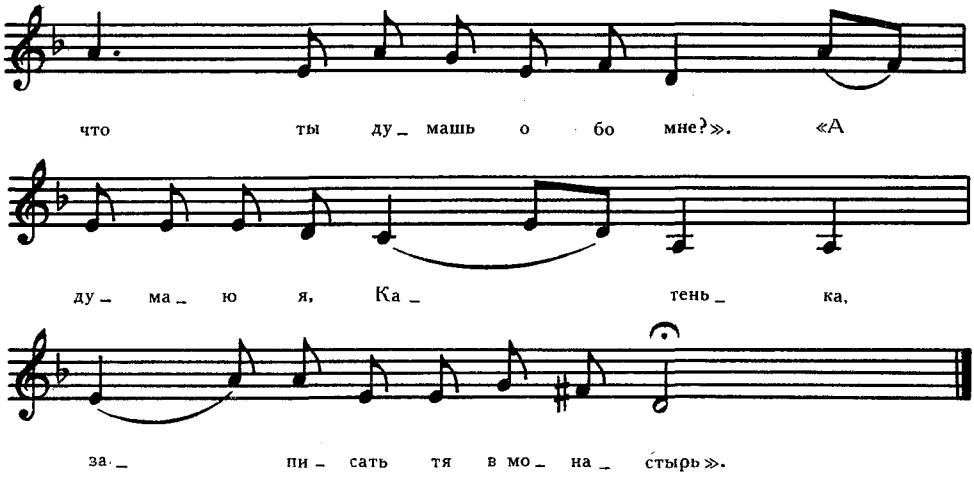

♩= 84
Я – то ни – где сво – е – го друж–ка не
ви – жу, Ни в до–лин – ках
е – го, ни в луж –
– ках. Ни в до – ли – нах – то
е – го, ни в луж – ках,
Сто–л(и)–ко я ви – де – ла сво–е – го ми –
– ло – го у со – се – да
позд – но ве – че – ром.


♩= 56
Сох_ нет, вя_ нет
во по_люш_ке тра_ вонь_ ка, Ой, да всё не
мо_ жет о_ на воз_ рас_ ти.
Час_ той- то дож_ ди_ чёк
тра_ вонь_ ку не смо_

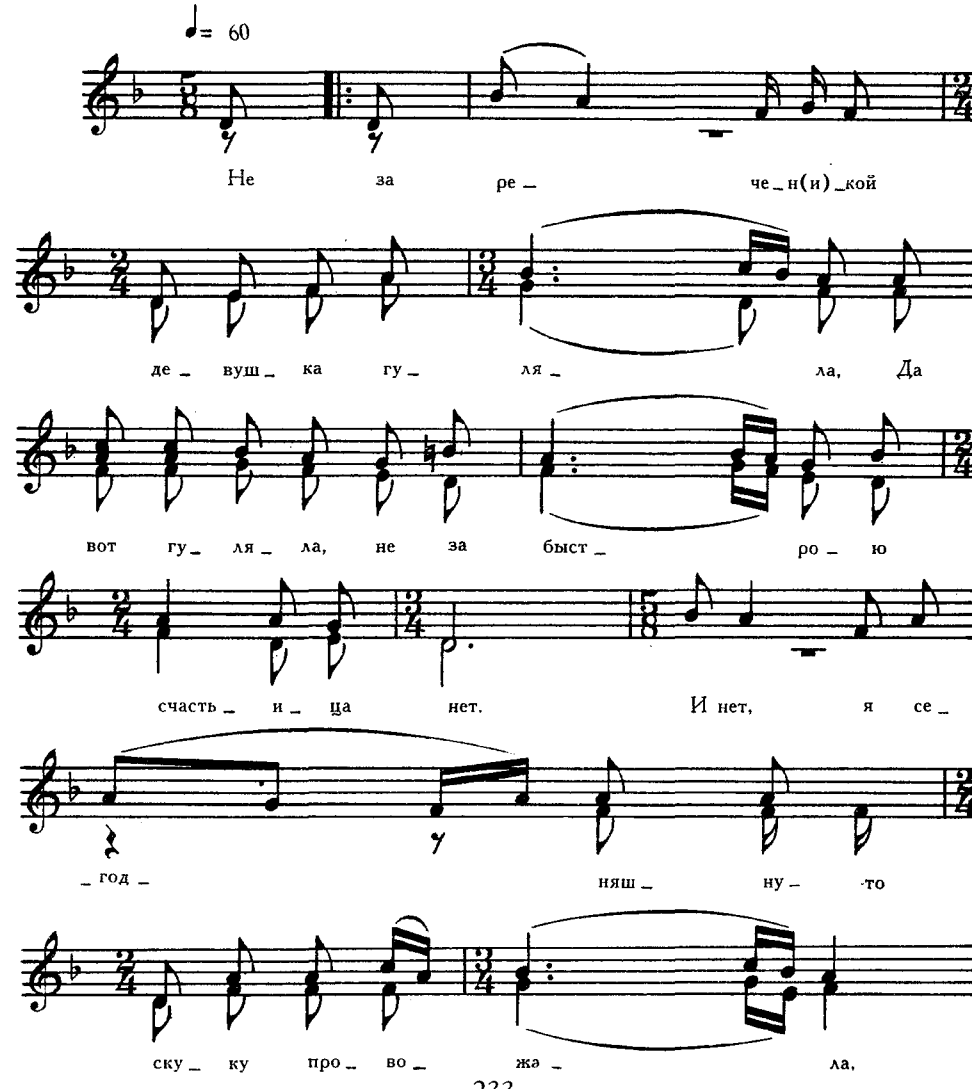

чит. Да со вос
_то_ ку по_ тя_ нет ве_ те_ рок.

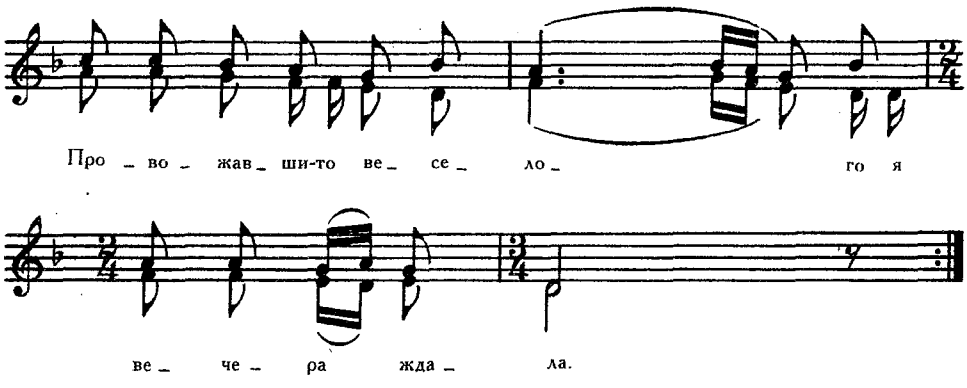
45


♩= 80
Ши_ ла на_ ша Ка_ тень_ ка да
тро_ и но_ вы ру_ ка_ ва,
Со_ ши_ ла ру_ кав_ чи_ ки,
са_ ма к ба_ тюш_ ку по_ шла:
«Ро_ ди_тель, мой ба_ тюш_ ко, да

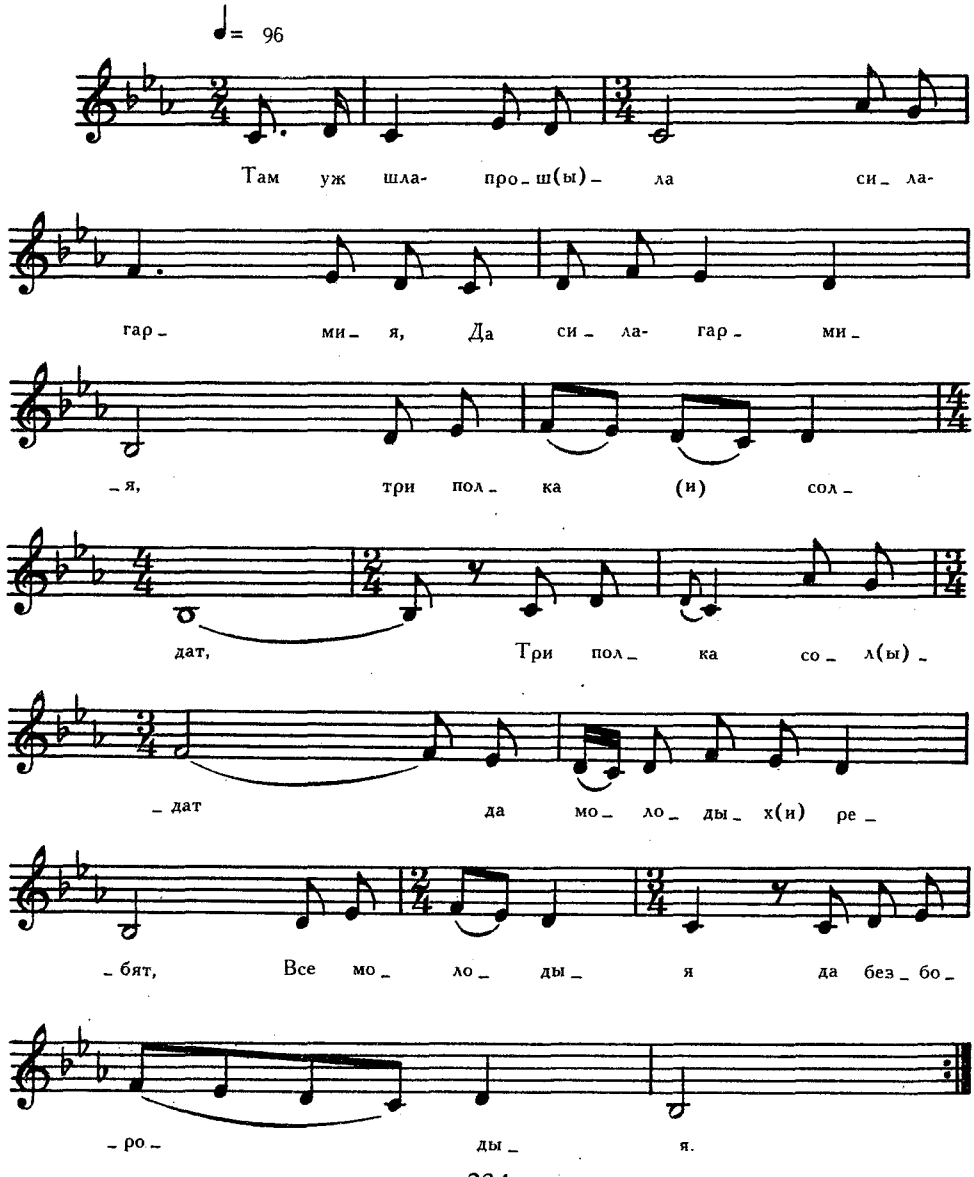

что ты ду_ машь о бо мне?». «А
ду_ ма_ ю я, Ка_ тень_ ка,
за_ пи_ сать тя в мо_ на_ стырь».

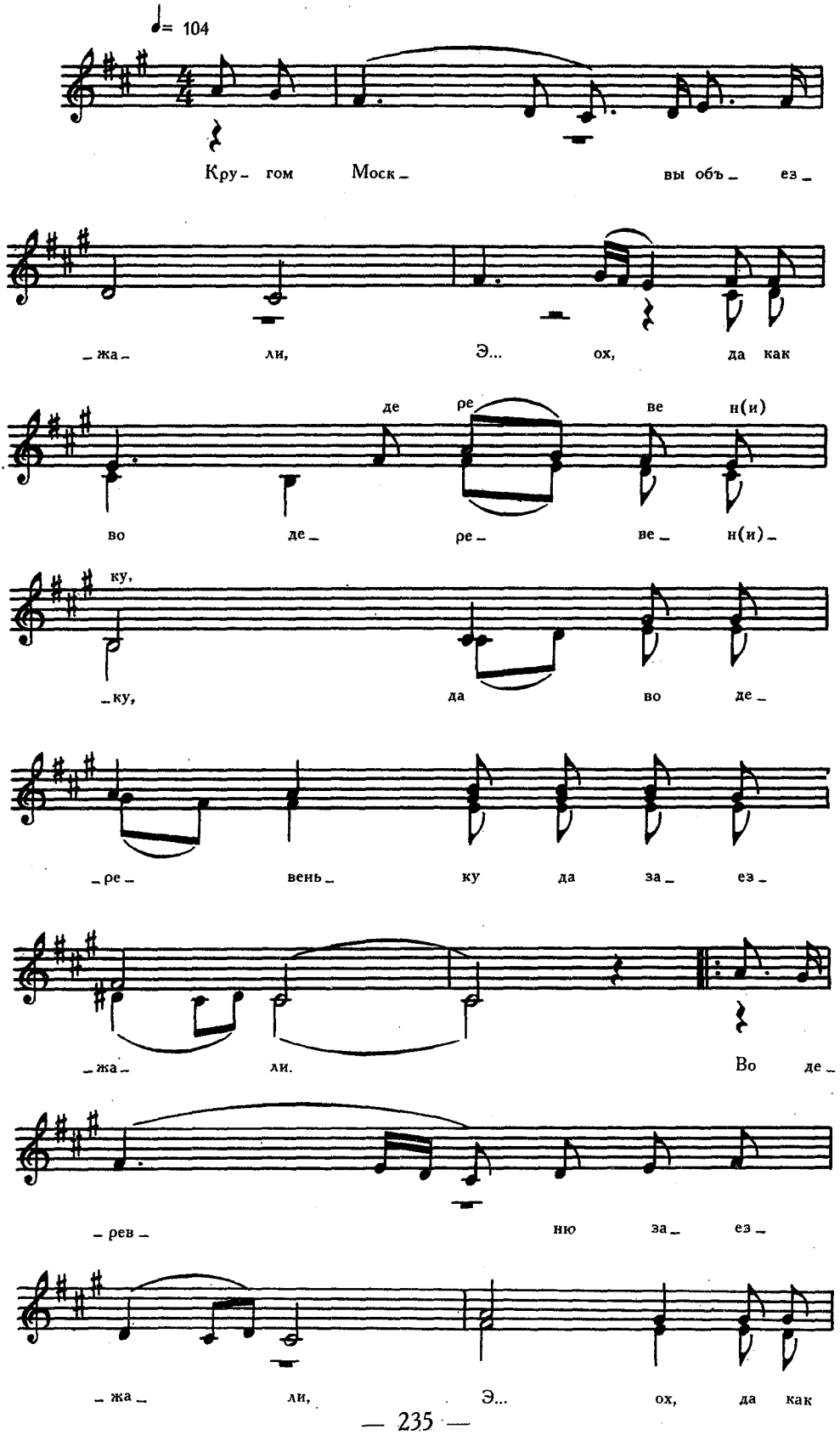
46

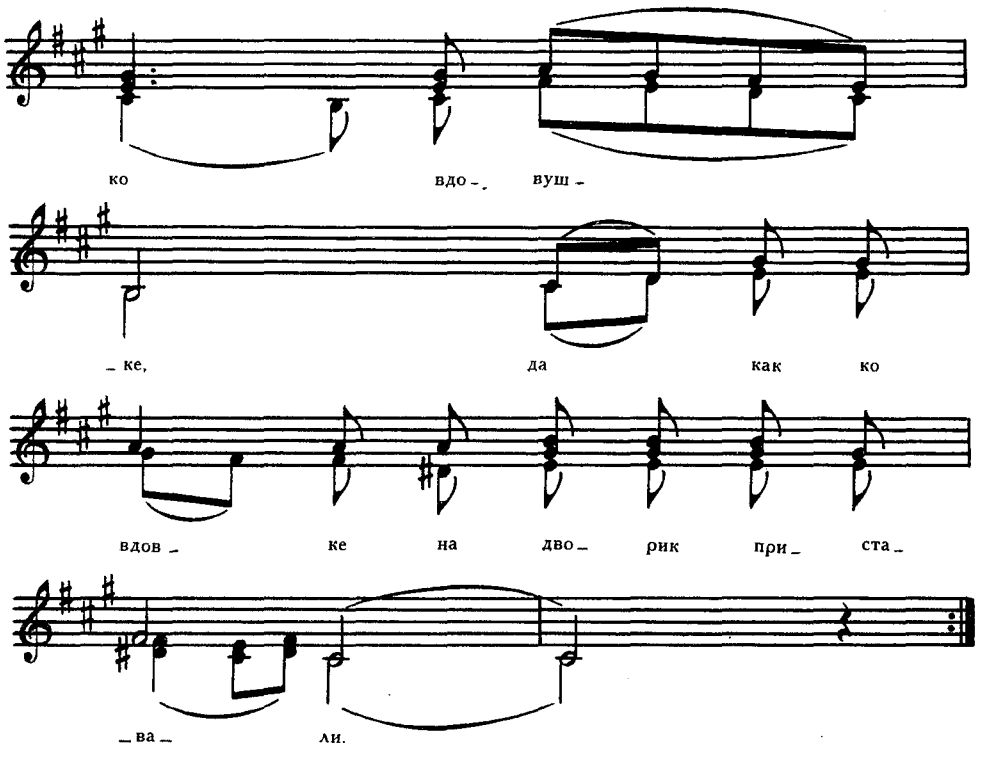

♩= 60
Не за ре_ че_н(и)_кой
де_ вуш_ ка гу_ ля_ ла, Да
вот гу_ ля_ ла, не за быст_ ро_ ю
счасть_ и_ ца нет. И нет, я се_
год няш_ ну_ то
ску_ ку про_ во_ жа_ ла,


Про _ во _ жав _ ши-то ве _ се _ ло _ го я
ве _ че _ ра жда _ ла.

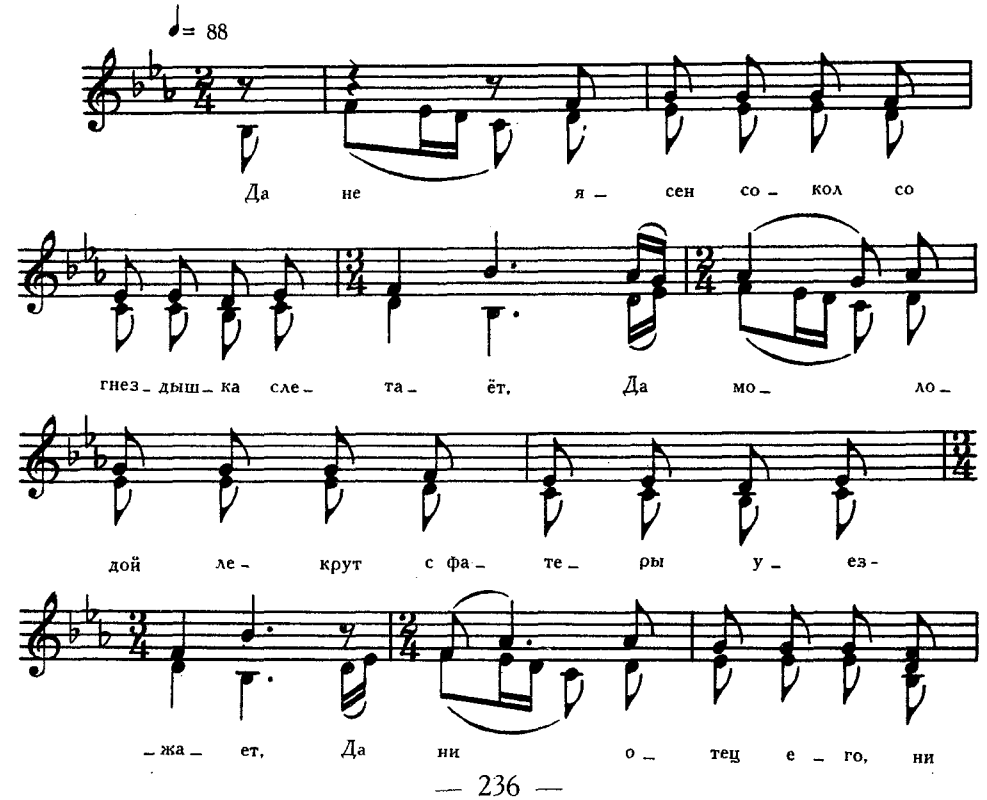
47

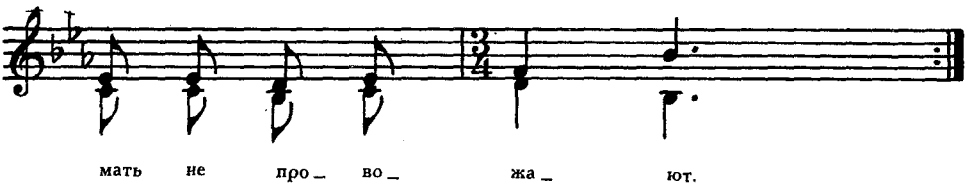

♩= 96
Там уж шла- про _ ш(ы) _ ла си _ ла-
гар _ ми _ я, Да си _ ла- гар _ ми _
_ я, три пол _ ка (и) сол _
дат, Три пол _ ка со _ л(ы) _
_ дат да мо _ ло _ ды _ х(и) ре _
_ бят, Все мо _ ло _ ды _ я да без _ бо _
_ ро _ ды _ я.


♩= 104
Кру_ гом Моск_ вы объ_ ез_
_жа_ ли, Э... ох, да как
де ре ве н(и)
во де_ ре_ ве_ н(и)_
ку,
_ку, да во де_
_ре_ вень_ ку да за_ ез_
_жа_ ли. Во де_
рев ню за_ ез_
_жа_ ли, Э... ох, да как

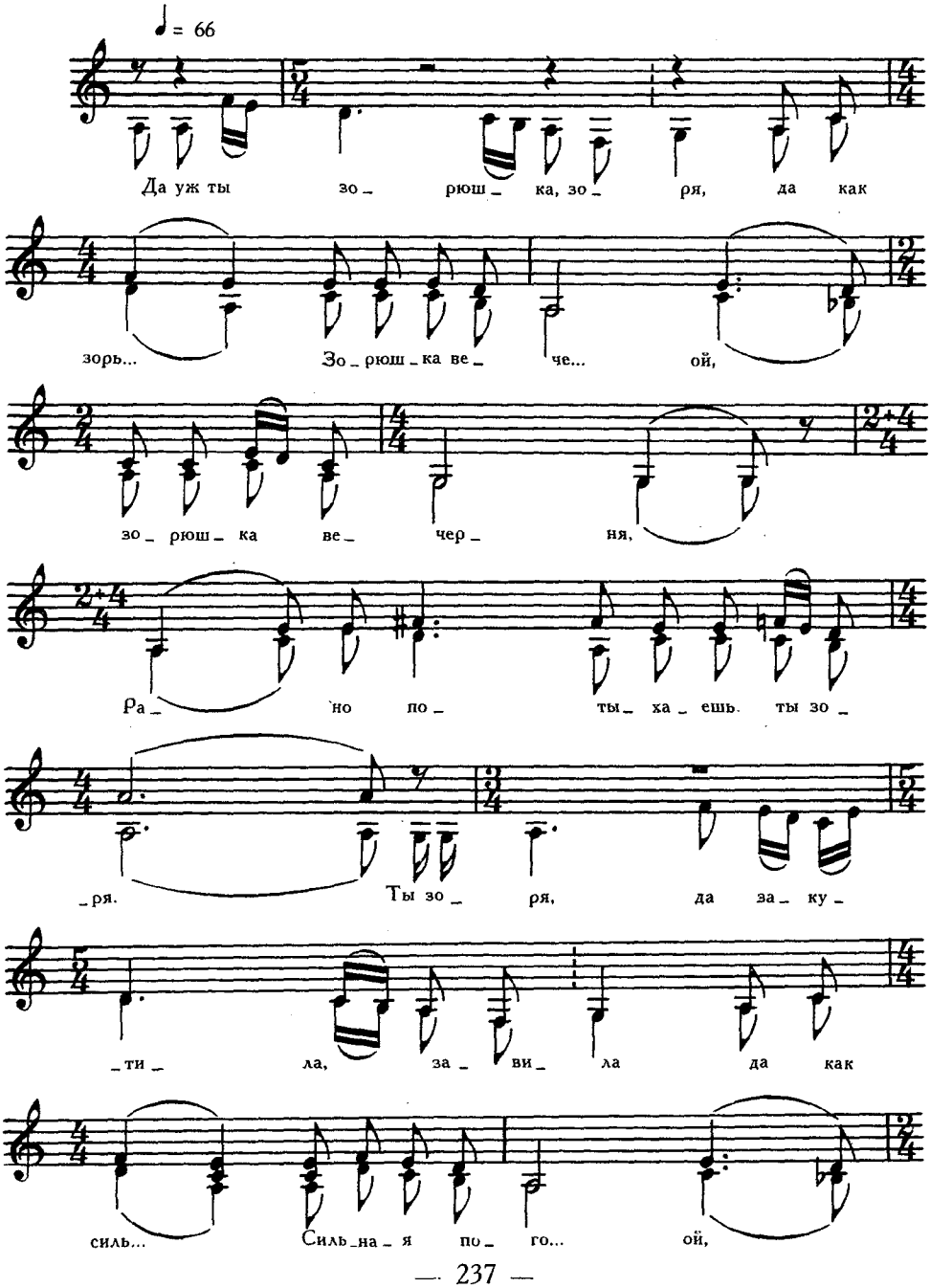

ко вдо - вуш -
- ке, да как ко
вдов - ке на дво - рик при - ста -
- ва - ли.

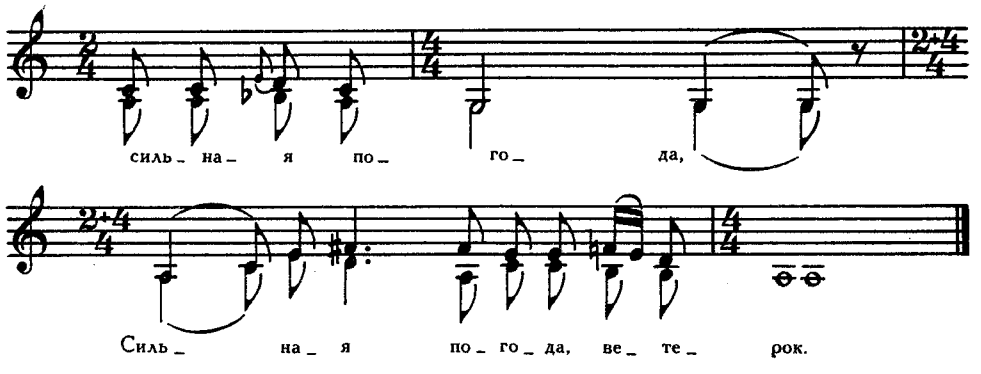
49


♩= 88
Да не я - сен со - кол со
гнез - дыш - ка сле - та - ёт, Да мо - ло -
дой ле - крут с фа - те - ры у - ез -
- жа - ет, Да ни о - тец е - го, ни

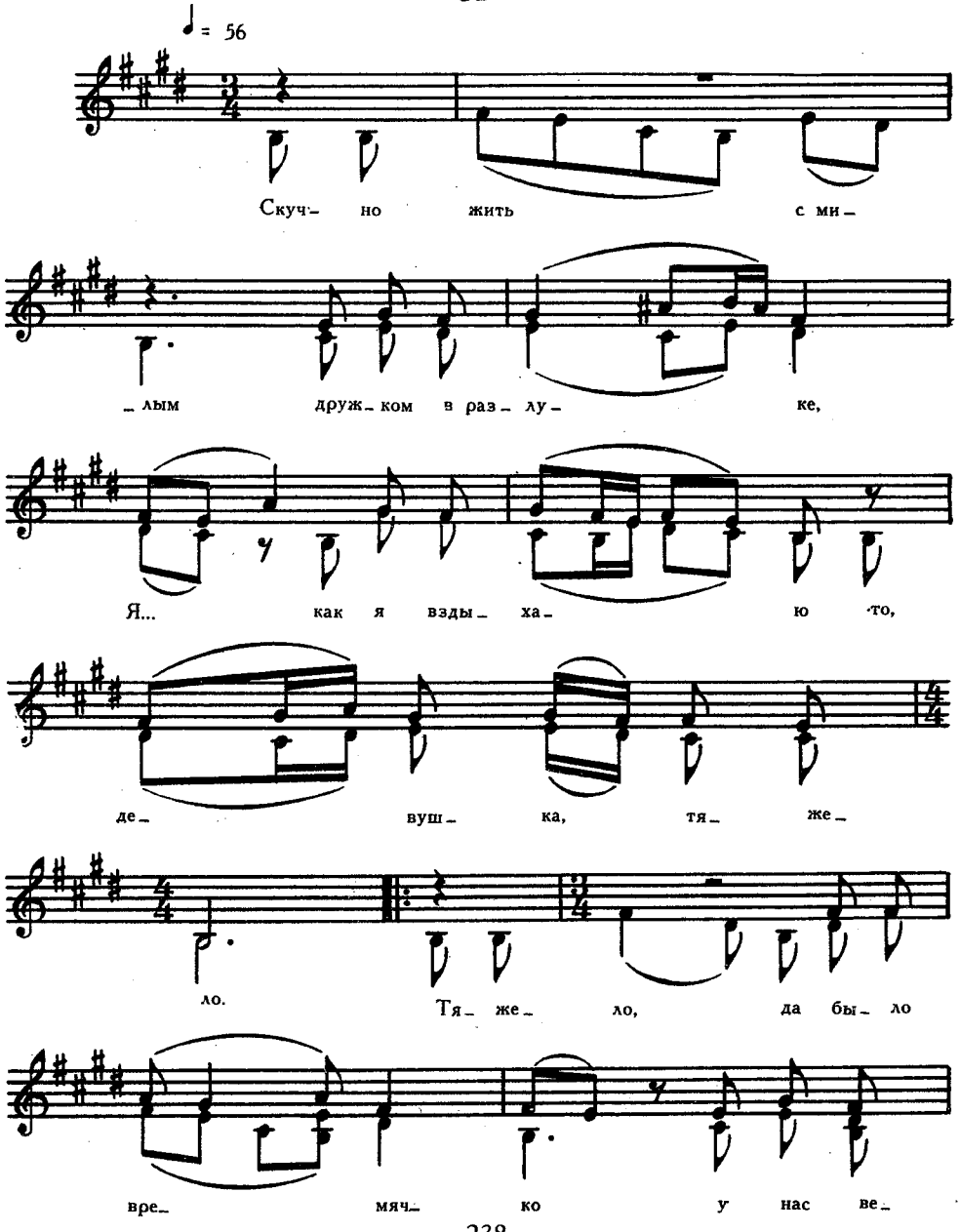

мать не про_ во_ жа_ ют.

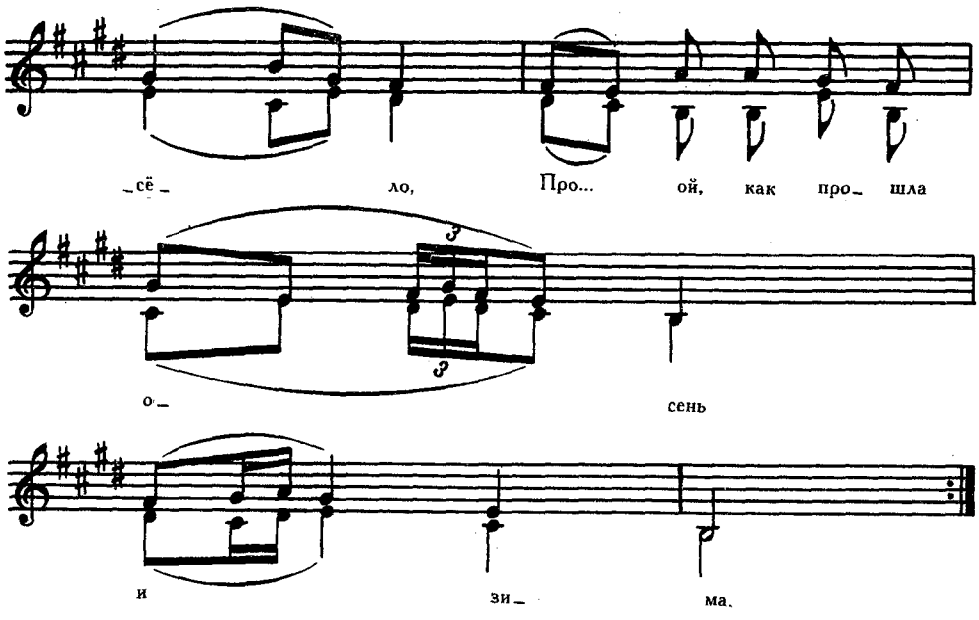
50


♩ = 66
Да уж ты зо_ рюш_ ка, зо_ ря, да как
зорь... Зо_рюш_ка ве_ че... ой,
зо_ рюш_ ка ве_ чер_ ня,
Ра_ но по_ ты_ ха_ ешь. ты зо_
_ря. Ты зо_ ря, да за_ ку_
_ти_ ла, за_ ви_ ла да как
силь... Силь_на_я по_ го... ой,

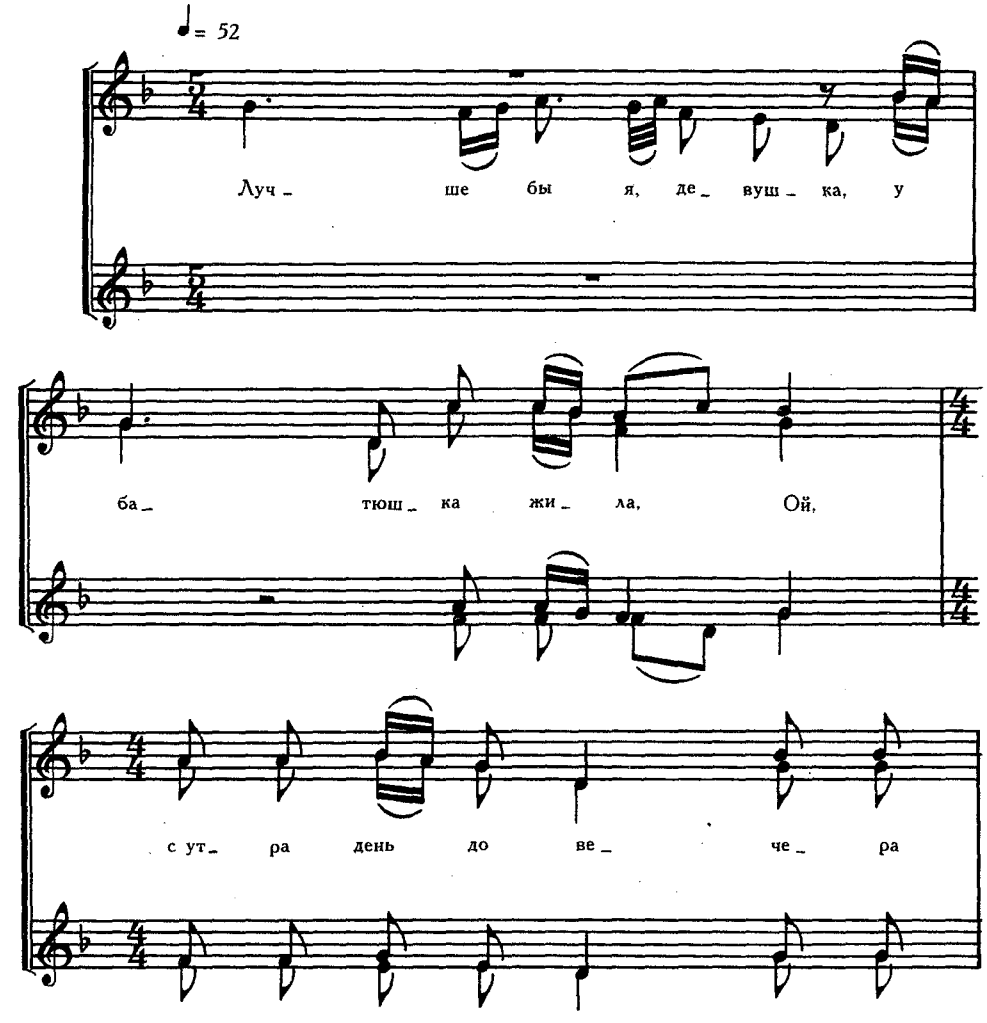

силь_ на_ я по_ го_ да,
Силь_ на_ я по_ го_ да, ве_ те_ рок.

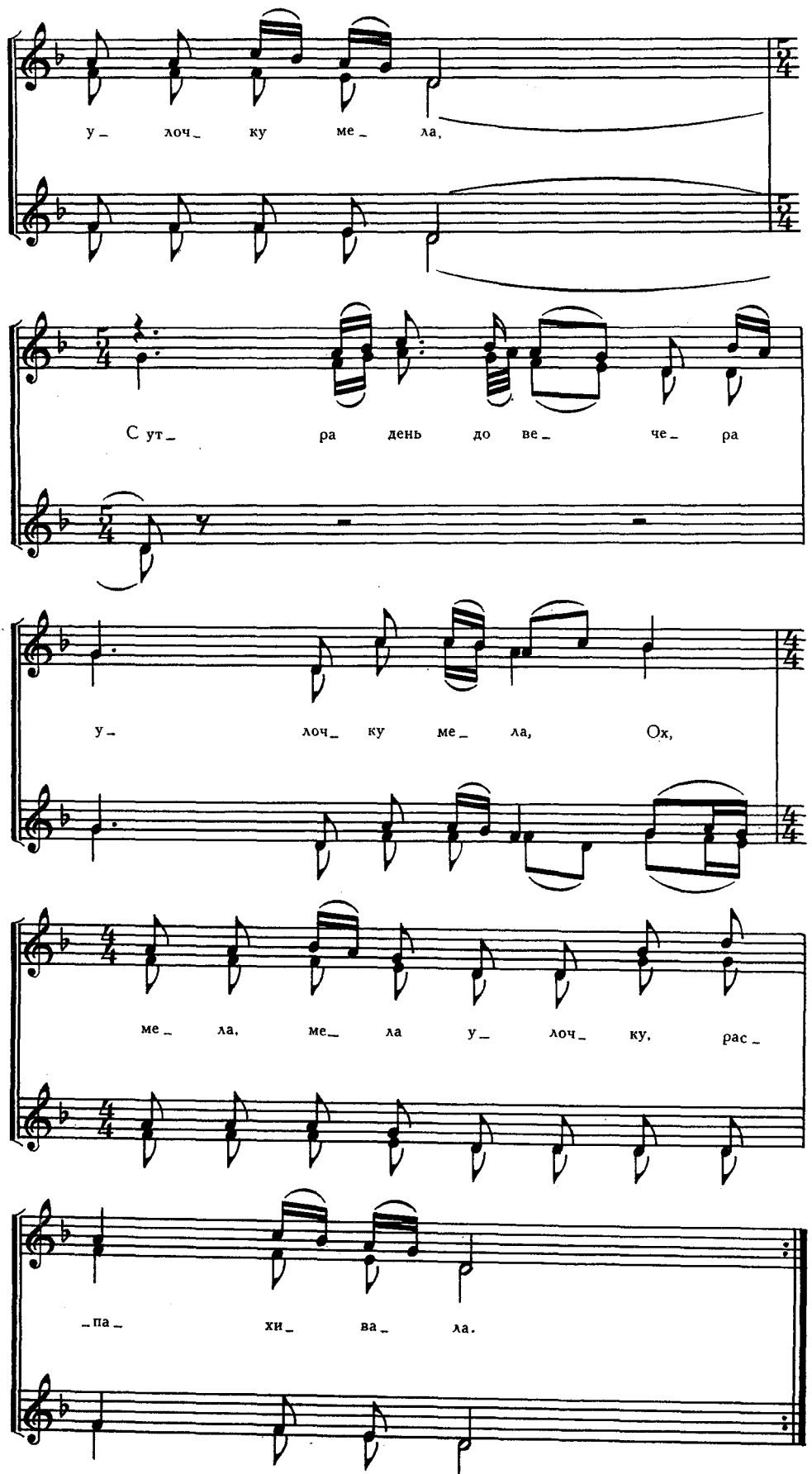
51

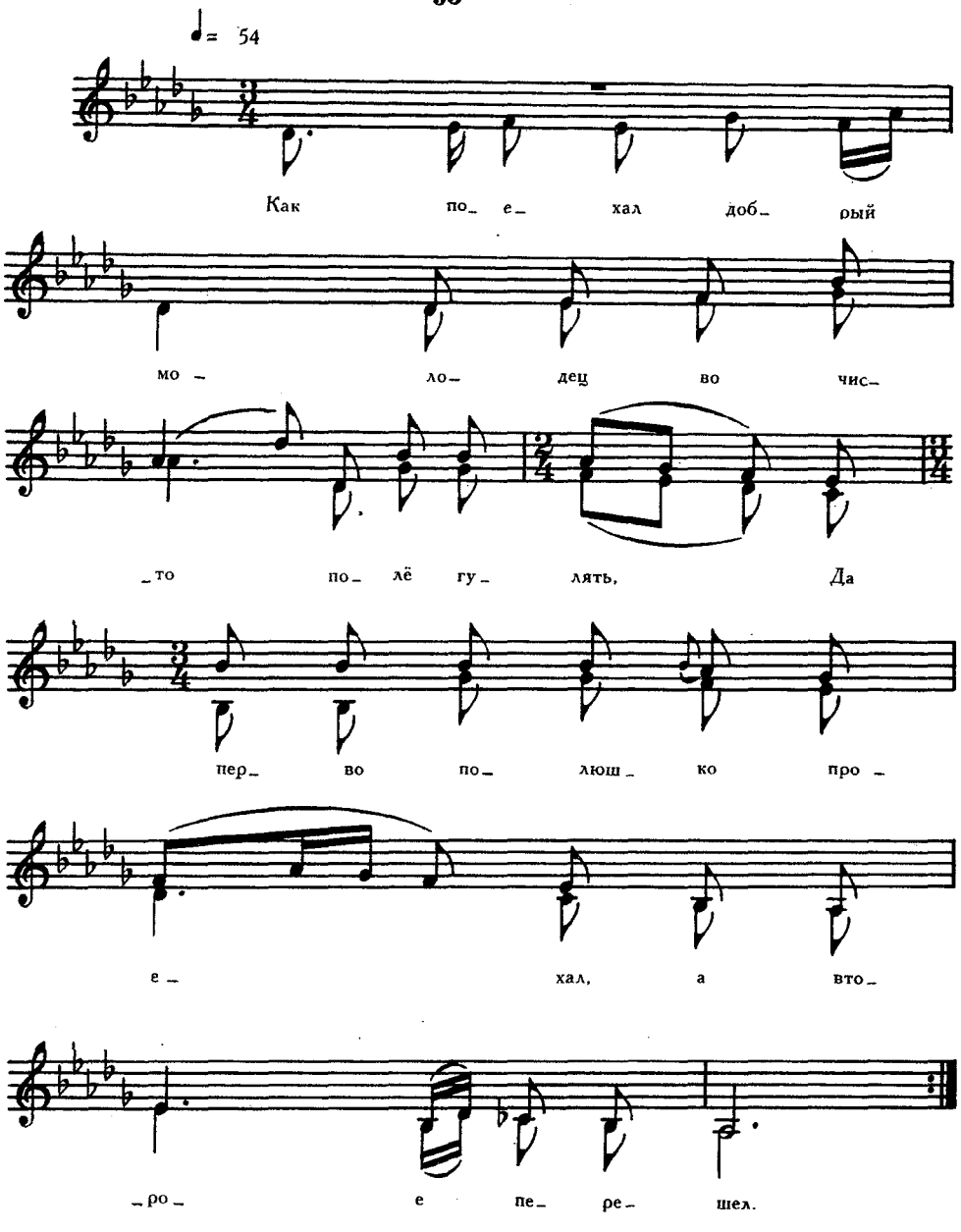

♩ = 56
Скуч_ но жить с ми_
_лым друж_ком в раз_ лу_ ке,
Я... как я взды_ ха_ ю то,
де_ вуш_ ка, тя_ же_
ло. Тя_ же_ ло, да бы_ ло
вре_ мяч_ ко у нас ве_

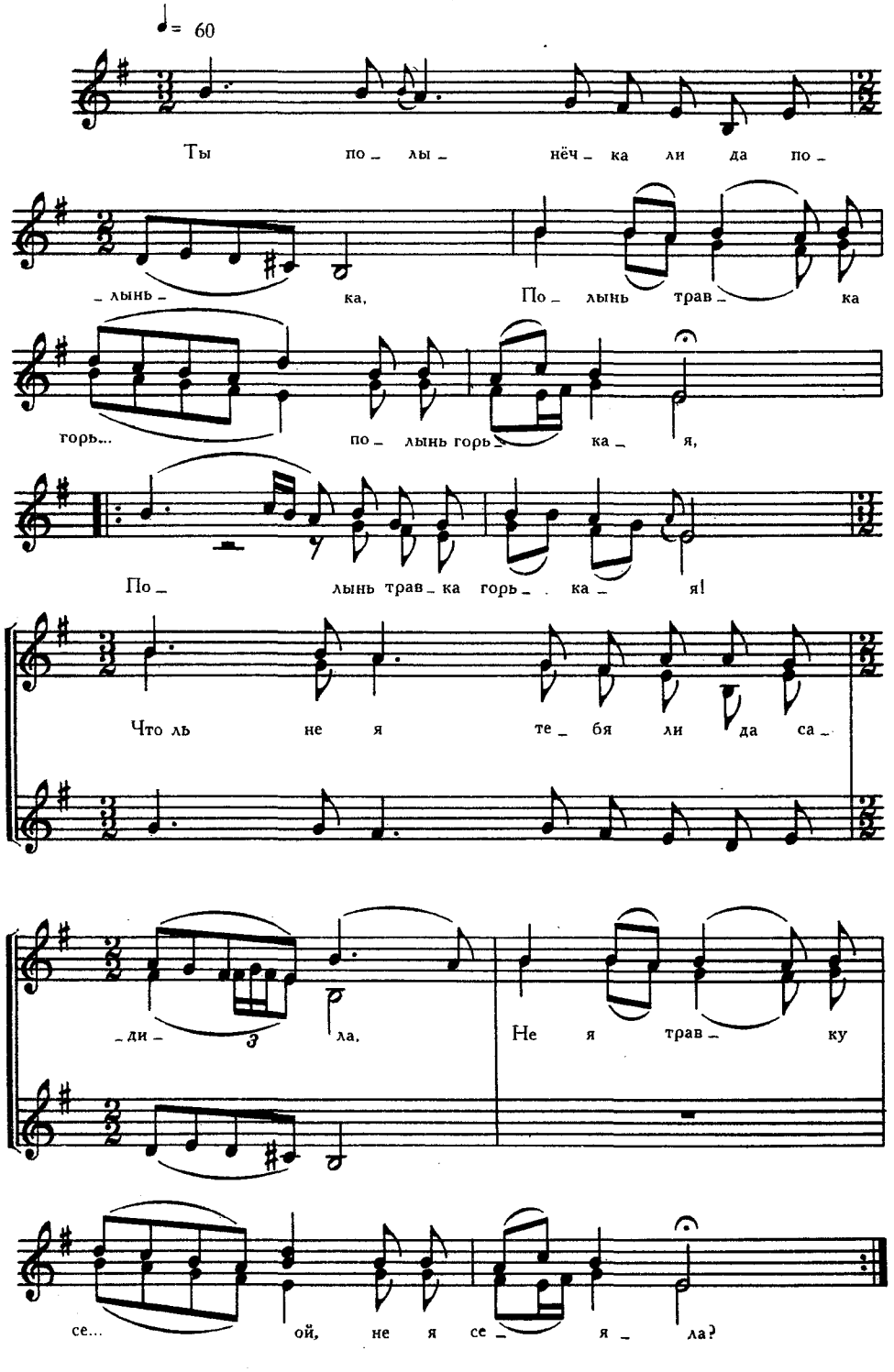

_сё_ ло, Про... ой, как про_ шла
3 3
о_ сень
и зи_ ма.

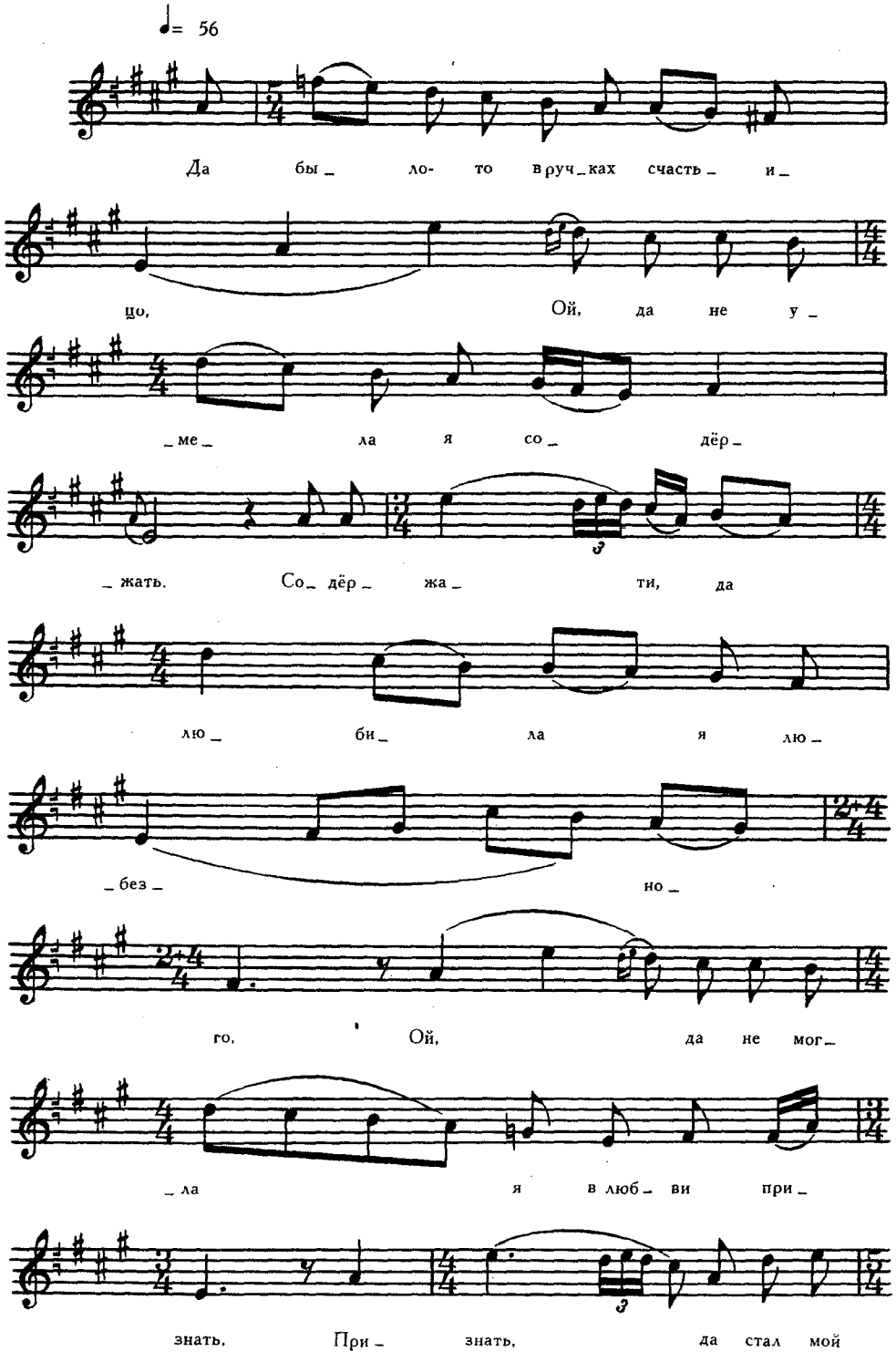
52

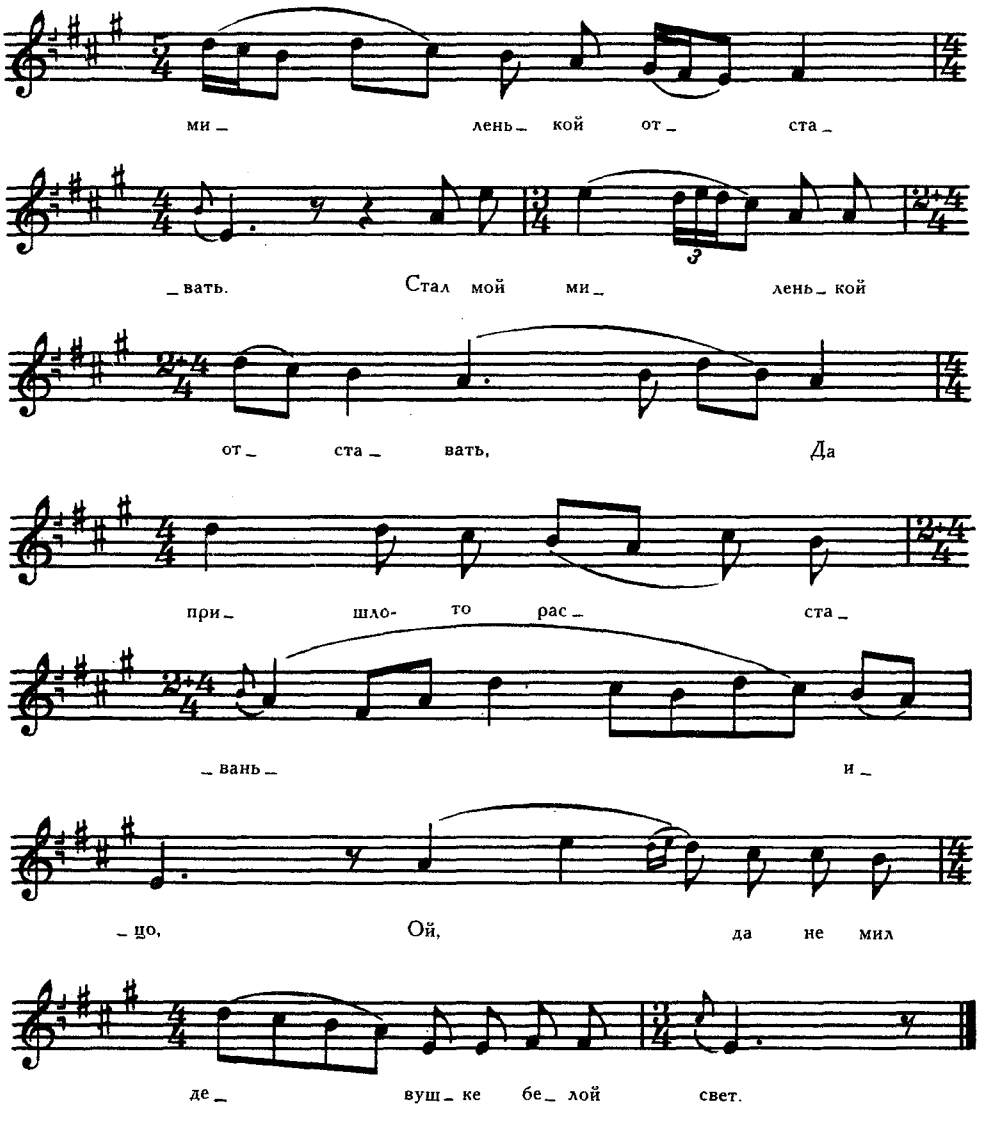

♩= 52
Луч_ ше бы я, де_ вуш_ ка, у
ба_ тюш_ ка жи_ ла, Ой,
с ут_ ра день до ве_ че_ ра

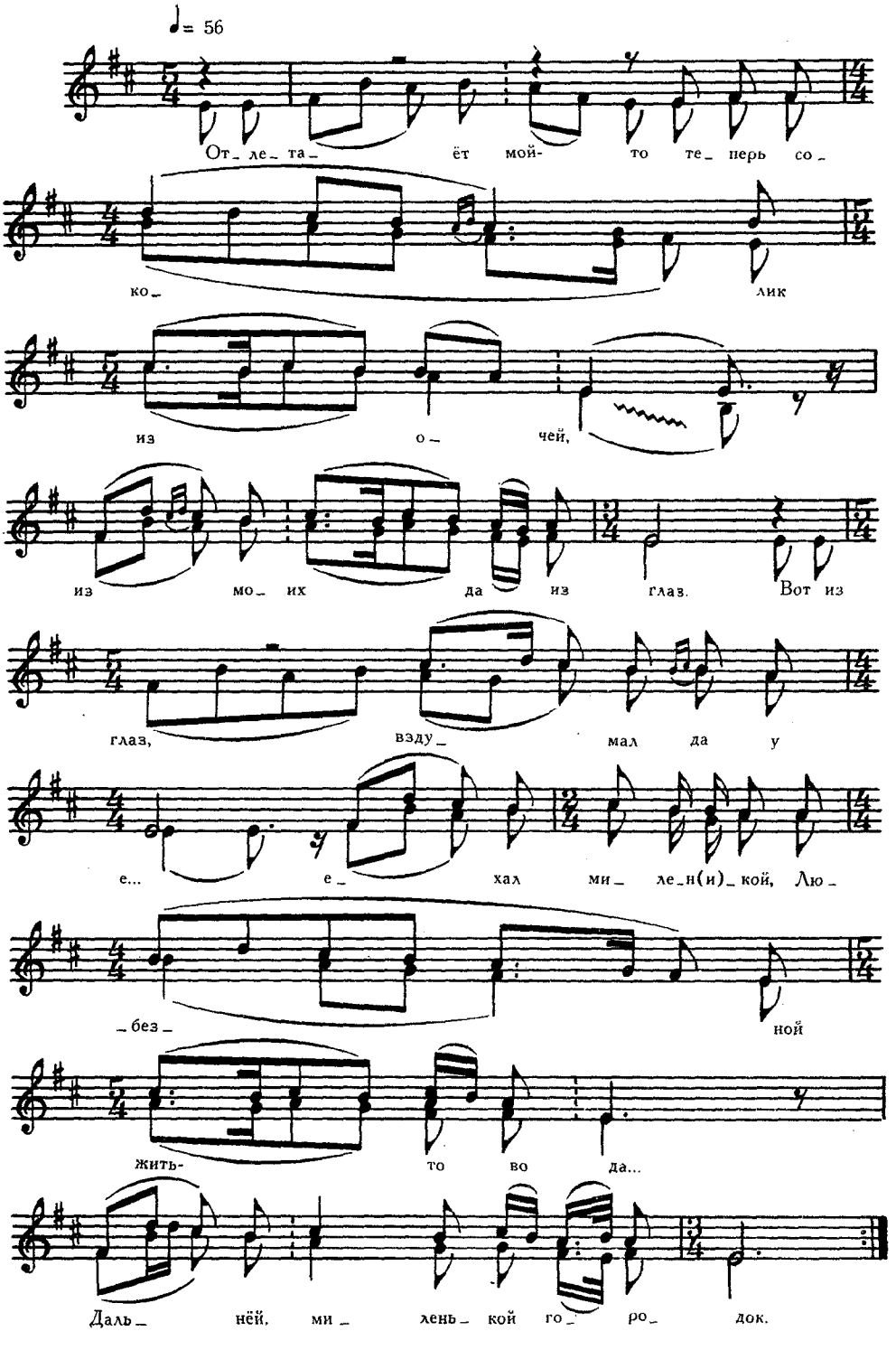

у_ лоч_ ку ме_ ла,
С ут_ ра день до ве_ че_ ра
у_ лоч_ ку ме_ ла, Ох,
ме_ ла, ме_ ла у_ лоч_ ку, рас_
_па_ хи_ ва_ ла.

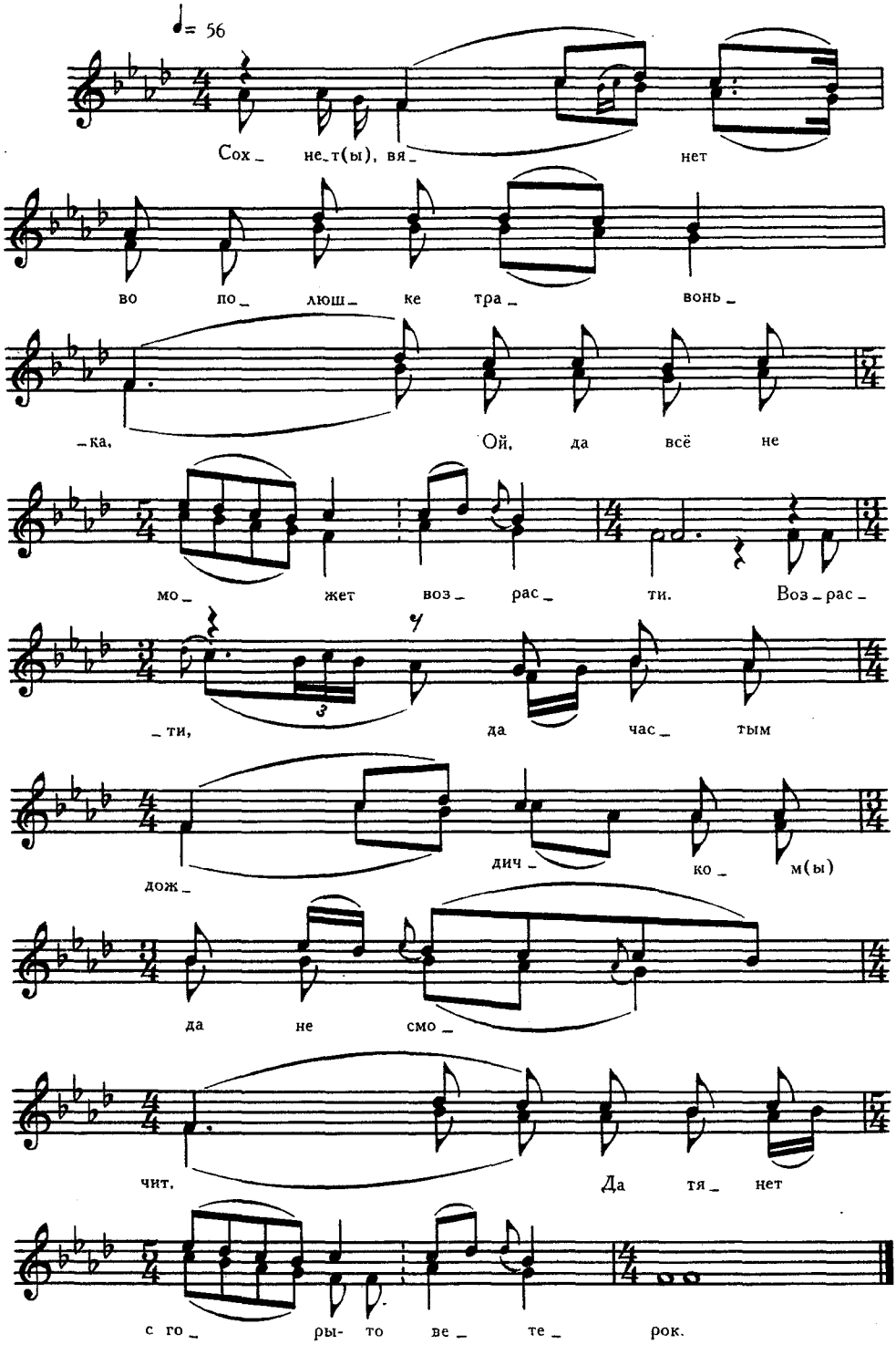

♩= 54
Как по_ е_ хал доб_ рый
мо_ ло_ дец во чис_
_то по_ лё гу_ лять, Да
пер_ во по_ люш_ ко про_
е_ хал, а вто_
_ро_ е пе_ ре_ шел.

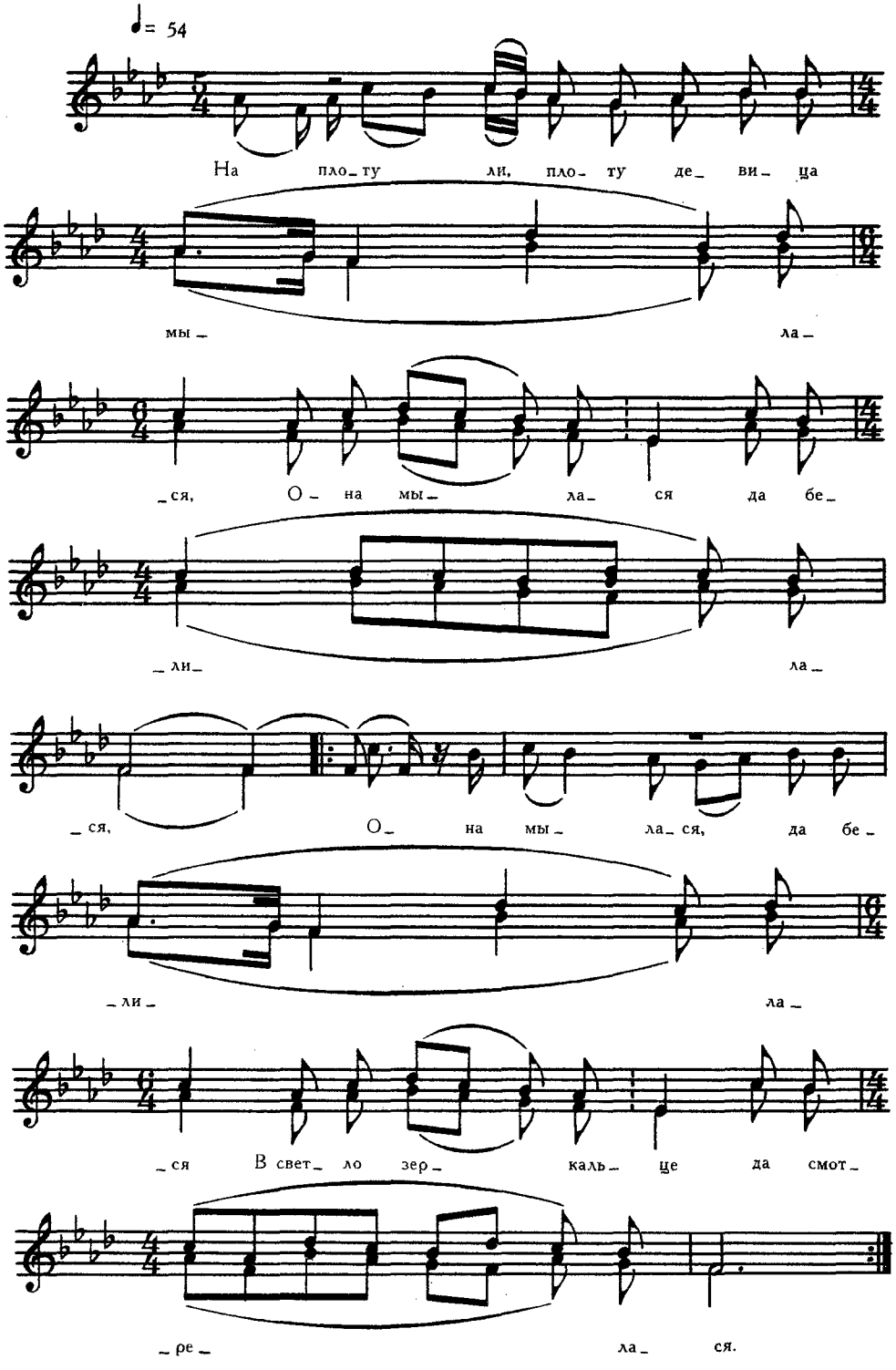

♩= 60
Ты по_ лы_ нёч_ ка ли да по_
лынь ка, По_ лынь трав_ ка
горь... по_ лынь горь_ ка_ я,
По_ лынь трав_ка горь_ ка_ я!
Что ль не я те_ бя ли да са_
_ди_ ла, Не я трав_ ку
се... ой, не я се_ я_ ла?

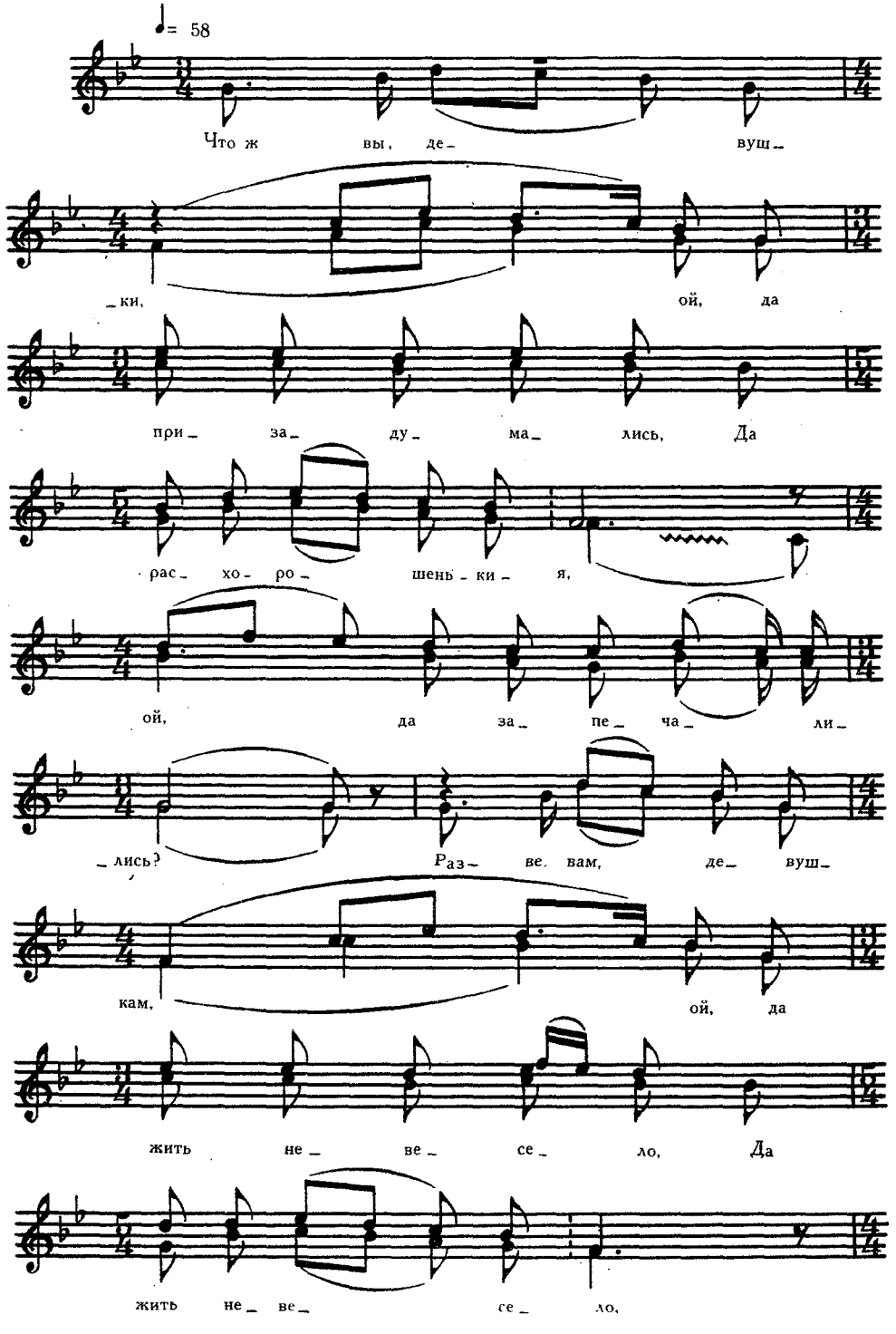

♩= 56
Да бы_ ло- то в руч_ках счасть_ и_
цо, Ой, да не у_
_ме_ ла я со_ дёр_
жать. Со дёр_ жа_ ти, да
лю_ би_ ла я лю_
без но_
го, Ой, да не мог_
ла я в люб ви при_
знать, При_ знать, да стал мой

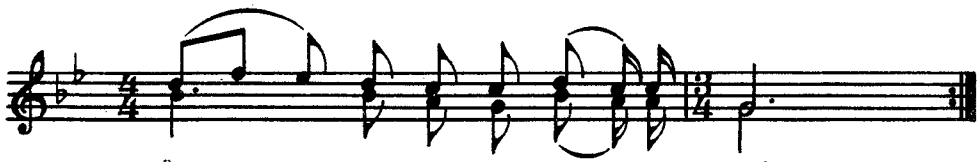

ми _ лень _ кой от _ ста _
_ вать. Стал мой ми _ лень _ кой
от _ ста _ вать, Да
при _ шло- то рас _ ста _
_ вань _ и _
_ цо, Ой, да не мил
де _ вуш _ ке бе _ лой свет.


♩= 56
От_ ле_ та_ ёт мой- то те_ перь со_
ко_ лик
из о_ чей,
из мо_ их да из глаз. Вот из
глаз, взду_ мал да у
е... е_ хал ми_ ле_н(и)_кой, Лю_
без ной
жить- то во да...
Даль_ нёй, ми_ лень_ кой го_ ро_ док.

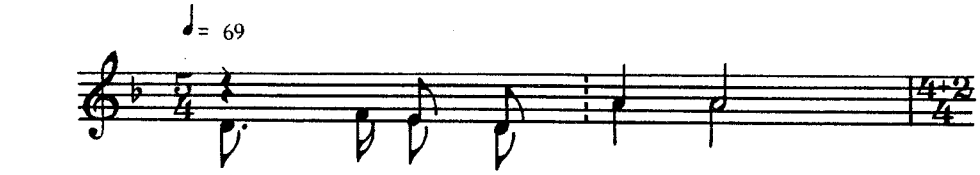

♩= 56
Сох_ не_т(ы), вя_ нет
во по_ люш_ ке тра_ вонь_
_ка, Ой, да всё не
мо_ жет воз_ рас_ ти. Воз_рас_
ти, да час тым
дож_ дич_ ко_ м(ы)
да не смо_
чит, Да тя_ нет
с го_ ры- то ве_ те_ рок.

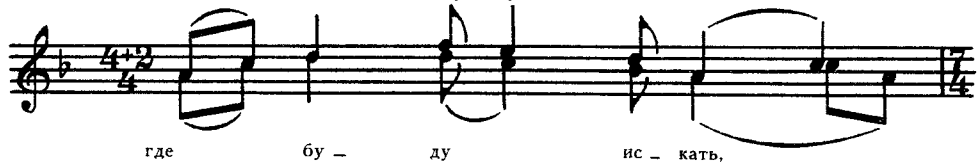

♩= 54
На пло_ту ли, пло_ту де_ви_ца
мы_ ла_
_ся, О_ на мы_ ла_ ся да бе_
_ли_ ла_
_ся, О_ на мы_ ла_ ся, да бе_
_ли_ ла_
ся В свет ло зер_ каль_ це да смот_
_ре_ ла_ ся.

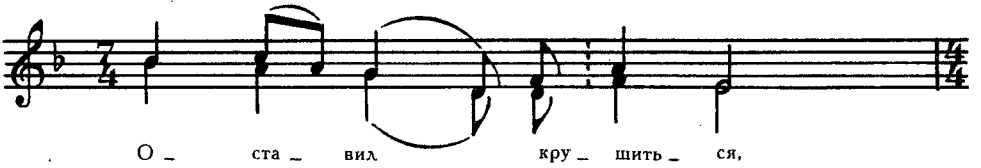

♩= 58
Что ж вы, де_ вуш_
_ки, ой, да
при_ за_ ду_ ма_ лись, Да
рас_ хо_ ро_ шень_ки_ я,
ой, да за_ пе_ ча_ ли_
лись? Раз ве вам, де_ вуш_
кам, ой, да
жить не_ ве_ се_ ло, Да
жить не_ ве_ се_ ло,

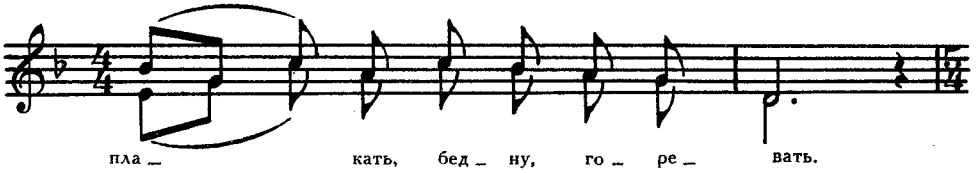


60

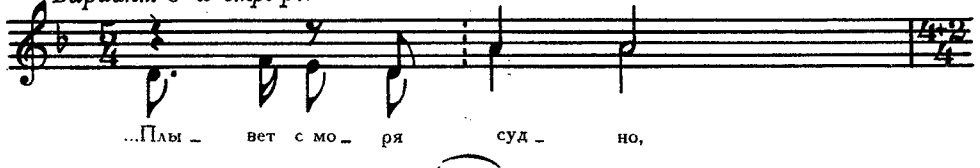


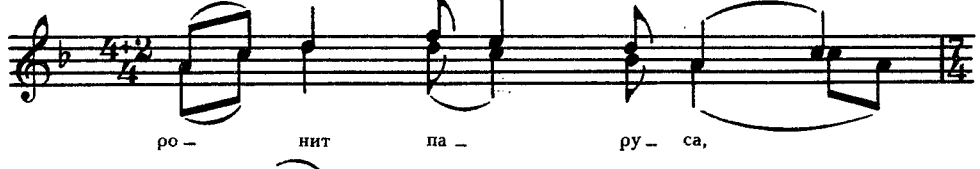


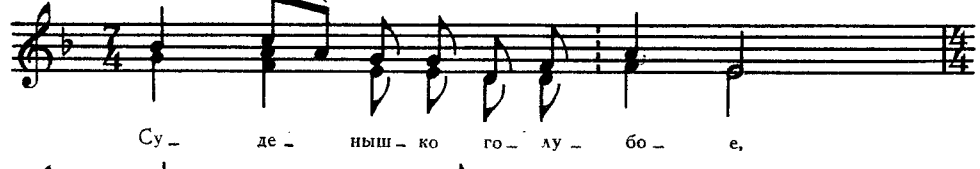


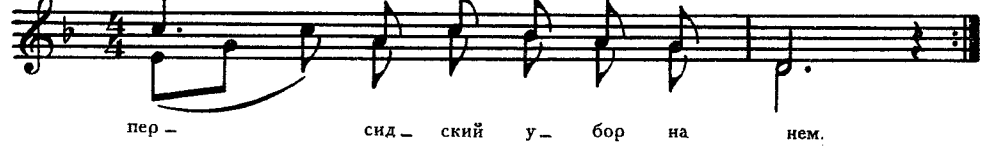


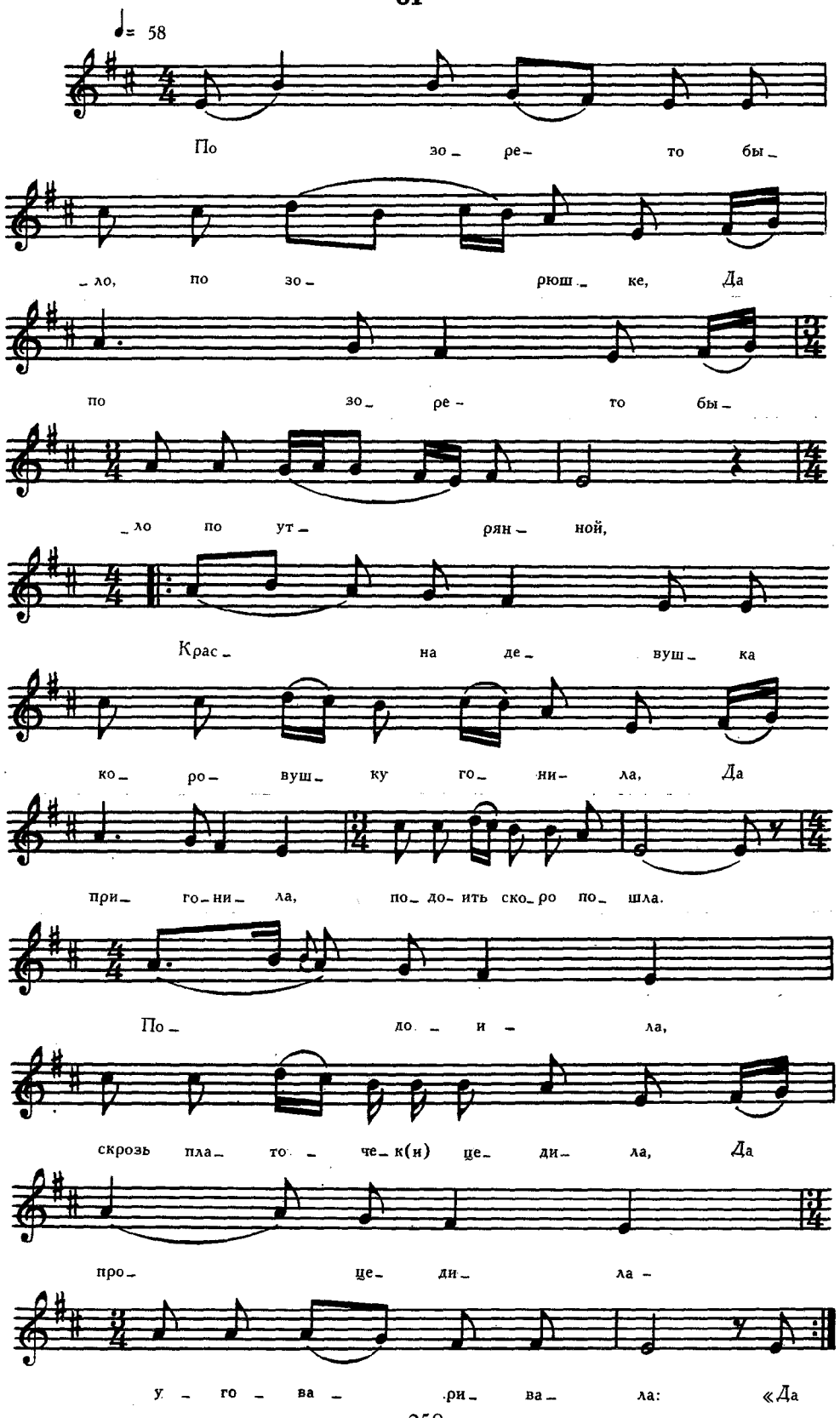
Вариант 5-й строфы

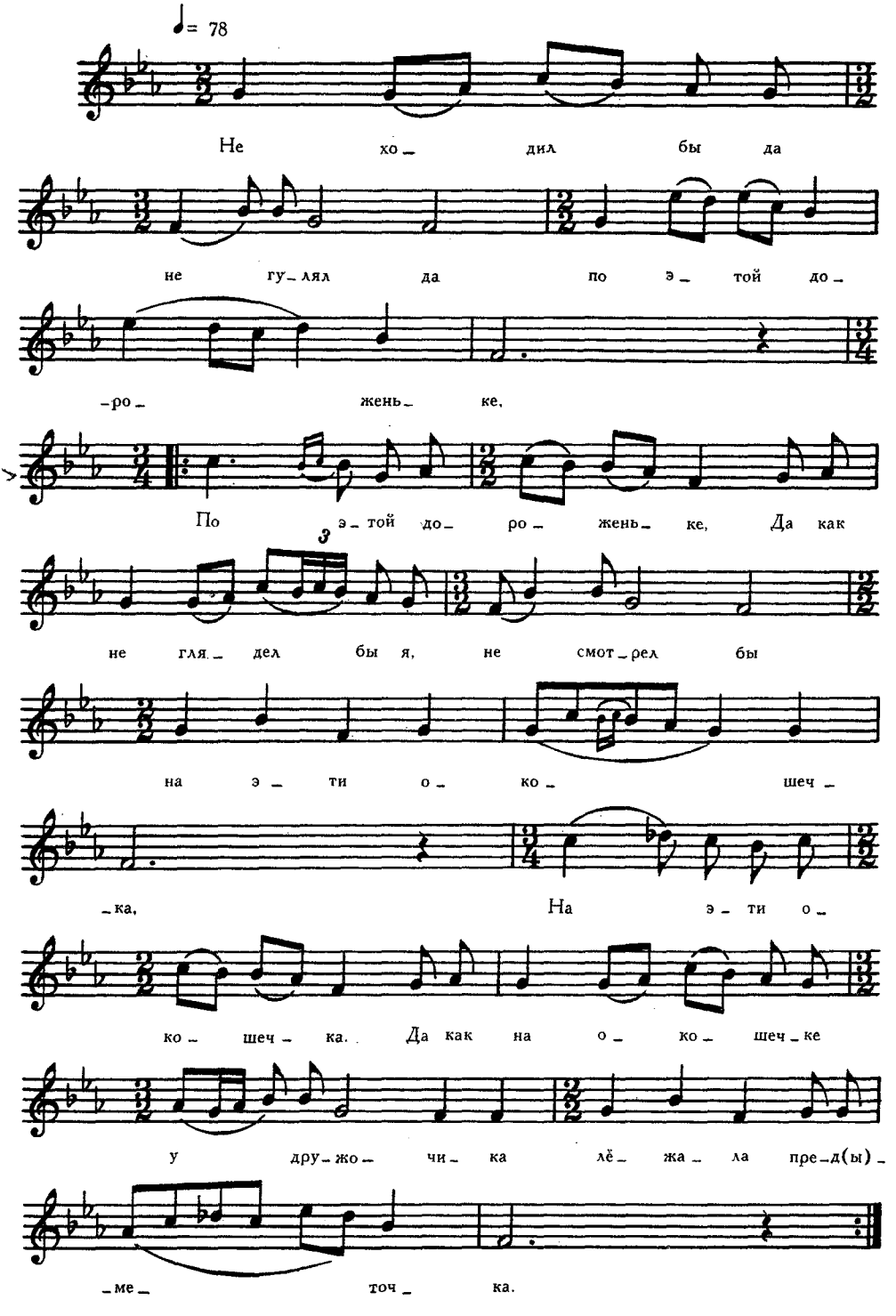


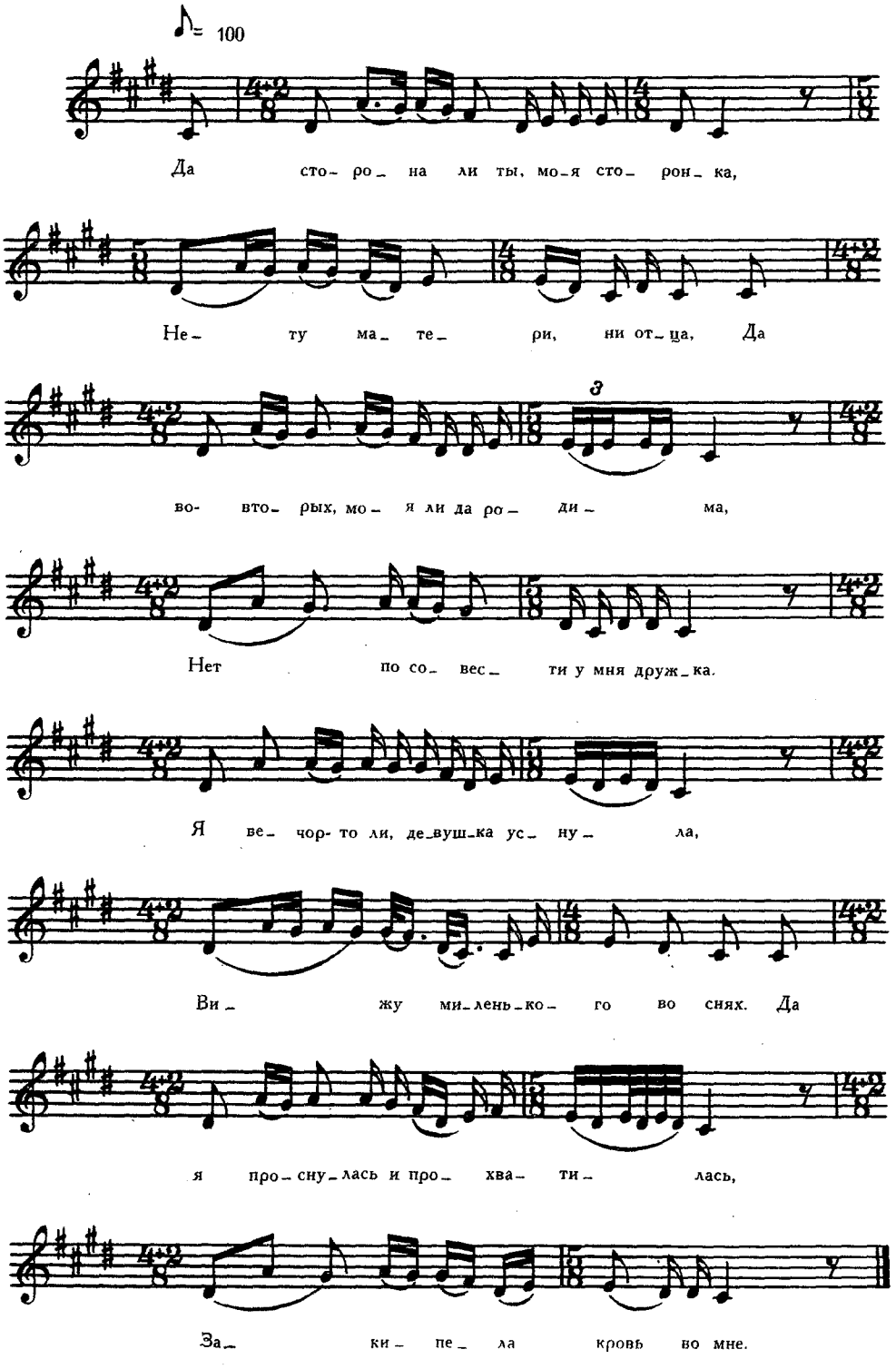




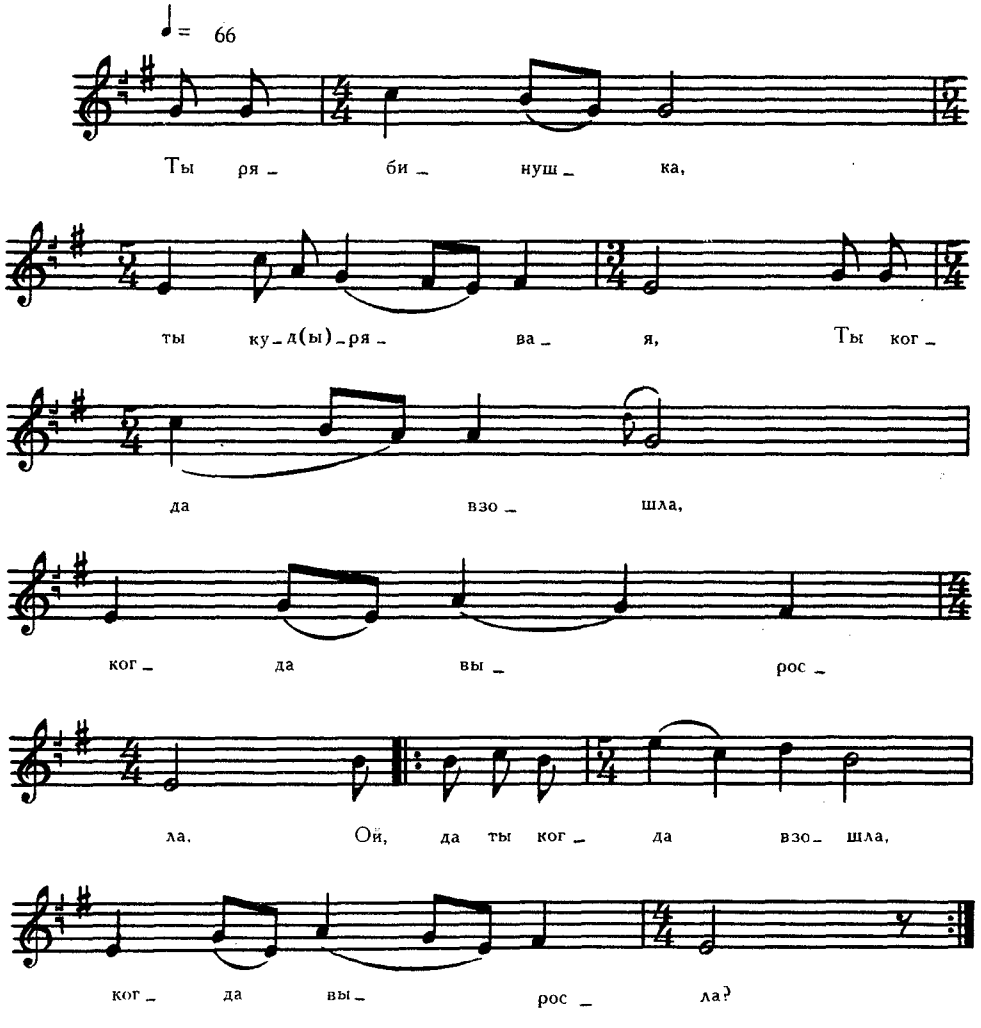


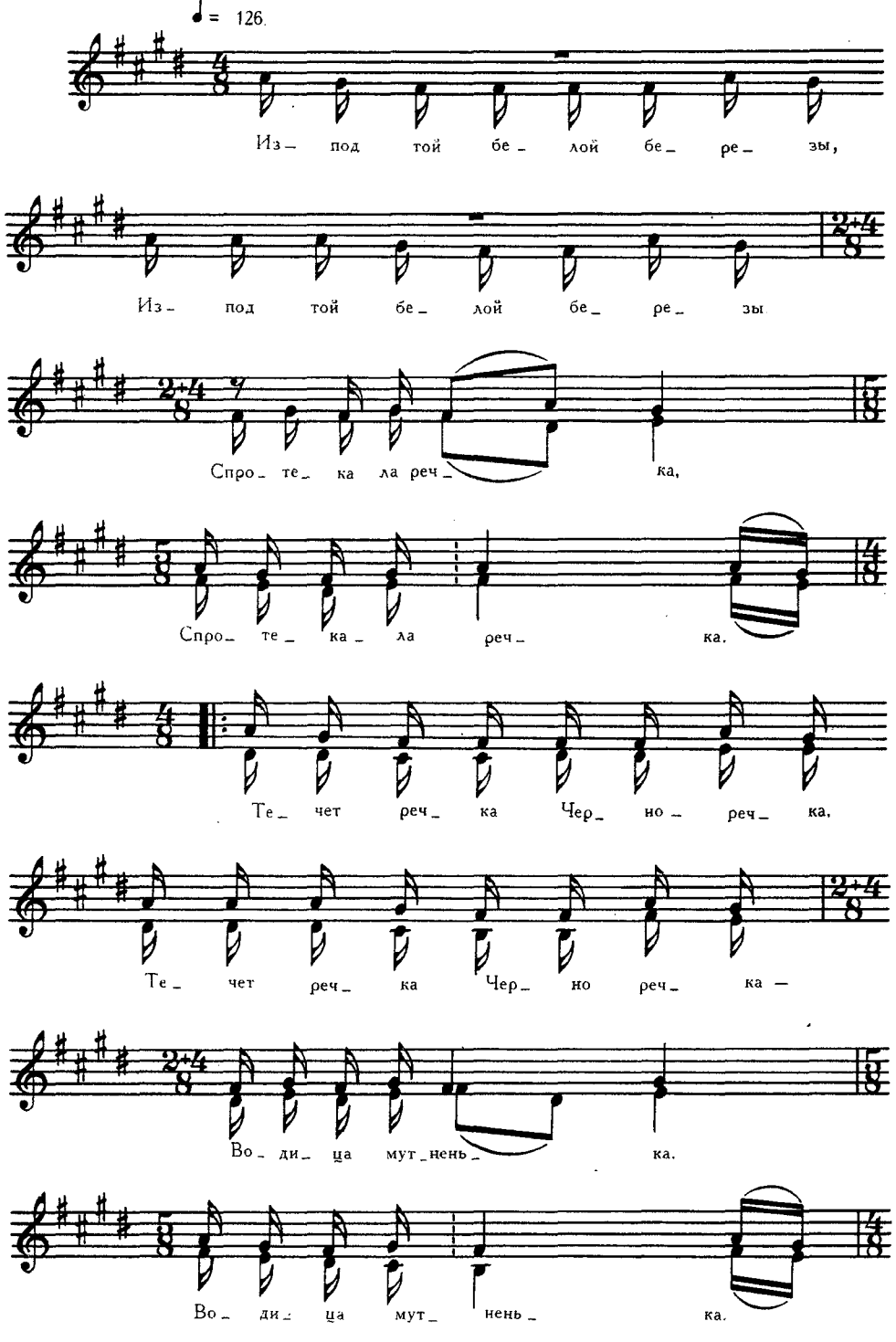

♩= 58
По зо – ре – то бы –
– ло, по зо – рюш – ке, Да
по зо – ре – то бы –
– ло по ут – рян – ной,
Крас – на де – вуш – ка
ко – ро – вуш – ку го – ни – ла, Да
при – го – ни – ла, по – до – ить ско – ро по – шла.
По – до – и – ла,
скрозь пла – то – че – к(и) це – ди – ла, Да
про – це – ди – ла –
у – го – ва – ри – ва – ла: «Да

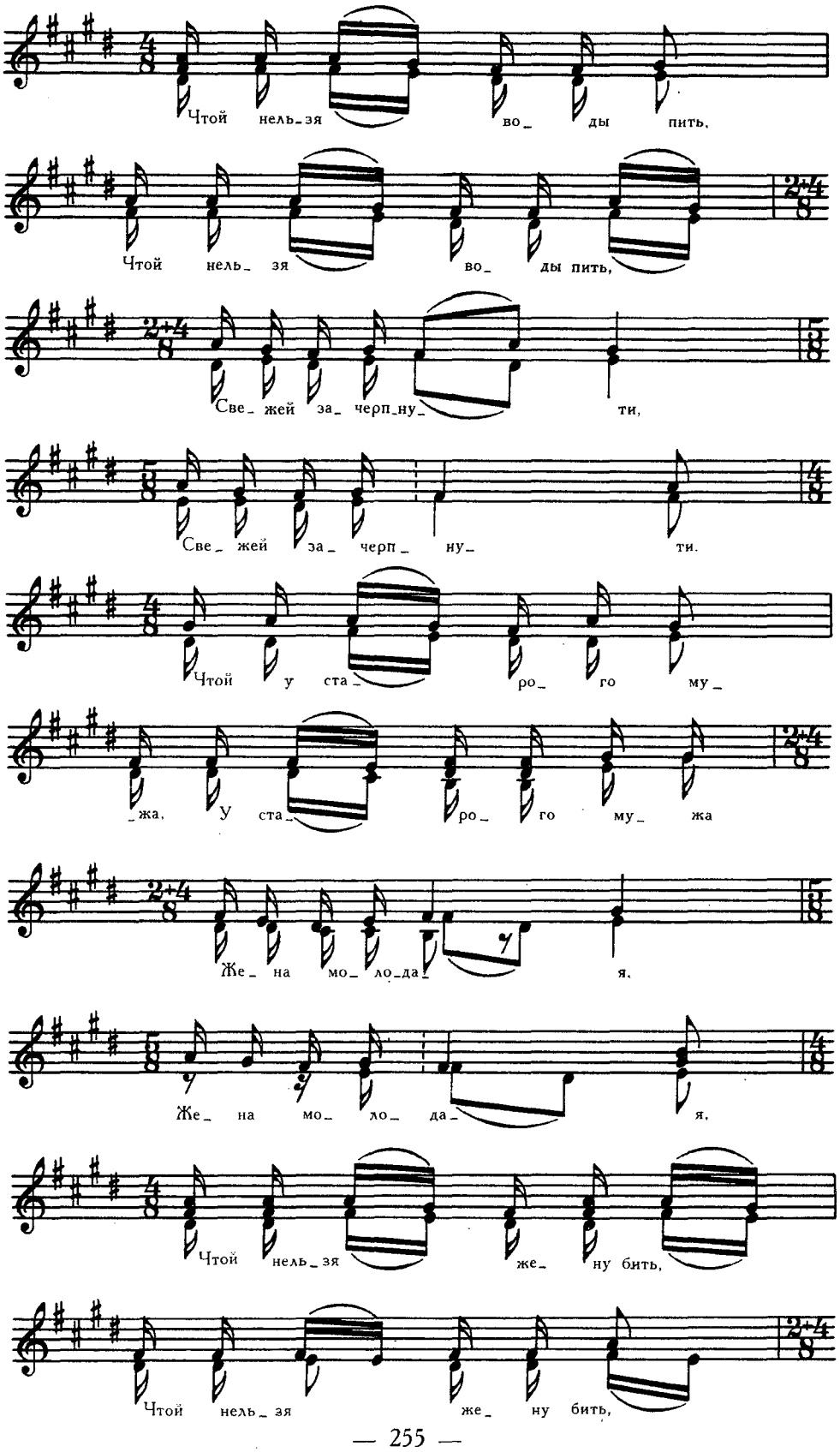

♩= 78
Не хо_ дил бы да
не гу_ лял да по э_ той до_
_ро_ жень_ ке,
По э_ той до_ ро_ жень_ ке, Да как
3
не гля_ дел бы я, не смот_ рел бы
на э_ ти о_ ко_ шеч_
_ка, На э_ ти о_
ко_ шеч_ка. Да как на о_ ко_ шеч_ке
у дру_ жо_ чи_ ка лё_ жа_ ла пре_д(ы)_
_ме_ точ_ ка.

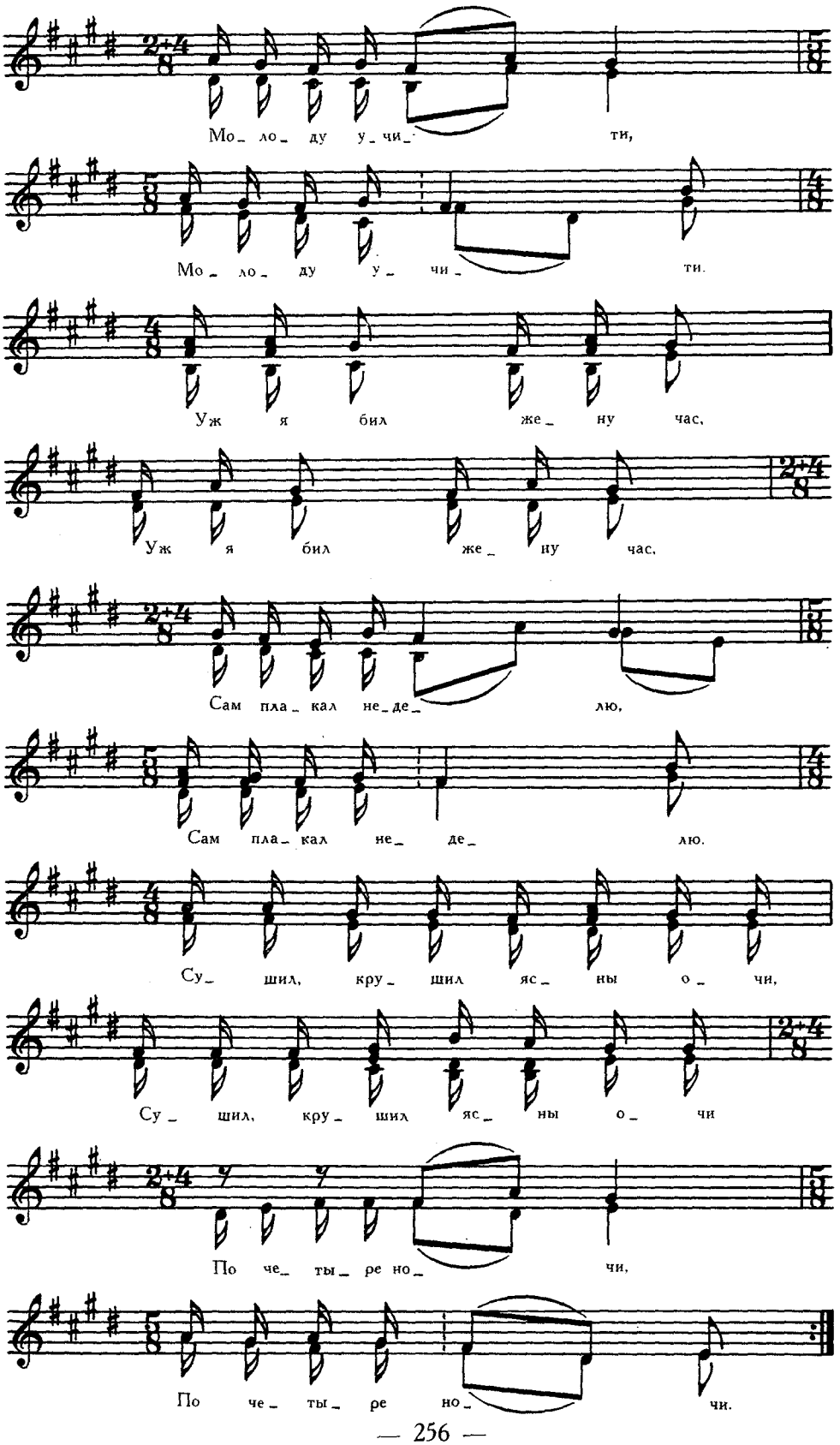

♪= 100
Да сто- ро- на ли ты, мо-я сто- рон- ка,
Не- ту ма- те- ри, ни от- ца, Да
во- вто- рых, мо- я ли да ро- ди- ма,
Нет по со- вес- ти у мня друж- ка.
Я ве- чор- то ли, де-вуш-ка ус- ну- ла,
Ви- жу ми-лень-ко- го во снях. Да
я про- сну-лась и про- хва- ти- лась,
За- ки- пе- ла кровь во мне.

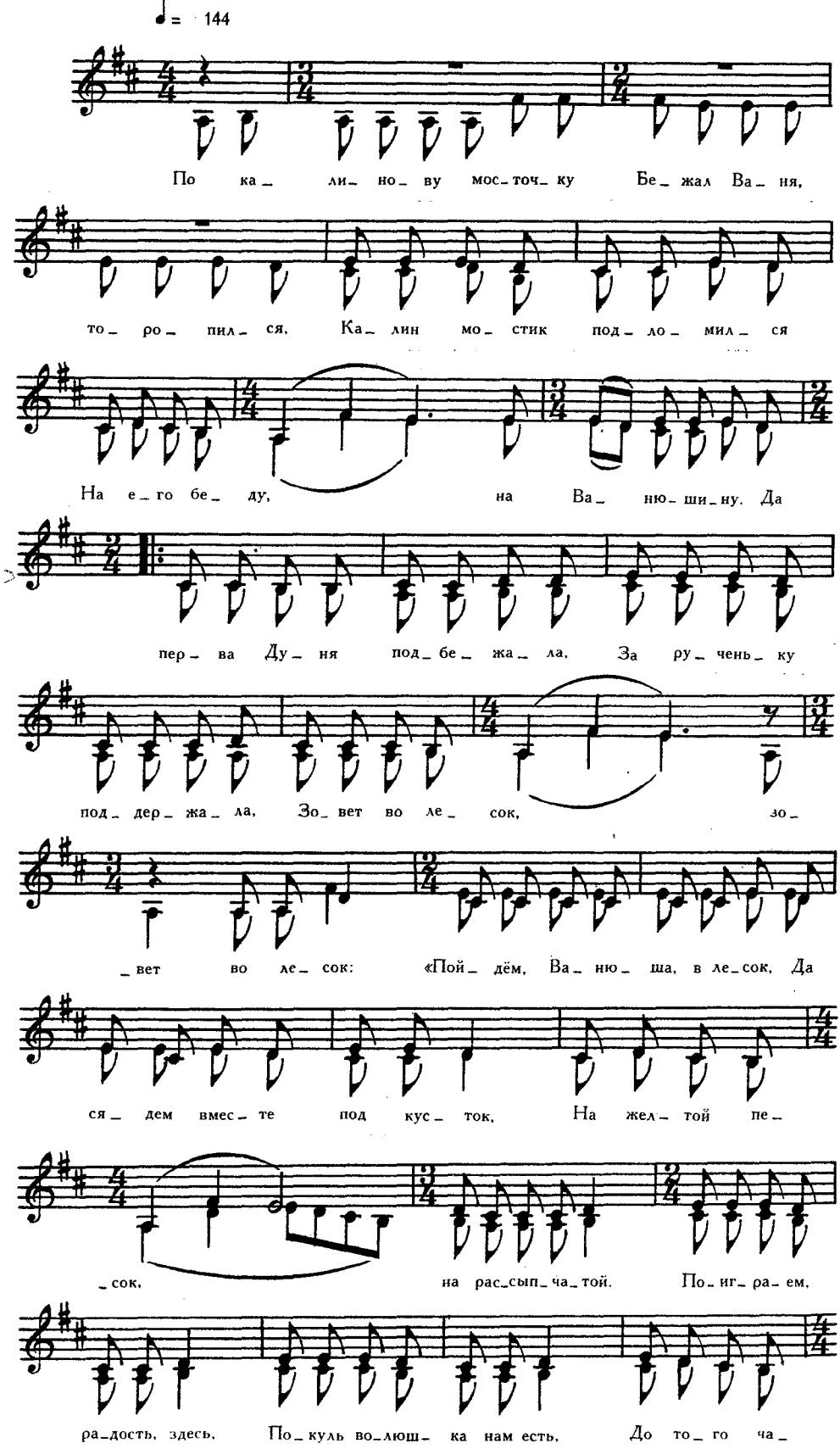
64

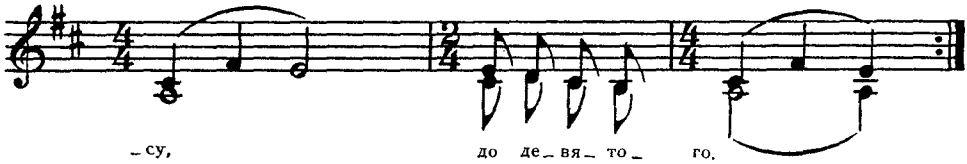

♩= 66
Ты ря _ би _ нуш _ ка,
ты ку _ д(ы) _ ря _ ва _ я, Ты ког _
да взо _ шла,
ког _ да вы _ рос _
ла. Ой, да ты ког _ да взо _ шла,
ког _ да вы _ рос _ ла?


♩ = 126
Из_ под той бе_ лой бе_ ре_ зы,
Из_ под той бе_ лой бе_ ре_ зы
Спро_ те_ ка ла реч_ ка,
Спро_ те_ ка_ ла реч_ ка.
Те_ чет реч_ ка Чер_ но_ реч_ ка,
Те_ чет реч_ ка Чер_ но реч_ ка —
Во_ ди_ ца мут_нень_ ка.
Во_ ди_ ца мут_ нень_ ка.

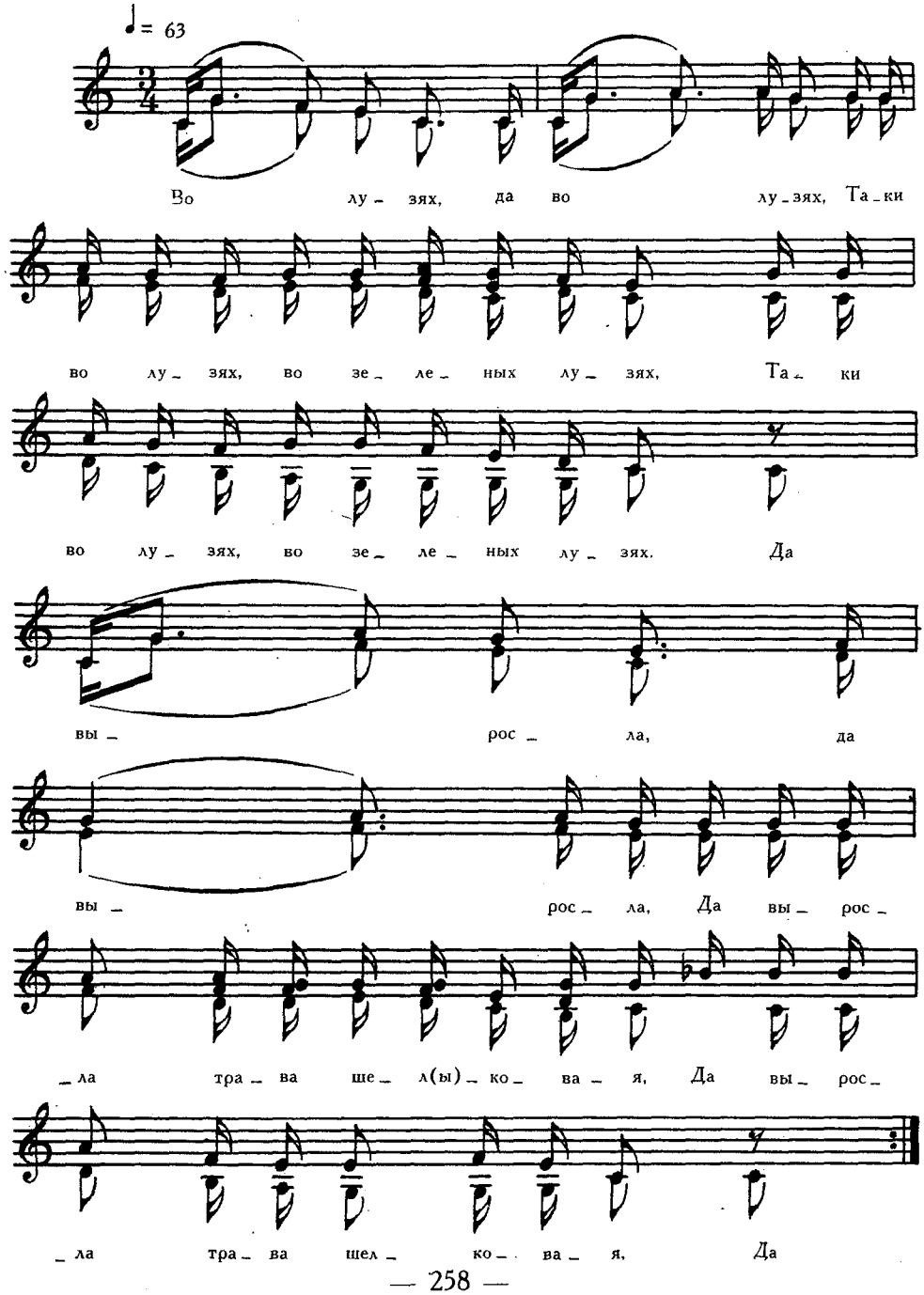

Чтой нель_зя во_ ды пить,
Чтой нель_ зя во_ ды пить,
Све_ жей за_ черп_ну_ ти,
Све_ жей за_ черп_ ну_ ти.
Чтой у ста_ ро_ го му_
жа, У ста ро_ го му_ жа
Же_ на мо_ ло_да_ я.
Же_ на мо_ ло_ да_ я.
Чтой нель_зя же_ ну бить,
Чтой нель_ зя же_ ну бить,

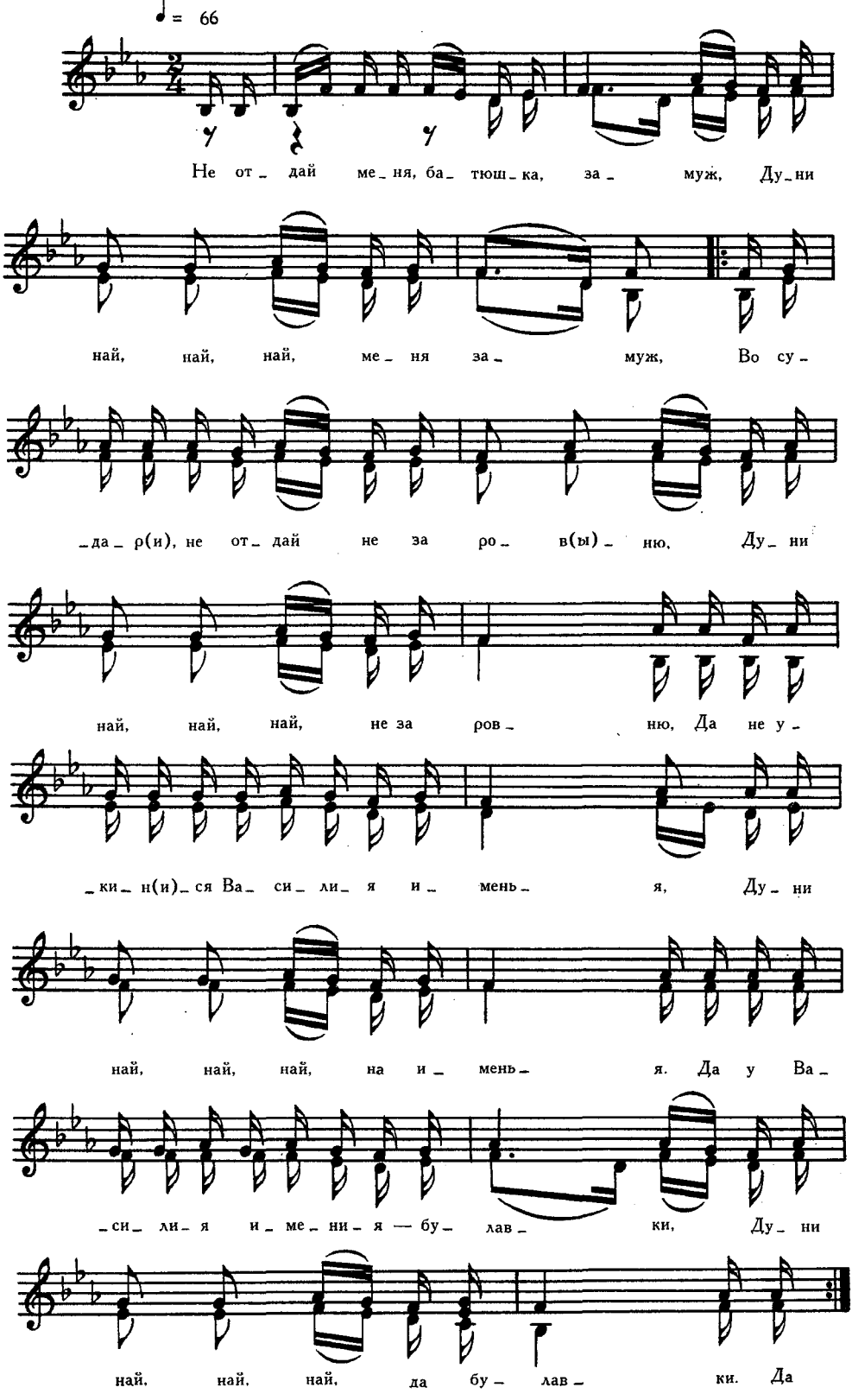

Мо_ ло_ ду у_ чи_ ти,
Мо_ ло_ ду у_ чи_ ти.
Уж я бил же_ ну час,
Уж я бил же_ ну час,
Сам пла_ кал не_ де_ лю,
Сам пла_ кал не_ де_ лю.
Су_ шил, кру_ шил яс_ ны о_ чи,
Су_ шил, кру_ шил яс_ ны о_ чи
По че_ ты_ ре но_ чи,
По че_ ты_ ре но_ чи.

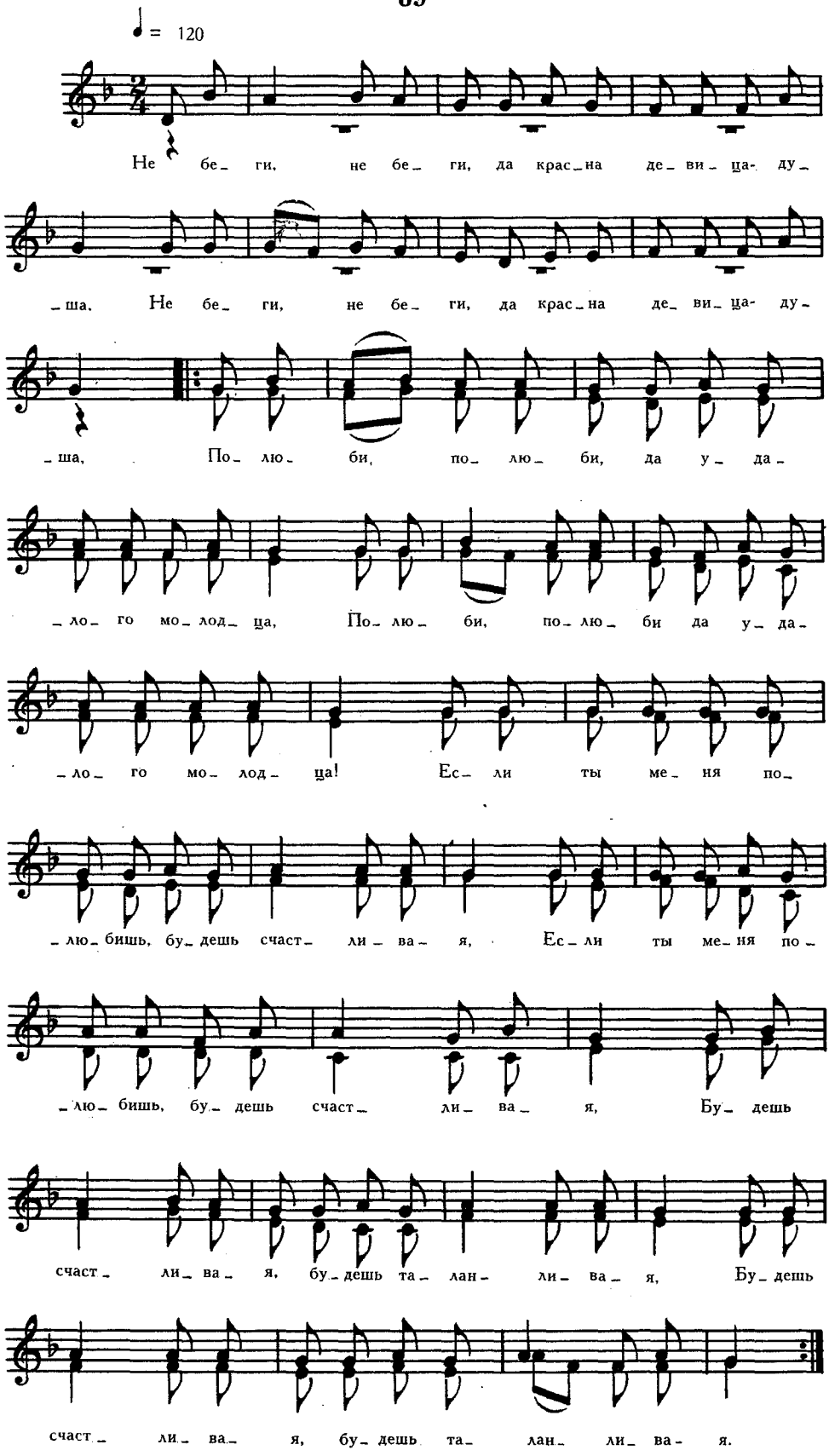

♩= 144
По ка_ ли_ но_ ву мос_ точ_ ку Бе_ жал Ва_ ня,
то_ ро_ пил_ ся, Ка_ лин мо_ стик под_ ло_ мил_ ся
На е_ го бе_ ду, на Ва_ ню_ ши_ ну. Да
пер_ ва Ду_ ня под_ бе_ жа_ ла, За ру_ чень_ ку
под_ дер_ жа_ ла, Зо_ вет во ле_ сок, зо_
вет во ле сок: «Пой_ дём, Ва_ ню_ ша, в ле_сок, Да
ся_ дем вмес_ те под кус_ ток, На жел_ той пе_
_сок, на рас_сып_ ча_ той. По_ иг_ ра_ ем,
ра_дость, здесь, По_ куль во_лющ_ ка нам есть, До то_ го ча_

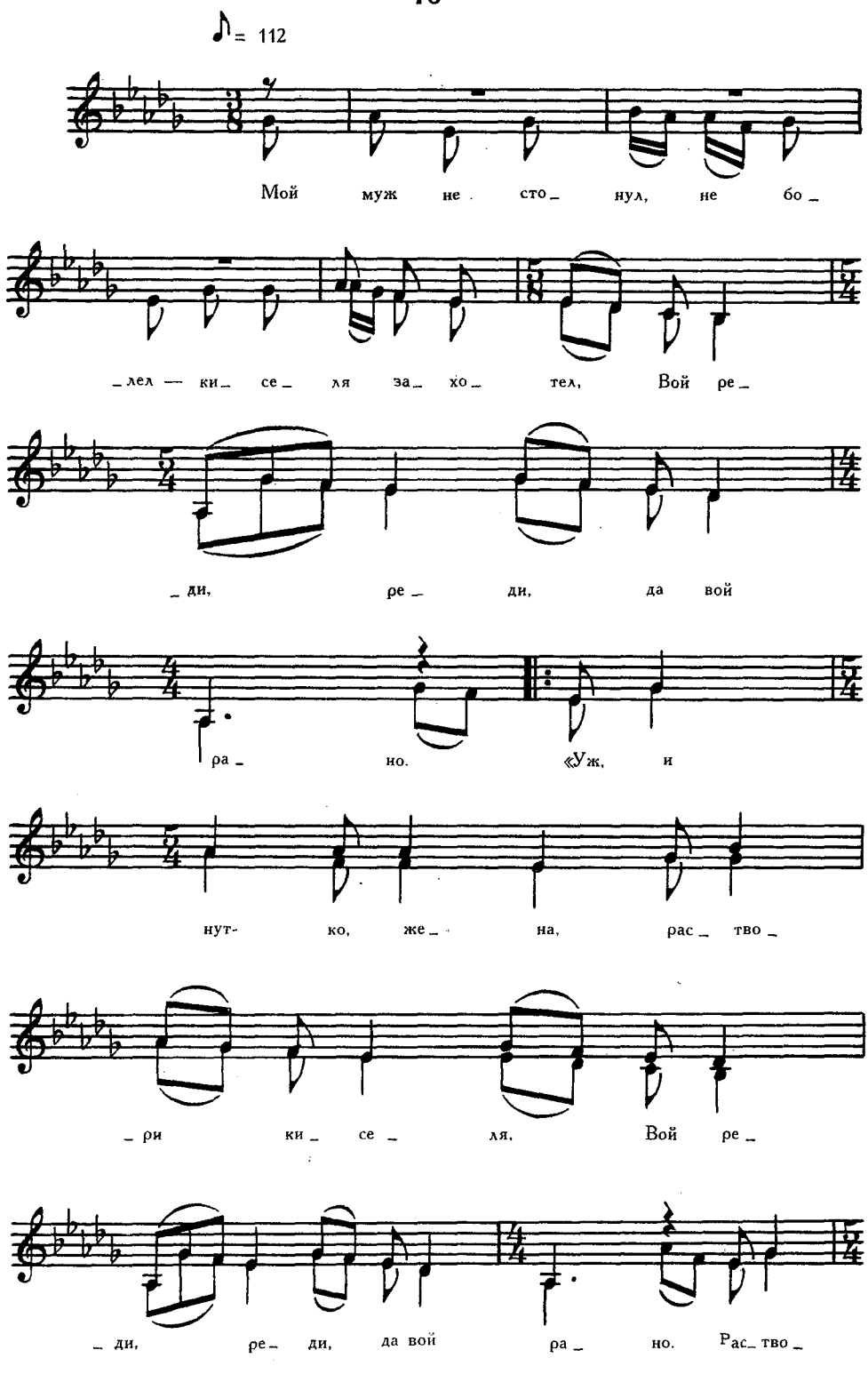

-су, до де-вя-то- го.

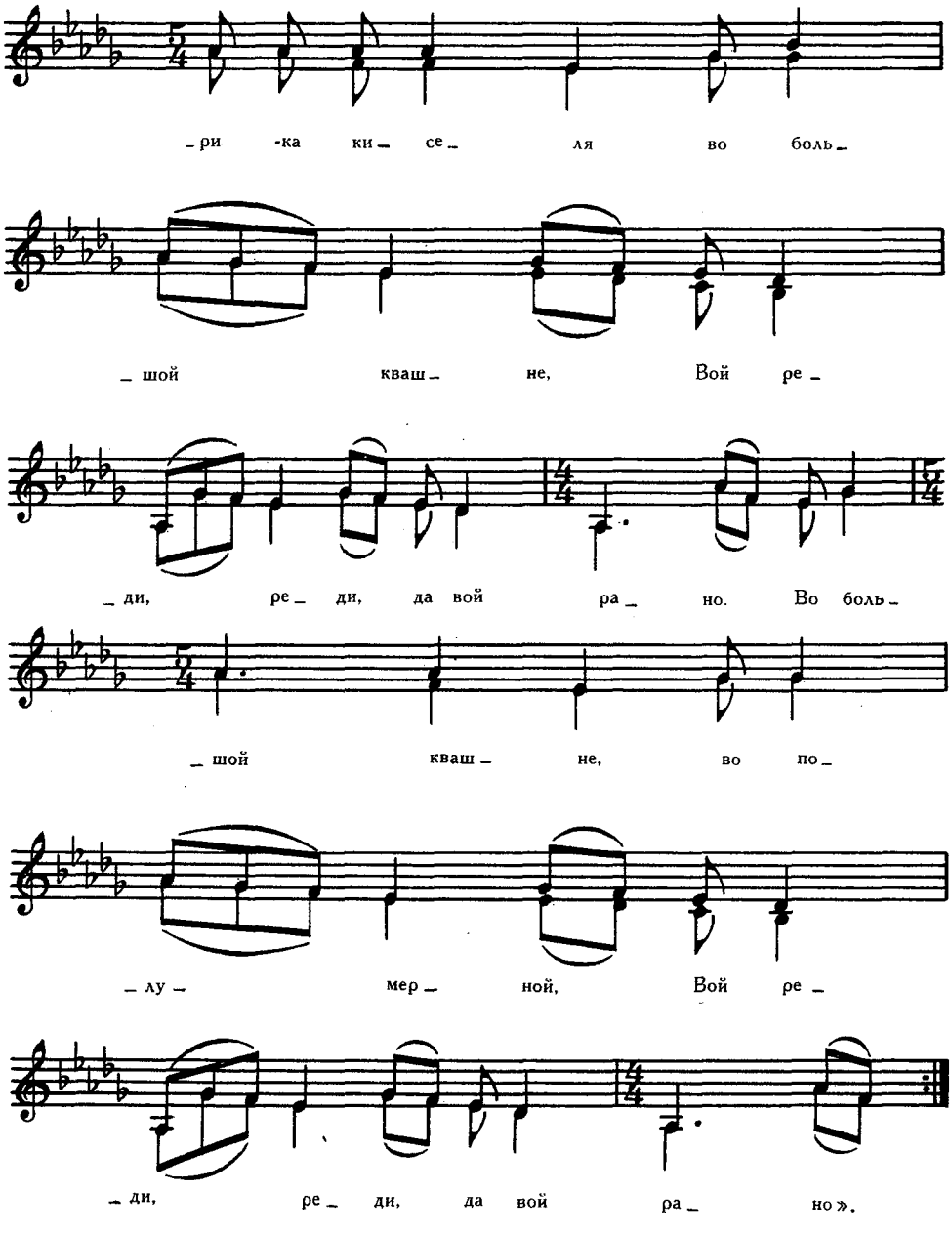
67

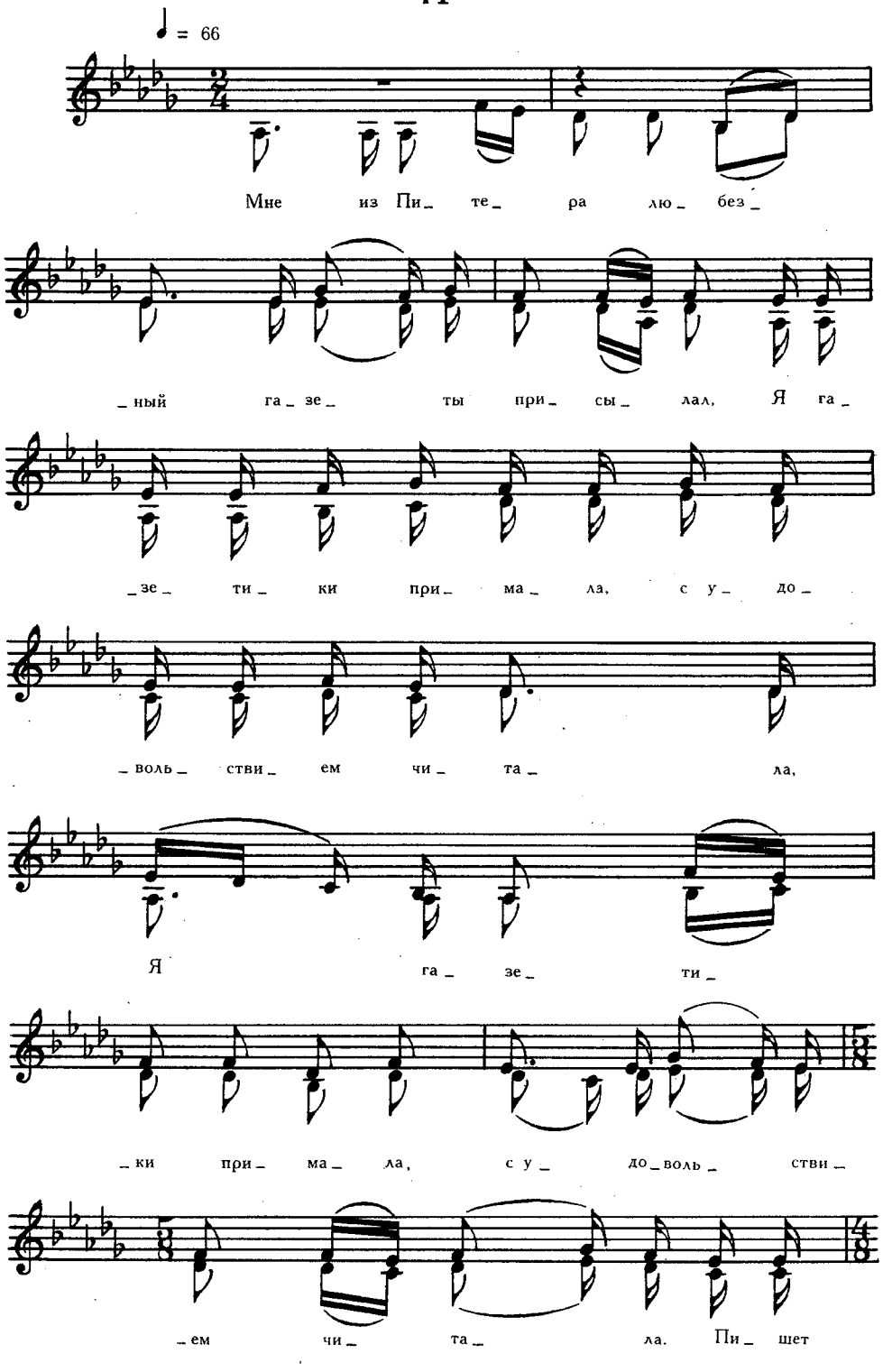

♩= 63
Во лу- зях, да во лу-зях, Та-ки
во лу- зях, во зе- ле- ных лу- зях, Та- ки
во лу- зях, во зе- ле- ных лу- зях. Да
вы- рос- ла, да
вы- рос- ла, Да вы- рос-
-ла тра- ва ше- л(ы)-ко- ва- я, Да вы- рос-
-ла тра- ва шел- ко- ва- я, Да

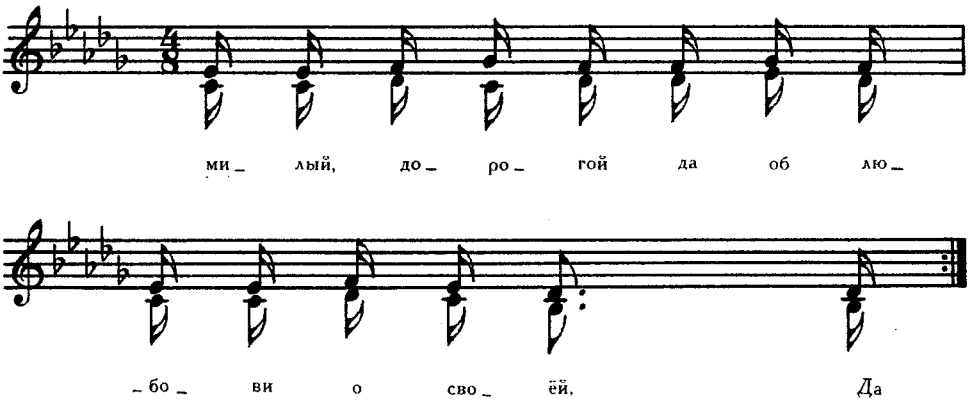

♩ = 66
Не от_ дай ме_ня, ба_ тюш_ка, за_ муж, Ду_ни
най, най, най, ме_ня за_ муж, Во су_
_да_ р(и), не от_ дай не за ро_ в(ы)_ ню, Ду_ ни
най, най, най, не за ров_ ню, Да не у_
_ки_ н(и)_ся Ва_ си_ ли_ я и_ мень_ я, Ду_ ни
най, най, най, на и_ мень_ я. Да у Ва_
_си_ ли_ я и_ ме_ ни_ я — бу_ лав_ ки, Ду_ ни
най, най, най, да бу_ лав_ ки. Да


♩ = 120
Не бе_ ги, не бе_ ги, да крас_на де_ви_ца- ду_
_ша. Не бе_ ги, не бе_ ги, да крас_на де_ви_ца- ду_
_ша, По_ лю_ би, по_ лю_ би, да у_ да_
_ло_ го мо_ лод_ ца, По_ лю_ би, по_ лю_ би да у_ да_
_ло_ го мо_ лод_ ца! Ес_ ли ты ме_ ня по_
_лю_ бишь, бу_ дешь счаст_ ли_ ва_ я, Ес_ ли ты ме_ ня по_
_лю_ бишь, бу_ дешь счаст_ ли_ ва_ я, Бу_ дешь
счаст_ ли_ ва_ я, бу_ дешь та_ лан_ ли_ ва_ я, Бу_ дешь
счаст_ ли_ ва_ я, бу_ дешь та_ лан_ ли_ ва_ я.

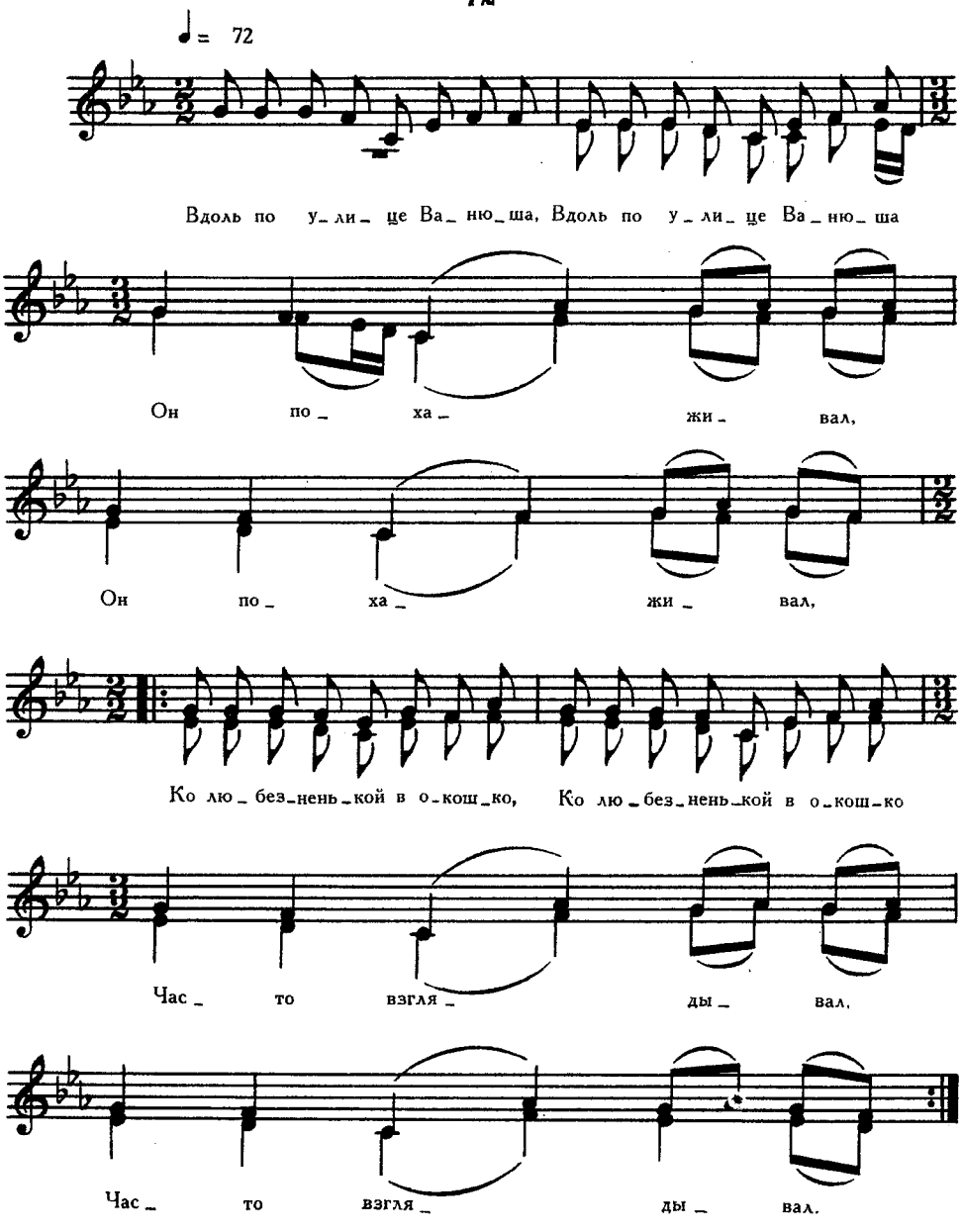

♪ = 112
Мой муж не сто_ нул, не бо_
лел — ки се_ ля за_ хо_ тел, Вой ре_
_ди, ре_ ди, да вой
ра_ но. «Уж, и
нут- ко, же_ на, рас_ тво_
_ри ки_ се_ ля, Вой ре_
_ди, ре_ ди, да вой ра_ но. Рас_ тво_


_ри -ка ки_ се_ ля во боль_
_ шой кваш_ не, Вой ре_
_ ди, ре_ ди, да вой ра_ но. Во боль_
_ шой кваш_ не, во по_
_ лу_ мер_ ной, Вой ре_
_ ди, ре_ ди, да вой ра_ но».

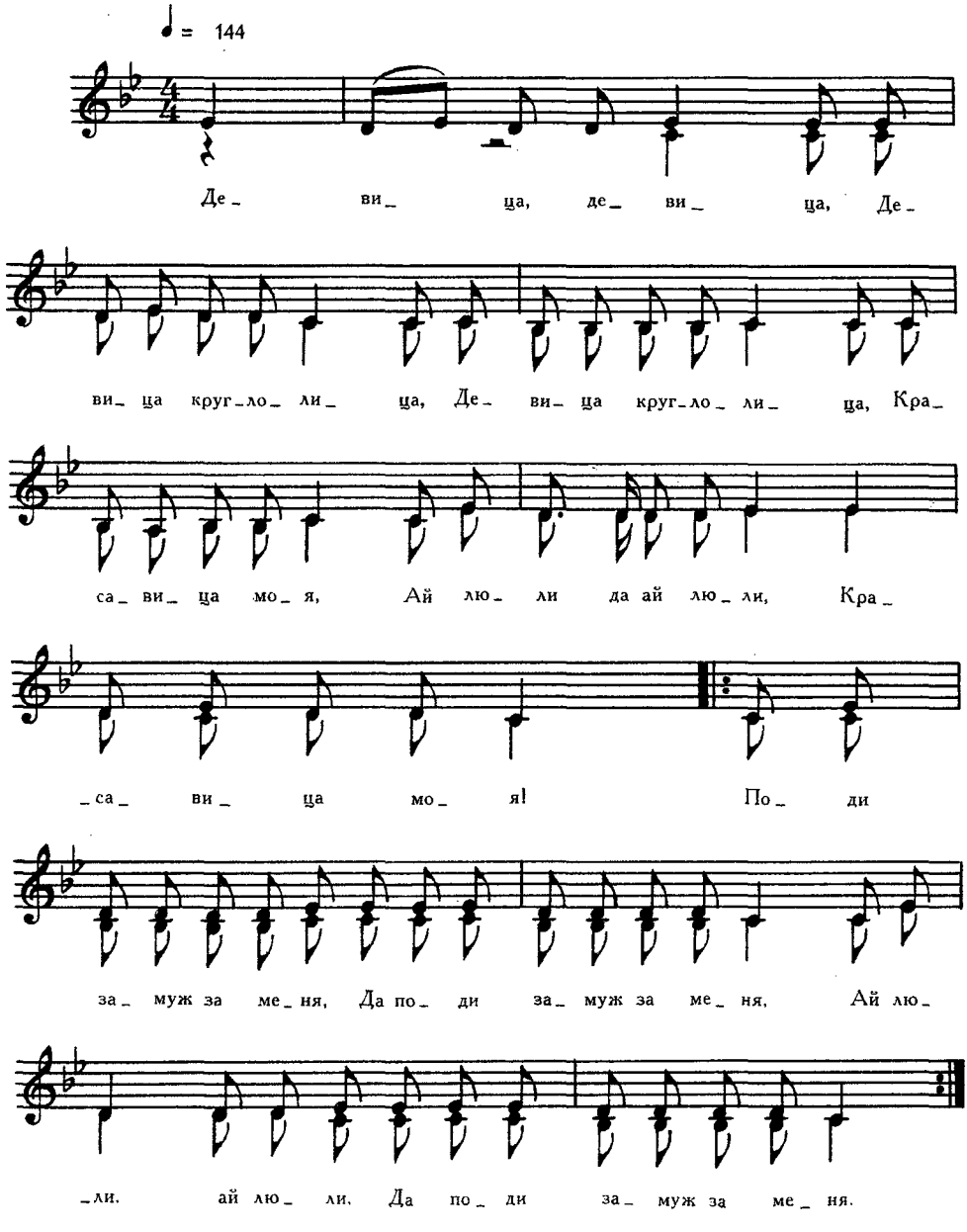

♩ = 66
Мне из Пи_ те_ ра лю_ без_
ный га зе_ ты при_ сы_ лал, Я га_
_зе_ ти_ ки при_ ма_ ла, с у_ до_
воль ствi_ ем чи_ та_ ла,
Я га_ зе_ ти_
ки при ма_ ла, с у_ до_воль_ ствi_
_ем чи_ та_ ла. Пи_ шет

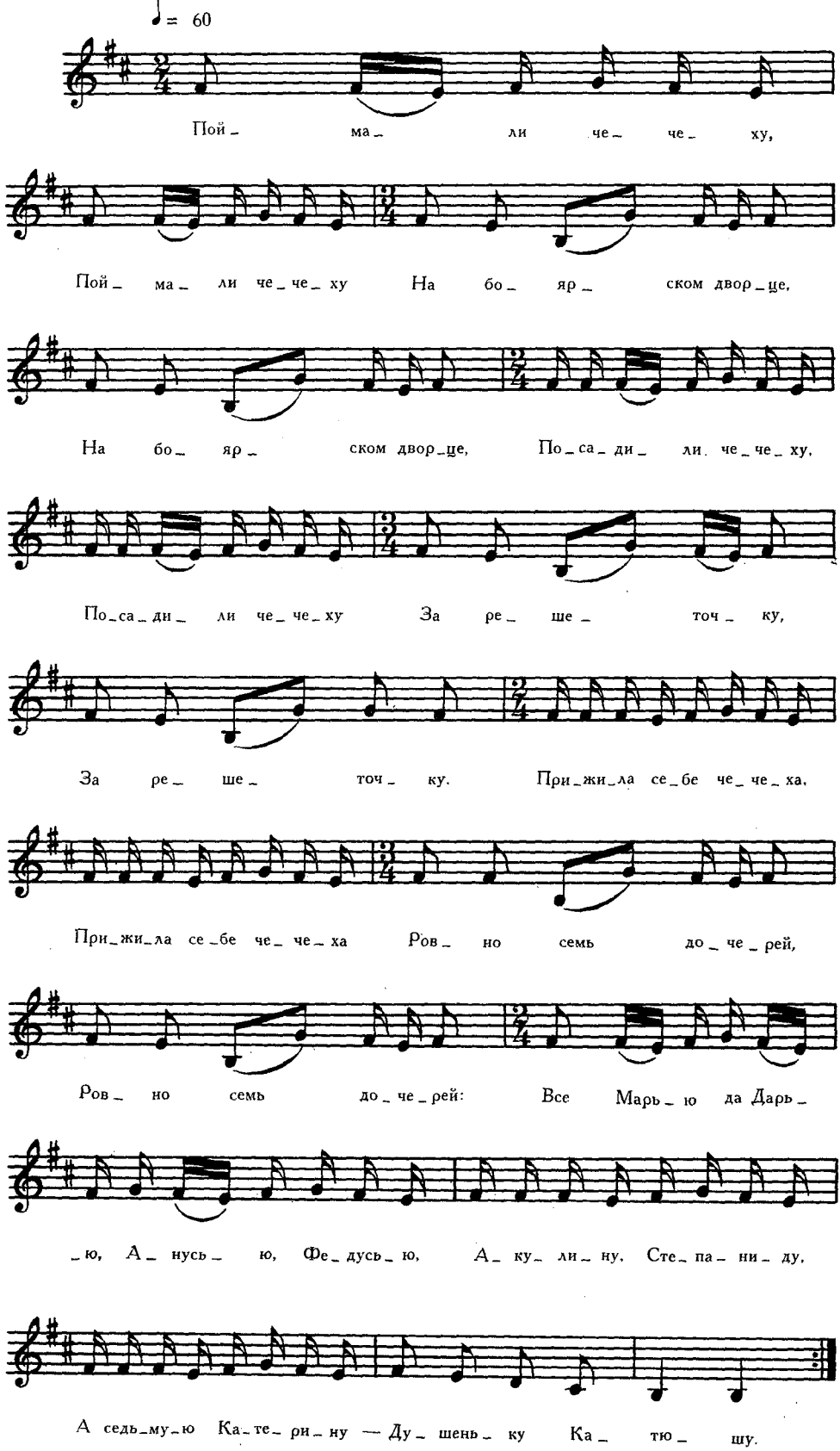

ми_ лый, до_ ро_ гой да об лю_
_бо_ ви о сво_ ёй, Да

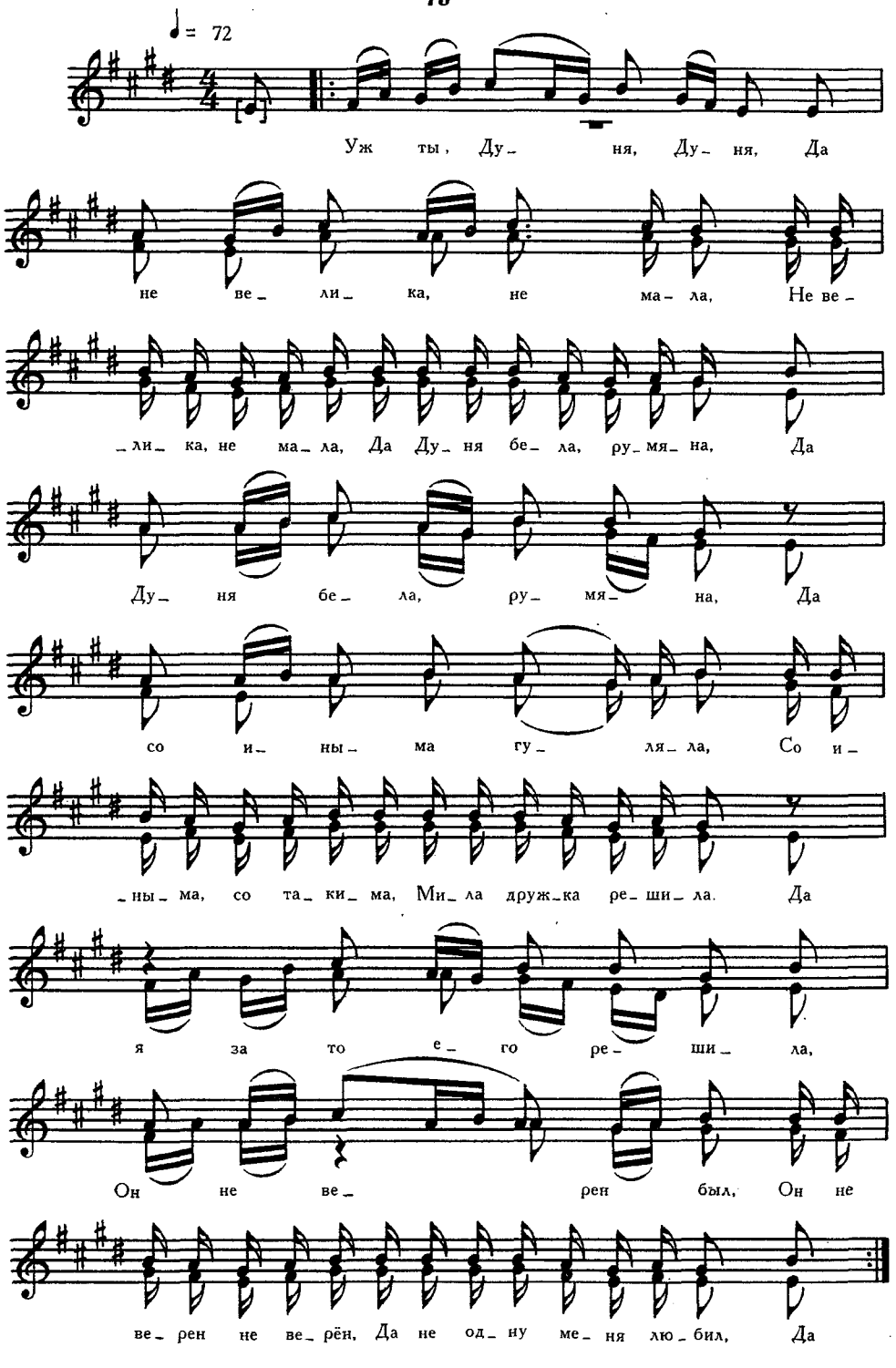
72

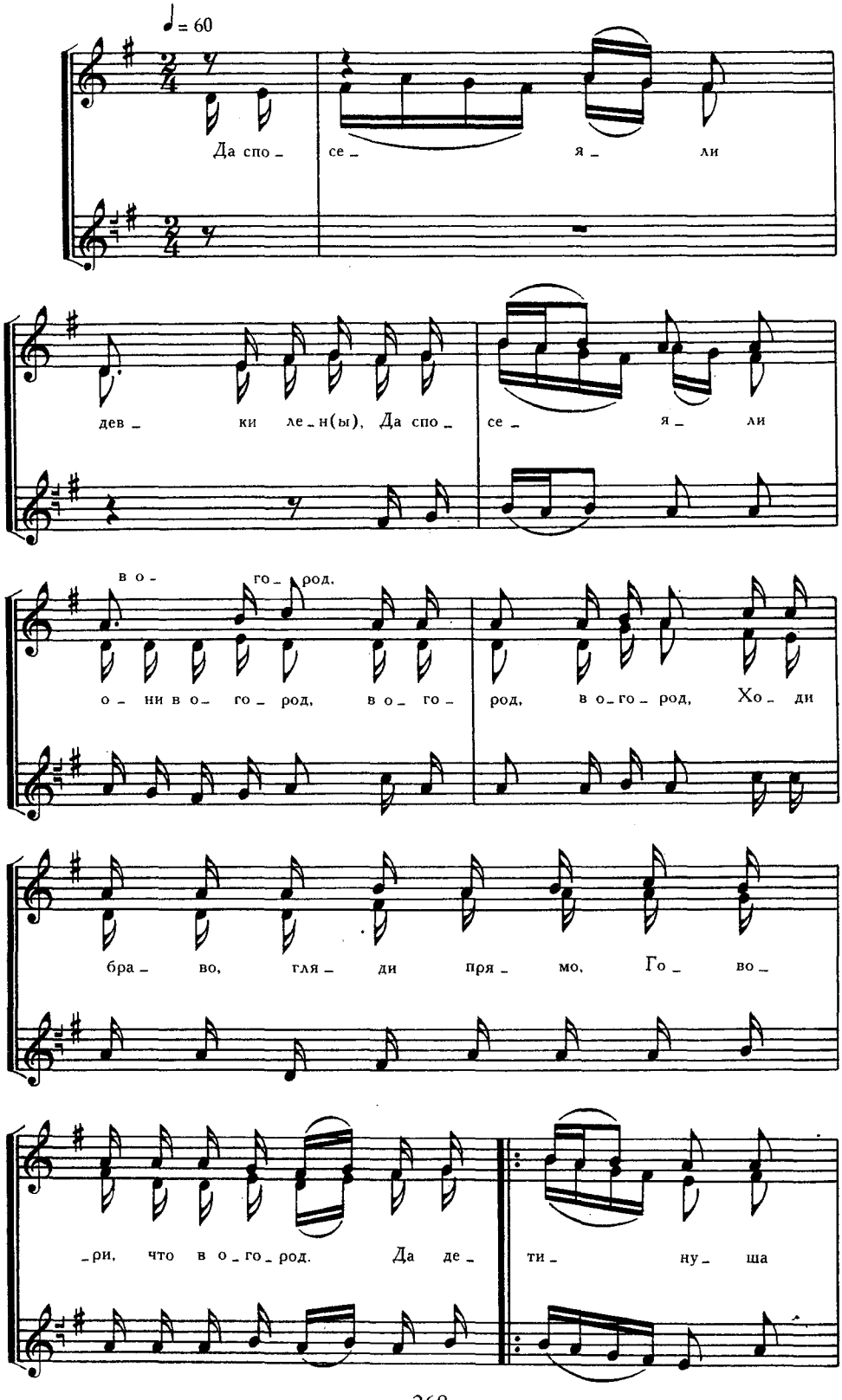

♩= 72
Вдоль по у_ли_ це Ва_ню_ша, Вдоль по у_ли_ це Ва_ню_ша
Он по_ ха_ жи_ вал,
Он по_ ха_ жи_ вал,
Ко лю_ без_нень_кой в о_кош_ко, Ко лю_ без_нень_кой в о_кош_ко
Час_ то взгля_ ды_ вал,
Час_ то взгля_ ды_ вал.

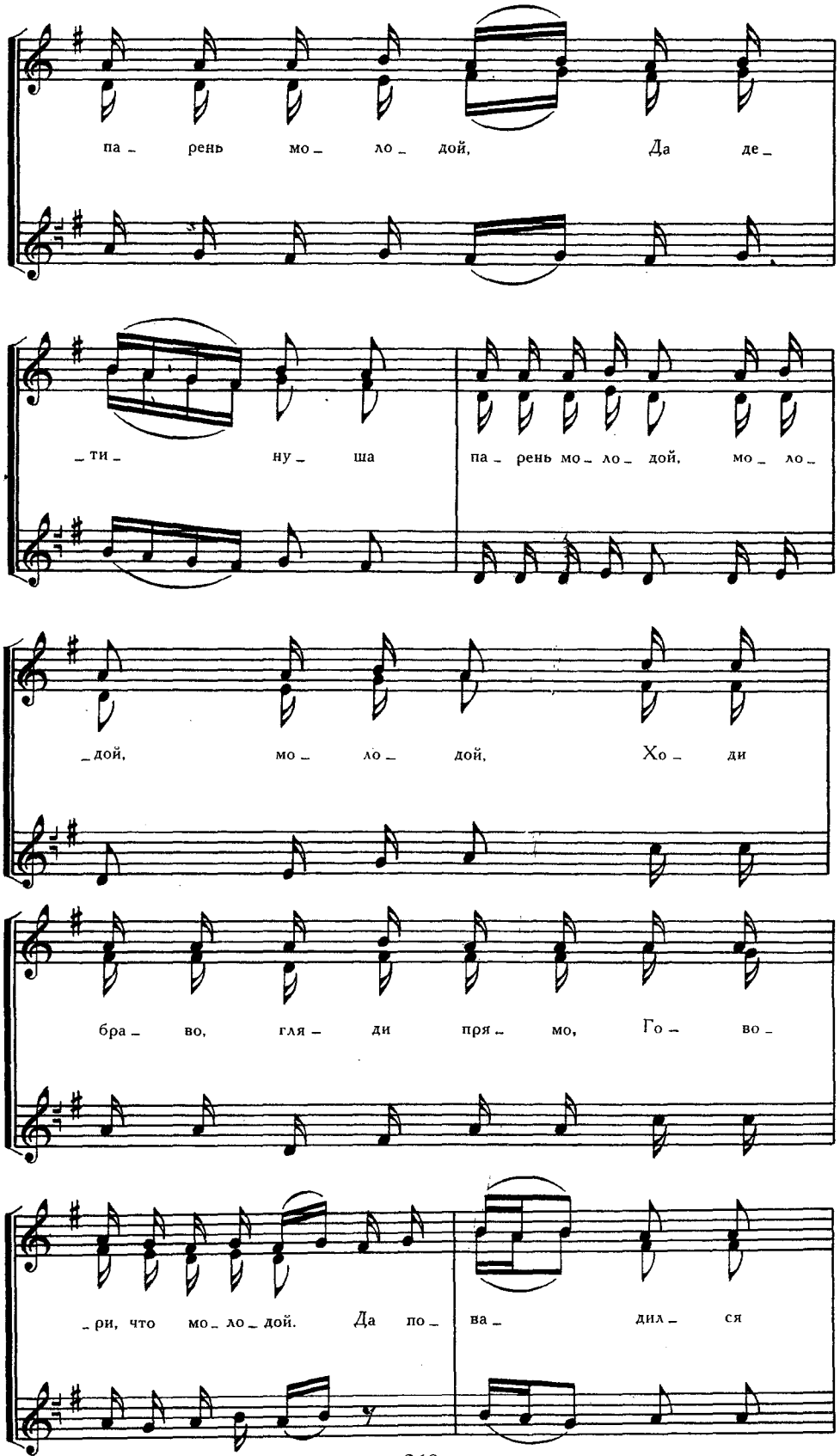
73

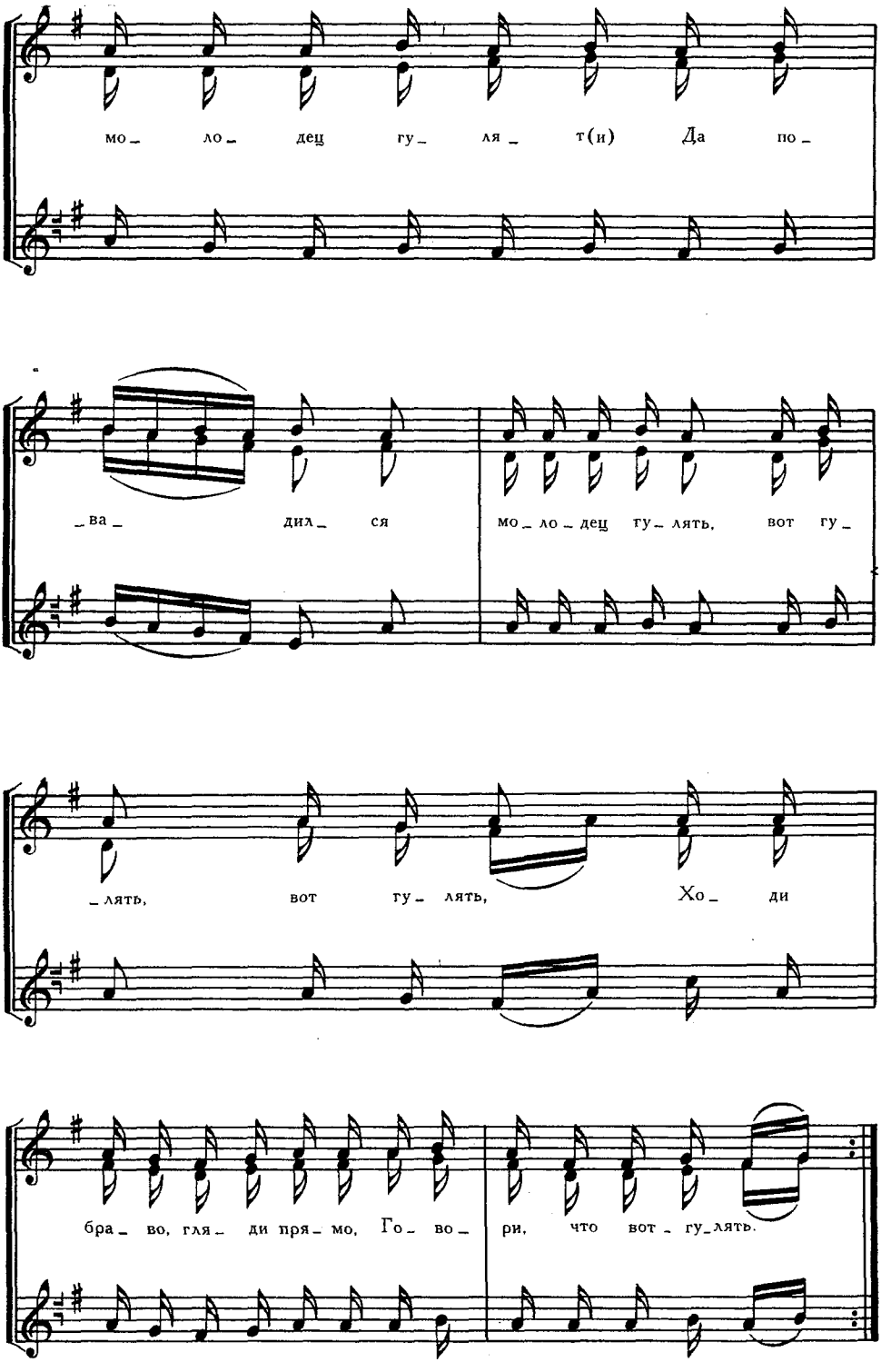

♩ = 144
Де_ ви_ ца, де_ ви_ ца, Де_
ви_ ца круг_ло_ ли_ ца, Де_ ви_ ца круг_ло_ ли_ ца, Кра_
са_ ви_ ца мо_ я, Ай лю_ ли да ай лю_ ли, Кра_
_са_ ви_ ца мо_ я! По_ ди
за_ муж за ме_ ня, Да по_ ди за_ муж за ме_ ня, Ай лю_
_ли, ай лю_ ли, Да по_ ди за_ муж за ме_ ня.

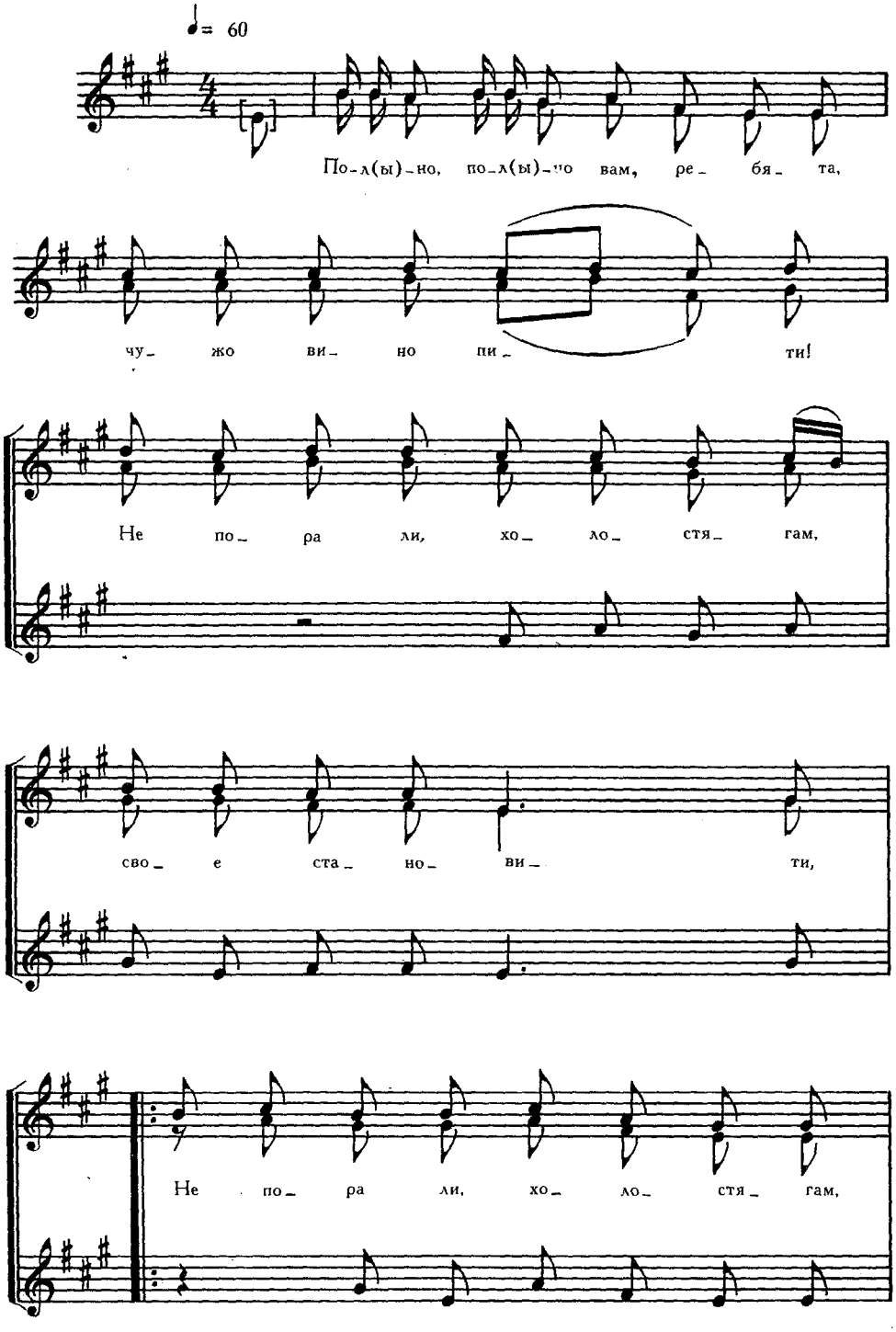

♩= 60
Пой_ ма_ ли че_ че_ ху,
Пой_ ма_ ли че_ че_ ху На бо_ яр_ ском двор_це,
На бо_ яр_ ском двор_це, По_са_ди_ ли че_ че_ ху,
По_са_ди_ ли че_ че_ ху За ре_ ше_ точ_ ку,
За ре_ ше_ точ_ ку. При_жи_ла се_бе че_ че_ ха,
При_жи_ла се_бе че_ че_ ха Ров_ но семь до_ че_ рей,
Ров_ но семь до_ че_ рей: Все Марь_ ю да Дарь_
_ю, А_ нусь_ ю, Фе_ дусь_ ю, А_ ку_ ли_ ну, Сте_ па_ ни_ ду,
А седь_му_ю Ка_те_ ри_ ну — Ду_ шень_ ку Ка_ тю_ шу.

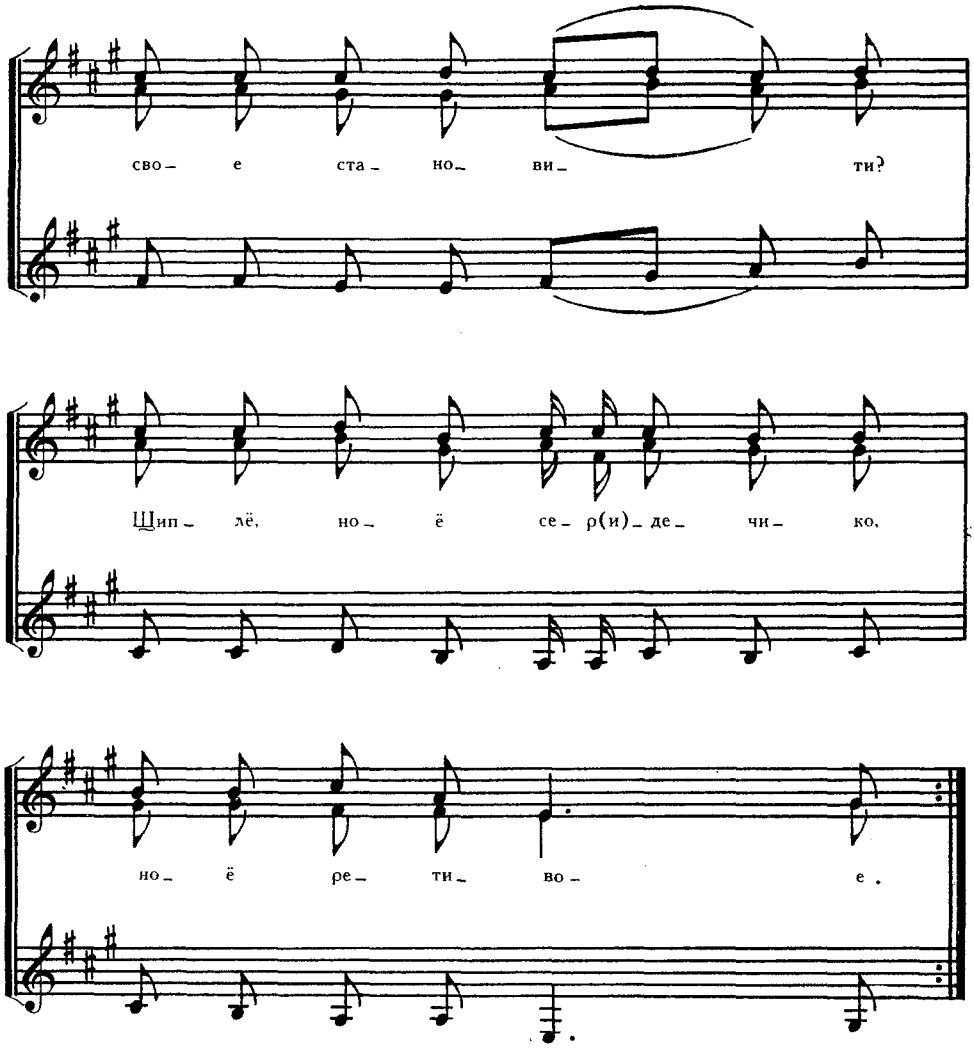

♩ = 72
Уж ты, Ду_ ня, Ду_ ня, Да
не ве_ ли_ ка, не ма_ ла, Не ве_
_ли_ ка, не ма_ ла, Да Ду_ ня бе_ ла, ру_мя_ на, Да
Ду_ ня бе_ ла, ру_ мя_ на, Да
со и_ ны_ ма гу_ ля_ ла, Со и_
_ны_ ма, со та_ ки_ ма, Ми_ ла друж_ка ре_ши_ ла. Да
я за то е_ го ре_ ши_ ла,
Он не ве_ рен был, Он не
ве_ рен не ве_ рён, Да не од_ ну ме_ ня лю_ бил, Да


♩= 60
Да спо_ се_ я_ ли
дев_ ки ле_н(ы), Да спо_ се_ я_ ли
в о_ го_ род,
о_ ни в о_ го_ род, в о_ го_ род, в о_го_ род, Хо_ ди
бра_ во, гля_ ди пря_ мо, Го_ во_
_ри, что в о_го_ род. Да де_ ти_ ну_ ша

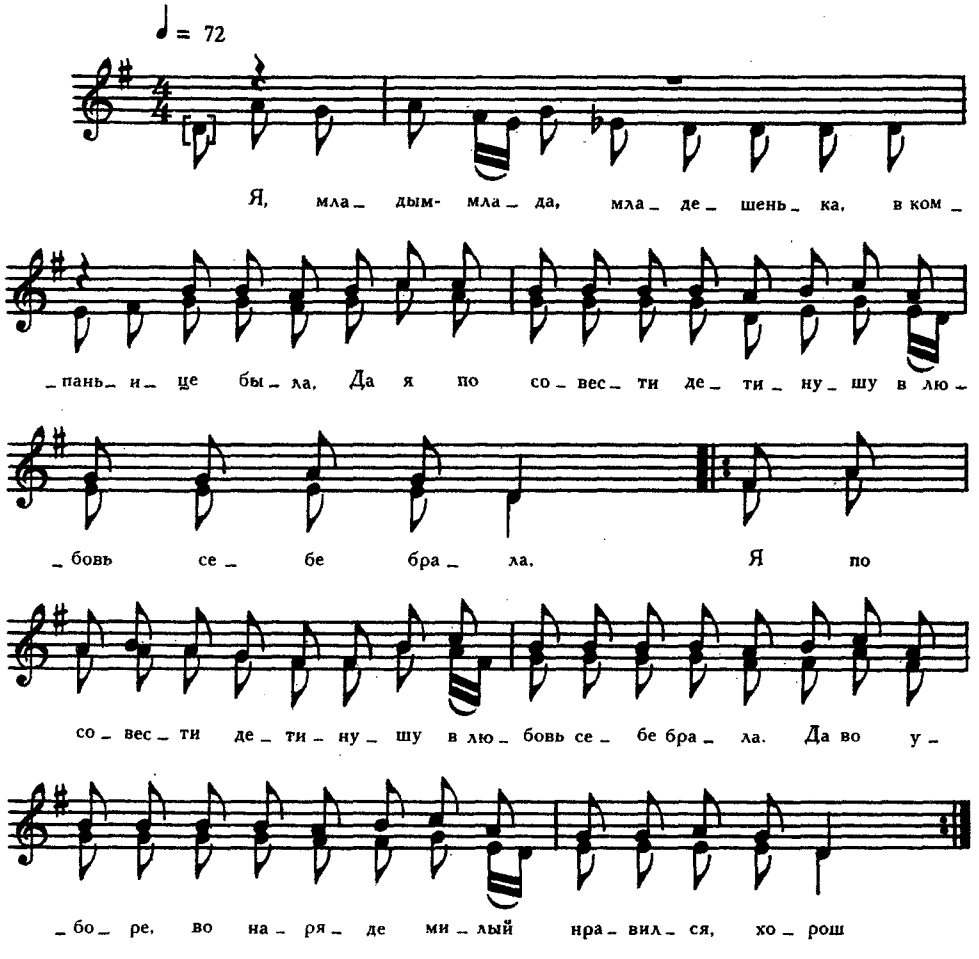

па – рень мо – ло – дой, Да де –
– ти – ну – ша па – рень мо – ло – дой, мо – ло –
– дой, мо – ло – дой, Хо – ди
бра – во, гля – ди пря – мо, Го – во –
– ри, что мо – ло – дой. Да по – ва – дил – ся

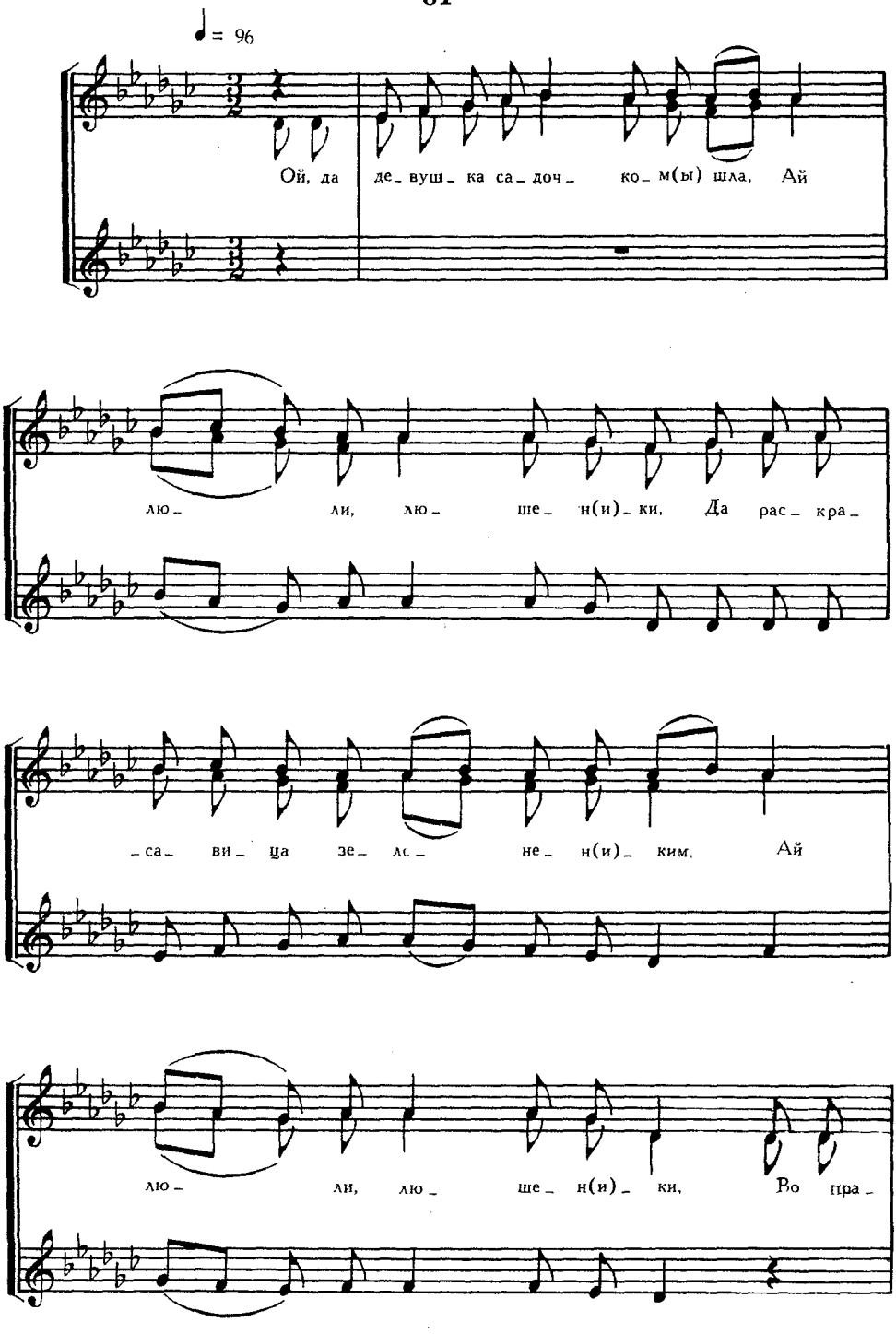

мо_ ло_ дец гу_ ля_ т(и) Да по_
_ва_ дил_ ся мо_ло_дец гу_лять, вот гу_
лять, вот гу лять, Хо_ ди
бра_ во, гля_ ди пря_мо, Го_ во_ ри, что вот_ гу_лять.

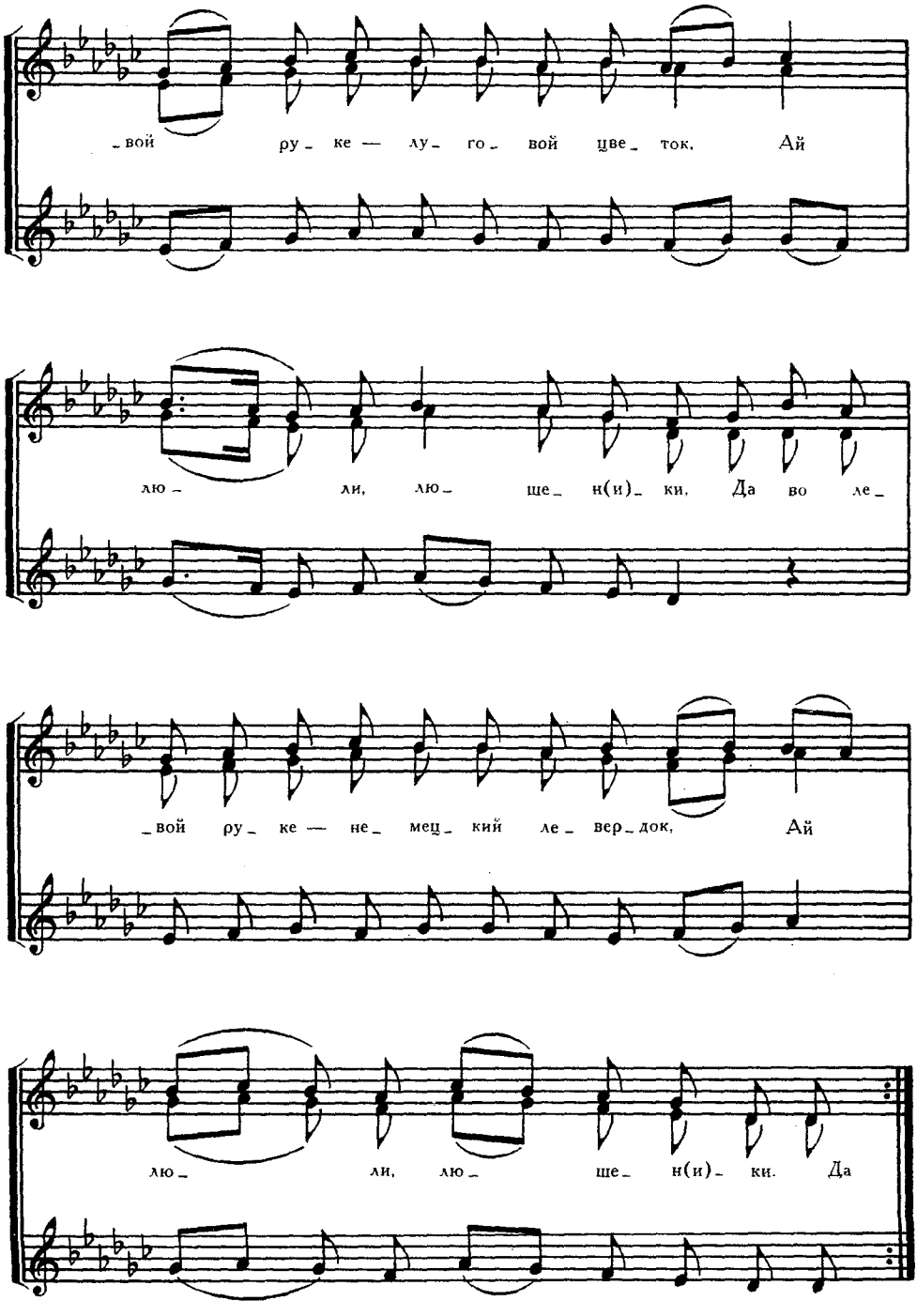

♩= 60
По-л(ы)-но, по-л(ы)-но вам, ре- бя- та,
чу- жо ви- но пи- ти!
Не по- ра ли, хо- ло- стя- гам,
сво- е ста- но- ви- ти,
Не по- ра ли, хо- ло- стя- гам,


сво- е ста- но- ви- ти?
Шип- лё, но- ё се- р(и)- де- чи- ко,
но- ё ре- ти- во- е.

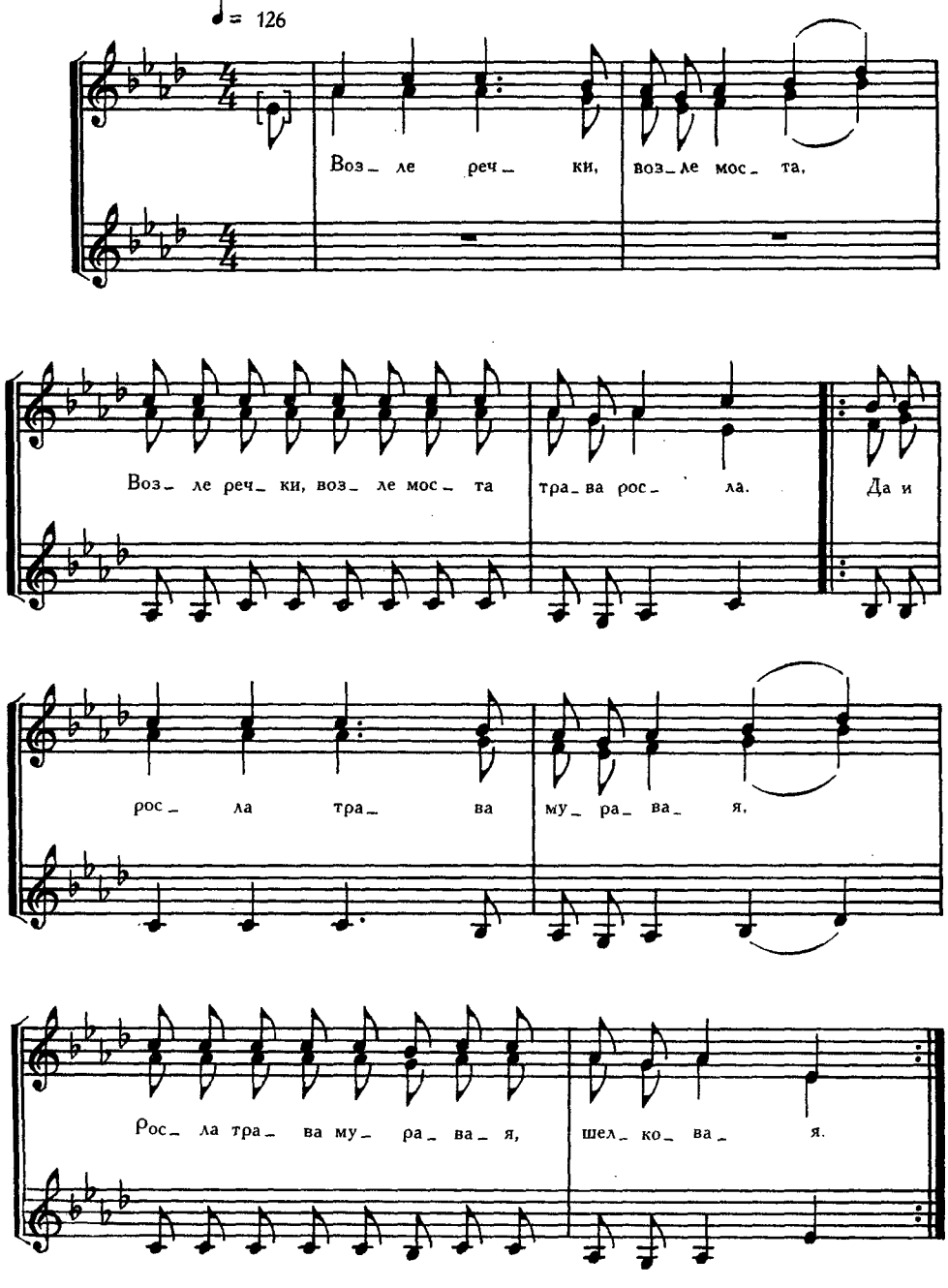
80

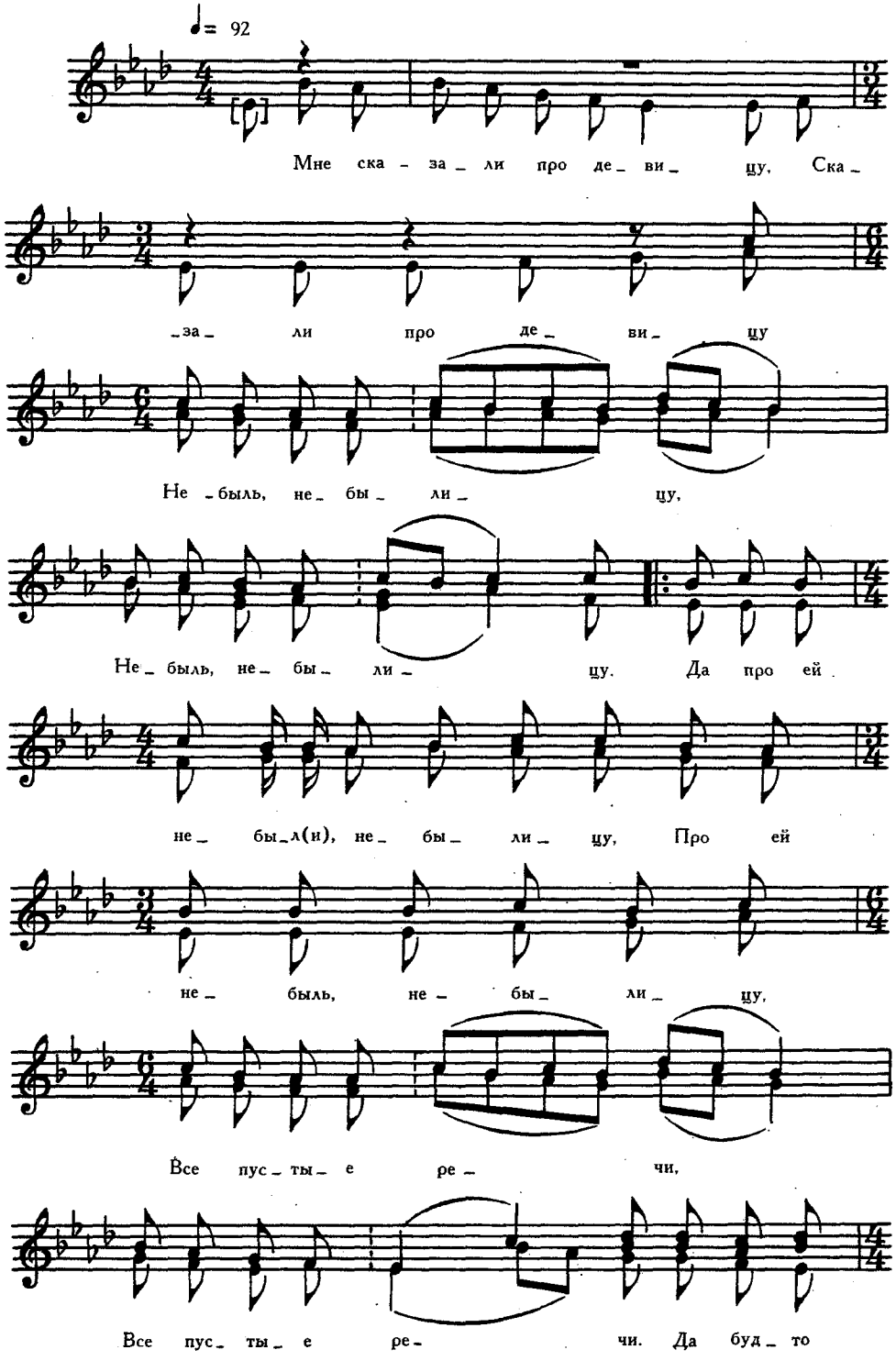

♩ = 72
Я, мла_ дым- мла_ да, мла_ де_ шень_ ка, в ком_
пань и_ це бы_ ла, Да я по со_ вес_ ти де_ ти_ ну_ шу в лю_
бовь се бе бра_ ла. Я по
со_ вес_ ти де_ ти_ ну_ шу в лю_ бовь се_ бе бра_ ла. Да во у_
_бо_ ре, во на_ ря_ де ми_ лый нра_ вил_ ся, хо_ рош

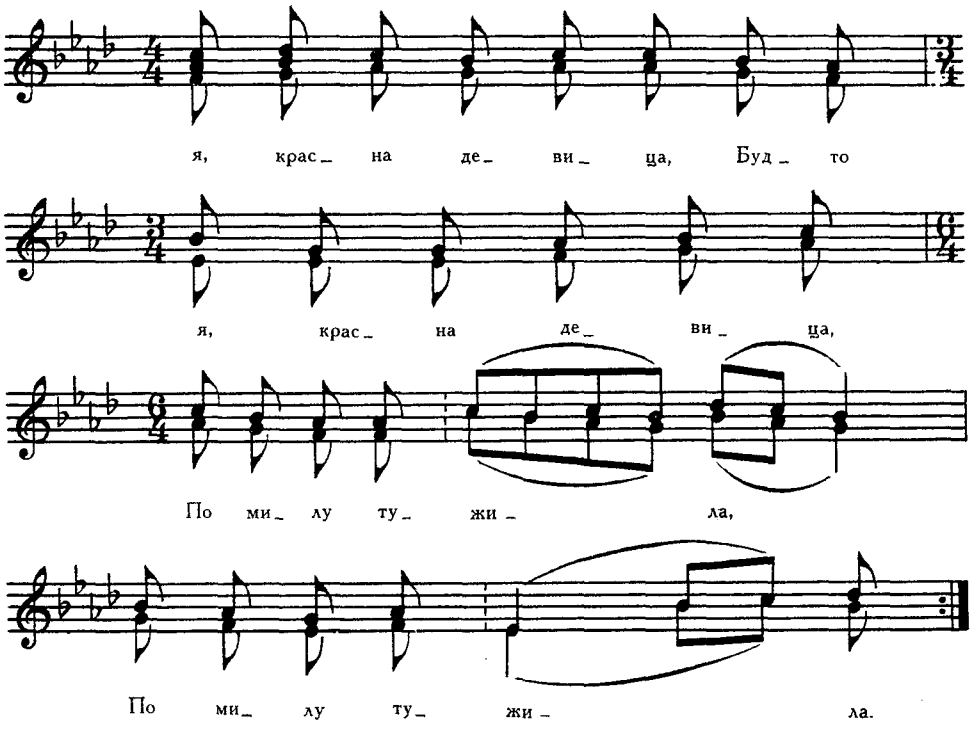

♩ = 96
Ой, да де_вуш_ка са_доч_ ко_м(ы) шла, Ай
лю_ ли, лю_ ше_ н(и)_ки, Да рас_ кра_
_са_ ви_ца зе_ ле_ не_ н(и)_ким, Ай
лю_ ли, лю_ ше_ н(и)_ки, Во пра_


_вой ру_ке — лу_го_вой цве_ток, Ай
лю_ ли, лю_ ще_ н(и)_ки, Да во ле_
_вой ру_ке — не_ мец_ кий ле_ вер_док, Ай
лю_ ли, лю_ ще_ н(и)_ки. Да

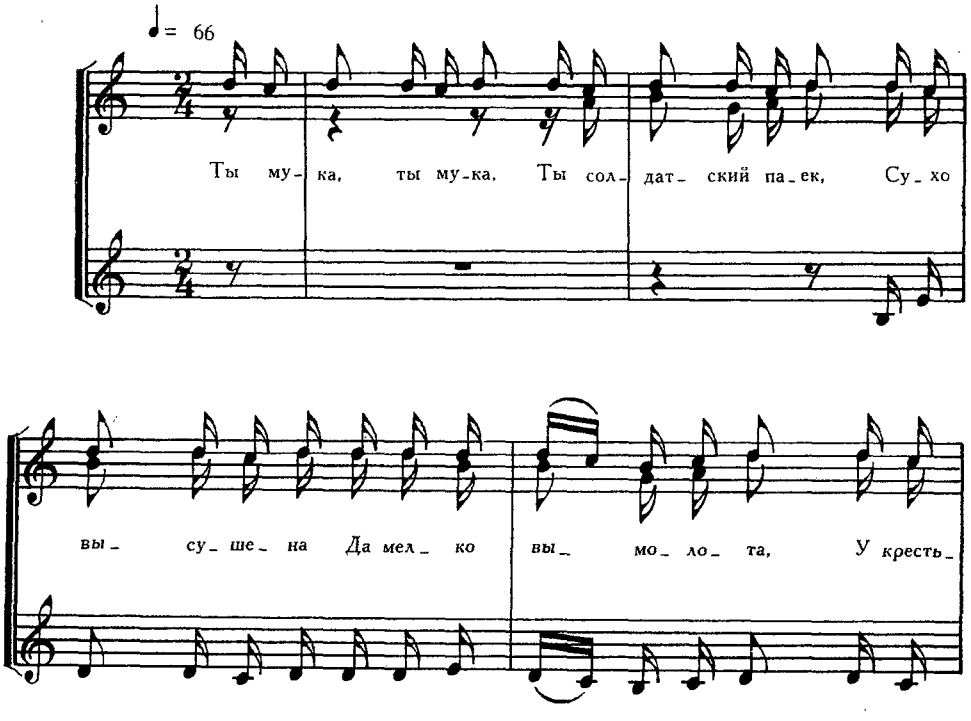
82

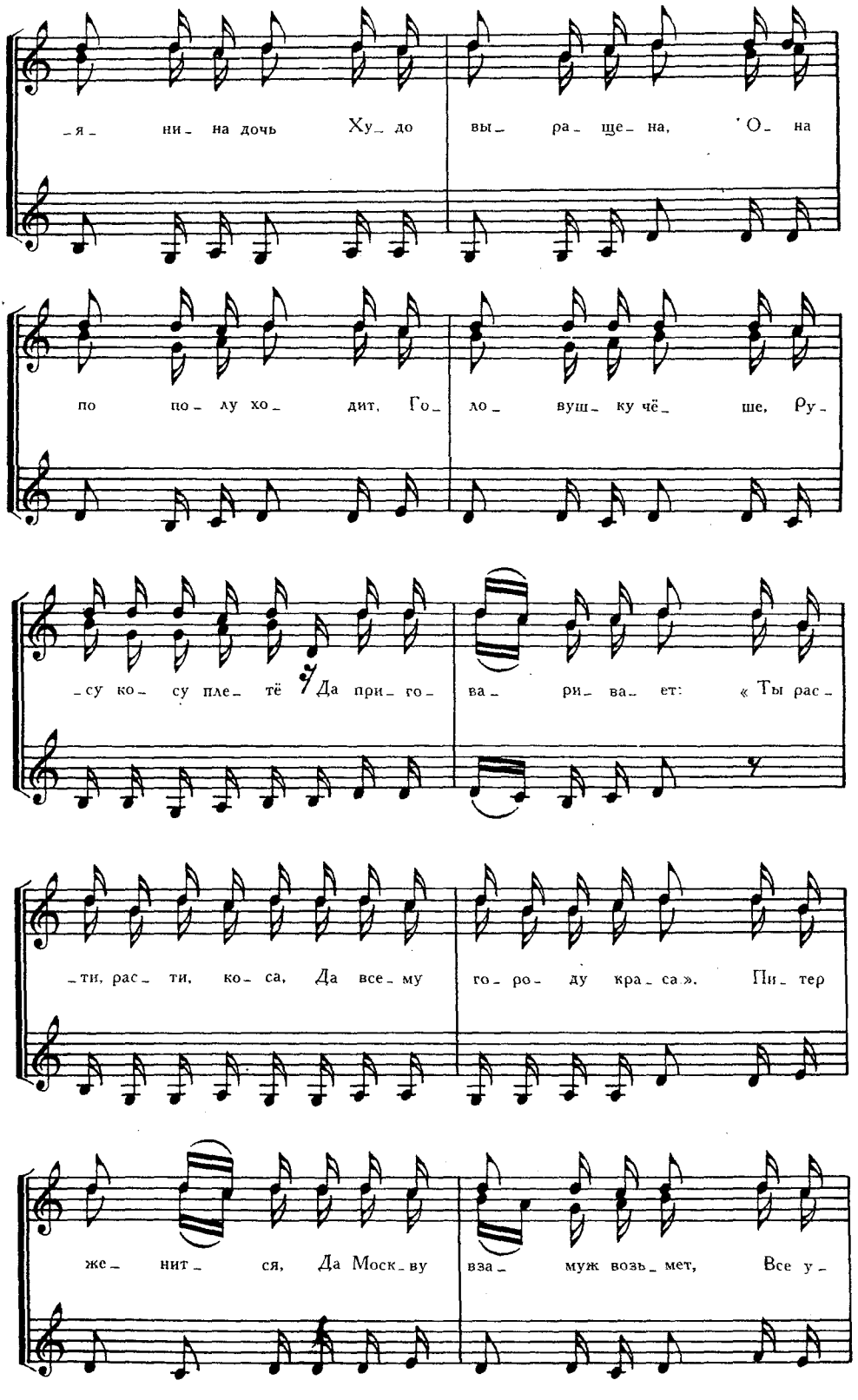

♩= 126
Воз_ ле реч_ ки, воз_ле мос_ та,
Воз_ ле реч_ ки, воз_ ле мос_ та тра_ва рос_ ла. Да и
рос_ ла тра_ ва му_ ра_ ва_ я,
Рос_ ла тра_ ва му_ ра_ ва_ я, шел_ ко_ ва_ я.

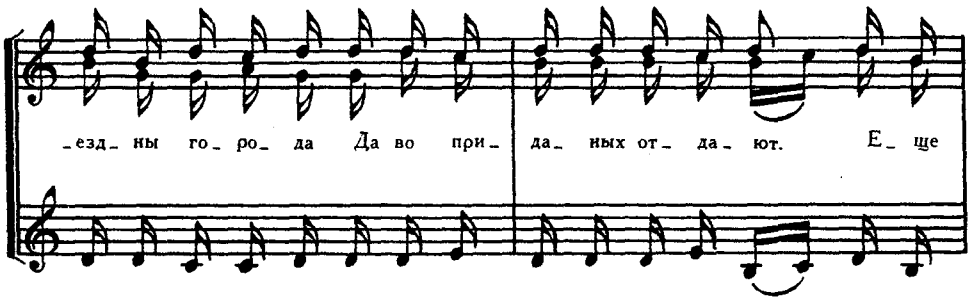

♩= 92
Мне ска – за – ли про де – ви – цу. Ска –
– за – ли про де – ви – цу
Не – быль, не – бы – ли – цу,
Не – быль, не – бы – ли – цу. Да про ей
не – бы – л(и), не – бы – ли – цу, Про ей
не – быль, не – бы – ли – цу,
Все пус – ты – е ре – чи,
Все пус – ты – е ре – чи. Да буд – то

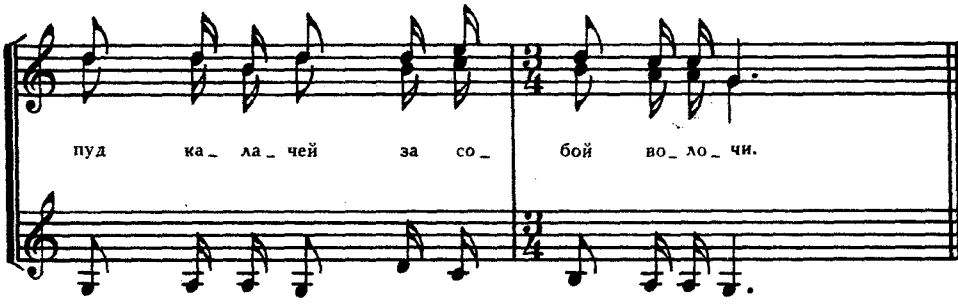

я, крас_ на де_ ви_ ца, Буд_ то
я, крас_ на де_ ви_ ца,
По ми_ лу ту_ жи_ ла,
По ми_ лу ту_ жи_ ла.

84

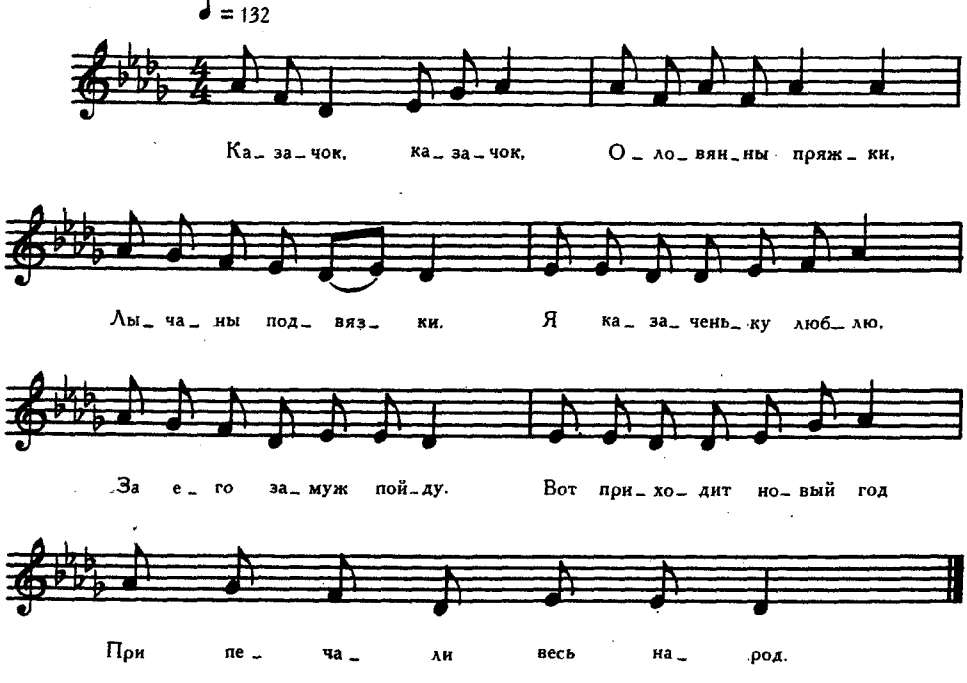

♩= 66
Ты му_ка, ты му_ка. Ты сол_ дат_ ский па_ек, Су_ хо
вы_ су_ ше_ на Да мел_ ко вы_ мо_ ло_ та, У кресть_

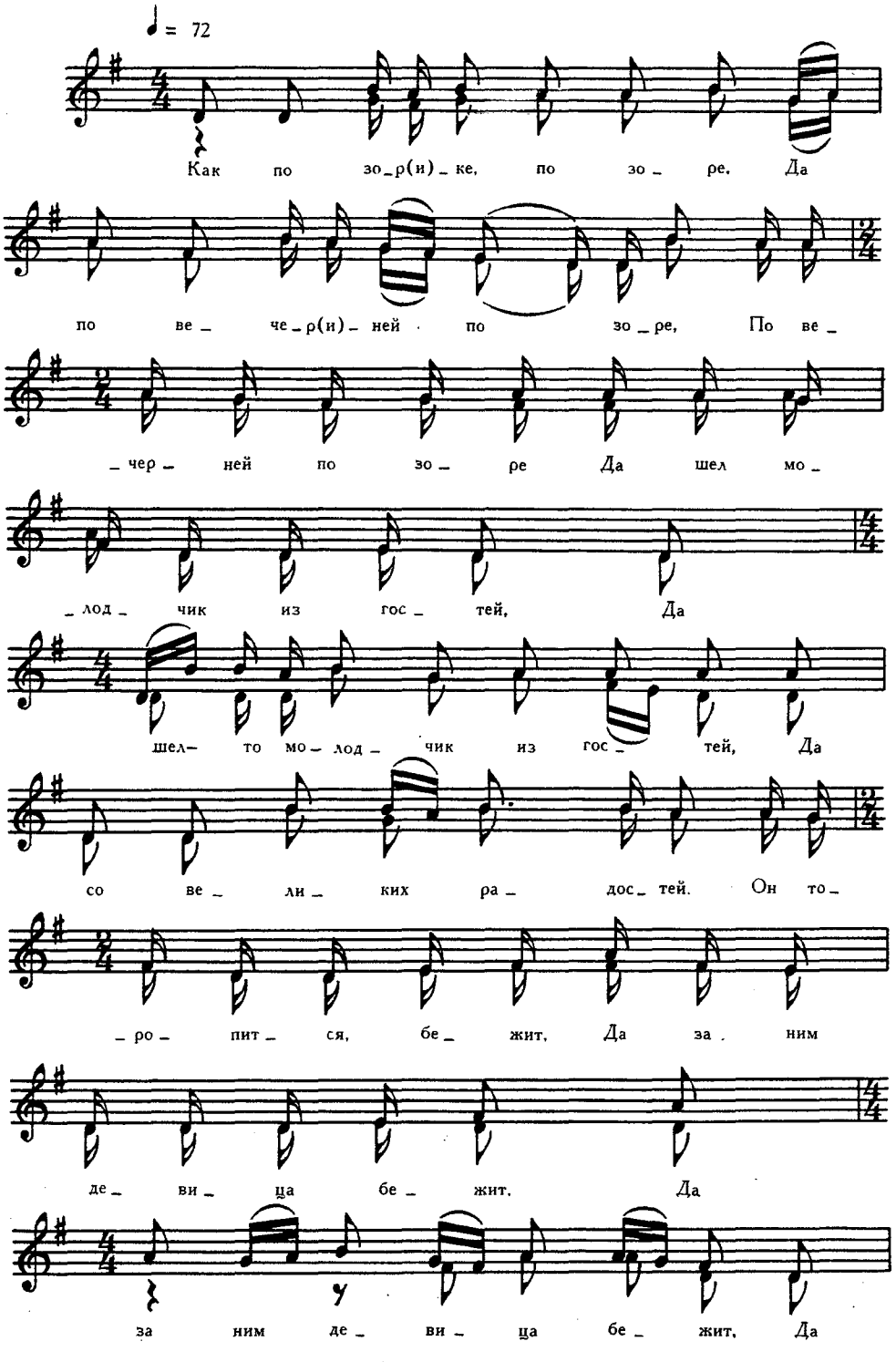

_я_ ни_ на дочь Ху_ до вы_ ра_ ще_ на, О_ на
по по_ лу хо_ дит, Го_ ло_ вуш_ ку чё_ ше, Ру_
_су ко_ су пле_ тё Да при_ го_ ва_ ри_ ва_ ет: « Ты рас_
ти, рас ти, ко_ са, Да все_ му го_ ро_ ду кра_ са ». Пи_ тер
же_ нит_ ся, Да Моск_ву вза_ муж возь_ мет, Все у_

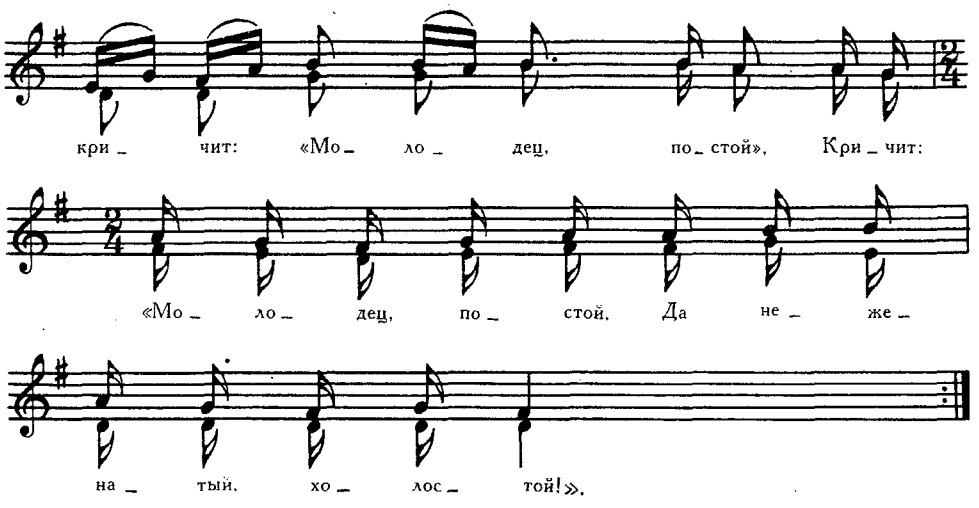

езд ны го_ ро_ да Да во при_ да_ ных от_ да_ ют. Е_ ще


пуд ка_ ла_ чей за со_ бой во_ ло_ чи.

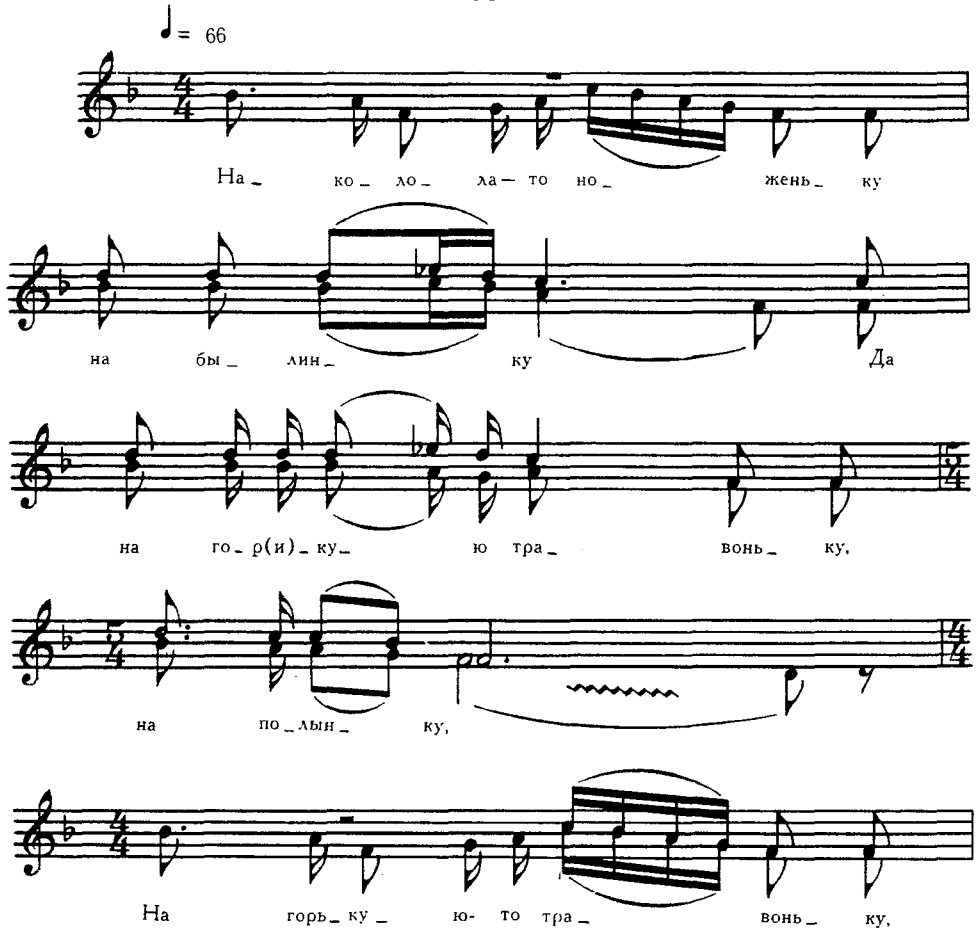
85

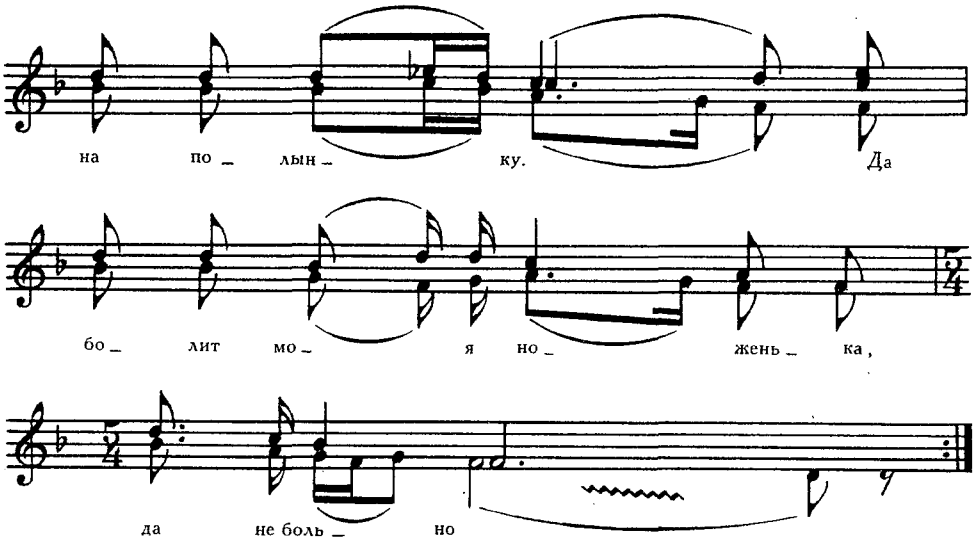

♩ = 132
Ка_ за_ чок, ка_ за_ чок, О_ ло_ вян_ ны пряж_ ки,
Лы_ ча_ ны под_ вяз_ ки. Я ка_ за_ чень_ ку люб_ лю,
За е_ го за_ муж пой_ду. Вот при_ хо_ дит но_ вый год
При пе_ ча_ ли весь на_ род.


♩ = 72
Как по зо_р(и)_ке, по зо_ре, Да
по ве_че_р(и)_ней по зо_ре, По ве_
_чер_ней по зо_ре Да шел мо_
_лод_чик из гос_тей, Да
шел_то мо_лод_чик из гос_тей, Да
со ве_ли_ких ра_дос_тей. Он то_
_ро_пит_ся, бе_жит, Да за_ним
де_ви_ца бе_жит, Да
за ним де_ви_ца бе_жит, Да

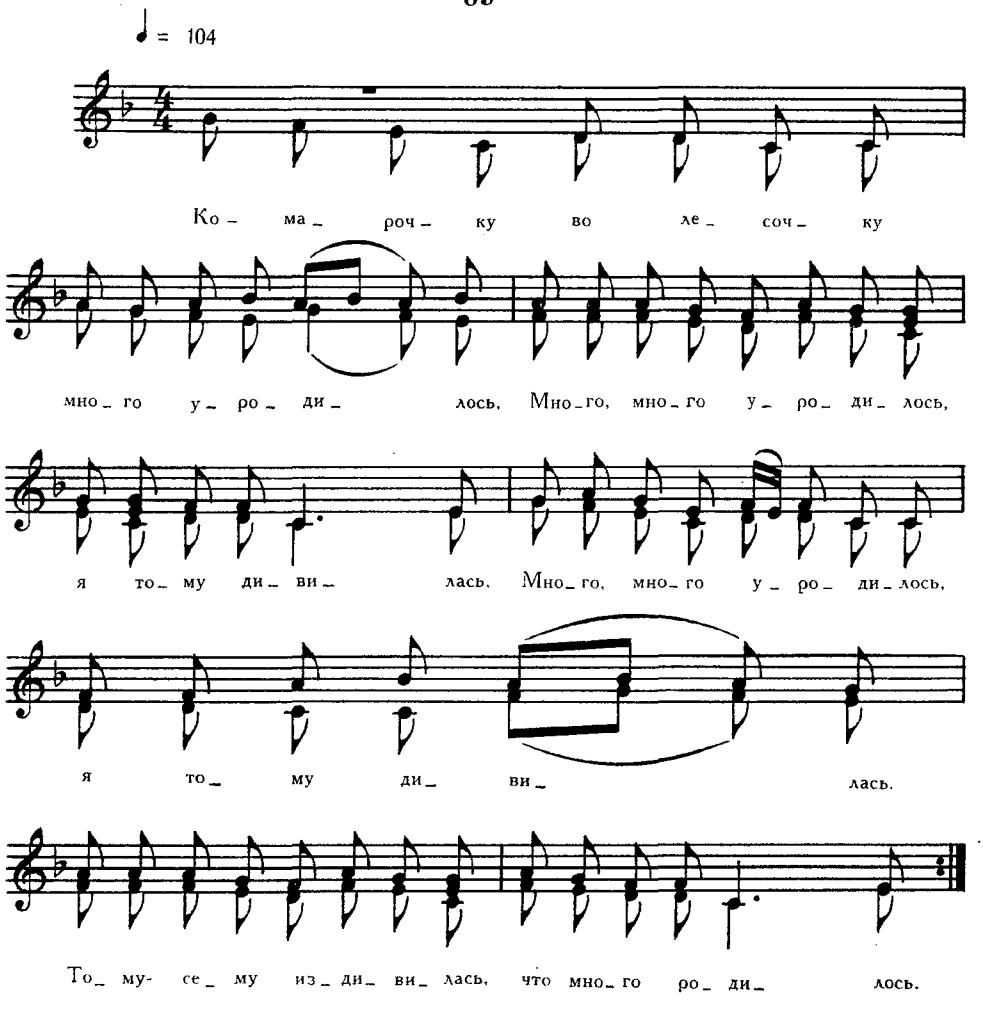

кри_ чит: «Мо_ ло_ дец, по_стой», Кри_чит:
«Мо_ ло_ дец, по_ стой. Да не_ же_
на_ тый. хо_ лос_ той!».

88

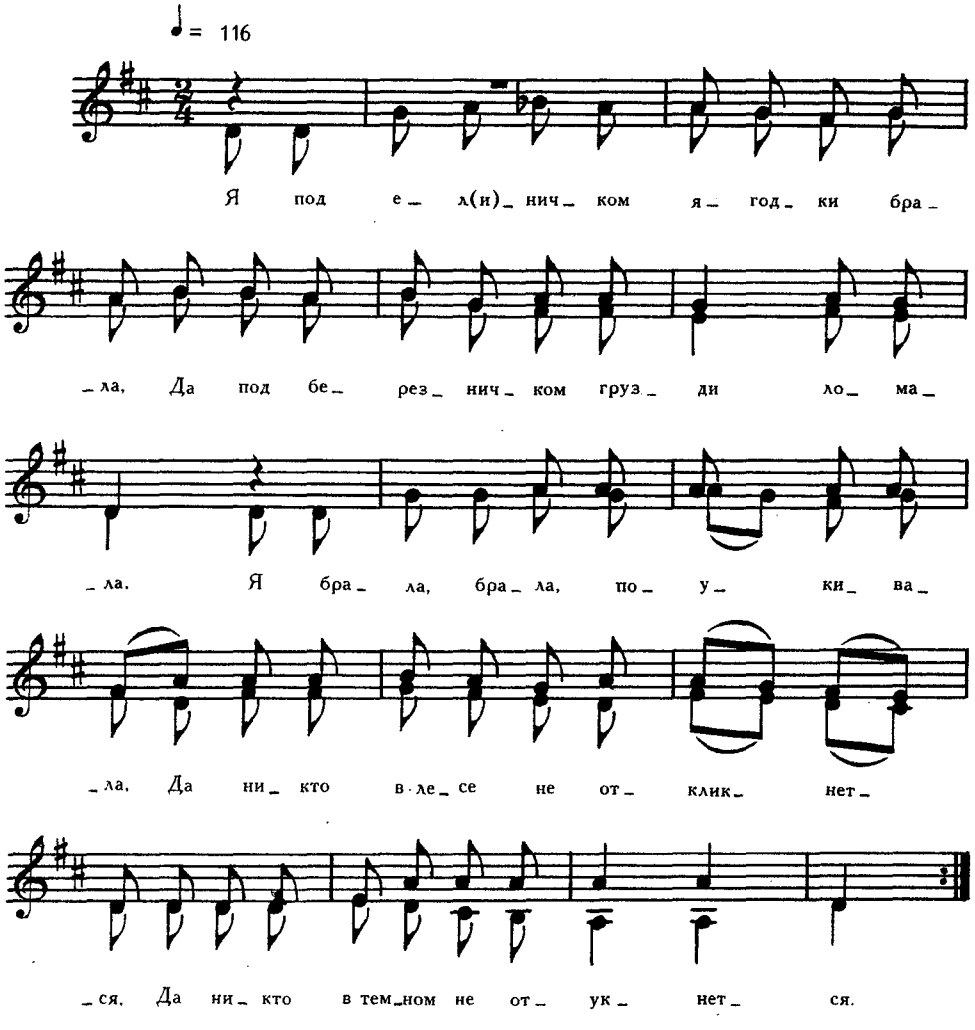

♩= 66
На_ ко_ ло_ ла_ то но_ жень_ ку
на бы_ лин_ ку Да
на го_ р(и)_ ку_ ю тра_ вонь_ ку,
на по_лын_ ку,
На горь_ку_ ю- то тра_ вонь_ ку,

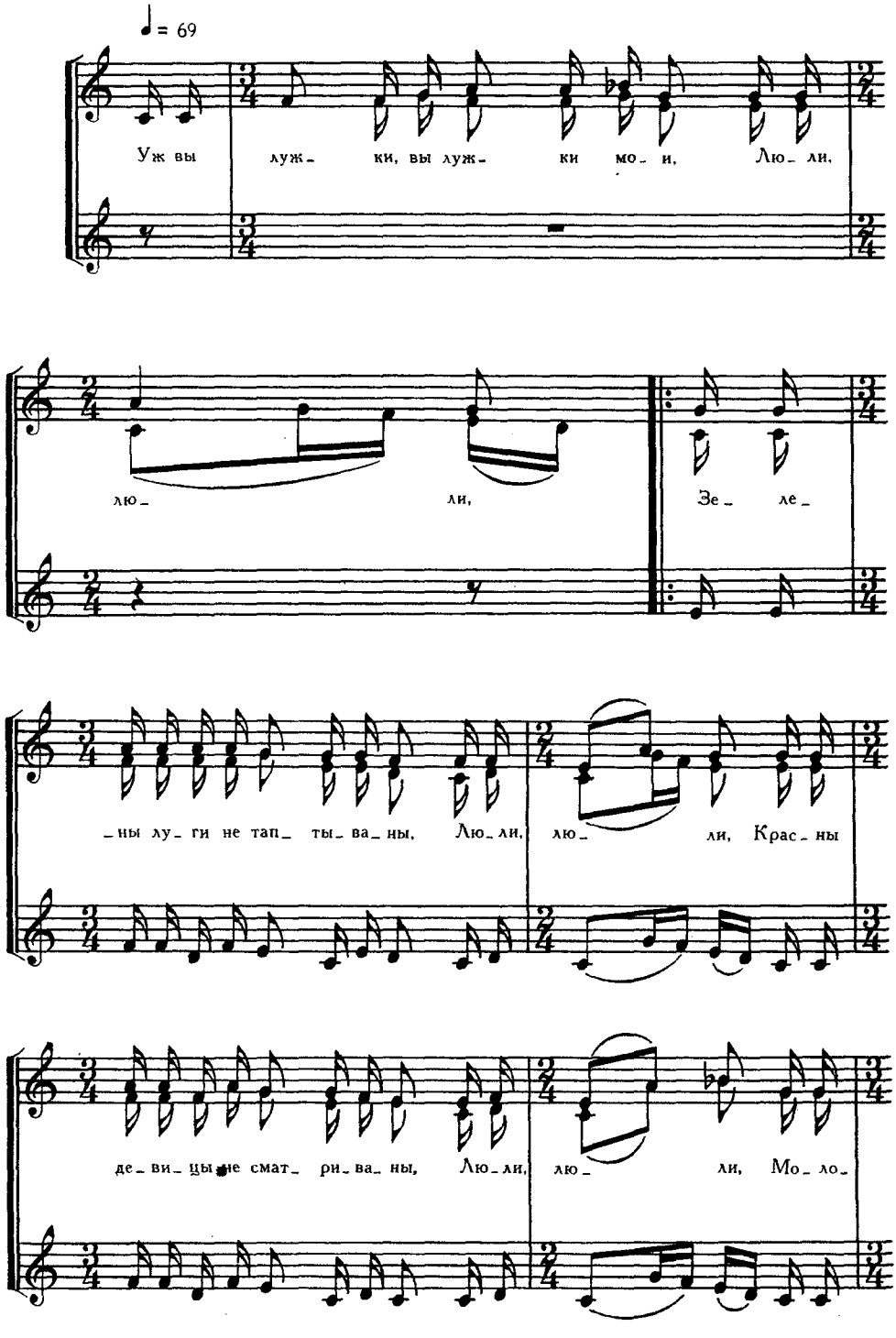

на по _ лын _ ку. Да
бо _ лит мо _ я но _ жень _ ка,
да не боль _ но

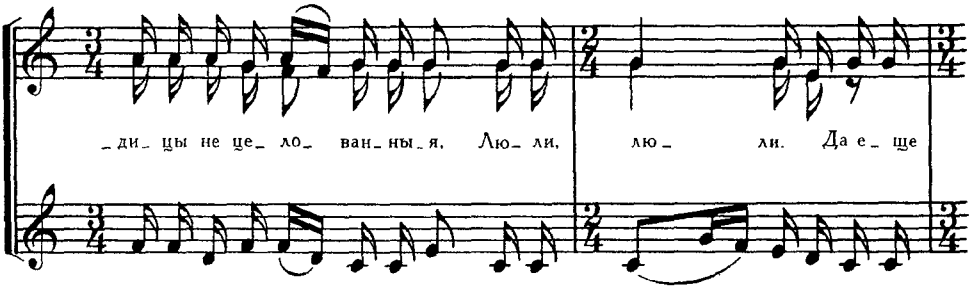
89

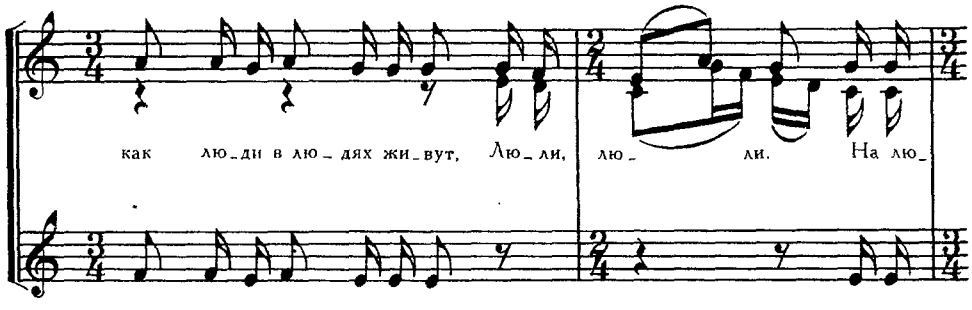

♩ = 104
Ко _ ма _ роч _ ку во ле _ соч _ ку
мно _ го у _ ро _ ди _ лось, Мно _ го, мно _ го у _ ро _ ди _ лось,
я то _ му ди _ ви _ лась. Мно _ го, мно _ го у _ ро _ ди _ лось,
я то _ му ди _ ви _ лась.
То _ му- се _ му из _ ди _ ви _ лась, что мно _ го ро _ ди _ лось.

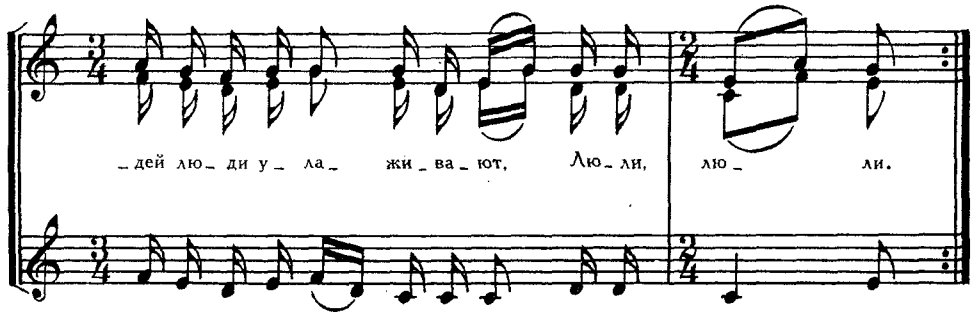
90

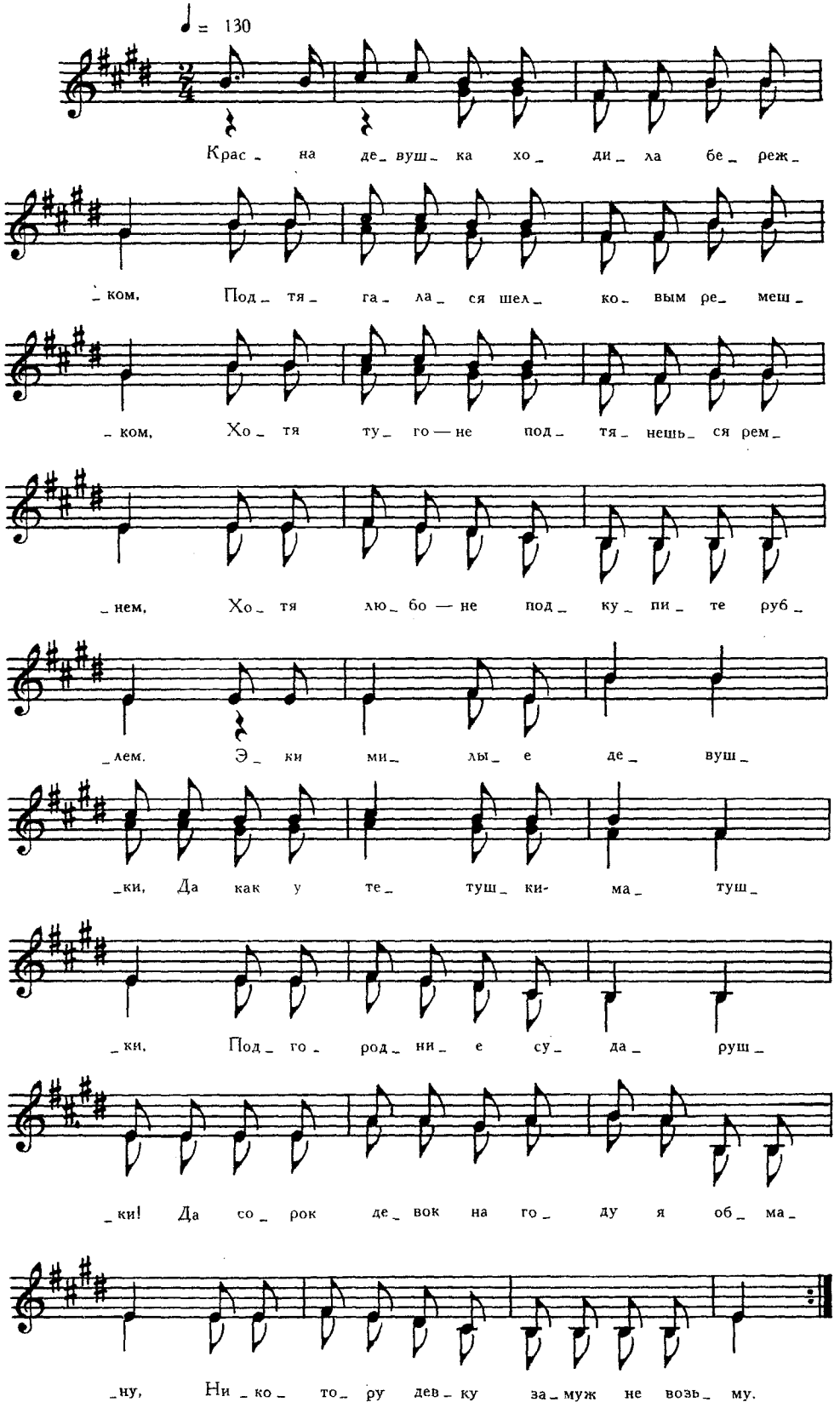

♩= 116
Я под е_ л(и)_ нич_ ком я_ год_ ки бра_
ла, Да под бе рез_ нич_ ком груз_ ди ло_ ма_
ла, Я бра ла, бра_ ла, по_ у_ ки_ ва_
_ла, Да ни_ кто в ле_ се не от_ клик_ нет_
_ся, Да ни_ кто в тем_ном не от_ ук_ нет_ ся.


♩ = 69
Уж вы луж_ ки, вы луж_ ки мо_ и, Лю_ ли,
лю_ ли, Зе_ ле_
_ны лу_ ги не тап_ ты_ ва_ ны, Лю_ли, лю_ ли, Крас_ ны
де_ви_ цы не смат_ ри_ ва_ ны, Лю_ли, лю_ ли, Мо_ ло_

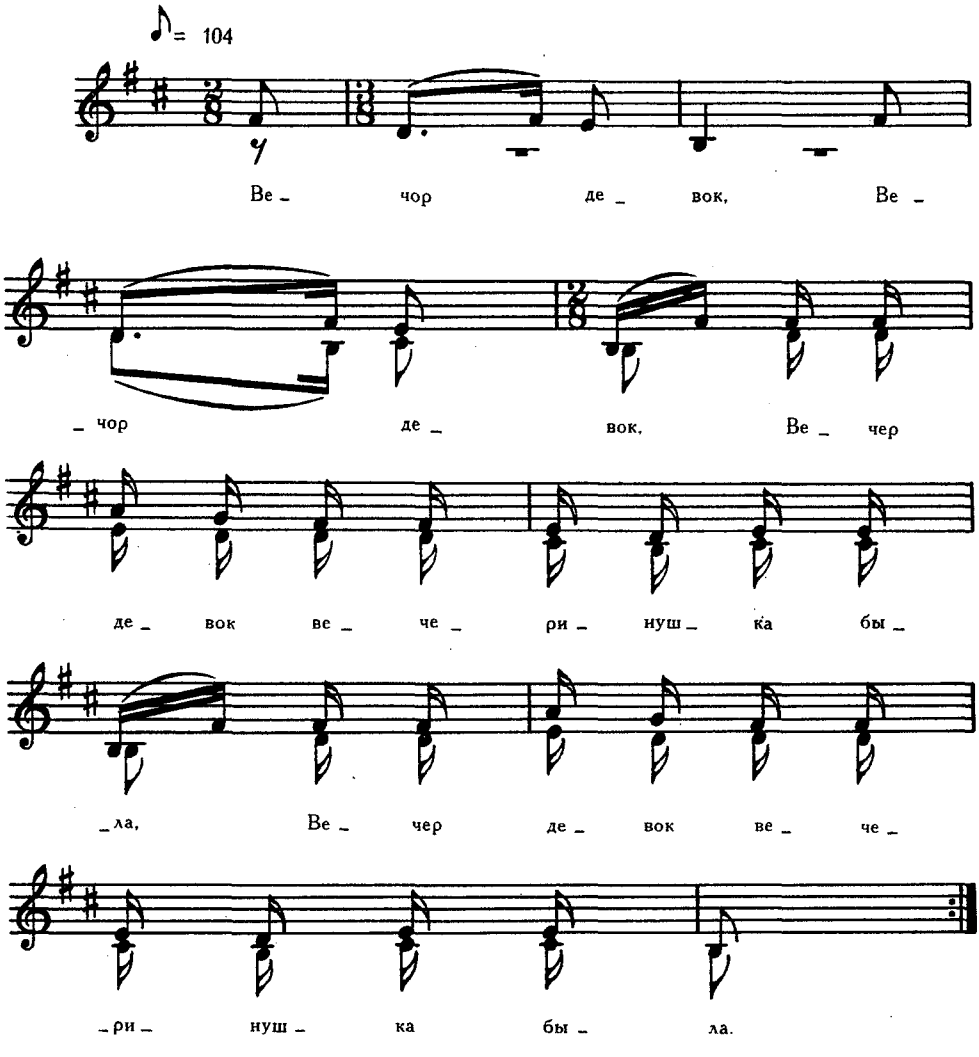

_ди_ цы не це_ ло_ ван_ны_я, Лю_ли, лю_ ли. Да е_ ще


как лю_ди в лю_ дях жи_вут, Лю_ли, лю_ ли. На лю_

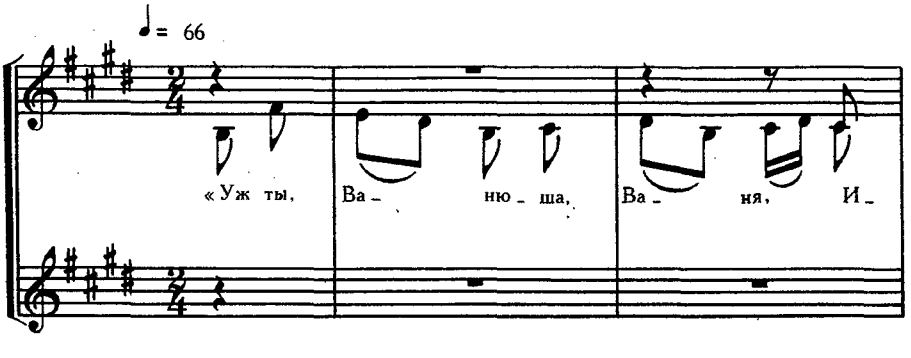

дей лю ди у_ ла_ жи_ва_ ют, Лю_ли, лю_ ли.

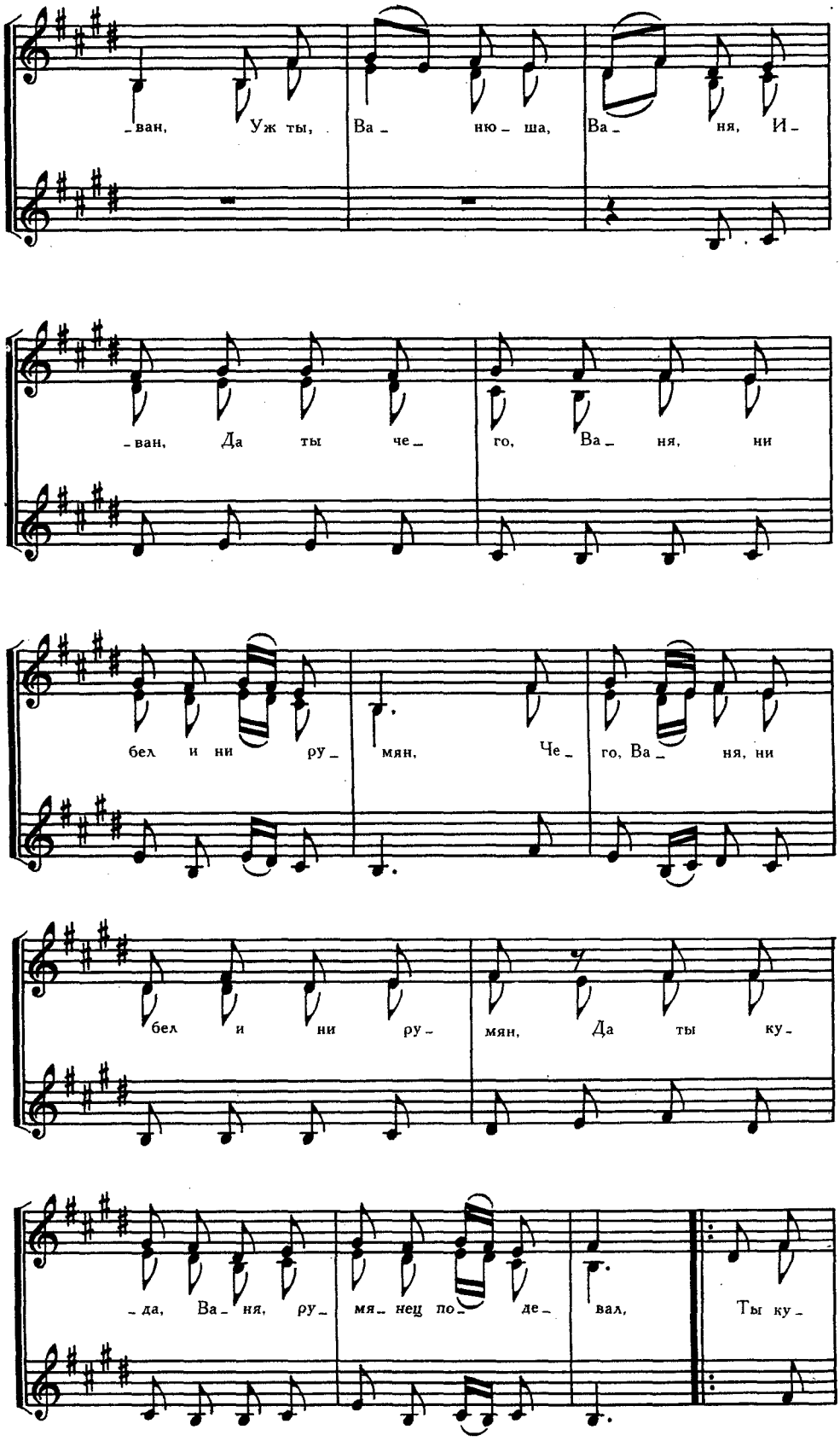

♩ = 130
Крас_ на де_вуш_ка хо_ ди_ ла бе_ реж_
ком, Под тя_ га_ ла_ ся шел_ ко_ вым ре_ меш_
ком, Хо тя ту_ го — не под_ тя_ нешь_ ся рем_
нем, Хо тя лю_ бо — не под_ ку_ пи_ те руб_
лем. Э ки ми_ лы_ е де_ вуш_
ки, Да как у те туш_ ки- ма_ туш_
ки, Под го_ род_ ни_ е су_ да_ руш_
_ки! Да со_ рок де_ вок на го_ ду я об_ ма_
_ну, Ни_ ко_ то_ ру дев_ ку за_ муж не возь_ му.

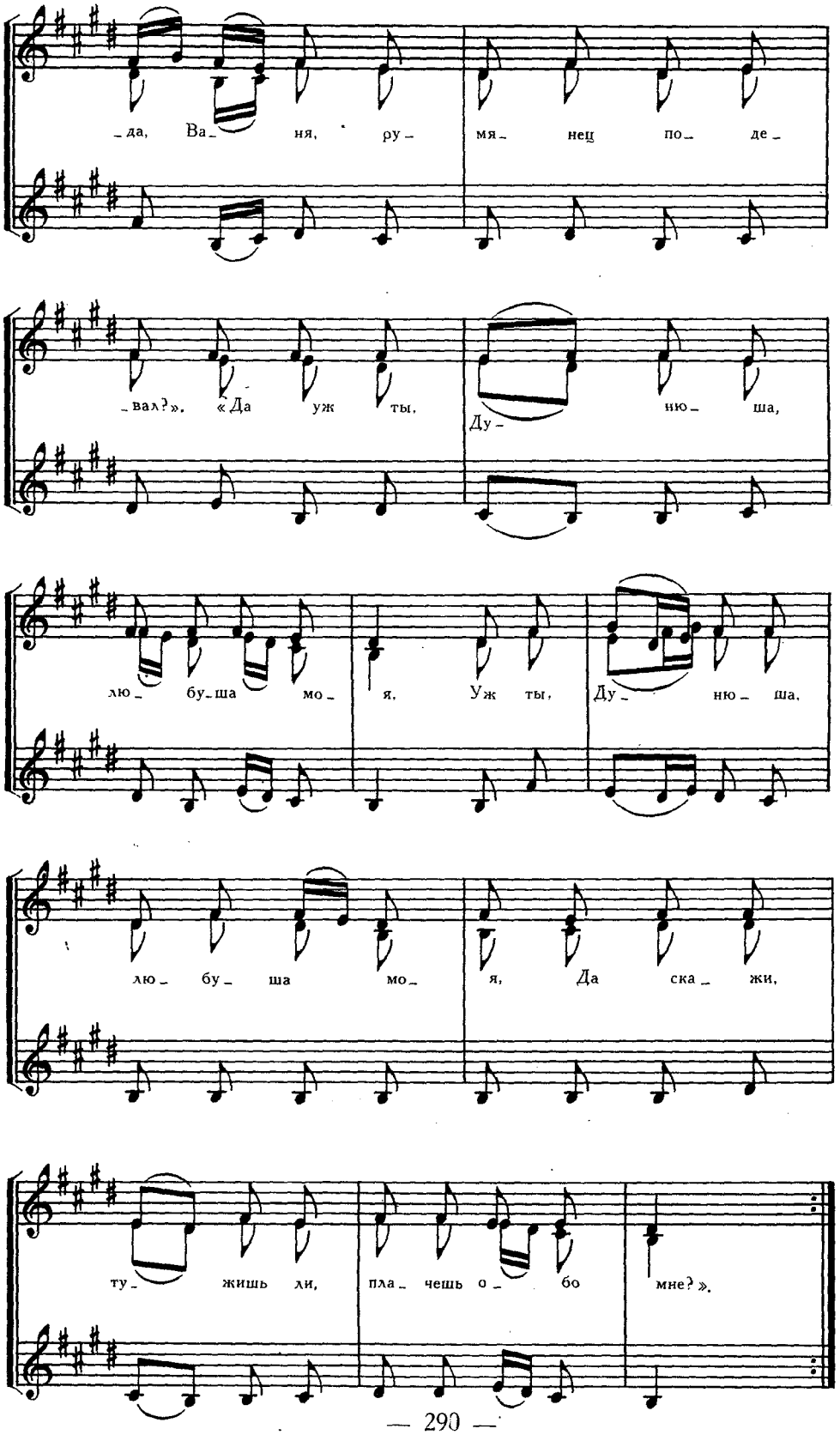
93

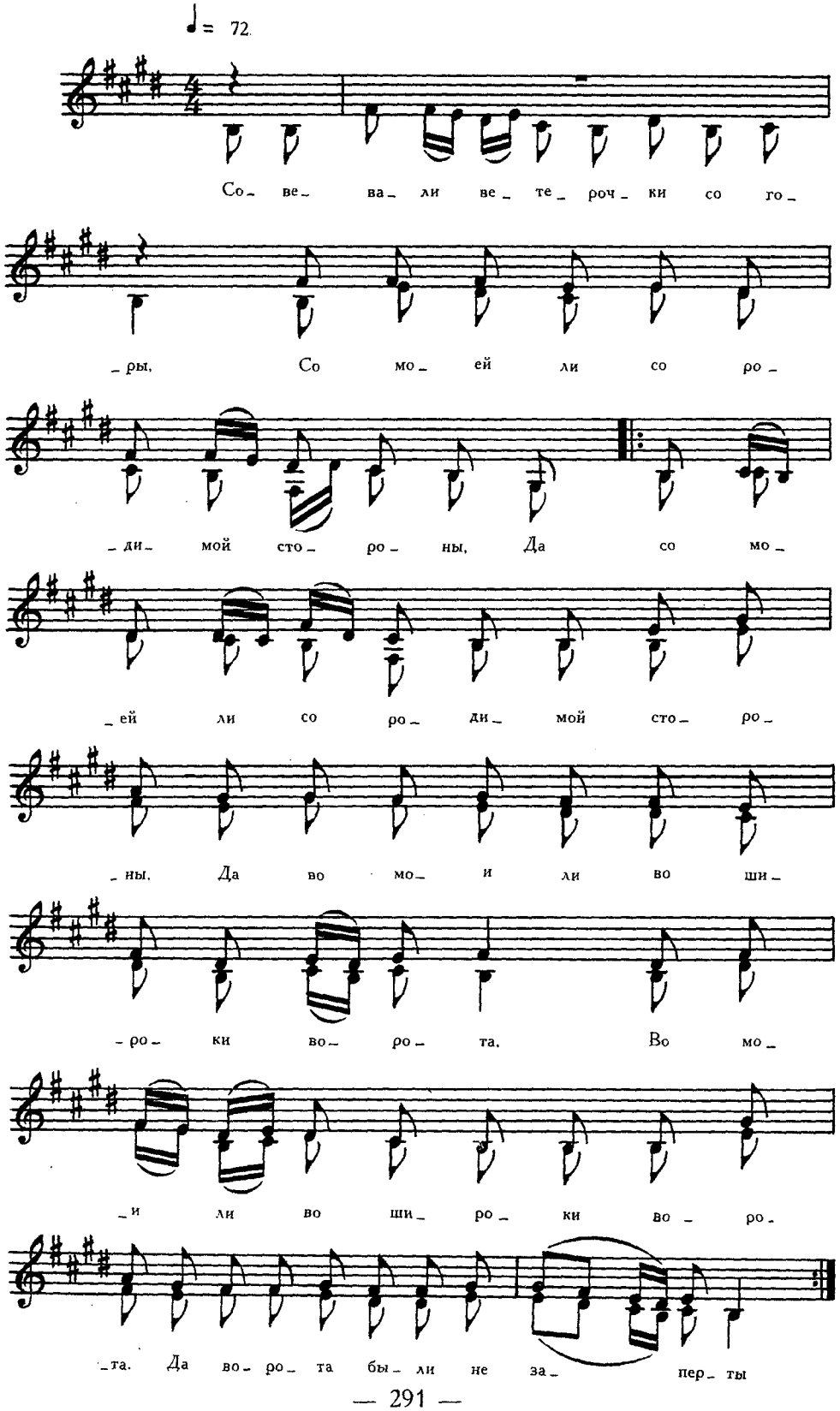

♪= 104
Ве _ чор де _ вок, Ве _
_ чор де _ вок, Ве _ чер
де _ вок ве _ че _ ри _ нуш _ ка бы _
_ла, Ве _ чер де _ вок ве _ че _
_ри _ нуш _ ка бы _ ла.

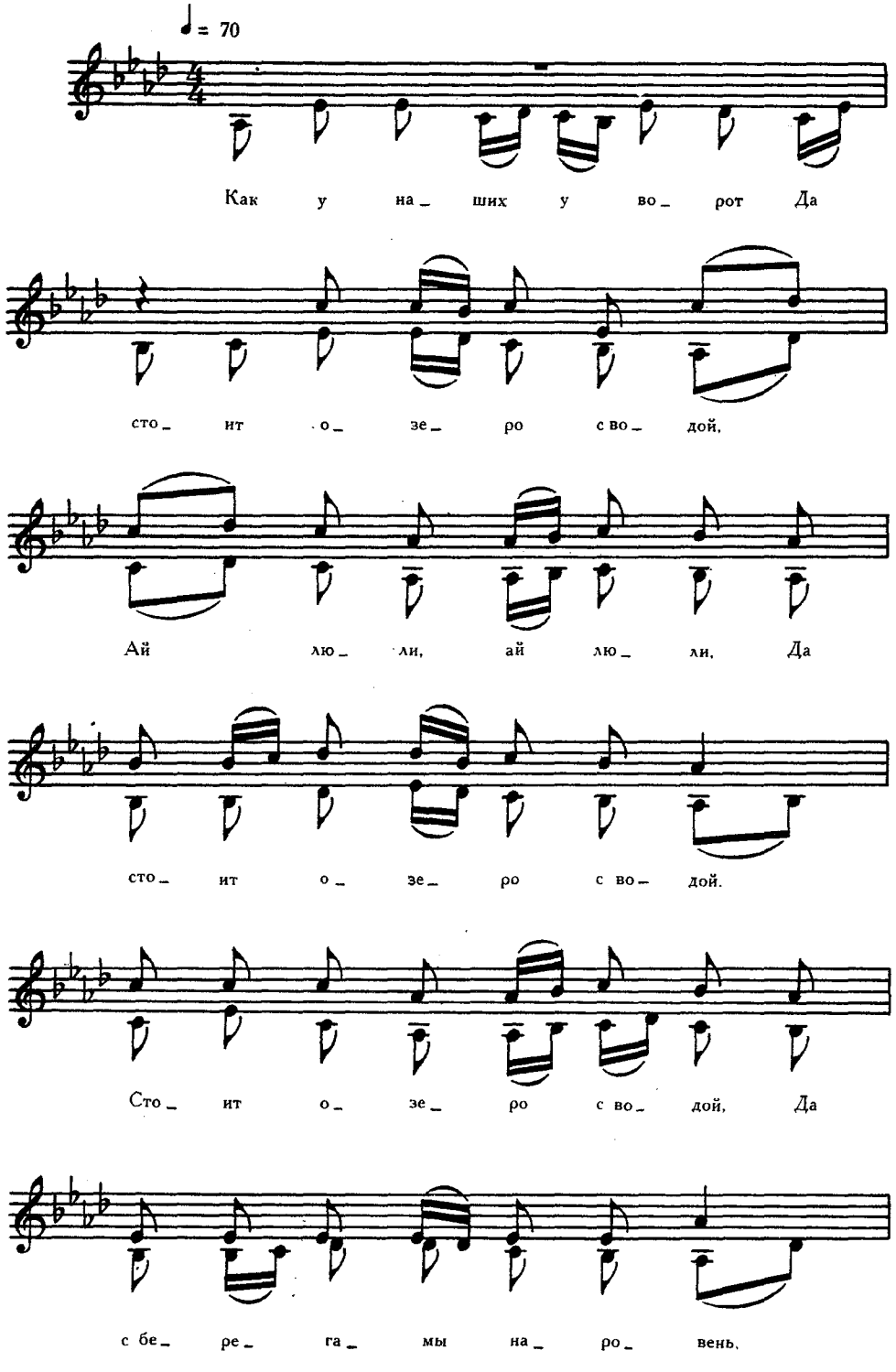
94

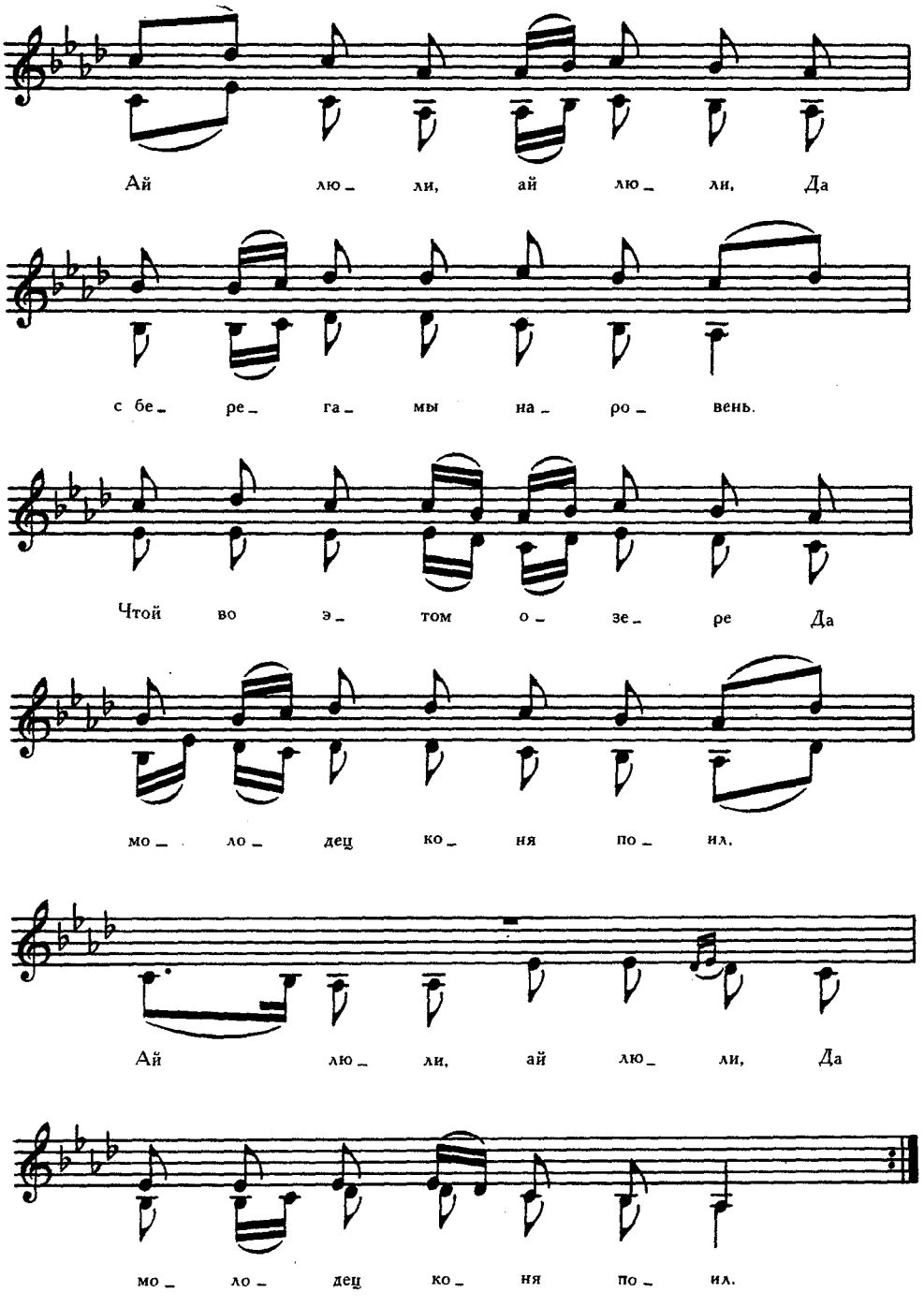

♩= 66
«Уж ты, Ва _ ню _ ша, Ва _ ня, И _

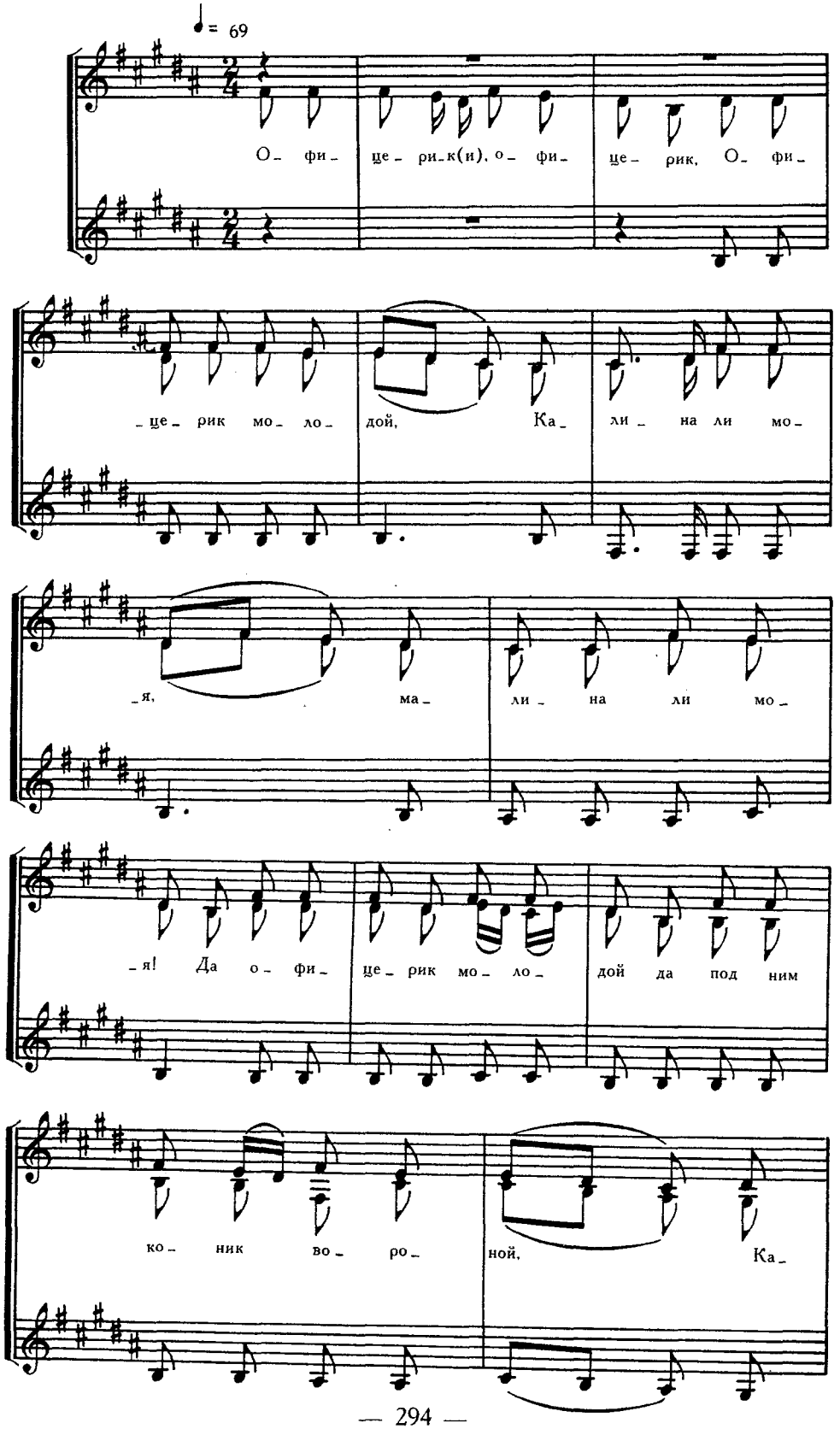

-ван, Уж ты, Ва- ню- ша, Ва- ня, И-
-ван, Да ты че- го, Ва- ня, ни
бел и ни ру- мян, Че- го, Ва- ня, ни
бел и ни ру- мян, Да ты ку-
-да, Ва- ня, ру- мя- нец по- де- вал, Ты ку-

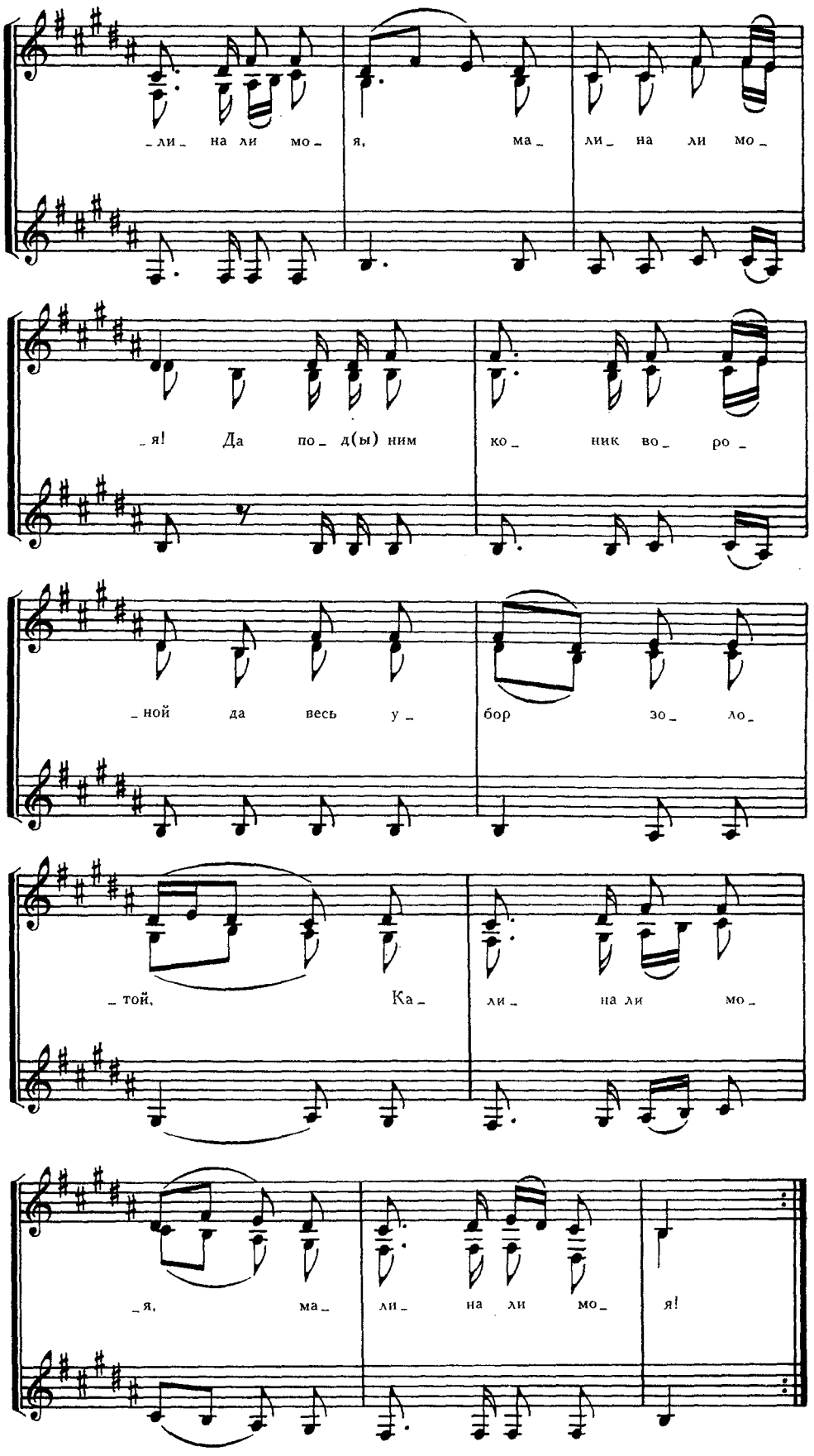

да, Ва_ ня, ру_ мя_ нец по_ де_
вал?». «Да уж ты, Ду_ ню_ ша,
лю_ бу_ша мо_ я. Уж ты, Ду_ ню_ ша,
лю_ бу_ ша мо_ я, Да ска_ жи,
ту_ жишь ли, пла_ чешь о_ бо мне?».

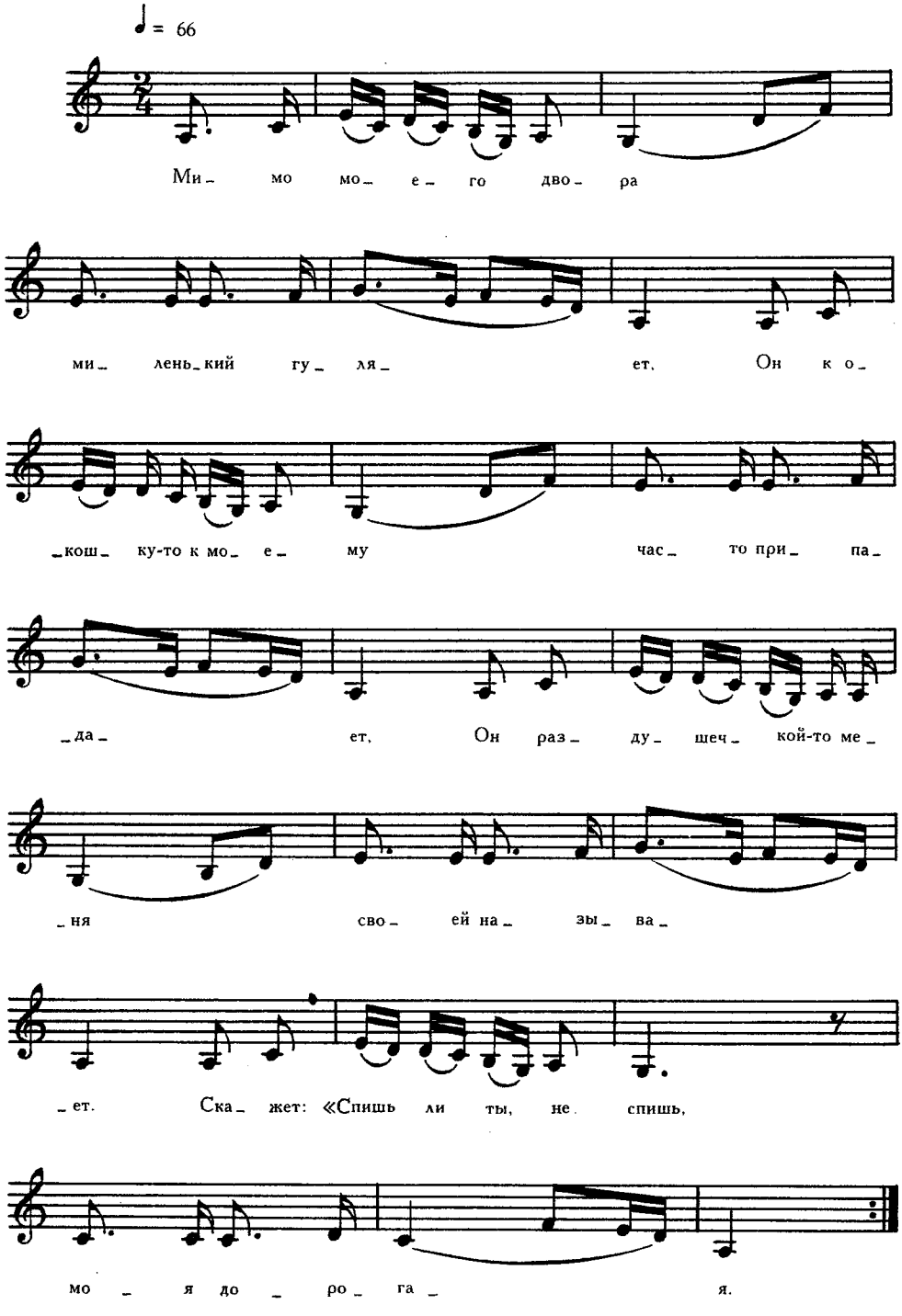

♩= 72.
Со_ ве_ ва_ ли ве_ те_ роч_ ки со го_
_ры, Со мо_ ей ли со ро_
_ди_ мой сто_ ро_ ны, Да со мо_
_ей ли со ро_ ди_ мой сто_ ро_
_ны, Да во мо_ и ли во ши_
_ро_ ки во_ ро_ та, Во мо_
_и ли во ши_ ро_ ки во_ ро_
_та. Да во_ ро_ та бы_ ли не за_ пер_ ты

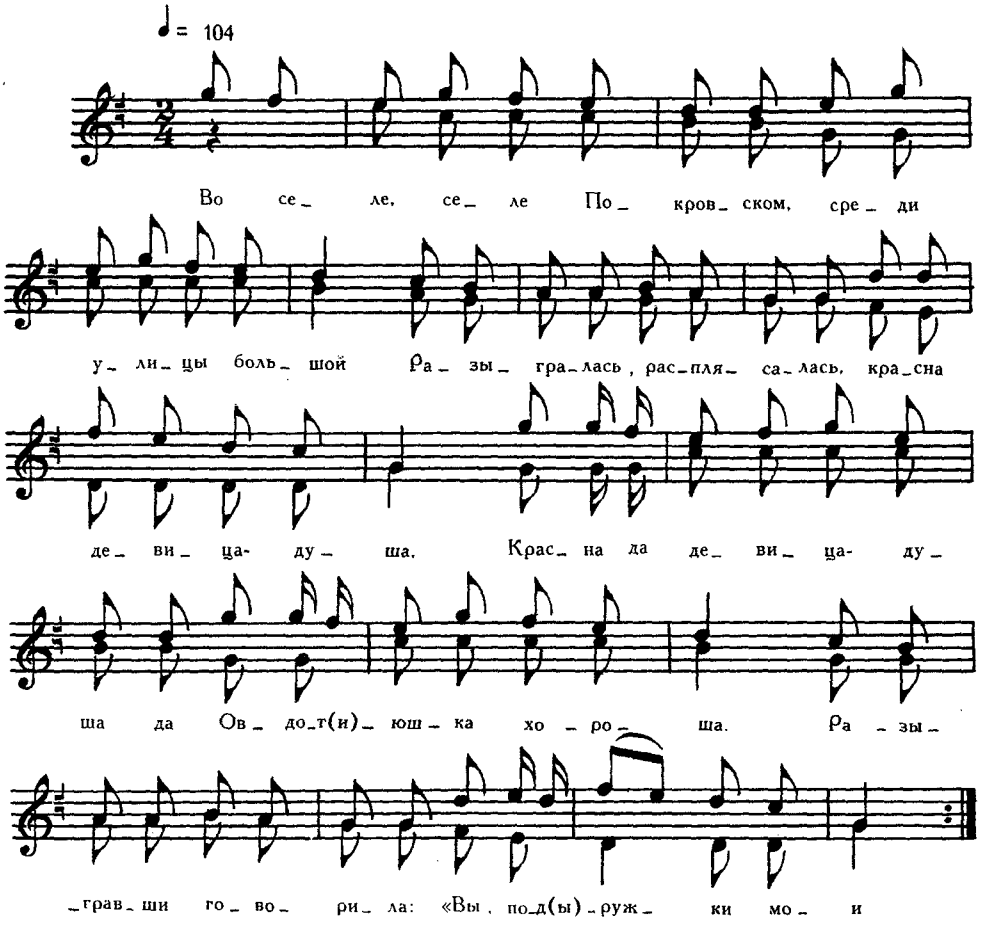

♩ = 70
Как у на_ ших у во_ рот Да
сто_ ит о_ зе_ ро с во_ дой,
Ай лю_ ли, ай лю_ ли, Да
сто_ ит о_ зе_ ро с во_ дой.
Сто_ ит о_ зе_ ро с во_ дой, Да
с бе_ ре_ га_ мы на_ ро_ вень,


Ай лю_ ли, ай лю_ ли, Да
с бе_ ре_ га_ мы на_ ро_ вень.
Чтой во э_ том о_ зе_ ре Да
мо_ ло_ дец ко_ ня по_ ил.
Ай лю_ ли, ай лю_ ли, Да
мо_ ло_ дец ко_ ня по_ ил.

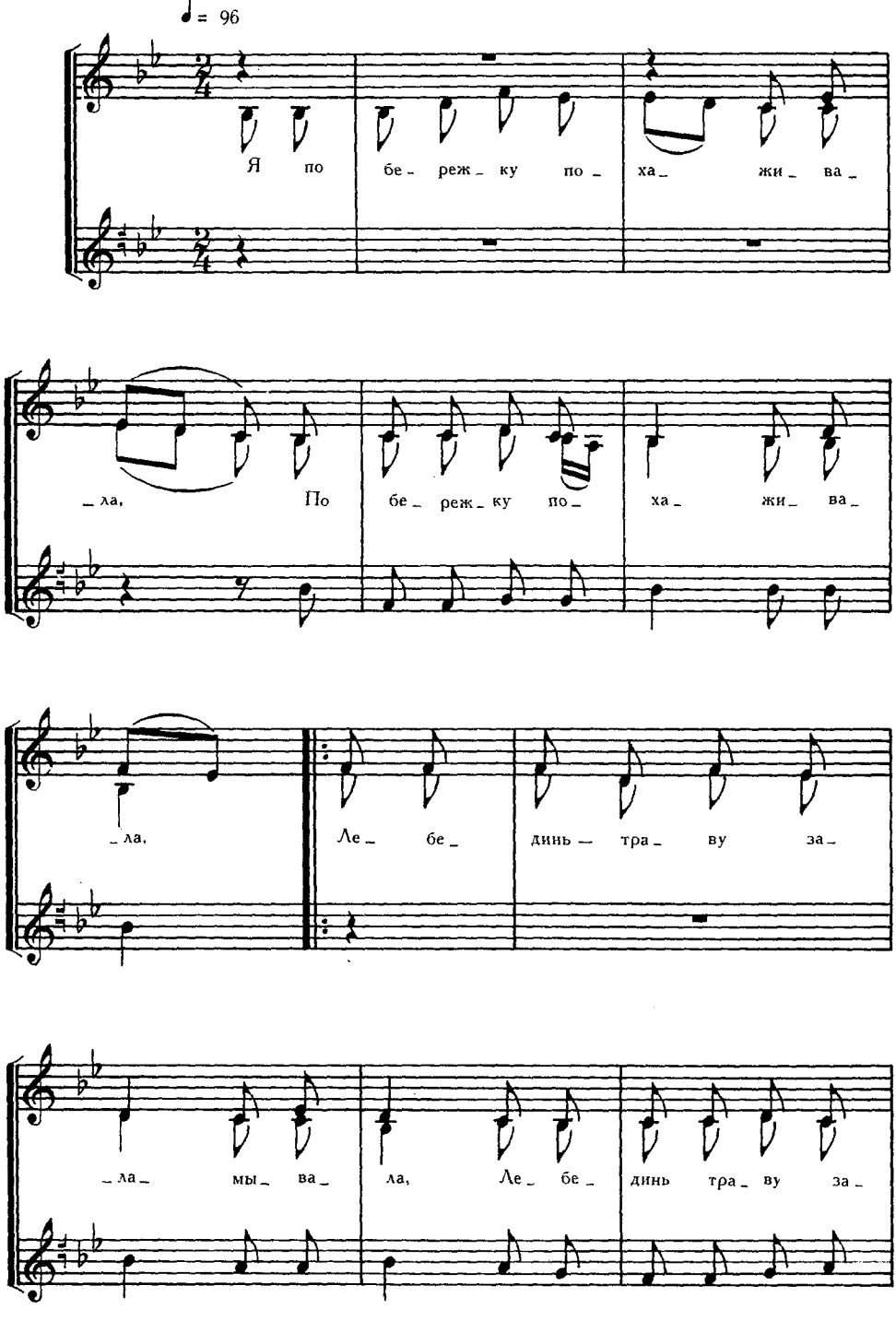

♩= 69
О_ фи_ це_ ри_к(и), о_ фи_ це_ рик, О_ фи_
_це_ рик мо_ ло_ дой, Ка_ ли_ на ли мо_
_я, ма_ ли_ на ли мо_
_я! Да о_ фи_ це_ рик мо_ ло_ дой да под ним
ко_ ник во_ ро_ ной, Ка_

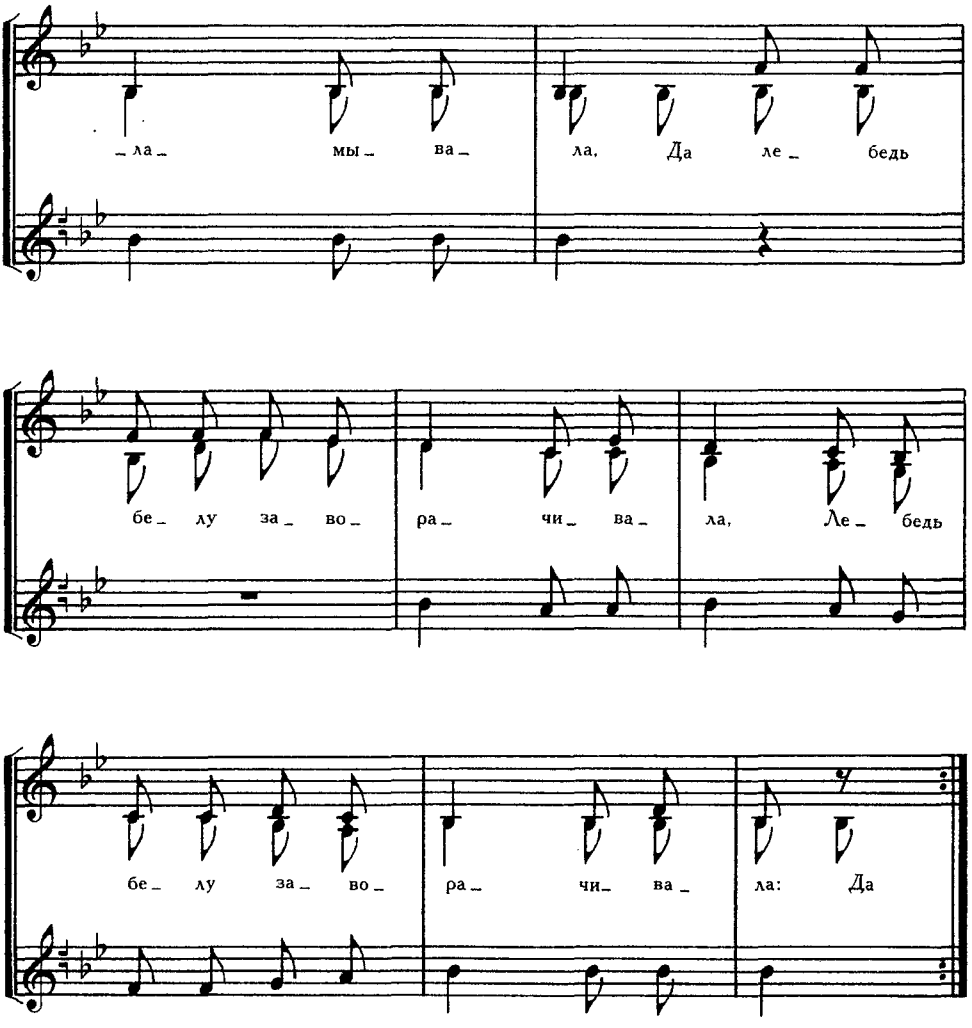

_ли_ на ли мо_ я, ма_ ли_ на ли мо_
_я! Да по_ д(ы) ним ко_ ник во_ ро_
ной да весь у бор зо_ ло_
той, Ка ли_ на ли мо_
_я, ма_ ли_ на ли мо_ я!


♩ = 66
Ми_ мо мо_ е_ го дво_ ра
ми_ лень_кий гу_ ля_ ет. Он ко_
кош ку-то к мо_ е_ му час_ то при_ па_
_да_ ет. Он раз_ ду_ шеч_ кой-то ме_
ня сво ей на_ зы_ ва_
ет. Ска жет: «Спишь ли ты, не спишь,
мо_ я до_ ро_ га_ я.

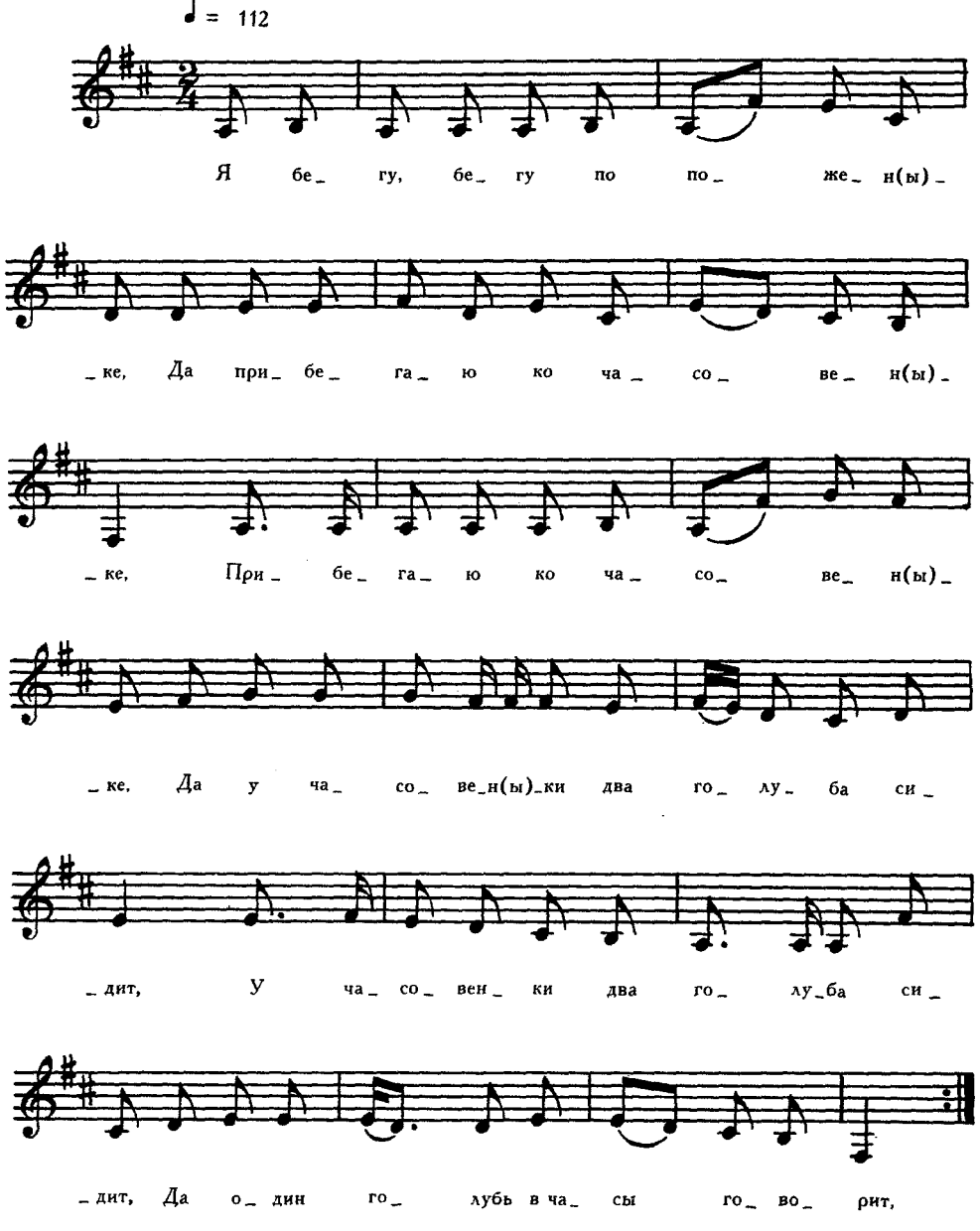

♩= 104
Во се_ ле, се_ ле По_ кров_ ском, сре_ ди
у_ ли_ цы боль_ шой Ра_ зы_ гра_лась, рас_пля_ са_лась, кра_сна
де_ ви_ ца- ду_ ша. Крас_ на да де_ ви_ ца- ду_
ша да Ов_ до_т(и)_ юш_ ка хо _ ро_ ша. Ра _ зы_
_грав_ши го_ во_ ри_ ла: «Вы, по_д(ы)_руж_ ки мо_ и

100

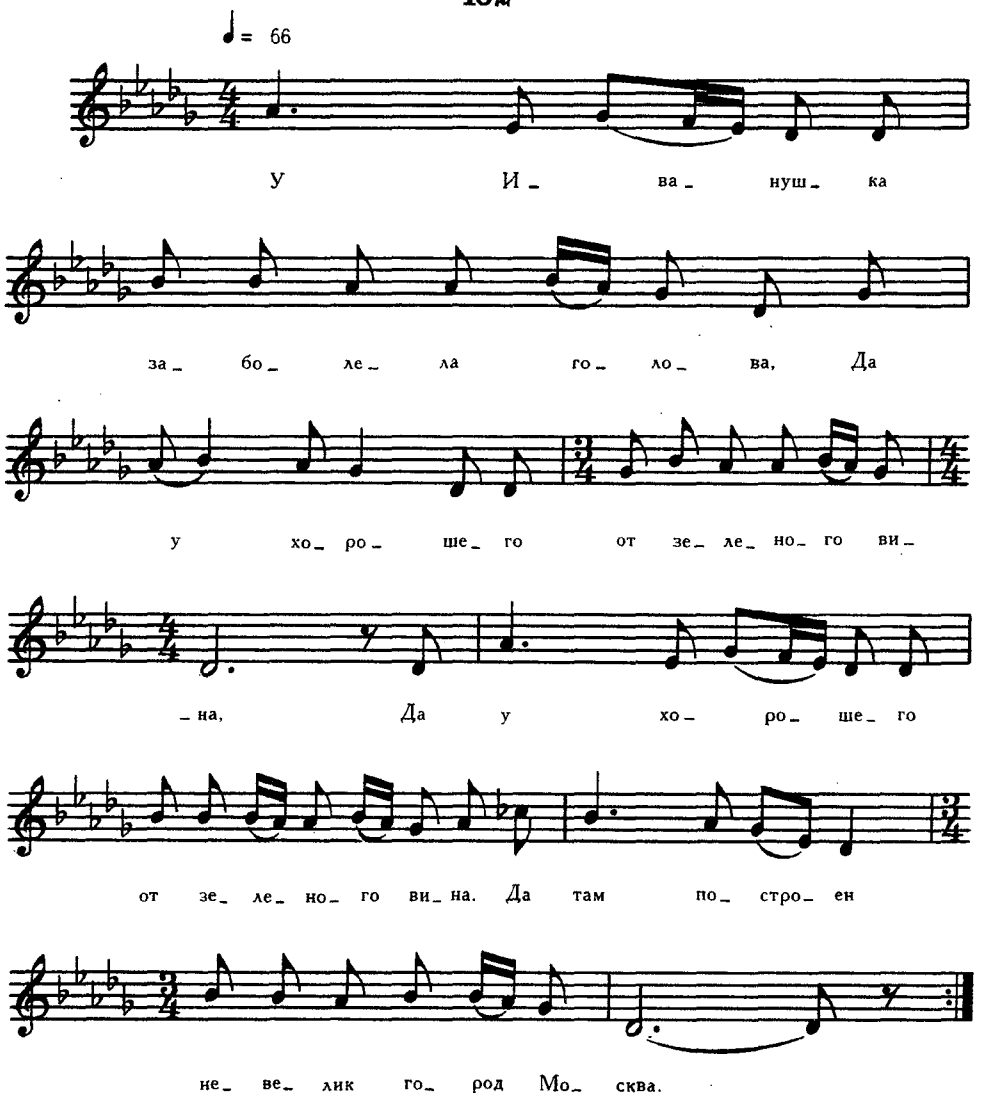

♩= 96
Я по бе_ реж_ ку по_ ха_ жи_ ва_
_ла, По бе_ реж_ ку по_ ха_ жи_ ва_
_ла, Ле_ бе_ динь_ тра_ ву за_
_ла_ мы_ ва_ ла, Ле_ бе_ динь тра_ ву за_


_ла_ мы_ ва_ ла, Да ле_ бедь
бе_ лу за_ во_ ра_ чи_ ва_ ла, Ле_ бедь
бе_ лу за_ во_ ра_ чи_ ва_ ла: Да

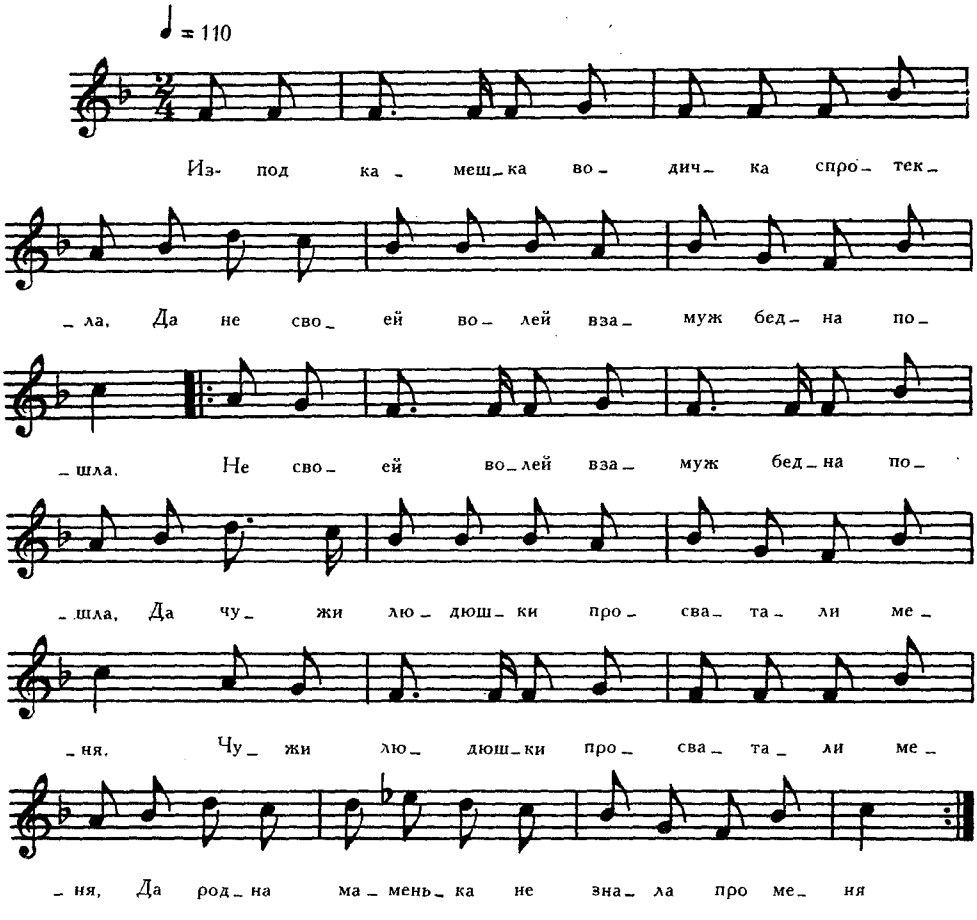
101


♩ = 112
Я бе_ гу, бе_ гу по по_ же_ н(ы)_
ке, Да при бе_ га_ ю ко ча_ со_ ве_ н(ы)_
ке, При бе_ га_ ю ко ча_ со_ ве_ н(ы)_
_ке, Да у ча_ со_ ве_н(ы)_ки два го_ лу_ ба си_
дит, У ча со_ вен_ ки два го_ лу_ба си_
дит, Да о дин го_ лубь в ча_ сы го_ во_ рит,

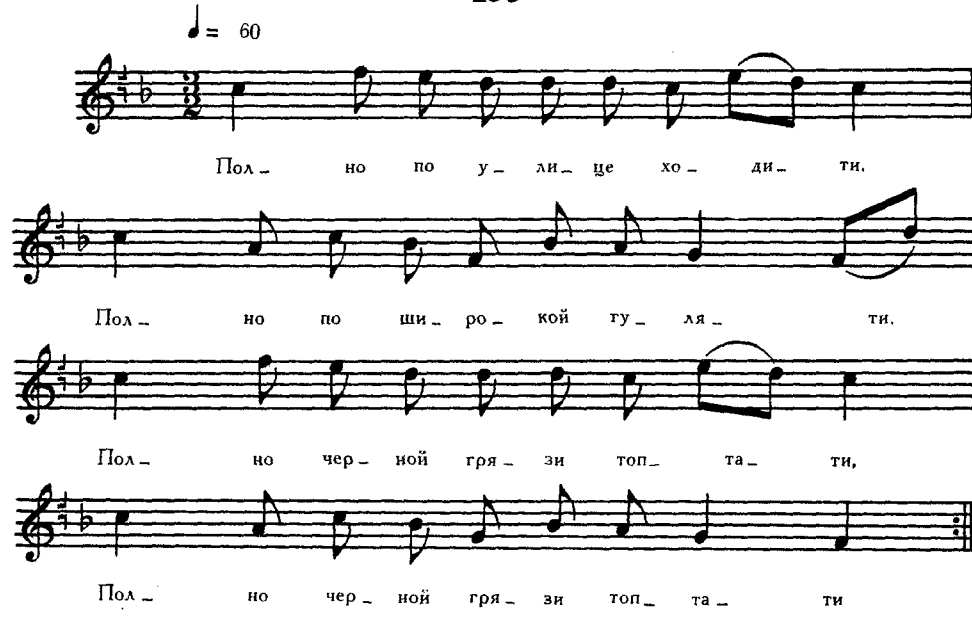
102

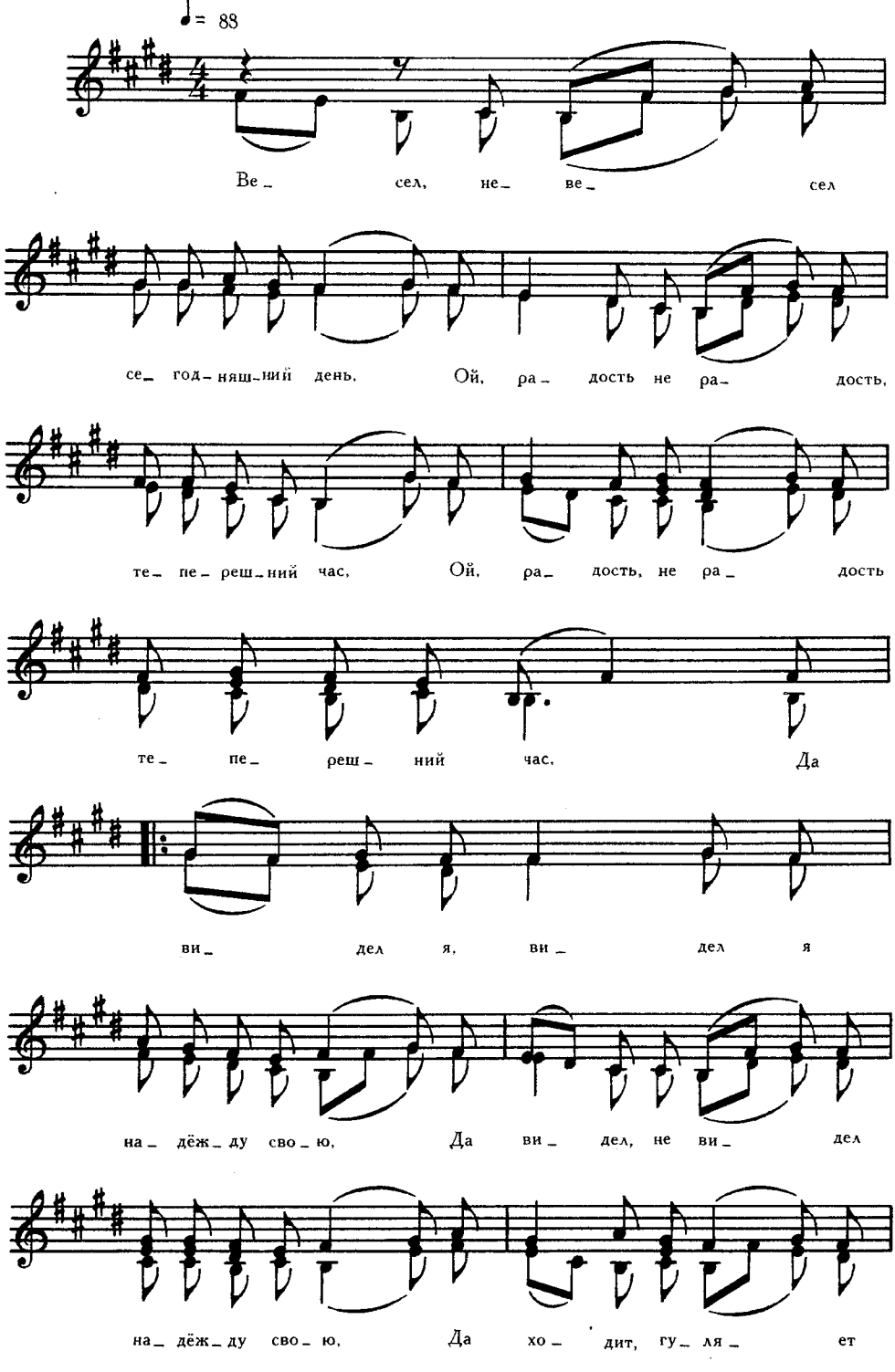

♩= 66
У И_ ва_ нуш_ ка
за_ бо_ ле_ ла го_ ло_ ва, Да
у хо_ ро_ ше_ го от зе_ ле_ но_ го ви_
_на, Да у хо_ ро_ ше_ го
от зе_ ле_ но_ го ви_на. Да там по_ стро_ ен
не_ ве_ лик го_ род Мо_ сква.

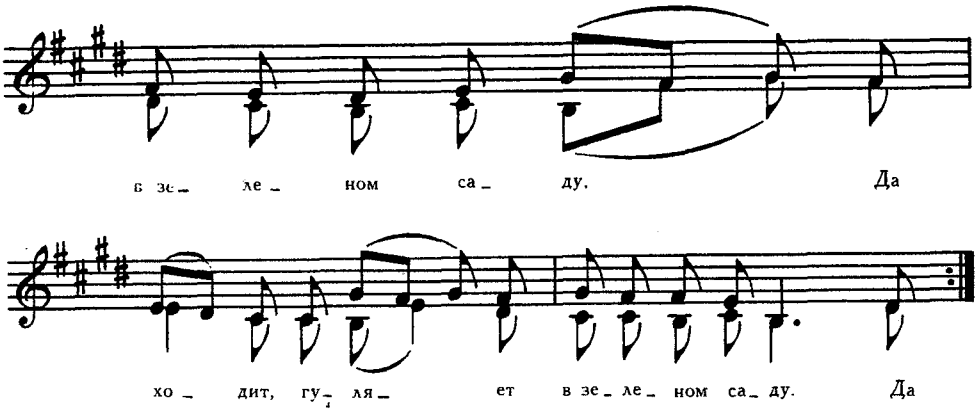
103


♩ = 110
Из- под ка - меш - ка во - дич - ка спро - тек -
- ла, Да не сво - ей во - лей вза - муж бед - на по -
- шла. Не сво - ей во - лей вза - муж бед - на по -
- шла, Да чу - жи лю - дюш - ки про - сва - та - ли ме -
- ня. Чу - жи лю - дюш - ки про - сва - та - ли ме -
- ня, Да род - на ма - мень - ка не зна - ла про ме - ня

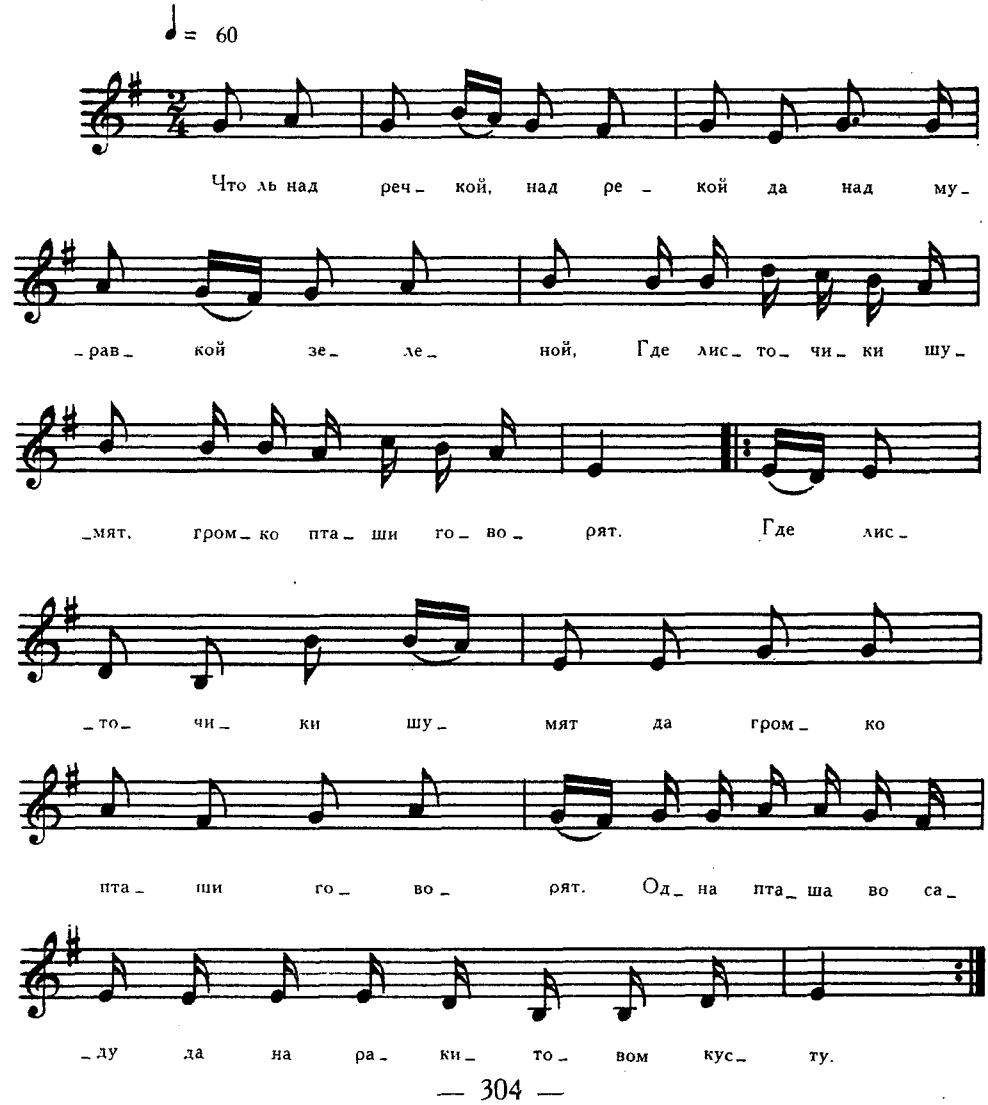
105

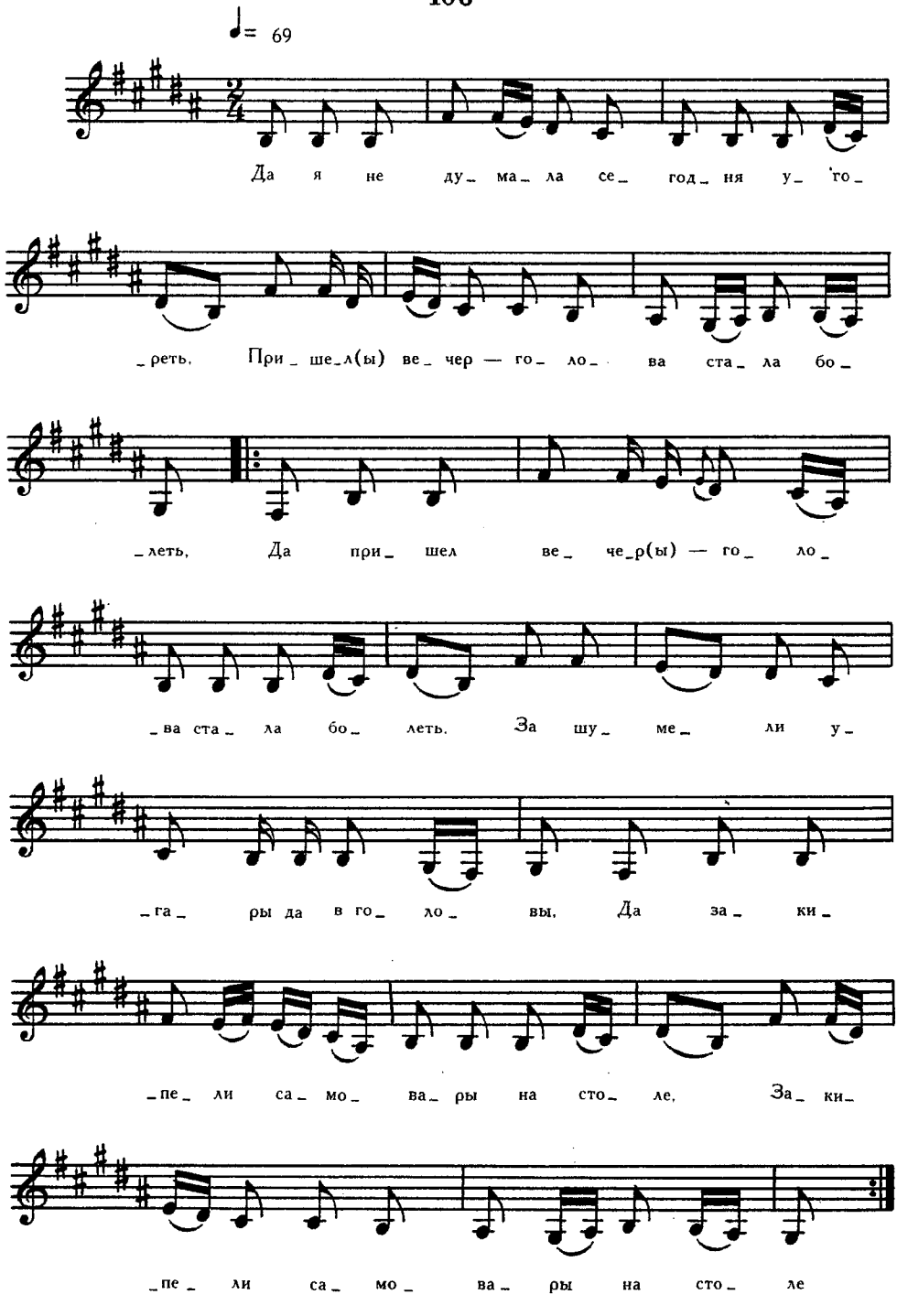

♩ = 60
Пол - но по у - ли - це хо - ди - ти,
Пол - но по ши - ро - кой ду - ля - ти,
Пол - но чер - ной гря - зи топ - та - ти,
Пол - но чер - ной гря - зи топ - та - ти


♩= 88
Ве_ сел, не_ ве_ сел
се_ год_няш_ний день, Ой, ра_ дость не ра_ дость,
те_ пе_ реш_ний час, Ой, ра_ дость, не ра_ дость
те_ пе_ реш_ ний час, Да
ви_ дел я, ви_ дел я
на_ дёж_ду сво_ ю, Да ви_ дел, не ви_ дел
на_ дёж_ду сво_ ю, Да хо_ дит, гу_ ля_ ет

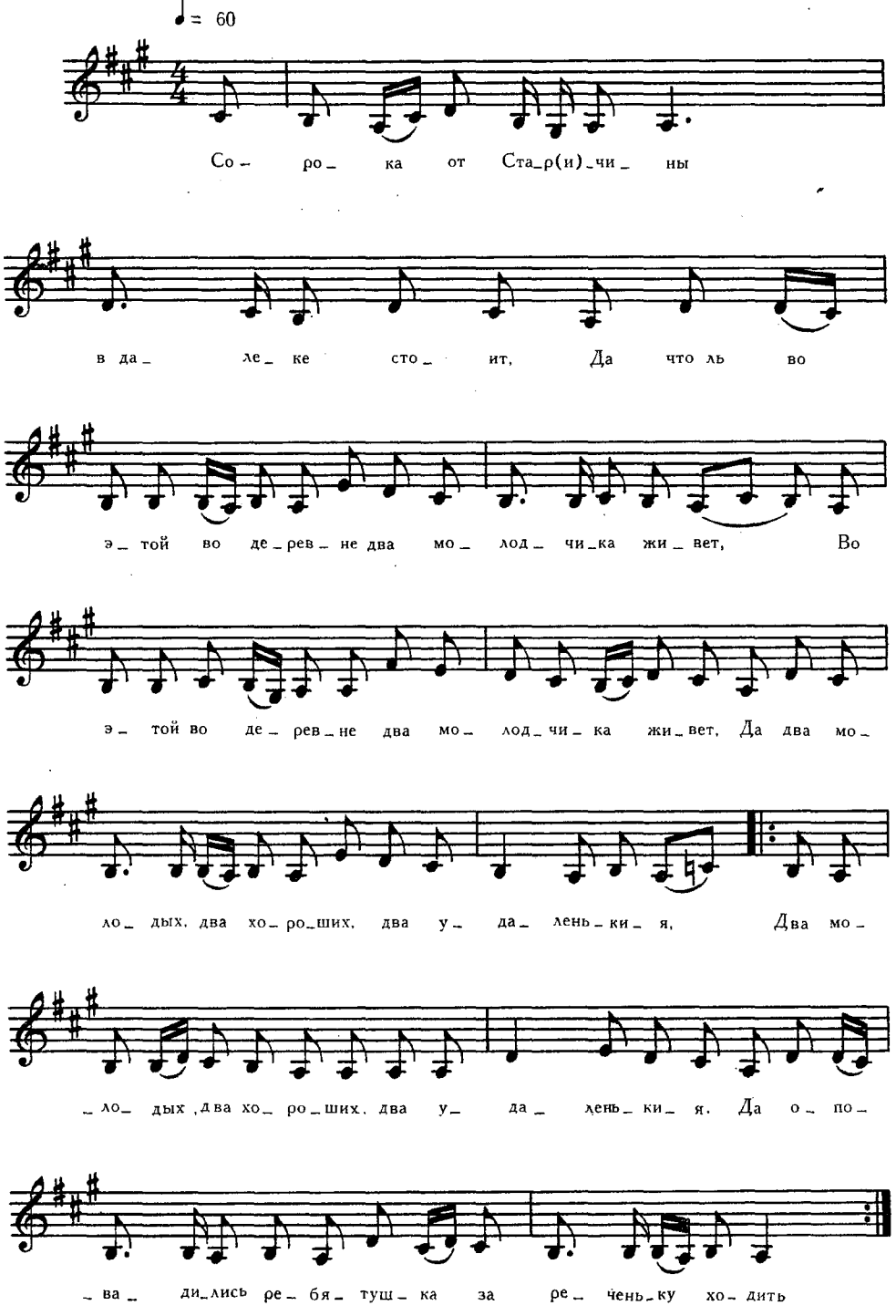

в зе_ ле_ ном са_ ду. Да
хо_ дит, гу_ ля_ ет в зе_ ле_ ном са_ ду. Да

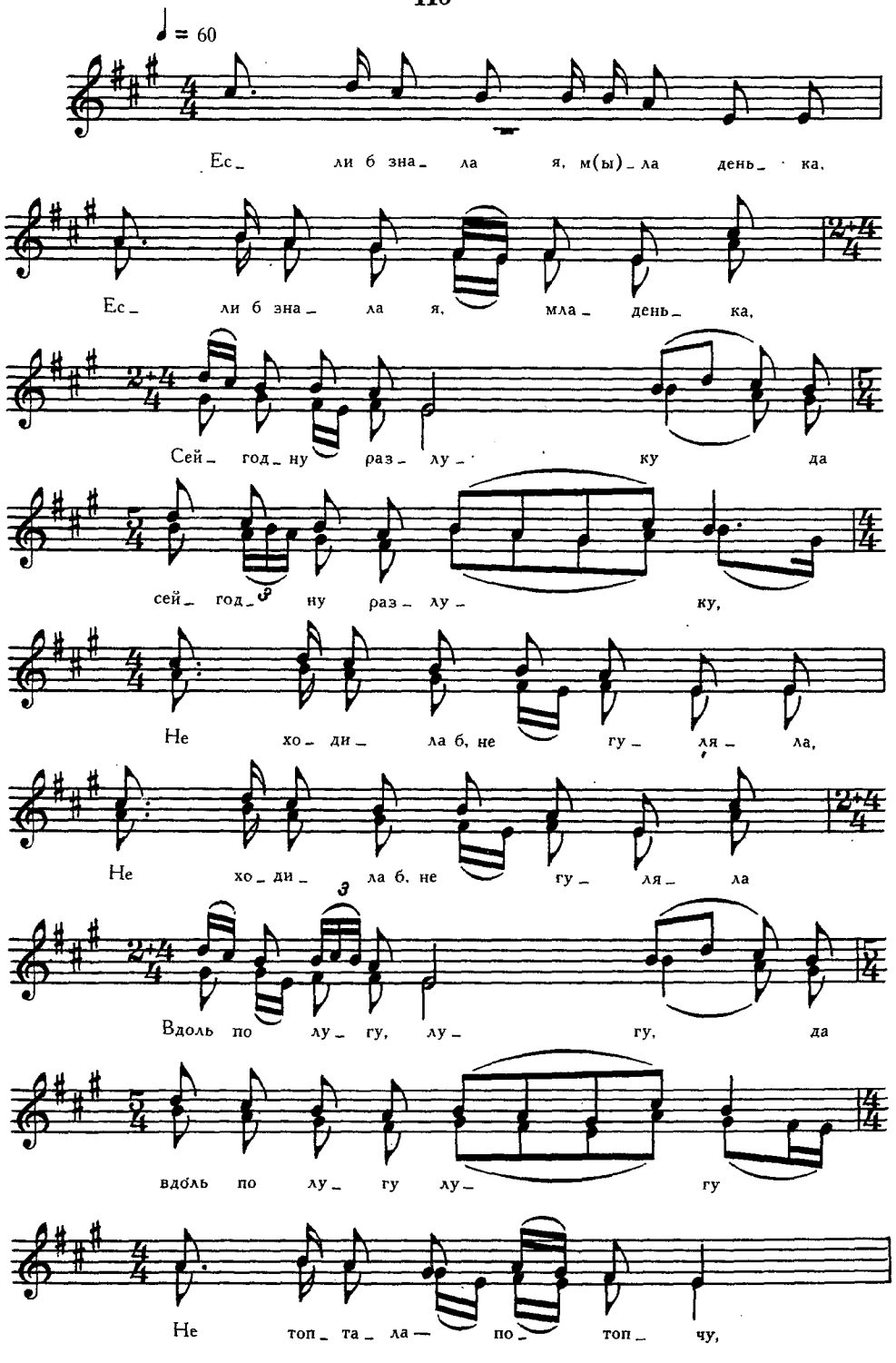
107

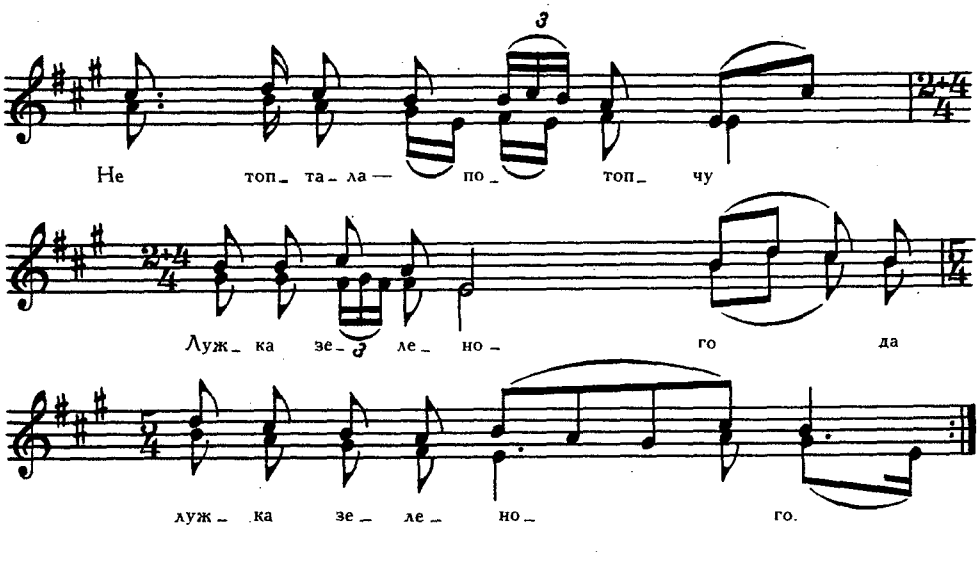

♩= 60
Что ль над реч_ кой, над ре_ кой да над му_
рав кой зе_ ле_ ной, Где лис_ то_ чи_ ки шу_
мят, гром ко пта_ ши го_ во_ рят. Где лис_
_то_ чи_ ки шу_ мят да гром_ ко
пта_ ши го_ во_ рят. Од_ на пта_ ша во са_
_ду да на ра_ ки_ то_ вом кус_ ту.


♩= 69
Да я не ду_ ма_ ла се_ год_ ня у_ го_
реть, При ше_л(ы) ве_ чер — го_ ло_ ва ста_ ла бо_
леть, Да при шел ве_ че_р(ы) — го_ ло_
ва ста ла бо_ леть. За шу_ ме_ ли у_
_га_ ры да в го_ ло_ вы, Да за_ ки_
_пе_ ли са_ мо_ ва_ ры на сто_ ле, За_ ки_
_пе_ ли са_ мо_ ва_ ры на сто_ ле

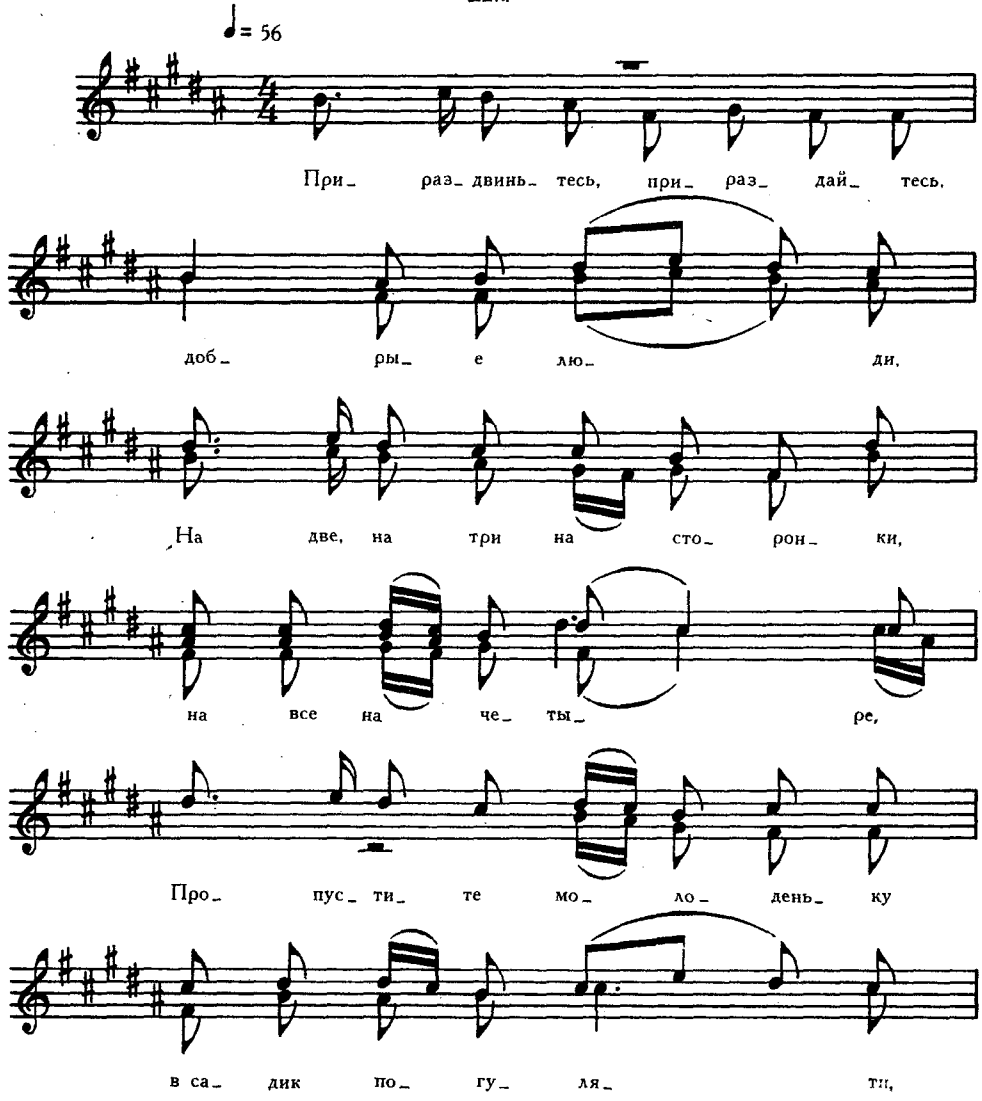
109

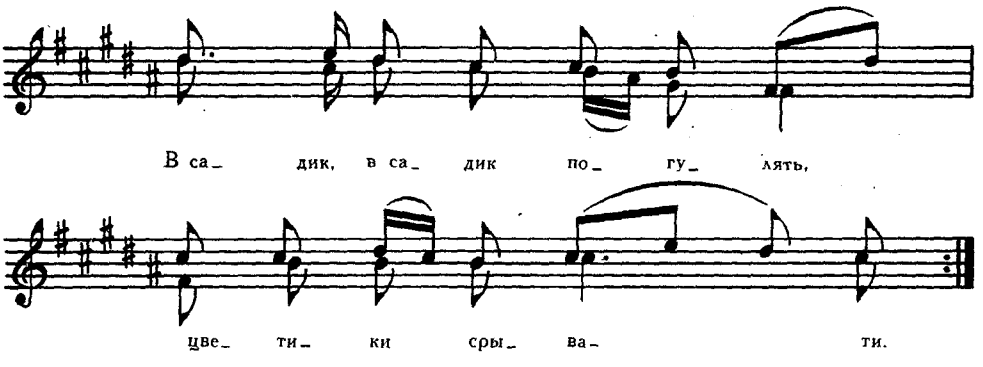

♩= 60
Со_ ро_ ка от Ста_р(и)_чи_ ны
в да_ ле_ ке сто_ ит, Да что ль во
э_ той во де_рев_ не два мо_ лод_ чи_ка жи_ вет, Во
э_ той во де_ рев_не два мо_ лод_чи_ка жи_вет, Да два мо_
ло_ дых, два хо_ро_ших, два у_ да_ лень_ки_ я, Два мо_
_ло_ дых ,два хо_ ро_ших, два у_ да_ лень_ки_ я, Да о_ по_
_ва_ ди_лись ре_ бя_ туш_ка за ре_ чень_ку хо_ дить


♩ = 60
Ес_ ли б зна_ ла я, м(ы)_ла день_ ка,
Ес_ ли б зна_ ла я, мла_ день_ ка,
Сей_ год_ ну раз_ лу_ ку да
сей_ год_ ну раз_ лу_ ку,
Не хо_ ди_ ла б, не гу_ ля_ ла,
Не хо_ ди_ ла б, не гу_ ля_ ла
Вдоль по лу_ гу, лу_ гу, да
вдоль по лу_ гу лу_ гу
Не топ_ та_ ла— по_ топ_ чу,

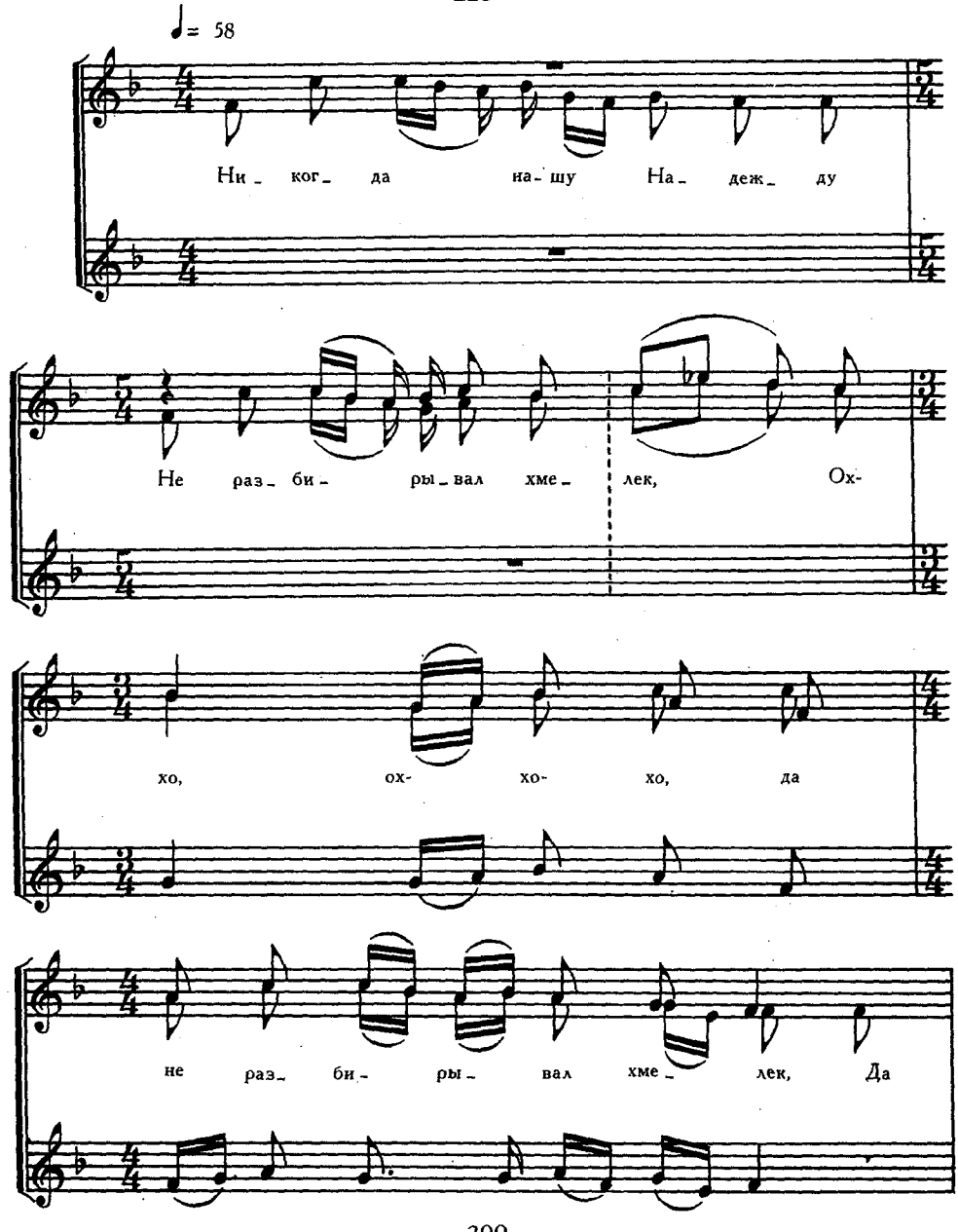

3
Не топ_ та_ ла — по_ топ_ чу
2·4/4
Луж_ ка зе_ ле_ но_ го да
5/4
луж_ ка зе_ ле_ но_ го.

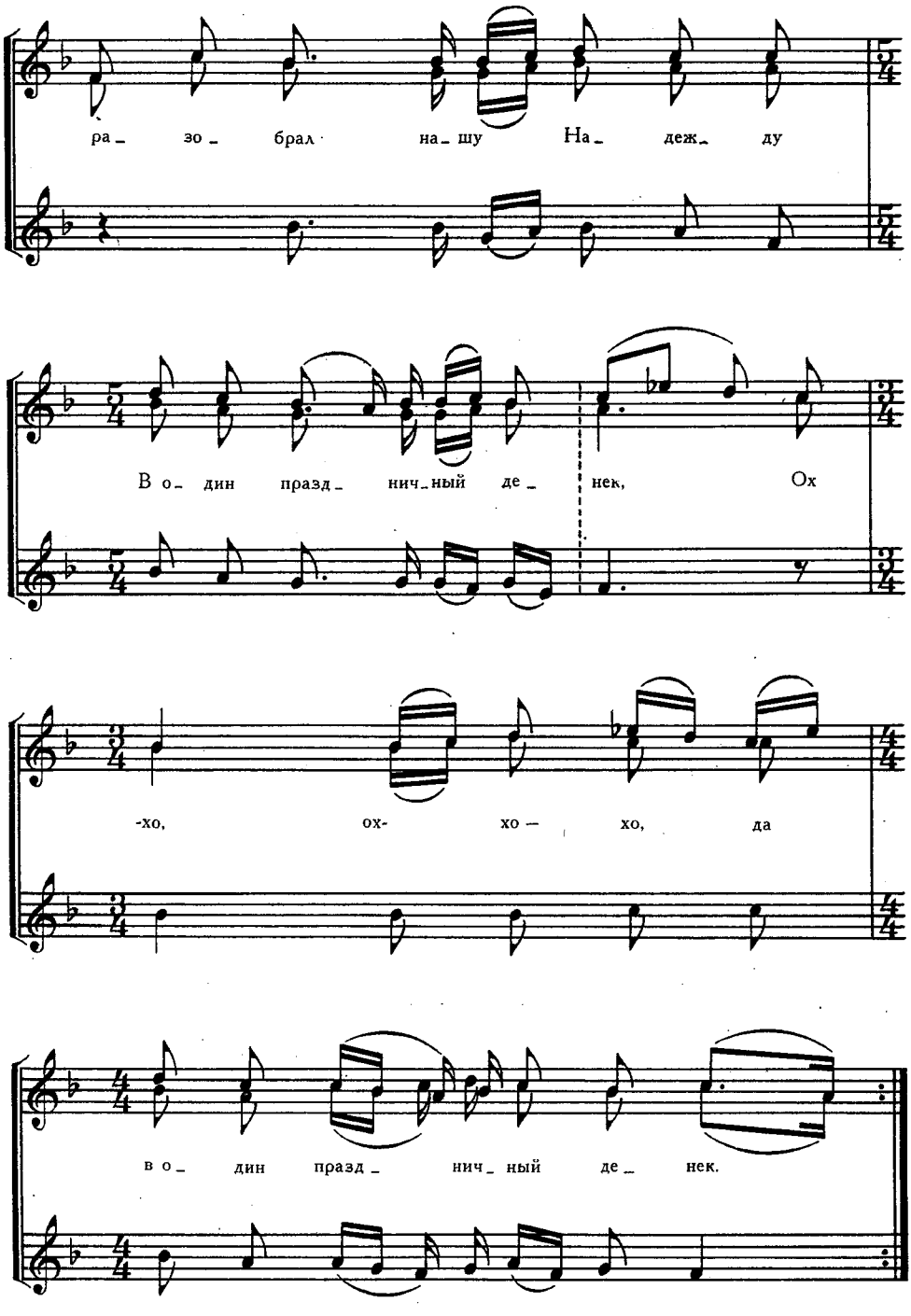
112

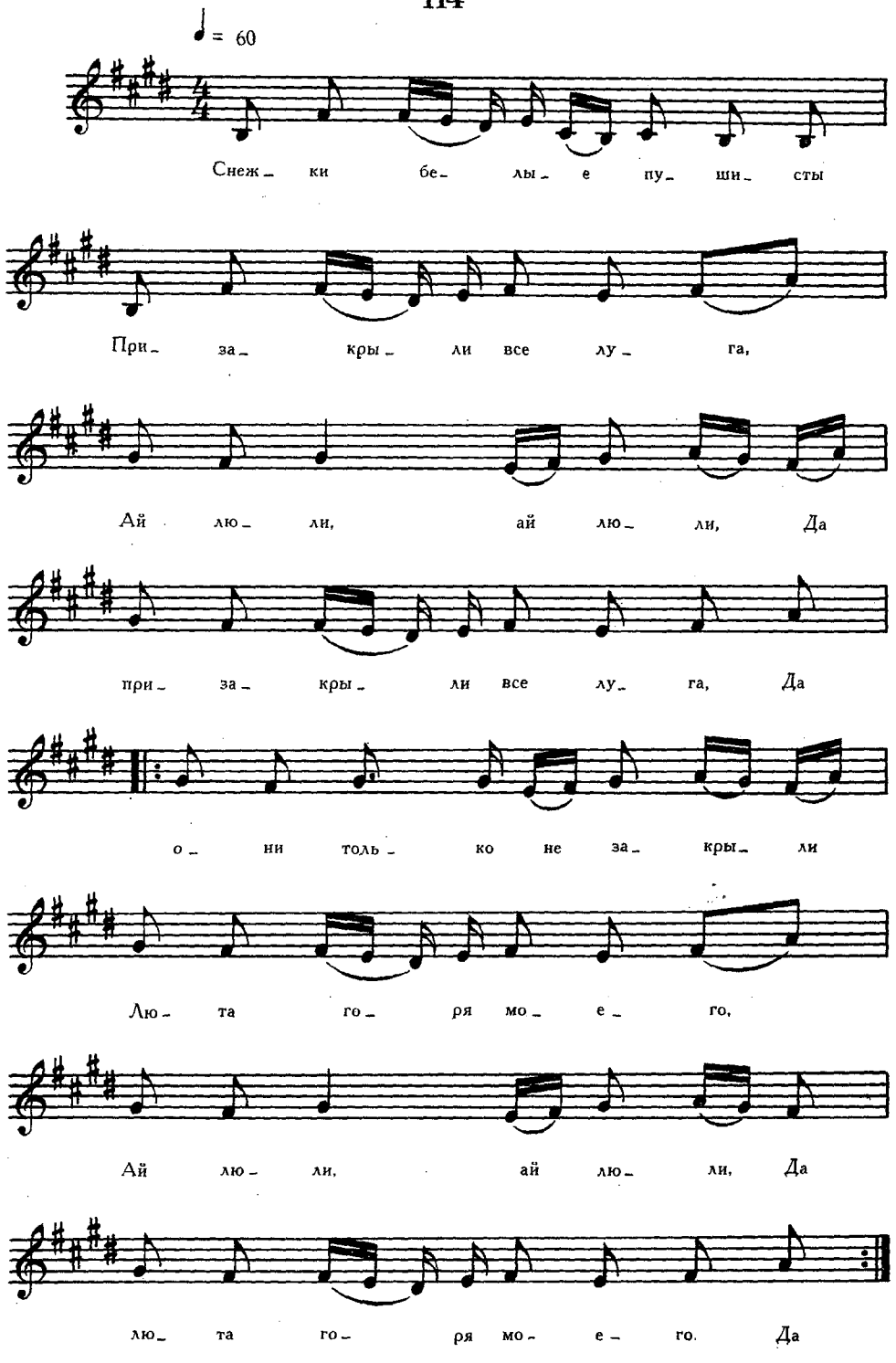

♩= 56
4/4
При_ раз_ двинь_ тесь, при_ раз_ дай_ тесь,
доб_ ры_ е лю_ ди,
На две, на три на сто_ рон_ ки,
на все на че_ ты_ ре,
Про_ пус_ ти_ те мо_ ло_ день_ ку
в са_ дик по_ гу_ ля_ ть,


В са_ дик, в са_ дик по_ гу_ лять,
цве_ ти_ ки сры_ ва_ ти.

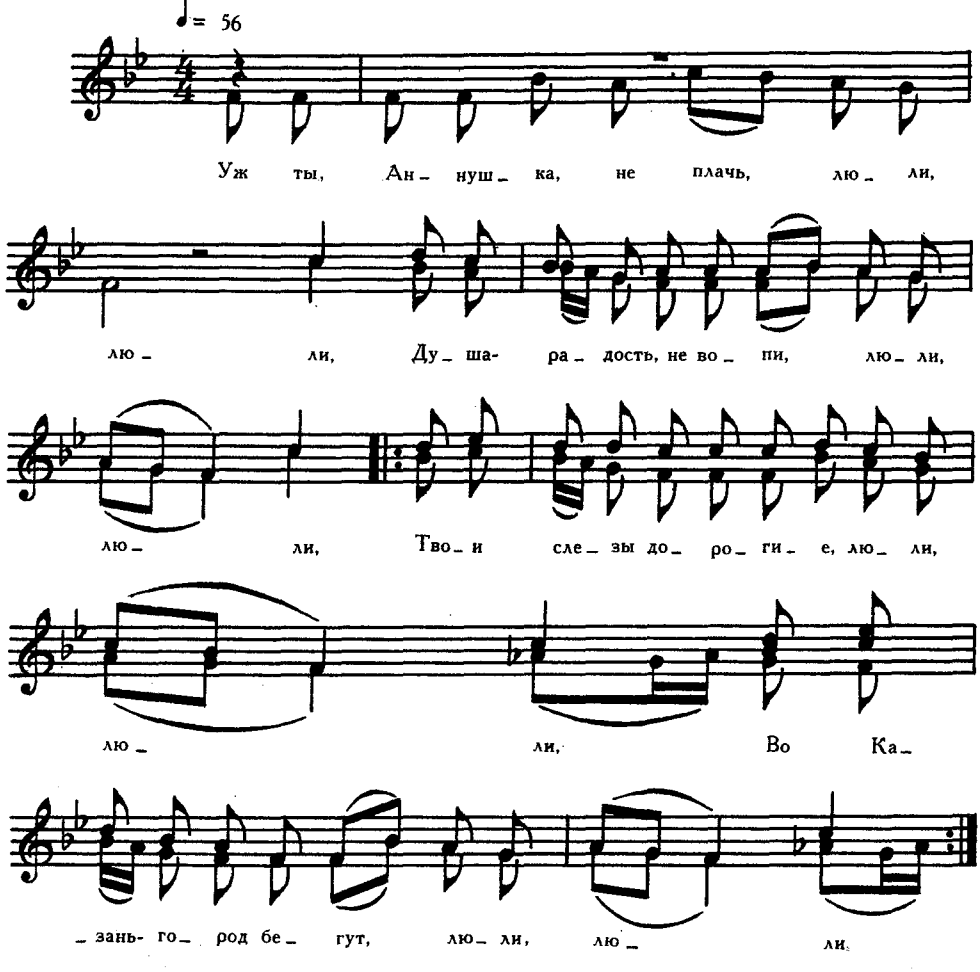
113


♩= 58
Ни_ ког_ да на_шу На_ деж_ ду
Не раз_ би_ ры_вал хме_ лек, Ох-
хо, ох- хо- хо, да
не раз_ би_ ры_ вал хме_ лек, Да

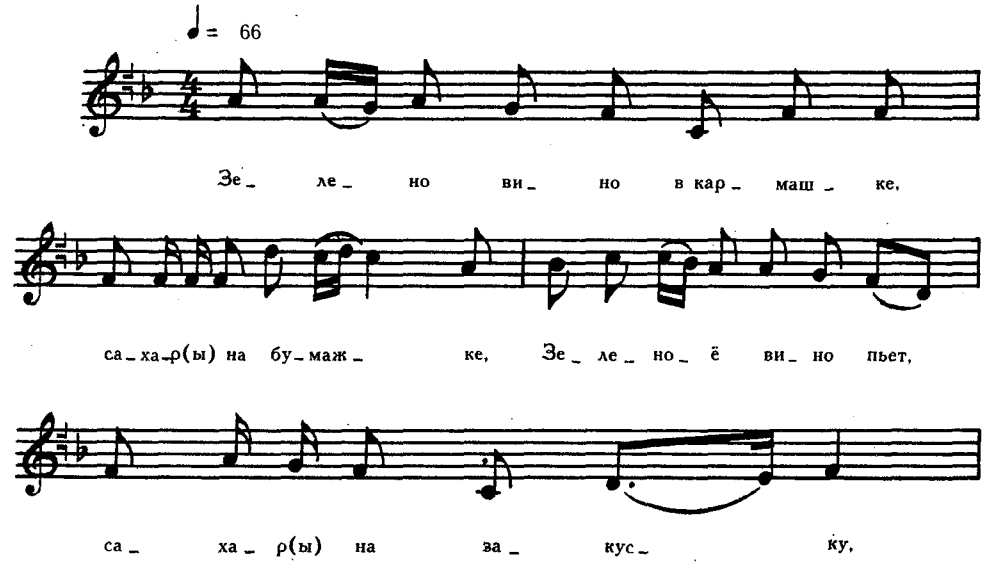

ра_ зо_ брал на_шу На_ деж_ ду
В о_ дин празд_ нич_ный де_ нек, Ох
-хо, ох- хо — хо, да
в о_ дин празд_ нич_ный де_ нек.

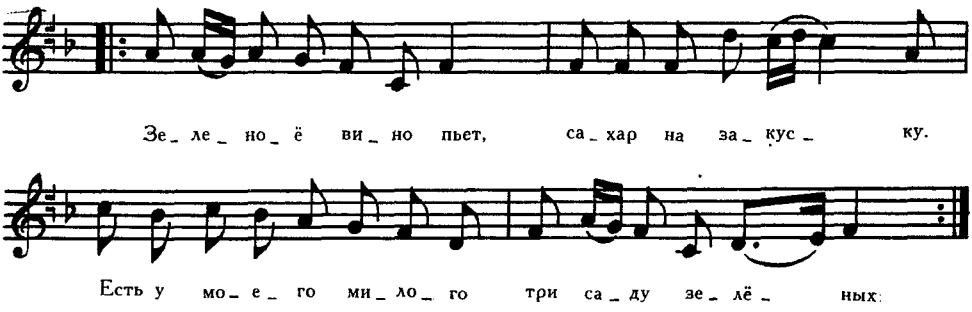

♩ = 60
Снеж_ ки бе_ лы_ е пу_ ши_ сты
При_ за_ кры_ ли все лу_ га,
Ай лю_ ли, ай лю_ ли, Да
при_ за_ кры_ ли все лу_ га, Да
о_ ни толь_ ко не за_ кры_ ли
Лю_ та го_ ря мо_ е_ го,
Ай лю_ ли, ай лю_ ли, Да
лю_ та го_ ря мо_ е_ го. Да

115

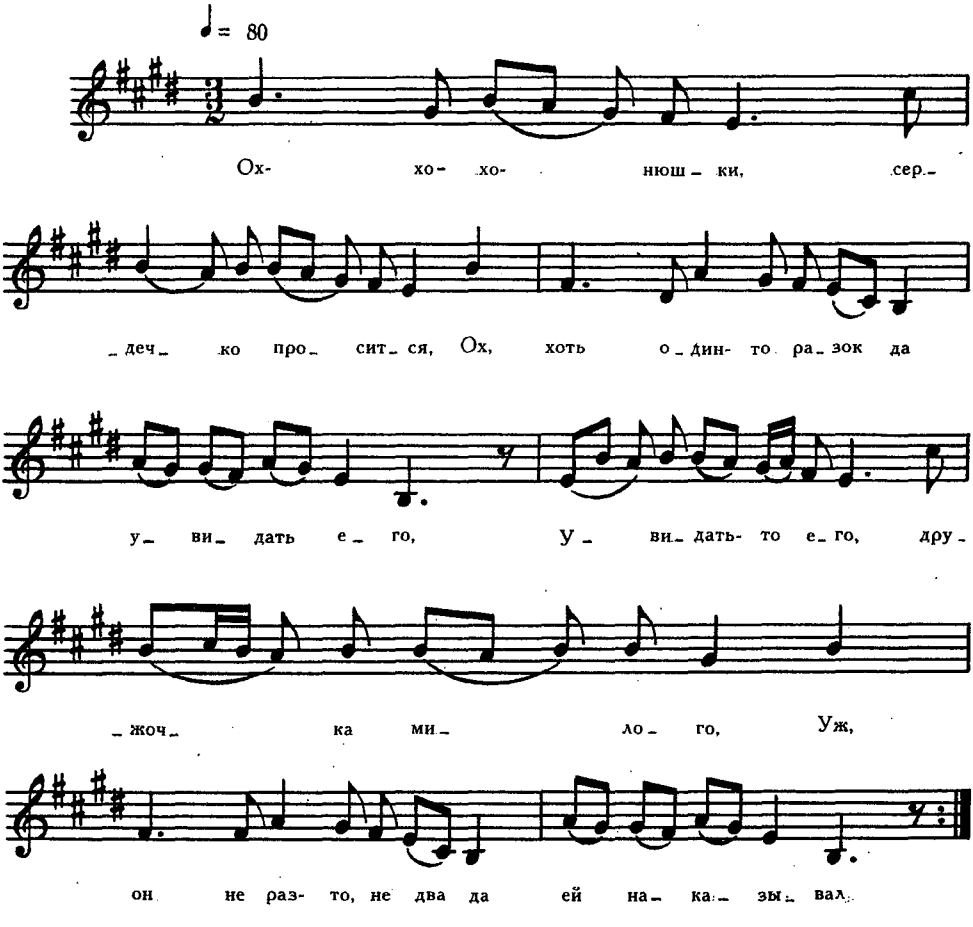

♩= 56
Уж ты, Ан_ нуш_ ка, не плачь, лю_ ли,
лю_ ли, Ду_ ша- ра_ дость, не во_ пи, лю_ ли,
лю_ ли, Тво_ и сле_ зы до_ ро_ ги_ е, лю_ ли,
лю_ ли, Во Ка_
зань- го род бе_ гут, лю_ ли, лю_ ли.

117

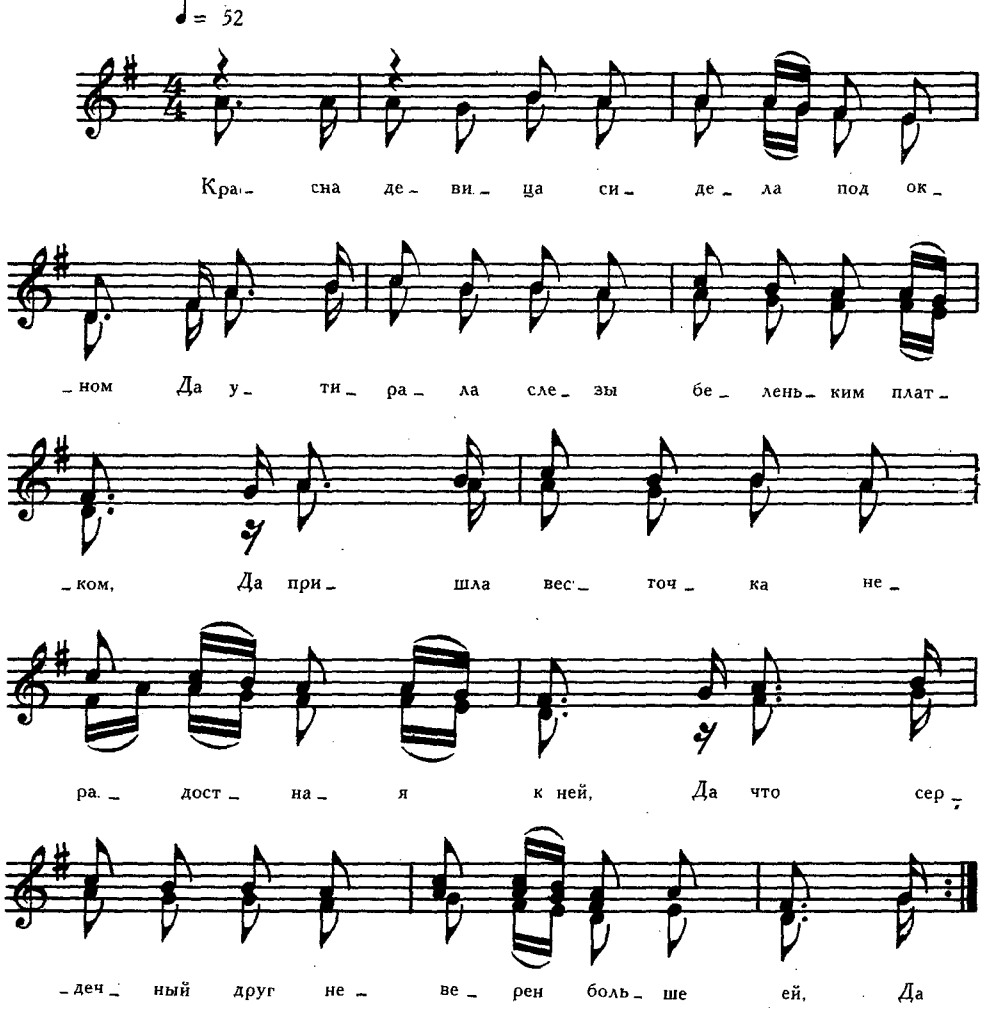

♩= 66
Зе_ ле_ но ви_ но в кар_ маш_ ке,
са_ ха_р(ы) на бу_маж_ ке, Зе_ ле_ но_ ё ви_ но пьет,
са_ ха_ р(ы) на за_ кус_ ку,


Зе_ ле_ но_ ё ви_ но пьет, са_ хар на за_ кус_ ку.
Есть у мо_ е_ го ми_ ло_ го три са_ ду зе_ лё_ ных.

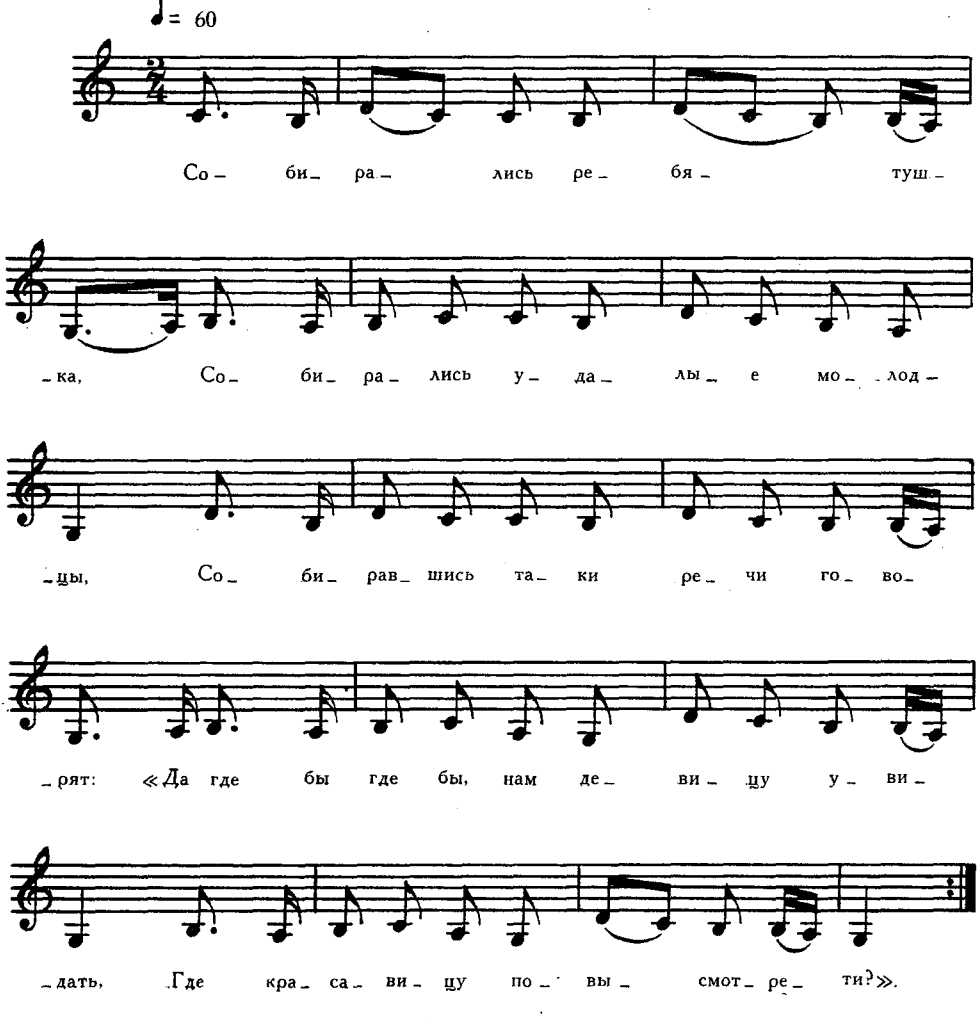
119


♩= 80
Ох- хо- хо- нюш_ ки, сер_
деч ко про_ сит_ ся, Ох, хоть о_дин- то ра_зок да
у_ ви_ дать е_ го, У_ ви_дать- то е_го, дру_
жоч ка ми_ ло_ го, Уж,
он не раз- то, не два да ей на_ ка_ зы_ вал.

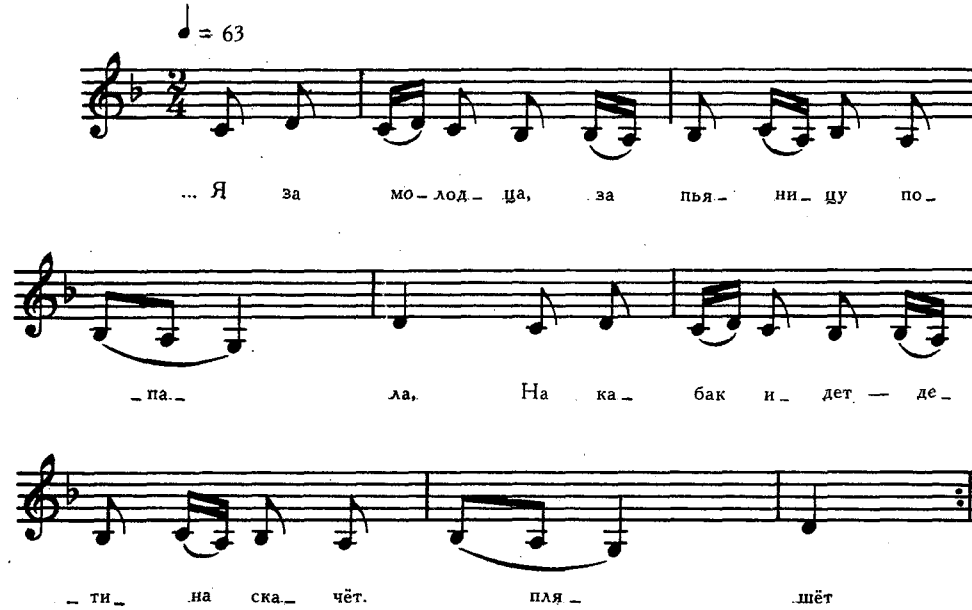
120

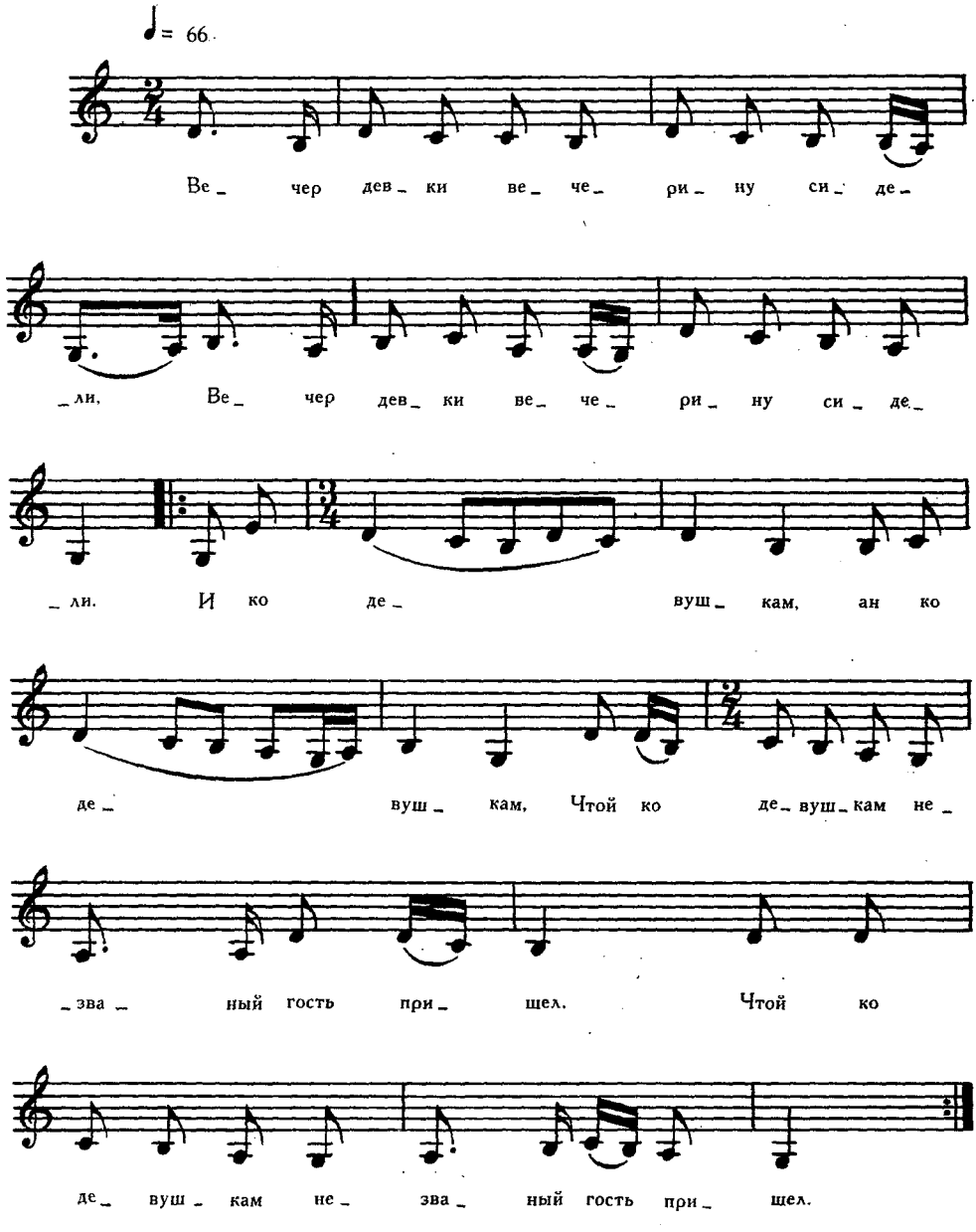

♩= 52
Кра_ сна де_ ви_ ца си_ де_ ла под ок_
ном Да у ти_ ра_ ла сле_ зы бе_ лень_ ким плат_
ком, Да при шла вес_ точ_ ка не_
ра_ дост_ на_ я к ней, Да что сер_
деч ный друг не_ ве_ рен боль_ ше ей, Да

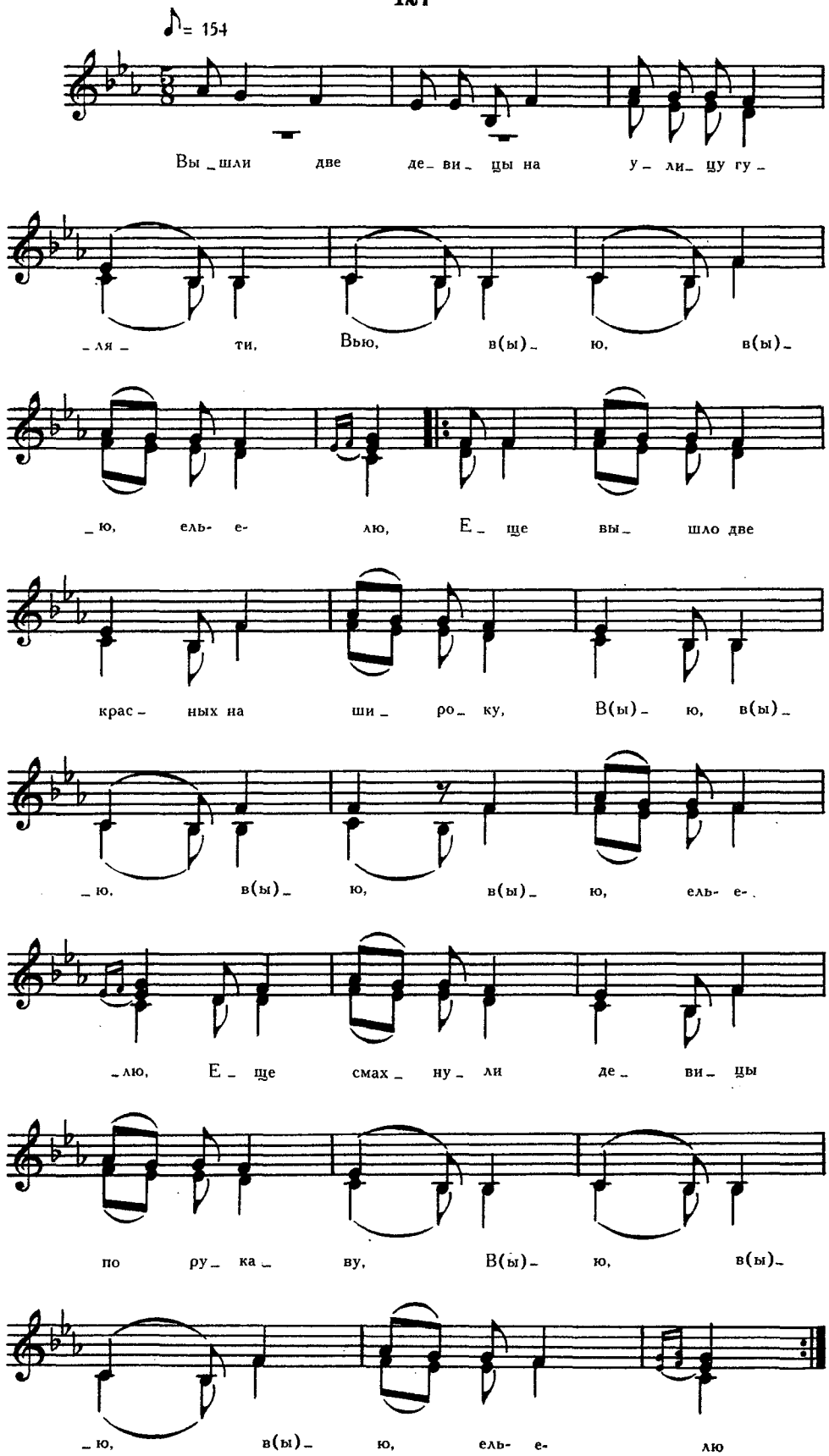
123

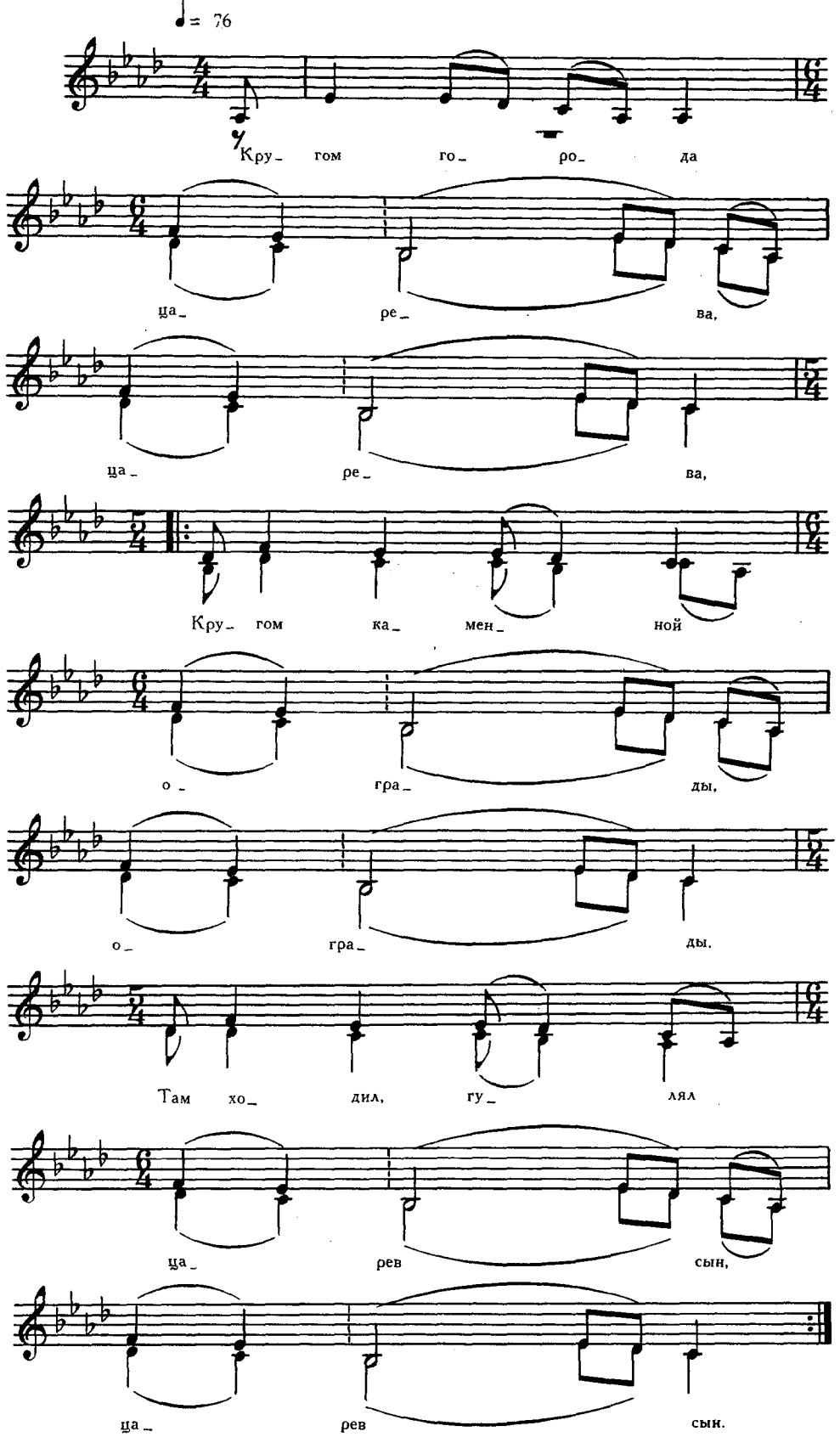

♩= 60
Со – би – ра – лись ре – бя – туш –
– ка, Со – би – ра – лись у – да – лы – е мо – лод –
– цы, Со – би – рав – шись та – ки ре – чи го – во –
– рят: «Да где бы где бы, нам де – ви – цу у – ви –
– дать, Где кра – са – ви – цу по – вы – смот – ре – ти?».

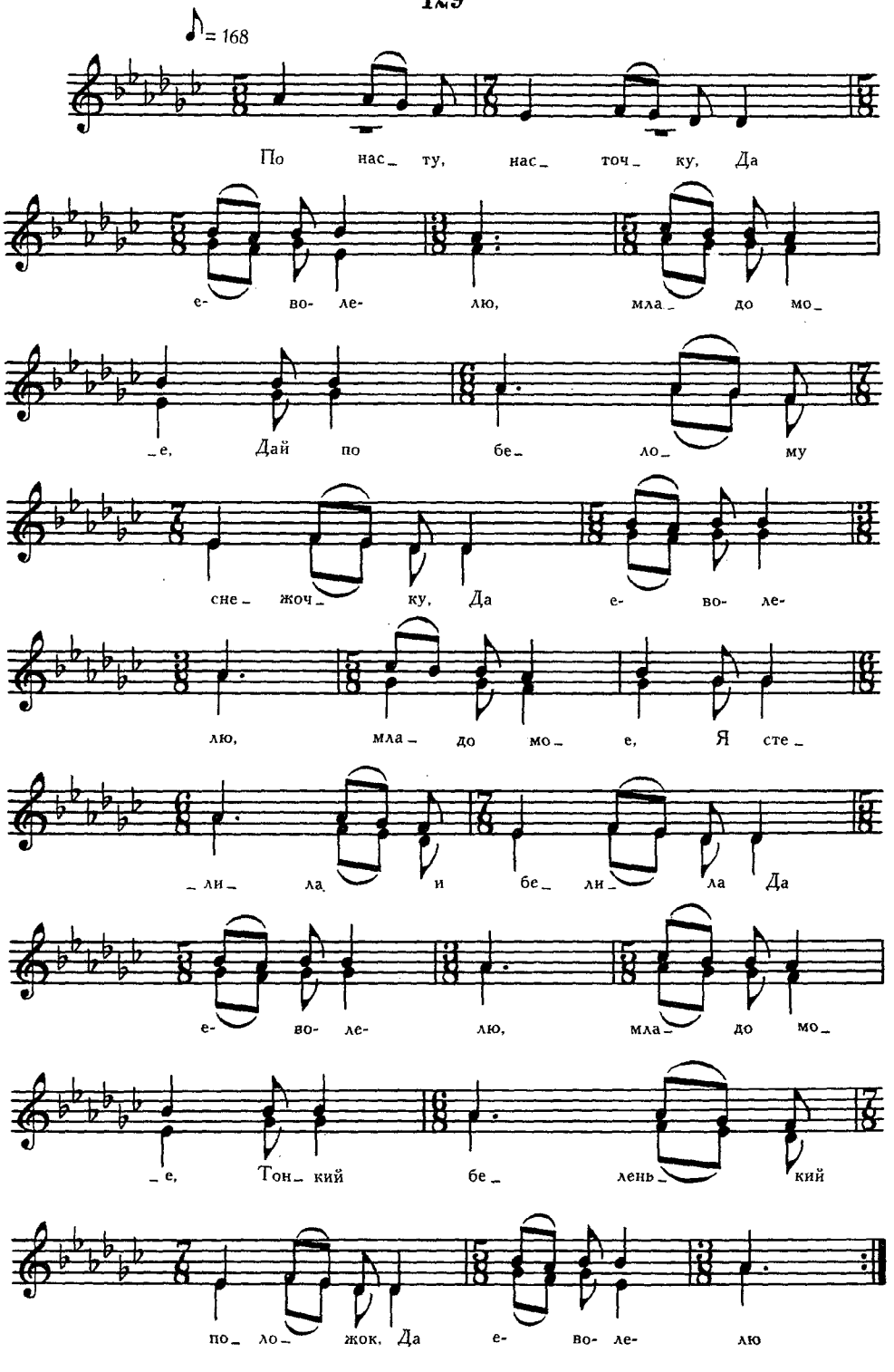
125

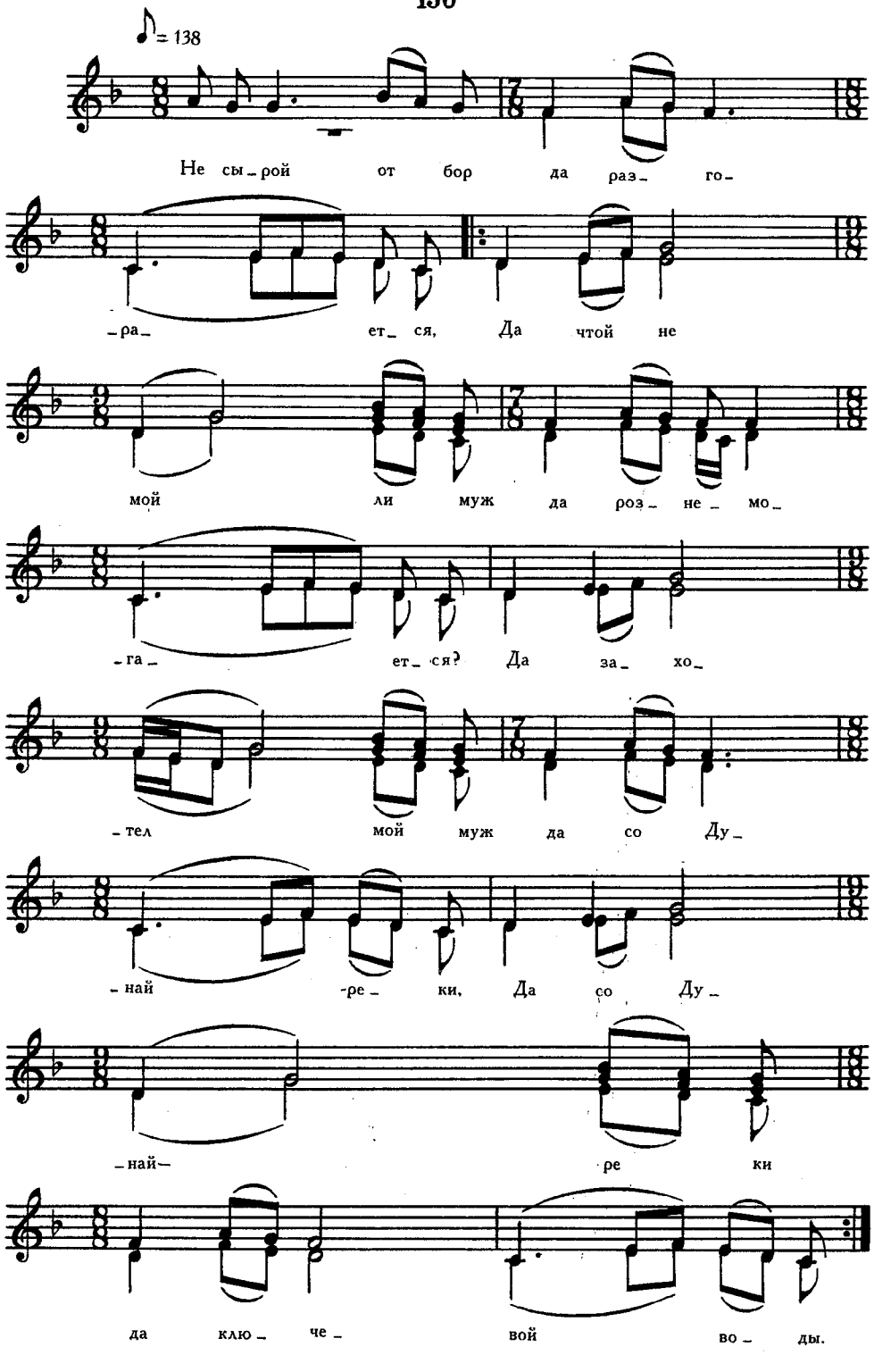

♩= 63
... Я за мо – лод – ца, за пья – ни – цу по –
– па – ла, На ка – бак и – дет — де –
– ти – на ска – чёт, пля – шет

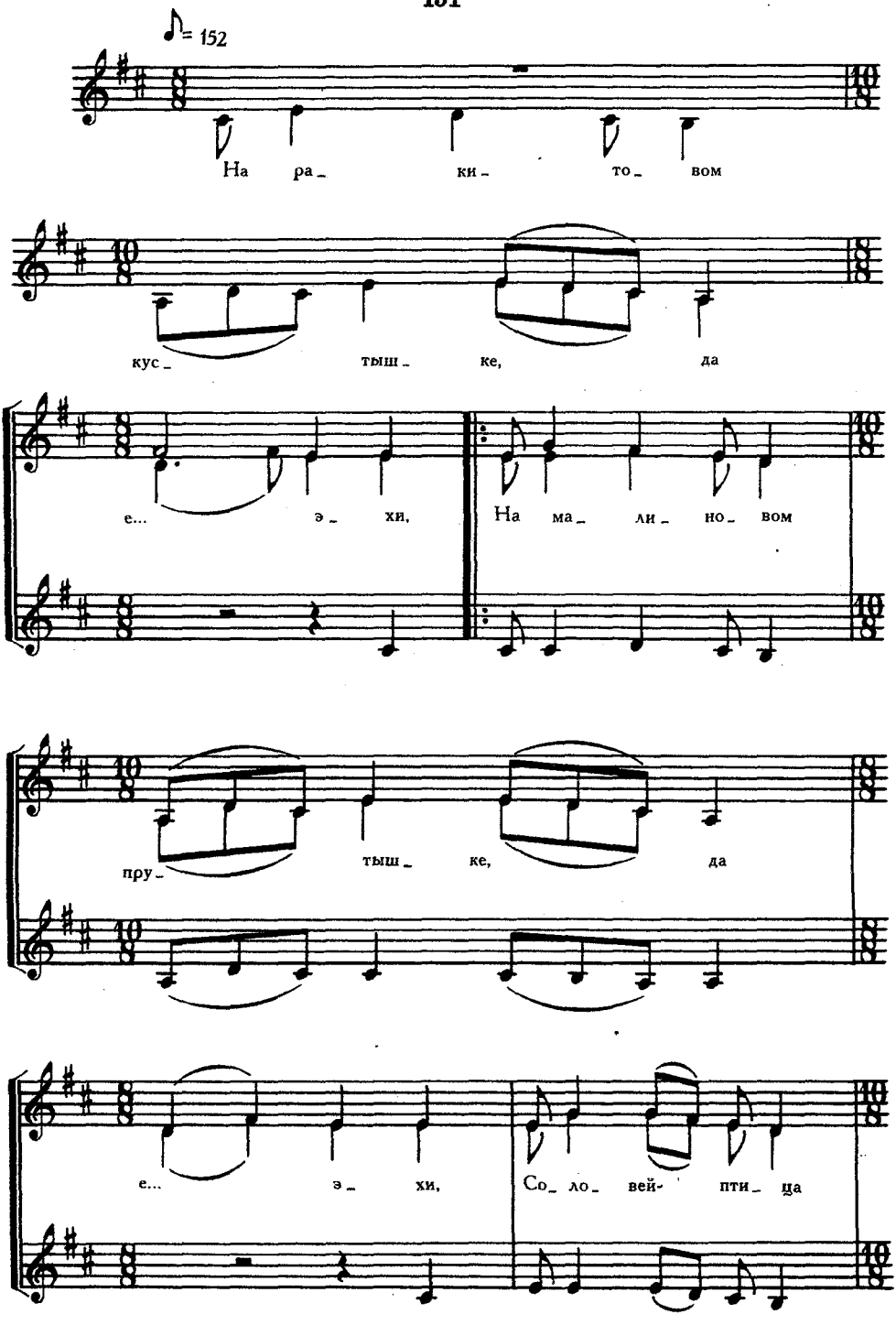

♩= 66
Ве_ чер дев_ ки ве_ че_ ри_ ну си_ де_
_ли, Ве_ чер дев_ ки ве_ че_ ри_ ну си_ де_
_ли. И ко де_ вуш_ кам, ан ко
де_ вуш_ кам, Чтой ко де_ вуш_ кам не_
зва ный гость при_ щел. Чтой ко
де_ вуш_ кам не_ зва_ ный гость при_ щел.

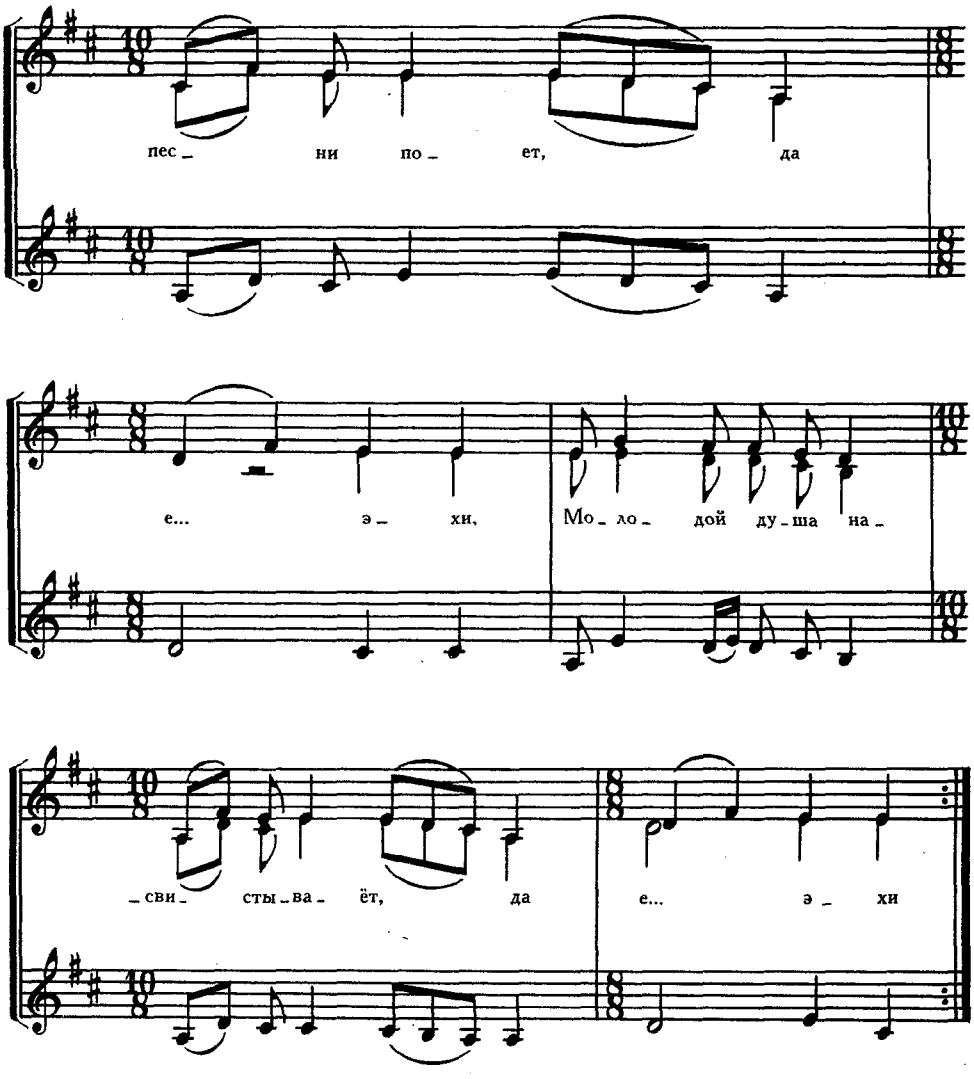

♪ = 154
Вы _шли две де_ви_ цы на у_ ли_ цу гу_
_ля_ ти, Вью, в(ы)_ ю, в(ы)_
ю, ель- е- лю, Е ще вы_ шло две
крас_ ных на ши_ ро_ ку, В(ы)_ ю, в(ы)_
_ю, в(ы)_ ю, в(ы)_ ю, ель- е-
_лю, Е_ ще смах_ ну_ ли де_ ви_ цы
по ру_ ка_ ву, В(ы)_ ю, в(ы)_
_ю, в(ы)_ ю, ель- е- лю

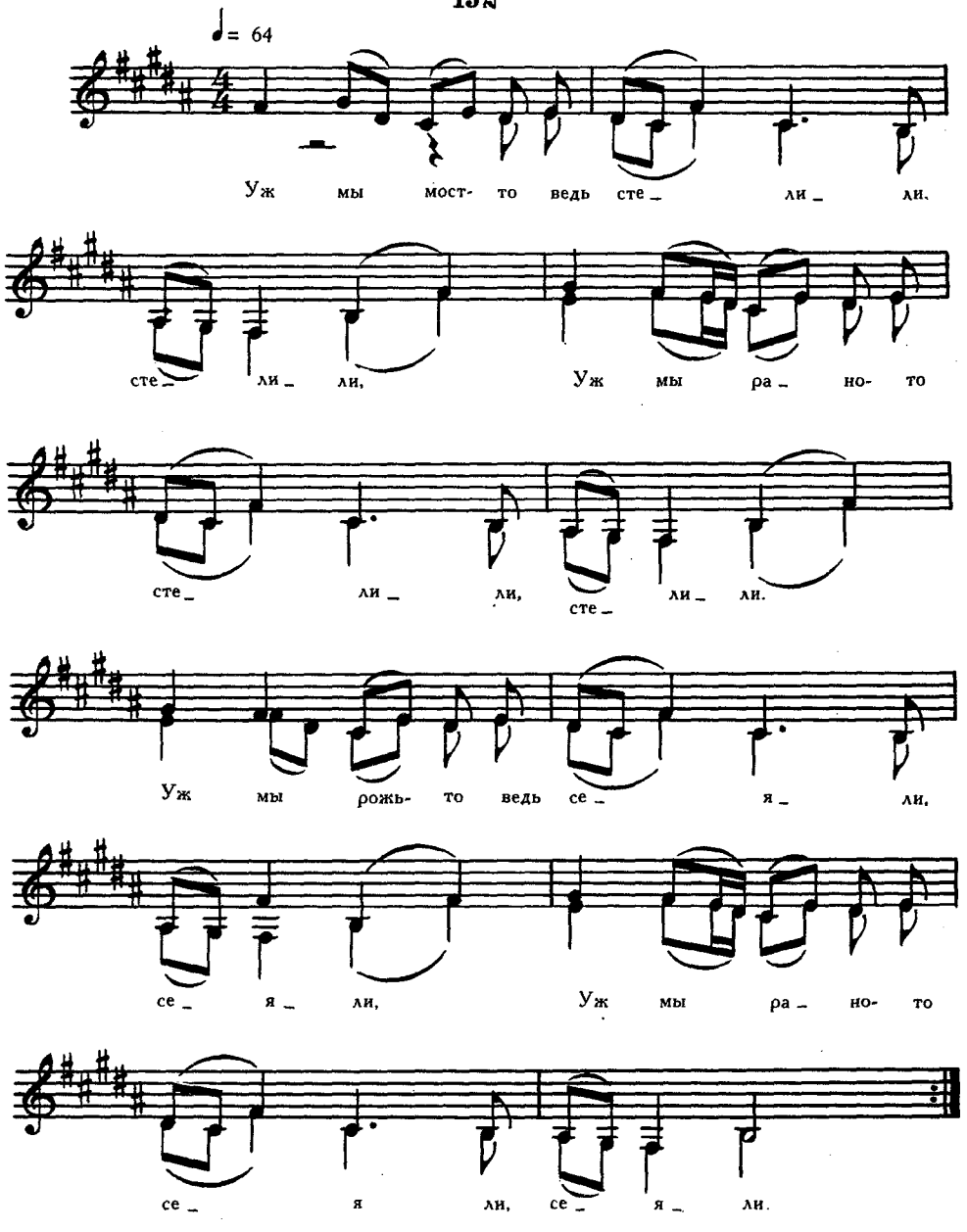

♩= 76
Кру_ гом го_ ро_ да
ца_ ре_ ва,
ца_ ре_ ва,
Кру_ гом ка_ мен_ ной
о_ гра_ ды,
о_ гра_ ды.
Там хо_ дил, гу_ лял
ца_ рев сын,
ца_ рев сын.


♪ = 168
По нас_ ту, нас_ точ_ ку, Да
е- во- ле- лю, мла_ до мо_
е, Дай по бе ло_ му
сне_ жоч_ ку, Да е- во- ле-
лю, мла_ до мо_ е, Я сте_
_ли_ ла и бе_ ли_ ла Да
е- во- ле- лю, мла_ до мо_
е, Тон кий бе_ лень_ кий
по_ ло_ жок, Да е- во- ле- лю

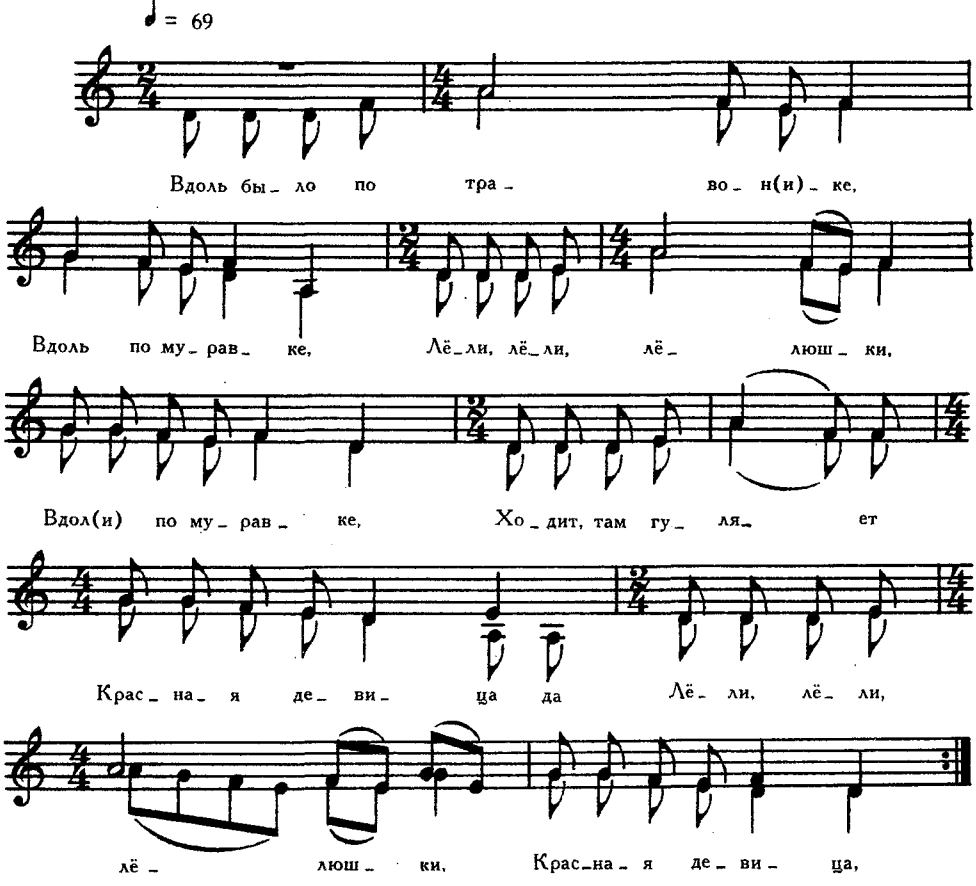

♪ = 138
Не сы_рой от бор да раз_ го_
_ра_ ет_ ся, Да чтой не
мой ли муж да роз_ не_ мо_
_га_ ет_ ся? Да за_ хо_
тел мой муж да со Ду
най ре ки, Да со Ду_
най ре ки
да клю_ че_ вой во_ ды.


♪= 152
На ра_ ки_ то_ вом
кус_ тыш_ ке, да
е... э_ хи,
На ма_ ли_ но_ вом
пру_ тыш_ ке, да
е... э_ хи,
Со_ ло_ вей- пти_ ца

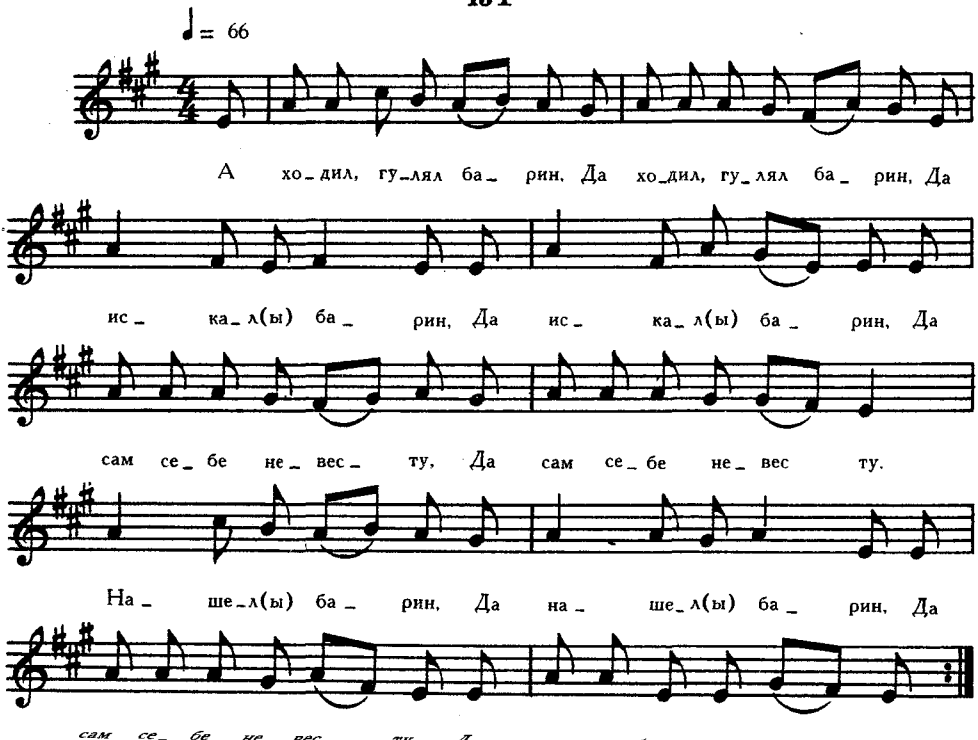

пес_ ни по_ ет, да
е... э_ хи, Мо_ ло_ дой ду_ша на_
сви сты_ва_ ёт, да
е... э_ хи

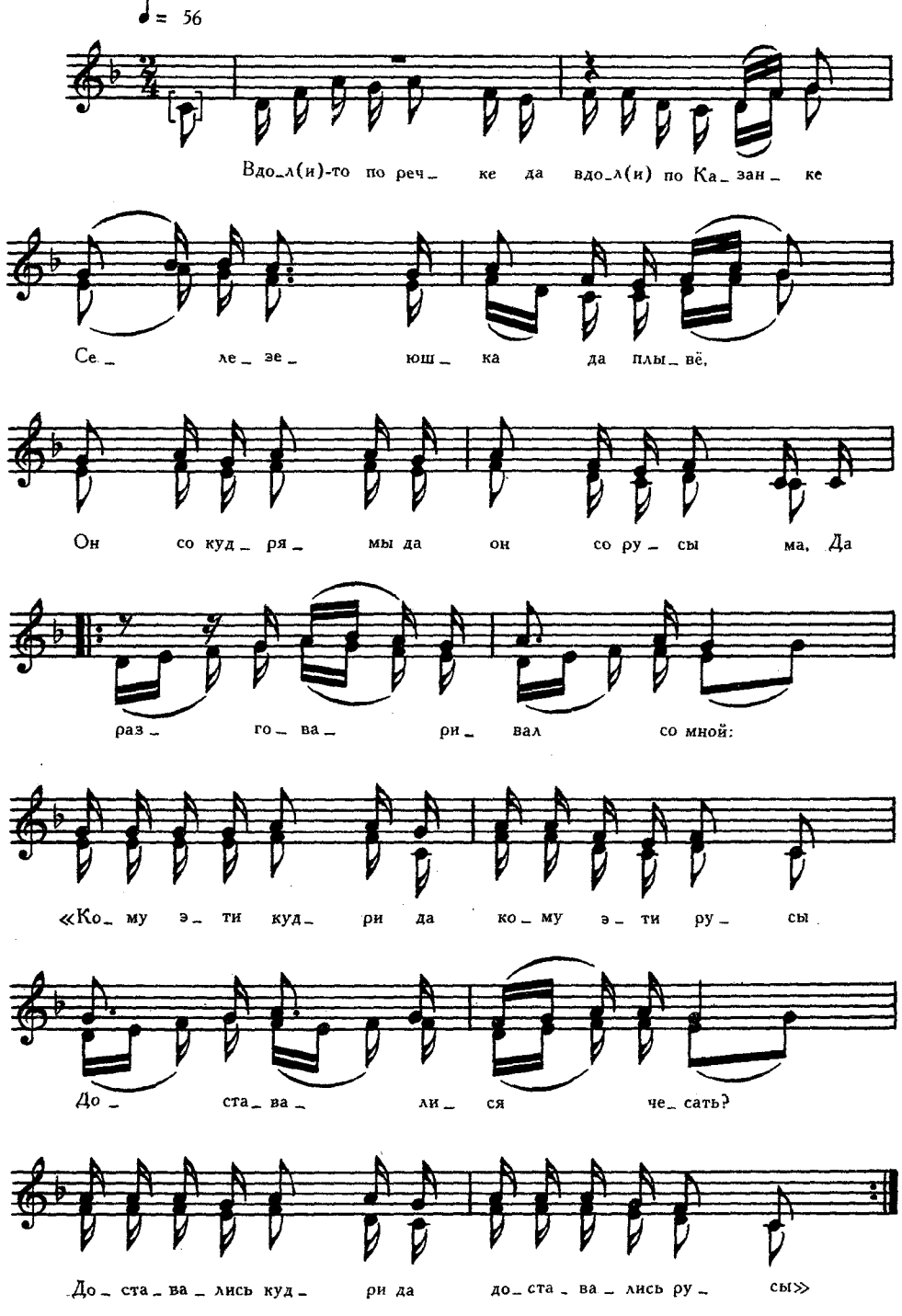

♩= 64
Уж мы мост- то ведь сте_ ли_ ли,
сте_ ли_ ли, Уж мы ра_ но- то
сте_ ли_ ли, сте_ ли_ ли.
Уж мы рожь- то ведь се_ я_ ли,
се_ я_ ли, Уж мы ра_ но- то
се_ я ли, се_ я_ ли.

133

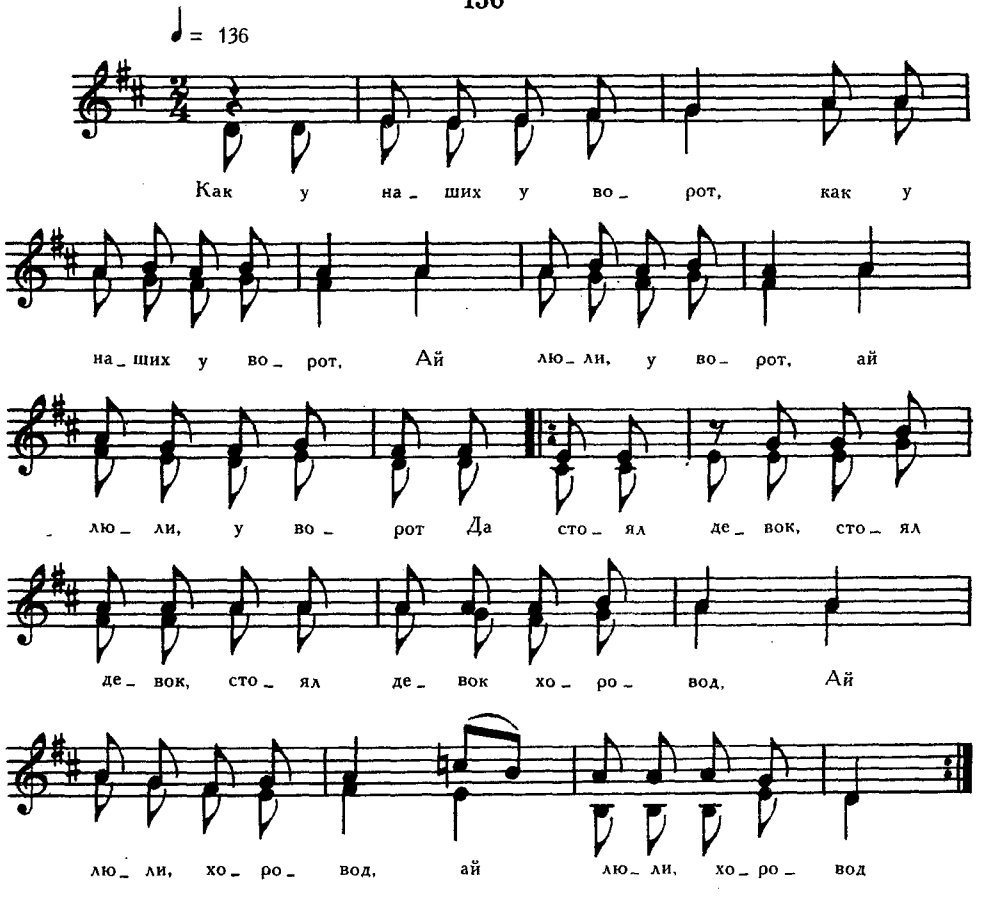

♩ = 69
Вдоль бы_ ло по тра_ во_ н(и)_ ке,
Вдоль по му_ рав_ ке, Лё_ли, лё_ли, лё_ люш_ ки,
Вдол(и) по му_ рав_ ке, Хо_дит, там гу_ ля_ ет
Крас_ на_ я де_ ви_ ца да Лё_ ли, лё_ ли,
лё_ люш_ ки, Крас_на_ я де_ ви_ ца,

134

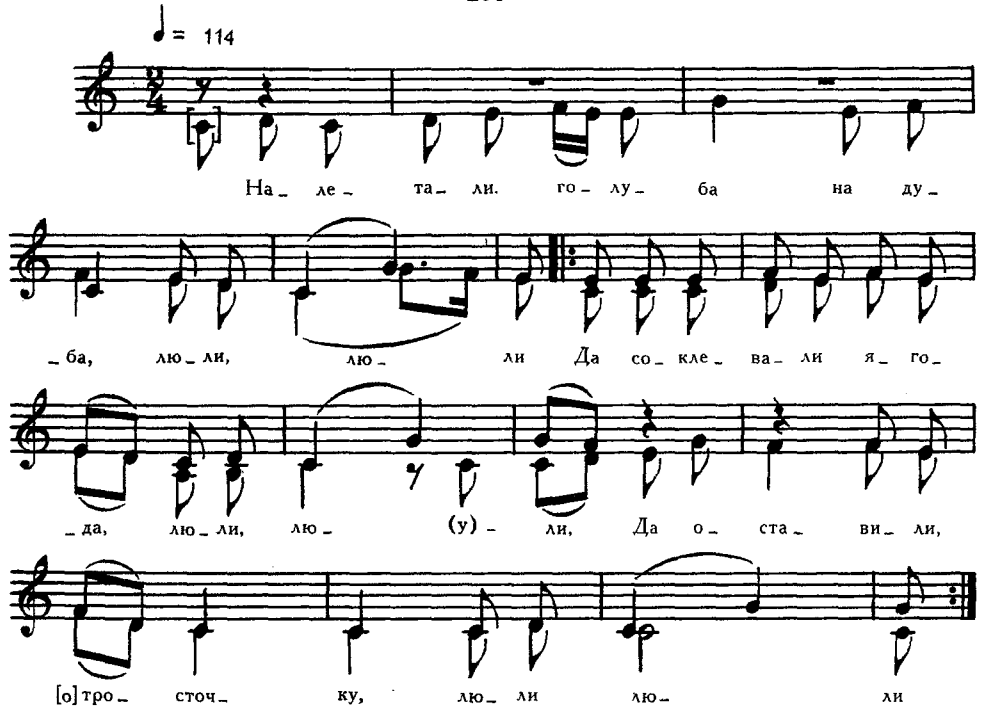

♩ = 66
А хо_дил, гу_лял ба_ рин, Да хо_дил, гу_лял ба_ рин, Да
ис_ ка_л(ы) ба_ рин, Да ис_ ка_л(ы) ба_ рин, Да
сам се_ бе не_ вес_ ту, Да сам се_ бе не_ вес ту.
На_ ше_л(ы) ба_ рин, Да на_ ше_л(ы) ба_ рин, Да
сам се_ бе не_ вес_ ту, Да сам се_ бе не_ вес_ ту.

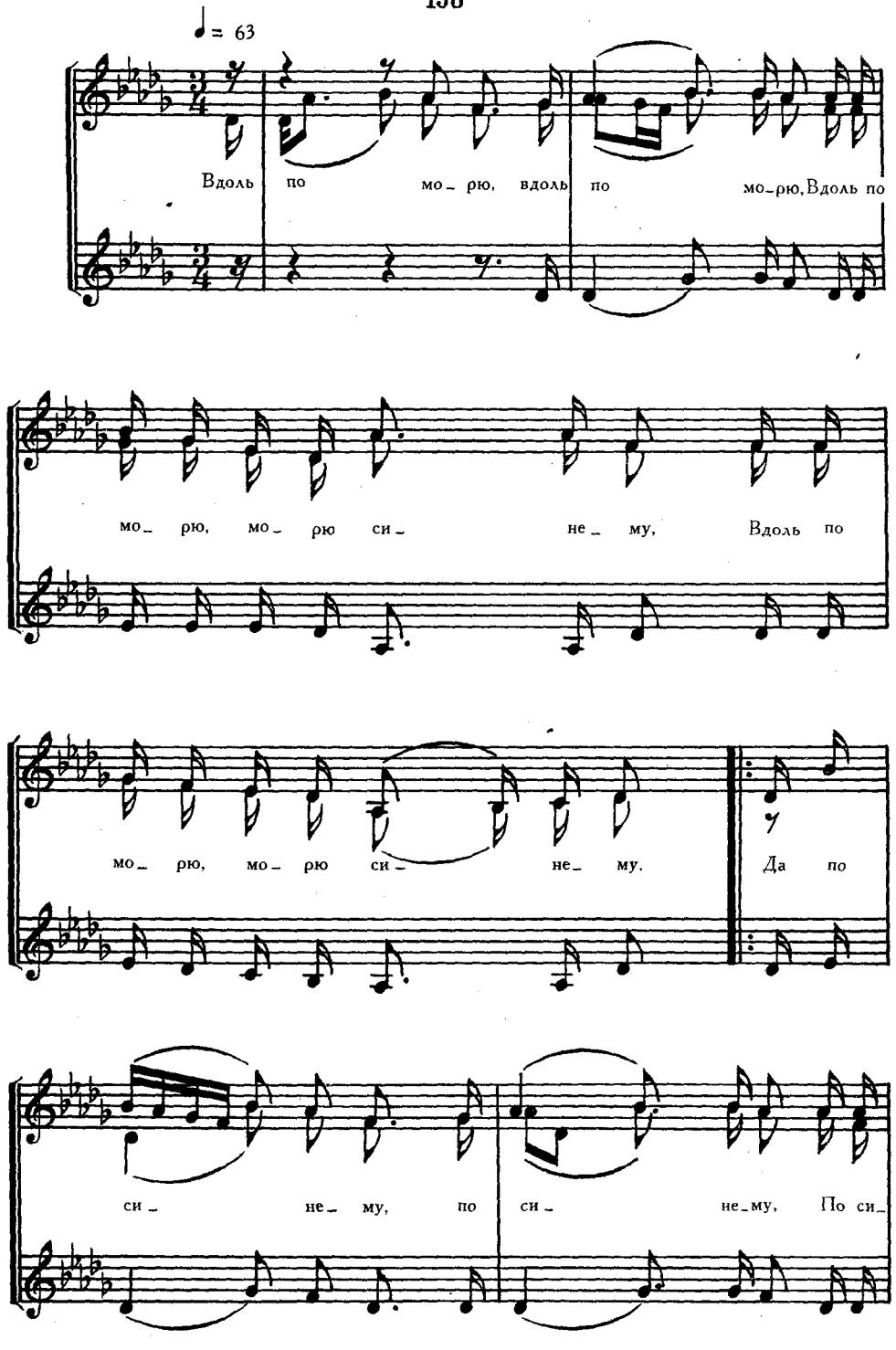

♩= 56
Вдо_л(и)-то по реч_ ке да вдо_л(и) по Ка_зан_ ке
Се_ ле_ зе_ юш_ ка да плы_вё,
Он со куд_ ря_ мы да он со ру_ сы ма, Да
раз_ го_ ва_ ри_ вал со мной:
«Ко_ му э_ ти куд_ ри да ко_ му э_ ти ру_ сы
До_ ста_ ва_ ли_ ся че_ сать?
До_ ста_ ва_ лись куд_ ри да до_ста_ ва_ лись ру_ сы»

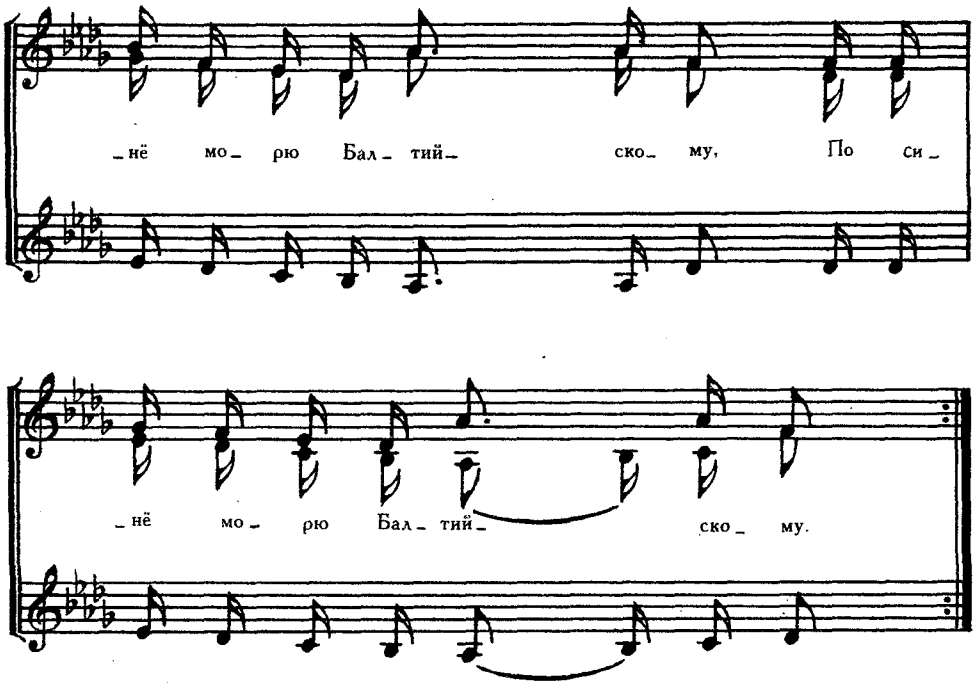
136


♩ = 136
Как у на_ших у во_рот, как у
на_ших у во_рот, Ай лю_ли, у во_рот, ай
лю_ли, у во_рот Да сто_ял де_вок, сто_ял
де_вок, сто_ял де_вок хо_ро_вод, Ай
лю_ли, хо_ро_вод, ай лю_ли, хо_ро_вод

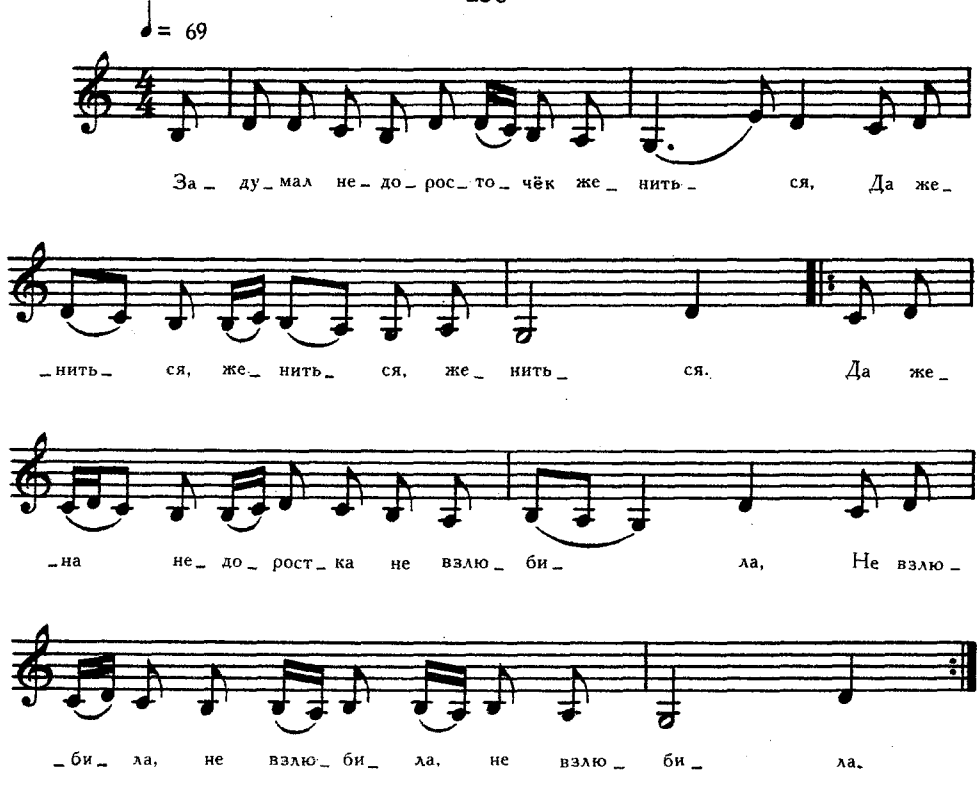
137


♩ = 114
На_ле_та_ли. го_лу_ба на ду_
_ба, лю_ли, лю_ли Да со_кле_ва_ли я_го_
_да, лю_ли, лю_ (у) _ли, Да о_ста_ви_ли,
[о]тро_сточ_ку, лю_ли лю_ли

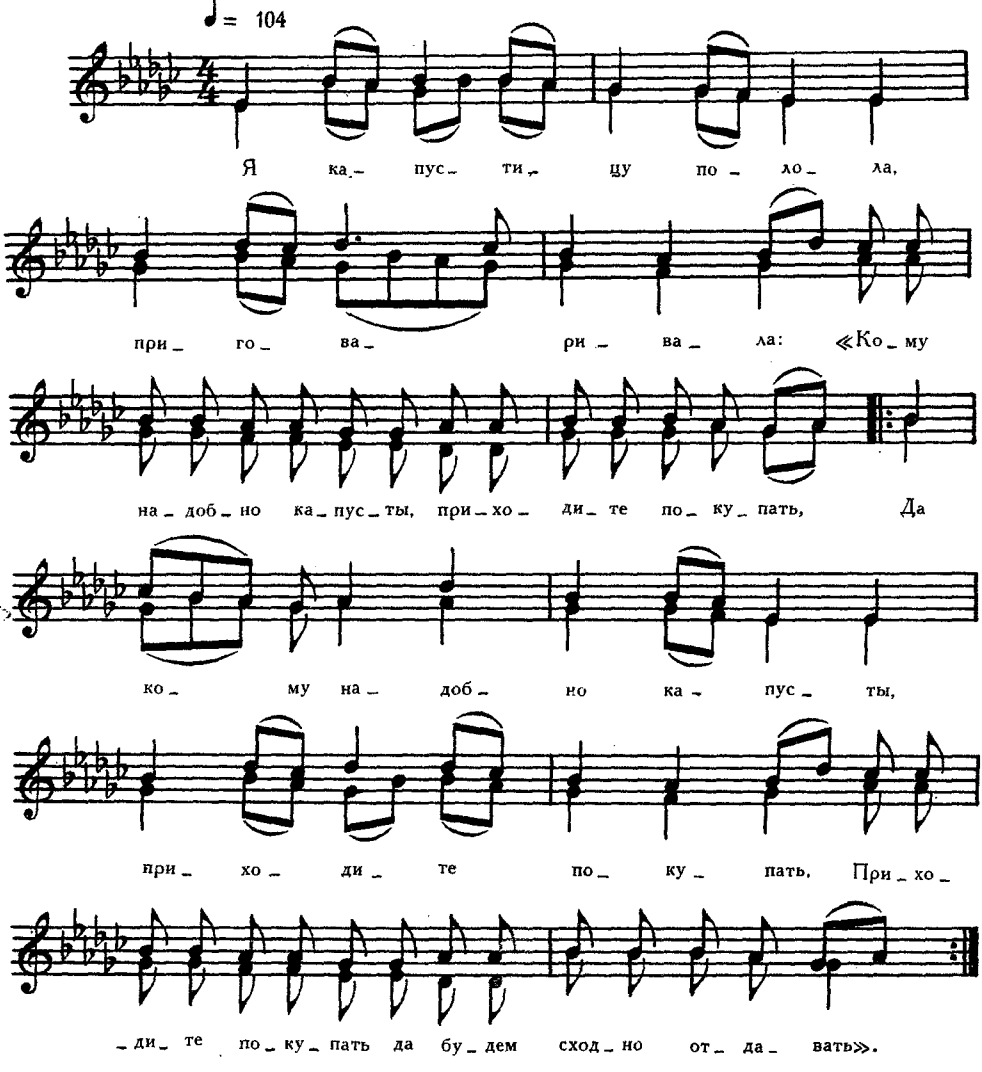

♩= 63
Вдоль по мо_ рю, вдоль по мо_рю, Вдоль по
мо_ рю, мо_ рю си_ не_ му, Вдоль по
мо_ рю, мо_ рю си_ не_ му. Да по
си_ не_ му, по си_ не_му, По си_


_нё мо_ рю Бал_ тий_ ско_ му, По си_
_нё мо_ рю Бал_ тий_ ско_ му.

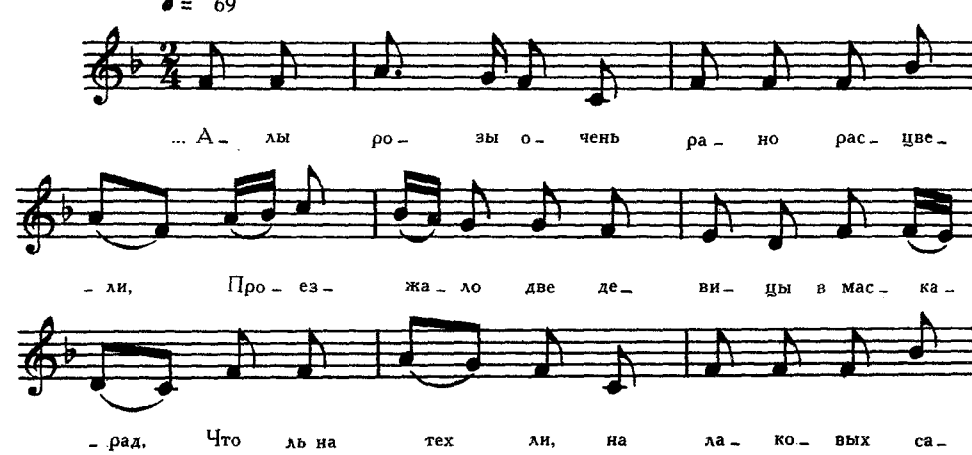
139

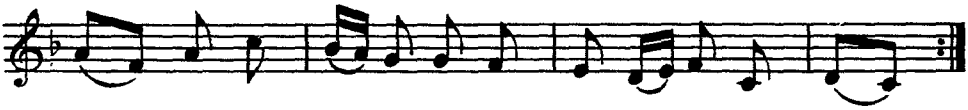

♩= 69
За_ ду_мал не_ до_рос_то_ чёк же_ нить_ ся, Да же_
нить ся, же_ нить_ ся, же_ нить_ ся. Да же_
_на не_ до_ рост_ка не взлю_ би_ ла, Не взлю_
_би_ ла, не взлю_ би_ ла, не взлю_ би_ ла.

140

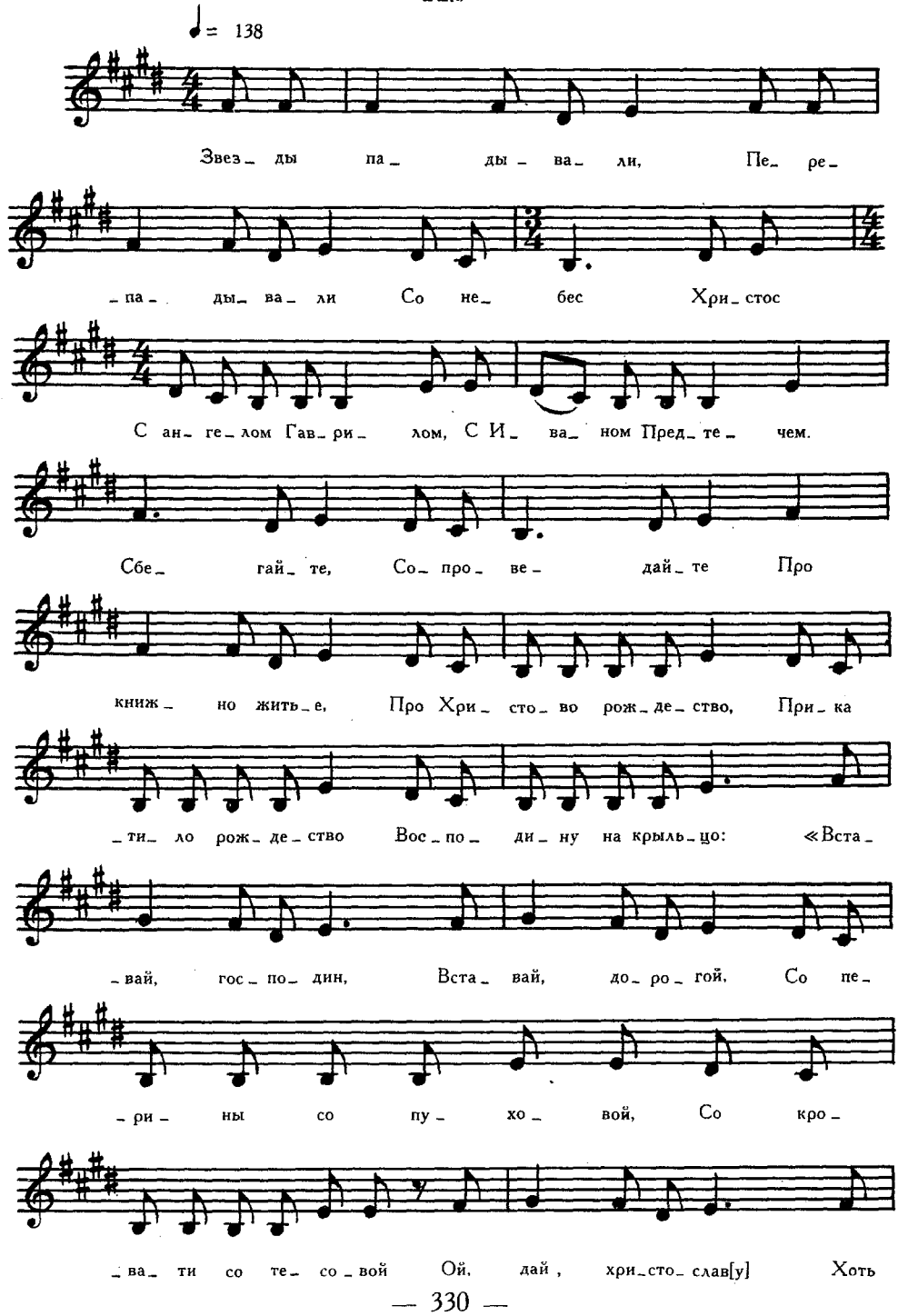

♩ = 104
Я ка_ пус_ ти_ цу по_ ло_ ла,
при_ го_ ва_ ри_ ва_ ла: «Ко_ му
на_ доб_ но ка_ пус_ ты, при_ хо_ ди_ те по_ ку_ пать, Да
ко_ му на_ доб_ но ка_ пус_ ты,
при_ хо_ ди_ те по_ ку_ пать, При_ хо_
_ди_ те по_ ку_ пать да бу_ дем сход_ но от_ да_ вать».

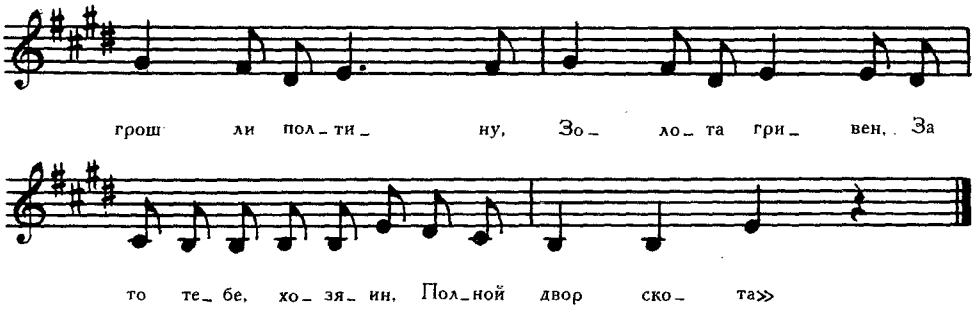
141


♩ = 69
... А_ лы ро_ зы о_ чень ра_ но рас_ цве_
_ ли, Про_ ез_ жа_ ло две де_ ви_ цы в мас_ ка_
_ рад, Что ль на тех ли, на ла_ ко_ вых са_

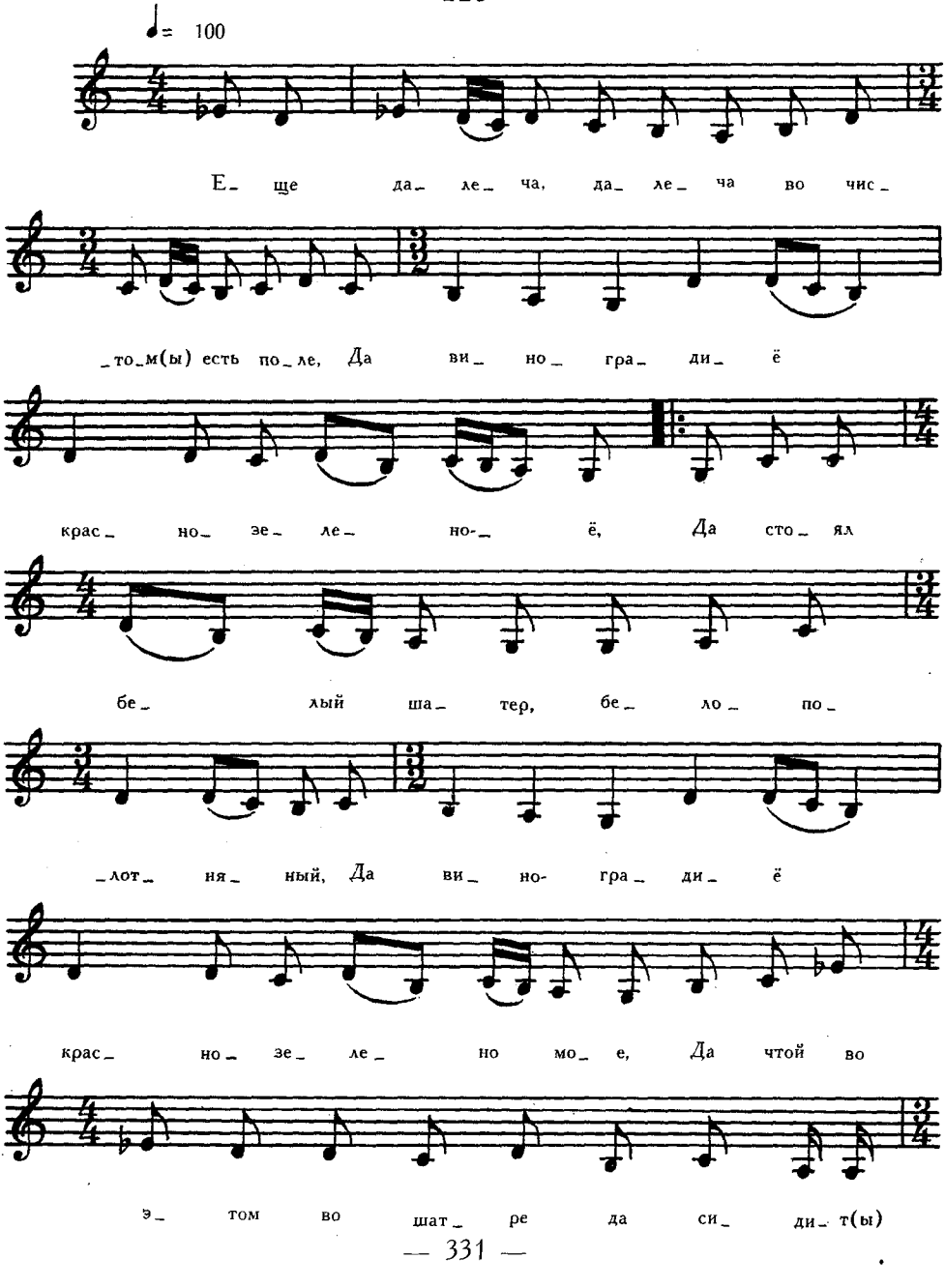

нях, На во ен_ ных на пре_ крас_ ных ло_ ша_ дях.

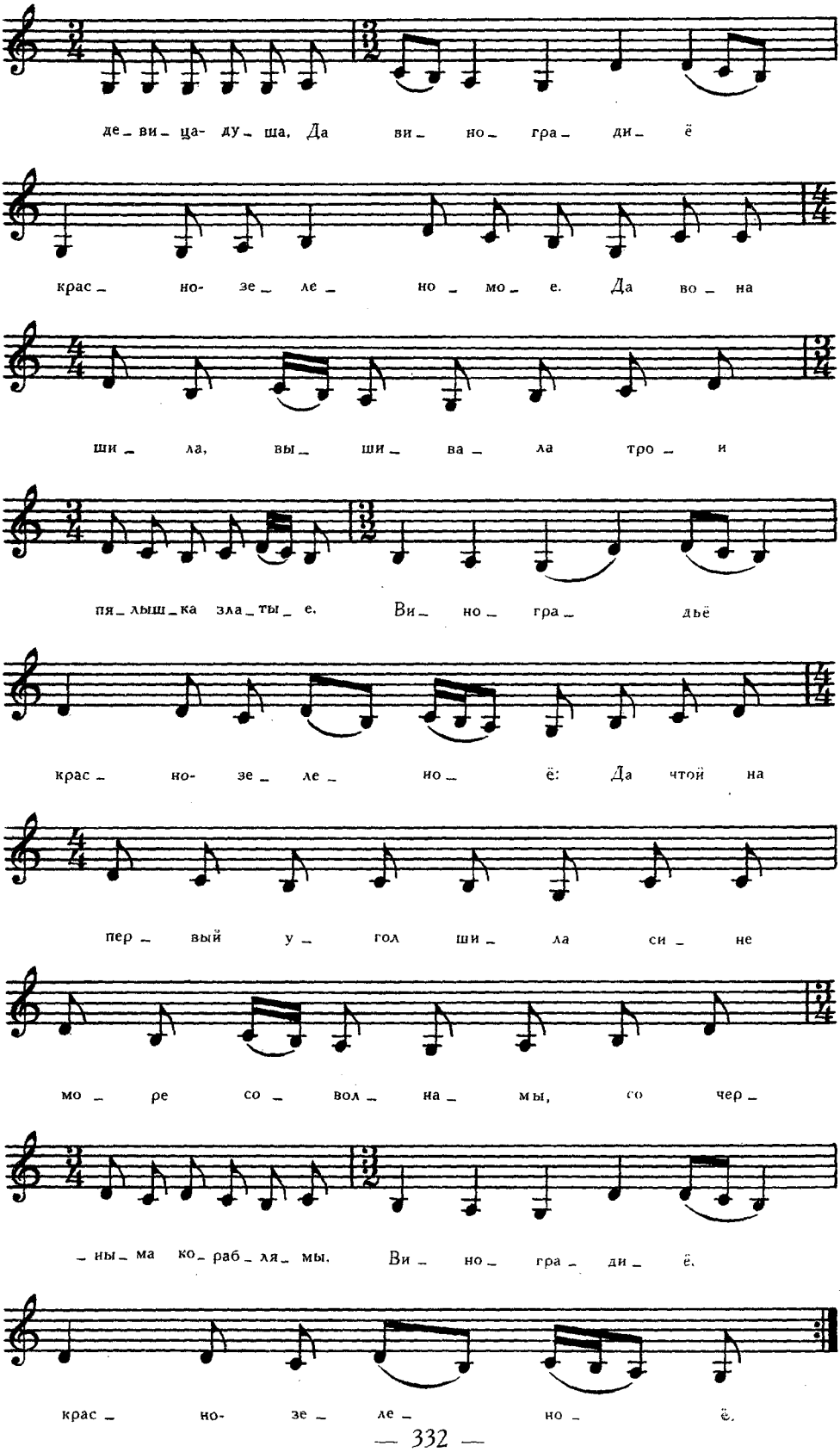
142

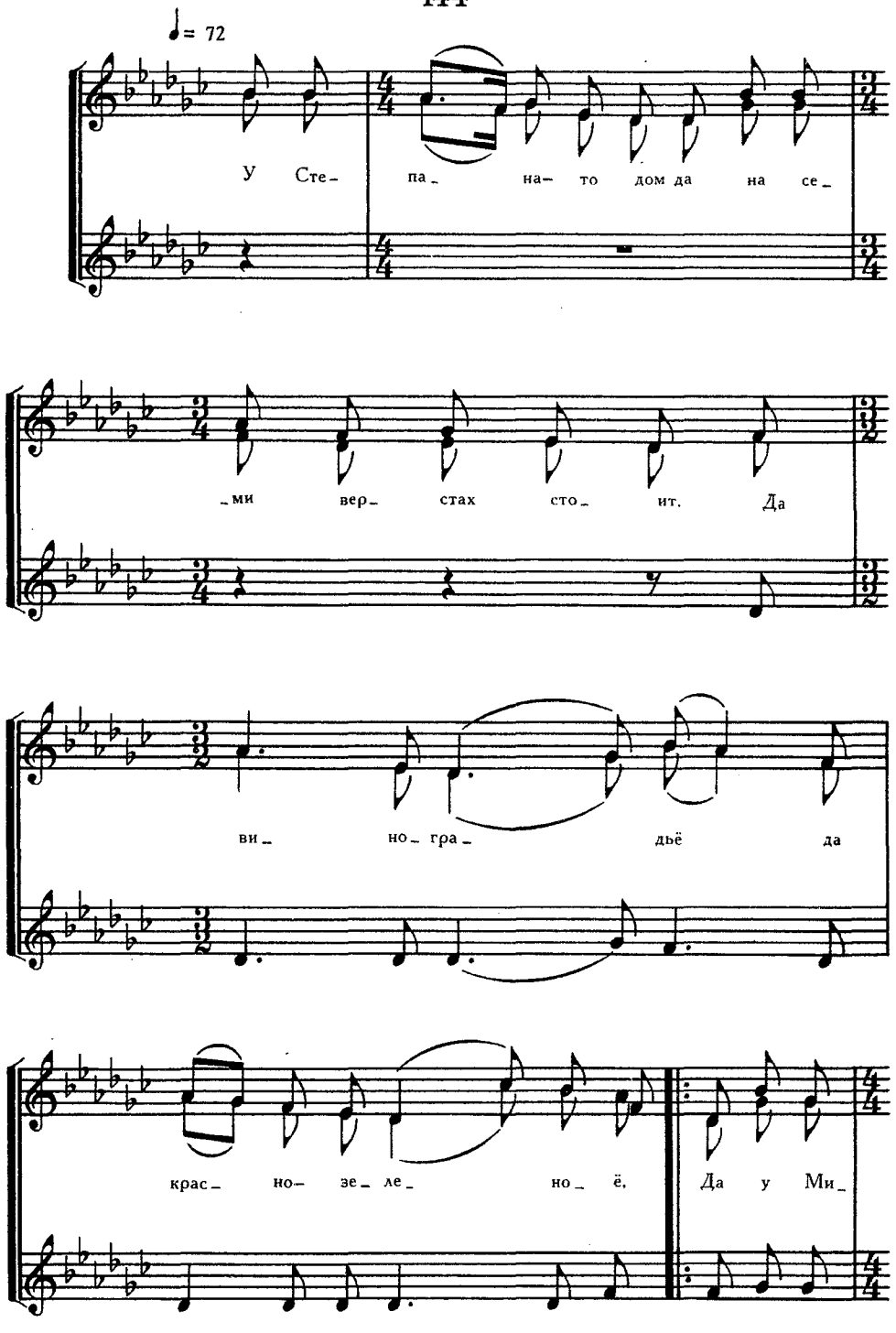

♩= 138
Звез_ ды па_ ды_ ва_ ли, Пе_ ре_
_па_ ды_ ва_ ли Со не_ бес Хри_ стос
С ан_ ге_ лом Гав_ ри_ лом, С И_ ва_ ном Пред_ те_ чем.
Сбе_ гай_ те, Со_ про_ ве_ дай_ те Про
книж_ но жить_е, Про Хри_ сто_ во рож_де_ ство, При_ ка
_ти_ ло рож_ де_ ство Вос_ по_ ди_ ну на крыль_цо: «Вста_
вай, гос по_ дин, Вста_ вай, до_ ро_ гой, Со пе_
_ри_ ны со пу_ хо_ вой, Со кро_
_ва_ ти со те_ со_ вой Ой, дай, хри_сто_ слав[у] Хоть

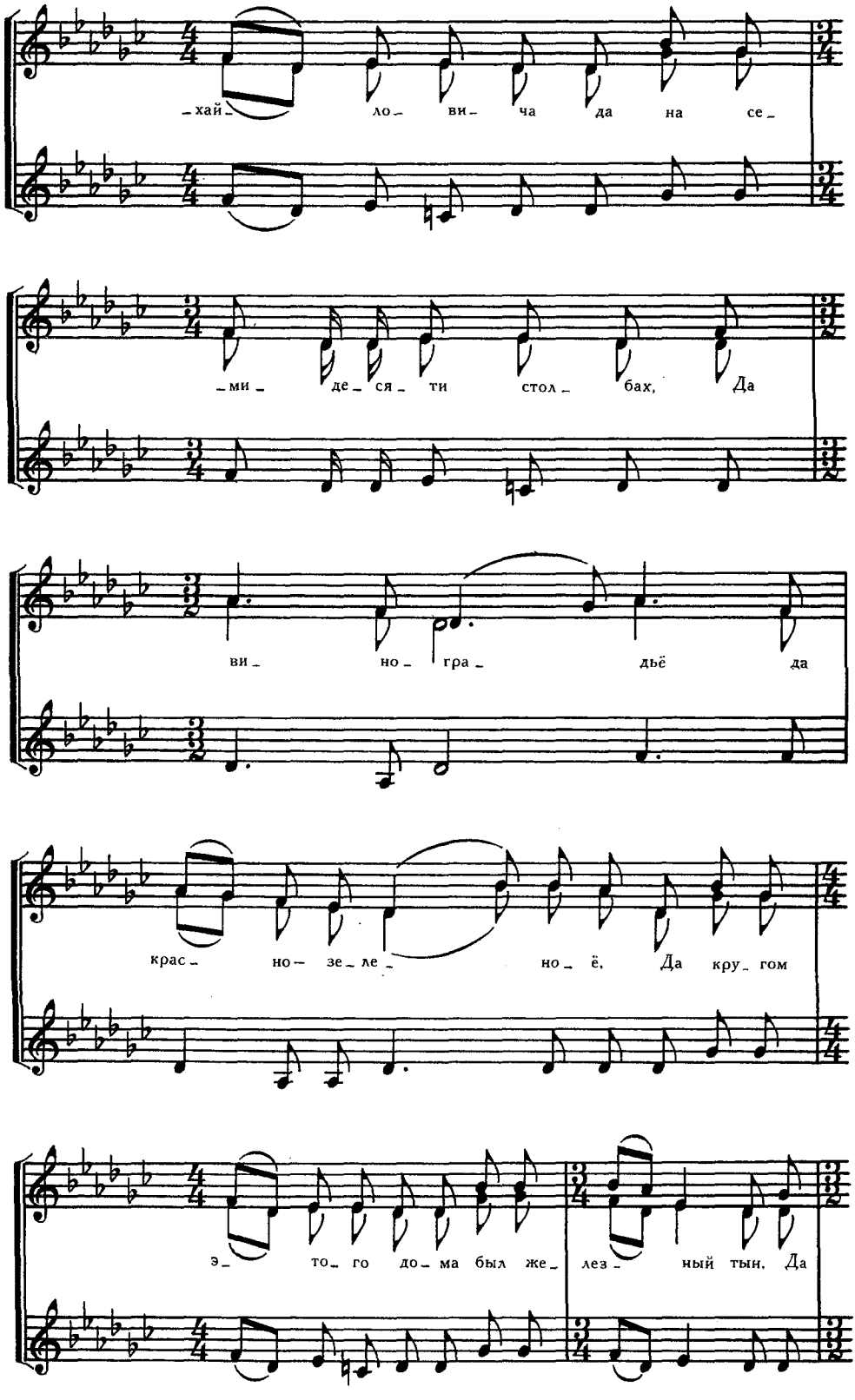

грош ли пол_ти_ ну, Зо_ ло_та гри_ вен, За
то те_бе, хо_зя_ин, Пол_ной двор ско_ та»

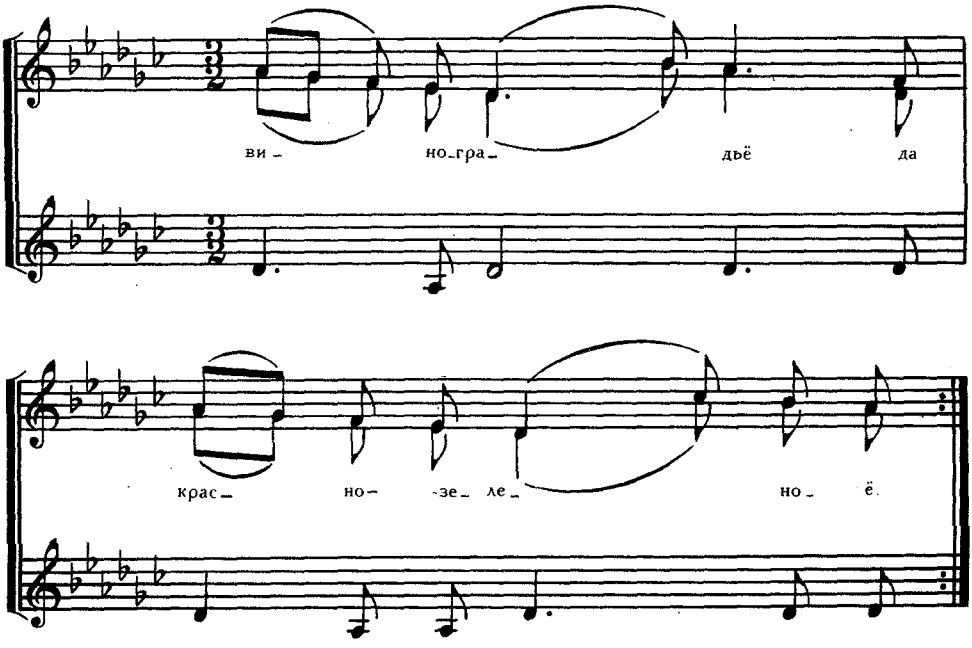
143


♩= 100
Е_ ще да_ ле_ ча, да_ ле_ ча во чис_
_то_м(ы) есть по_ле, Да ви_ но_ гра_ ди_ ё
крас_ но_ зе_ ле_ но-_ ё, Да сто_ ял
бе_ лый ша_ тер, бе_ ло_ по_
лот ня_ ный, Да ви_ но- гра_ ди_ ё
крас_ но_ зе_ ле_ но мо_ е, Да чтой во
э_ том во шат_ ре да си_ ди_ т(ы)

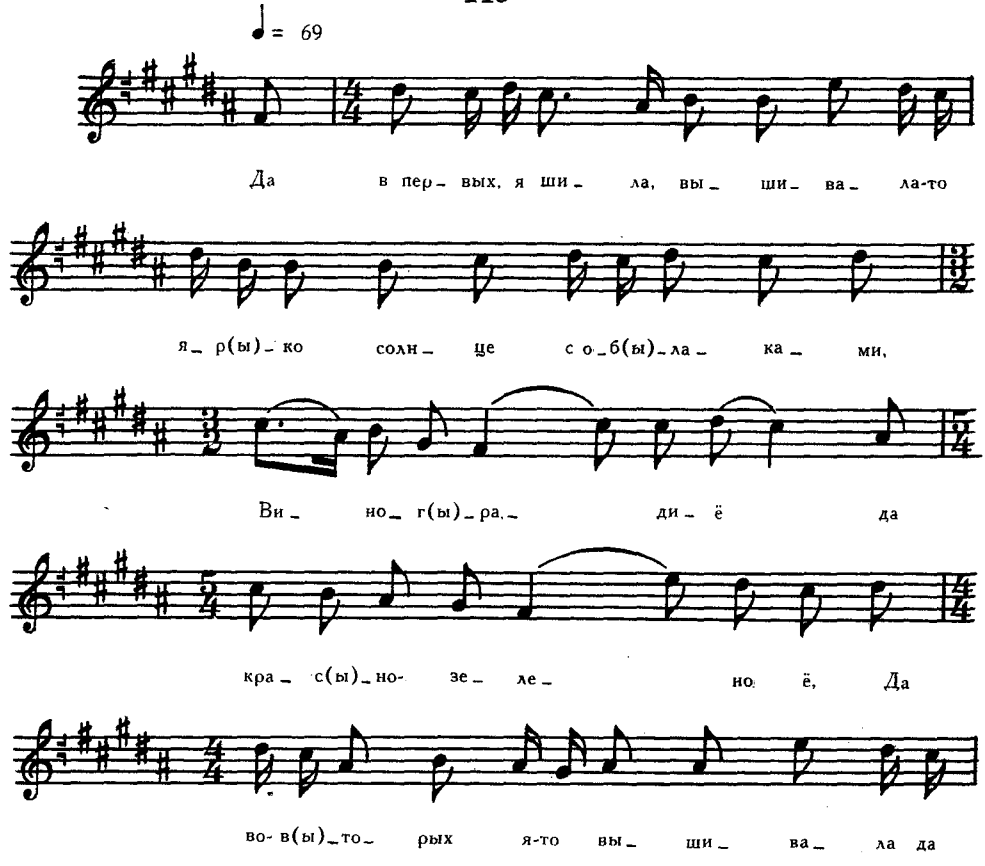

де_ви_ца-ду_ша, Да ви_но_гра_ди_ё
крас_но-зе_ле_но_мо_е. Да во_на
ши_ла, вы_ши_ва_ла тро_и
пя_лыш_ка зла_ты_е. Ви_но_гра_дьё
крас_но-зе_ле_но_ё: Да чтой на
пер_вый у_гол ши_ла си_не
мо_ре со_вол_на_мы, со чер_
_ны_ма ко_раб_ля_мы. Ви_но_гра_ди_ё.
крас_но-зе_ле_но_ё.

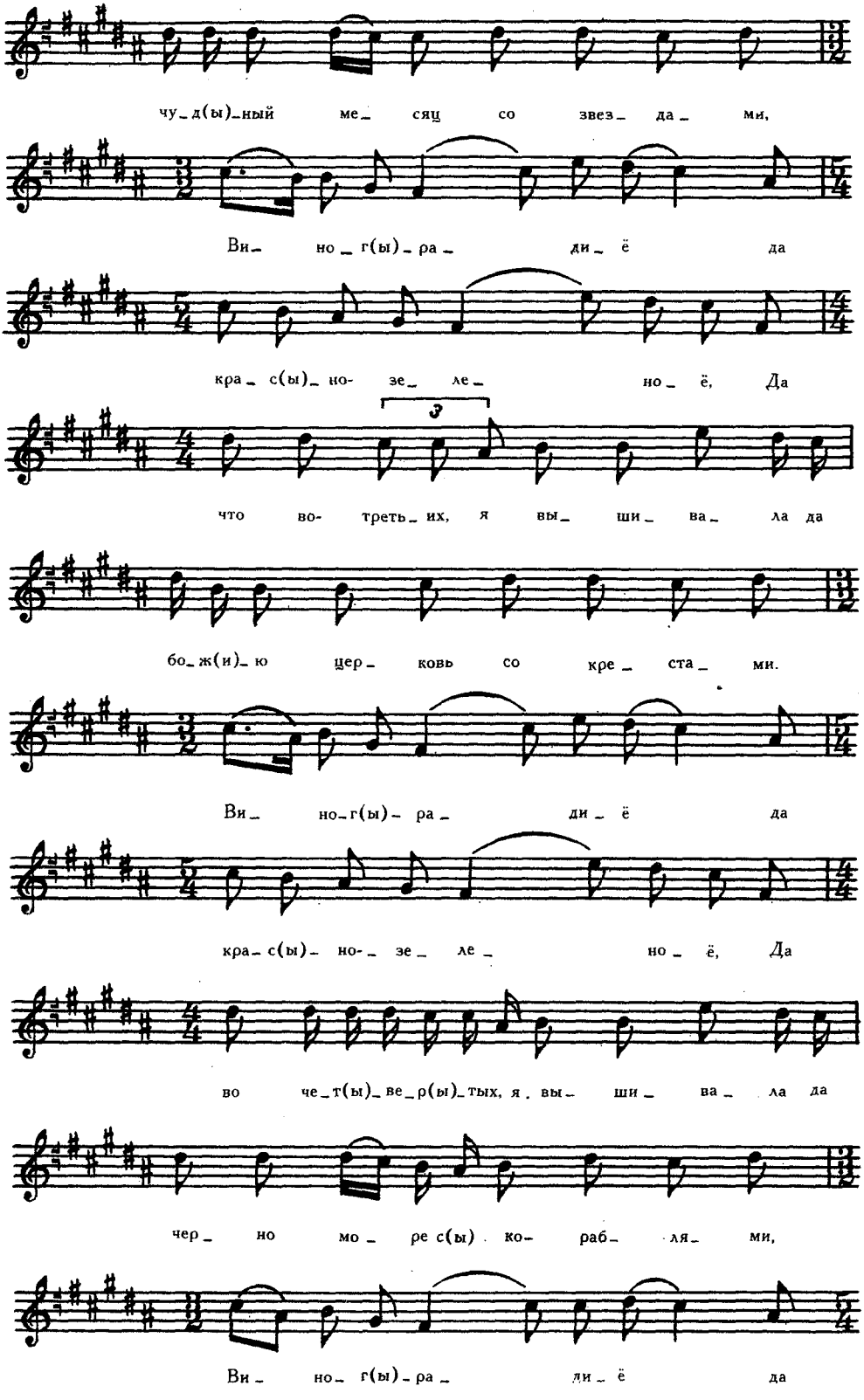

♩= 72
У Сте_ па_ на_ то дом да на се_
ми вер стах сто_ ит. Да
ви_ но_ гра_ дьё да
крас_ но_ зе_ ле_ но_ ё. Да у Ми_

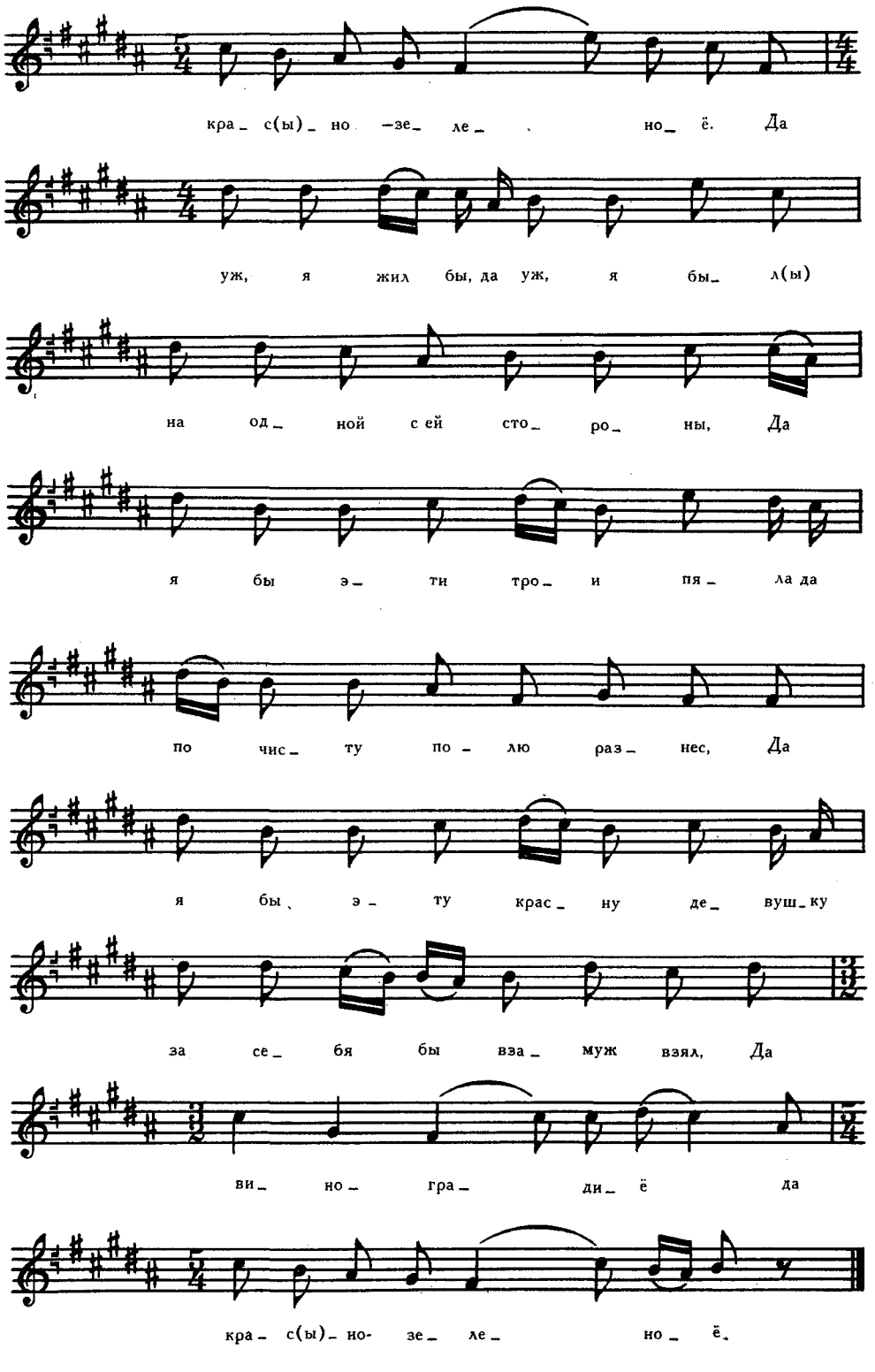

хай ло_ ви_ ча да на се_
_ми_ де_ ся_ ти стол_ бах, Да
ви_ но_ гра_ дьё да
крас_ но_ зе_ ле_ но_ ё, Да кру_ гом
э_ то_ го до_ ма был же_ лез_ ный тын, Да

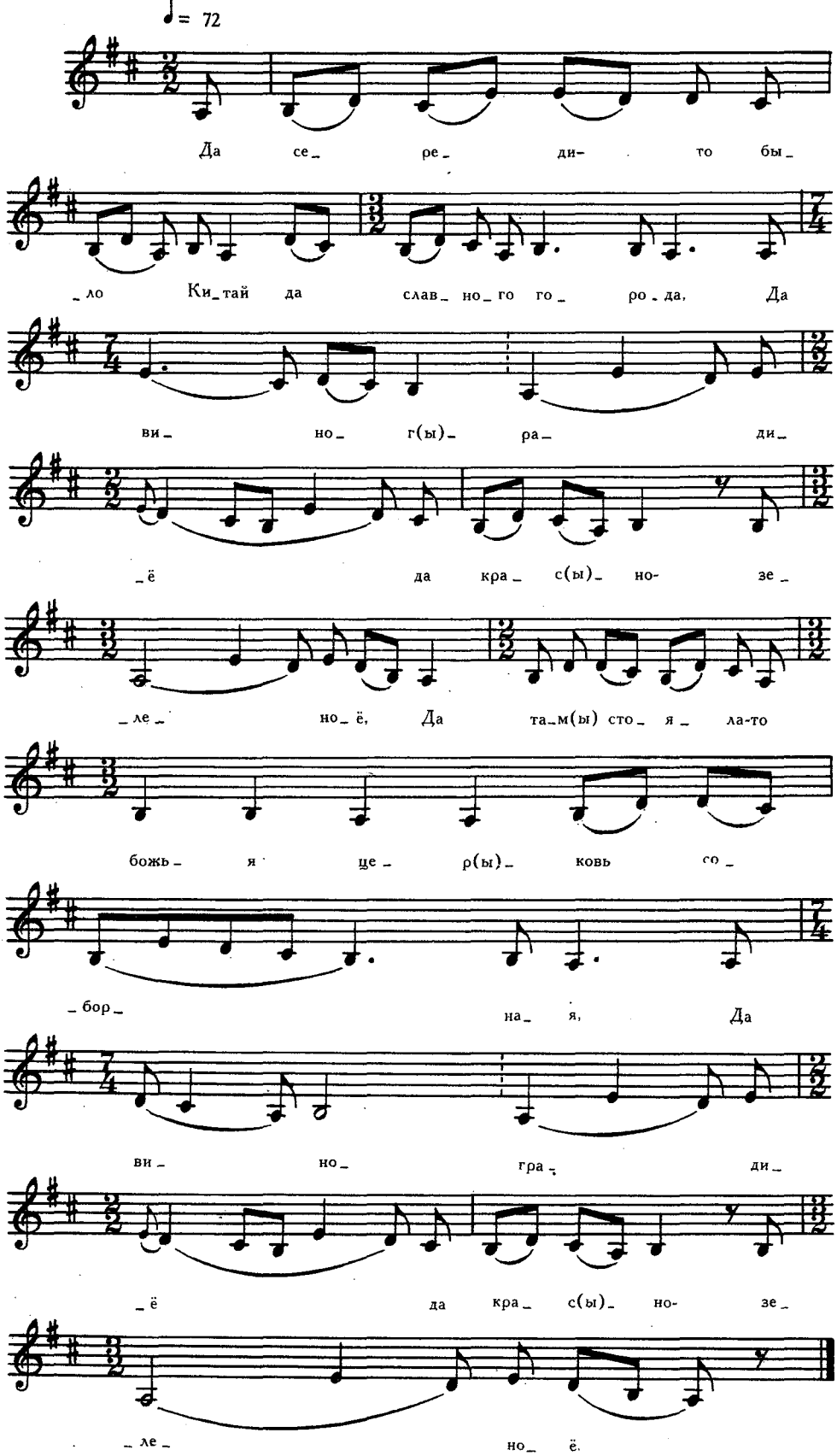

ви_ но_гра_ дьё да
крас_ но_ зе_ ле_ но_ ё.

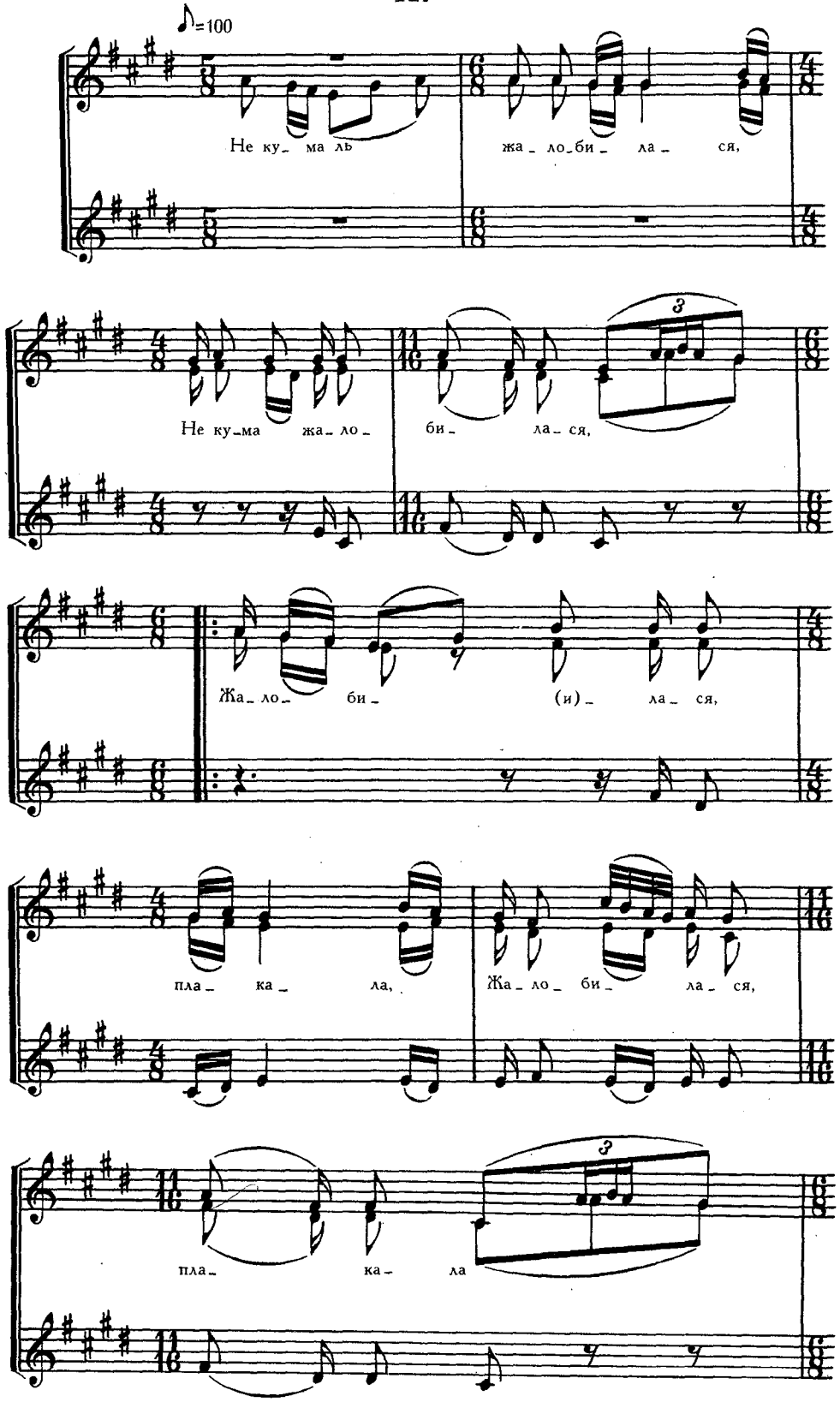
145

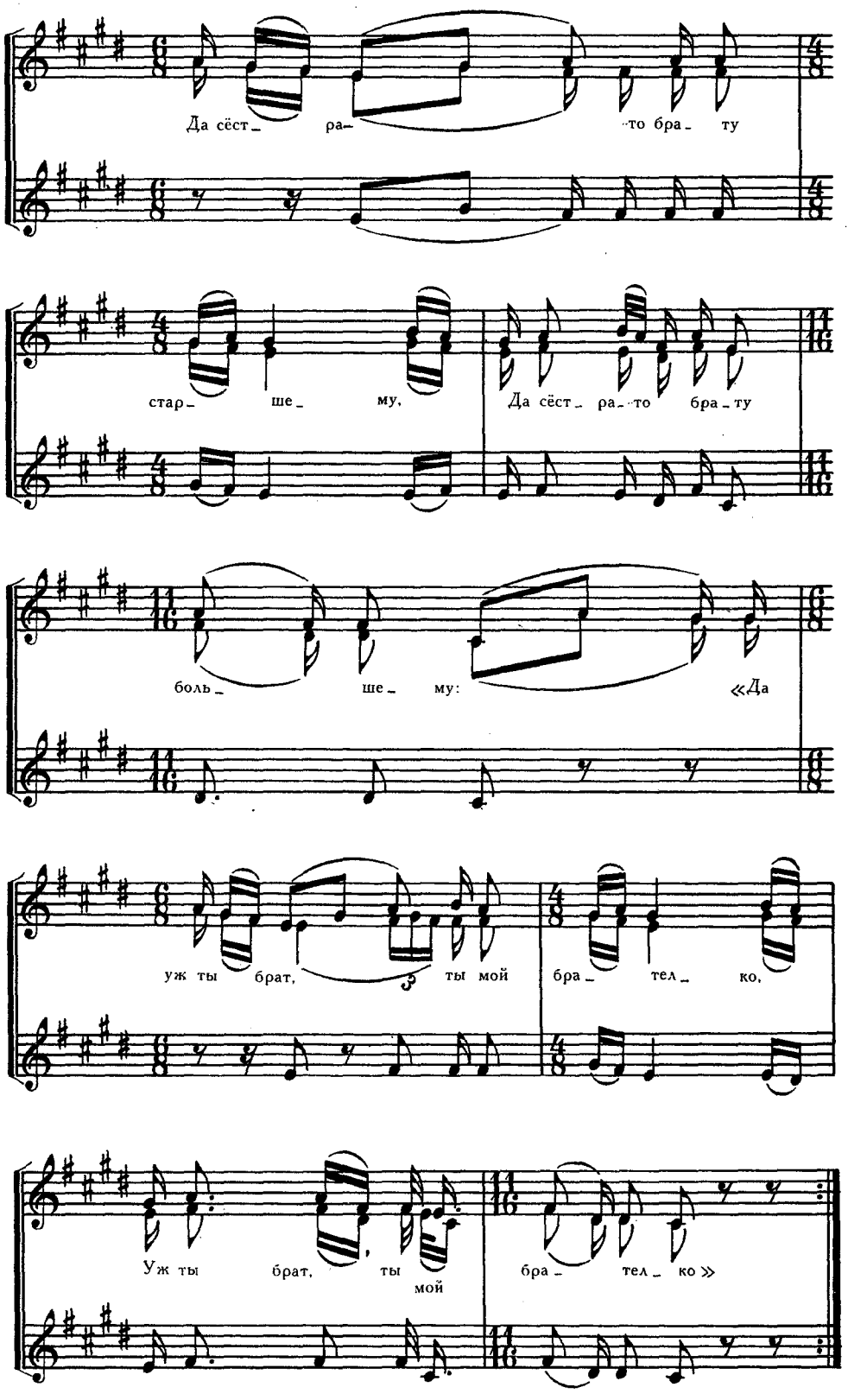

♩= 69
Да в пер_ вых, я ши_ ла, вы_ ши_ ва_ ла-то
я_ р(ы)_ко солн_ це с о_б(ы)_ла_ ка_ ми,
Ви_ но_ г(ы)_ра_ ди_ ё да
кра_ с(ы)_но_ зе_ ле_ но ё, Да
во_ в(ы)_то_ рых я-то вы_ ши_ ва_ ла да

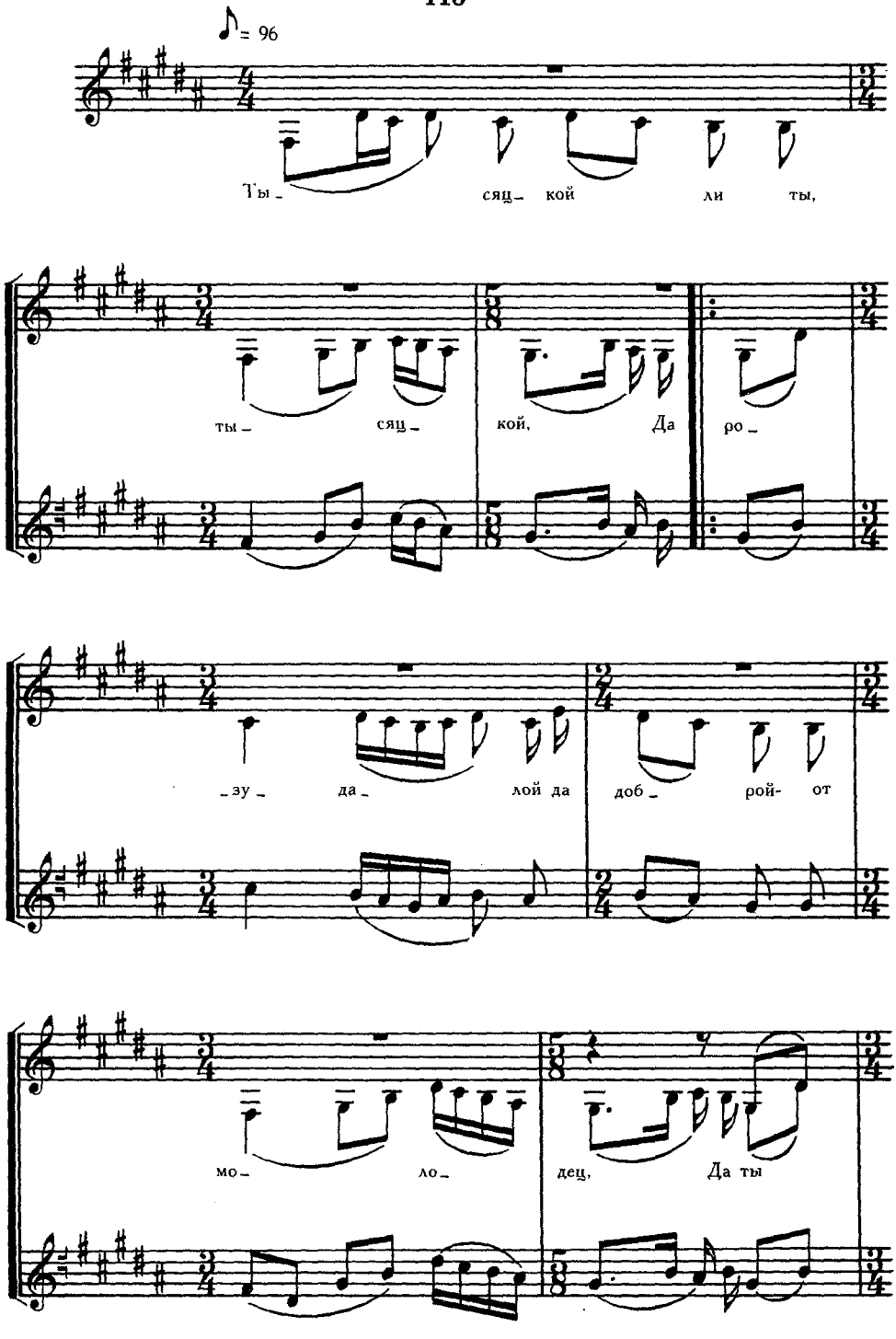

чу_д(ы)_ный ме_ сяц со звез_ да_ ми,
Ви_ но_г(ы)_ра_ ди_ ё да
кра_с(ы)_но- зе_ ле_ но_ ё, Да
что во- треть_ их, я вы_ ши_ ва_ ла да
бо_ж(и)_ю цер_ковь со кре_ста_ ми.
Ви_ но_г(ы)_ра_ ди_ ё да
кра_с(ы)_но-_ зе_ ле_ но_ ё, Да
во че_т(ы)_ве_р(ы)_тых, я вы_ ши_ ва_ ла да
чер_ но мо_ ре с(ы) ко- раб_ ля_ ми,
Ви_ но_ г(ы)_ра_ ли_ ё да

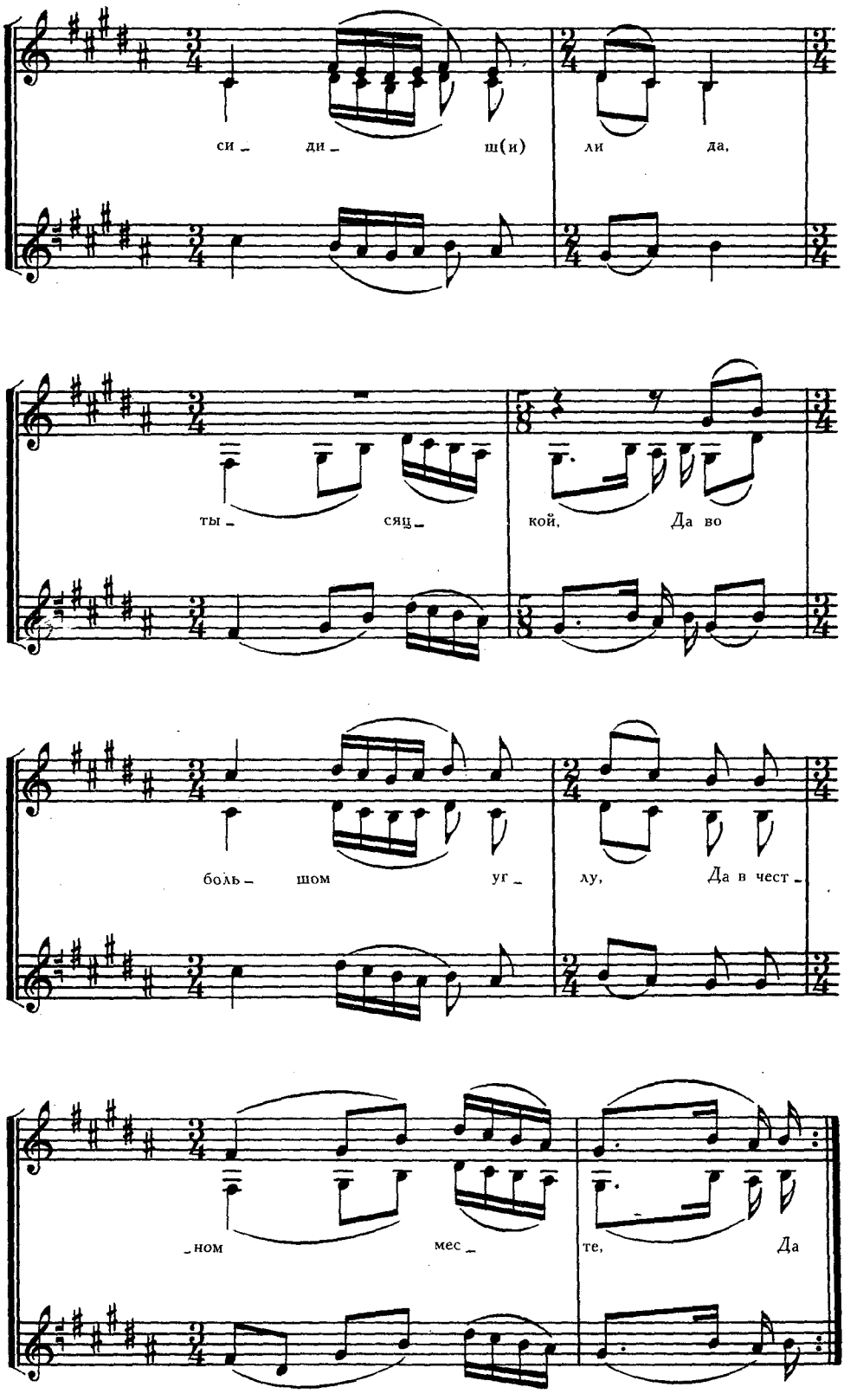

кра_ с(ы)_ но_ зе_ ле_ но_ ё. Да
уж, я жил бы, да уж, я бы_ л(ы)
на од_ ной с ей сто_ ро_ ны, Да
я бы э_ ти тро_ и пя_ ла да
по чис_ ту по_ лю раз_ нес, Да
я бы э_ ту крас_ ну де_ вуш_ку
за се_ бя бы вза_ муж взял, Да
ви_ но_ гра_ ди_ ё да
кра_ с(ы)_ но_ зе_ ле_ но_ ё.

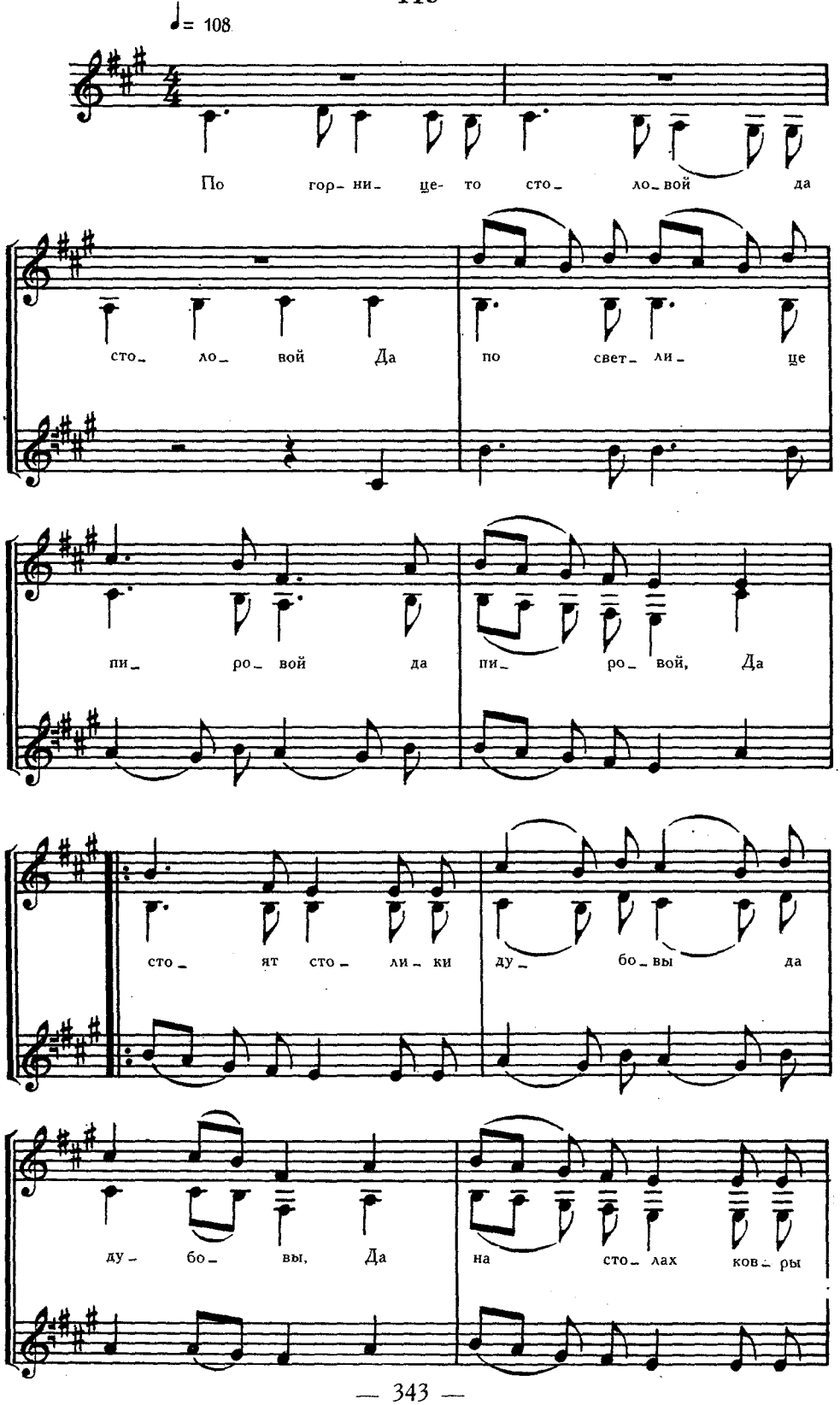

♩= 72
Да се_ ре_ ди- то бы_
_ло Ки_тай да слав_ но_го го_ ро_да, Да
ви_ но_ г(ы)_ ра_ ди_
ё да кра с(ы)_ но- зе_
_ле_ но_ё, Да та_м(ы) сто_ я_ ла-то
божь_ я це_ р(ы)_ ковь со_
бор на_ я, Да
ви_ но_ гра_ ди_
ё да кра с(ы)_ но- зе_
_ле_ но_ ё.

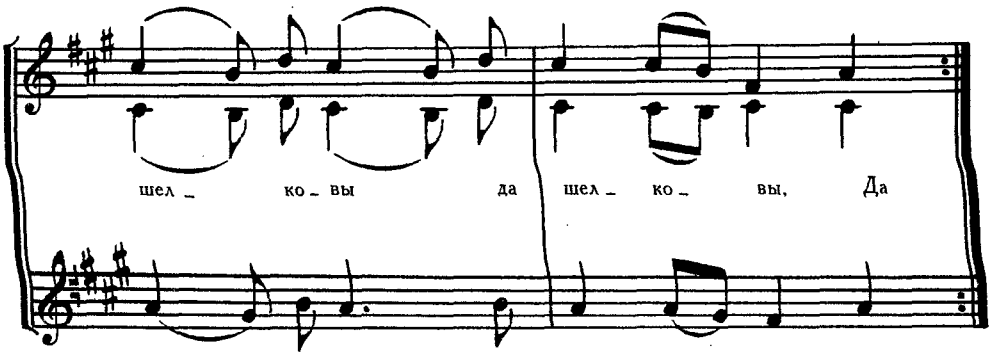

♪=100
Не ку_ ма ль
жа _ ло_би _ ла _ ся,
Не ку_ма жа_ ло_
би_ ла_ ся,
Жа_ ло_ би_ (и)_ ла_ ся,
пла_ ка_ ла,
Жа_ ло_ би_ ла_ ся,
пла_ ка_ ла


Да сёст_ ра_ то бра_ ту
стар_ ше_ му,
Да сёст_ ра_ то бра_ ту
боль_ ше_ му: «Да
уж ты брат, ты мой
бра_ тел_ ко,
Уж ты брат, ты мой
бра_ тел_ ко »

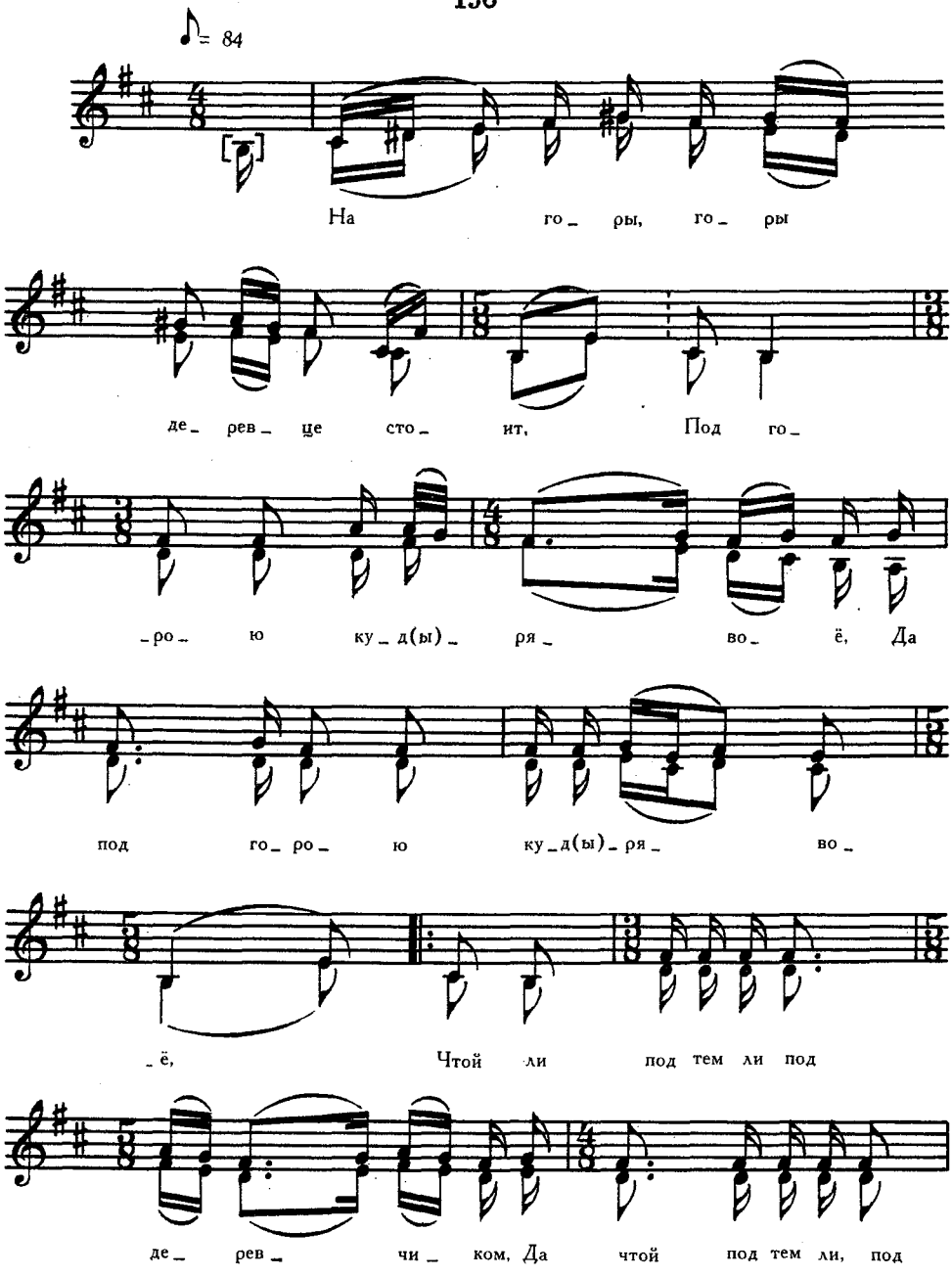

♪ = 96
Ты _ сяц _ кой ли ты,
ты _ сяц _ кой, Да ро _
_ зу _ да _ лой да доб _ рой- от
мо _ ло _ дец, Да ты

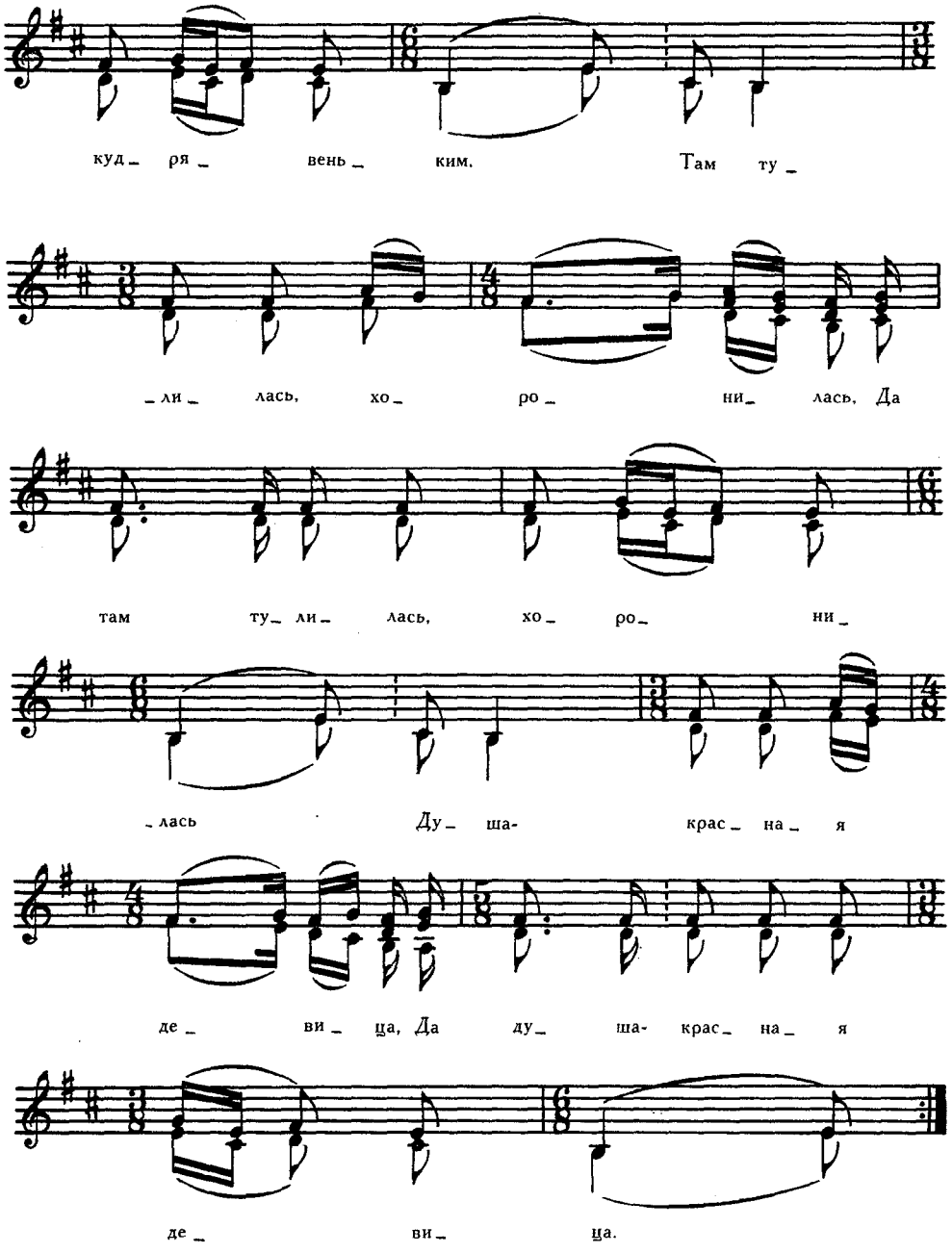

си _ ди _ ш(и) ли да,
ты _ сящ _ кой, Да во
боль _ шом уг _ лу, Да в чест _
_ном мес _ те, Да

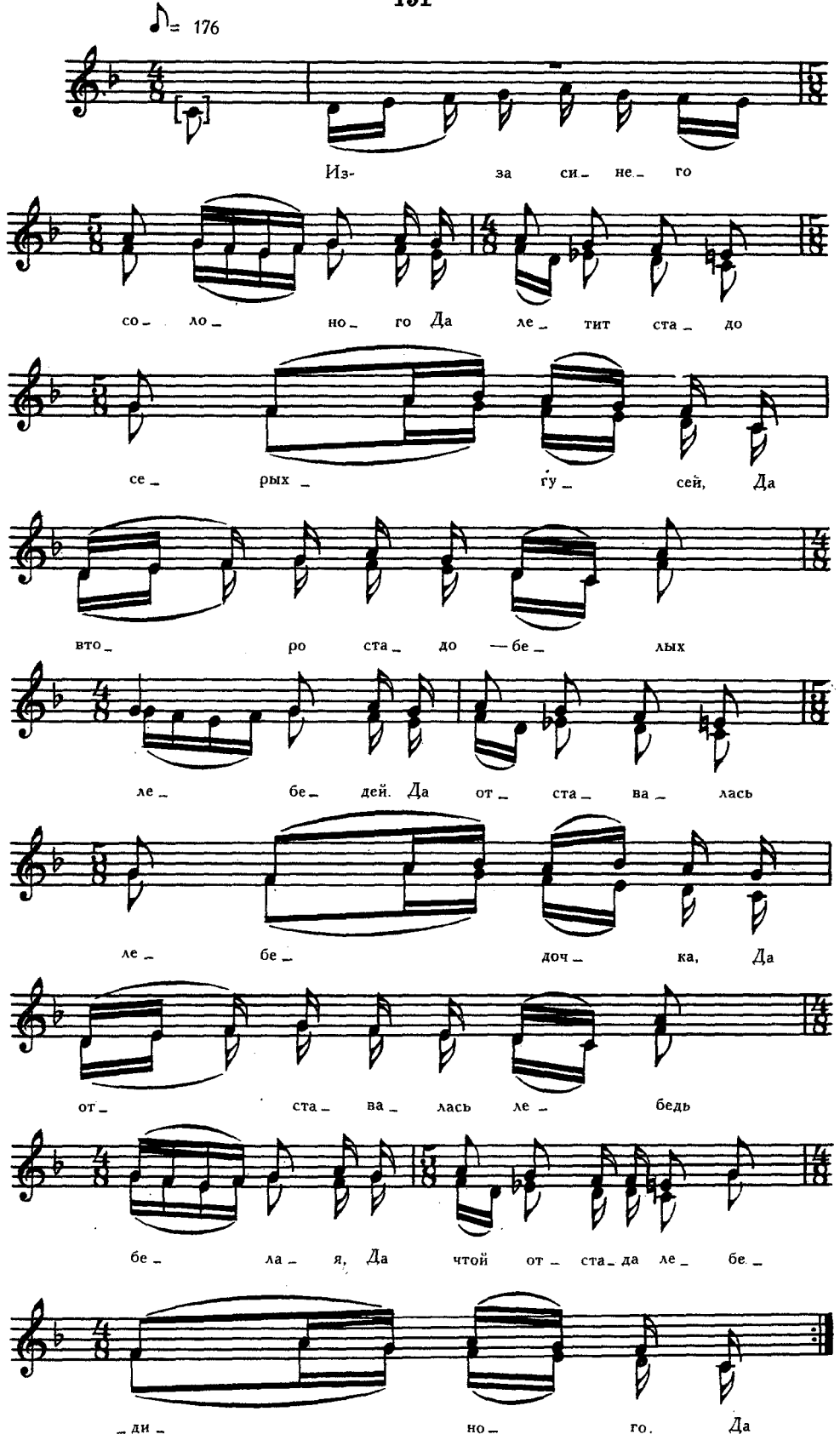

♩= 108
По гор_ни_ це_ то сто_ ло_вой да
сто_ ло_ вой Да по свет_ ли_ це
пи_ ро_ вой да пи_ ро_ вой, Да
сто_ ят сто_ ли_ки ду_ бо_вы да
ду_ бо_ вы, Да на сто_ лах ков_ ры

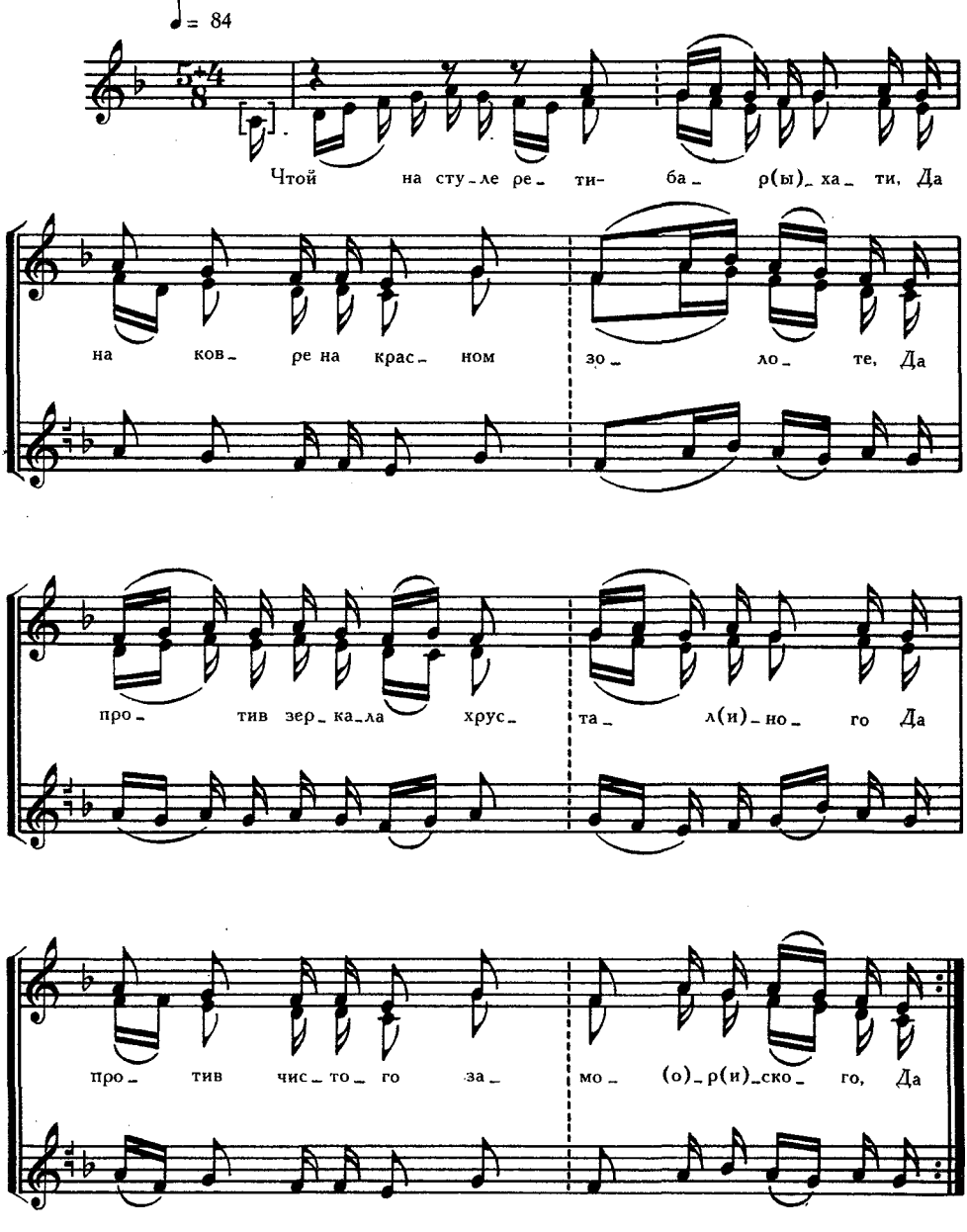

шел _ ко _ вы да шел _ ко _ вы, Да

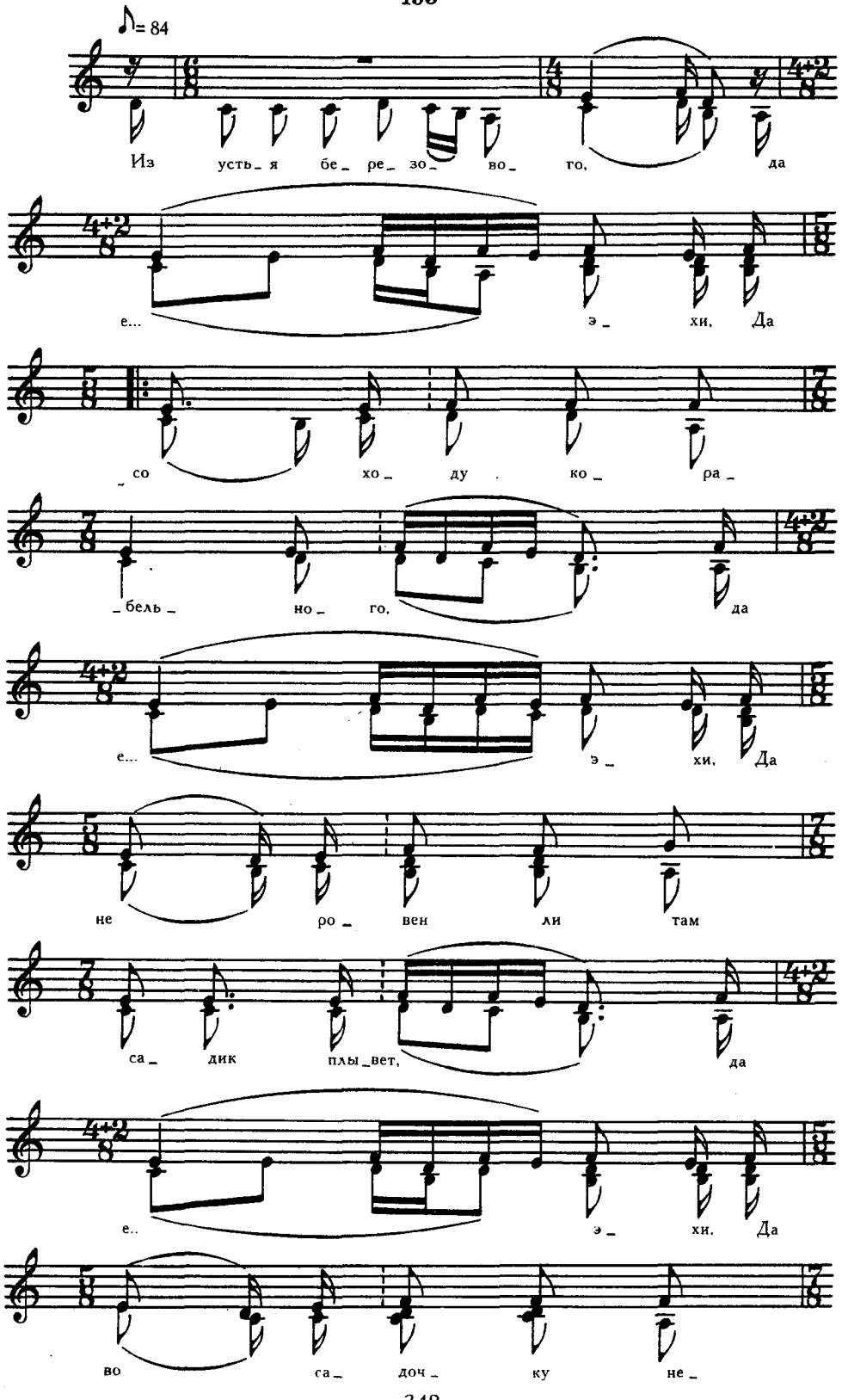
150

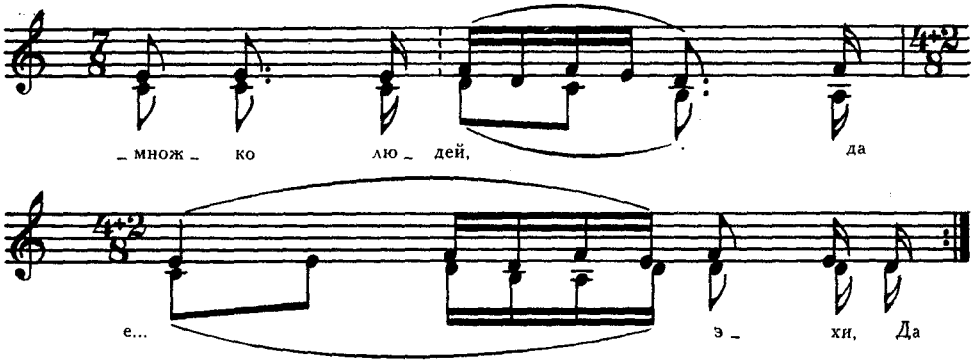

♪ = 84
На го _ ры, го _ ры
де _ рев _ це сто _ ит, Под го _
_ро _ ю ку _ д(ы) _ ря _ во _ ё, Да
под го _ ро _ ю ку _ д(ы) _ ря _ во _
_ ё, Чтой ли под тем ли под
де _ рев _ чи _ ком, Да чтой под тем ли, под


куд_ ря_ вень_ ким. Там ту_
_ли_ лась, хо_ ро_ ни_ лась, Да
там ту_ ли_ лась, хо_ ро_ ни_
лась Ду ша- крас_ на_ я
де_ ви_ ца, Да ду_ ша- крас_ на_ я
де_ ви_ ца.

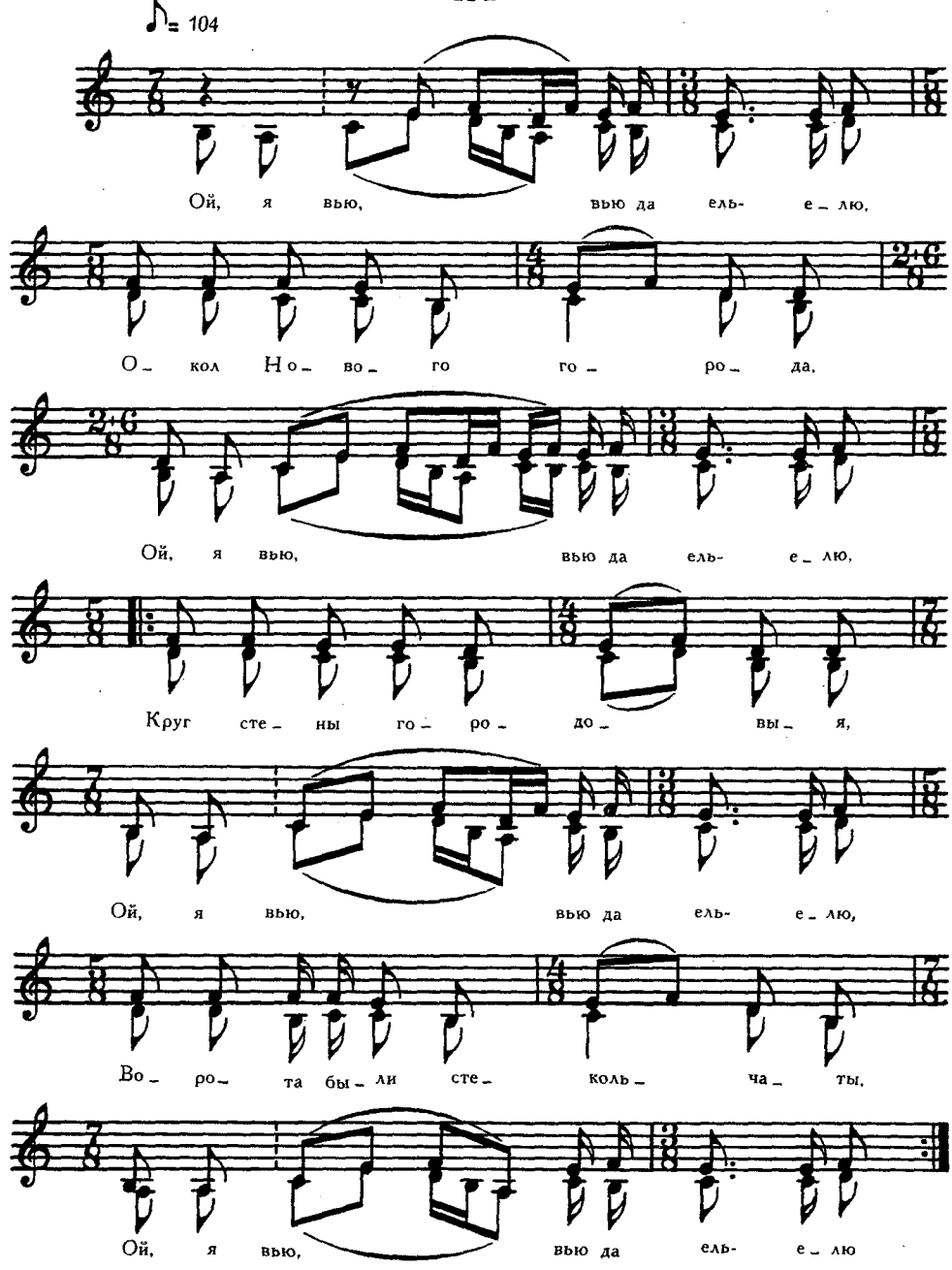

♪= 176
Из- за си- не- го
со- ло- но- го Да ле- тит ста- до
се- рых гу- сей, Да
вто- ро ста- до — бе- лых
ле- бе- дей. Да от- ста- ва- лась
ле- бе- доч- ка, Да
от- ста- ва- лась ле- бедь
бе- ла- я, Да чтой от- ста- да ле- бе-
ди- но- го. Да

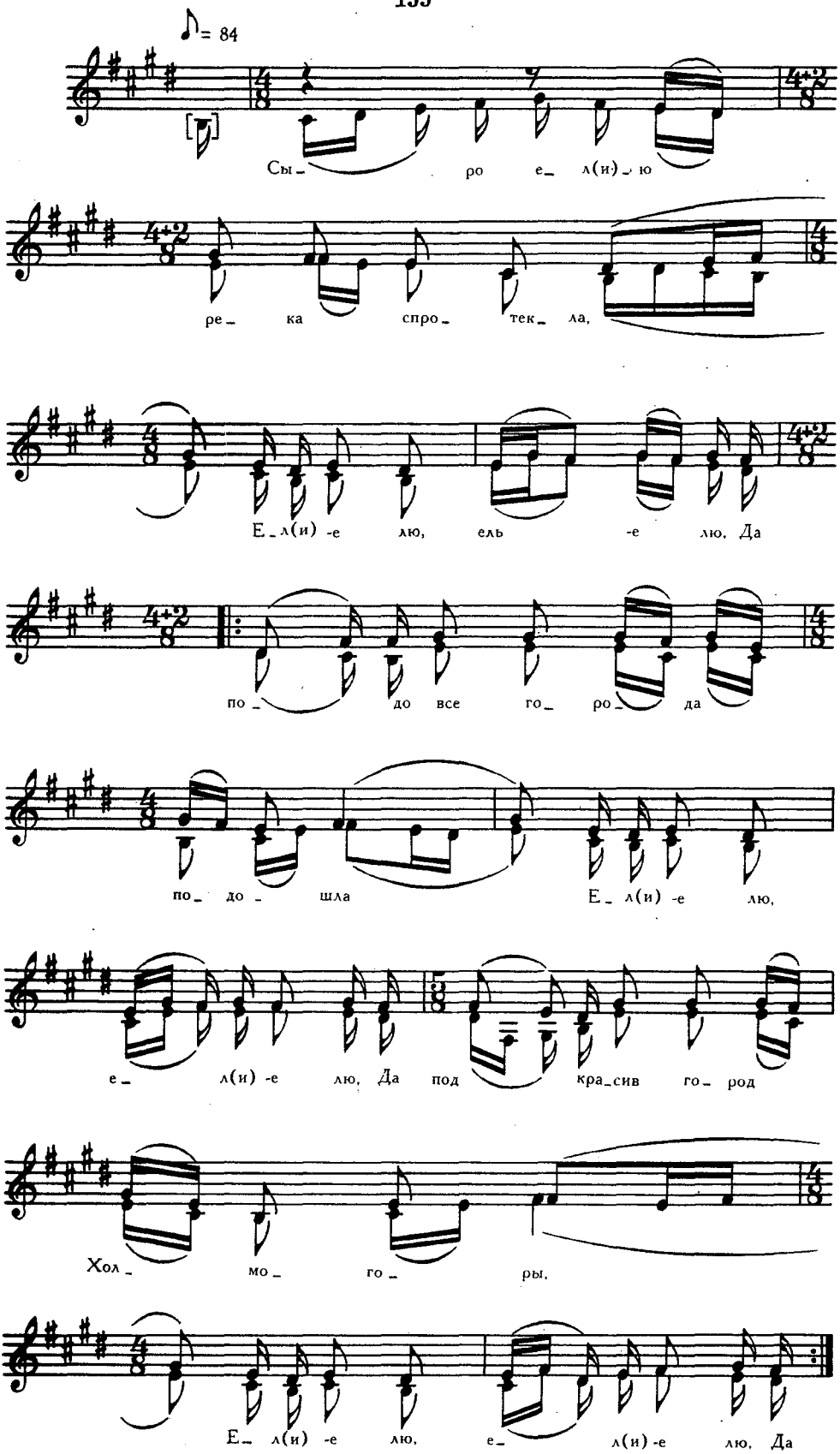

♩= 84
Чтой на сту-ле ре- ти- ба- р(ы)-ха- ти, Да
на ков- ре на крас- ном зо- ло- те, Да
про- тив зер-ка-ла хрус- та- л(и)-но- го Да
про- тив чис-то- го за- мо- (о)-р(и)-ско- го, Да

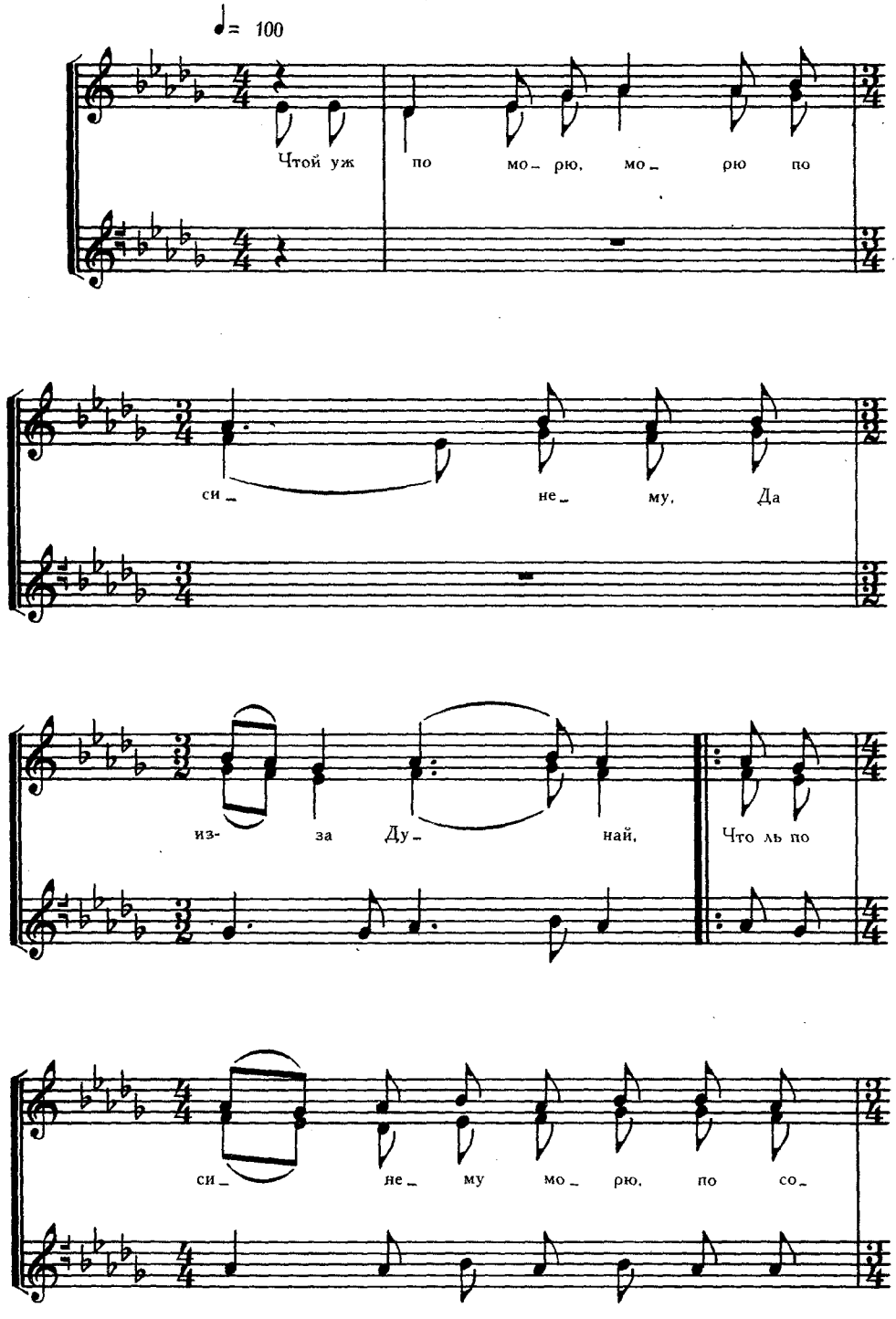

♪= 84
Из усть_я бе_ре_зо_во_го, да
е... э_хи, Да
_со хо_ду ко_ра_
_бель_но_го, да
е... э_хи, Да
не ро_вен ли там
са_дик плы_вет, да
е.. э_хи, Да
во са_доч_ку не_

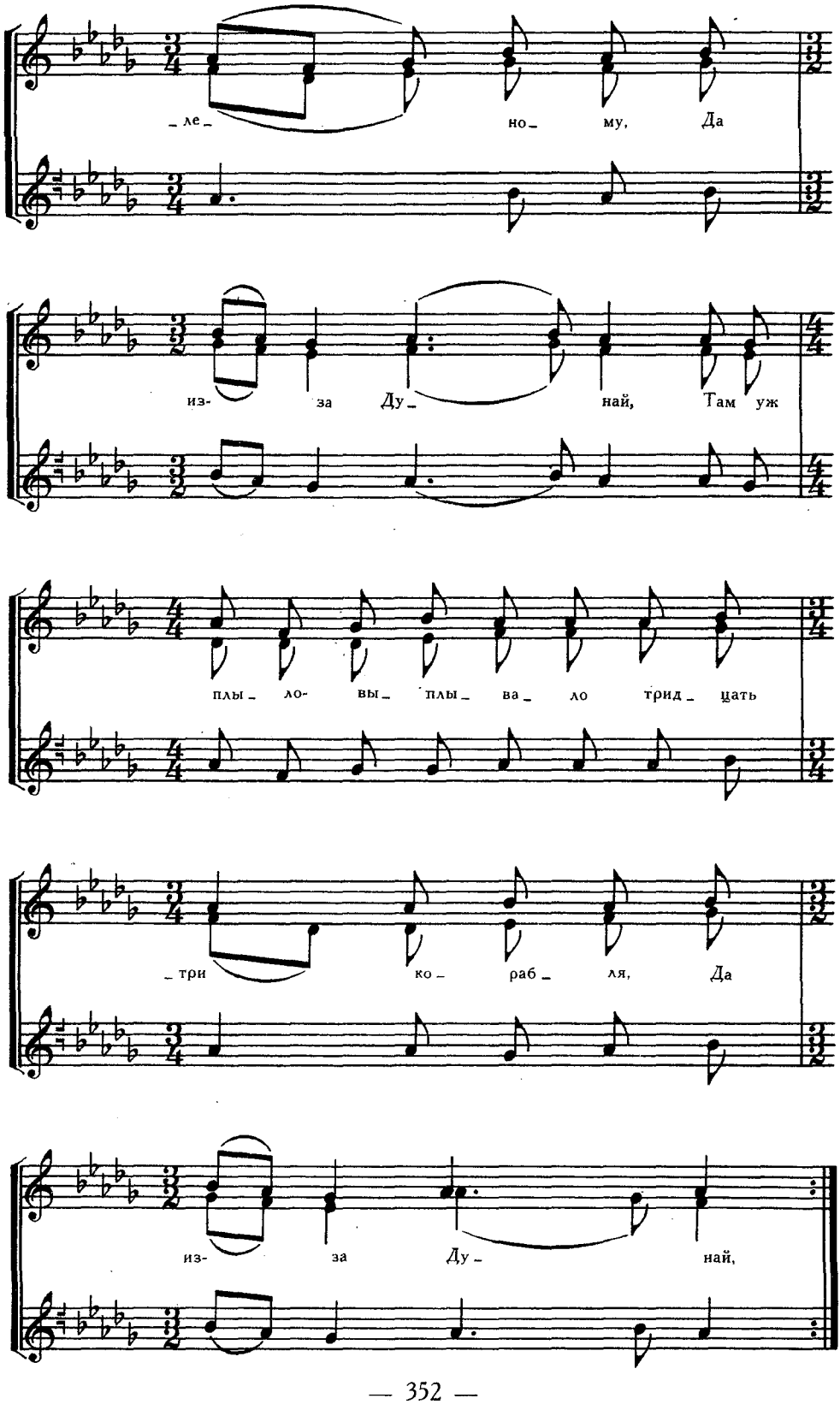

множ ко лю_ дей, да
е... э_ хи, Да

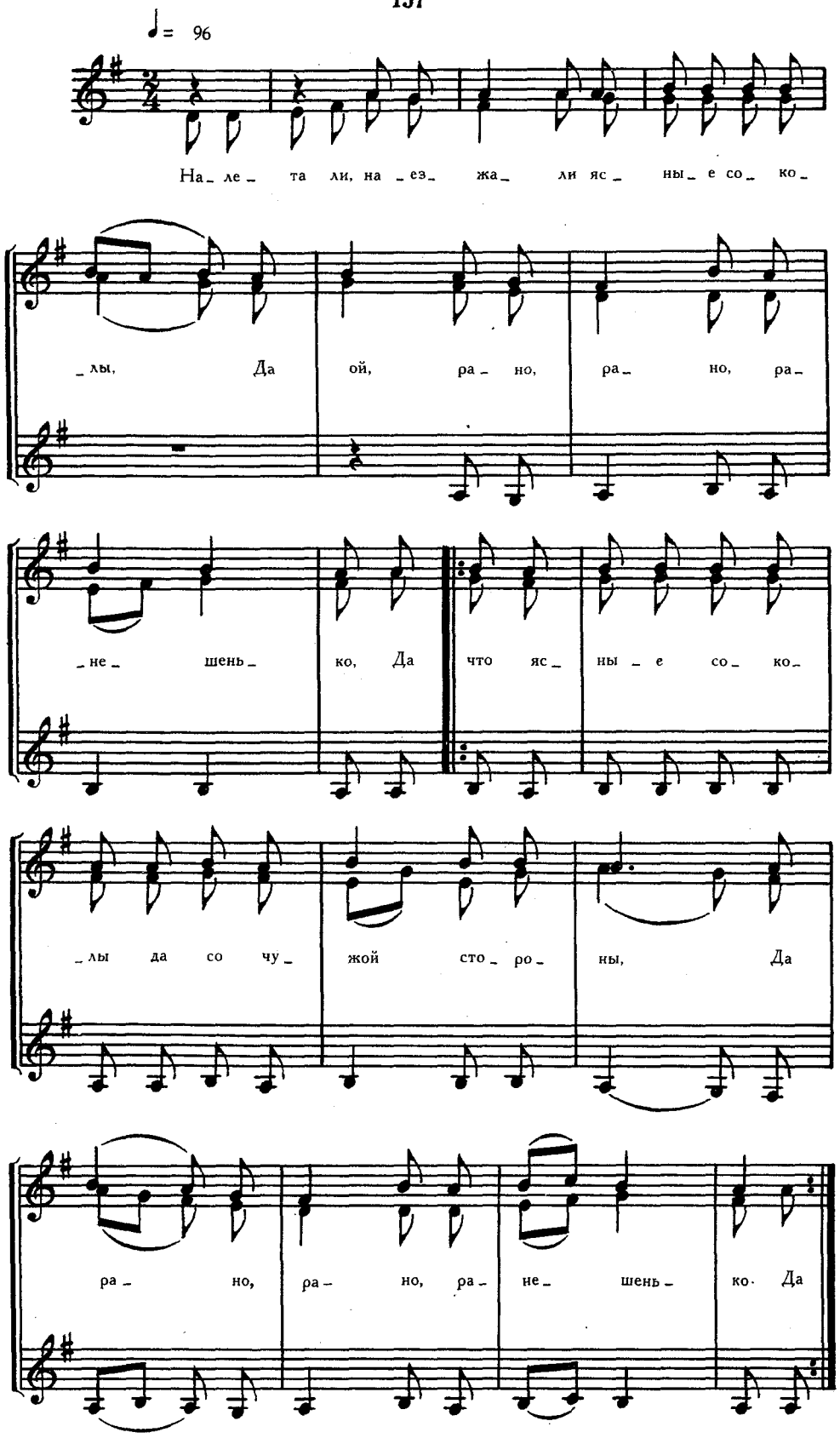
154


♪= 104
Ой, я вью, вью да ель- е_лю,
О_ кол Но_ во_ го го_ ро_ да,
Ой, я вью, вью да ель- е_лю,
Круг сте_ ны го_ ро_ до_ вы_ я,
Ой, я вью, вью да ель- е_лю,
Во_ ро_ та бы_ ли сте_ коль_ ча_ ты,
Ой, я вью, вью да ель- е_лю

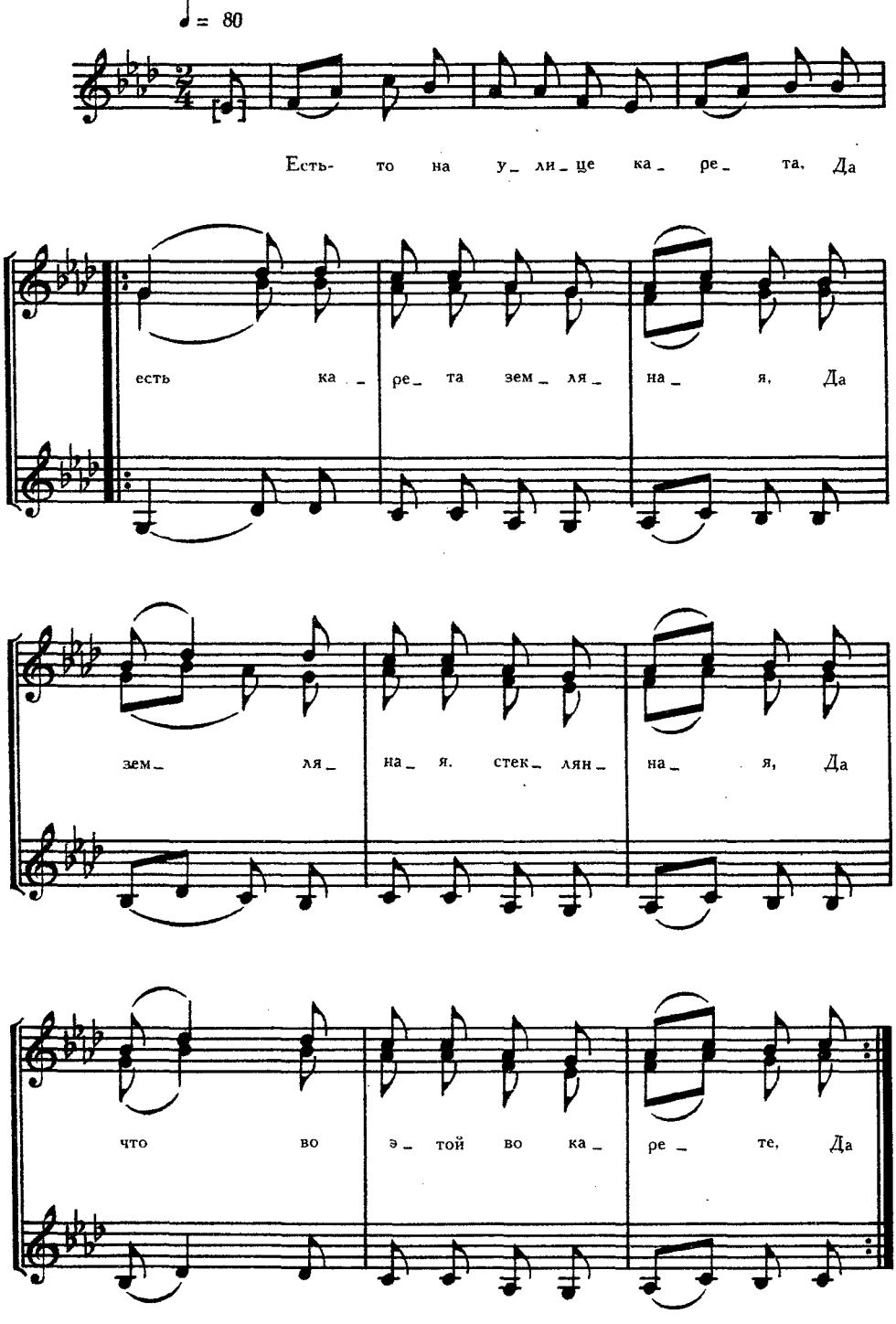

♪= 84
Сы_ ро е_ л(и)_ю
ре_ ка спро_ тек_ ла,
Е_л(и) -е лю, ель -е лю, Да
по_ до все го_ ро_ да
по_ до_ шла Е_ л(и) -е лю,
е_ л(и) -е лю, Да под кра_сив го_ род
Хол_ мо_ го_ ры,
Е_ л(и) -е лю, е_ л(и) -е лю, Да

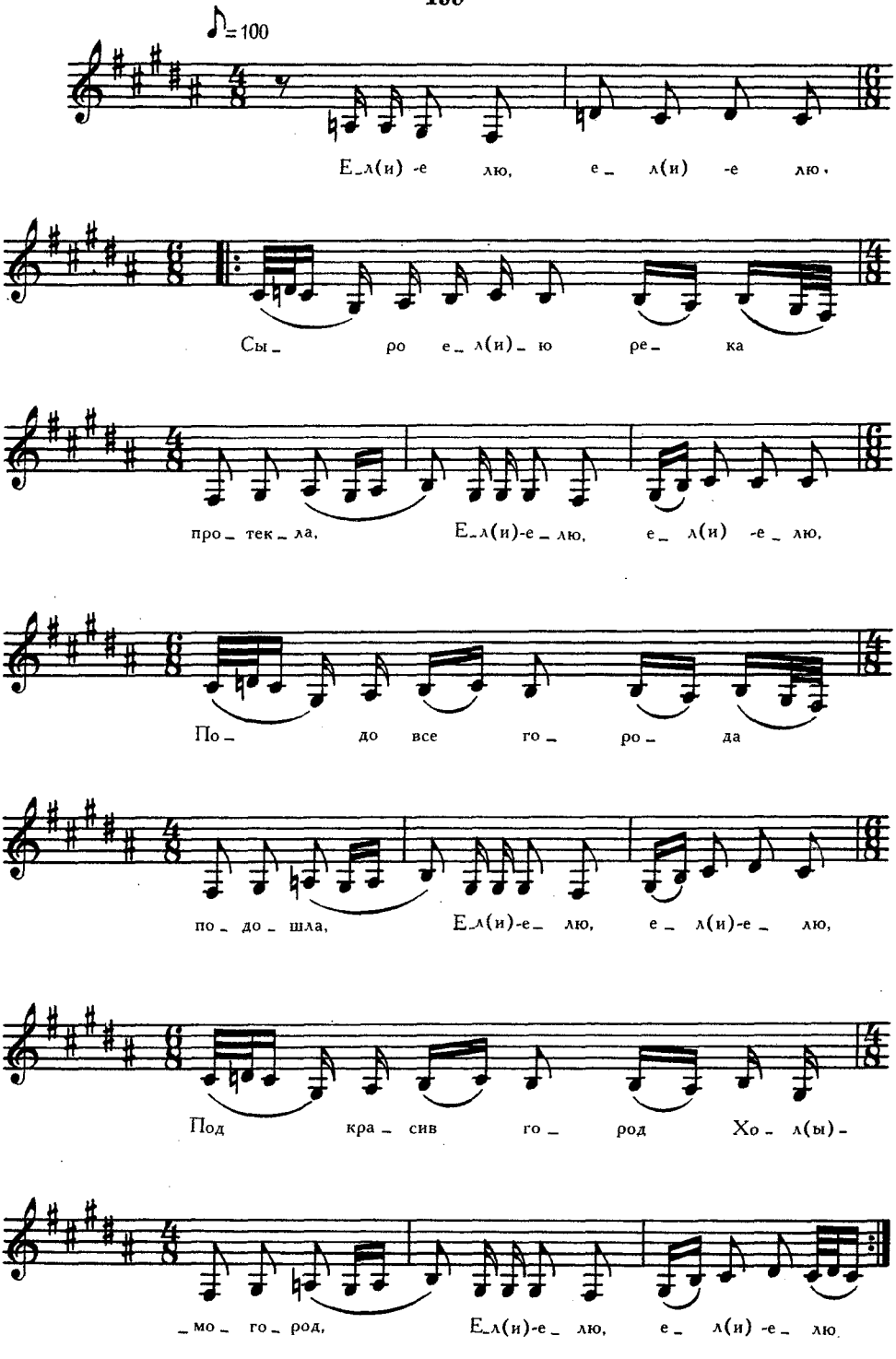

♩= 100
Чтой уж по мо_ рю, мо_ рю по
си_ не_ му, Да
из- за Ду_ най, Что ль по
си_ не_ му мо_ рю, по со_

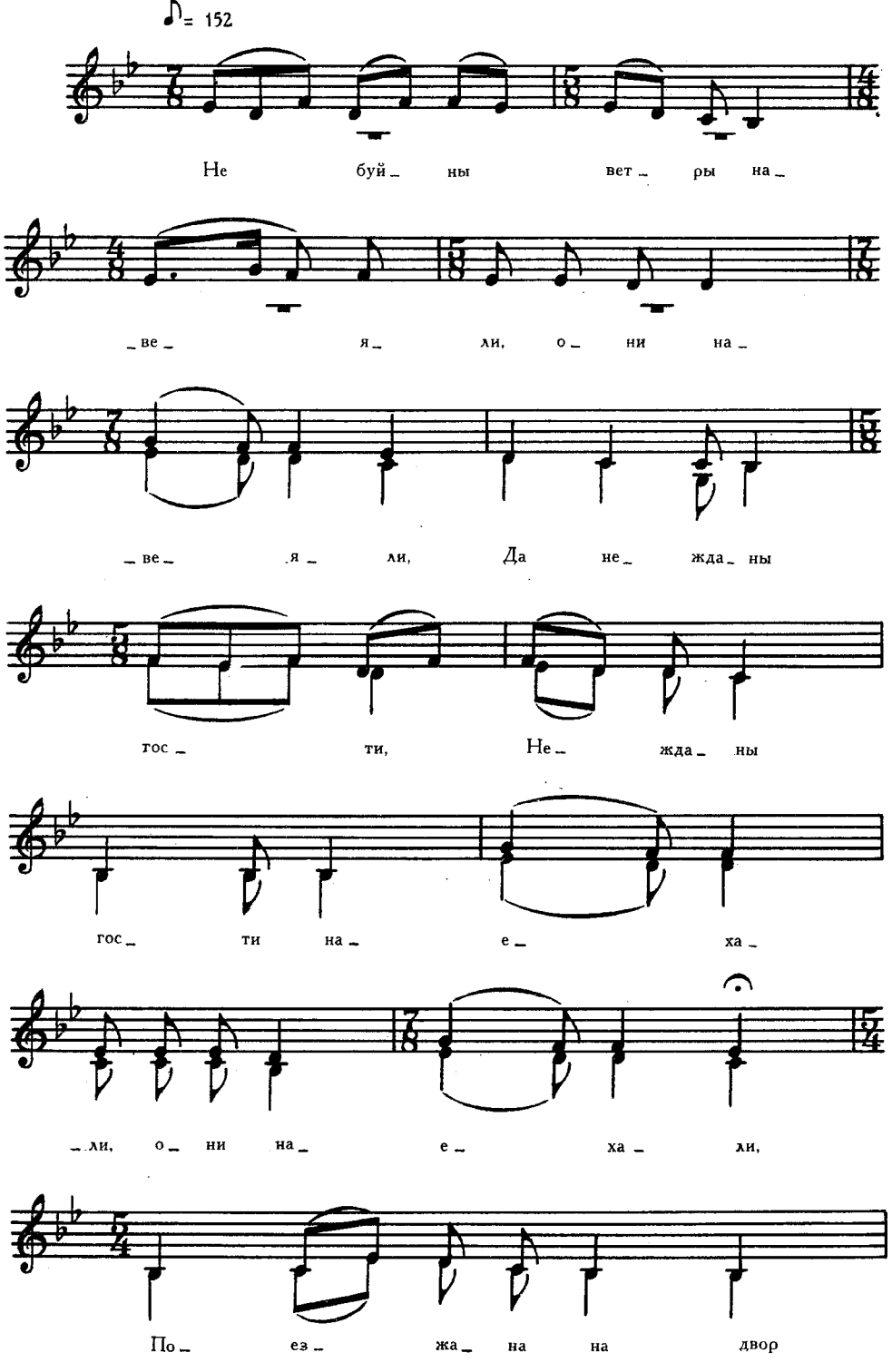

_ле_ но_ му, Да
из- за Ду_ най, Там уж
плы_ ло- вы_ плы_ ва_ ло трид_ цать
три ко раб_ ля, Да
из- за Ду_ най,

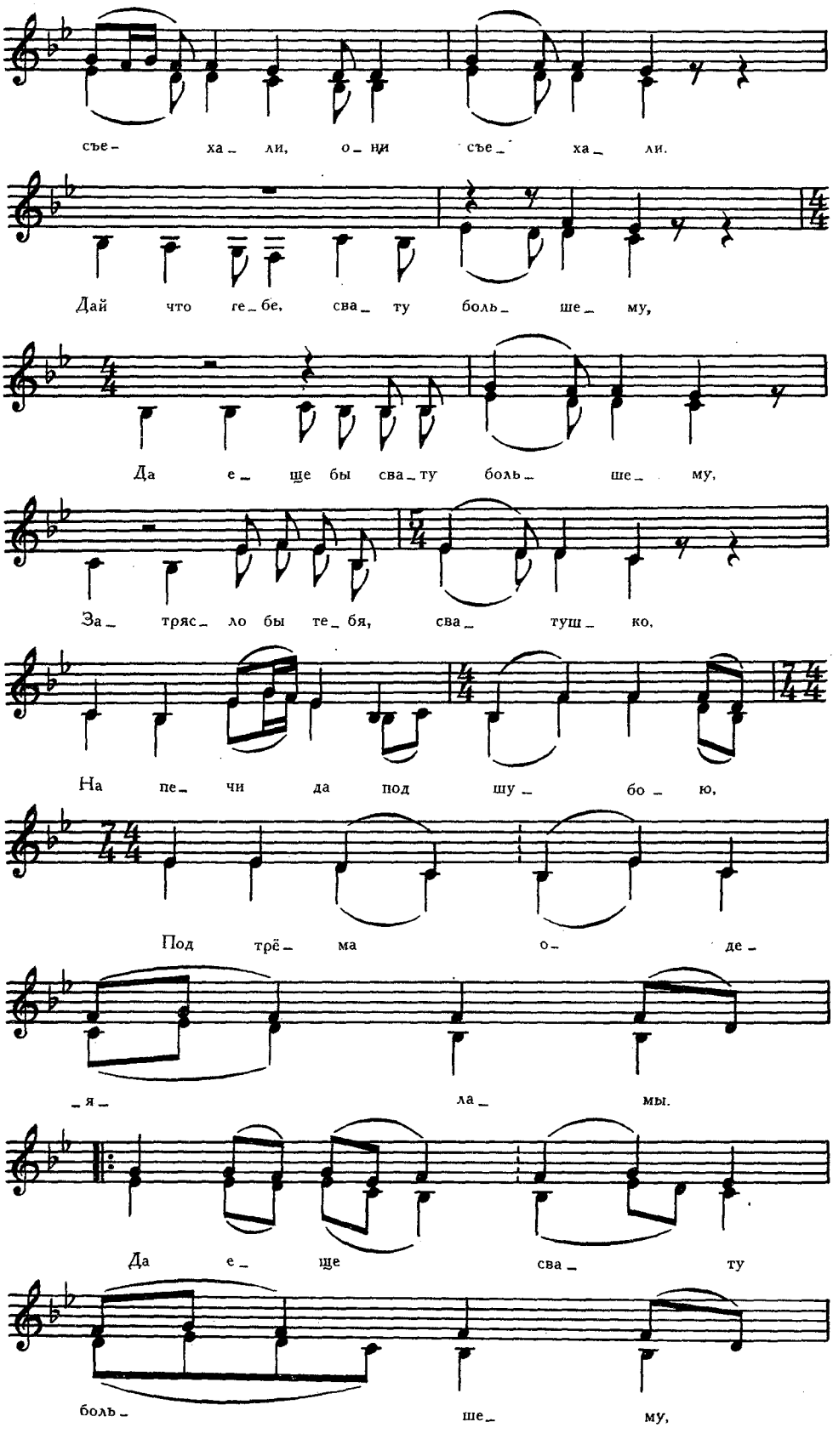

♩= 96
На_ле_ та ли, на _ез_ жа_ ли яс _ ны_ е со_ ко_
_лы, Да ой, ра_ но, ра_ но, ра_
_не_ шень_ ко, Да что яс_ ны _ е со_ ко_
_лы да со чу_ жой сто_ ро_ ны, Да
ра_ но, ра_ но, ра_ не_ шень_ ко. Да

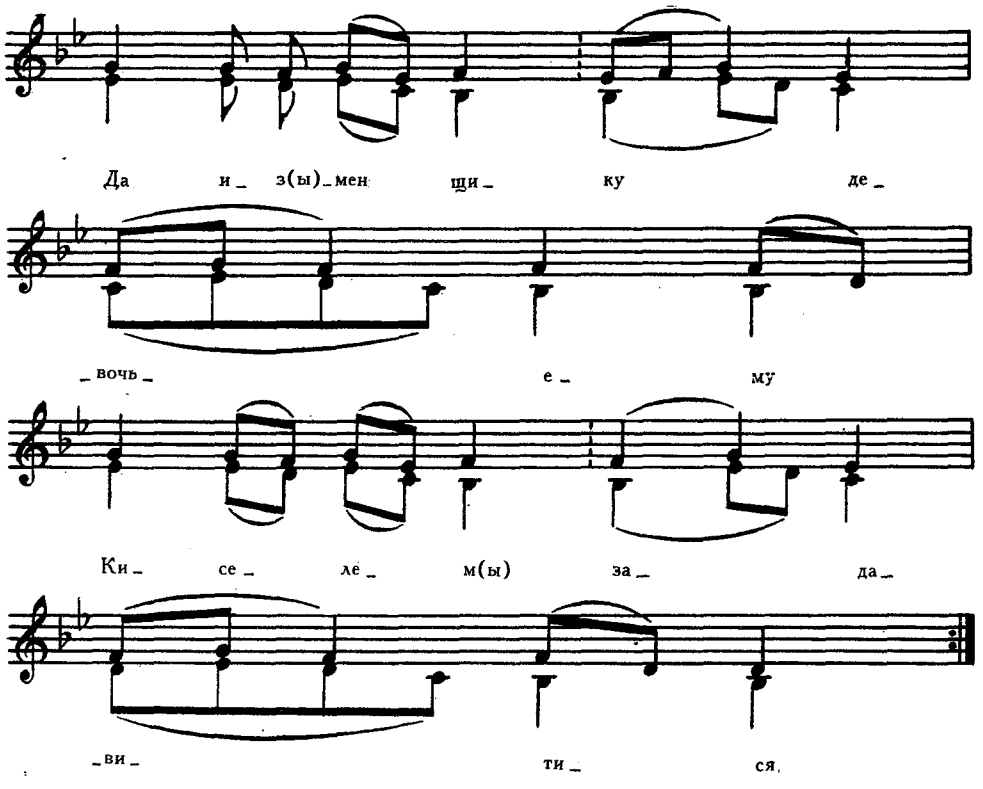
158


♩ = 80
Есть- то на у_ ли_це ка_ ре_ та, Да
есть ка_ ре_ та зем_ ля_ на_ я, Да
зем_ ля_ на_ я. стек_ лян_ на_ я, Да
что во э_ той во ка_ ре_ те, Да

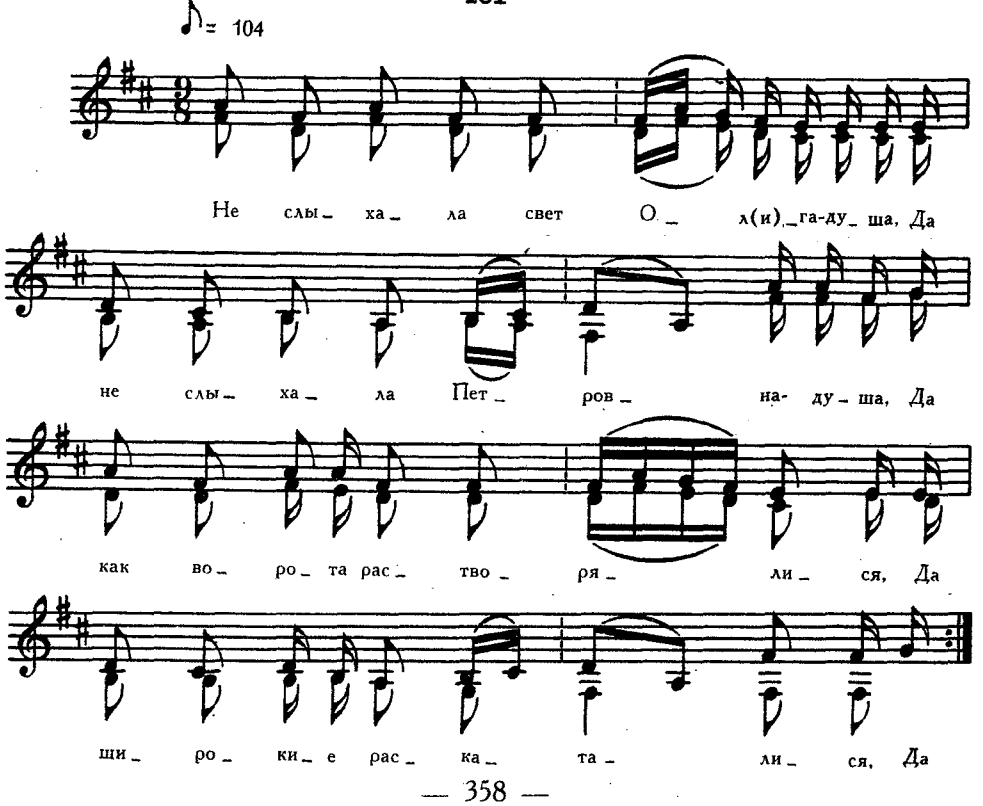

♪=100
Е_л(и) -е лю, е_ л(и) -е лю,
Сы_ ро е_л(и)_ ю ре_ ка
про_ тек_ла, Е_л(и)-е_лю, е_ л(и) -е_лю,
По_ до все го_ ро_ да
по_ до_ шла, Е_л(и)-е_ лю, е_ л(и)-е_ лю,
Под кра_ сив го_ род Хо_ л(ы)-
_мо_ го_ род, Е_л(и)-е_ лю, е_ л(и) -е_ лю.

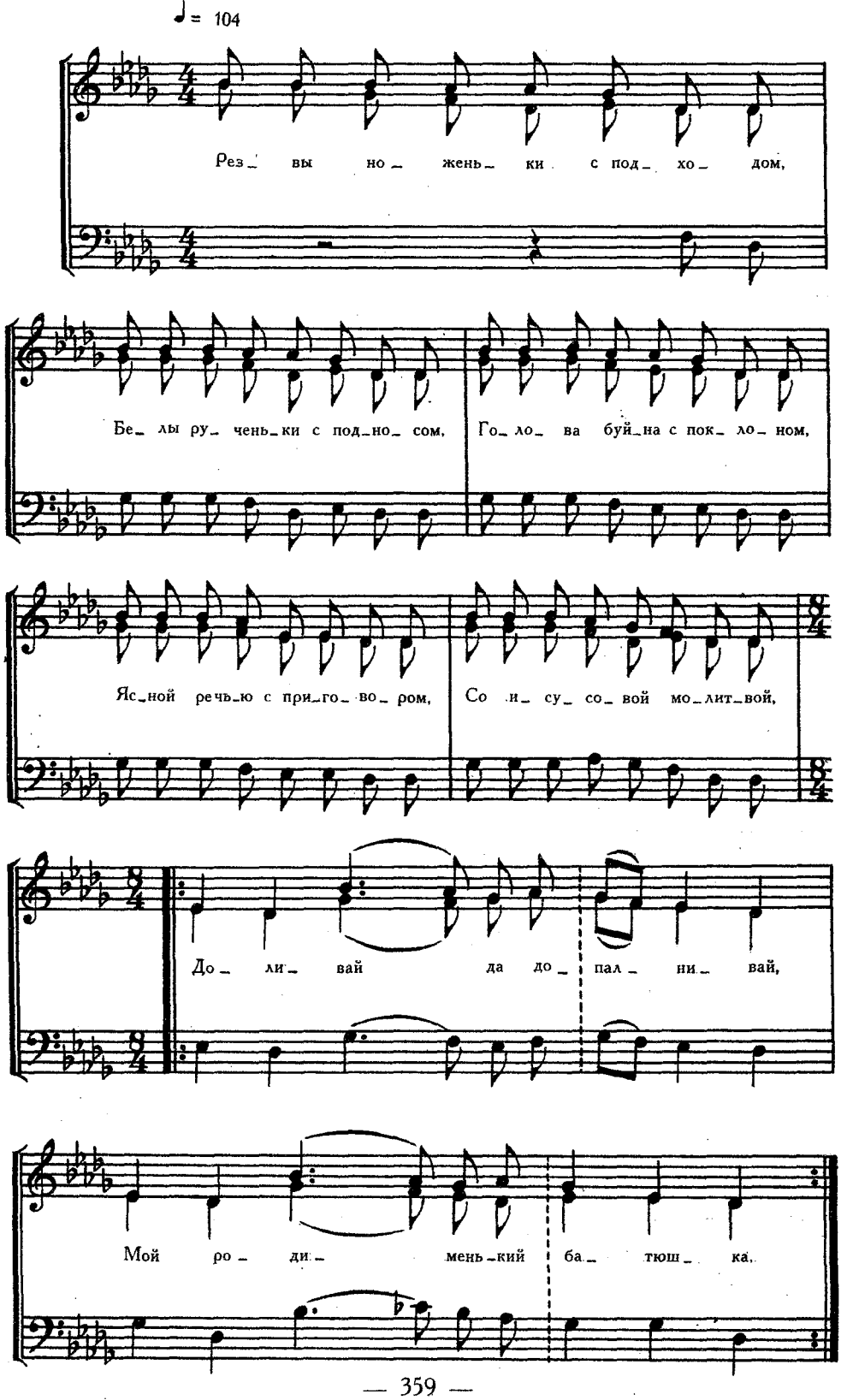

♪= 152
Не буй_ ны вет_ ры на_
_ве_ я_ ли, о_ ни на_
_ве_ я_ ли, Да не_ жда_ ны
тос_ ти, Не_ жда_ ны
гос_ ти на_ е_ ха_
_ли, о_ ни на_ е_ ха_ ли,
По_ ез_ жа_ на на двор


съе- ха- ли, о- ни съе- ха- ли.
Дай что ге-бе, сва- ту боль- ше- му,
Да е- ще бы сва-ту боль- ше- му,
За- тряс- ло бы те- бя, сва- туш- ко,
На пе- чи да под шу- бо- ю,
Под трё- ма о- де-
-я- ла- мы.
Да е- ще сва- ту
боль- ше- му,

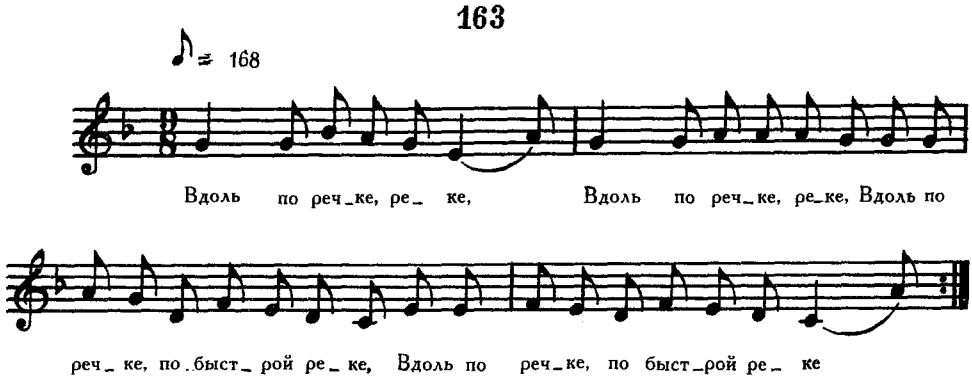

Да и_ з(ы)_мен щи_ ку де_
вочь е_ му
Ки_ се_ ле_ м(ы) за_ да_
_ви_ ти_ ся.

161

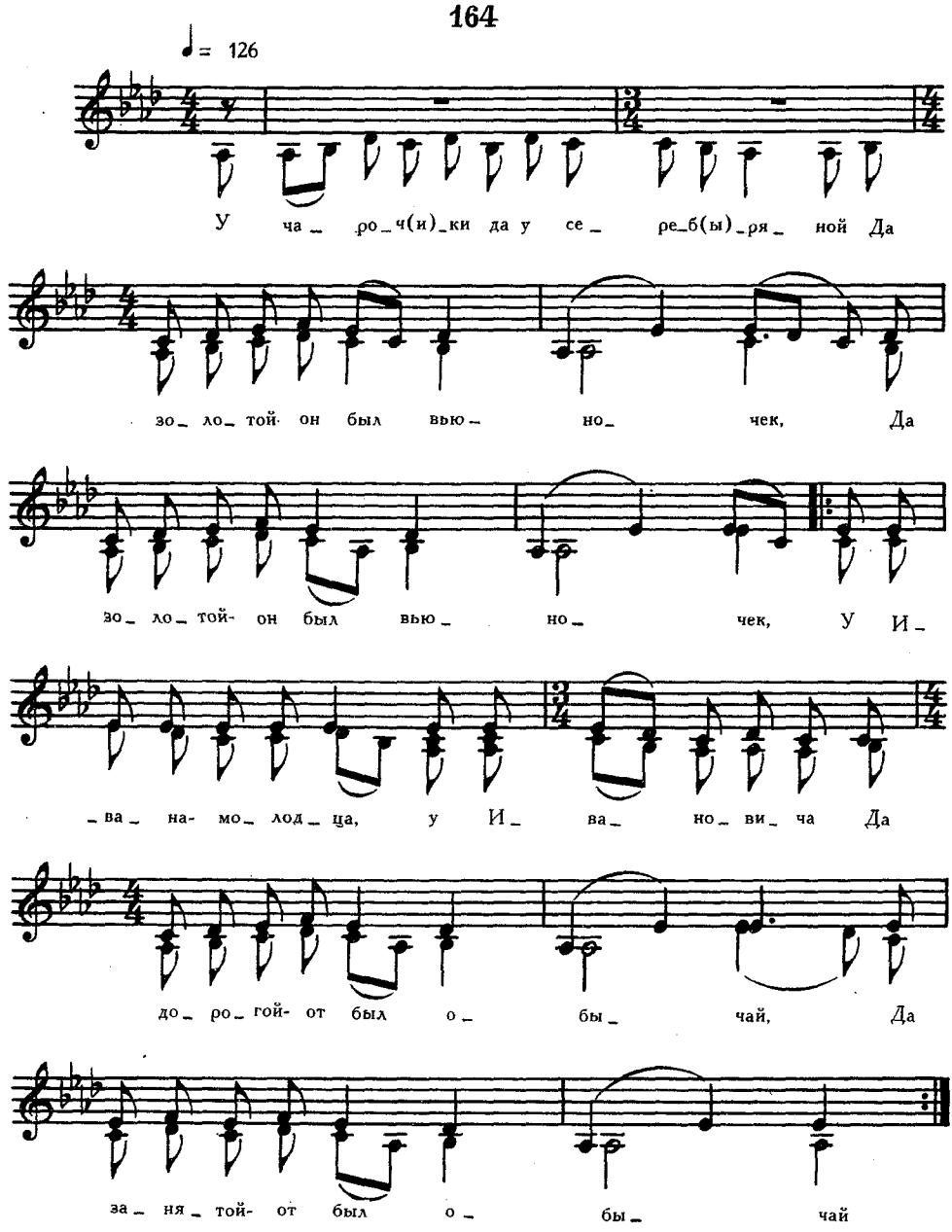

♪= 104
Не слы_ ха_ ла свет О_ л(и)_га-ду_ ша, Да
не слы_ ха_ ла Пет_ ров_ на- ду_ ша, Да
как во_ ро_ та рас_ тво_ ря_ ли_ ся, Да
щи_ ро_ ки_ е рас_ ка_ та_ ли_ ся, Да


♩= 104
Рез_ вы но_ жень_ки с под_ хо_ дом,
Бе_ лы ру_ чень_ки с под_но_ сом,
Го_ло_ ва буй_на с пок_ ло_ ном,
Яс_ной речь_ю с при_го_во_ром,
Со и_ су_ со_ вой мо_лит_вой,
До_ ли_ вай да до_ пал_ ни_ вай,
Мой ро_ ди_ мень_кий ба_ тюш_ ка,

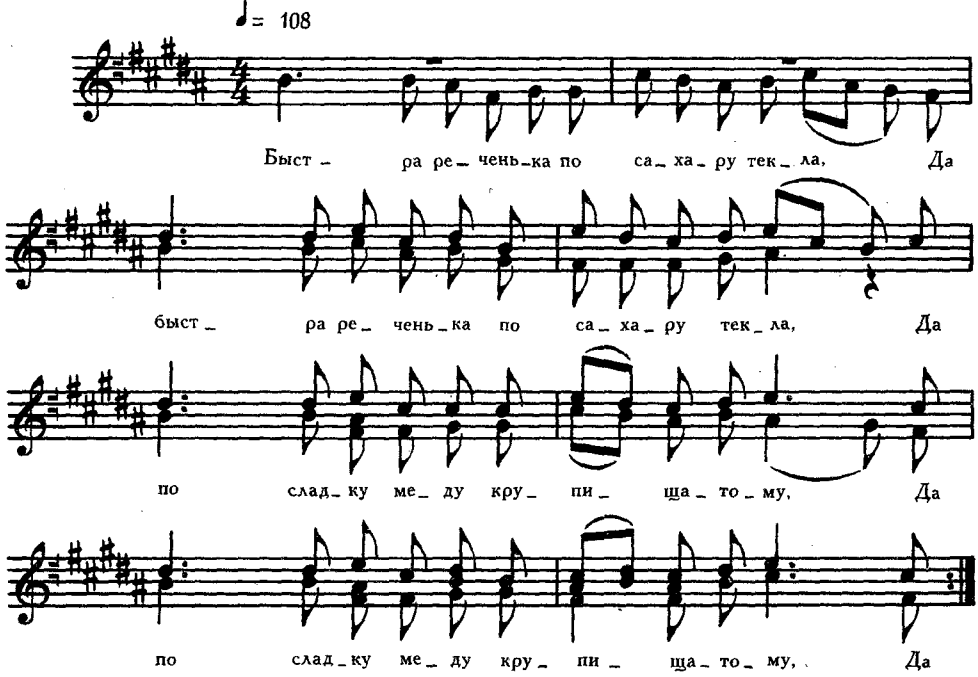
163


♪ = 168
Вдоль по реч_ке, ре_ ке, Вдоль по реч_ке, ре_ке, Вдоль по
реч_ ке, по быст_ рой ре_ ке, Вдоль по реч_ке, по быст_рой ре_ ке

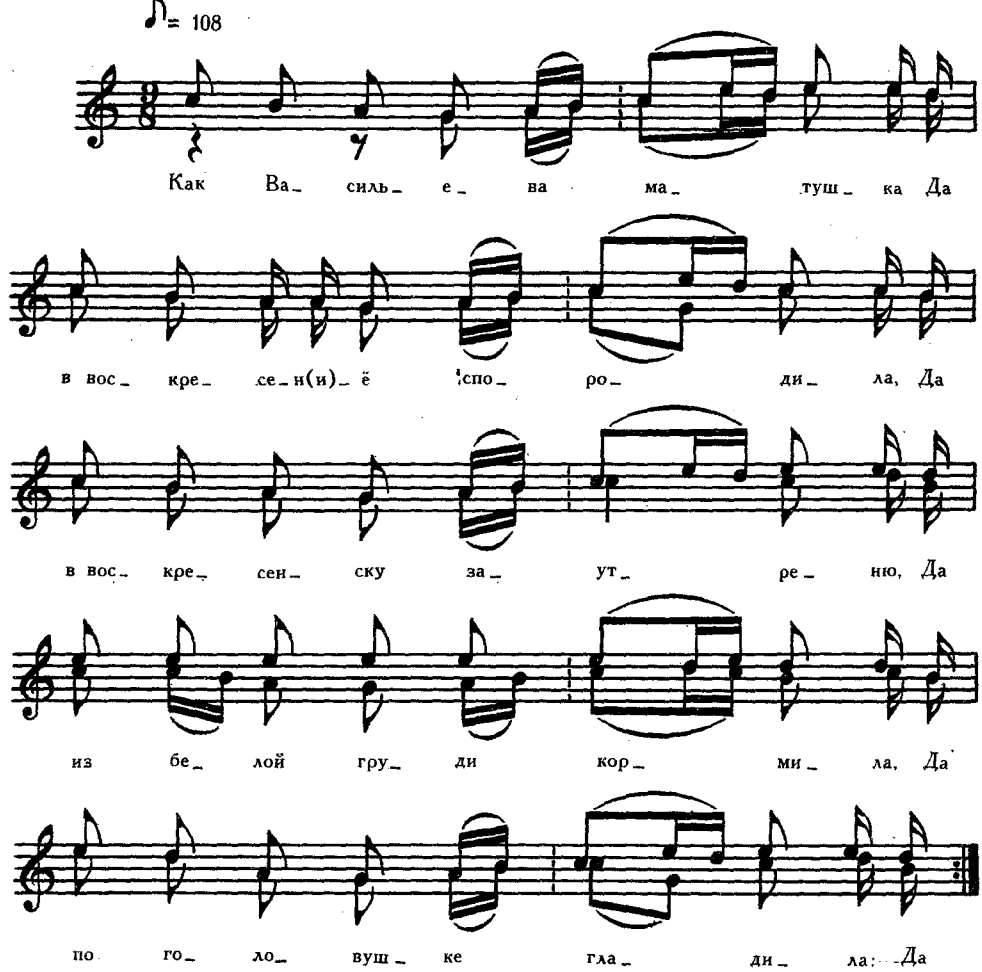
164


♩ = 126
У ча_ ро_ч(и)_ки да у се_ ре_б(ы)_ря_ ной Да
зо_ ло_ той он был вью_ но_ чек, Да
зо_ ло_ той- он был вью_ но_ чек, У И_
_ва_ на- мо_ лод_ ца, у И_ ва_ но_ ви_ ча Да
до_ ро_ гой- от был о_ бы_ чай, Да
за_ ня_ той- от был о_ бы_ чай

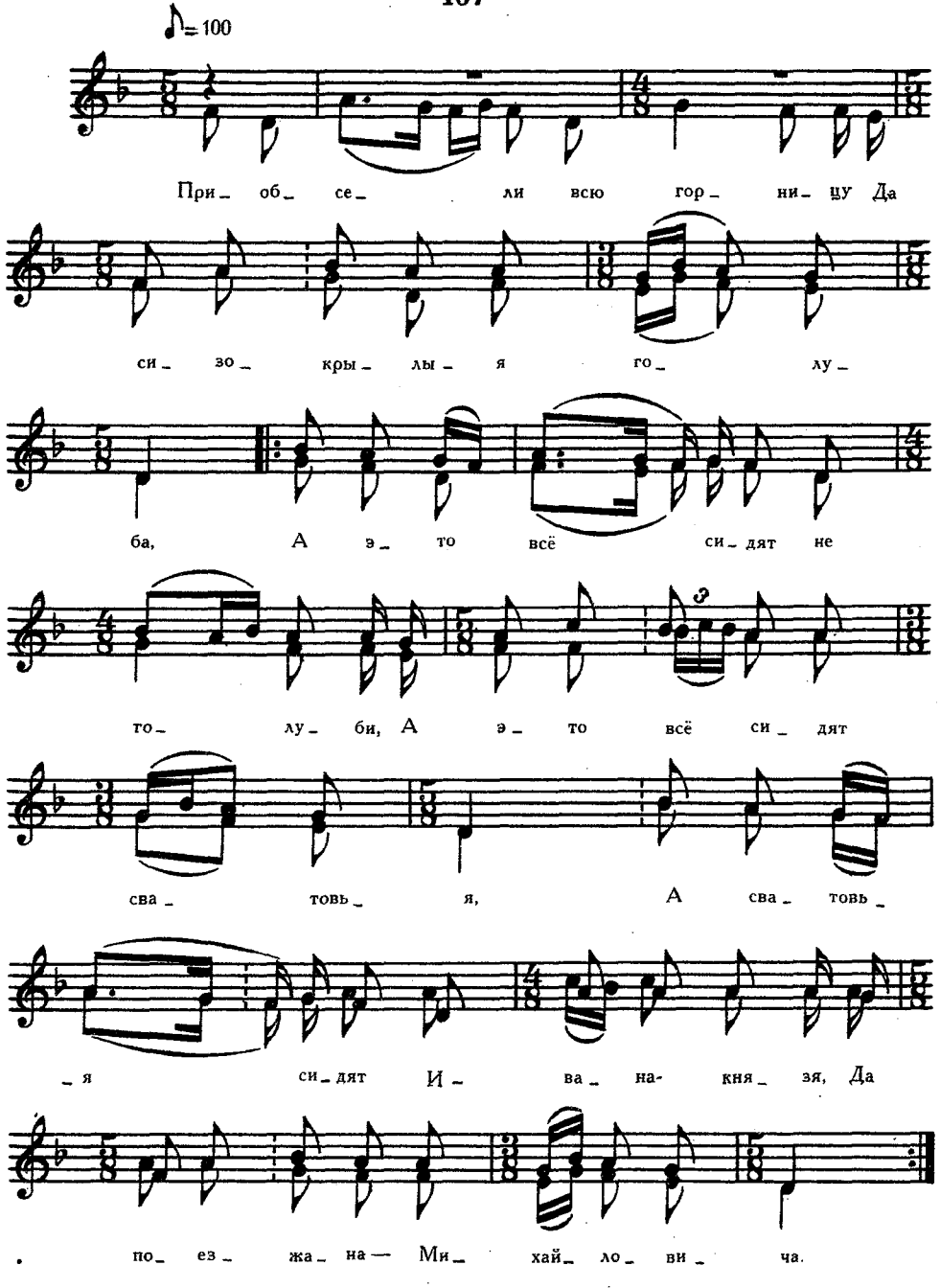
165


♩= 108
Быст_ ра ре_ чень_ка по са_ ха_ ру тек_ ла, Да
быст_ ра ре_ чень_ка по са_ ха_ ру тек_ ла, Да
по слад_ку ме_ ду кру_ пи_ ща_ то_ му, Да
по слад_ку ме_ ду кру_ пи_ ща_ то_ му, Да

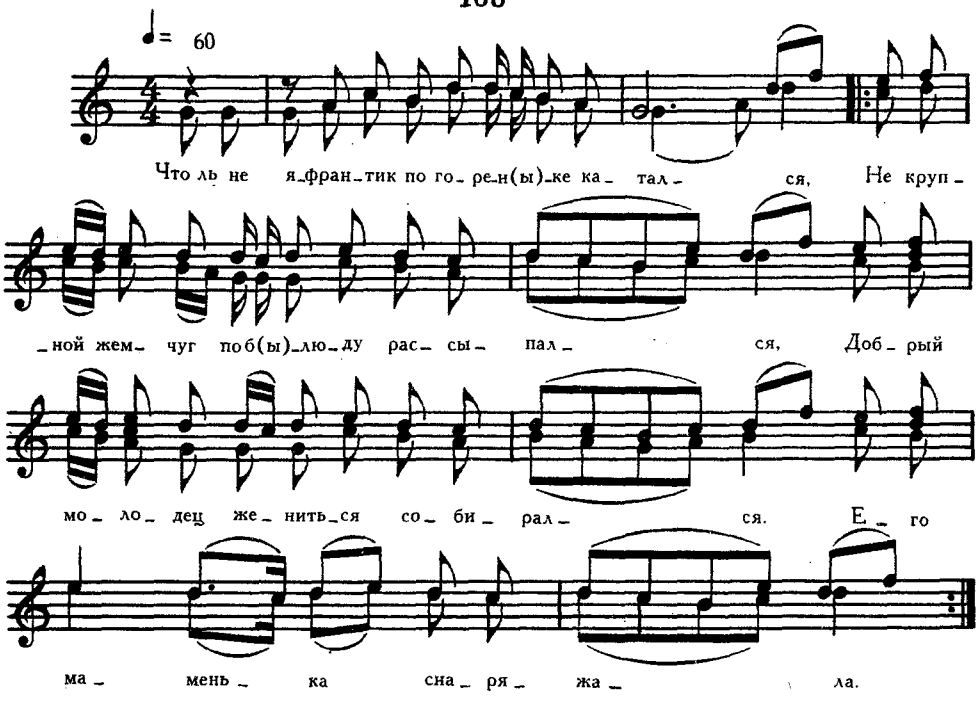
166


♪= 108
Как Ва_ силь_ е_ ва ма_ туш_ ка Да
в вос_ кре_ се_н(и)_ё спо_ ро_ ди_ ла, Да
в вос_ кре_ сен_ ску за_ ут_ ре_ ню, Да
из бе_ лой гру_ ди кор_ ми_ ла, Да
по го_ ло_ вуш_ ке гла_ ди_ ла: Да

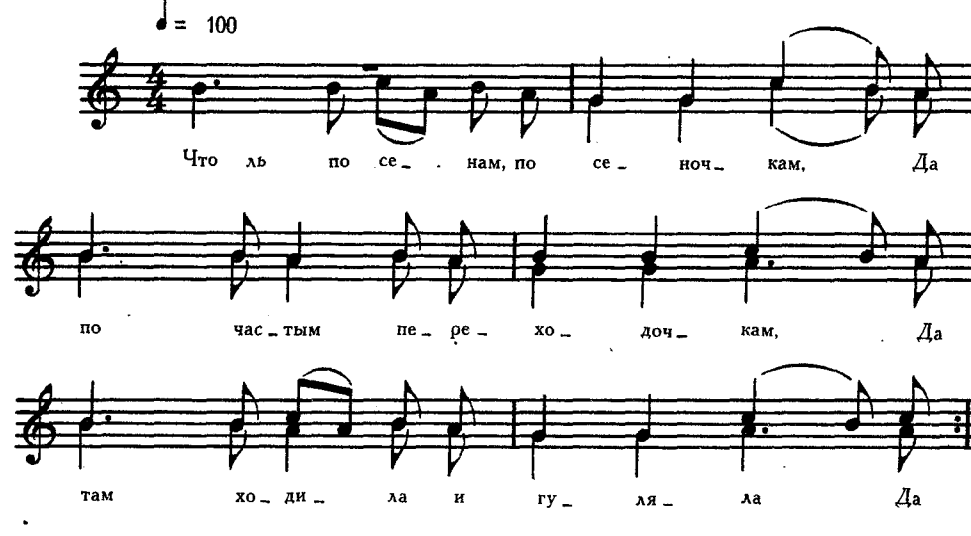
167

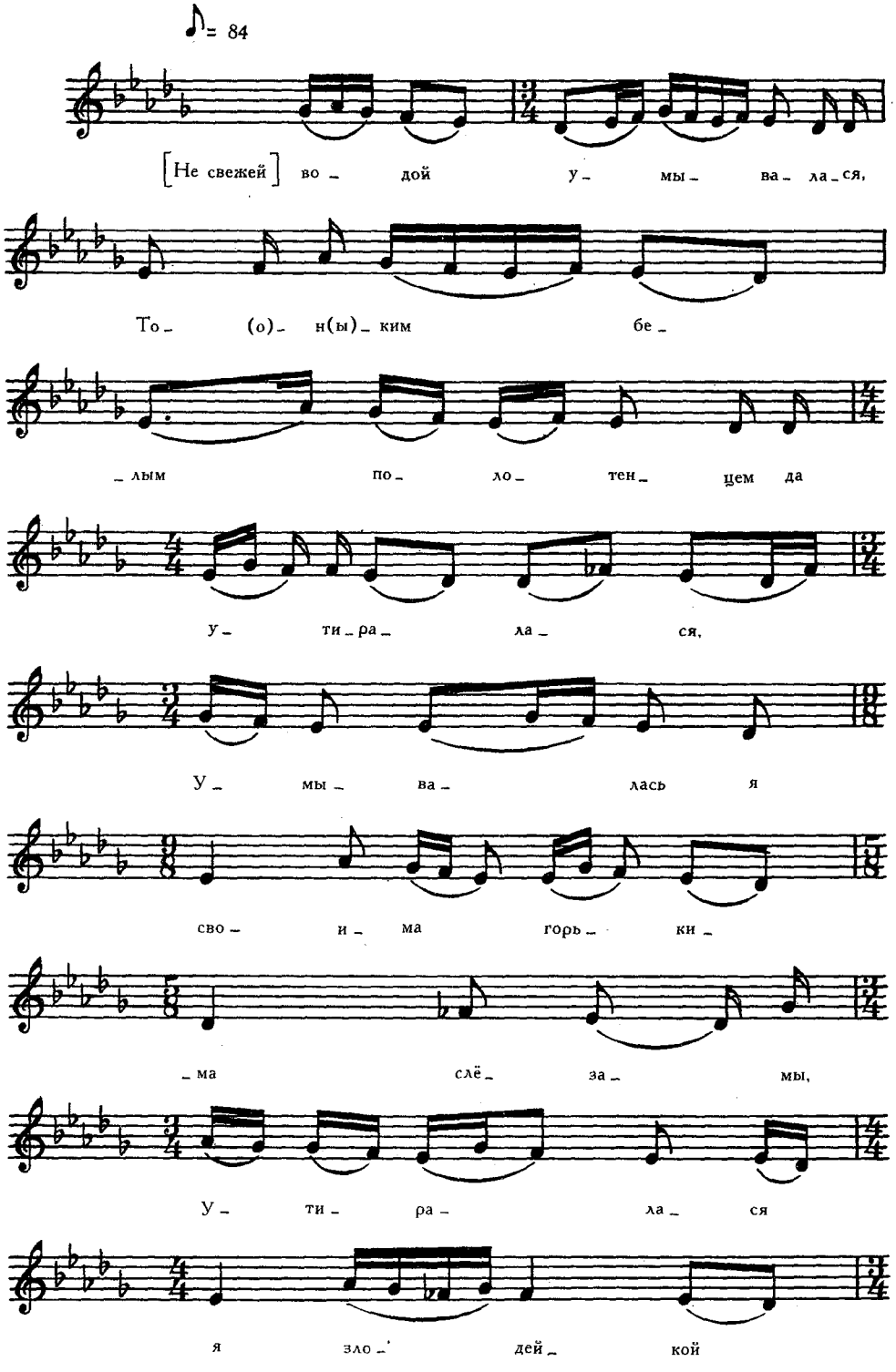

♪=100
При_ об_ се_ ли всю гор_ ни_ цу Да
си_ зо_ кры_ лы_ я го_ лу_
ба, А э_ то всё си_ дят не
то_ лу_ би, А э_ то всё си_ дят
сва_ товь_ я, А сва_ товь_
_я си_ дят И_ ва_ на- кня_ зя, Да
. по_ ез_ жа_ на— Ми_ хай_ ло_ ви_ ча.

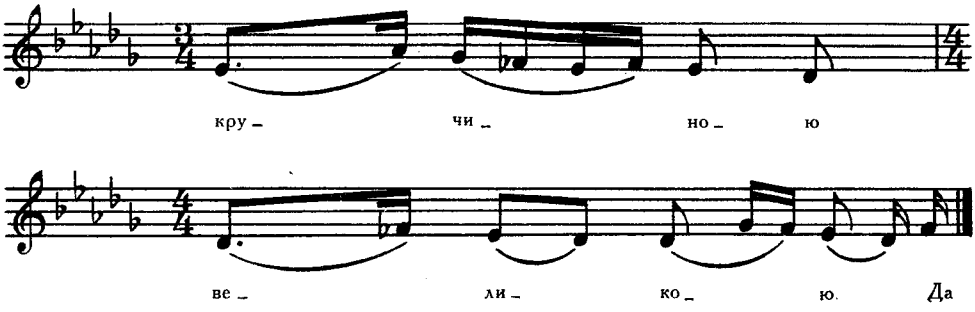
168


♩= 60
Что ль не я-фран-тик по го-ре-н(ы)-ке ка-тал- ся, Не круп-
-ной жем- чуг поб(ы)-лю-ду рас- сы- пал- ся, Доб- рый
мо- ло- дец же- нить-ся со- би- рал- ся. Е- го
ма- мень- ка сна- ря- жа- ла.

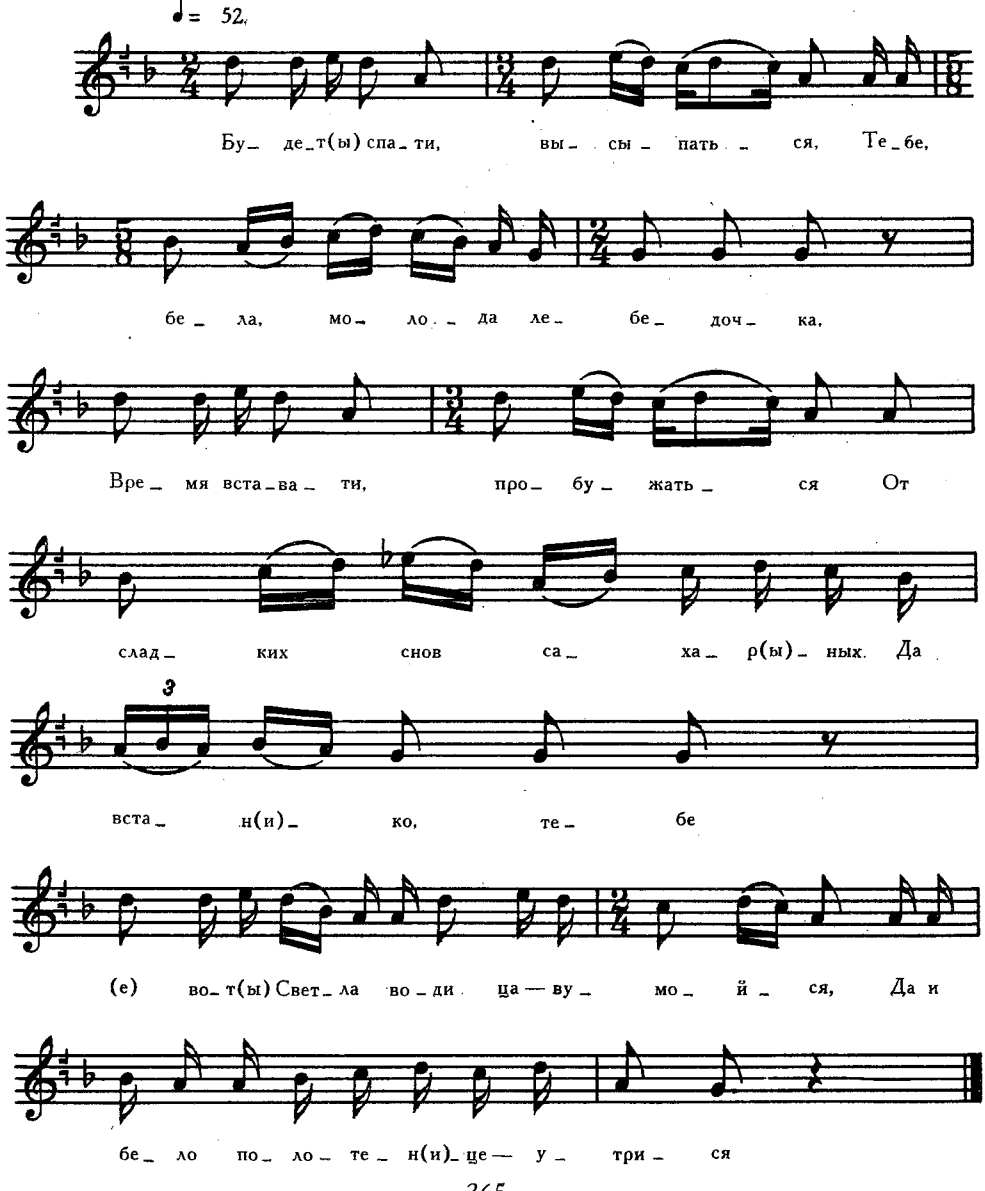
169

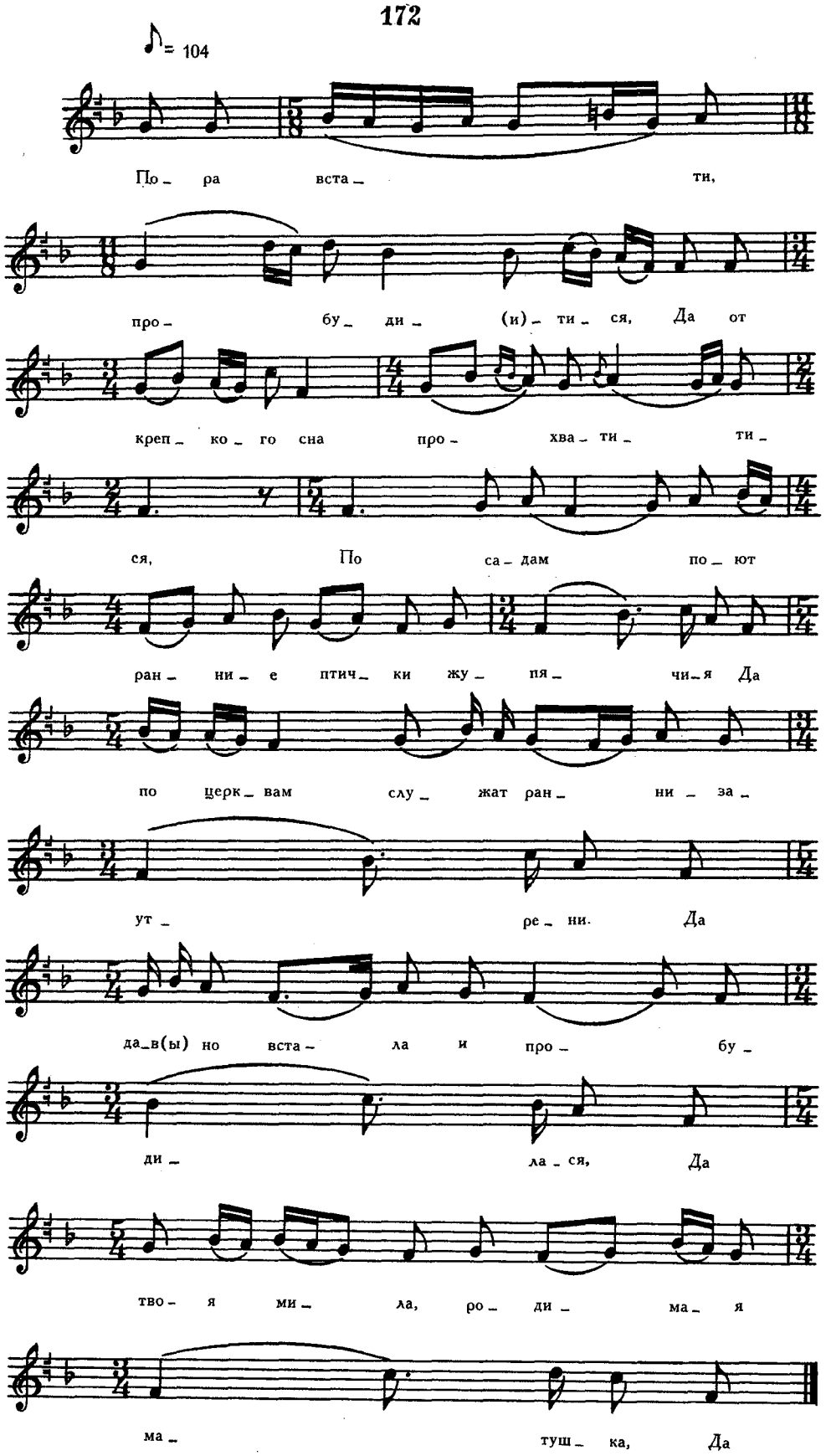

♩= 100
Что ль по се- нам, по се- ноч- кам, Да
по час- тым пе- ре- хо- доч- кам, Да
там хо- ди- ла и гу- ля- ла Да


♪ = 84
[Не свежей] во – дой у – мы – ва – ла – ся,
То – (о) – н(ы) – ким бе –
– лым по – ло – тен – цем да
у – ти – ра – ла – ся,
У – мы – ва – лась я
сво – и – ма горь – ки –
– ма слё – за – мы,
У – ти – ра – ла – ся
я зло – дей – кой

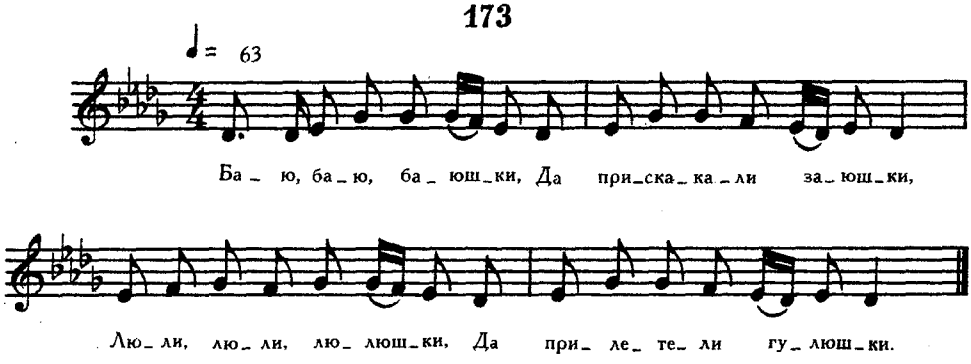

кру_ чи_ но_ ю
ве_ ли_ ко_ ю. Да

171

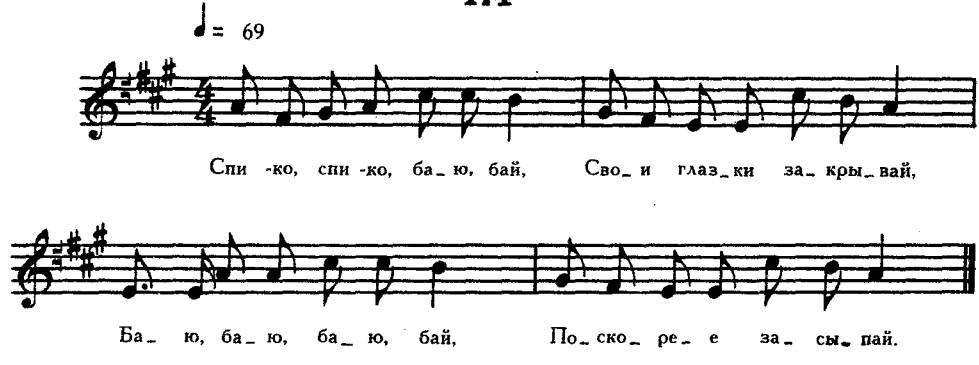

♩= 52
Бу_ де_т(ы) спа_ти, вы_ сы_ пать_ ся, Те_бе,
бе_ ла, мо_ ло_ да ле_ бе_ доч_ ка,
Вре_ мя вста_ва_ ти, про_ бу_ жать_ ся От
слад_ ких снов са_ ха_ р(ы)_ ных. Да
3
вста_ н(и)_ ко, те_ бе
(е) во_т(ы) Свет_ла во_ди ца — ву_ мо_ й_ ся, Да и
бе_ ло по_ ло_ те_ н(и)_це — у_ три_ ся


♪ = 104
По – ра вста – ти,
про – бу – ди – (и) – ти – ся, Да от
креп – ко – го сна про – хва – ти – ти –
ся, По са – дам по – ют
ран – ни – е птич – ки жу – пя – чи – я Да
по церк – вам слу – жат ран – ни – за –
ут – ре – ни. Да
да – в(ы) но вста – ла и про – бу –
ди – ла – ся, Да
тво – я ми – ла, ро – ди – ма – я
ма – туш – ка, Да

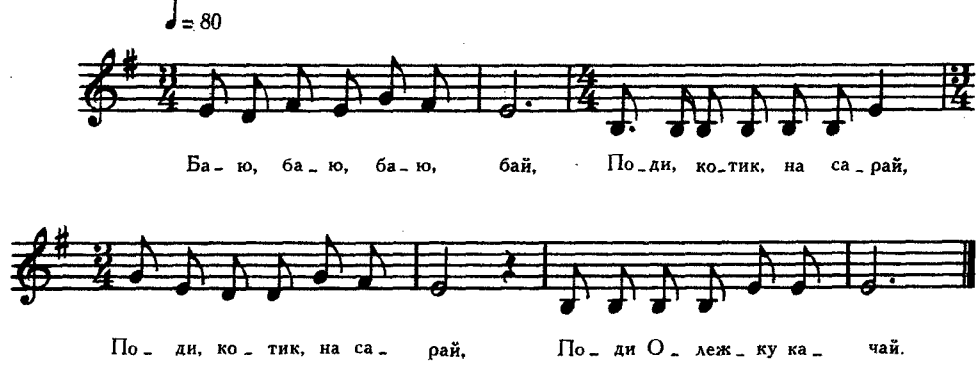
173


♩= 63
Ба_ ю, ба_ ю, ба_ юш_ки, Да при_ска_ка_ли за_ юш_ки,
Лю_ли, лю_ ли, лю_ люш_ки, Да при_ ле_ те_ ли гу_ люш_ки.

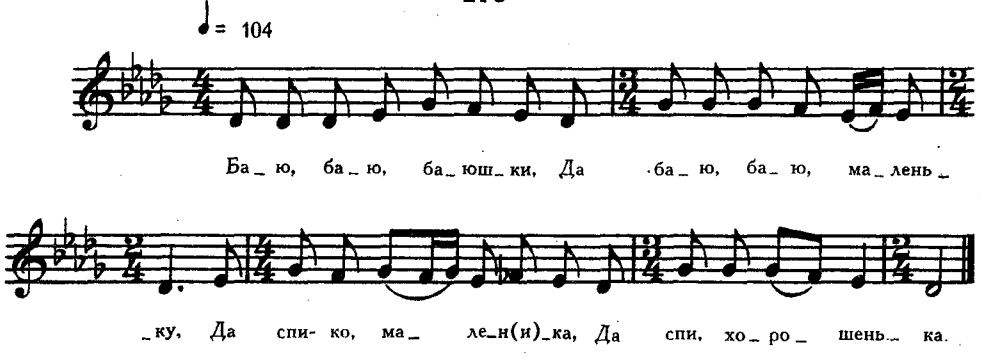
174


♩= 69
Спи -ко, спи -ко, ба_ ю, бай, Сво_ и глаз_ки за_ кры_ вай,
Ба_ ю, ба_ ю, ба_ ю, бай, По_ ско_ ре_ е за_ сы_ пай.

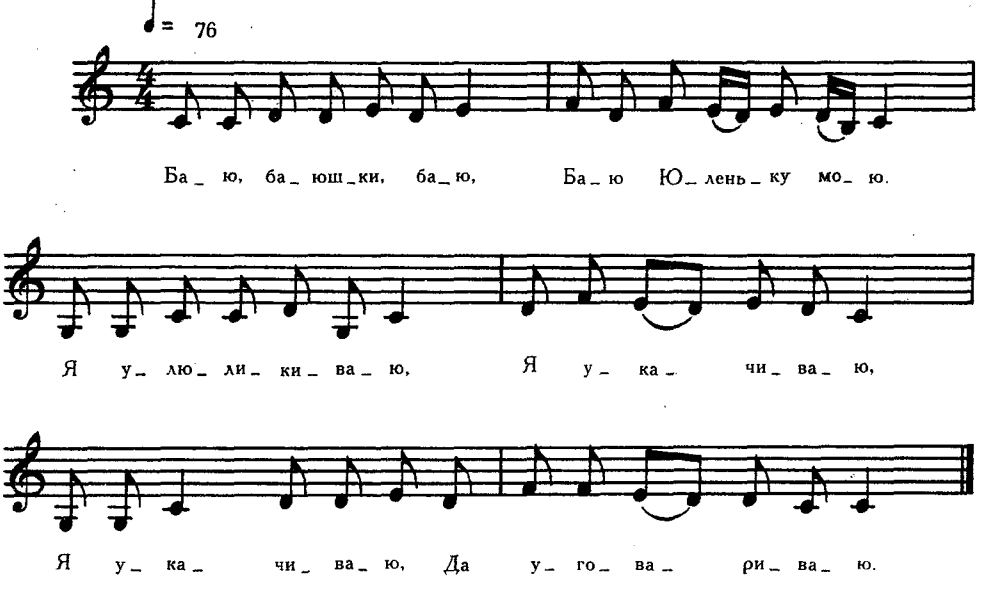
175

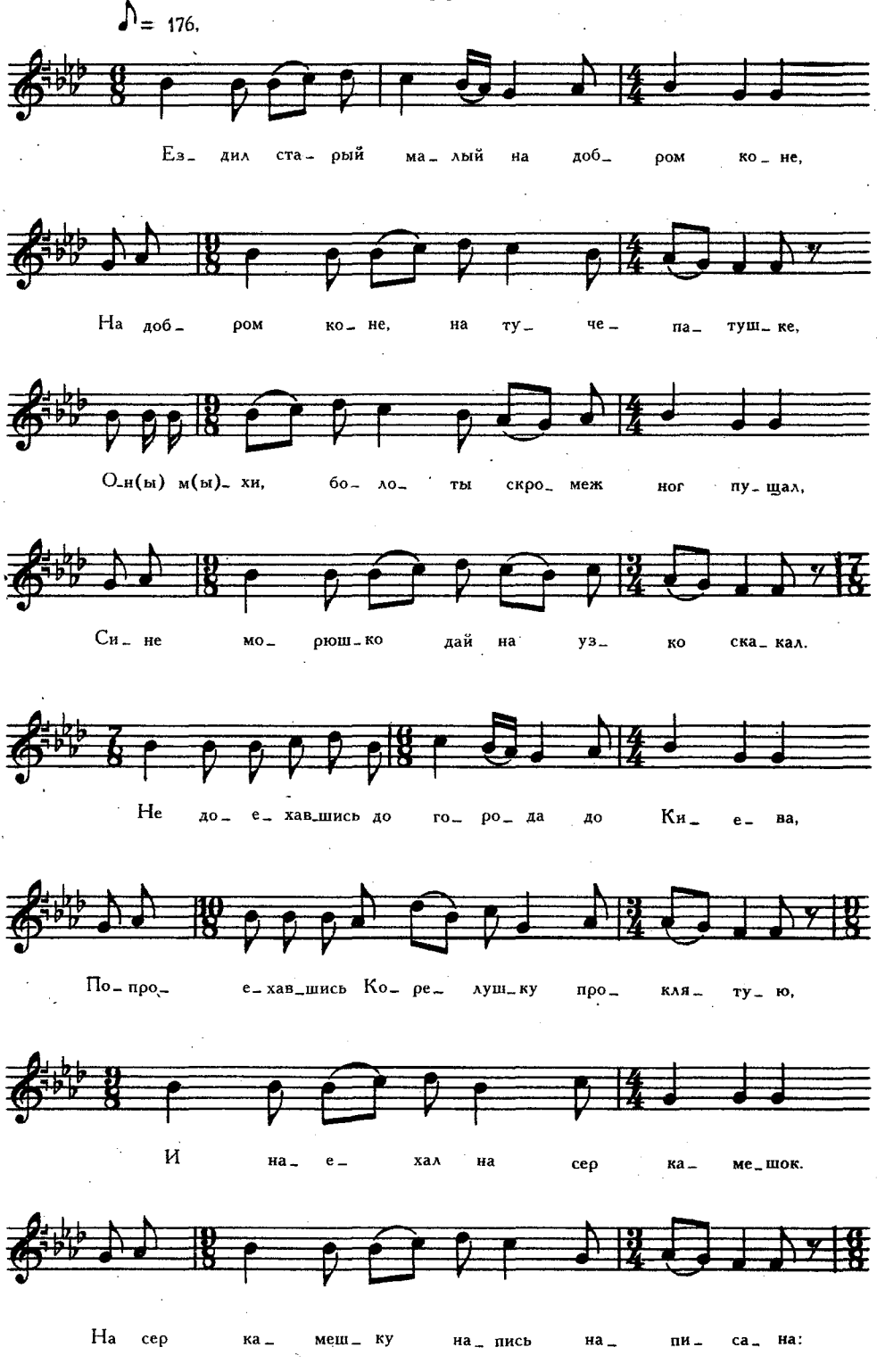

♩= 80
Ба_ ю, ба_ ю, ба_ ю, бай, По_ди, ко_тик, на са_ рай,
По_ ди, ко_ тик, на са_ рай, По_ ди О_ леж_ ку ка_ чай.

176

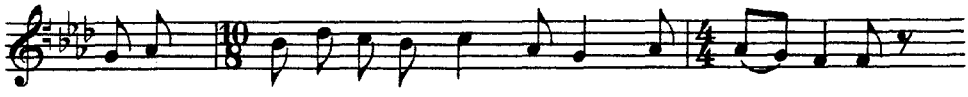

♩= 104
Ба_ ю, ба_ ю, ба_ юш_ки, Да ба_ ю, ба_ ю, ма_ лень_
ку, Да спи- ко, ма ле_н(и)_ка, Да спи, хо_ ро_ шень_ ка.

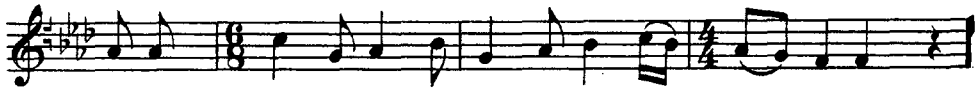
177


♩= 76
Ба_ ю, ба_ юш_ки, ба_ ю, Ба_ ю Ю_ лень_ ку мо_ ю.
Я у_ лю_ ли_ ки_ ва_ ю, Я у_ ка_ чи_ ва_ ю,
Я у_ ка_ чи_ ва_ ю, Да у_ го_ ва_ ри_ ва_ ю.

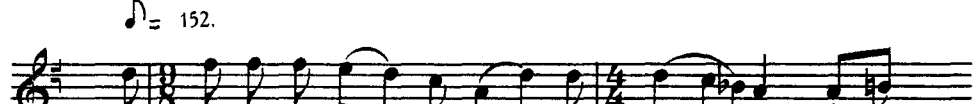

♪= 176.
Ез_ дил ста_ рый ма_ лый на доб_ ром ко_ не,
На доб_ ром ко_ не, на ту_ че_ па_ туш_ке,
О_н(ы) м(ы)_ хи, бо_ ло_ ты скро_ меж ног пу_ щал,
Си_ не мо_ рюш_ко дай на уз_ ко ска_ кал.
Не до_ е_ хав_шись до го_ ро_ да до Ки_ е_ ва,
По_ про_ е_ хав_шись Ко_ ре_ луш_ку про_ кля_ ту_ ю,
И на_ е_ хал на сер ка_ ме_ шок.
На сер ка_ меш_ ку на_ пись на_ пи_ са_ на:

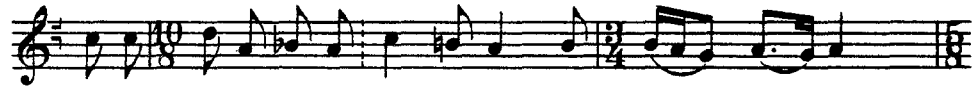
Во пер_ву до_рож_ку е_хать — быть бо_га_ то_му.


Во вто_ру до_рож_ку е_хать — быть же_на_ то_му.

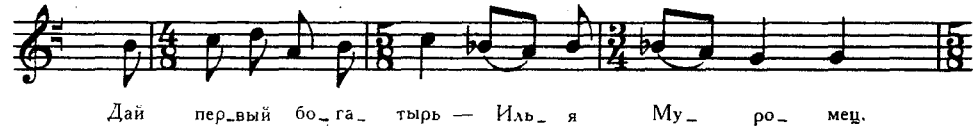

Во треть_ю до_рож_ку е_хать — все жи_ву не быть.

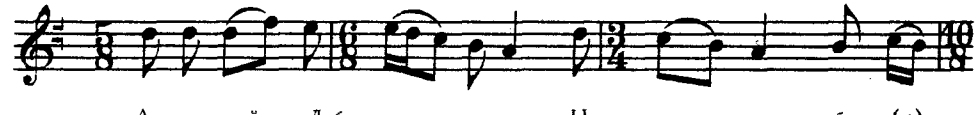
179

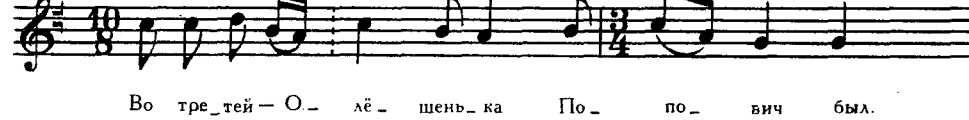

♪= 152.
Во сла_в(ы)_ном го_ро_де во Ки_ё_ве.


Да у ла́с_ко_во_го кня_зя у Вла_ди_ми_ра.

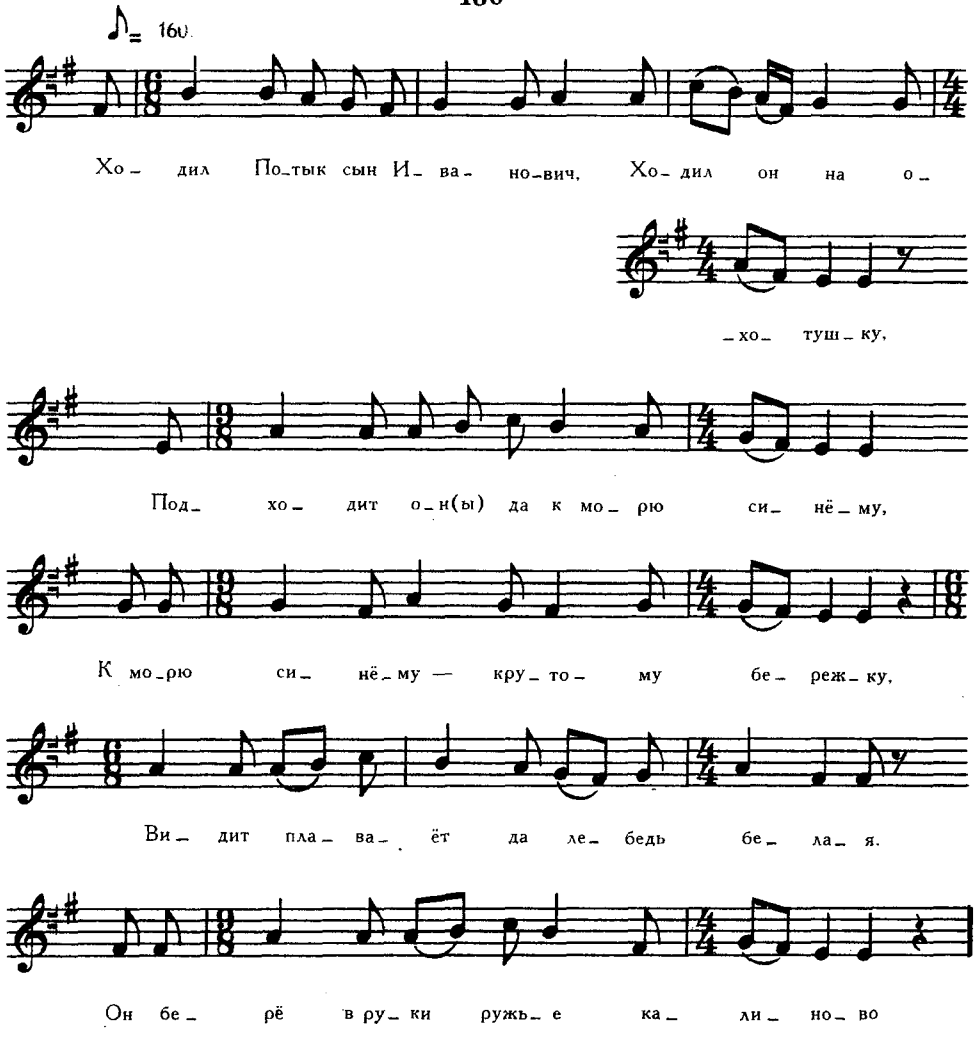
Там сто_я_ли у за_ста_вы да три бо_га_ ты_ря:


Дай пер_вый бо_га_ тырь — Иль_я Му_ро_мец.

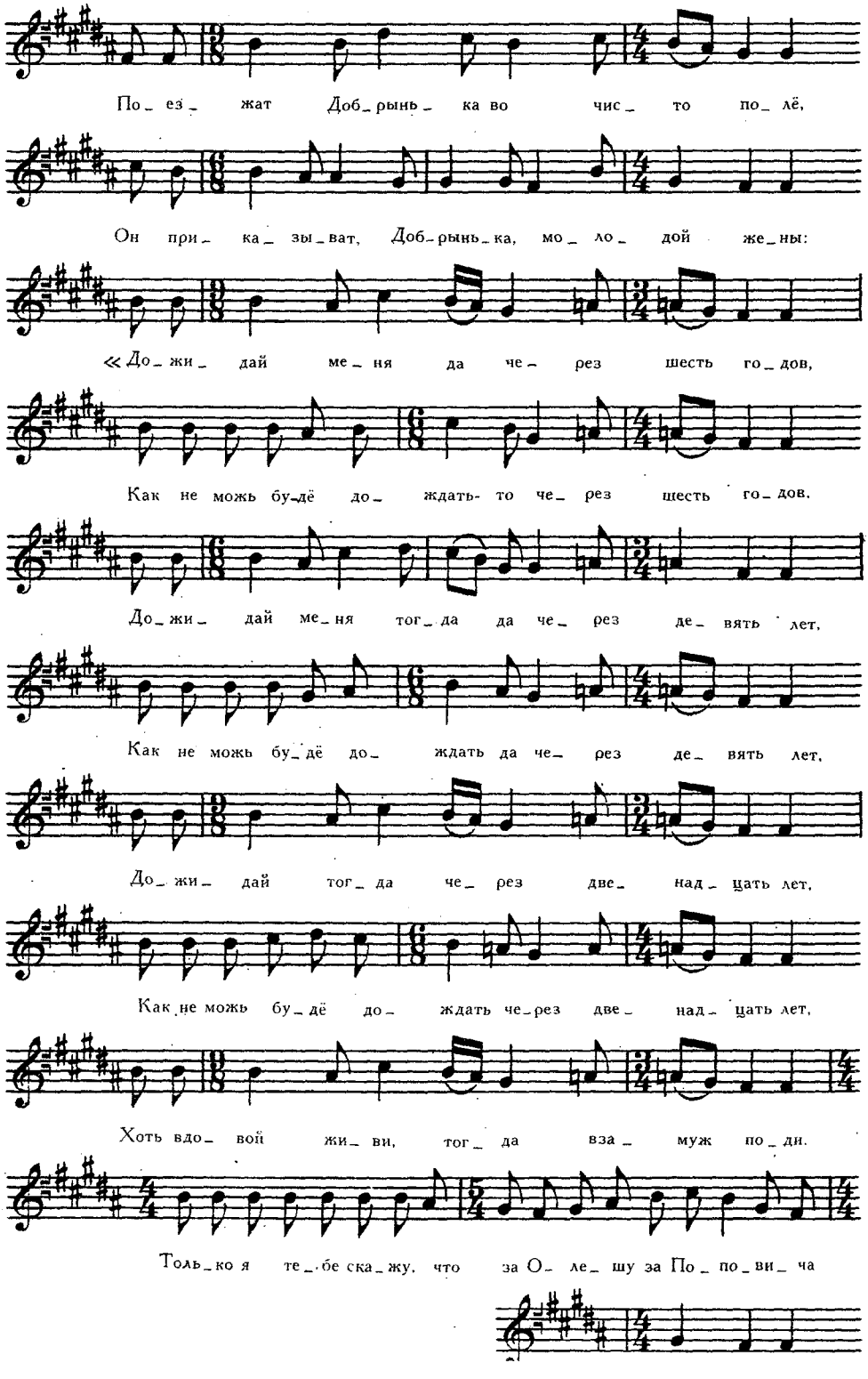

А вто_рой — Доб_ры_ нюш_ка Ни_ки_тич бы_л(и),

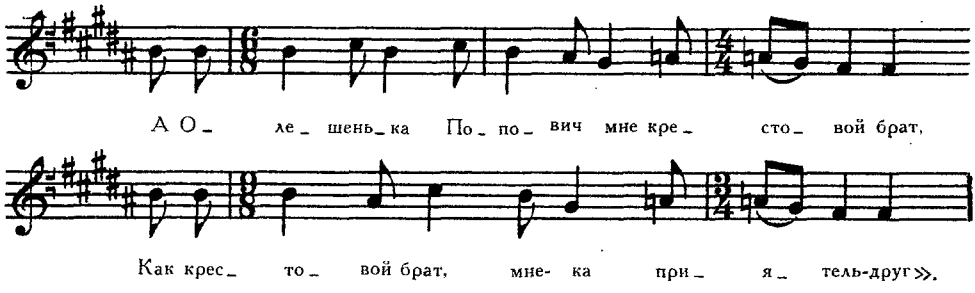

Во тре_тей — О_ лёшень_ка По_ по_ вич был.

180

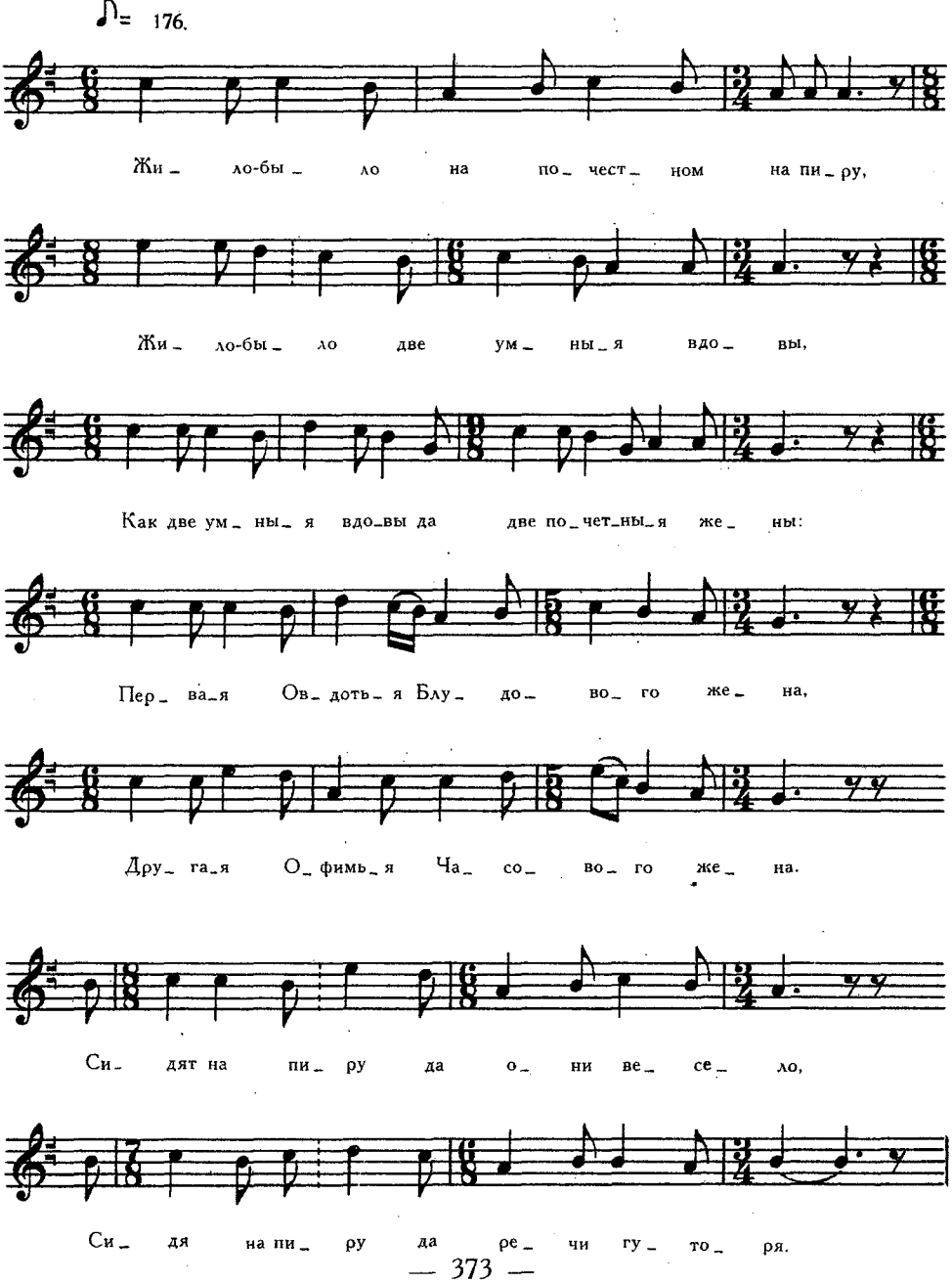

♪ = 160
Хо_ дил По_тык сын И_ ва_ но_вич, Хо_ дил он на о_
_хо_ туш_ку,
Под_ хо_ дит о_н(ы) да к мо_ рю си_ нё_му,
К мо_рю си_ нё_му — кру_то_ му бе_ реж_ку,
Ви_ дит пла_ ва_ ёт да ле_ бедь бе_ ла_ я.
Он бе_ рё в ру_ки ружь_е ка_ ли_ но_ во

♪= 176.

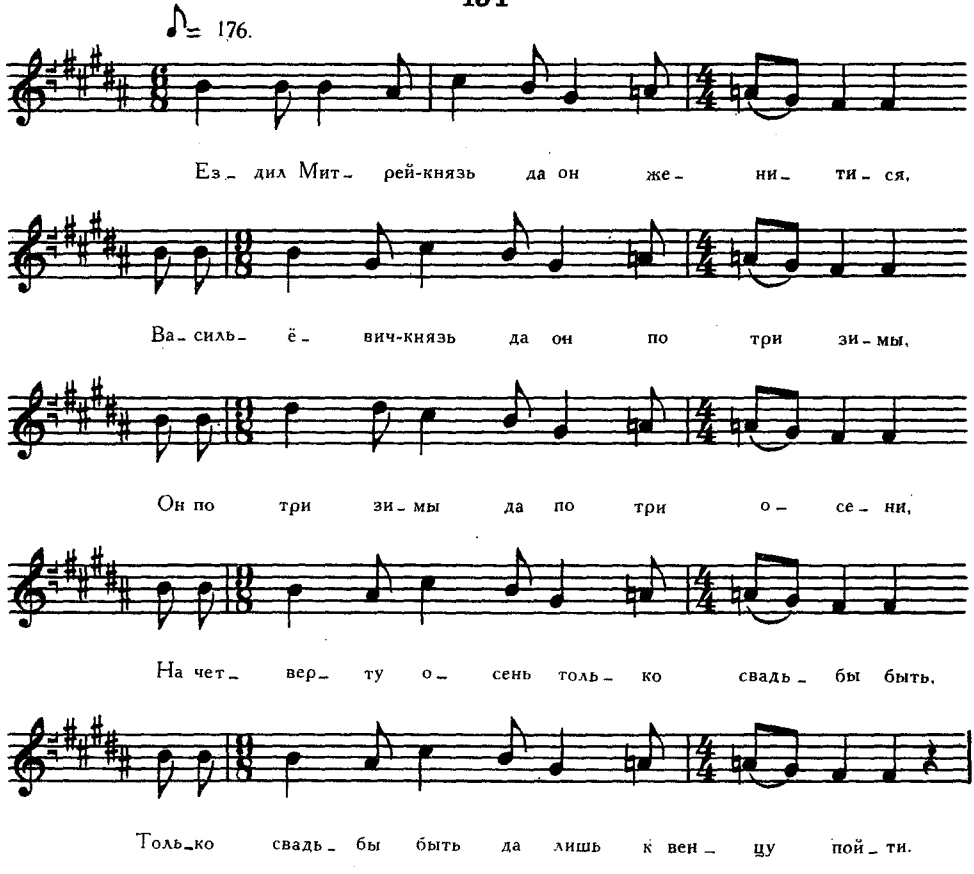

По_ез_ жат Доб_рынь_ка во чис_ то по_ лё,
Он при_ ка_ зы_ват, Доб_рынь_ка, мо_ ло_ дой же_ны:
«До_ жи_ дай ме_ ня да че_ рез шесть го_ дов,
Как не можь бу_дё до_ ждать- то че_ рез шесть го_ дов.
До_ жи_ дай ме_ ня тог_ да да че_ рез де_ вять лет,
Как не можь бу_ дё до_ ждать да че_ рез де_ вять лет,
До_ жи_ дай тог_ да че_ рез две_ над_ цать лет,
Как не можь бу_ дё до_ ждать че_рез две_ над_ цать лет,
Хоть вдо_ вой жи_ ви, тог_ да вза_ муж по_ди.
Толь_ко я те_ бе ска_ жу, что за О_ ле_ шу за По_ по_ви_ ча
не хо_ ди:


А О_ ле_ шень_ка По_ по_ вич мне кре_ сто_ вой брат,
Как крес_ то_ вой брат, мне- ка при_ я_ тель-друг».

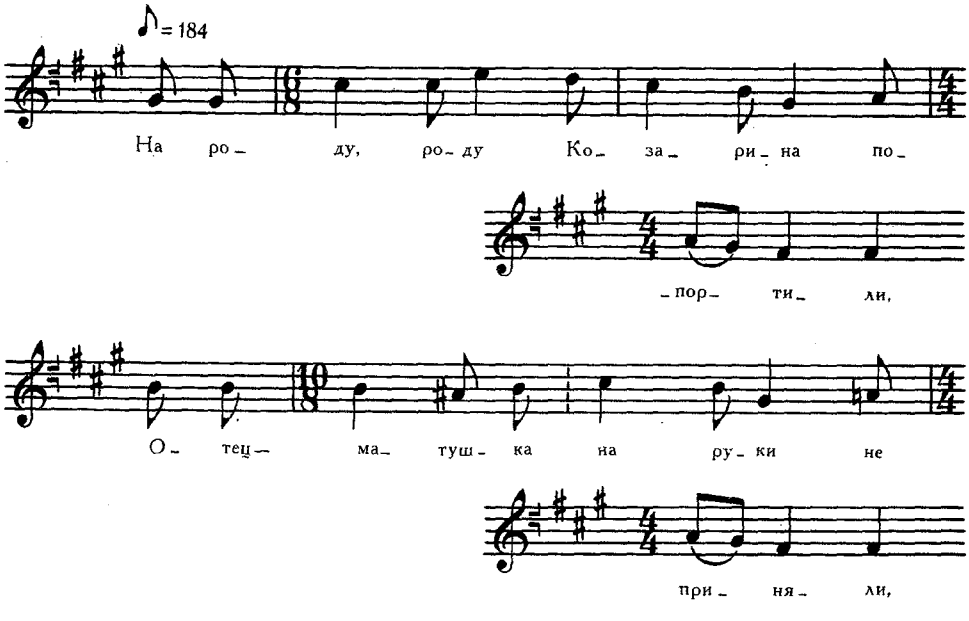
182

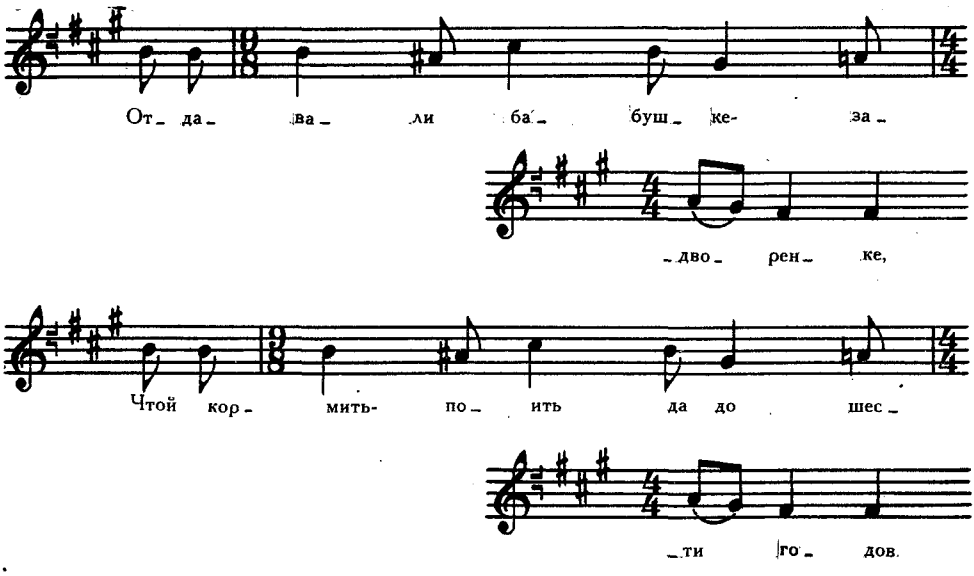

♪= 176.
Жи_ ло-бы_ ло на по_ чест_ ном на пи_ ру,
Жи_ ло-бы_ ло две ум_ ны_ я вдо_ вы,
Как две ум_ ны_ я вдо_вы да две по_чет_ны_я же_ ны:
Пер_ ва_я Ов_ дотья_ я Блу_ до_ во_ го же_ на,
Дру_ га_я О_ фимья_ я Ча_ со_ во_ го же_ на.
Си_ дят на пи_ ру да о_ ни ве_ се_ ло,
Си_ дя на пи_ ру да ре_ чи гу_ то_ ря.

184

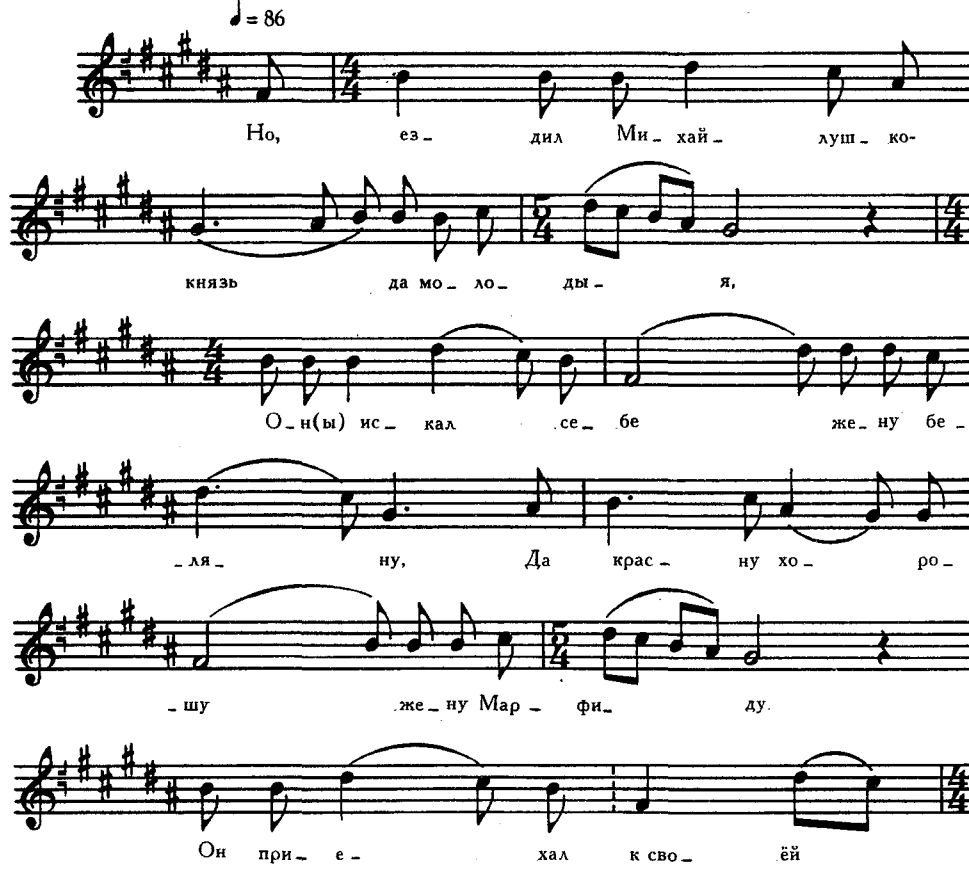

♪= 176.
Ез_ дил Мит_ рей-князь да он же_ ни_ ти_ ся,
Ва_ силь_ ё_ вич-князь да он по три зи_ мы,
Он по три зи_ мы да по три о_ се_ ни,
На чет_ вер_ ту о_ сень толь_ ко свадь_ бы быть,
Толь_ко свадь_ бы быть да лишь к вен_ цу пой_ ти.

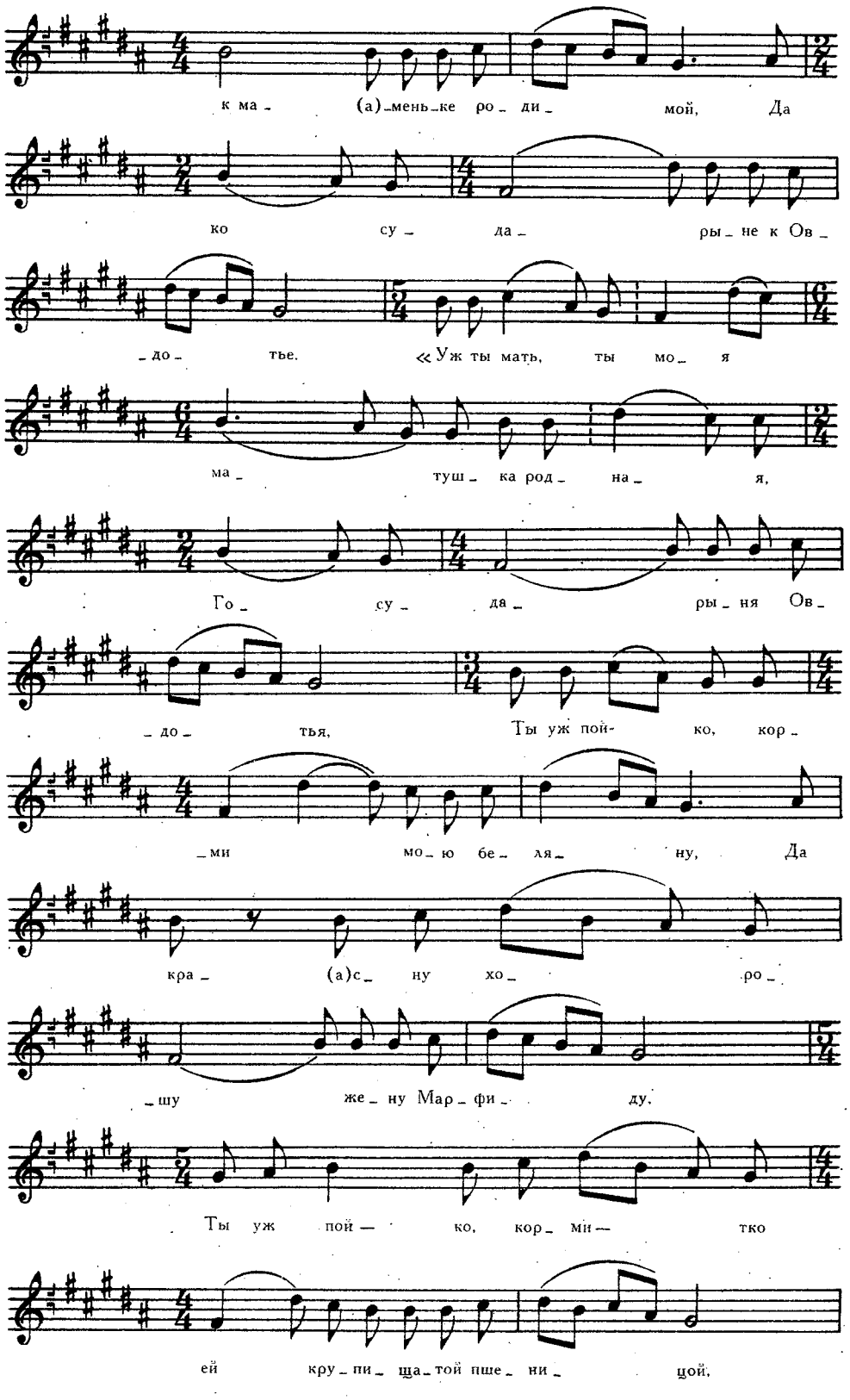
185

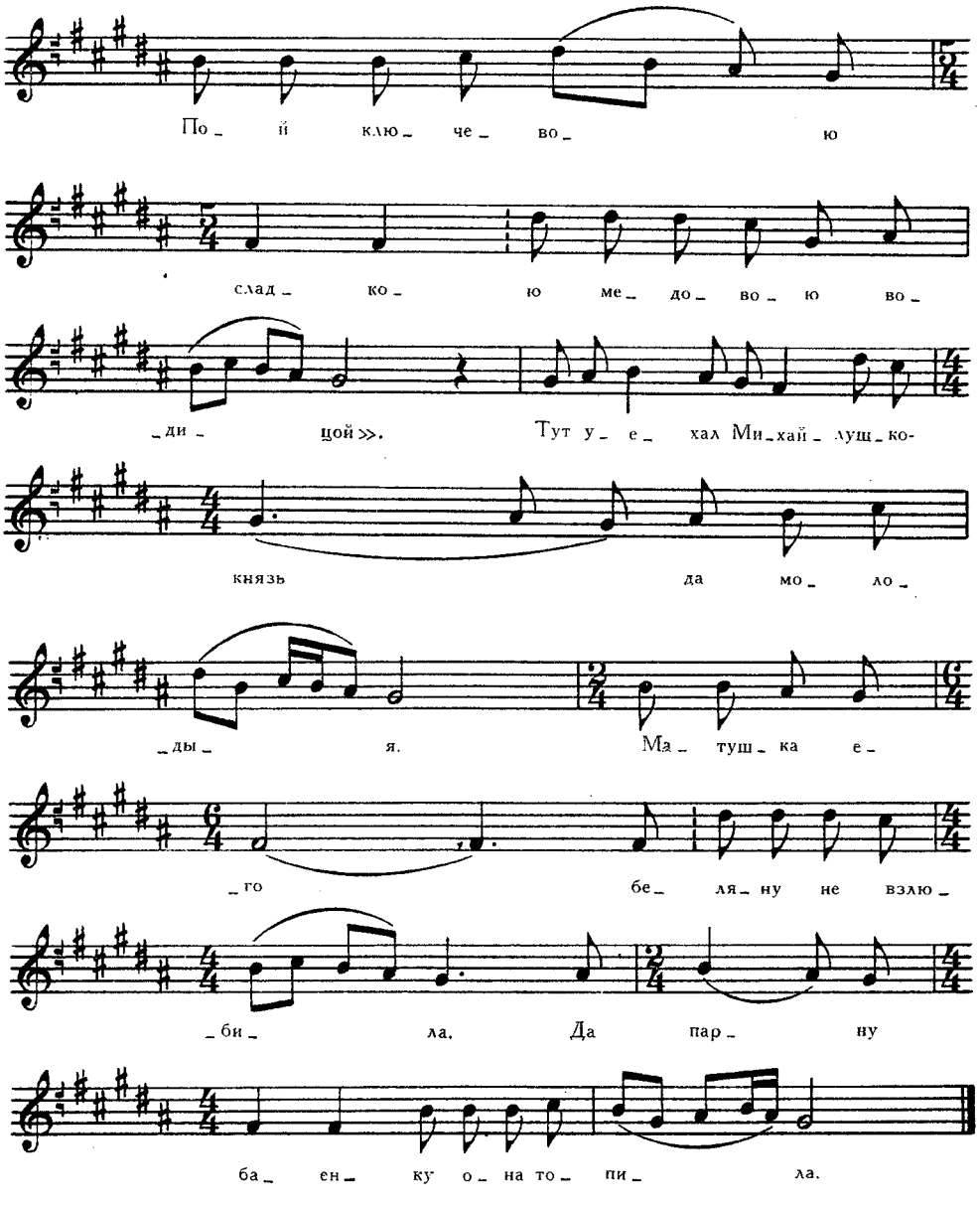

♪= 184
На ро_ ду, ро_ ду Ко_ за_ ри_ на по_
пор ти_ ли,
О_ тец_ ма_ туш_ ка на ру_ ки не
при_ ня_ ли,

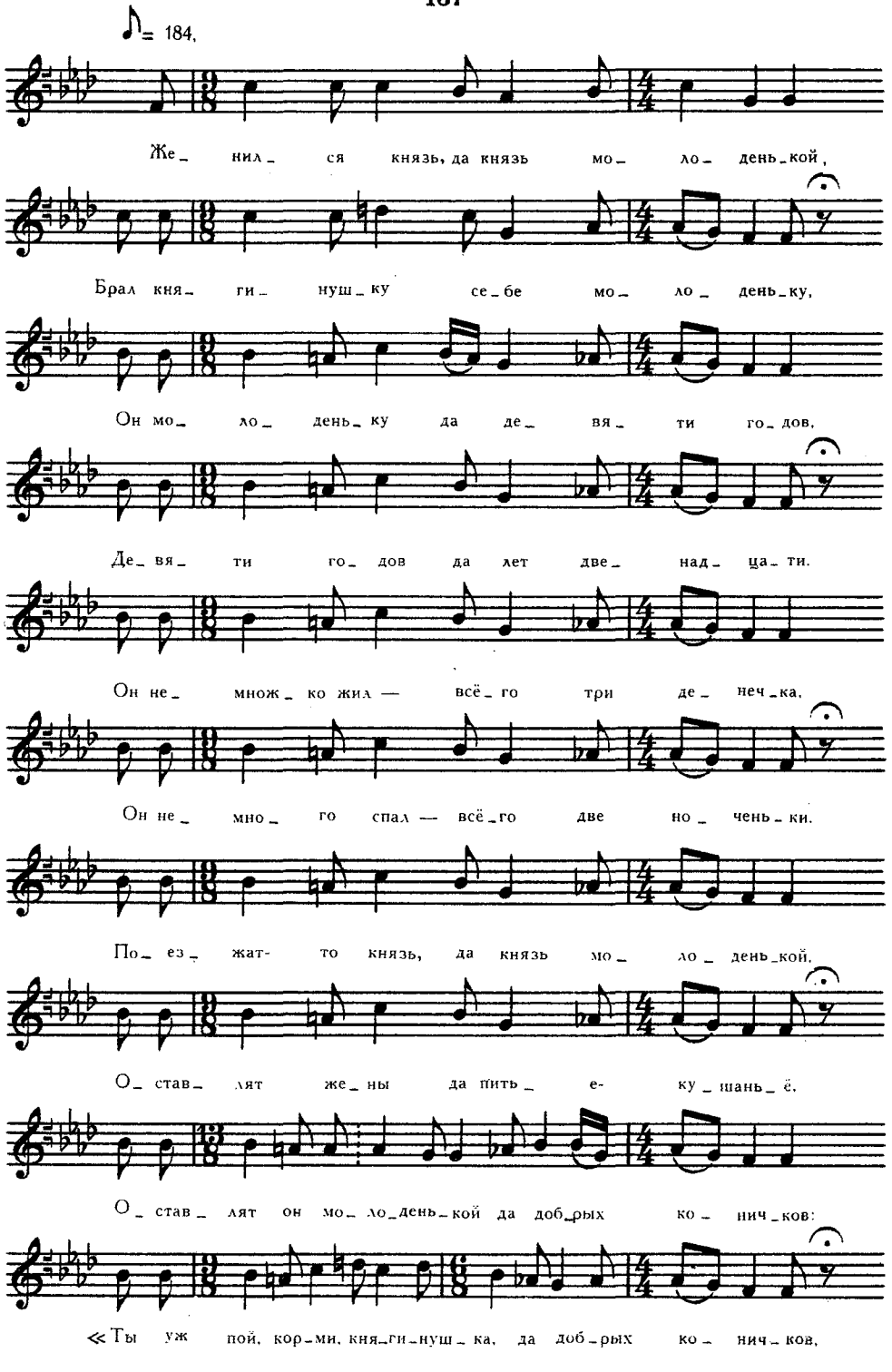

От_ да_ ва_ ли ба_ буш_ ке- за_
дво рен_ ке,
Чтой кор_ мить- по_ ить да до шес_
_ти го_ дов.

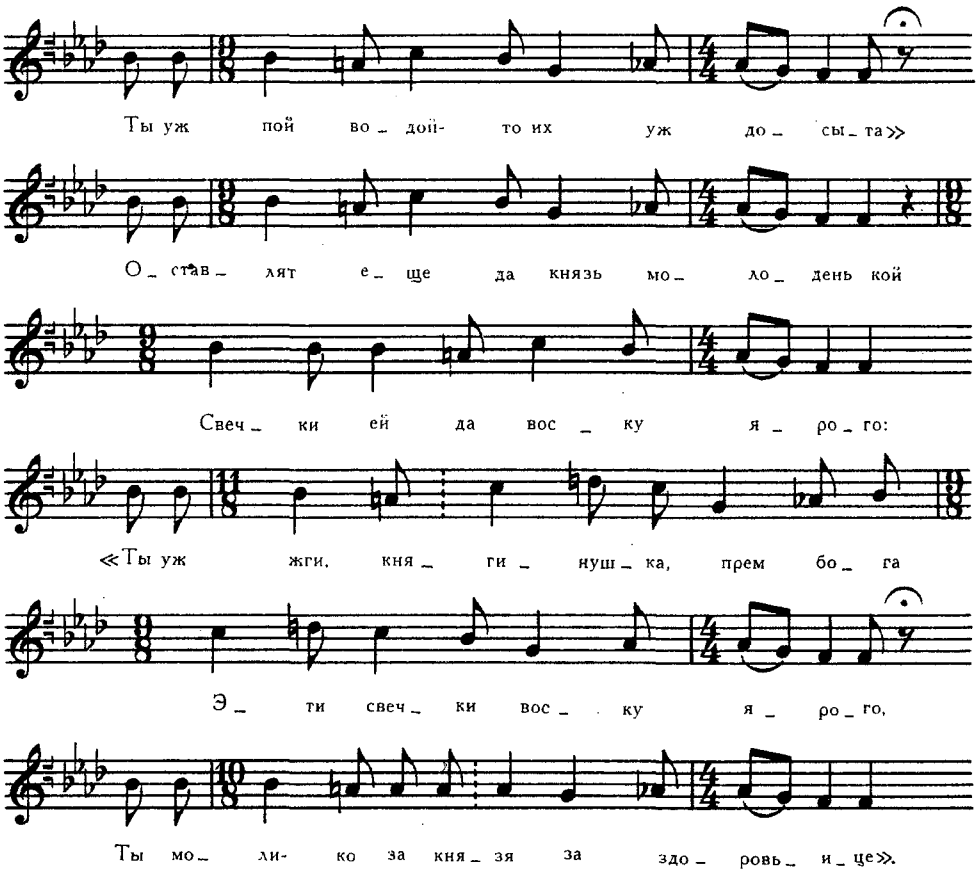
186


♩= 86
Но, ез_ дил Ми_ хай_ луш_ ко-
князь да мо_ ло_ ды_ я,
О_н(ы) ис_ кал се_ бе же_ ну бе_
_ля_ ну, Да крас_ ну хо_ ро_
_шу же_ ну Мар_ фи_ ду.
Он при_ е_ хал к сво_ ёй

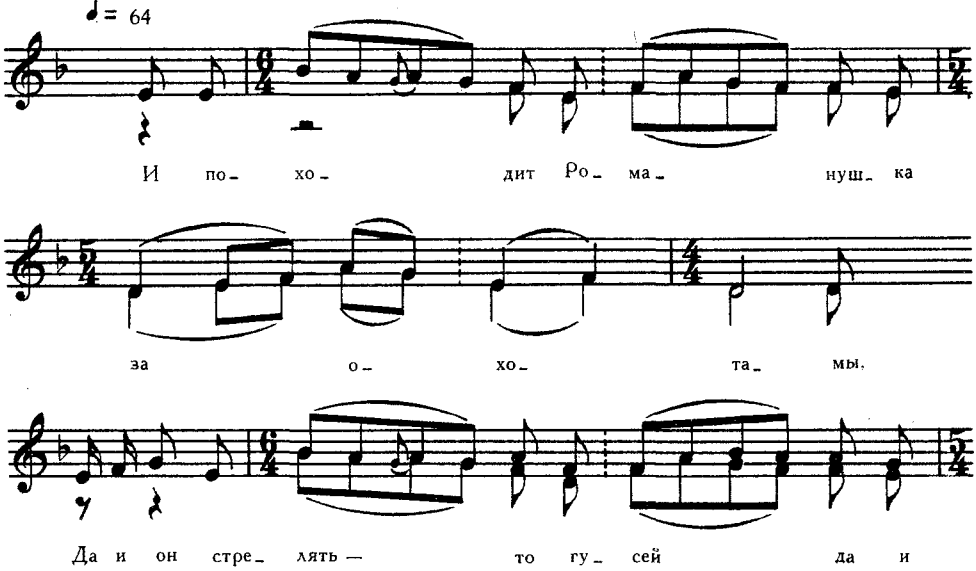

к ма - (а)-мень-ке ро - ди - мой, Да
ко су - да - ры - не к Ов -
- до - тье. «Уж ты мать, ты мо - я
ма - туш - ка род - на - я,
Го - су - да - ры - ня Ов -
- до - тья, Ты уж пой- ко, кор -
- ми мо - ю бе - ля - ну, Да
кра - (а)с - ну хо - ро -
- шу же - ну Мар - фи - ду.
Ты уж пой — ко, кор - ми — тко
ей кру - пи - ща - той пше - ни - цой,

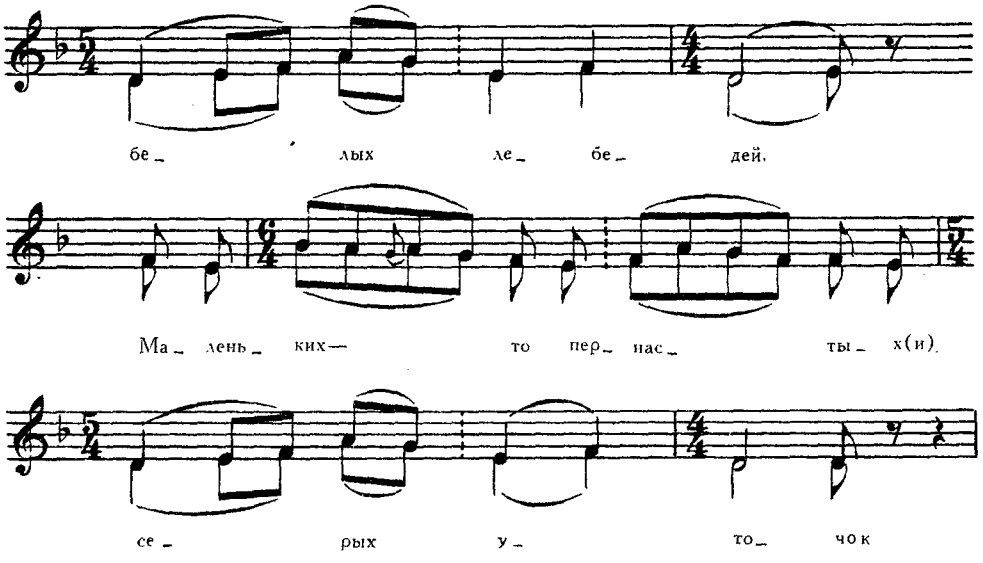

По_ й клю_ че_ во_ ю
слад_ ко_ ю ме_ до_ во_ ю во_
_ди_ цой».
Тут у_ е_ хал Ми_хай_ лущ_ко-
князь да мо_ ло_
_ды_ я.
Ма_ туш_ ка е_
_го бе_ ля_ ну не взлю_
_би_ ла. Да пар_ ну
ба_ ен_ ку о_ на то_ пи_ ла.


♪= 184.
Же_ нил_ ся князь, да князь мо_ ло_ день_кой,
Брал кня_ ги_ нуш_ку се_бе мо_ ло_ день_ку,
Он мо_ ло_ день_ку да де_ вя_ ти го_ дов,
Де_ вя_ ти го_ дов да лет две_ над_ ца_ ти.
Он не_ множ_ ко жил — всё_ го три де_ неч_ка,
Он не_ мно_ го спал — всё_го две но_ чень_ки.
По_ ез_ жат- то князь, да князь мо_ ло_ день_кой,
О_ став_ лят же_ ны да пить_ е- ку_ шань_ ё,
О_ став_ лят он мо_ ло_день_кой да доб_рых ко_ нич_ков:
≪Ты уж пой, кор_ми, кня_ги_нуш_ка, да доб_рых ко_ нич_ков,

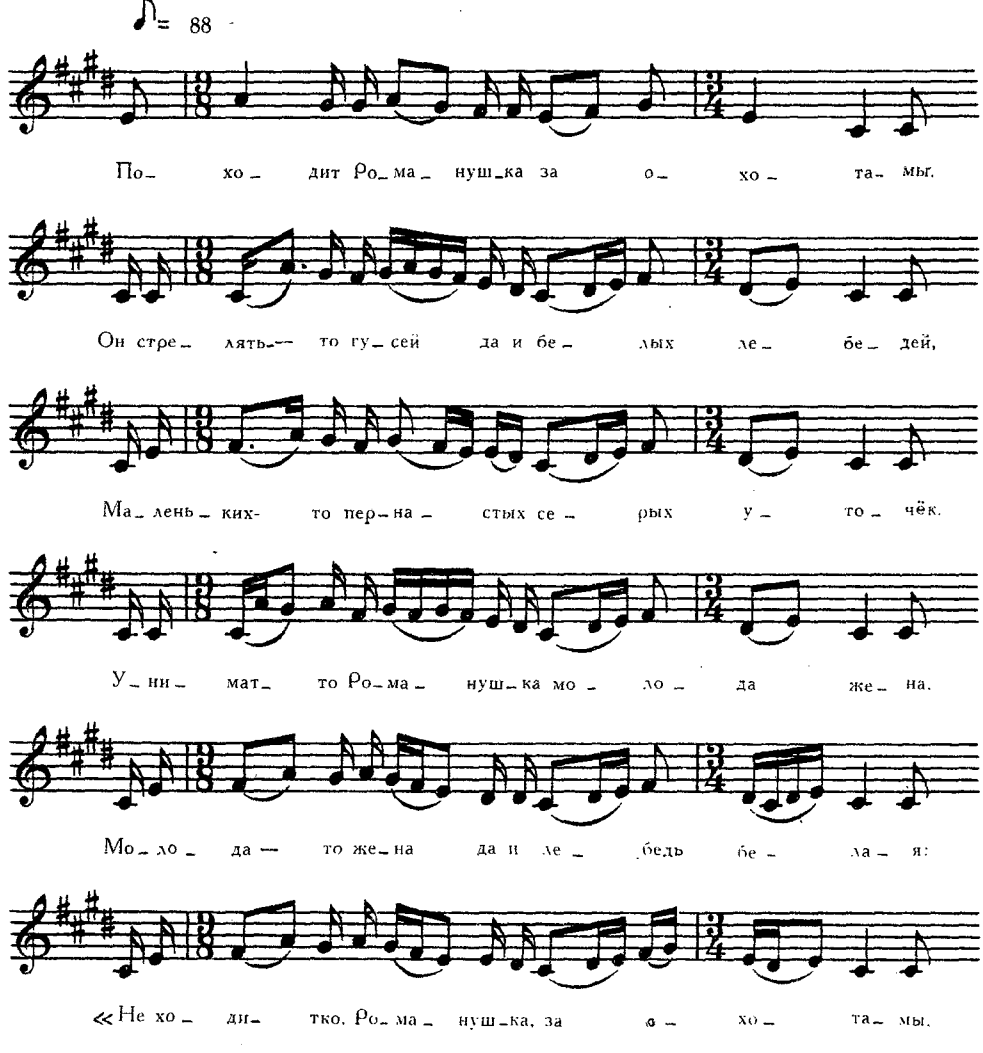

Ты уж пой во_ дой- то их уж до_ сы_ та»
О_ став_ лят е_ ще да князь мо_ ло_ день кой
Свеч_ ки ей да вос_ ку я_ ро_ го:
«Ты уж жги, кня_ ги_ нуш_ ка, прем бо_ га
Э_ ти свеч_ ки вос_ ку я_ ро_ го,
Ты мо_ ли- ко за кня_ зя за здо_ ровь_ и_ це».

188


♩= 64
И по_ хо_ дит Ро_ ма_ нуш_ ка
за о_ хо_ та_ мы.
Да и он стре_ лять — то гу_ сей да и

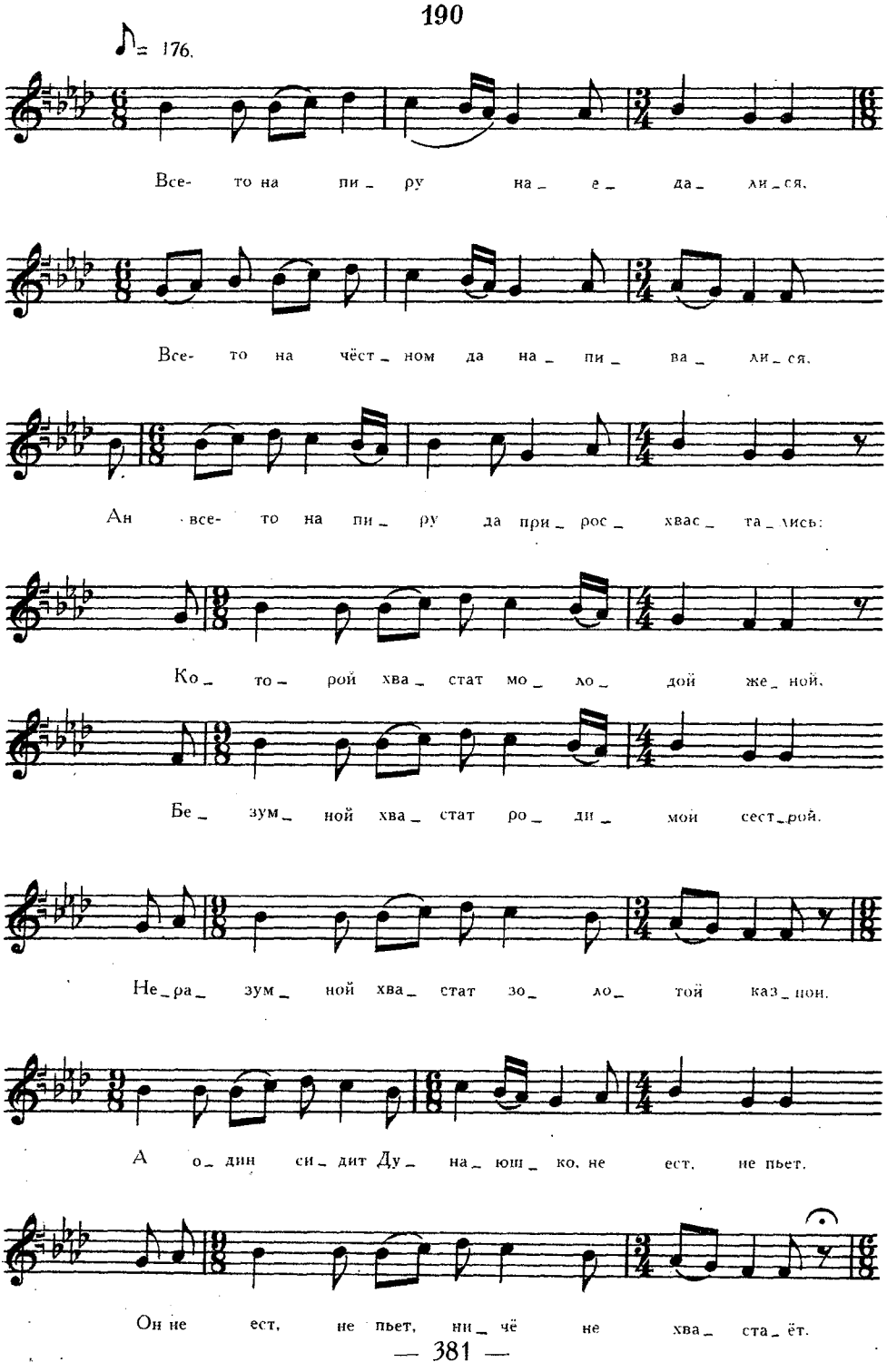

бе_ лых ле_ бе_ дей.
Ма_ лень_ ких— то пер_ нас_ ты_ х(и).
се_ рых у_ то_ чок

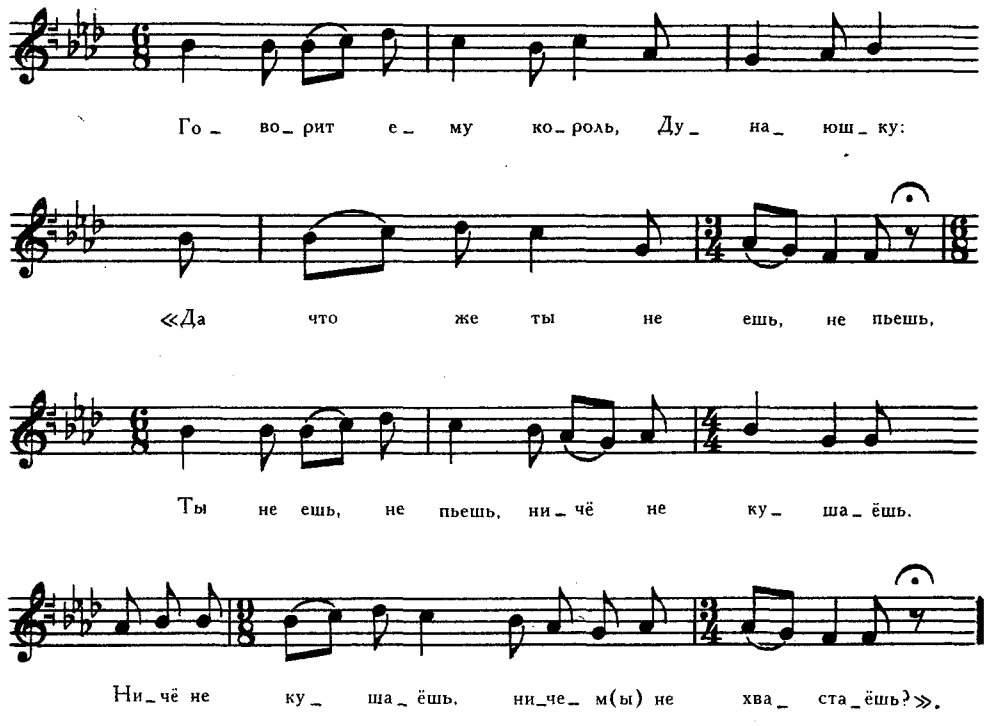
189


♪= 88
По_ хо_ дит Ро_ма_ нуш_ка за о_ хо_ та_ мы.
Он стре_ лять_— то гу_ сей да и бе_ лых ле_ бе_ дей,
Ма_ лень_ ких- то пер_ на_ стых се_ рых у_ то_ чёк.
У_ ни_ мат_ то Ро_ма_ нуш_ка мо_ ло_ да же_ на.
Мо_ ло_ да— то же_ на да и ле_ бедь бе_ ла_ я:
«Не хо_ ди_ тко, Ро_ ма_ нуш_ка, за о_ хо_ та_ мы.

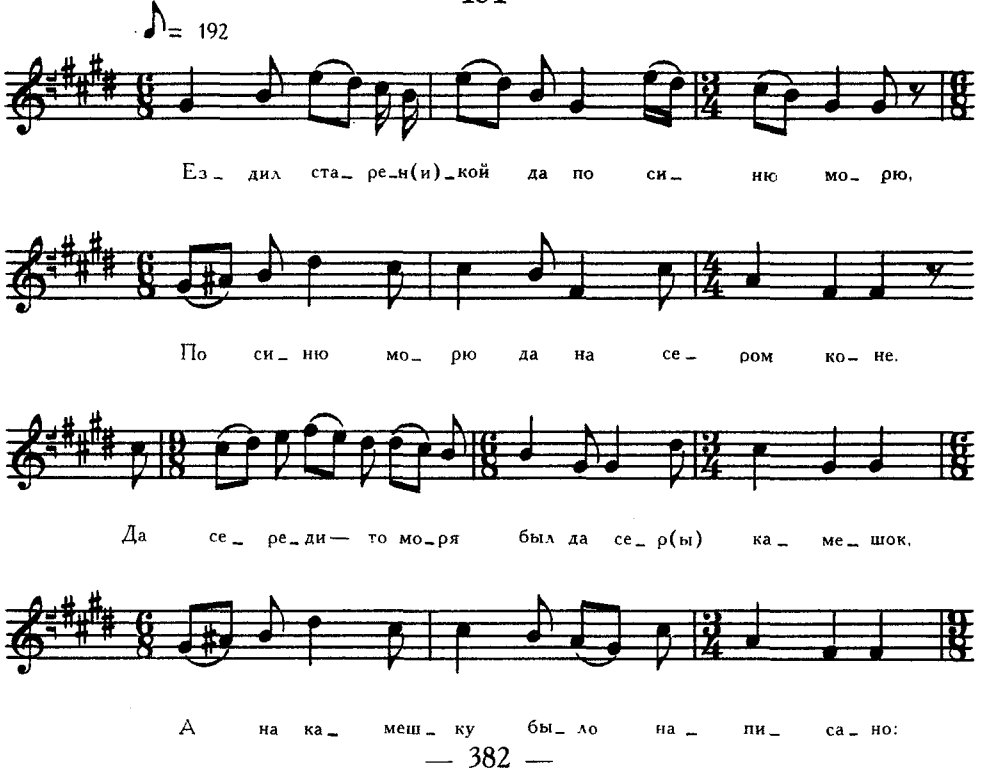
Не стре_ ляй ты гу_сей да и бе_ лых ле_ бе_дей

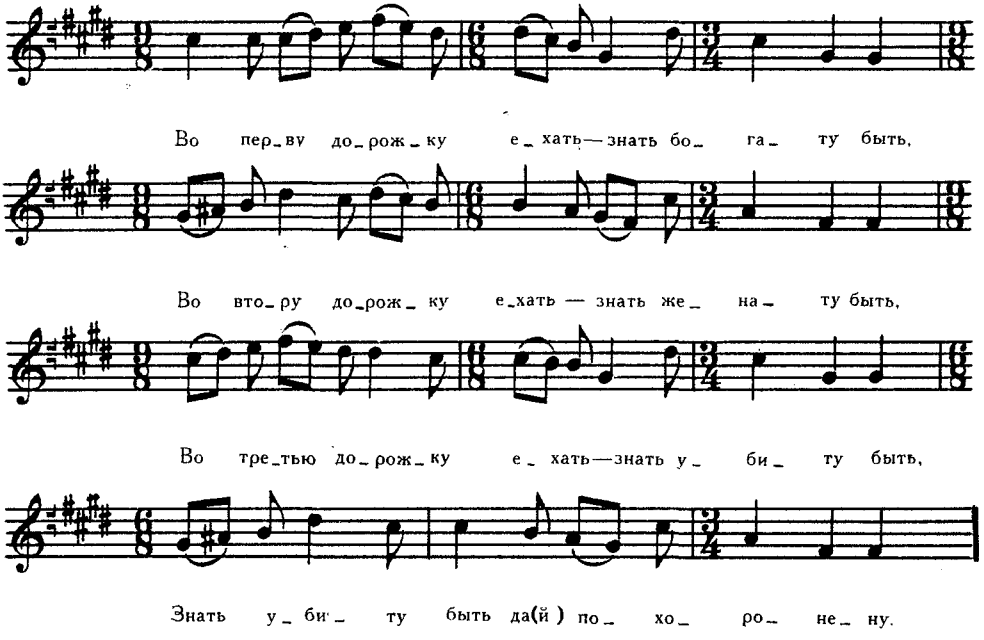
190


♪= 176.
Все- то на пи_ру на_ е_ да_ ли_ся,
Все- то на чёст_ном да на_ пи_ ва_ ли_ся,
Ан все- то на пи_ ру да при_ рос_ хвас_ та_лись:
Ко_ то_ рой хва_ стат мо_ ло_ дой же_ ной,
Бе_ зум_ ной хва_ стат ро_ ди_ мой сест_рой,
Не_ра_ зум_ ной хва_ стат зо_ ло_ той каз_ пон,
А о_ дин си_ дит Ду_ на_ юш_ ко, не ест, не пьет,
Он не ест, не пьет, ни_ чё не хва_ ста_ ёт.

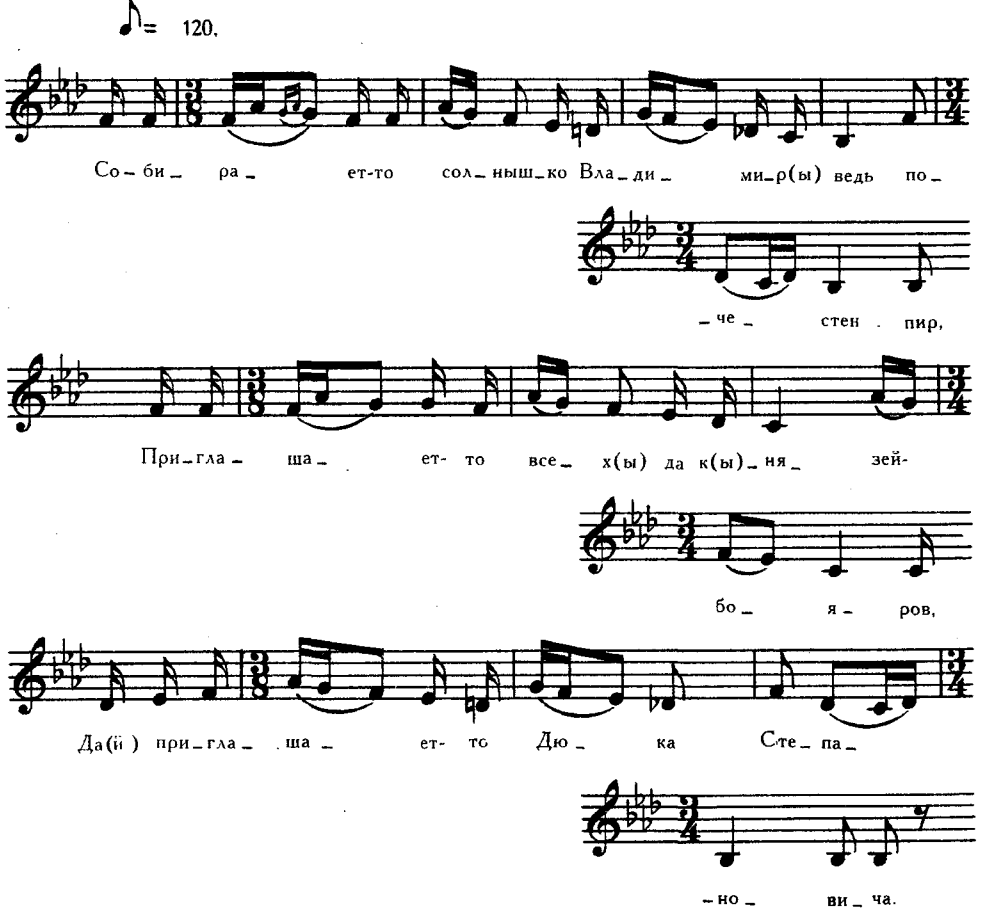

Го_ во_ рит е_ му ко_ роль, Ду_ на_ юш_ ку:
«Да что же ты не ешь, не пьешь,
Ты не ешь, не пьешь, ни_ чё не ку_ ша_ ёшь.
Ни_ чё не ку_ ша_ ёшь, ни_ че_ м(ы) не хва_ ста_ ёшь?»

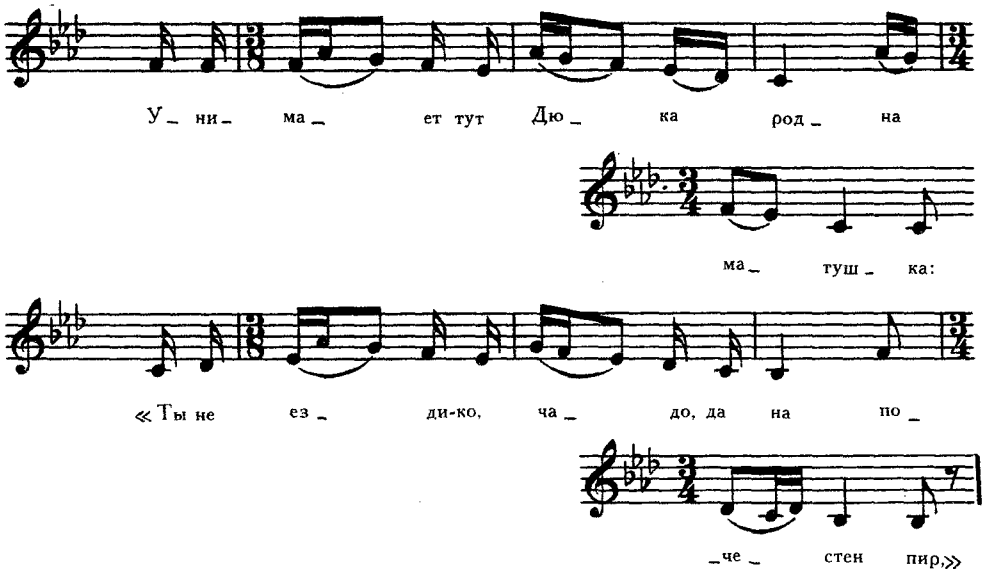
191


= 192
Ез_ дил ста_ ре_ н(и)_ кой да по си_ ню мо_ рю,
По си_ ню мо_ рю да на се_ ром ко_ не.
Да се_ ре_ ди— то мо_ ря был да се_ р(ы) ка_ ме_ шок,
А на ка_ меш_ ку бы_ ло на_ пи_ са_ но:

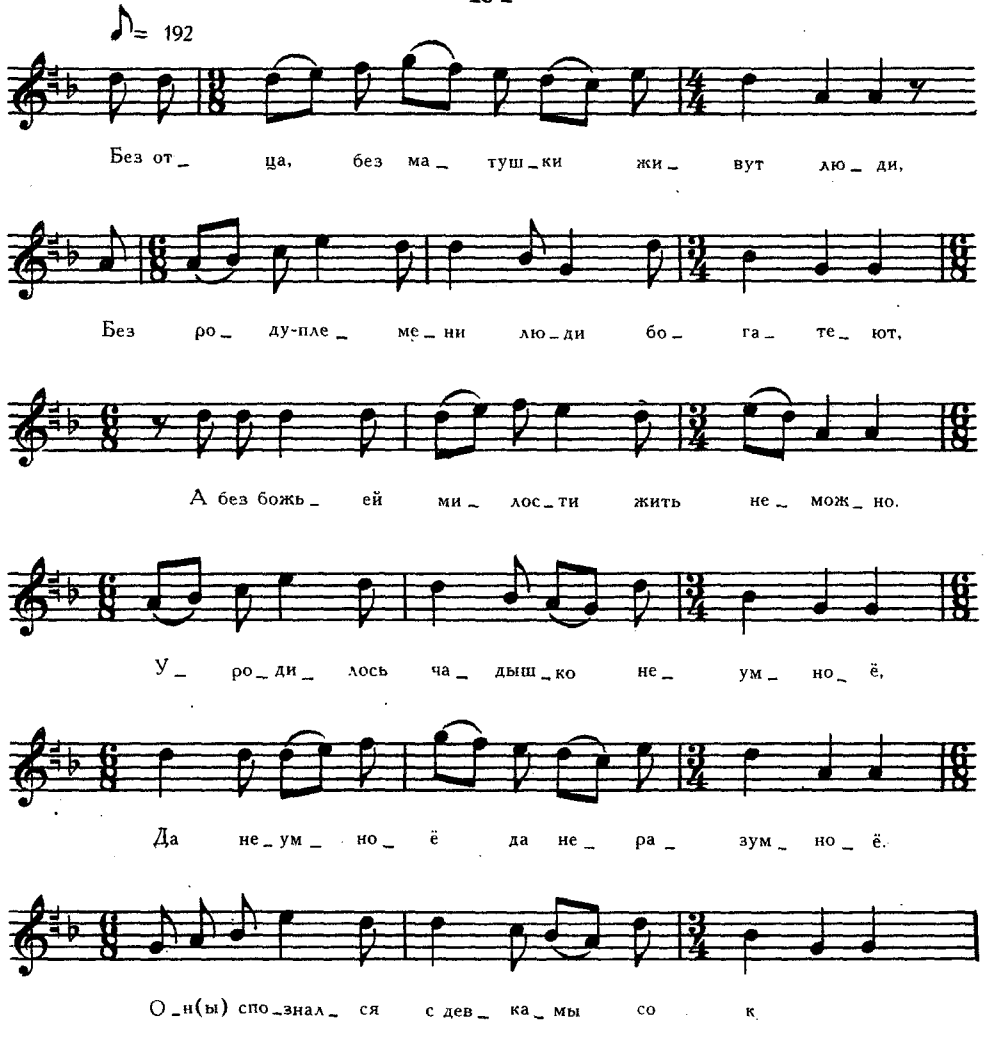

Во пер_ву до_рож_ку е_хать—знать бо_га_ ту быть,
Во вто_ру до_рож_ку е_хать — знать же_на_ ту быть,
Во тре_тью до_рож_ку е_хать—знать у_би_ ту быть,
Знать у_би_ ту быть да(й) по_хо_ро_не_ну.

193

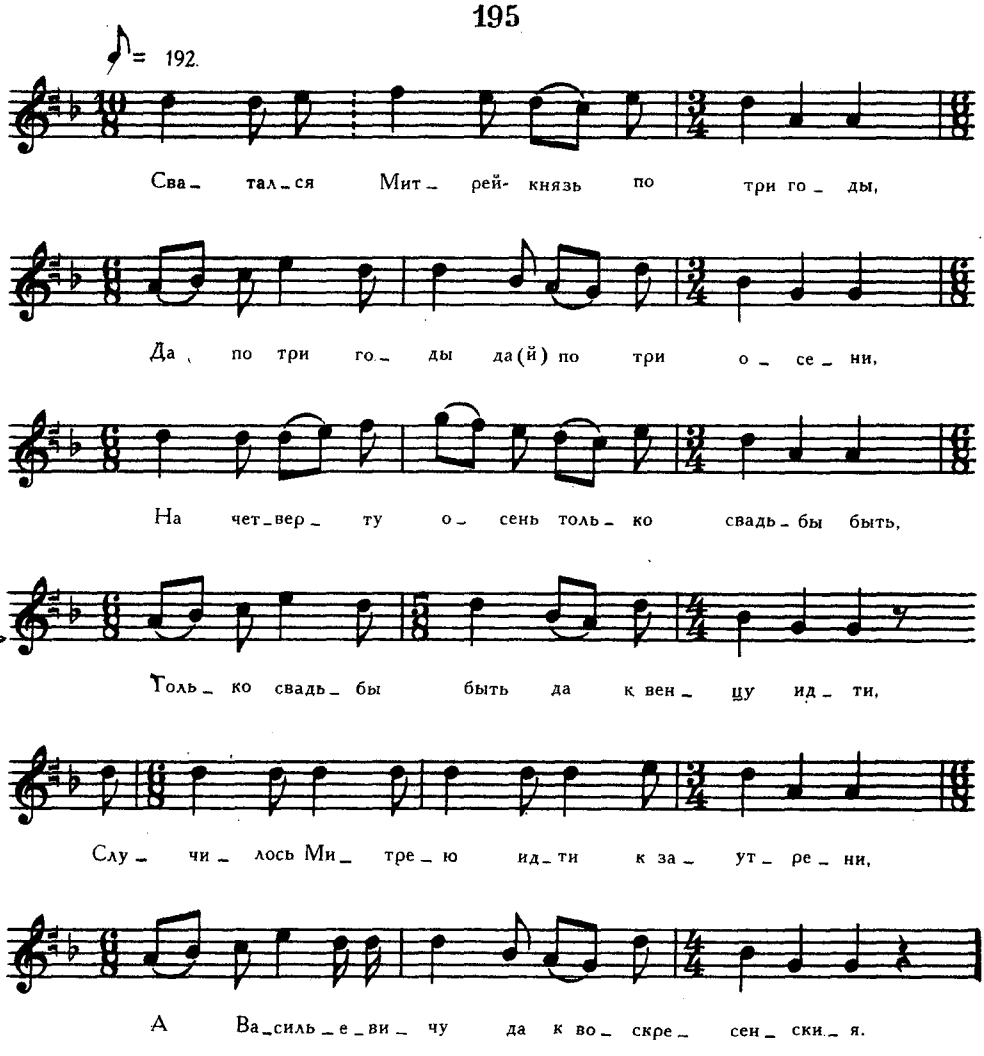

♪= 120.
Со_би_ра_ ет-то сол_ныш_ко Вла_ди_ ми_р(ы) ведь по_
_че_ стен . пир,
При_гла_ ша_ ет- то все_ х(ы) да к(ы)_ня_ зей-
бо_ я_ ров,
Да(й) при_гла_ ша_ ет- то Дю_ ка Сте_па_
_но_ ви_ча.


У_ ни_ ма_ ет тут Дю_ ка род_ на
ма_ туш_ ка:
«Ты не ез_ ди-ко, ча_ до, да на по_
_че_ стен пир,»

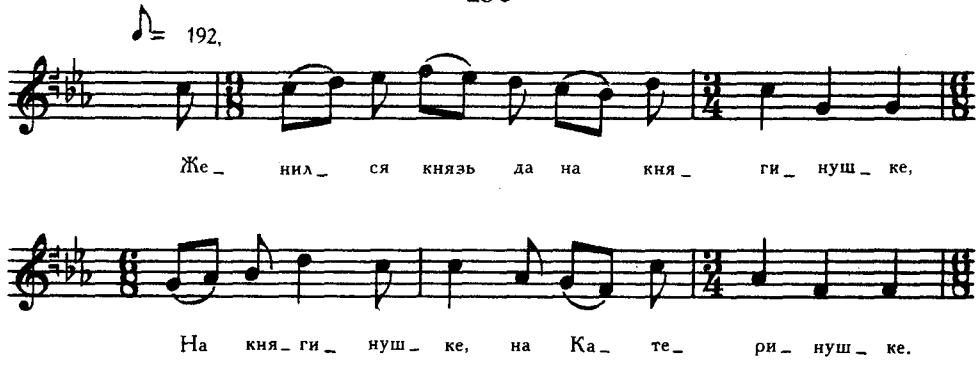
194

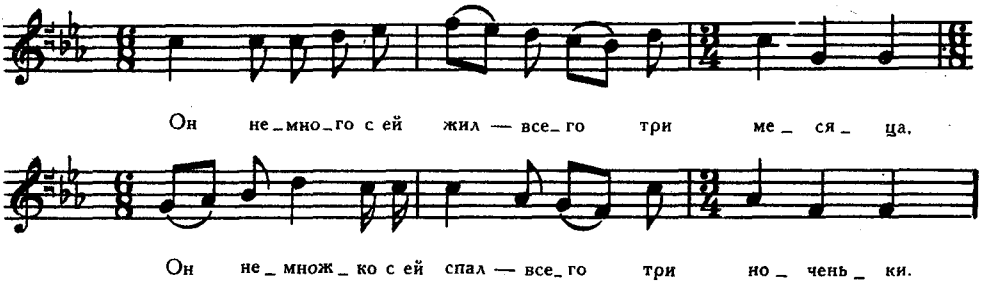

♪= 192
Без от_ ца, без ма_ туш_ки жи_ вут лю_ ди,
Без ро_ ду-пле_ ме_ ни лю_ди бо_ га_ те_ ют,
А без божь_ ей ми_ лос_ти жить не_ мож_ но.
У_ ро_ди_ лось ча_ дыш_ко не_ ум_ но_ ё,
Да не_ум_ но_ ё да не_ ра_ зум_ но_ ё.
О_н(ы) спо_знал_ ся с дев_ ка_ мы со к

195

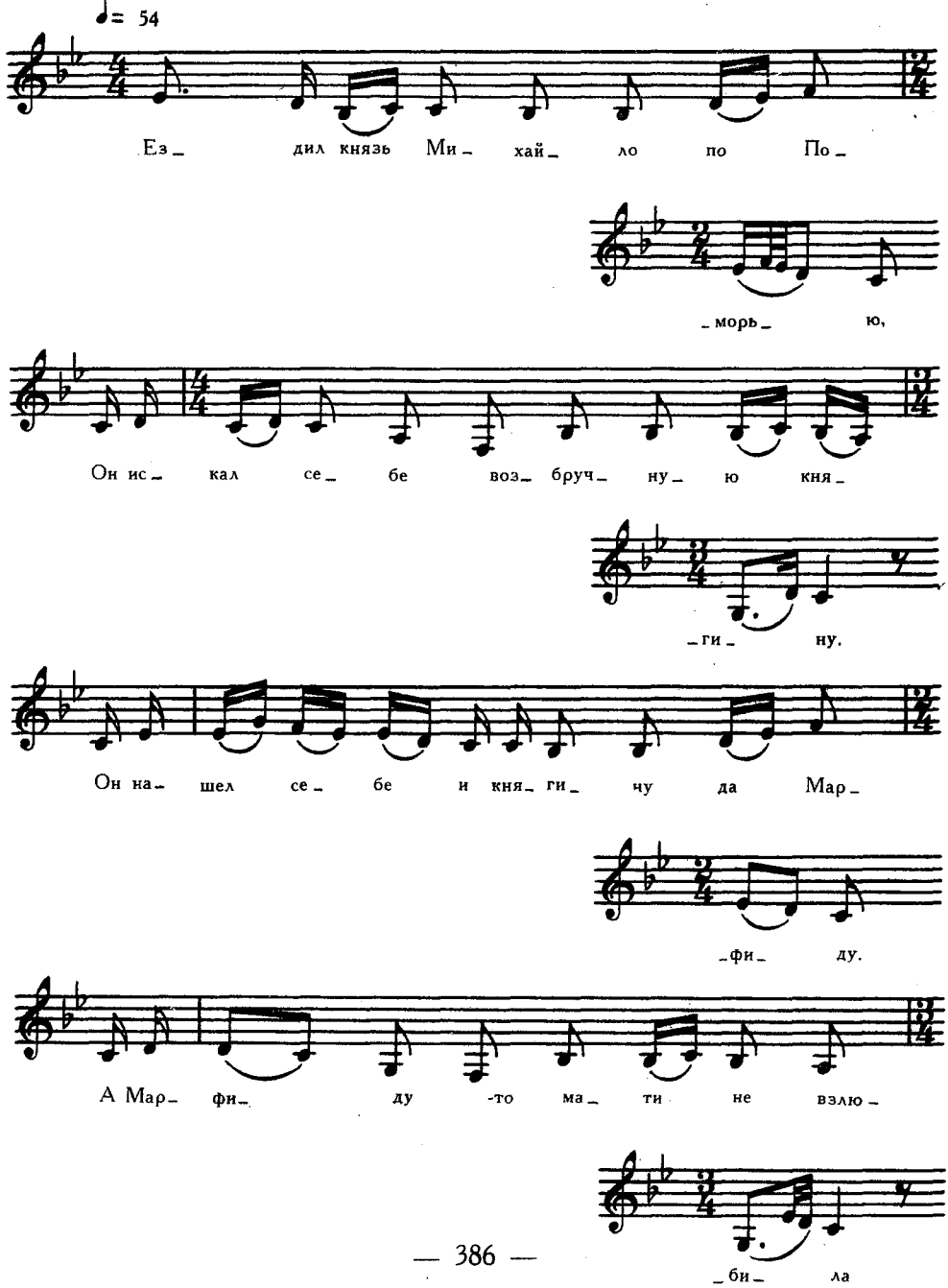

♪= 192.
Сва_ тал_ся Мит_ рей- князь по три го_ ды,
Да по три го_ ды да(й) по три о_ се_ ни,
На чет_вер_ ту о_ сень толь_ко свадь_ бы быть,
Толь_ко свадь_ бы быть да к вен_ цу ид_ ти,
Слу_ чи_ лось Ми_ тре_ ю ид_ти к за_ ут_ ре_ ни,
А Ва_силь_е_ви_ чу да к во_ скре_ сен_ ски_ я.

196

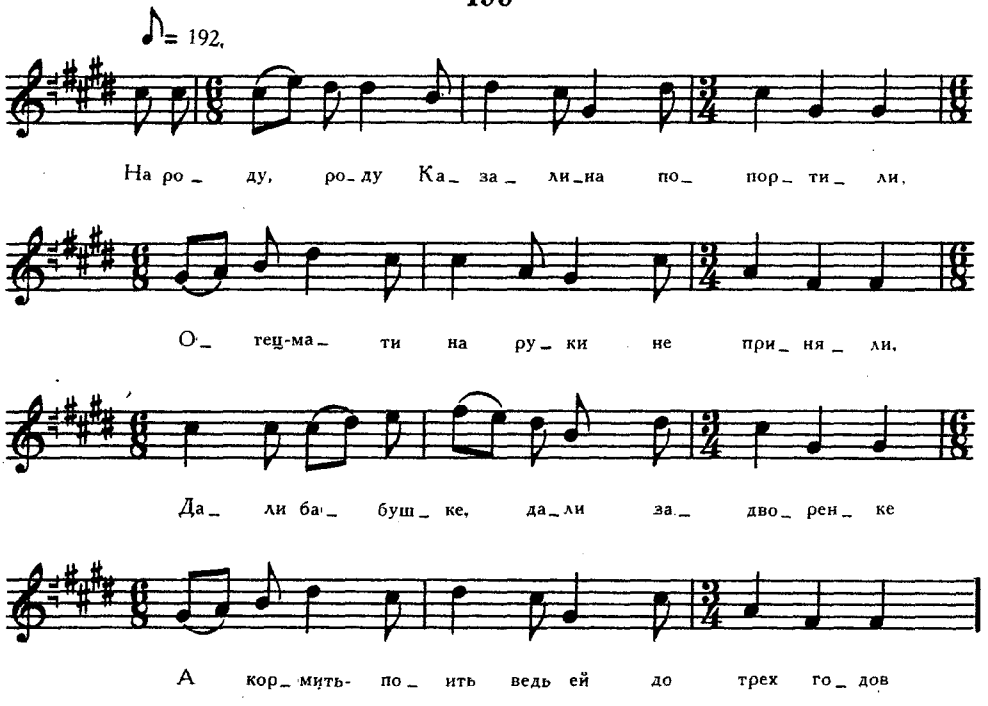

♪= 192,
Же_ нил_ ся князь да на кня_ ги_ нуш_ ке,
На кня_ги_ нуш_ ке, на Ка_ те_ ри_ нуш_ ке.


Он не_мно_го с ей жил — все_го три ме_ ся_ ца.
Он не_множ_ко с ей спал — все_го три но_ чень_ ки.

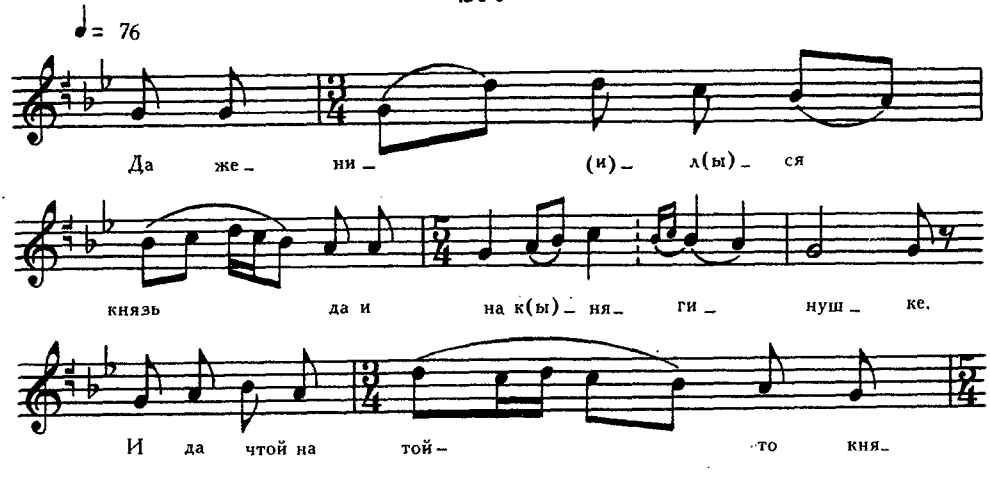
197

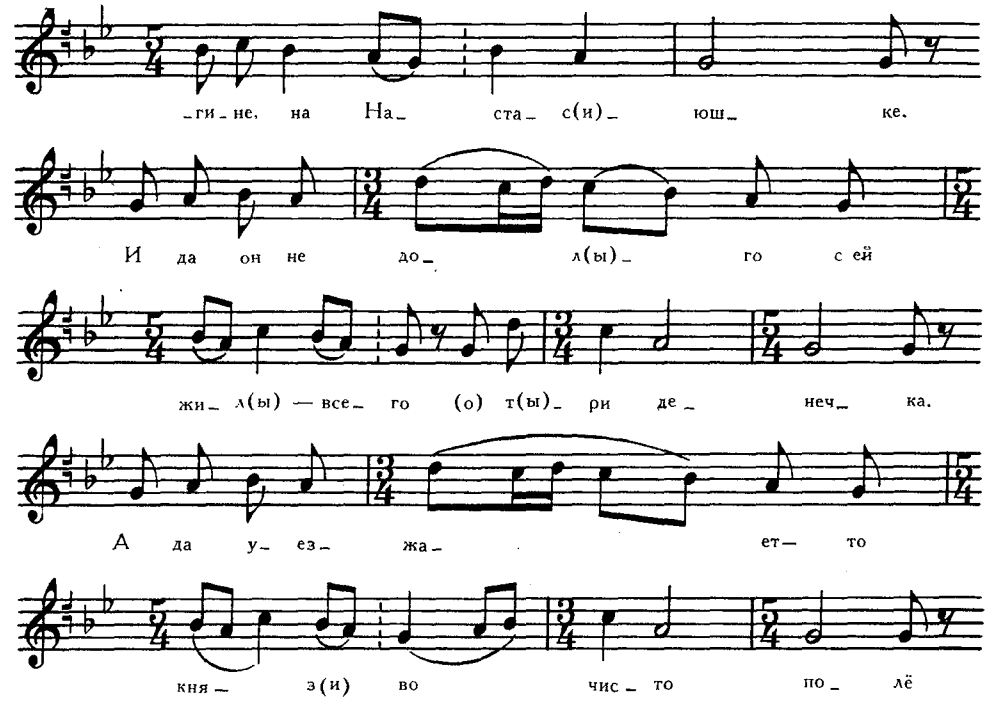

♩= 54
Ез_ дил князь Ми_ хай_ ло по По_
морь ю,
Он ис_ кал се_ бе воз_ бруч_ ну_ ю кня_
_ги_ ну.
Он на_ шел се_ бе и кня_ ги_ ну да Мар_
_фи_ ду.
А Мар_ фи_ ду -то ма_ ти не взлю_
_би_ ла

198

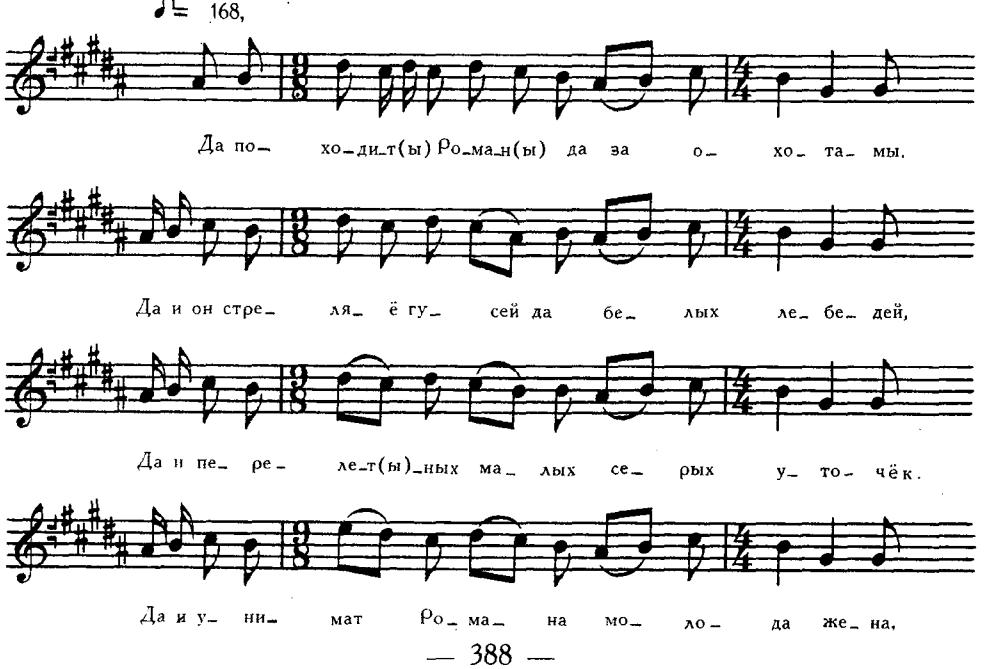

♪= 192.
На ро_ ду, ро_ду Ка_ за_ ли_на по_ пор_ти_ ли,
О_ тец-ма_ ти на ру_ ки не при_ ня_ ли,
Да_ ли ба_ буш_ ке, да_ли за_ дво_ рен_ ке
А кор_мить- по_ ить ведь ей до трех го_ дов

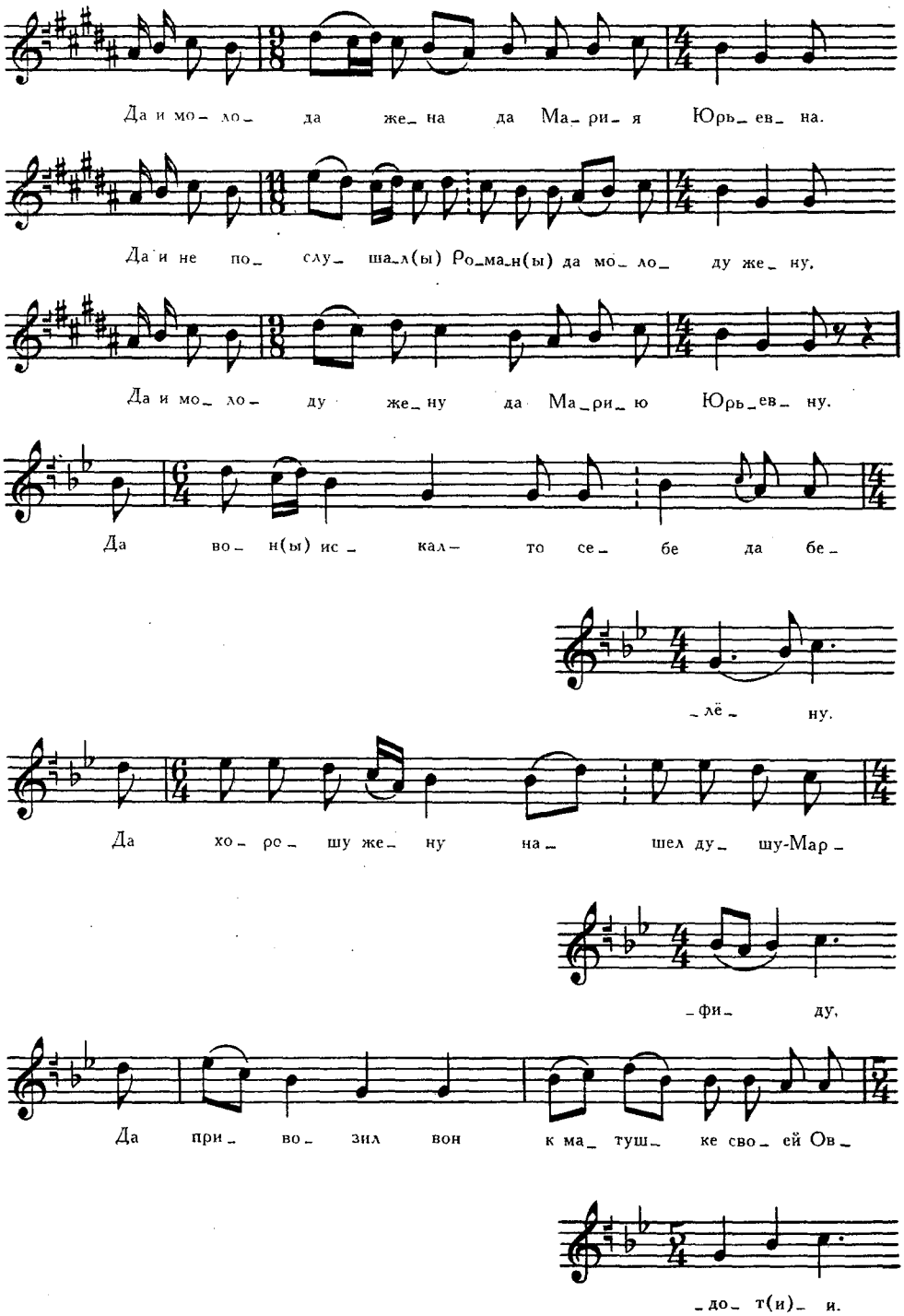
200

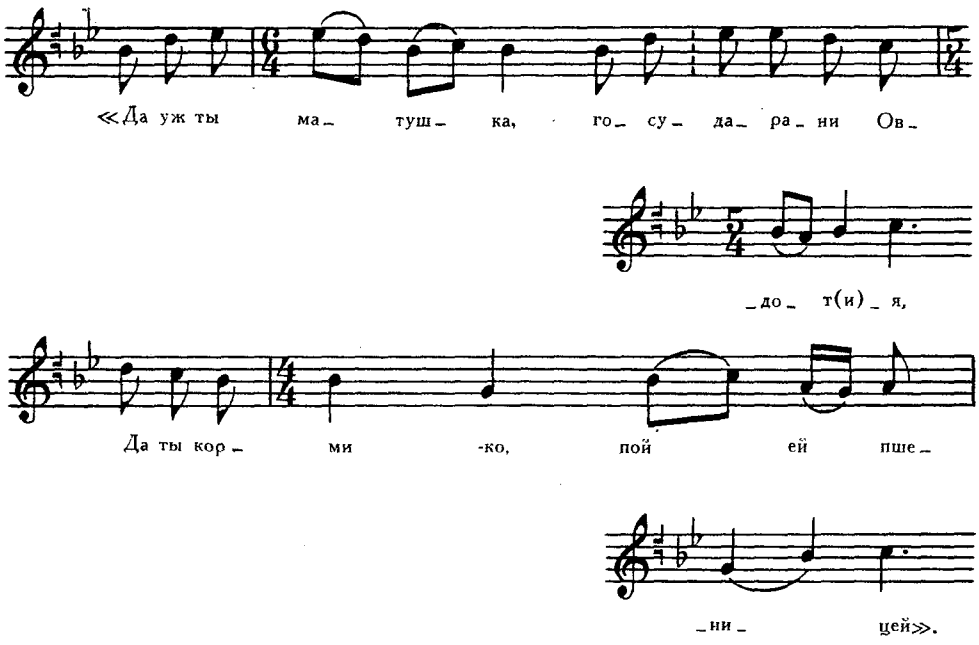

♩= 76
Да же_ ни_ (и)_ л(ы)_ ся
князь да и на к(ы)_ ня_ ги_ нуш_ ке.
И да чтой на той_ то кня_


_ги_не, на На_ ста_ с(и)_ юш_ ке.
И да он не до_ л(ы)_ го с ей
жи_ л(ы) — все_ го (о) т(ы)_ ри де_ неч_ ка.
А да у_ез_ жа_ ет_ то
кня_ з(и) во чис_ то по_ лё

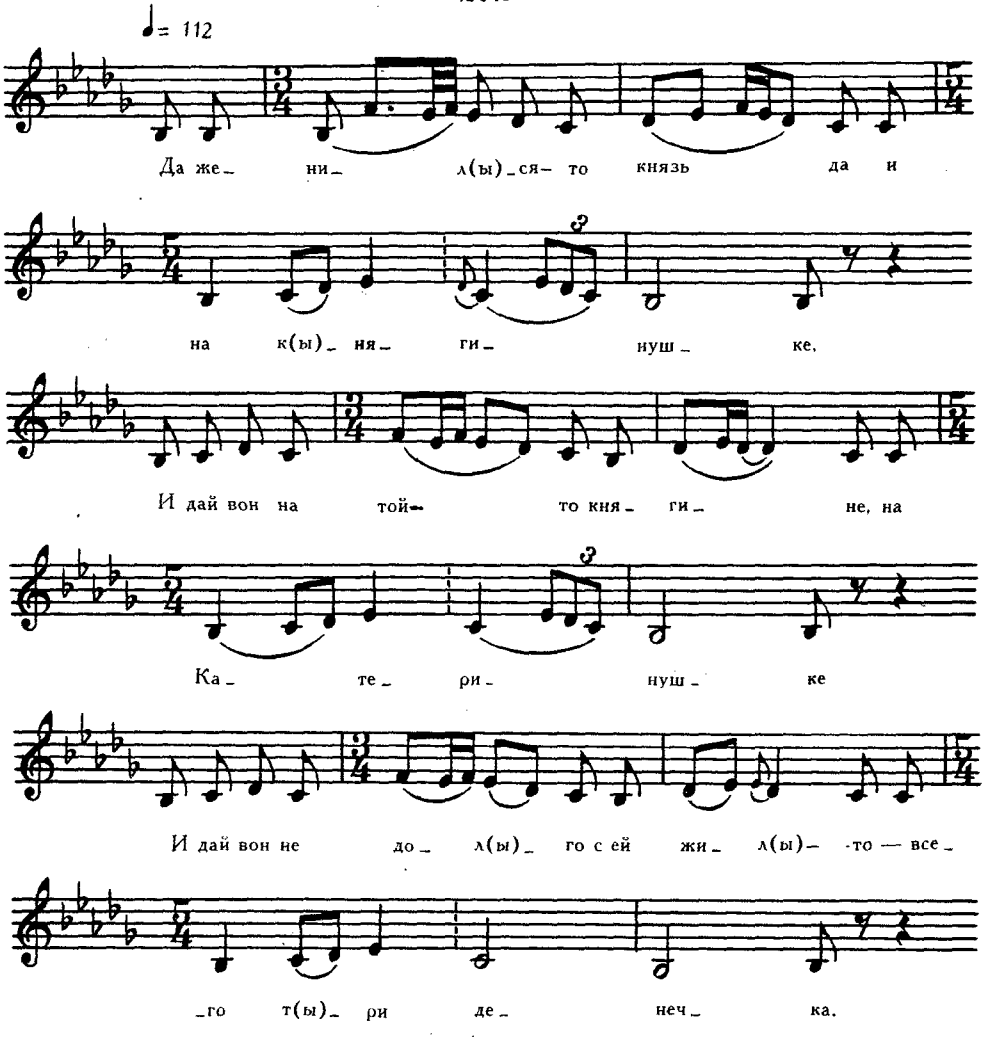
201


168,
Да по_ хо_ди_т(ы) Ро_ма_н(ы) да за о_ хо_ та_ мы.
Да и он стре_ ля_ ё гу_ сей да бе_ лых ле_ бе_ дей,
Да и пе_ ре_ ле_т(ы)_ных ма_ лых се_ рых у_ то_ чёк.
Да и у_ ни_ мат Ро_ ма_ на мо_ ло_ да же_ на,

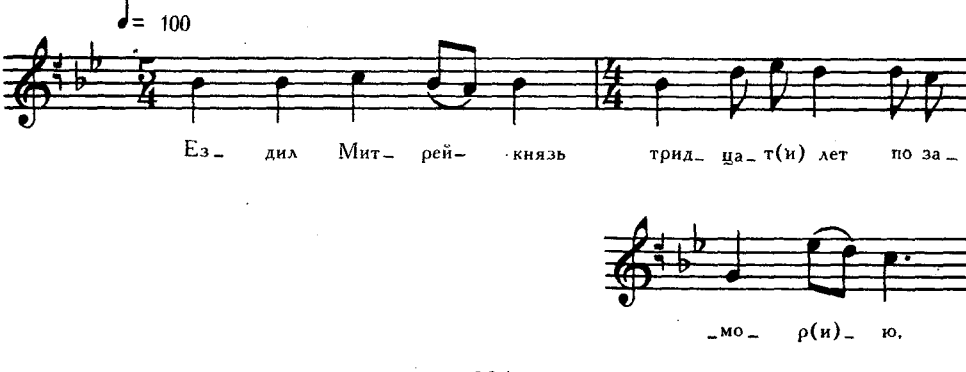

Да и мо_ ло_ да же_ на да Ма_ри_ я Юрь_ев_ на.
Да и не по_ слу_ ша_л(ы) Ро_ма_н(ы) да мо_ ло_ ду же_ ну.
Да и мо_ ло_ ду же_ ну да Ма_ри_ ю Юрь_ев_ ну.
Да во_ н(ы) ис_ кал_ то се_ бе да бе_
_лё_ ну.
Да хо_ ро_ шу же_ ну на_ шел ду_ шу-Мар_
_фи_ ду.
Да при_ во_ зил вон к ма_ туш_ ке сво_ ей Ов_
_до_ т(и)_ и.


≪Да уж ты ма_ туш_ ка, го_ су_ да_ ра_ ни Ов_
_до_ т(и)_ я,
Да ты кор_ ми -ко, пой ей пше_
_ни_ цей≫.

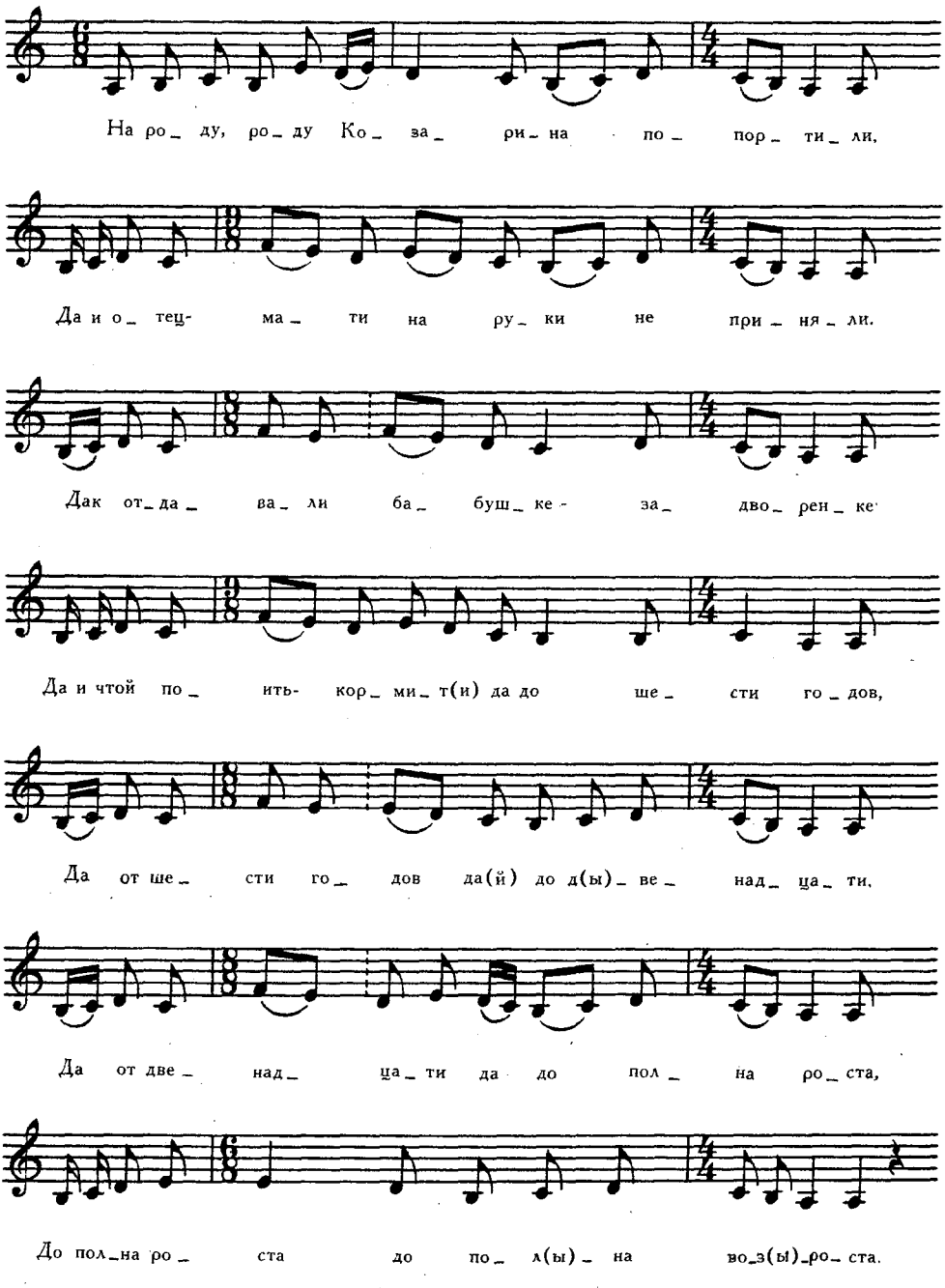
202


♩= 112
Да же_ ни_ л(ы)_ся_ то князь да и
на к(ы)_ ня_ ги_ нуш_ ке.
И дай вон на той_ то кня_ ги_ не, на
Ка_ те_ ри_ нуш_ ке
И дай вон не до_ л(ы)_ го с ей жи_ л(ы)_ то — все_
_го т(ы)_ ри де_ неч_ ка.

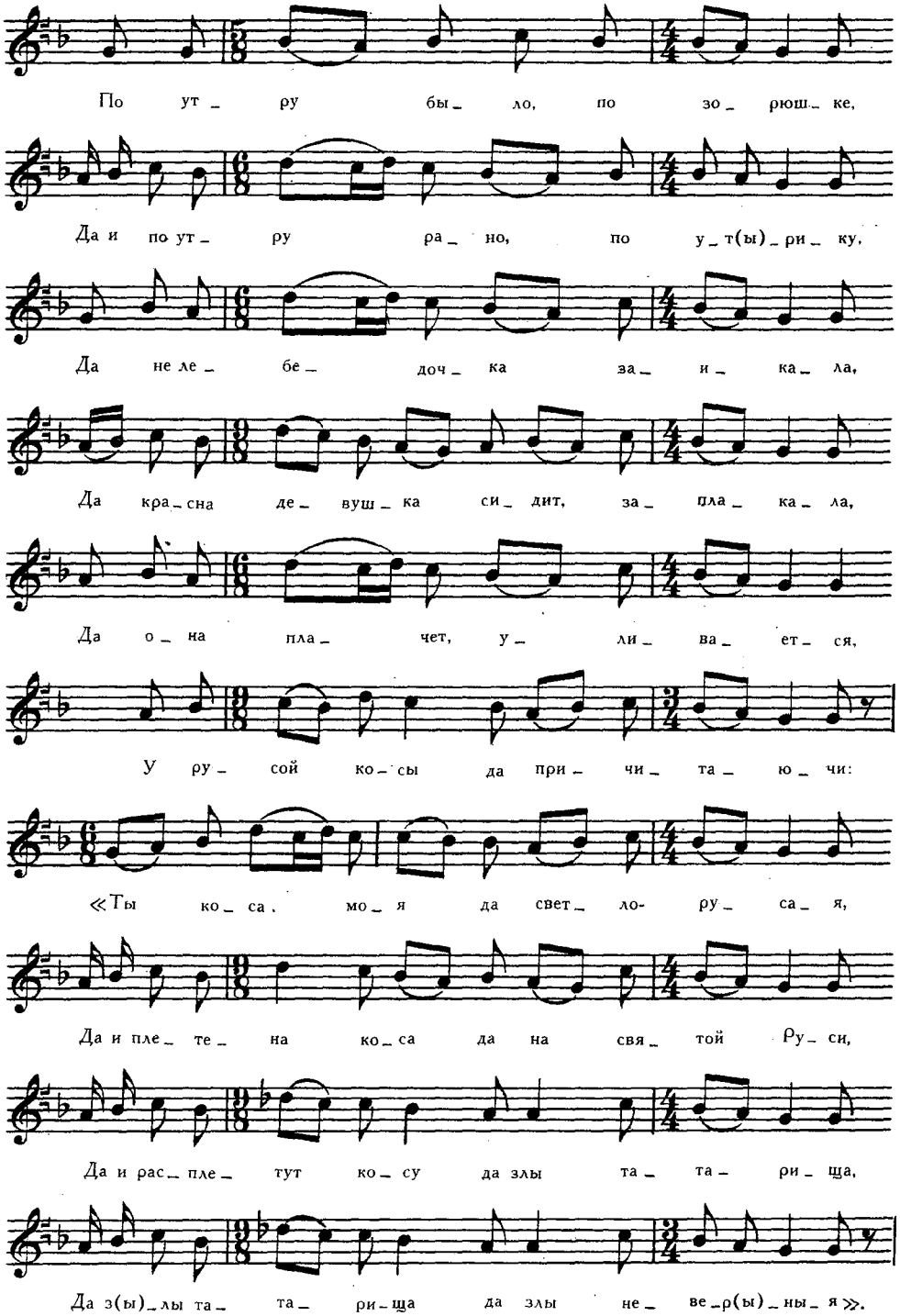
203

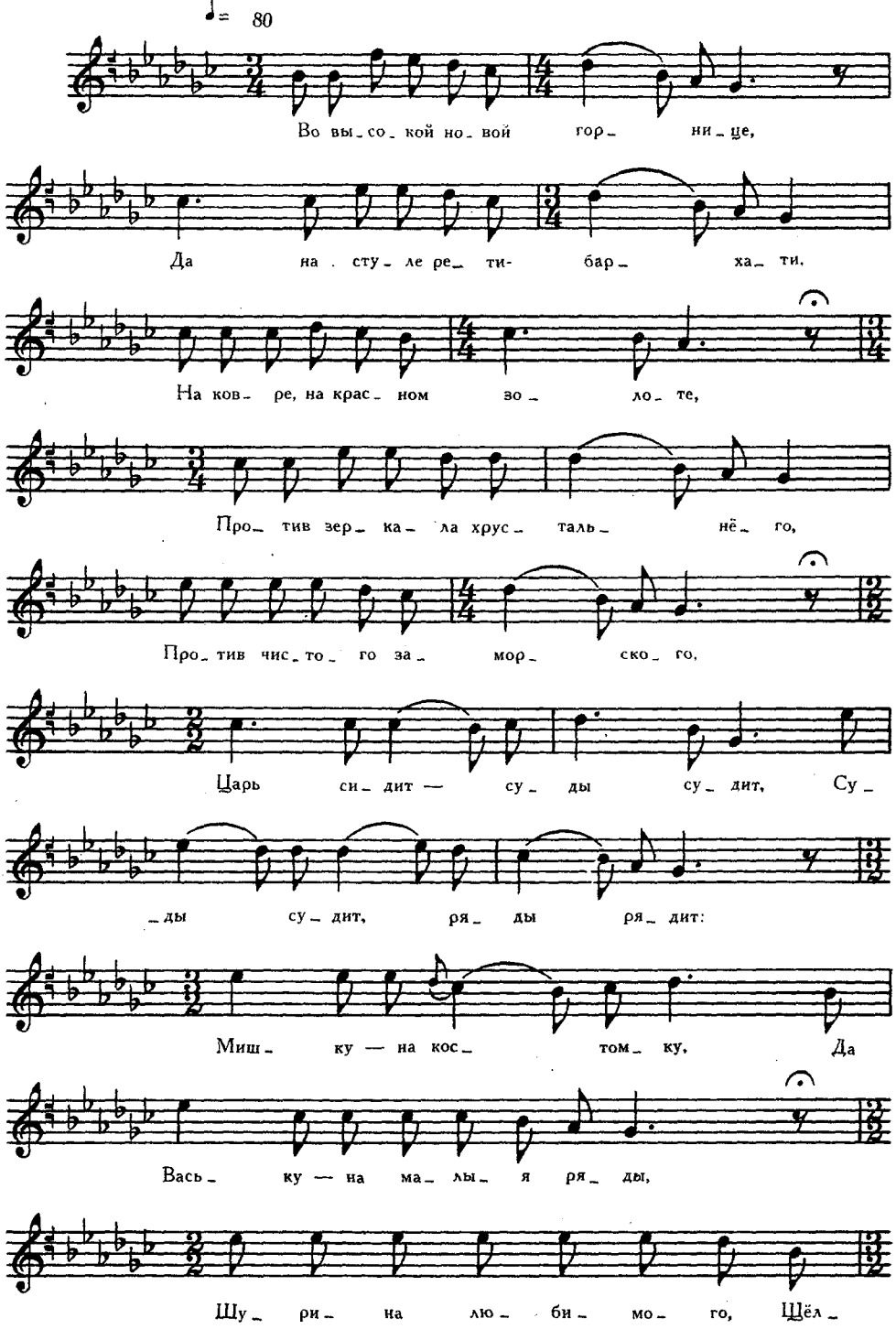

♩= 100
Ез_ дил Мит_ рей_ князь трид_ ца_ т(и) лет по за_
_мо_ р(и)_ ю.

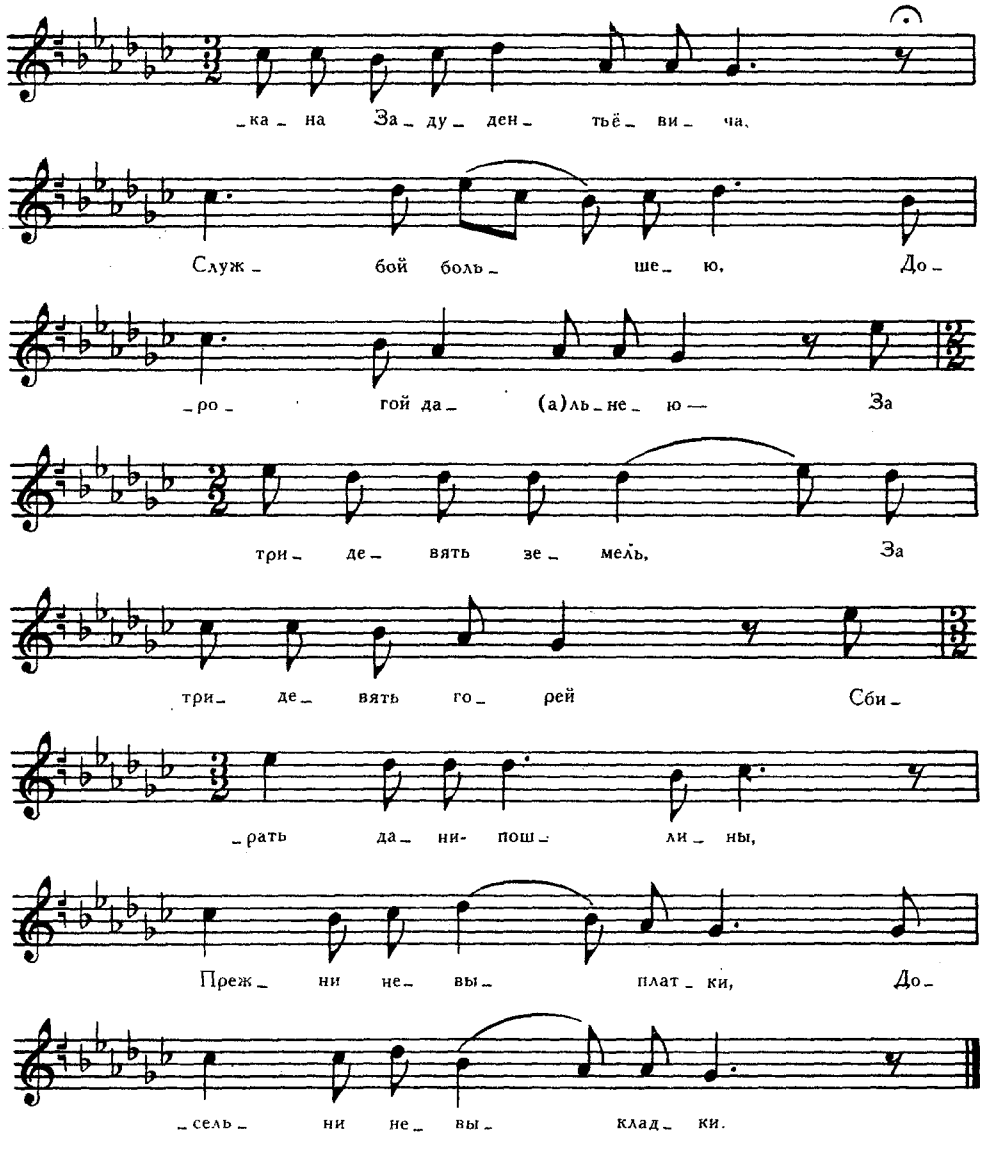
♪= 176.

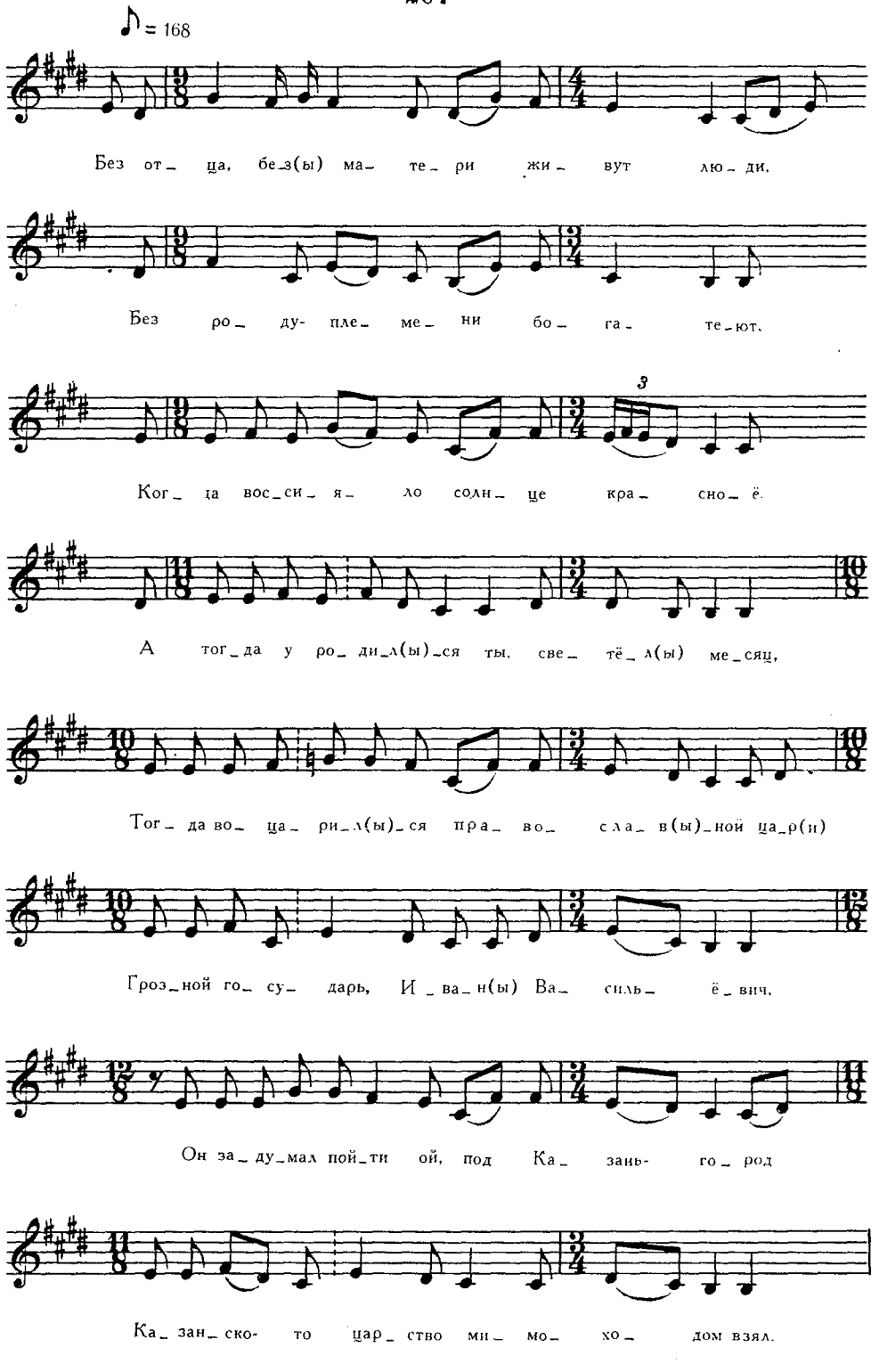

На ро_ ду, ро_ ду Ко_ за_ ри_ на по_ пор_ ти_ ли,
Да и о_ тец- ма_ ти на ру_ ки не при_ ня_ ли.
Дак от_да_ ва_ ли ба_ буш_ке - за_ дво_ рен_ ке
Да и чтой по_ ить- кор_ ми_ т(и) да до ше_ сти го_ дов,
Да от ше_ сти го_ дов да(й) до д(ы)_ ве_ над_ ца_ ти,
Да от две_ над_ ца_ ти да до пол_ на ро_ ста,
До пол_на ро_ ста до по_ л(ы)_ на во_з(ы)_ро_ ста.

♪= 192

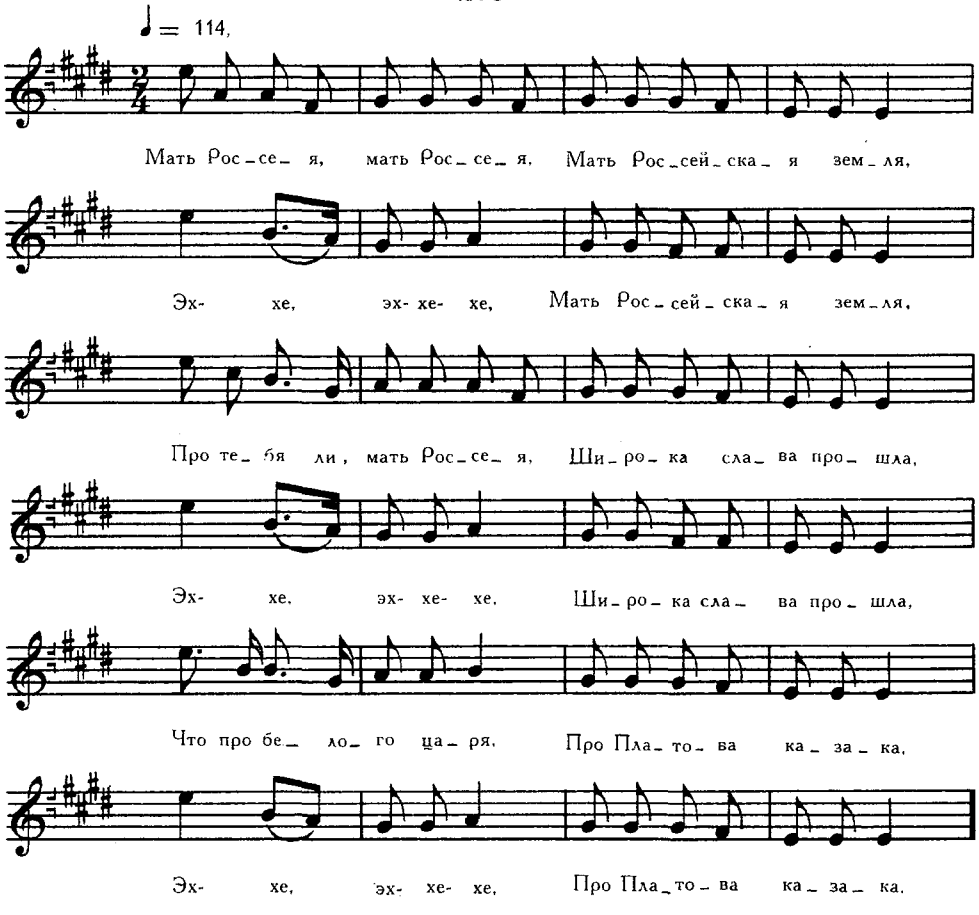

По ут_ ру бы_ ло, по зо_ рюш_ ке,
Да и по ут_ ру ра_ но, по у_т(ы)_ри_ ку,
Да не ле_ бе_ доч_ ка за_ и_ ка_ ла,
Да кра_сна де_ вуш_ ка си_ дит, за_ пла_ ка_ ла,
Да о_ на пла_ чет, у_ ли_ ва_ ет_ ся,
У ру_ сой ко_ сы да при_ чи_ та_ ю_ чи:
«Ты ко_ са, мо_ я да свет_ ло- ру_ са_ я,
Да и пле_ те_ на ко_ са да на свя_ той Ру_ си,
Да и рас_ пле_ тут ко_ су да злы та_ та_ ри_ ща,
Да з(ы)_лы та_ та_ ри_ ща да злы не_ ве_р(ы)_ны_ я».


♩= 80
Во вы_со_кой но_вой гор_ ни_це,
Да на сту_ле ре_ти- бар_ ха_ти,
На ков_ре, на крас_ном зо_ ло_те,
Про_тив зер_ка_ла хрус_таль_ нё_го,
Про_тив чис_то_го за_ мор_ ско_го,
Царь си_дит — су_ды су_дит, Су_
_ды су_дит, ря_ды ря_дит:
Миш_ ку — на кос_ том_ ку, Да
Вась_ ку — на ма_лы_ я ря_ ды,
Шу_ ри_ на лю_ би_ мо_ го, Щёл_

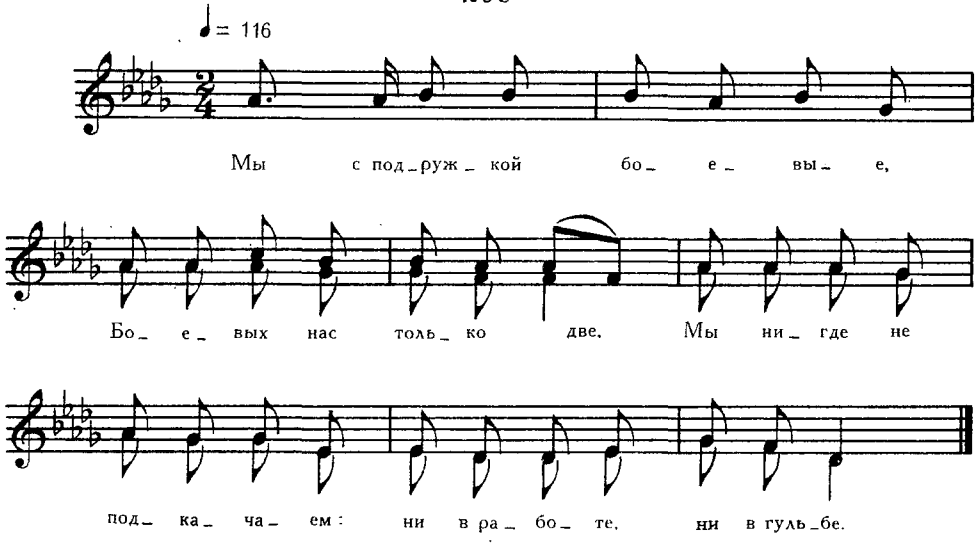

_ка_ на За_ ду_ ден_ тьё_ ви_ ча,
Служ_ бой боль_ ше_ ю, До_
_ро_ гой да_ (а)ль_не_ ю — За
три_ де_ вять зе_ мель, За
три_ де_ вять го_ рей Сби_
рать да ни- пош_ ли_ ны,
Преж_ ни не_ вы_ плат_ ки, До_
сель ни не_ вы_ клад_ ки.


♪ = 168
Без от_ ца, бе_з(ы) ма_ те_ ри жи_ вут лю_ ди,
Без ро_ ду- пле_ ме_ ни бо_ га_ те_ют,
Ког_ да вос_си_ я_ ло солн_ це кра_ сно_ ё.
А тог_да у ро_ ди_л(ы)_ся ты, све_ тё_ л(ы) ме_сяц,
Тог_ да во_ ца_ ри_л(ы)_ся пра_ во_ сла_ в(ы)_ной ца_р(и)
Гроз_ной го_ су_ дарь, И_ ва_ н(ы) Ва_ силь_ ё_вич,
Он за_ ду_мал пой_ти ой, под Ка_ зань- го_ род
Ка_ зан_ ско- то цар_ ство ми_ мо_ хо_ дом взял.

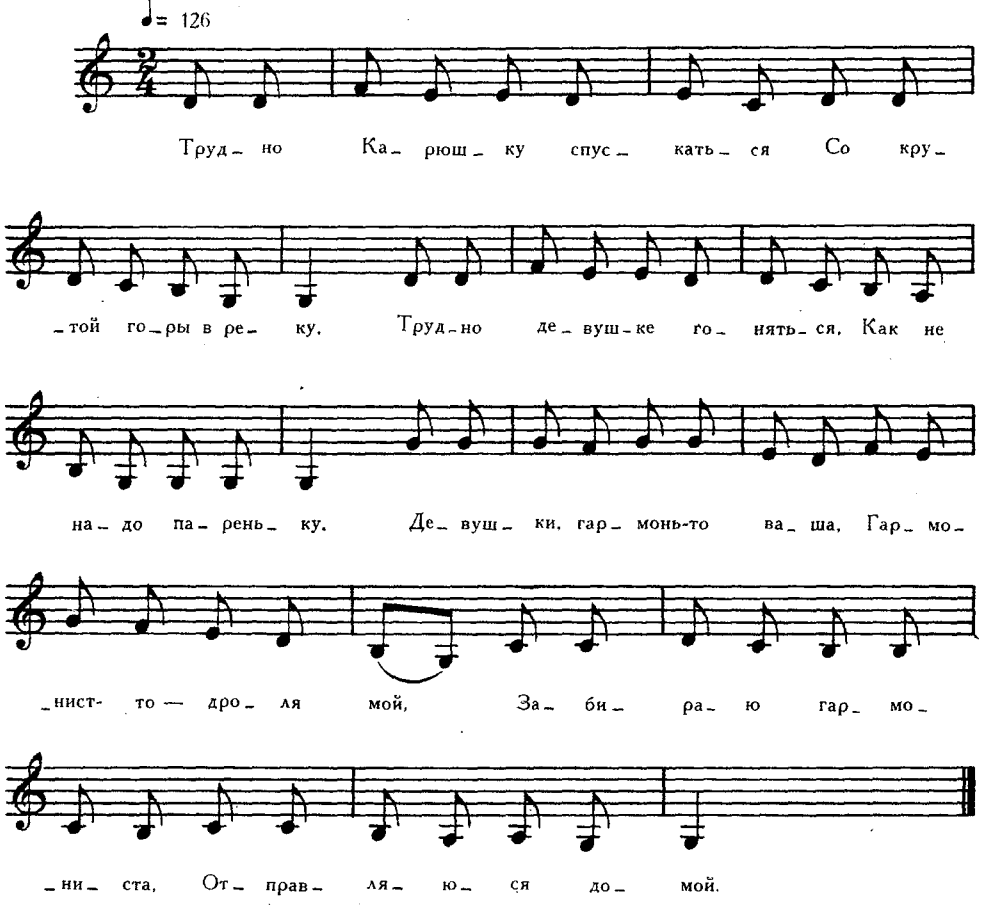
208


♩ = 114
Мать Рос_се_ я, мать Рос_се_ я, Мать Рос_сей_ска_ я зем_ля,
Эх- хе, эх- хе- хе, Мать Рос_сей_ска_ я зем_ля,
Про те_ бя ли, мать Рос_се_ я, Ши_ро_ка сла_ва про_ шла,
Эх- хе, эх- хе- хе, Ши_ро_ка сла_ ва про_ шла,
Что про бе_ ло_ го ца_ ря, Про Пла_то_ва ка_ за_ ка,
Эх- хе, эх- хе- хе, Про Пла_то_ва ка_ за_ ка.

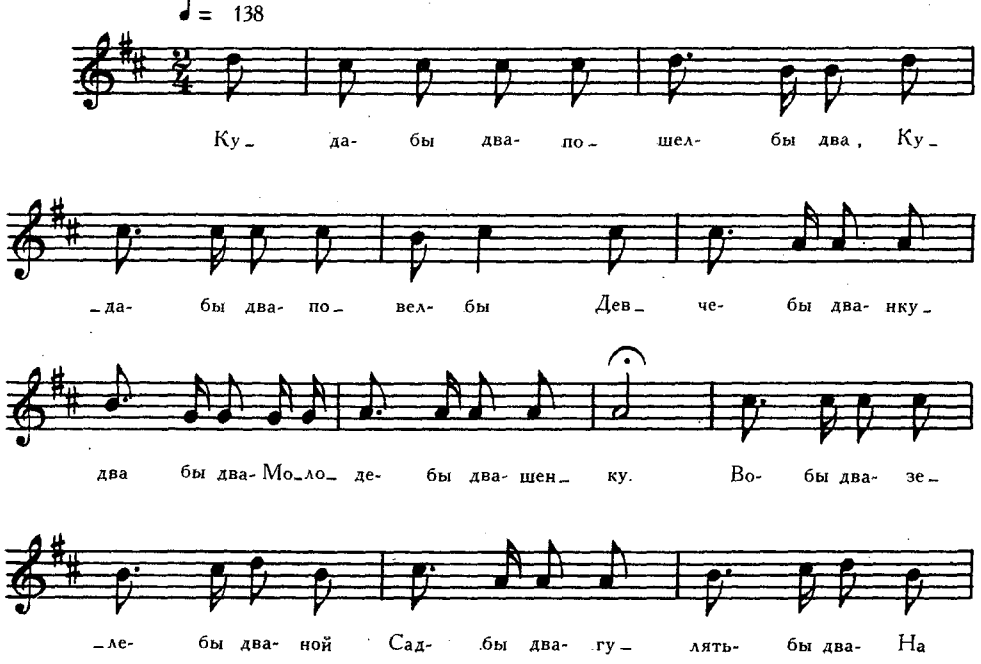
209

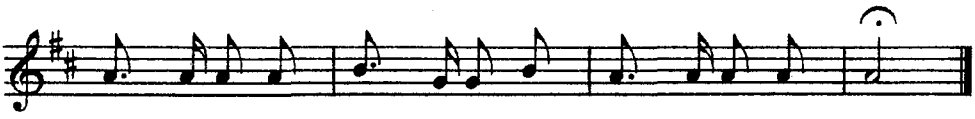

♩ = 116
Мы с под_руж_ кой бо_ е_ вы_ е,
Бо_ е_ вых нас толь_ ко две, Мы ни_ где не
под_ ка_ ча_ ем: ни в ра_ бо_ те, ни в гуль_бе.

210

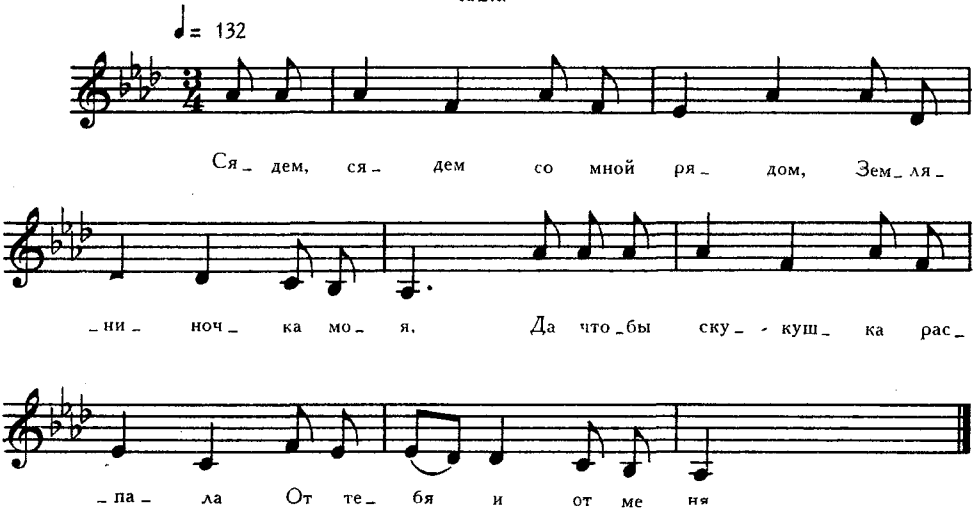

♩= 126
Трудно Карюшку спускать ся Со кру
той горы в реку. Трудно девушке гонять ся. Как не
надо парень ку. Девушки, гармонь-то ваша, Гармо
нист- то — дроля мой, Забираю гармо
ни ста, Отправляюсь домой.

211

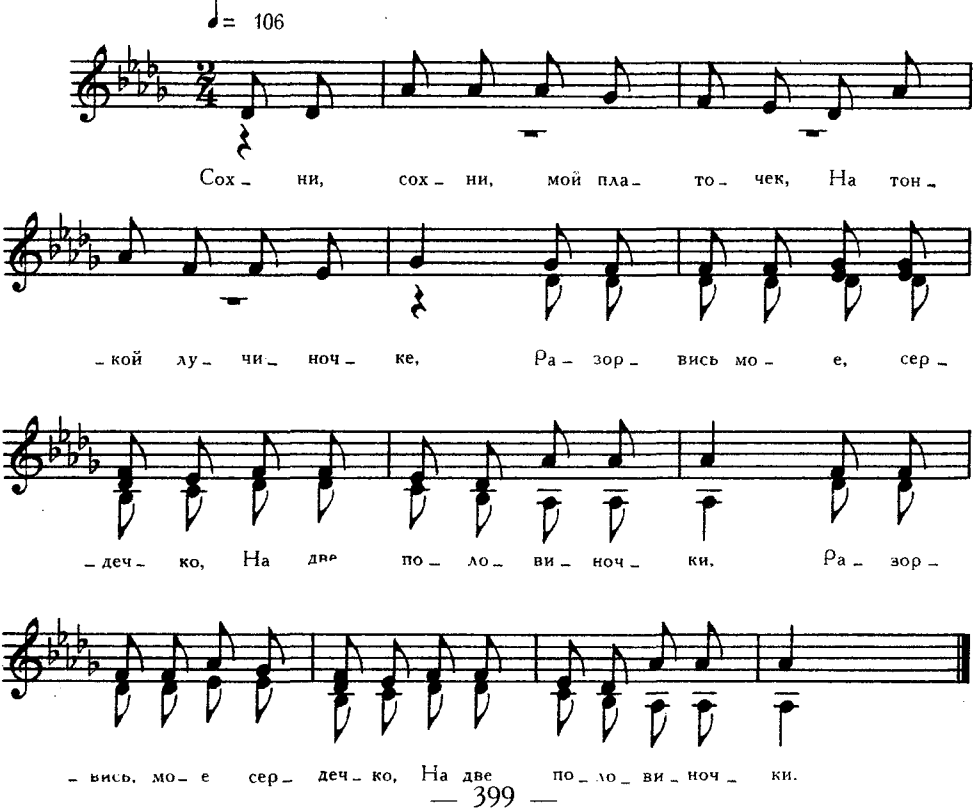

♩= 138
Куда- бы два- по- шел- бы два, Ку
да- бы два- по- вел- бы Дев- че- бы два- нку
два бы два- Мо-ло- де- бы два- шен- ку. Во- бы два- зе
ле- бы два- ной Сад- бы два- гу- лять- бы два- На


тра- бы два- вку Зе- бы два- ле - не- бы два- шен - ку.

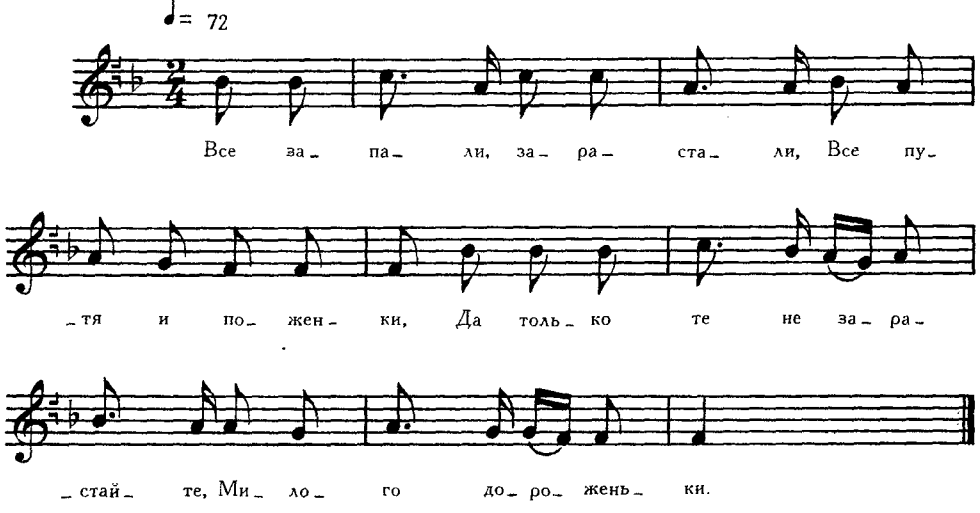
212


♩= 132
Ся - дем, ся - дем со мной ря - дом, Зем - ля -
- ни - ноч - ка мо - я, Да что - бы ску - - куш - ка рас -
- па - ла От те - бя и от ме ня

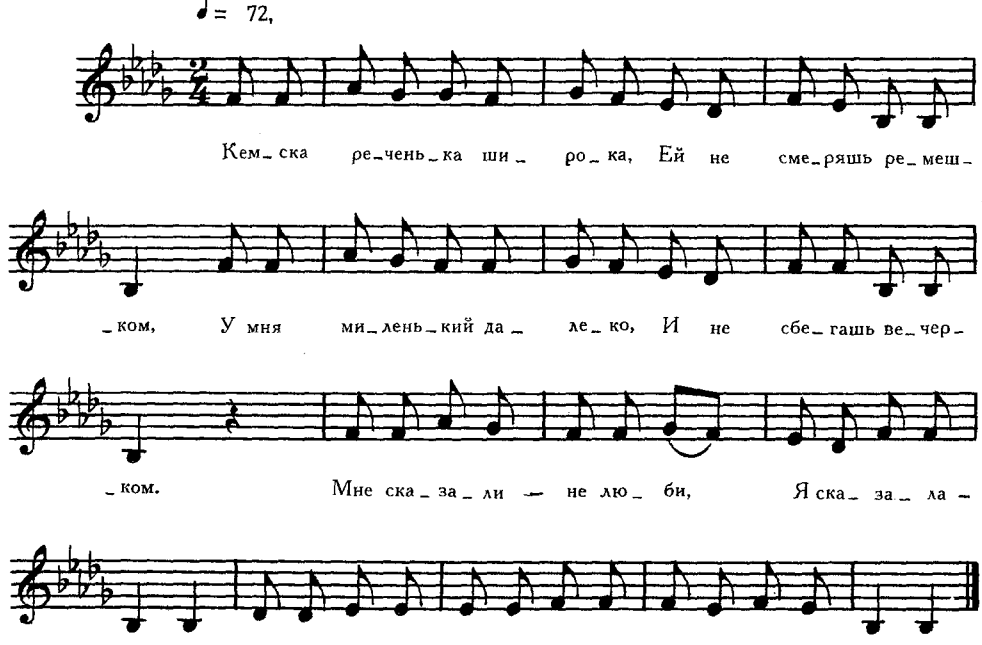
213


♩= 106
Сох - ни, сох - ни, мой пла - то - чек, На тон -
- кой лу - чи - ноч - ке, Ра - зор - вись мо - е, сер -
- деч - ко, На две по - ло - ви - ноч - ки, Ра - зор -
- вись, мо - е сер - деч - ко, На две по - ло - ви - ноч - ки.

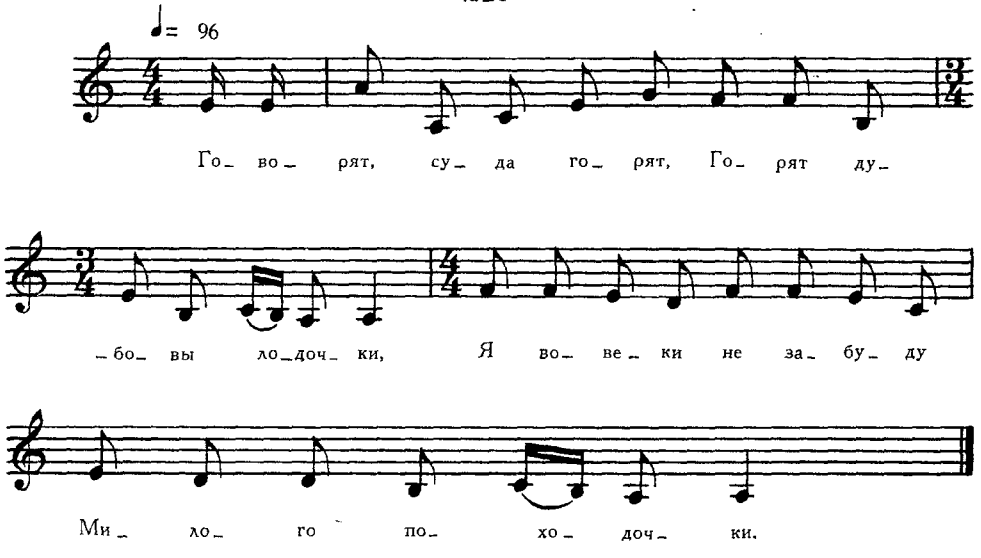
214


♩= 72
Все за_ па_ ли, за_ ра_ ста_ ли, Все пу_
_тя и по_ жен_ ки, Да толь_ко те не за_ ра_
стай те, Ми_ ло_ го до_ ро_ жень_ ки.

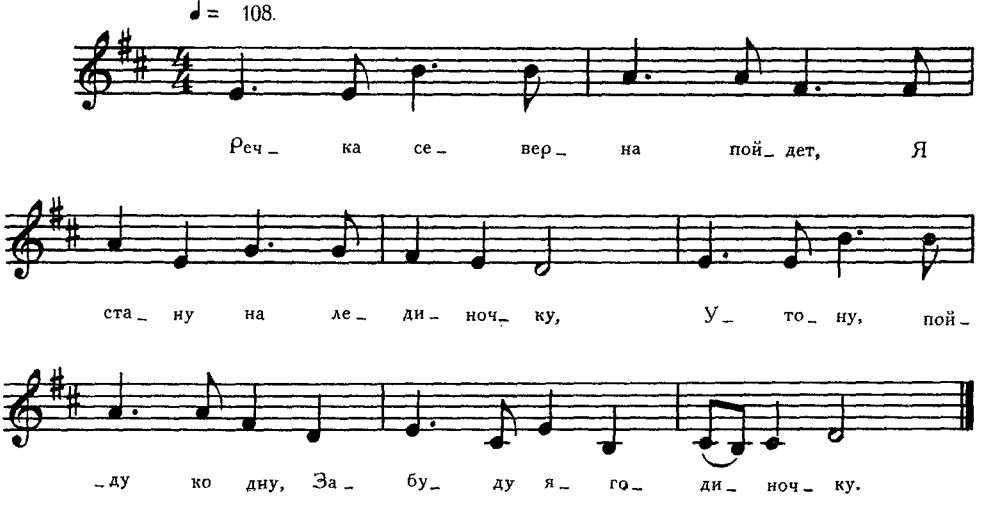
215


♩= 72,
Кем_ска ре_чень_ка ши_ ро_ка, Ей не сме_ряшь ре_меш_
_ком, У мня ми_лень_кий да_ ле_ко, И не сбе_гашь ве_чер_
_ком. Мне ска_за_ли — не лю_ би, Я ска_ за_ ла —
бу_ ду, Он ме_ ня, а я е_ го Во_ ве_ки не за_ бу_ ду

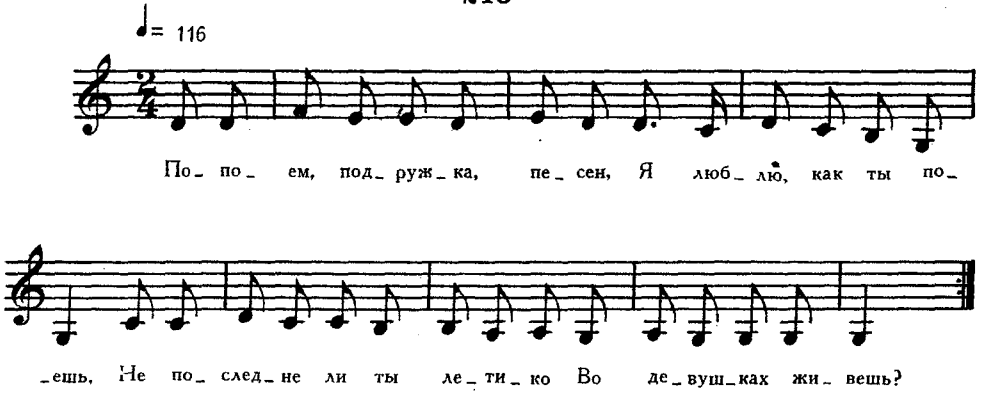
216


♩= 96
Го_ во_ рят, су_ да го_ рят, Го_ рят ду_
_бо_ вы ло_доч_ ки, Я во_ ве_ ки не за_ бу_ ду
Ми_ ло_ го по_ хо_ доч_ ки.

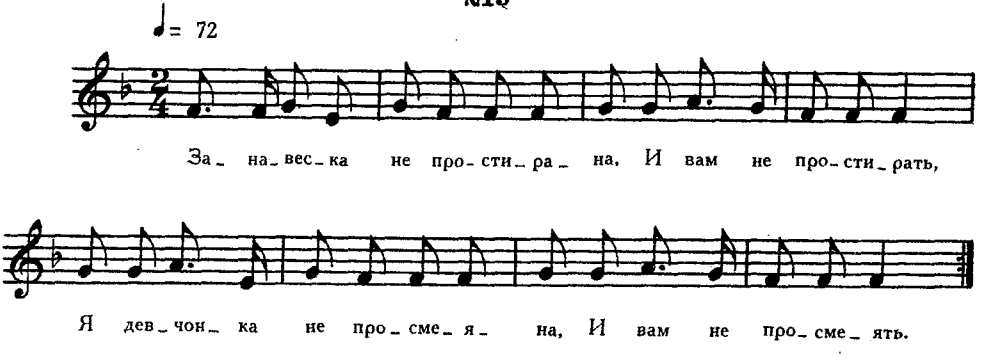
217


♩= 108.
Реч_ ка се_ вер_ на пой_ дет, Я
ста_ ну на ле_ ди_ ноч_ ку, У_ то_ ну, пой_
ду ко дну, За бу_ ду я_ го_ ди_ ноч_ ку.

218


♩= 116
По_ по_ ем, под_ руж_ка, пе_ сен, Я люб_ лю, как ты по_
ешь, Не по след_ не ли ты ле_ ти_ ко Во де_ вуш_ках жи_ вешь?

219


♩= 72
За_ на_ вес_ка не про_ сти_ ра_ на, И вам не про_ сти_ рать,
Я дев_ чон_ ка не про_ сме_ я_ на, И вам не про_ сме_ ять.

КОММЕНТАРИИ

1. Не кукушица ли да вона во сыром бору да вона скуковала 123/19; 445/10 [1]

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., декабрь 1964.

Протяжная (любовный цикл). Встречается в публикациях с середины XIX в. с разными зачинами: «Долина ль моя, долина широкая», «При долинушке есть калинушка» (см.: Кир., №№ 1642, 1988; Ефименко, стр. 60; Линева, в. 1, № 11). В просмотренных сборниках советского времени не встречена.

В северной части Карельского Поморья от других исполнителей не записана.

2. Заболели мои поженьки 52/13; 367/1

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., П. П. Нифакина 72 л. и группа женщин, февраль 1964.

Протяжная (любовный цикл). Вариант см. у Соболевского (V, № 53 — в записи Студитского в Олонецкой губ.). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Рождественской (стр. 87).

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему возрасту. Текст из д. Подужемье Кемского р-на несколько продолжен:

Как хочет ехать дружок миленькой от меня
Жить во дальние города,
А как закупать он своей лю...
Вот как любушке подарочики дороги.
И как дороги мне пода...
Вот подарочки: два платочика шелковыих,
Да чтой-то на праву на нежну руку,
Ой, как рученьку, ой, да два колечика золотыих,
Два колечика золотых.
Как золотыя лишь коле...
Вот колечики при мне совестно было подарить.

(См. 45/198; 352/8)

3. Цветики, вы цветики лазурёвыя 52/59; 370/7

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., А. Г. Таурьянен 55 л. и группа женщин, февраль 1964.

Протяжная (любовный цикл). По содержанию, художественным особенностям близка к девичьим песням. В публикациях известна со второй половины XIX в. Библиографию см.: Песенн. фолькл. Мезени, № 50.

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему возрасту.

---

[1] Фольклорные материалы каждой экспедиции, хранящиеся в Архиве Карельского филиала АН СССР, составляют отдельную коллекцию. Первая дробь в комментарии указывает шифр Архива; первая цифра дроби — номер коллекции, вторая — порядковый номер единицы хранения. Магнитофонные записи песен хранятся в кабинете звукозаписи Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Вторая дробь в комментарии — шифр кабинета звукозаписи; первая цифра дроби — номер кассеты; вторая — порядковый номер записи.

Публикуемый текст — наиболее полный из всех поморских вариантов, близок к записи С. В. Максимова на Белом море (см.: Соб., III, № 400, из публикации Якушкина).

4. Ветерочки, да ветры, вы легоньки да голосочки 123/14; 445/4

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., А. Г. Таурьянен 55 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Протяжная (любовный цикл). По содержанию и художественным особенностям относится к девичьим песням. По зачину сходна с песней «Ой, ветры-то, ветерочки», записанной на Пинеге (см.: Песни Пинежья, № 138). Известна в южной части Поморья (см.: Кондратьева, № 88).

В северной части Карельского Поморья довольно редкая, известна старшему поколению. Вариант напева см. № 31 настоящего сборника.

5. Шел-то Иванушка да долиною 123/2; 444/1

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, февраль 1964.

Протяжная (любовный цикл). Песня-пастораль XVIII в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 69; Песни Печоры, № 74 — с зачином «Кабы под лесом, было под лесочком». Кроме того, в просмотренных сборниках советского времени встречена у Рубцова, № 39.

В северной части Карельского Поморья составителями записано несколько вариантов с данным зачином.

6. Ой, не дождичком-то у красной девушки белоё лицо смочило да помочило 52/6; 366/5

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., М. К. Петрова 66 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Протяжная (любовный цикл). В публикациях известна с 1770 г. (см.: Чулков, стр. 193, № 153; Трутовский, стр. 89 — вариант первой части; Прач, стр. 100, № 28; Соб., V, №№ 493—495). Отдельные фрагменты встречаются в других песнях (см.: Кир., №№ 1248, 2142 и № 21 настоящего сборника). В просмотренных сборниках советского времени встречается редко (см.: Иваницкий, № 64 — фрагмент). В более старых записях данного сюжета имеются элементы рекрутской песни, а в Поморье песня приобретает чисто любовный характер. Исполнителям известна как «полевая».

7. Уж вы горы, вы горы, эх, горы Воробьевския 52/20; 367/8

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., П. П. Нифакина 72 л. и группа женщин, февраль 1964.

Широко известна с XVIII в. Близка к песне «Уж ты поле, поле...». Библиографию см.: Песни Пинежья, № 61; Песни Печоры, № 152. Кроме того, см.: Васнецов, № 13; Кир., №№ 1266, 1282, 1293, 1354, 1499, 1550, 1636, 1914, 1933, 1948, 2507, 2640, 2641; Соб., I, №№ 358, 361—369; Истомин и Ляпунов, № 47. В просмотренных сборниках советского времени встречена у Рождественской (стр. 35), Рубцова (№ 9), а также в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 59).

Публикуемый текст принадлежит к числу полных, развернутых вариантов.

В северной части Карельского Поморья редкая, известна с данным зачином, устойчивым эпическим сюжетом и образами.

8. Красно солнышко, да ты зайди-ко за небеса 52/11; 366/10

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., А. Г. Таурьянен 55 л. и группа женщин, февраль 1964.

По идейно-художественным особенностям примыкает к старому слою девичьих любовных песен. Близких вариантов в просмотренных сборниках русских народных песен не найдено.

В северной части Карельского Поморья в других деревнях не встречена.

9. Не по реченьке-то лебедушка да плывет 123/32; 447/4

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., Е. К. Игнатьев 61 г., декабрь 1964.

Полного текстуального сходства в просмотренных сборниках не найдено. Варианты см.: Ефименко (стр. 134, № 2); Померанцева, Ярославск. (стр. 267, № 61). Варианты первой части (несчастная жизнь молодой женщины в чужой семье) см.: Иваницкий

(№ 221); Померанцева, Вологодск. (стр. 161, № 131). Варианты второй части — служба молодца в солдатах — встречаются самостоятельной песней (см.: Кир., № 2467; Соколовы, стр. 478, № 600; Рубцов, № 10; Песенн. фолькл. Мезени, № 44).

Публикуемый текст, по-видимому, контаминирован. В поморских вариантах главным действующим лицом первой части является не девушка, а молодец.

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему поколению. Составителями записано пять вариантов.

10. Я не думала-то да на сем свете тужить 123/9; 444/8

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., А. Г. Таурьянен 55 л. и А. П. Нифакина 59 л., декабрь 1964.

Известна в публикациях XVIII—начала XIX в. и советского времени. Библиографию см.: Песни Печоры, № 361; № 33 — сходство со второй частью, с 26-й строки. Кроме того, опубликована у Прача (стр. 127, № 45), Соболевского (II, № 207 — первая часть текста и V, № 164), Коничева (стр. 164), Иваницкого (№ 12).

Публикуемый текст контаминирован с песней «Вечер был я на почтовом на дворе» (см.: Истомин и Дютш, стр. 196). По зачину близок к песне А. Ф. Мерзлякова (1778—1830) «Я не думала ни о чем в свете тужить» (Розанов, стр. 120).

В северной части Карельского Поморья известна старшему возрасту как «качельная».

11. Не ясён сокол-то, сокол по борам лётал 52/19; 367/7

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., П. П. Нифакина 72 л. и группа женщин, февраль 1964.

Близкие варианты записаны в середине XIX в. Библиографию см.: Песенн. фолькл. Мезени, №№ 66, 66а.

В северной части Карельского Поморья от других исполнителей не записана.

12. Полно-ко солнышку да из-за лесу да пекчи 123/27; 446/8

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Известна в публикациях XIX в. Варианты см.: Кир. № 1265 — первая часть; Соб., V, №№ 402—407; Рыбников, III, стр. 142 — первая часть дословно совпадает с публикуемым текстом. В советское время опубликована у Кондратьевой (№ 8) и в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 62).

В северной части Карельского Поморья у других исполнителей не встречена.

13. Вы, премилые девушки, да вы придите-ко в гости к нам 52/52; 369/13

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, февраль 1964.

Имеется в публикациях XIX в. и советского времени. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 95. Кроме того, см.: Кир., № 2794 — первая часть текста; Абрамский, № 36; Иваницкий, № 96; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 34; Песенн. фолькл. Мезени, № 21. Публикуемый текст наиболее близок к записи Ефименко в Архангельской губ. (Соб., V, № 89).

В северной части Карельского Поморья популярна среди женщин среднего и старшего возраста. Текст устойчив.

14. Чернобровый, черноглазый, душа ты мой 52/5; 366/4

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., П. П. Нифакина 72 л., А. П. Нифакина 59 л. и группа женщин, февраль 1964.

Редкая. По содержанию и художественным особенностям примыкает к девичьим песням. Близкий вариант с несколько продолженным текстом опубликован у Ефименко (стр. 51). В других просмотренных сборниках дореволюционного и советского времени не найдена.

В северной части Карельского Поморья малоизвестна; составителями записаны два варианта.

15. Гуляньё, ты мое гуляньицо 52/22; 367/10

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., А. П. Нифакина 59 л. и группа женщин, февраль 1964.

Редкая. Построена на образах традиционной любовной лирики. Подобный зачин в другом контексте встречается у Киреевского (№ 2535). В других просмотренных сборниках не найдена.

В северной части Карельского Поморья известна только большим знатокам песни в д. Черная Река. Считается рекрутской, так как прежде исполнялась при проводах в солдаты.

16. Славна питерска дорожка неширока 52/21; 367/9

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., П. П. Нифакина 72 л., А. П. Нифакина 59 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Известна в публикациях XVIII и XIX вв. и советского времени. (Библиографию см.: Песни Печоры, № 182 — близкий вариант. Кроме того, см.: Соб., VI, № 134 — вторая часть; Васнецов, № 63; Истомин и Дютш, стр. 188; Рождественская, стр. 33 — первая часть; Померанцева, Ярославск., стр. 265—266, № 58 — первые шесть строк; Иваницкий, № 264 — короткий вариант; Кондратьева, № 46). По отдельным художественным приемам и образам имеет некоторое сходство с песней Н. Г. Цыганова (1797—1831) «Ах, не пташечка, не ясен сокол со тепла гнезда слетает» (см.: Розанов, стр. 233).

Публикуемый текст принадлежит к числу наиболее полных вариантов рекрутских песен.

В северной части Карельского Поморья широко известна среднему и старшему поколениям (составителями записано семь вариантов). Встречается и с другим зачином: «Из-под кустышка дорожка спротекла»; вторая часть, со слов «Не ясен сокол с тепла гнезда слетает», в отдельных деревнях бытует как самостоятельная песня, с другим напевом (см. № 49 настоящего сборника).

17. Что у маменьки родимыя 52/54; 370/2

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., А. П. Нифакина 59 л., П. П. Нифакина 72 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Популярная рекрутская песня типа причитания. Неоднократно публиковалась с XIX в. до настоящего времени с разными зачинами: «У отца было у матери», «Не ясён ли соколик полетывал», «Как выезжал-то майор да полковничек», «Из палатушек белокаменных» Библиографию см.: Песни Пинежья, № 107; Песни Печоры, № 2. Кроме того, см.: Кир., № 2671; Рождественская, стр. 27; Иваницкий, № 245—246; Кондратьева, № 82; Песенн. фолькл. Мезени, №№ 52, 53.

Публикуемый текст ближе к вариантам, записанным в Вологодской области. В отличие от известных текстов в поморских отсутствует социальное определение героев.

В северной части Карельского Поморья бытует среди женщин и мужчин старшего возраста.

18. Чтой за год такой да за народ лихой 123/18; 445/9

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л. и С. К. Петрова 70 л., февраль 1964.

Известна в публикациях XIX в. Близкие варианты см.: Ефименко (стр. 97); Истомин и Дютш (стр. 214). Отдельные фрагменты (проводы в солдаты и прощание с милым) встречаются в других песнях: варианты первой части текста см.: Соболевский (VI, № 92—94); Соколовы (стр. 436, № 442); в советское время: Померанцева, Вологодск. (№ 144 — первая часть); Песенн. фолькл. Мезени (№ 56) и № 119 настоящего сборника.

В северной части Карельского Поморья у других исполнителей не встречена.

19. Вы листочики да лавровыя 52/109; 373/2

Пос. Керетский Лесозавод Лоухского р-на. В. С. Степанова 51 г., А. С. Курашова 52 л., А. С. Смолькова 66 л. и группа женщин, март 1964.

Известна с первой половины XIX в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 28. Кроме того, см.: Васнецов, № 88; Кир., №№ 1576, 1622, 1672, 1771, 2244 — сходство по второй части; Соб., V, №№ 662—675; Коничев, стр. 176; Иваницкий, № 108. Отдельные мотивы встречаются у Лопатина и Прокунина, №№ 37—42. Бытует с разными зачинами («Ой, недозрелая калинушка», «Не пой, не пой, соловьюшек», «Сильно, сильно черемушка расцвела»). Публикуемый текст близок к среднепечорским вариантам.

В северной части Карельского Поморья известна старшему поколению только с данным зачином. Текст, записанный в с. Шуерецком Беломорского р-на от А. И. Симонковой, несколько продолжен:

«Ты, моя сударушка,
Хоть рученькой ты махни,
Махни». — «Да я радешенька-то тебе махнула бы,

Рука у жениха,
У жениха». — «Да уж, ты, девушка, моя сударушка,
Простимся навсегда,
Навсегда». — «Да я радешенька с тобой простилась бы,
Добры конички не стоят,
Не стоят, да еще кучеры да лакеишки
Скоро коничков торовят,[1]
Торовят». — «Да уж ты, девушка, моя сударушка,
Записочку хоть мне напиши,
Напиши». — «Да я радешенька бы написала —
Чернил-то, бумажки нет».

(См. 123/54; 449/5)

20. Экой ты, Ваня, разудала, Ванюша, голова 52/75; 371/4

Пос. Керетский Лесозавод Лоухского р-на. В. С. Степанова 51 г. и А. С. Смолькова 66 л., март 1964.

Широко известна в публикациях XIX в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 25. Кроме того, см.: Пальчиков, № 64; Соб., V, № 483. Неоднократно публиковалась в советское время (см.: Гудков и Леви, стр. 61, № 5; Абрамский, № 45; Иваницкий, № 100; Новикова, стр. 192, № 73; Рубцов, № 17; Песенн. фолькл. Мезени, № 47). Публикуемый вариант совпадает с известными печатными текстами.

В северной части Карельского Поморья встречается редко.

21. Распекло в тумане 51/182; 362/12

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. И. Коновалова 52 л., А. С. Мехнина 46 л. и группа женщин, январь 1964.

Протяжная (любовный цикл). Известна в публикациях второй половины XVIII и XIX в. Варианты см.: Чулков, стр. 199, № 153; Истомин и Дютш, стр. 190, № 26 — первая часть песни. Отдельные фрагменты см.: Соб., V, №№ 492—503 и № 6 настоящего сборника. В советское время встречается редко (см.: Коничев, стр. 166 — сходство по зачину; Гудков и Леви, стр. 67, № 10 — короткий вариант; Кондратьева, №№ 4, 87). По сравнению с ранее известными публикуемый текст более полный.

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди женщин пожилого возраста. В с. Шуерецком Беломорского р-на от Н. Г. Никитиной (уроженки Архангельской обл.) записан вариант с подобным зачином, но иным текстом:

Во тумане-то печет божье солнышко,
Ай, да во тумане,
При печали красна девушка,
Ой, да при большом несчастье.
Да я, бессчастная красная девушка,
На свете родилась,
Я недолго с миленьким дружочком,
Я с ним поводилась,
Поскоре того с любезным-то
Я с ним расставалась.
Край пути было дороженьки,
Ой, большой дороги,
Там стояли-то высоки новы покои,
Сидел душечка, мой милый дружок.
Он оперся-то белой грудью,
Да милой об окошко,
Ронил-капил[2] горьки слезы
Да милой за окошко.
Уж, он думал-то да крепку думушку,
Ой, да крепки мысли:
«Полетите-тко, мои крепки мысельцы,
На мою сторонку,
На мою родну сторонушку,
Ко моей любезной,
Чтобы моя любезная, ой, не тосковала,
Старого, прежнего дружка
Ой, да чтобы вспоминала.
Я не в гости пришел,
Да не гостить к ней зашел.

[1] торопят.
[2] капал.

Пришел, душечка, да с тобой распроститься,
Подарочками да с тобой разменятися.
Ты отдай-ко, отдай мне златой перстень,
А ты возьми-ко, возьми свой шелков платок.
Еще тем перстнем да обручаться мне,
А тем платком да тебе жениха дарить.

(См. 53/40; 393/8)

Близкий вариант этого текста см. у Рождественской (стр. 86).

22. Кто-то бы сбегал, распроведал 51/200; 363/13

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л. и А. С. Мехнина 46 л., февраль 1964.

Протяжная (любовный цикл). В просмотренных сборниках не встречена.

В северной части Карельского Поморья от других исполнителей не записана.

23. Тянет, дует с морюшка воздух 51/125; 359/7

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л., П. В. Бутакова 55 л. и А. И. Коновалова 52 л., февраль 1964.

Протяжная (любовный цикл). По идейно-художественным особенностям близка к девичьим песням. (Варианты см.: Кир., № 1328; Истомин и Дютш, стр. 194, № 29 — запись из г. Кеми; Соб., II, № 285 — из публикации Якушкина, запись из г. Кеми, № 286; V, № 677, 678 — фрагмент). Публикуемый текст близок к известным кемским вариантам, но имеет свой лирический зачин.

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему возрасту, встречается и с зачином «Утром рано, в вечерях было поздно», в других районах Русского Севера — с зачином «Соловеюшко премилый».

24. Вздумал да и вот уехал 51/112; 358/10

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л. и А. И. Коновалова 52 л., январь 1964.

Протяжная (любовный цикл). Известна с конца XVIII в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 11. В советское время опубликована у Рождественской (стр. 88, № 8), Рубцова (№ 23), Иваницкого (№ 74), Кондратьевой (№ 9) и в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 24).

В северной части Карельского Поморья известна старшему возрасту, чаще встречается с более старым зачином «Отлетает мой-то соколик». Вариант напева см. № 56 настоящего сборника. Текст в основном устойчив. По словам исполнительниц с. Шуерецкого Беломорского р-на, эта песня сопровождала орнаментальную игру «Из-за стенки». Играющие становились в круг. Одна из участниц медленно ходила вне круга. Выбрав подругу, ударяла ее по плечу, становилась на ее место, а подруга продолжала идти вне круга. Так повторялось до конца песни.

25. Чтой травонька в поле за муравая 51/64; 361/13

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., А. С. Мехнина 46 л., З. К. Мехнина 60 л. и группа женщин, январь 1964.

Протяжная (любовный цикл). Близка к девичьим песням. В просмотренных сборниках не встречена.

В северной части Карельского Поморья известна только большим мастерам песни. Составителями записано два варианта.

26. Сторона ли ты моя, моя сторонушка да сторона 51/130; 359/13

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л. и П. В. Бутакова 55 л., январь 1964.

Протяжная (любовный цикл). По художественным особенностям примыкает к девичьим песням. В просмотренных сборниках встречен лишь один близкий вариант, записанный Истоминым и Дютшем в г. Кеми (стр. 205, № 35). В советское время вариант опубликован в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 58).

В северной части Карельского Поморья «Сторонушка» (как называют исполнительницы) широко известна женщинам старшего и среднего возраста. В отдельных деревнях поется на свадебной неделе, когда невеста выезжает к родне с приглашением на свадьбу.

27. Воля, ты наша волюшка 51/106; 358/4

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. И. Коновалова 52 л. и П. С. Мехнина 49 л., январь 1964.

Протяжная (любовный цикл). По содержанию и идейно-художественным особенностям может быть отнесена к девичьим песням. В просмотренных сборниках не найдена.

В северной части Карельского Поморья известна только старшему поколению деревень Гридино и Калгалакша. Вариант см. № 41 настоящего сборника.

28. Да приотправился, да собрался 51/111; 358/9

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. И. Коновалова 52 л., П. С. Мехнина 49 л., январь 1964.

Протяжная (любовный цикл). Библиографию см.: Песни Печоры, № 151; Песенн. фолькл. Мезени, № 46. Близкие варианты записаны в основном в районах Русского Севера (см.: Кир., № 1348; Соб., III, № 354 — в записи Студитского, Олонецк., №№ 355—357 — из публикации Якушкина, записаны в г. Кеми С. В. Максимовым, №№ 358—359; Истомин и Ляпунов, стр. 216). Вторая часть (молодец говорит любимой девушке о своем решении жениться на другой) как самостоятельная песня встречается в публикациях XVIII—XIX вв. и советского времени (см.: Чулков, стр. 196, № 157; Прач, стр. 101, № 29; Трутовский, стр. 64; Шейн, №№ 788—790; Соб., III, №№ 360—369; Соколовы, стр. 439, №№ 452—454; Померанцева, Ярославск., стр. 253, № 38).

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди женщин старшего возраста.

29. За реченьку ходить 51/206; 363/19

Д. Гридино Кемского р-на. А. Е. Коновалова 52 л. (уроженка д. Койда Архангельской обл.), январь 1964.

Протяжная (любовный цикл). Известна с середины XIX в. Библиографию см.: Песенн. фолькл. Мезени, № 19. Кроме того, см.: Васнецов, стр. 110, № 96. Отдельные образы и частичное совпадение текста встречаются в других песнях (см.: Соб., II, № 440; Соколовы, стр. 421, № 408).

В зачине публикуемого текста исполнительницей допущена перестановка. Общеизвестный зачин «Не велят Дуне за реченьку ходить».

В северной части Карельского Поморья другим исполнителям неизвестна.

30. На что-то в людюшки рано торопиться 51/110; 358/8

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л., А. И. Коновалова 52 л., январь 1964.

Библиографию см.: Песни Пинежья, № 2. Кроме того, см.: Соколовы, стр. 437, № 444 — фрагмент; Коничев, стр. 180; Рождественская, стр. 85, № 4; Померанцева, Ярославск., стр. 176, № 30 — исполнялась на девичнике, сходна по зачину; Рубцов, № 14; Иваницкий, № 78; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 31; Песенн. фолькл. Мезени, № 33.

Публикуемый текст ближе к вариантам, записанным в Вологодской и Архангельской губерниях.

В северной части Карельского Поморья известна только старшему поколению.

31. Ой вы ветры, вы мои ветерочки 51/109; 358/7

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л. и А. И. Коновалова 52 л., январь 1964.

Комментарий и вариант напева см. к № 4 настоящего сборника. Текст не публикуется, он значительно короче № 4, но имеет своеобразный зачин, который и приводится.

32. Да невеселенька наша компаньица 51/126; 359/8

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л., П. В. Бутакова 55 л. и группа женщин, февраль 1964.

Широко распространена в дореволюционное и советское время. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 43; Кроме того, см.: Колпакова, № 10; Гудков и Леви, стр. 65, № 9; Рубцов, № 18; Иваницкий, № 48; Песни Печоры, № 51 и комментарий; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 29; Песенн. фолькл. Мезени, № 43.

В северной части Карельского Поморья популярна среди женщин старшего и среднего возраста. Текст устойчив, сохранены упоминания о магических обрядах (кумлении и бросании на воду венков). Если в ранее известных вариантах жених или муж ге-

роини не возвращался из города, то в Поморье, где основным промыслом является рыболовство, милый не возвращается с моря. В связи с гибелью отдельных рыбаков во время промысла песня исполняется особенно трогательно и сюжет ее воспринимается исполнительницами как личное переживание.

33. Уж ты счастьё мое, да ты талан худой 51/196; 363/8

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., З. К. Мехнина 60 л., А. С. Мехнина 46 л. и группа женщин, январь 1964.

Протяжная (семейно-бытовой цикл). Близка к песне, известной с конца XVIII в. с зачином «Из-за лесу, лесу темного» (см.: Чулков, стр. 181, № 139; стр. 436, № 149; стр. 690, № 170). Встречается в публикациях XIX и XX вв. (см.: Васнецов, № 26; Истомин и Ляпунов, стр. 98 — наиболее близкий вариант; Соб., II, №№ 218, 219; Ончуков, № 101; Соколовы, стр. 326, № 50 — далекий вариант).

В северной части Карельского Поморья встречается редко и только с данным зачином. В отличие от известных вариантов в Поморье образ «девочьего погубителя» приобретает социальную окраску, осмысляется как церковный пограбитель, а не «разбойник-душегубщик», убивший своего шурина. В варианте из д. Поньгома Кемского р-на это звучит так:

Что просватала меня да родна матушка,
Сопоручила меня да родимая,
За того ли за вора, да за разбойника,
Что за юношу, да за дьякона,
За церковного да пограбителя,
За девочьего за погубителя.

(См. 45/100; 349/18)

34. Я куды с горя 51/205; 363/18

Д. Гридино Кемского р-на. А. Е. Коновалова 52 л. (уроженка д. Койда Архангельской области), февраль 1964.

Библиографию см.: Песни Печоры, № 41. Кроме того, см.: Соколовы, стр. 466, № 553. Из просмотренных сборников советского времени см.: Померанцева, Вологодск. (стр. 170, № 145 — с более развитым окончанием); Иваницкий (№ 66).

В северной части Карельского Поморья другим исполнителям неизвестна.

35. Соловеюшко, парень молодой же 363/3

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л. и группа женщин, январь 1964.

Библиографию см.: Песни Пинежья, № 144. Кроме того, см.: Иваницкий, № 67; Песени. фолькл. Мезени, № 29.

В северной части Карельского Поморья редкая, в других обследованных деревнях не встречена. Текст уточнен при повторной записи (см. 51/162; 361/11).

36. Вы-то скажите, мысельцы мои 51/192; 363/4

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., П. В. Бутакова 55 л., А. С. Мехнина 46 л. и группа женщин, январь 1964.

Была популярна в XIX в. Варианты см.: Васнецов, № 78; Пальчиков, № 72—73; Лопатин и Прокунин, ч. II, № 34; Соб., V, № 571—572; VII, № 773 — короткие варианты; Истомин и Дютш, стр. 180, № 19 — близкий вариант, записанный в г. Кеми; Шейн, № 717. В советское время опубликована Рубцовым (№ 41).

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди людей пожилого возраста. Иногда встречается с зачином «Печальное сердце мое».

37. Что не знает-то, не знаёт мой миленькой 51/204; 363/17

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., П. В. Бутакова 55 л. и группа женщин, февраль 1964.

В основных печатных сборниках не найдена. Известна в южной части Поморья (см.: Кондратьева, № 45).

В северной части Карельского Поморья широко известна среднему и старшему поколениям. В отдельных местах (д. Черная Река и г. Кемь) исполняется на свадьбах. В с. Шуерецком Беломорского р-на записана с иным зачином:

Да надоела-то соловью зима,
Зимушка зимуючи,

Да добрым коничкам, коням бездорожьица,
Ой, да добру молодцу чужая сторона.

(См. 123/87; 452/7)

38. Говорил я своёй любушке словцо 51/183; 362/13

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л. и группа женщин, январь 1964.

Известна с конца XVIII в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 118; Песни Печоры, № 54. В просмотренных сборниках советского времени встречается редко: фрагмент второй части песни см. у Иваницкого (№ 53).

В северной части Карельского Поморья широко известна среднему и старшему поколениям.

39. Ой девушка по садику гуляла 51/135; 360/5

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. С. Мехнина 46 л., П. В. Бутакова 55 л. и группа женщин, январь 1964.

Варианты имеются в публикациях XIX в.: Кир., №№ 1634, 1845, 2556, 2699 (б), 2699 (в), 2767, 2863; Соб., IV, №№ 810—813; Истомин и Ляпунов, стр. 218. В просмотренных сборниках советского времени фрагмент встречен у Иваницкого (№ 36). В большинстве известных вариантов имеется мотив солдатчины, в публикуемом тексте он отсутствует.

В северной части Карельского Поморья известна пожилым исполнительницам с большим песенным репертуаром.

40. Лесна птичка кинарейка 51/131; 360/1

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. В. Бутакова 55 л. и группа женщин, февраль 1964.

Библиографию см.: Песни Пинежья, № 91; Песни Печоры, № 183 — вторая часть публикуемого текста. Кроме того, см.: Васнецов, № 72 — вторая часть текста; Соб., V, № 712 — короткий вариант; Гудков и Леви, стр. 60, № 4; Рубцов, № 28 — вариант первой части, № 51 — вариант второй части; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 40. Публикуемый текст представляет собой контаминацию двух песен — «Кинареечка прелестна» и «Как во нашей во деревне».

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди исполнительниц старшего возраста.

41. Воля, ты наша волюшка, девочья дорогая 51/44; 355/2

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., А. А Мехнина 61 г. и группа женщин, февраль 1964.

Вариант см. № 27 настоящего сборника.

42. Мне комарики мешали-то ночку спать 51/101; 357/19

Д. Калагалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., А. А. Мехнина 61 г., Р. В. Ефремова 42 л., февраль 1964.

Самая ранняя публикация относится к 1792 г. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 12; Песни Печоры, № 191. Кроме того, в просмотренных сборниках советского времени встречена у Рубцова (№ 27) и Иваницкого (№ 27).

В северной части Карельского Поморья встречается редко; известна женщинам старшего возраста.

43. Я-то нигде своего дружка не вижу 51/31; 354/10

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., З. Б. Ларионова 41 г. и группа женщин, февраль 1964.

Широко известна в публикациях с конца XVIII в. до настоящего времени с разными зачинами: «Летал голубь по долинке», «Я вечер своего милого унимала ночевать», «Полно, Дунюшка, тужить», «У любезного сидела за дубовым за столом», «Я вечер-то парня, его просила», «А я вчерашним денечком милого провожала». Библиографию см.: Песни Пинежья, № 63; Песни Печоры, № 42. Кроме того, см.: Кир. №№ 143, 2611; Гудков и Леви, стр. 57, № 2; Рубцов, № 25; Иваницкий, № 81; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 31; Песенн. фолькл. Мезени, № 75.

В отличие от известных текстов в Поморье варьируется описание лодки (карбаса) (см. публикуемый текст, строки 32—39, и вариант д. Гридино, записанный от З. К. Мехниной):

На той, на другой, на дальней сторонке
Распашистой ехал карбасок.
Распашистой ехал, размашистой,
Тонки новы были белы паруса.
На кормы сидел товарищ,
А на середке мой миленький дружок.

(См. 51/115; 358/13)

В северной части Карельского Поморья известна повсеместно старшему и среднему поколениям с устойчивым текстом и только с данным зачином.

44. Сохнет, вянет во полюшке травонька 51/13; 353/12

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., А. А. Мехнина 61 г. и группа женщин, декабрь 1964.

Близкие варианты имеются в публикациях XIX и XX вв. (см.: Кир., №№ 1273, 2610; Соб., V, №№ 61—62 — в записи Студитского из Олонецк. и Вологодск. губ., № 325; Соколовы, стр. 455, № 509). Из публикаций советского времени см.: Песни Печоры (№ 25 — первая часть); Песенн. фолькл. Мезени (№ 55).

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди женщин пожилого возраста. Вариант напева см. № 57 настоящего сборника.

45. Шила наша Катенька да трои новы рукава 51/230; 364/23

Д. Калгалакша Кемского р-на А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

В публикациях известна с XVIII в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 9. Кроме того, см.: Кир., №№ 1990, 2376; Иваницкий, № 515; Песенн. фолькл. Мезени, № 34. Выбор жениха (бедняка-музыканта девушка предпочитает купцу и сенатору) подчеркивает классовую направленность данного варианта песни.

В северной части Карельского Поморья встречается редко.

46. Не за реченькой девушка гуляла 45/71; 348/15

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., А. Ф. Дмитриева 44 л., З. Д. Дмитриева 30 л. и группа молодых женщин, декабрь 1963.

По художественным особенностям близка к традиционным девичьим песням. В публикациях встречается редко. Варианты см.: Студитский, Олонецк., стр. 36; Соб., IV, № 278; V, № 740 — далекий вариант. Подобный зачин (с другим содержанием) встречается у Соколовых (стр. 451, № 496). В советское время записана на Печоре (см.: Песни Печоры, № 47 и комментарий; Песенн. фолькл. Мезени, № 15).

Публикуемый текст имеет своеобразное окончание. Девушка обращается к силам природы: просит помочь доставить письмо милому.

В северной части Карельского Поморья встречается лишь в отдельных деревнях.

47. Там уж шла-прошла сила-гармия 45/105; 349/23

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1963.

Старая, редкая. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 136; Песни Печоры, № 39. Кроме того, см.: Киреевский (№ 2710). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Коничева (стр. 163).

Публикуемый текст по сравнению с известными не принадлежит к числу полных и стройных, но интересно его окончание, которое в иных вариантах не встречается.

В северной части Карельского Поморья в других деревнях не записана. По словам исполнительницы, пелась при проводах в рекруты.

48. Кру́гом Мо́сквы объезжали 45/49; 347/8

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., Ф. Д. Кутчева 63 л. и Р. С. Кивечкина 70 л., декабрь 1963.

Библиографию см.: Песни Пинежья, № 58; Песни Печоры, № 4. Кроме того, см.: Чайковский, стр. 142, с зачином «Вы солдатушки, уланы»; Кир., №№ 333, 336, 338, 339; Истомин и Ляпунов, стр. 258; Соколовы, №№ 49, 54—56; Иваницкий, № 267. Чаще встречается с зачином «В Питер-Москву проезжали».

В северной части Карельского Поморья популярна среди женщин старшего возраста. Окончание песни исполнительница П. В. Миккова рассказала таким образом:

Затем вслед она по деревенке бежала
Да голосочиком кричала:
«Миленький, со мной простися!».

49. Да не ясён сокол со гнездышка слетаёт 45/83; 348/27

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., С. В. Дмитриева 51 г. и группа молодых женщин, декабрь 1963.

Комментарий см. к № 16 настоящего сборника. Текст не публикуется, совпадает со второй частью № 16, за исключением некоторых разночтений: отсутствует локальная прикрепленность; в заключительных строках имеется диалог между матерью и дочерью:

Не за то ли её маменька бранила:
«Да ты куда, куда платочек подевала?».
«Да я на мылья, на румянец променяла».

Приводится только зачин и самостоятельный напев.

50. Да уж ты, зорюшка, зоря 45/31; 346/3

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л. (уроженка д. Выгостров Беломорского р-на) и группа женщин, декабрь 1963.

Протяжная (любовный цикл). Известна в публикациях с первой половины XIX в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 28. Кроме того, см.: Кондратьева, № 3. Данный текст хорошей сохранности.

Отдельные фрагменты и художественные образы публикуемого текста встречаются в другом контексте (см. 51/48; 355/6).

В северной части Карельского Поморья и в других районах северного края встречается редко. Известна только старшему поколению.

51. Скучно жить с милым дружком в разлуке 124/40; 610/5

Г. Кемь. А. И. Попова 76 л., А. Г. Титова 50 л. и А. И. Кузьмина 65 л. (уроженки д. Выгостров Беломорского р-на), декабрь 1965.

Очень редкая. По общему характеру близка к традиционным девичьим песням. В просмотренных сборниках не встречена.

В северной части Карельского Поморья от других исполнителей не записана.

52. Лучше бы я, девушка, у батюшка жила 45/37; 346/9

Г. Кемь. А. И. Попова, 74 л. (уроженка д Выгостров Беломорского р-на), ее дочь А. А. Минюкова 33 л., Е. Ф. Благодарова 65 л. и группа женщин, декабрь 1963.

Видимо, позднего происхождения. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 87; Песни Печоры, № 32. Кроме того, см.: Новикова, стр. 82, № 52; стр. 227, № 126; Иваницкий, №№ 212, 213; Померанцева, Ярославск., стр. 181, № 40 — свадебная, с зачином «Почему же ты, черемушка, рано, рано расцвела»; Рубцов, № 35; Кондратьева, № 10; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 39.

В северной части Карельского Поморья распространена повсеместно, является одной из любимых песен среди женщин старшего и среднего возраста. Текст устойчив; в данном варианте сохранена традиционная троекратность (три сына и три невестки). С зачином более ранних записей («Калинушка с малинушкой», «Во саду черемушка») не встречена.

53. Как поехал добрый молодец во чисто полё гулять 45/38; 346/10

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л. (уроженка д. Выгостров Беломорского р-на), ее дочь А. А. Минюкова 33 л., Е. Ф. Благодарова 65 л. и группа женщин, декабрь 1963.

По-видимому, относится к старым песням. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 3, где в комментарии указывается на близость основных образов к традиционным сказочным канонам (трехчленность, исчезновение коня, девицы и шатра).

В северной части Карельского Поморья известна женщинам старшего и среднего возраста. Составителями записано пять вариантов. Данный текст хорошо сохранился, близок к вариантам, опубликованным у Истомина и Ляпунова (стр. 213, № 19) и Соболевского (I, № 317), а также в сб.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 24).

54. Ты полынёчка ли да полынька 53/78; 397/3

С. Шуерецкое Беломорского р-на, А. И. Гукова 59 л., М. И. Мосорина 55 л., А. В. Дорофеевская 55 л. и группа женщин, июль 1964.

Библиографию см.: Песни Пинежья, № 30, где в комментарии указывается, что данная песня на Севере уже вымерла: Песни Печоры, № 365. Кроме того, см.: Соб., III, №339 — близкий вариант, с зачином «Жить невесело во садике» (исполнялась на девичнике); Иваницкий, № 112; Кондратьева, № 6.

В северной части Карельского Поморья довольно популярна среди женщин старшего возраста (как «качельная»). По сравнению с известными публикуемый текст несколько шире и богаче образами. Так, например, интересны строки, имеющиеся в данном варианте:

Алый цветочек цветет же ради девушек,
Изюм-ягода растет, малина ради холоста,
Еще черная растет смородина ради бедных вдов.

Окончание иногда варьируется. В одних текстах молодец заходит к мужней жене, в других — к молодой вдове, к ее дочери, и поясняется:

Он-то не доченьку ее любил же,
Любил он сладку во...
Ой, да сладку водочку.

55. Да было-то в ручках счастьицо 123/55; 449/6

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Симонкова 55 л. (уроженка д. Шижня того же района), декабрь 1964.

По идейно-художественным особенностям близка к девичьим песням. Редкая. Публикаций с полным текстуальным сходством в просмотренных сборниках не найдено. Подобный зачин в другом контексте см.: Ефименко (песня «Катя, легонький умок» — стр. 63); Песни Печоры (№ 192).

В северной части Карельского Поморья у других исполнителей не встречена.

56. Отлетаёт мой-то теперь соколик 123/65; 450/4

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Мосорина 55 л., А. И. Гукова 59 л. и группа женщин, декабрь 1964. См. комментарий и вариант напева к № 24 настоящего сборника, так как существенных разночтений этот текст с № 24 не имеет; публикуются только зачин и вариант напева.

57. Сохнет, вянет во полюшке травонька 123/45; 448/10

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., А. В. Дорофеевская 55 л. и группа женщин, декабрь 1964.

См. комментарий и вариант напева к № 44 настоящего сборника. Текст значительных разночтений с № 44 не имеет, публикуются только зачин и вариант напева.

58. На плоту ли, плоту девица мылася 53/75; 396/10

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., К. Ф. Попова 60 л. и группа женщин, июль 1964.

Старая и редкая. В публикации известна с 1790 г. Варианты с другими зачинами см. у Соболевского (II, №№ 218, 219 — вторая часть песни); Ончукова (№ 101 — первая часть песни); вторая часть песни Ончукова (о разбое и убийстве шурина) в северной части Карельского Поморья не встречена. В советское время опубликована в сб.: Песни Печоры, № 177.

Текст настоящего сборника довольно полный, по ритму близок к причитаниям, бытовавшим на севере. От других исполнителей не записана.

59. Что ж вы, девушки, ой, да призадумались 123/51; 449/2

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., М. И. Мосорина 55 л. и группа женщин, декабрь 1964.

(Библиографию см.: Песни Печоры, № 60; Песенн. фолькл. Мезени, № 26. Кроме того, см.: Кир., № 1992 — близкий вариант второй части публикуемого текста; Ефименко, стр. 56 — короткий вариант).

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди женщин старшего возраста. Вариант с мотивами рекрутчины, записанный в г. Кеми, имеет продолжение:

Беспечально житье да житье девушкой.
Ненадолго оно да доставалося,
Три недельки всего да оставалося,

Три недельки всего да три минуточки,
Забирают дружочка во солдатики,
Во молоденькие во лекрутики.
Далеко ли я, далече провожать пойду,
Провожу я дружка до Питера,
Я от Питера дружка до Киева,
Я от Киева дружка до морюшка,
Я от морюшка дружка до полюшка.
Как на полюшке-то мы с им прощалися,
С им прощалися да расставалися.
Три полка солдат да сдивовалися:
«А это кто такой да там прощается,
Так прощается да расставается?
Там не муж со женой,
Да и не брат со сестрой,
Добрый молодец да с красной девушкой».
Мы влюблялися да три годочика,
А расставалися-то теперь да три часочика,
Три часочика да три минуточки.
Влюбляньице было тайное,
А расставаньице случилось явное.

(См. 42/78; 248/5)

60. Куды, милый, скрылся, где буду искать 123/68; 450/7

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., А. В. Дорофеевская 55 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Редкая. В просмотренных сборниках публикаций с полным текстуальным сходством не найдено. Варианты см.: Васнецов (№ 36), Соболевский (IV, № 86; V, № 167). Публикуемый текст насыщен характерными местными песенными образами (голубое судно, зеленые трали, серебряные цепи, золотой якорь).

В северной части Карельского Поморья популярна среди женщин старшего возраста.

61. По зоре-то было, по зорюшке 53/113; 399/12

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., июль 1964.

Близка к песням типа мещанского романса. Встречается в публикациях XIX и XX вв. (см.: Римский-Корсаков, № 17; Ефименко, стр. 71 — короткий вариант; Истомин и Дютш, стр. 173, № 13, Соб., III, №№ 413—419, IV, № 837 — первая часть). В советское время опубликована Померанцевой, Ярославск. (стр. 252, № 36 — первая часть); Рубцовым (№ 38); имеется у Иваницкого (№ 119 — короткий вариант).

В северной части Карельского Поморья известна среднему и старшему поколению. После магнитофонной записи порядок строк, начиная с 5-й, исполнителем уточнен:

Подоила, скрозь платочек цедила,
Да процедивши, душу Ваню поила,
Да напоила — уговаривала:
«Да не женись-ко ты, друг Иванушка,
Да ежель женишься да переменишься

(*и далее по тексту*).

62. Не ходил бы да не гулял да по этой дороженьке 53/50; 394/5

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., июль 1964.

Сравнительно новая. Известна в основном в районах Русского Севера. Первые публикации относятся ко второй половине XIX в. Варианты см.: Ефименко, стр. 53; Истомин и Дютш, стр. 181, № 20; Соколовы, стр. 456, № 514. В просмотренных сборниках советского времени встречена в сб.: Померанцева, Вологодск. (№ 143); Нар. тв. Сев. Двины (стр. 27). Окончание публикуемого текста (донской казак помышляет об убийстве своей жены) в Поморье встречается самостоятельной песней (см. 45/162; 351/3). Начиная с 19-й строки исполнительница несколько изменила характер зачина в музыкальной строфе.

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему поколению.

63. Да сторона ли ты, моя сторонка 53/1; 390/3

С. Шуерецкое Беломорского р-на. О. С. Богданова 77 л., июль 1964.

Встречается в многочисленных публикациях XIX в. (см.: Якушкин, стр. 219— сходство по зачину; Балакирев, № 33; Васнецов, № 77; Кир., № 2543; Истомин и Ля-

пунов, стр. 211; Соб., II, №№ 384—385 — наиболее близкие варианты, № 387 — фрагмент; V, № 49 — короткий вариант). В советское время опубликована у Рубцова (№ 48). Возможно, значительная переработка стихотворения поэта Г. А. Хованского (1767—1796) «Долго ль в свете, одинокой мне скитаться, слезы лить» (Розанов, стр. 66).

В северной части Карельского Поморья известна отдельным исполнителям старшего возраста.

64. Ты рябинушка, ты кудрявая 53/16; 391/4

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Андронова 75 л., июль 1964.

Известна со второй половины XVIII в. (см.: Чулков, стр. 209, № 171; Линева, в. 1, № 22; Соколовы, стр. 474, № 584 — короткий вариант; Песни крестьянских войн, № 64).

В северной части Карельского Поморья встречается очень редко. Публикуемый текст является первой частью известных вариантов. Вторая часть (желание атамана проститься с умершей любимой) отсутствует; героем песни является не атаман, а солдат. У других исполнителей не встречена.

65. Из-под той белой березы 52/32; 368/8

Д. Черная Река Лоухского р-на, М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., М. К. Петрова 66 л. и группа женщин, февраль 1964.

Своеобразна по ритму и фонетическим особенностям. Известна в публикациях XVIII и XIX вв. и советского времени. Варианты см.: Васнецов, №№ 18, 98, Кир., № 2928; Соб., III, №№ 568—574; IV, №№ 544—548; Игры народов, стр. 283, № 644; Померанцева, Ярославск., стр. 250, № 33; первую часть с иным развитием образов см.: Иваницкий, № 216; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 64. Публикуемый текст представляет собой контаминацию двух песен с разными зачинами: «Из-под той белой березы» и «Да у майора по любови».

В северной части Карельского Поморья широко известна как «утушная», а в отдельных деревнях как «кадрильная». Иногда встречается и в виде двух самостоятельных песен.

66. По калинову мосточку 52/9; 366/8

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, январь 1964.

Составлена из отдельных сюжетных мотивов. Встречается в публикациях XVIII и XIX вв. (см.: Чулков, стр. 657, № 139 — первая часть песни; Соб., III, № 336; IV, № 611; VII, № 245). В сборниках советского времени не встречена.

Публикуемый текст, по-видимому, является частью более полного варианта (Соб., III, 336). Отдельные фрагменты в Поморье встречаются с другим контекстом (см.: 52/37; 368/13).

В северной части Карельского Поморья записана только в данной деревне как «шестерочная».

67. Во лузях да во лузях 52/31; 368/7

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, январь 1964.

Известна с конца XVIII в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 146; Песни Печоры, № 217; кроме того, см.: Шейн, №№ 1205, 2313; Игры народов, стр. 286, № 650; Гудков и Леви, стр. 74, № 15; Иваницкий, № 386; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 57.

В северной части Карельского Поморья редкая, встречается как «кадрильная» и «троечная». В отличие от известных вариантов в публикуемом тексте троекратная просьба девушки не отдать ее замуж за старого отсутствует. Образное описание убранства коня сближает песню со свадебными.

68. Не отдай меня, батюшка, замуж 52/30; 368/6

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., А. Г. Таурьянен 55 л. и группа женщин, январь 1964.

Редкая. В просмотренных сборниках встречен один вариант (Кир., № 2413) с зачином «Кабы на меня на младу не кручина», без припева.

В северной части Карельского Поморья известна как «кадрильная» к 1-й фигуре.

69. Не беги, не беги, да красна девица-душа 52/34; 368/10

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., П. П. Нифакина 72 л. и группа женщин, январь 1964.

Известна в публикациях XIX в. и советского времени (см.: Соб., IV, №№ 262, 263, 264—265 — частичное сходство; Иваницкий, № 8; Песенн. фолькл. Мезени, № 120).

В северной части Карельского Поморья встречается редко, известна пожилым исполнителям как «утушная». Составителями записаны два варианта.

70. Мой муж не стонул, не болел — киселя захотел 52/23; 367/11

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л., А. П. Нифакина 59 л. и группа женщин, январь 1964.

Шуточная. Редкая. В просмотренных сборниках дореволюционного времени не найдена. В советское время опубликована Рождественской (стр. 111 — близкий вариант) и в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 126).

Публикуемый текст имеет необычный припев.

В северной части Карельского Поморья известна исполнителям с большим песенным репертуаром. Второй вариант, записанный в с. Шуерецком Беломорского р-на от Н. Г. Никитиной (уроженки Архангельской обл.), имеет иное окончание:

«Во что мне-ка, матушка, кисель выливать?
Ой, калина, ой, малина».[1]
«Красным девицам на торелочку,
Молодым молодицам на блюдо киселя,
Старым старухам в горшок киселя,
А холостым ребятам во корыто со свиньям».
«С чем мне-ка, матушка, кисель хлебать?».
«Красным девицам со медом киселя,
Молодым молодицам со пресным молоком,
А старым старухам с простоквашей киселя,
А молодым молодцам со кипучей смолой».

(См. 53/43; 393/11)

71. Мне из Питера любезный газеты присылал 52/113; 373/6

Пос. Керетский Лесозавод Лоухского р-на. В. С. Степанова 51 г., А. С. Курашова 52 л., А. А. Ладина 52 л. и группа женщин, февраль 1964

Известна в публикациях XIX в. и советского времени с разными зачинами («Из Питера из карфета», «Шел из Питера эштафет», «Из-за Питера штафет»). Варианты см.: у Соболевского (IV, №№ 588, 589, в записи Студитского, Вологодск., стр. 590, 592 — близкий вариант); Иваницкого (№ 444); Кондратьевой (№ 25); в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 114).

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди женщин старшего возраста и с другими зачинами: «Из Питёра, из синота, из крепкого манифеста», «Из Архангельска мой миленький писемце мне прислал». Исполнители относят песню к «шестерочным». В основном текст устойчив.

72. Вдоль по улице Ванюша 52/88; 371/17

Пос. Керетский Лесозавод Лоухского р-на. В. С. Степанова 51 г., А. С. Смолькова 66 л. и группа женщин, февраль 1964.

Встречается в публикациях XVIII, XIX, XX вв. и советского времени (см.: Прач, стр. 277, № 108 — близкий вариант; Шейн, № 692; Соб., IV, №№ 404—409; Соколовы, стр. 437, № 448; Иваницкий, № 155).

В северной части Карельского Поморья считается «утушной», широко известна старшему возрасту; по сравнению с более ранними записями данный вариант хорошо сохранился.

73. Девица, девица 52/105; 372/16

Пос. Керетский Лесозавод Лоухского р-на. В. С. Степанова 51 г. и группа женщин, февраль 1964.

Из просмотренных сборников встречена только у Ефименко (стр. 74 — вечеринночная).

В северной части Карельского Поморья записана только от данной исполнительницы как «кадрильная».

---

[1] Припев «Ой, калина, ой, малина» повторяется после каждой строчки. В Архангельской обл. известна как «луговая».

74. Поймали чечеху 52/166; 377/11

Пос. Чупа Лоухского р-на. А. М. Тютюнник 38 л., январь 1964.

Шуточная. Известна в публикациях со второй половины XVIII и в XIX в. (близкие варианты см.: Студитский, Вологодск., стр. 177; Васнецов, № 110; Кир., № 1626-а — короткий вариант; Шейн, №№ 923—926; Соб., VII, №№ 475—476 — варианты того же типа с продолжением сюжета, №№ 477—478; Соколовы, стр. 488, № 640). В советское время опубликована Новиковой (стр. 332, № 240).

В северной части Карельского Поморья известна отдельным исполнителям как «веселая», «шуточная», «плясовая».

75. Уж ты Дуня, Дуня 51/103; 358/1

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л., январь 1964.

Имеется в публикациях и записях XIX в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 111; кроме того: Соб., VII, № 757 — фрагмент; Балакирев, № 35; Васнецов, № 99; Шейн, № 837. В советское время опубликована у Иваницкого (№ 220 — вторая часть с зачином «Дуня в тереме ходила»), Померанцевой, Ярославск. (стр. 198, № 74 — исполнялась в процессе свадебного обряда, после венца), Рубцова (№ 93 — хороводно-игровая), Кондратьевой (№ 59 — вторая часть). Частый зачин «Уродилася Дуняша».

В северной части Карельского Поморья известна и с другим зачином:

Деревенька-деревня,
Ни велика, ни мала,
Ни велика, ни мала,
Ровно тридцать три двора.
(См. 53/93; 398/8)

Считается «плясовой», «кадрильной». В многочисленных вариантах, записанных в Поморье, текст устойчив, за исключением некоторых мелких разночтений в отдельных словах. Исполняется преимущественно женщинами старшего возраста.

76. Затопила млада печь 51/120; 359/2

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., З. К. Мехнина 60 л. и А. И. Коновалова 52 л., февраль 1964.

Встречается в публикациях с XVIII в. до настоящего времени (см.: Прач, № 104; Кир., №№ 1291, 1395 — первая часть текста; Шейн, № 554 — вторая часть песни; Соб., II, №№ 493—495, 496 — в записи Студитского, Олонецк, стр. 497; IV, № 104 — с зачином «Полно, Ваня, вино пити»; VII, № 775 — далекий вариант; Соколовы, стр. 423, № 415; Померанцева, Вологодск., № 53; Померанцева, Ярославск., стр. 237, № 11 — первая часть).

В северной части Карельского Поморья известна старшему возрасту как «утушная».

77. Я по жердочке шла 51/119; 359/1

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. И. Коновалова 52 л., П. С. Мехнина 49 л., февраль, 1964.

Состоит из набора отдельных образов, типичных для традиционных плясовых песен. Известна с XVIII в. Полного текстуального сходства в просмотренных сборниках не найдено. Ряд образов встречается в другом контексте. Варианты первой части см.: Якушкин (стр. 186), Шейн (№№ 475—601), Соболевский (II, № 78; IV, №№ 229—233; V, № 313), Рыбников (III, стр. 145), Иваницкий (№ 10), Песни Печоры (№ 366); Песенн. фолькл. Мезени (№ 116). Вторая часть текста встречается в соединении с песней «Летел голубь» (см. 45/149; 350/27).

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему поколению как «утушная» или «троечная».

78. Да сосеяли девки лен 51/126; 359/9

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., А. И. Коновалова 52 л., П. В. Бутакова 58 л., З. К. Мехнина 60 л., январь 1964.

Варианты встречаются в публикациях XIX—XX вв. и советского времени (см.: Балакирев, № 34; Васнецов, стр. 160, № 194; Киреевский, №№ 1124, 1306, 2036, 2365; Пальчиков, № 109; Шейн, №№ 430, 1229; Соб., III, №№ 472—480; Соколовы, стр. 415, № 389; Игры народов, стр. 98; Коничев, стр. 174; Гудков и Леви, стр. 73, № 14; Иваницкий, № 396). Известна с другими припевами: «Живо, браво», «Ходи браво», «Ой люли», «Ой ли, ой ли», «То ли, сё ли, ну ли, что ли».

В северной части Карельского Поморья записана только в д. Гридино от женщин старшего возраста как «троечная».

79. Полно, полно вам, ребята, чужо вино пити 51/133; 360/3

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., А. С. Мехнина 46 л. и группа женщин, февраль 1964

Состоит из отдельных образов, типичных для традиционных плясовых песен. Имеется в публикациях с середины XIX в. как контаминированная с зачинами: «Полно, полно вам, ребята» и «Во саду ли, в огороде», а также в виде двух самостоятельных песен (варианты см.: Студитский, Вологодск., стр. 25; Васнецов, № 69; Шейн, №№ 422—425; Соб., IV, №№ 151, 224—225, 286, 767—774; Соколовы, стр. 414, № 386; Иваницкий, № 181). Отдельные мотивы публикуемого текста встречаются в других песнях (см.: Песни Печоры, № 229).

В северной части Карельского Поморья встречается только с данным зачином. Широко известна старшему поколению как «утушная».

80. Я младым-млада, младешенька, в компаньице была 51/123; 359/5

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. И. Коновалова 52 л. и П. С. Мехнина 49 л., февраль 1964

Близка к городскому мещанскому романсу. Библиографию см.: Песни Печоры, № 231 — более короткий вариант. Кроме того, см.: Киреевский, №№ 544, 700; Кондратьева, № 18.

В северной части Карельского Поморья известна как «утушная», широко распространена среди женщин старшего и среднего возраста.

81. Ой, да девушка садочком шла 51/163; 361/12

Д. Гридино Кемского р-на. З. К Мехнина 60 л., П. С. Мехнина 49 л. и группа женщин, февраль 1964.

В публикациях встречается с середины XIX в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 227. Кроме того, см.: Якушкин, стр. 173—174; Киреевский, № 1203; Игры народов, стр. 193. Большинство вариантов — без припева.

В северной части Карельского Поморья записана только в д. Гридино в качестве «утушной».

82. Возле речки, возле моста 51/124; 359/6

Д. Гридино Кемского р-на П. С. Мехнина 49 л., П. В. Бутакова 55 л., З. К. Мехнина 60 л. и группа женщин, февраль 1964

Известна в многочисленных публикациях с XVIII в. до наших дней. Библиографию см.: Песни Печоры, № 218. Кроме того, см.: Прач, № 3; Герстенберг, стр. 41; Студитский, Вологодск., стр. 130; Чайковский, стр. 219; Ефименко, стр. 84; Новикова, стр. 190, № 71; Иваницкий, № 123.

В северной части Карельского Поморья записана только в д. Гридино; сопровождала кадриль, известна старшему поколению.

83. Мне сказали про девицу 51/136; 360/6

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. И. Коновалова 52 л. и группа женщин, февраль 1964.

Варианты с полным текстуальным сходством в просмотренных сборниках встречаются редко. Отдельные образы в другом контексте имеются в публикациях XVIII в. (см.: Чулков, стр. 229, № 191; Прач, № 27; Якушкин, стр. 189; Кир., № 1179. Наиболее близкий вариант см.: Соб., IV, № 774, запись Ефименко в Архангельской губ.). В советское время опубликована в сб. «Песни Печоры» (№ 229).

В северной части Карельского Поморья записана только от данных исполнителей в качестве «утушной».

84. Ты мука, ты мука, ты солдатский паек 51/143; 360/13

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л. и П. С. Мехнина 49 л., январь 1964.

Библиографию см.: Песни Печоры, № 352 — первая часть песни. В сборниках советского времени встречена у Иваницкого (№ 431).

В северной части Карельского Поморья записана в качестве «кадрильной» только от данных исполнителей.

85. Казачок, казачок 51/190; 362/20

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., январь 1964.

Фрагмент плясовой песни. Вариант зачина см.: Песни Печоры, № 366.

В северной части Карельского Поморья в других деревнях не встречена; исполнительнице известна как «припляска» на вечеринках.

86. На крыльце девка стоит 51/30; 354/9

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., З. Б. Ларионова 40 л. и группа женщин, февраль 1964.

Известна в публикациях XIX—XX вв. (см.: Кир., № 1583; Шейн, № 375; Соб., V, №№ 11, 12 — в записи Студитского, Вологодск., стр. 13—14; Игры народов, стр. 328 — частичное сходство; Иваницкий, № 43; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 72 — вторая часть песни).

В северной части Карельского Поморья известна пожилым женщинам, в одних деревнях как «утушная», в других — как «кадрильная».

87. Как по зорьке, по зоре 51/247; 365/15

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л. и А. А. Мехнина 61 г., февраль 1964.

Известна в публикациях с середины XIX в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 49. Кроме того, см.: Кир., № 1504 — близкий вариант, № 2759 — более полный текст.

В северной части Карельского Поморья редкая, известна только большим знатокам песни как «утушная».

88. Наколола-то ноженьку на былинку 51/53; 355/11

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., З. Б. Ларионова 41 г. и группа женщин, январь 1964.

В просмотренных сборниках вариантов с полным текстуальным сходством не найдена. Тексты, сходные по зачину, но с иным развитием образов встречаются в сборниках с XVIII в. до настоящего времени (см.: Чулков, стр. 209, № 172; Прач, стр. 149, № 58; Трутовский, стр. 65; Шейн, №№ 715, 787; Соб., V, № 591; Соколовы, стр. 454, №№ 507—508; Иваницкий, № 80; далекие варианты второй части — Соколовы, стр 454, № 506; Померанцева, Ярославск., стр. 252, № 37).

В северной части Карельского Поморья распространена повсеместно среди женщин старшего возраста как «утушная», только с данным зачином. Текст устойчив.

89. Комарочку во лесочку много уродилось 51/18; 353/17

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., А. А. Мехнина 61 г. и группа женщин, январь 1964.

Известна с XVIII в. до настоящего времени. Библиографию см.: Песни Печоры, № 85. Кроме того, см.: Герстенберг, стр. 64; Соб., IV, №№ 477—479 — близкие варианты второй части публикуемого текста; Истомин и Ляпунов, стр. 150; Иваницкий, № 452. В зачине явное искажение («комарочку» вместо «комарочков»), обусловленное рифмой со следующим словом.

В северной части Карельского Поморья широко распространена у старшего и среднего поколений. Известна как «утушная».

90. Я под ельничком ягодки брала 51/236; 365/5

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л. и группа женщин, январь 1964.

Известна с XVIII в. с обычным зачином «Полоса ль, моя полосынька» (Соб., V, №№ 761—763). В советское время опубликована Кондратьевой, № 23. Отдельные фрагменты встречаются у Соколовых (стр. 484, № 623) и Померанцевой, Вологодск. (стр. 264, № 56). Публикуемый текст — контаминация с другими песенными фрагментами.

В северной части Карельского Поморья записана только от данной исполнительницы как «утушная».

91. Уж вы лу́жки, вы лу́жки мои 51/90; 357/8

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., А. А. Мехнина 61 г. и Р. В. Ефремова 42 л., январь 1964.

Известна в публикациях XVIII и XIX вв. (Библиографию см.: Песни Печоры, № 235; Песенн. фолькл. Мезени, №№ 98, 99. Кроме того, см.: Чулков, стр. 445, № 160 — текст более полный; Ефименко, стр. 66). В публикациях советского времени см.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 48); Кондратьева (№ 26).

В северной части Карельского Поморья встречается редко, известна исполнителям старшего возраста с большим песенным репертуаром как «кадрильная». В отличие от других известных вариантов исполняется с припевом «люли, люли».

92. Красна девушка ходила бережком 51/210; 364/4

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., Р. В. Ефремова 42 л., январь 1964.

Плясовая, с чертами, характерными для песен этого типа (отсутствие единой сюжетной линии, быстрая смена мотивов). Варианты, записанные в советское время, см.: Кондратьева (№№ 64, 89); Песенн. фолькл. Мезени (№ 84). Публикуемый текст является частью известной «игровой» с зачином «Потеряла девка золоты ключи».

В северной части Карельского Поморья прежде сопровождала кадриль; записана только в данной деревне.

93. Вечор девок 45/61; 348/5

Д. Поньгома Кемского р-на. Т. Ф. Семенова 35 л., П. В. Миккова 65 л. и группа молодых женщин, декабрь 1963.

Содержит элемент юмора. В публикациях известна с конца XVIII в. до настоящего времени. Библиографию см.: Песенн. фолькл. Мезени, № 100. Кроме того, см.: Васнецов, стр. 59, № 24 ; Пальчиков, № 107; Шейн, № 914; Коничев, стр. 173; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 58.

Описание «расправы» смелой девушки с неизвестным гостем варьируется. В варианте, записанном в г. Кеми от З. М. Ломовой и группы женщин:

Чтой по сéночкам овес толкут,
По двору будто кережу волокут.

(См. 45/9; 344/9)

В варианте, записанном в д. Гридино Кемского р-на от А. Е. Коноваловой (уроженки Архангельской обл.):

Через скамью перебрасывает,
Она по полу веничком пашет,
По сеночкам мителицей метет,
По лесенке словно шаричком катит.
«Постой, девка, черну шляпу позабыл,
Во той шляпы аленькой платок,
Во том плате три узла, три узла,
Первой узел белила, белила,
Второй узел румяна, румяна,
Третий узел сладки пряники».
Спровожу парня на улицу гулять.

(См. 51/224; 364/17)

В северной части Карельского Поморья хорошо известна старшему и среднему поколениям. В одних деревнях бытует как «утушная», в других сопровождает кадриль, в третьих под эту песню ходят «тройкой». Вариант напева см. № 126 настоящего сборника.

94. Уж ты Ванюша, Ваня, Иван 45/125; 350/1

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л., А. Г. Титова 50 л. (уроженки д. Выгостров Беломорского р-на) и группа женщин, декабрь 1963.

Известна с XVIII в. Библиографию см.: Песенн. фолькл. Мезени, № 130. Кроме того, см.: Ефименко, стр. 103 (записана в Пинежье, определена как «вечериночная», пелась при игре «в пары»); Киреевский, № 1260.

В северной части Карельского Поморья записана только в г. Кеми, известна как «полевая». Сопровождала орнаментальную ходьбу «одеянкой», при которой участвую-

щие вставали в два круга и ходили навстречу друг другу, образуя определенный рисунок (см. стр. 15 настоящего сборника).

95. Совевали ветерочки со горы 45/25; 345/13

Г. Кемь. Е. Ф. Благодарова 65 л., А. И. Попова 74 л. (уроженки д. Выгостров Беломорского р-на) и группа женщин, декабрь 1963.

Редкая. В просмотренных сборниках не встречается.

В северной части Карельского Поморья записана только от данных исполнителей как «утушная».

96. Как у наших у ворот 45/130; 350/6

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л., А. И. Кузьмина 67 л. (уроженки д. Выгостров Беломорского р-на) и группа женщин, декабрь 1963.

Варианты имеются в сборниках XIX в. (см.: Кир., № 2739; Соб., IV, №№ 168—170; V, №№ 771—773). В советское время опубликована у Кондратьевой, № 79. Наш текст интересен заключительными строками.

В северной части Карельского Поморья широко известна как «утушная».

97. Офицерик, офицерик, офицерик молодой 45/136; 350/11

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л. (уроженка д. Выгостров Беломорского р-на), П. Ф. Носкина 56 л. и группа женщин, декабрь 1963.

Основные образы, по-видимому, восходят к городской лирике XVIII в. Известна и в южной части Поморья (см.: Кондратьева, № 19). Зачин встречается у Соболевского (VII, № 222).

В северной части Карельского Поморья известна старшему поколению как «утушная», исполнялась на свадьбах.

98. Мимо моего двора миленький гуляет 42/70; 284/2

Г. Кемь. А. Р. Петрова 53 л., декабрь 1963.

В просмотренных сборниках встречается редко (см.: Соб., III, № 115 — далекий вариант, № 116 — сходство со второй частью публикуемого текста со слов: «Ты повыстань-ко, взойди...»; близкий вариант с другим зачином см. у Иваницкого, № 109).

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему возрасту как «утушная». Текст устойчив.

99. Во селе, селе Покровском, среди улицы большой 45/145; 350/23

Г. Кемь. А. П. Умбачев 65 л., Н. А. Умбачева 55 л. и О. П. Брюхова 54 л., декабрь 1963.

Широко известна с XVIII в. (см.: Чулков, стр. 232, № 195; Трутовский, стр. 54; Прач, № 68; Герстенберг, стр. 243). Публикуемый текст близок к известным вариантам, сохранил локальную прикрепленность (с. Покровское). В просмотренных сборниках советского времени встречена в «Песнях Печоры» (№ 119 и комментарий).

В северной части Карельского Поморья известна старшему возрасту как «плясовая».

100. Я по бережку похаживала 45/134; 350/10

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л., А. Г. Титова 51 г., А. И. Кузьмина 67 л. (уроженки д. Выгостров Беломорского р-на) и группа женщин, декабрь 1963.

Встречается в публикациях XIX в. и советского времени (варианты см.: Студитский, Олонецк., стр. 88; Соб., V, № 47; Гудков и Леви, стр. 72, № 13, и Кондратьева, № 20 — в сочетании с песней «Хорошая, веселая моя», см. вторую часть № 101 настоящего сборника). Данный вариант по сравнению с известным текстом Студитского хорошо сохранился.

В северной части Карельского Поморья редкая, известна как «утушная».

101. Я бегу, бегу по поженке 42/4; 282/2

Г. Кемь. А. Р. Петрова 53 л., июнь 1963.

В публикациях известна с середины XIX в. до настоящего времени. Варианты основной части текста (со слов «Ты хорошая, веселая моя») встречаются у Соболевского (II, № 233, в записи Студитского в Олонецкой губ.), Рыбникова (III, стр. 141);

Гудкова и Леви (стр. 72, № 13 — в соединении с песней «Я одна дочь у батюшка была»); Кондратьевой (№№ 20, 77); в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 95, с зачином «Уж ты тропка, тропинка моя»). Публикуемый текст отличается иным, более развернутым зачином (11 строк). Подобный зачин (с другим развитием образов) встречается у Шейна (№№ 498—499); Истомина и Ляпунова (стр. 167); Соболевского (IV, №№ 96, 623—627); Иваницкого (№ 381).

В северной части Карельского Поморья широко распространена среди женщин старшего возраста как «утушная», встречается с зачинами «Хорошая, веселая моя» (см. 53/109; 399/8) и развернутым зачином «Уж ты тропка, тропинка моя»:

Уж ты тропка, тропинка моя, да люли, люли [1]
Да скажу, к милому дорожка торна,
Чтой торна, торна, добита до песка.
Да еще кто эту дорожку проторил,
Да кто широкую изъездил?
Молодой парень ко девушке ходил,
Много злата, много серебра носил,
Трои козловы сапожки истоптал.
До тебя, моя хороша, доступал,
Да ты хороша веселая моя.

(См. 52/53; 368/9)

Варианты см.: Рождественская, стр. 115; Абрамский, № 41. В д. Черная Река Лоухского р-на поется на напев № 87 настоящего сборника.

102. У Иванушка заболела голова 42/98; 285/6

Г. Кемь. З. М. Ломова 56 л., июнь 1963.

Редкая. Полного текстуального сходства в просмотренных сборниках не найдено. Вторая часть текста (с 10-й строки) совпадает с вариантом в записи Студитского, Олонецк. (стр. 7), имеющим иное окончание. Краткий вариант см. у Киреевского (№ 1290).

В северной части Карельского Поморья известна отдельным исполнителям старшего возраста как плясовая. Текст устойчив.

103. Из-под камешка водичка спротекла 42/102; 285/10

Г. Кемь. З. М. Ломова 56 л., июнь 1963.

Близких вариантов в просмотренных сборниках не найдено. Очевидно, старая, сохранившая мотивы замужества поневоле.

В северной части Карельского Поморья записана только от З. М. Ломовой как «утушная».

104. Из-под горья студены ключи шумят 42/97; 285/5

Г. Кемь. З. М. Ломова 56 л., июнь 1963.

По содержанию примыкает к любовным девичьим песням. В просмотренных сборниках не встречена.

В северной части Карельского Поморья от других исполнителей не записана.

105. Полно по улице ходити 42/116; 286/11

Г. Кемь. З. М. Ломова 56 л., июнь 1963.

Известна в многочисленных публикациях XVIII и XIX вв., чаще всего с зачином «Полно, солнышко, из-за леса светить». Варианты см.: у Трутовского (№ 132), Герстенберга (стр. 144), Киреевского (№№ 1513, 1554, 2241), Шейна (№ 772), Соболевского (V, №№ 394—395 — далекие варианты, 396—400), Иваницкого (№ 105), а также в сб.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 72 — первая часть песни).

В северной части Карельского Поморья известна старшему поколению как «плясовая». Первые строки общеизвестного зачина и окончание, по-видимому, забыты.

106. Весел, не весел сегодняшний день 45/193; 352/3

Д. Подужемье Кемского р-на. К. И. Данильева 68 л., Н. П. Данильева 55 л. и группа женщин, декабрь 1963.

Имеется в публикациях со 2-й половины XVIII в. до настоящего времени (см.: Чулков, стр. 474, № 193; Герстенберг, стр. 268; Васнецов, стр. 66, № 34; Соб., V, №№ 617—620; Кир., № 1495 — по зачину; Соколовы, стр. 441, №№ 458—459; Померанцева, Вологодск., стр. 164, № 136 — первая часть текста). По сравнению с известными вариантами данный текст ближе к записям Вологодской и Олонецкой губерний.

[1] Припев «Да люли, люли» повторяется после каждой строки.

В северной части Карельского Поморья записана только в Подужемье, известна как «утушная».

107. Что ль над речкой, над рекой да над муравкой зеленой 53/108; 399/7

С. Шуерецкое Беломорского р-на. В. И. Курицына 66 л. (уроженка д. Шижня Беломорского р-на), июль 1964.

Известна в публикациях XVIII и XIX вв. и советского времени как самостоятельная с зачином «Я по цветикам ходила», а также в соединении с песней «По улице мостовой». Библиографию см.: Песни Печоры, № 228. Кроме того, см.: Кондратьева, №№ 27, 81.

Публикуемый текст имеет своеобразное развернутое начало (8 строк), не встречающееся в известных вариантах. По словам исполнительницы, под эту песню ходили «шестеркой».

В северной части Карельского Поморья редкая.

108. Да я не думала сегодня угореть 123/78; 451/6

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Симонкова 55 л. (уроженка д. Шижня Беломорского р-на), декабрь 1964.

Сходного текста в просмотренных сборниках не найдено. В публикациях встречаются отдельные образы в другом контексте. Варианты зачина (5—6 строк) см. у Шейна (№ 1578), Соболевского (IV, №№ 184, 198, 211).

В северной части Карельского Поморья известна как «утушная»

109. Сорока от Старчины [не]вдалеке стоит 53/102; 399/1

С. Шуерецкое Беломорского р-на. В. И. Курицына 66 л. (уроженка д. Шижня Беломорского р-на), июль 1964.

Известна с XVIII в. (см.: Чулков, стр. 636, № 119; Трутовский, стр. 42; Герстенберг, стр. 292; Соб., III, № 242; IV, № 558). В просмотренных сборниках советского времени не встречена.

Публикуемый текст является хорошо сохранившейся первой частью известных вариантов. Интересен зачин «Сорока от Старчины неподалеку стоит». Такая деталь локальной прикрепленности в других вариантах не встречается.

В северной части Карельского Поморья известна как «утушная».

110. Если б знала я, младенька 53/59; 395/7

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Мосорина 55 л., А. И. Гукова 59 л., К. Ф. Попова 60 л., июль 1964.

Состоит из традиционных образов плясовых песен. Близкий вариант встречается в публикации Истомина и Дютша (стр. 148, № 8, записан в д. Подужемье Кемского уезда). Отдельные фрагменты встречаются в разных песнях, известных с XVIII в. (см.: Чулков, стр. 229, № 191; Кир., № 1179; Соб., V, №№ 418, 636 и № 83 настоящего сборника).

В северной части Карельского Поморья известна как «утушная»; широко распространена среди старшего и среднего поколений с разными зачинами.

111. Не нападывай, пороха 123/66; 450/5

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Встречается в публикациях XIX в. Библиографию см.: Песенн. фолькл. Мезени, № 97. Близкие варианты см. у Соболевского (IV, №№ 379—382); отдельные фрагменты — у Киреевского (№ 2928), Соболевского (IV, №№ 374—377), в сб.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 64). Публикуемый текст — один из многочисленных вариантов, выявленных составителями в северной части Карельского Поморья; отдельные мотивы варьируются, например, в тексте, записанном от А. И. Ефремовой из д. Калгалакша Кемского р-на, так описана одежда молодца:

Шел Ваня хороший,
Он не в шубе, не в кафтане,
В одной легонькой сибирке.

(См. 51/11; 353/10)

В варианте, записанном в пос. Чупа Лоухского р-на от А. Ф. Гагариной (уроженки Архангельской обл.), в описании пути, по которому шел Ванюша, имеются черты местного пейзажа;

Шел Иванушка хороший,
Белой, кудреватый, (2)
Не путем шел, не дорожкой, (2)
Косыми тропами, (2)
Да шел косыми тропами, (2)
Зеленым лужечком. (2)
Со стравы цветы срывает (2)
Направо бросает. (2)

(См. 52/147; 376/3)

Известна в основном старшему поколению как «утушная» или «кадрильная».

112. Прираздвиньтесь, прираздайтесь, добрые люди 123/72; 450/11

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., Е. А. Богданова 54 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Известна и в южной части Поморья (см.: Кондратьева, № 80). Варианты зачина с иным развитием образов см. у Киреевского (№№ 1287, 1894), Соболевского (II, №№ 414—418). Отдельные образы встречаются у Соболевского (IV, № 477, в записи Студитского, Вологодск., №№ 478—480).

В северной части Карельского Поморья записана только в данном селе как «луговая». Сопровождала несложную игру: в круг вставали парни и девушки, один из играющих ходил в кругу, выбирал себе подругу и ударял ее рукой по плечу, приглашая пойти следом за собой; затем девушки ходили вдвоем.

113. Никогда нашу Надежду 53/60; 395/5

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., ее дочь Н. П. Воронова 30 л. и группа женщин, июль 1964.

В просмотренных сборниках не найдена.

В северной части Карельского Поморья встречается редко; известна как «утушная», записана только в данном селе. Вариант М. И. Андроновой, исполнительницы с большим песенным репертуаром, дополнен следующим заключительными строками:

Тонкой парус распустил
Да по Дунай-реке спустил,
Ох-хо, ох, хо-хо,
Да по Дунай-реке спустил.[1]
Дунай-речка не примат,
Да ко бережку прибиват,
Ко бережку, к бережку,
Да ко зеленому лужку,
У зеленого лужка,
Да там сидела девушка,
Там сидела девушка,
Да целой день ждала дружка,
Насилушку дождалась,
Да на шеюшку бросилась,
На шеюшку, шеюшку,
Да ко милому ко дружку.

(См. 53/91; 398/6)

114. Снежки белые пушисты 53/104; 399/3

С. Шуерецкое Беломорского р-на. В. И. Курицына 66 л. (уроженка д. Шижня Беломорского р-на), июль 1964.

В публикациях известна с XIX в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 199. Кроме того, см.: Васнецов, № 74; Ефименко, стр. 137; Линева, в. 1, № 9; Новикова, стр. 353, № 7; Померанцева, Ярославск., стр. 254, № 39; Рубцов, № 40; Кондратьева, № 16; Нар. тв. Сев. Двины, стр. 32; Песенн. фолькл. Мезени, № 35.

Публикуемый текст, по-видимому, контаминация двух песен. Первая часть — популярная русская традиционная протяжная песня «Снежки белые пушисты», вторая часть (со слов: «Да мне не нужно все наряды») близка к песне «Не брани меня, родная» малоизвестного крестьянского поэта А. Е. Разоренова (1819—1891) (см.: Розанов, стр. 505 и комментарий). Если в ряде публикаций встречается как протяжная, то в северной части Карельского Поморья известна как «утушная».

[1] После каждых двух строк припев «Ох-хо, ох, хо-хо» с повторением второй строки.

115. Уж ты, Аннушка, не плачь, люли, люли 53/114; 399/13

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Мосорина 55 л., Н. Г. Никитина 70 л., Е. А. Богданова 54 л. и группа женщин, июль 1964.

В просмотренных сборниках не встречается. Интересна упоминаниями местных названий (Дунай-речка сравнивается с архангельской Двиной и сильными своим течением Колежомскими ручьями).

В северной части Карельского Поморья широко известна старшему поколению, текст устойчив. В отдельных деревнях сопровождала кадриль.

116. Как во Брантовой конторе, люли, люли 53/86; 398/1

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Андронова 75 л., июль 1964.

Известна в публикациях XIX в. (см.: Якушкин, стр 221, записана в Архангельской губ. С. В. Максимовым; Кир., № 1194; Соб., IV, №№ 659—661).

В северной части Карельского Поморья известна старшему поколению как «утушная». Текст устойчив.

117. Зелено вино в кармашке, сахар на бумажке 53/103; 399/2

С. Шуерецкое Беломорского р-на. В. И. Курицына 66 л. (уроженка д. Шижня Беломорского р-на), июль 1964.

Вариант см. в публикации Ефименко (стр. 75 — «вечериночная», записана на Мезени, полное сходство; стр. 104 — в Пинежье, сходство по второй части текста; стр. 121 — в Онежском уезде, первая часть текста). Варианты, сходные по зачину, см.: Песни Печоры, № 220 и комментарий; Песенн. фолькл. Мезени, № 115.

В северной части Карельского Поморья выявлена только у данной исполнительницы как «утушная».

118. Девка мала, туровата, с парнем вожевата 53/105; 399/4

С. Шуерецкое Беломорского р-на. В. И. Курицына 66 л. (уроженка д. Шижня Беломорского р-на), июль 1964.

Полного текстуального сходства в просмотренных сборниках не найдено. Отдельные художественные образы встречаются в песнях в другом контексте (см. № 79 настоящего сборника).

В северной части Карельского Поморья у других исполнителей не встречена.

119. О-хо-хонюшки, сердечко просится 53/111; 399/10

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., июль 1964.

Содержит элементы солдатской песни. Полного текстуального сходства в просмотренных сборниках русской народной песни не найдено. Отдельные фрагменты встречаются в других песнях, известных в Поморье: наказ милому см. в протяжной песне «Говорил я своей любушке словцо» (№ 38 наст. сборника); проводы дружка в солдатушки, рекрутики — в песне «Чтой за год такой да за народ лихой» (№ 18 настоящего сборника).

В северной части Карельского Поморья известна отдельным пожилым женщинам с. Шуерецкого и г. Кеми как «утушная».

120. Красна девица сидела под окном 123/69; 450/8

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Мосорина 55 л., Е. А. Богданова 54 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Текстуально очень близка к стихотворению поэта-крестьянина Архангельской губ. М. Д. Суханова (1801—1842) (см.: Розанов, стр. 300). В просмотренных сборниках русских народных песен не встречена.

В северной части Карельского Поморья известна старшему поколению как «утушная». Записана в с. Шуерецком и г. Кеми.

121. Я по горенке хожу, таки хожу 53/115; 400/1

С. Шуерецкое Беломорского р-на. К. Ф. Попова 60 л., А. В. Дорофеевская 55 л. и группа женщин, июль 1964.

Близкие варианты имеются в публикациях XVIII и XIX вв. (см.: Трутовский, стр. 72; Прач, стр. 143, № 54 — более подробный текст; Кир., № 1239; Соб., IV, №№ 31—34). Публикуемый текст по сравнению с известными вариантами несколько короче.

В северной части Карельского Поморья известна как «утушная», записан только один вариант.

122. Скучно, маменька, весною жить одной 53/63; 395/19

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Мосорина 55 л., К. Ф. Попова 60 л. и А. И. Гукова 59 л., июль 1964.

Известна с XVIII в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 69.

Публикуемый текст близок к стихотворению «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной» поэта Д. П. Глебова (1789—1843); впервые напечатана в 1817 г. (см.: Розанов, стр. 160 и комментарий, стр. 575).

В северной части Карельского Поморья встречена только в с. Шуерецком; известна как «утушная», бытует среди пожилых женщин.

123. Собирались ребятушка 53/11; 391/5

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Андронова 75 л., июль 1964.

Шуточная. Известна в публикациях XIX—XX вв. и советского времени (см.: Соколовы, стр. 330, № 63 — отнесена к низшим эпическим; Рождественская, стр. 110; Песенн. фолькл. Мезени, № 109).

Публикуемый текст хорошо сохранился, интересен подробным описанием одежды молодца.

В северной части Карельского Поморья считается старой, известна как «утушная», исполняется без припева. В других деревнях не встречена.

124. Ну, за двором было за батюшковым 53/14; 391/7

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Андронова 75 л., июль 1964.

По содержанию близка к протяжным семейно-бытового цикла (девушка оплакивает свою судьбу, выдана замуж за старого). Встречается в публикациях XIX в. (см.: Кир., № 1241 — наиболее близкий вариант; отдельные образы встречаются в сб.: Песенн. фолькл. Мезени, № 79).

В северной части Карельского Поморья известна как «утушная».

125. [Я воскресен день обедню прогуляла] 53/90; 398/5

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Андронова 75 л., июль 1964.

Встречается в многочисленных публикациях XVIII и XIX вв. (см.: Чулков, стр. 211, № 174; Трутовский, стр. 47; Кир., №№ 1287, 1461, 1894, 2001; Шейн, № 858; Соб., II, №№ 414—420; Рыбников, III, стр. 139, 168). Общеизвестный зачин «Вы раздайтесь, расступитесь» в Поморье встречается в другом контексте (см. № 112 настоящего сборника).

В северной части Карельского Поморья встречена только у данной исполнительницы как «утушная».

126. Вечер девки вечерину сидели 53/89; 398/4

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Андронова 75 л., июль 1964.

Комментарий см. к № 93 настоящего сборника.

127. Вышли две девицы на улицу гуляти 52/14; 367/2

Д. Черная Река Лоухского р-на. С. К. Петрова 70 л., М. К. Андреева 69 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Редкая. Известна с 1791 г. (см.: Соб., II, № 383). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Рождественской (стр. 74) как величальная (в Архангельской обл. исполнялась при опевании девушки).

В северной части Карельского Поморья известна как «полевая», сопровождала игру: играющие становились плотной стеной в два ряда друг против друга, между рядами ходили две девушки в одном направлении. Дойдя до середины, они расходились, шли в разные стороны, а затем навстречу друг другу.

В настоящее время в игровом обиходе не встречается. Известна только женщинам пожилого возраста в отдельных деревнях.

128. Кругом города царева, царева 52/61; 370/9

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и М. К. Петрова 66 л., январь 1964.

Известна в публикациях XIX в. и советского времени. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 125; Песни Печоры, № 110; Соб., VII, №№ 543, 545—547, 549—554;

Шейн, № 1057; Ефименко, стр. 125; Соколовы, стр. 410, № 375; Игры народов, стр. 236, № 575; стр. 237, № 576; стр. 250, № 592; Иваницкий, № 383.

В северной части Карельского Поморья сопровождала игру: играющие брались за руки и ходили по кругу. Одна из девушек — «царевна» — ходила в кругу, а парень — «царев сын» — искал «царевну» за кругом. В конце песни открывались ворота, «царев сын» находил «царевну», брал ее за правую руку и выводил из круга. Затем играла другая пара. Иногда исполнялась во время молодежных гуляний при ходьбе парами на лугах как некоторые другие «полевые» песни. В настоящее время известна только старшему поколению, в игровом обиходе молодежи не встречается.

129. По насту, насточку 123/47; 448/12

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и А. Г. Таурьянен 55 л., декабрь 1964.

Принадлежит к игровым песням, характеризующим процесс обработки льна (варианты см.: Чулков, стр. 682, № 162; Игры народов, стр. 97, № 236).

Публикуемый текст как бы продолжает тему обработки льна. В Поморье никогда выращиванием льна не занимались, лен привозили из Архангельской губ. в «куклах» (связка чистого льна весом около 20 фунтов), меняли на селедку. Дальнейшую обработку льна (прядение, тканье, беление и сушку) производили сами.

Заключительные строки дают основание предполагать, что девушка готовит приданое.

В северной части Карельского Поморья сопровождала несложную игру: девушки вставали в круг, одна из них ходила в середине круга и изображала все то, о чем говорилось в песне. При словах «Резвы ноженьки с подходом» в круг входил избранный ею парень. Девушка кланялась ему и подавала платок («положек»). В других деревнях не записана, в настоящее время в игровом обиходе не встречается.

130. Не сырой-от бор да разгорается 123/28; 446/9

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., А. П. Нифакина 59 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Старая, известна с XVIII в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 269; Чулков, стр. 642, № 125; Шейн, №№ 444—445, 1198; Соколовы, стр. 466, № 550. В просмотренных сборниках советского времени встречается редко (см.: Померанцева, Ярославск., стр. 173, № 24 — считается свадебной, редкий случай опевания невесты-вдовы).

В северной части Карельского Поморья известна как «полевая», исполнялась на весенне-летних полевых гуляньях, но встречается редко.

131. На ракитовом кустышке, да е...э-хи 52/17; 367/5

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, январь 1964.

Известна в публикациях XVIII—XIX вв. (см.: Чулков, стр. 620, № 103; Кир., №№ 476, 1109, 1115, 1117, 1289, 1313, 1316, 1837; Пальчиков, №№ 1, 28; Шейн, № 888; Соб., II, №№ 125, 126; III, №№ 133—138; Рыбников, III, стр. 157). В просмотренных сборниках советского времени встречается редко, см.: Игры народов (№ 666). Вариант, сходный по тематике (насмешка над нелюбимым мужем), см.: Песни Пинежья (№ 38); Песенн. фолькл. Мезени (№ 107).

В северной части Карельского Поморья известна старшему поколению как «полевая» и «утушная», встречается с другим зачином: «Налетали голуба на дуба» (см. № 137 настоящего сборника).

132. Уж мы мост-то ведь стéлили, стéлили 52/18; 367/6

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., А. Г. Таурьянен 55 л., П. П. Нифакина 72 л. и группа женщин, январь 1964.

Вариант игровой песни «А мы просо сеяли, сеяли». Известна в публикациях XVIII—XIX вв. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 106. Кроме того, см.: Герстенберг, стр. 150; Чайковский, стр. 180; Шейн, №№ 385, 1221; Соб., VII, №№ 697, 704, 705). В просмотренных сборниках советского времени встречается редко (см.: Игры народов, стр. 268, № 621; Новикова, стр. 263, № 176).

В северной части Карельского Поморья очень редкая, «полевая», исполнялась при игре на лугах: играющие становились в два ряда друг против друга. При пении двух первых строк один ряд двигался к другому и, пятясь, возвращался на место, затем второй ряд пел следующие две строки и двигался к первому и т. д.

Публикуемый текст интересен своеобразным зачином, который, по словам исполнителей, соответствует действительности. Наступление весны на севере всегда сопровождается сильными паводками, разливом рек. Поэтому прежде, чем приступить к полевым работам, приводят в порядок переправы, дороги. Все это делается заблаговременно. Видимо, этому же соответствует необычный припев: вместо известного «ой, дид ладо» — говорится «уж мы рано-то...».

133. Вдоль было по травоньке 52/150; 376/6

Пос. Чупа Лоухского р-на. А. Ф. Гагарина 61 г. и У. П. Шаткова 62 л. (уроженки Архангельской области), февраль 1964.

Известна с XVIII в. до наших дней. Библиографию см.: Песни Печоры, № 100. Кроме того, см.: Студитский, Вологодск., стр. 19; Ефименко, стр. 109, № 30 — далекий вариант; Истомин и Ляпунов, стр. 159, № 14; Игры народов, стр. 210, № 516; Рождественская, стр. 108; Иваницкий, № 385.

В Архангельской области прежде сопровождала игру: девицы и парни стояли рядами друг против друга и ходили один ряд к другому.

В северной части Карельского Поморья коренным жителям неизвестна.

134. А хóдил, гýлял барин 52/164; 377/9

Пос. Чупа Лоухского р-на. А. Ф. Гагарина 61 г. и У. П. Шаткова 62 л. (уроженки Архангельской области), февраль 1964.

Очень популярна в русском традиционном песенном репертуаре. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 129; Песни Печоры, № 273. Кроме того, см.: Ефименко, стр. 126, № 3; Игры народов, стр. 245, № 586. Публикуемый текст — фрагмент популярной традиционной игровой песни.

Коренным жителям северной части Карельского Поморья неизвестна.

В Архангельской области исполнялась в святки при играх.

135. Вдоль-то по речке да вдоль по Казанке 51/122; 359/4

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л. и группа женщин, январь 1964.

Игровая хороводная. Известна в публикациях конца XVIII и в XIX в. (варианты см.: Чулков, стр. 601, № 83; Соб., IV, №№ 137—140, 141 — в записи Студитского, Вологодск., стр. 142—146). В просмотренных сборниках советского времени не встречена. В публикуемом тексте, по-видимому, забыта последовательность изложения: в известных вариантах кудри молодца хорошо расчесывает девушка, а не вдова и не старая женщина.

В северной части Карельского Поморья записана только от данной группы как «утушная».

136. Как у наших у ворот 51/86; 357/4

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., А. А. Мехнина 61 г. и Р. В. Ефремова 42 л., февраль 1964.

В публикациях известна с XVIII в. до наших дней (см.: Прач, стр. 207, № 96; Герстенберг, стр. 72, № 21; Чайковский, стр. 145; Соб., II, №№ 510—515; Иваницкий, № 407; Песни Печоры, № 258). Наш текст наиболее близок к ранним публикациям.

В северной части Карельского Поморья сопровождала несложную игру: играющие становились в круг, в центре стоял парень и выбирал себе девушку. В настоящее время в игровом обиходе не встречается, бытует как лирическая.

137. Налетали голуба на дуба, люли, люли 45/118; 349/36

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л. и А. С. Дмитриева 56 л., декабрь 1963.

Вариант песни «На ракитовом кустышке», имеющий иной, развернутый зачин. Комментарии см. к № 131 настоящего сборника.

В северной части Карельского Поморья, кроме публикуемого, с данным зачином записано три варианта.

138. Вдоль по морю, вдоль по морю 45/5; 344/5

Г. Кемь. З. М. Ломова 56 л., Н. А. Умбачева 55 л., С. А. Тарасова 53 л. и группа женщин, декабрь 1963.

Игровая-хороводная. Известна в многочисленных публикациях начиная с XVIII в. (См.: Трутовский, стр. 58; Прач, стр. 129, № 46; Герстенберг, стр. 214; Студитский, Вологодск., стр. 22; Васнецов, № 126; Чайковский, стр. 107; Кир., №№ 1230, 1437, 2861; Шейн, № 1596; Истомин и Ляпунов, стр. 109, 148; Линева, в. 1, № 15; Игры народов, стр. 21, № 466; Померанцева, Вологодск., стр. 109, № 50; Померанцева, стр. 230, № 4; Рождественская, стр. 90; Рубцов, № 99; Иваницкий, № 387; Кондратьева, № 15).

В северной части Карельского Поморья широко известна среди старшего и среднего возраста как старая «утушная». В пос. Керетский Лесозавод встречен своеобразный вариант текста:

Край реченьки да край реченьки,
Край реченьки сад зелененький стоял,
Да край реченьки сад зелененький стоял.
Да во садику да во садику,
Во садику красна девица-душа,
Да во садику красна девица-душа.
Откуль взялись да откуль взялись,
Да откуль взялись два удалых молодца? (2)
Да пострелили да пострелили,
Да пострелили лебедь белую мою, (2)
Да развеяли да развеяли,
Да развеяли по чистому по полю. (2)

(См. 52/106; 372/17)

139. Задумал недорасточёк жениться 53/12; 391/6

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Андронова 75 л., июль 1964.

Известна в публикациях с XVIII в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 254; Чулков, стр. 631, № 114; далекие варианты см.: Кир., № 2063; Соб., III, №№ 560—561. По сравнению с известными наш вариант несколько короче: отсутствуют заключительные строки, где говорится о муже, уступавшем требованиям жены.

В северной части Карельского Поморья редкая, известна как «шуточная».

140. Я капустицу полола, приговаривала 123/70; 450/9

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л., М. И. Мосорина 55 л. и Е. А. Богданова 53 л., декабрь 1964.

Широко известна во всех районах Русского Севера. Неоднократно встречается в публикациях XIX и XX вв. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 127; Песни Печоры, № 98.

В северной части Карельского Поморья известна старшему и среднему поколениям, исполнялась весной на полевых гуляньях. Играющие становились в круг, брались за руки и ходили под пение данной песни. В центре круга ходила девушка, за кругом — парень. При словах «Отворяйтесь, ворота» стоящие в кругу поднимали руки, образуя ворота. Парень входил в круг к девушке. После слов «А на улице заря» играющие снова делали ворота, парень и девушка выбегали из круга. В настоящее время в игровом обиходе не встречается, используется в репертуаре самодеятельных хоров.

141. Мимо тех ли, мимо каменных палат 53/101; 398/16

С. Шуерецкое Беломорского р-на. В. И. Курицына 66 л., июль 1964.

Игровая по традиции. Редкая, с необычным припевом. В публикациях встречается со второй половины XIX в. (варианты см.: Песни Печоры, № 108; Песенн. фолькл. Мезени, № 87).

В северной части Карельского Поморья редкая, известна как «утушная», в игровом обиходе не встречается.

142. Звезды падывали 52/168; 377/13

Пос. Чупа Лоухского р-на. А. М. Тютюнник 38 л. и А. М. Парфенова 51 г. (уроженки д. Кереть того же р-на, дочери известного сказочника М. М. Коргуева), февраль 1964.

Вариант традиционной величальной святочной песни. Публикуемый текст близок к величальным колядкам, записанным на Печоре в 1955 г. (см.: Песни Печоры, №№ 122, 123), специфичен теми же образами. Усвоена исполнителями в детстве от старших подруг. Целостность текста несколько нарушена.

В других деревнях северной части Карельского Поморья не встречена.

143. Еще да́лече, дале́ча во чистом есть поле («Виноградие холостое») 124/55-а; 612/2

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1965.

Известна преимущественно в районах Русского Севера — на Мезени, Печоре. Библиографию см.: Песни Печоры, №№ 124, 125, 228. Кроме того, см.: Ефименко, стр. 95. Отдельные образы встречаются у Соболевского (III, № 68 — в лирической песне), Рождественской (стр. 68), Кондратьевой (№ 53); в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 183-д).

В северной части Карельского Поморья редкая, бытовала как «величальная свадебная», исполнялась жениху в день смотрин. Сохранилась в памяти немногих женщин старшего возраста. Записана только в д. Поньгоме и г. Кеми (см. № 145 настоящего сборника). Исполнительнице известна как величальная свадебная.

144. У Степана-то дом да на семи верстах стоит («Виноградие холостое») 45/168; 351/13

Г. Кемь. А. П. Умбачев 66 л., З. М. Ломова 56 л. и группа женщин, декабрь 1963.

Комментарий см. к № 143 настоящего сборника. В зачине публикуемого текста (7 строк) отдельные образы, по-видимому, заимствованы из «виноградия женатого».

145. Да в-первых, я шила, вышивала-то ярко солнце с облаками («Виноградие холостое») 42/10; 282/6

Г. Кемь. А. Р. Петрова 53 л., июнь 1963. Отрывок старинной величальной святочной песни. Комментарий см. к № 143 настоящего сборника.

Данный текст исполнительница считает самостоятельной песней. После магнитофонной записи уточнено, что припев «Виноградие да красно-зеленое» повторяется после каждой строки. В настоящее время известна немногим как бывшая свадебная.

146. Да середи-то было Китай да славного города («Виноградие холостое») 123/79; 451/7

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Симонкова 55 л. (уроженка д. Шижня того же района), декабрь 1964.

Известна в основном в записях из районов Русского Севера. Библиографию см.: Песни Печоры, № 30; Песенн. фолькл. Мезени, № 183-г. Близка к величальным святочным «виноградиям».

В северной части Карельского Поморья исполнялась на свадебном пиру в честь особо уважаемых гостей. В настоящее время встречается очень редко. От других исполнителей не записана.

147. Не кума ль жалобилася 52/27; 368/3

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Известна в публикациях XIX—XX вв. (см.: Якушкин, стр. 256; Кир., №№ 2, 12, 628, 860, 929; Ефименко, стр. 91; Шейн, №№ 1965, 2190). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Колпаковой (стр. 149), Коничева (стр. 202), Померанцевой, Ярославск. (стр. 169, № 16 — сходство со второй частью публикуемого текста), Рубцова (№ 72), в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 168).

В северной части Карельского Поморья исполнялась на девичнике. Считается старинной свадебной песней. Кроме публикуемого, близкий вариант записан составителями в пос. Керетский Лесозавод (см. 52/85; 371/14).

148. Тысяцкой ли ты, тысяцкой 123/48; 448/13

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., А. Г. Таурьянен 55 л., декабрь 1964.

В просмотренных сборниках не встречена.

В северной части Карельского Поморья исполнялась на смотренье тысяцкому (свату). В момент исполнения песни невесту с закрытым лицом выводили к гостям: тысяцкий должен был выкупить ее. В настоящее время известна отдельным пожилым женщинам.

149. По горни́це-то столово́й да столовой 123/4; 444/3

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Андреева 69 л., С. К. Петрова 70 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Библиографию см.: Песни Печоры, №№ 115, 295. Кроме того, см.: Студитский, Олонецк., стр. 69; Ефименко, стр. 89, 111; Шейн, № 1943. В публикации советского времени встречена в сб.: Песенн. фолькл. Мезени, № 155.

В северной части Карельского Поморья исполнялась женатым гостям за «большим столом». В настоящее время встречается реже, чем другие свадебные песни, известна только пожилым женщинам.

150. На горы, горы деревце стоит 51/176; 362/6

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л. и группа женщин, февраль 1964.

Известна в публикациях XVIII в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 296. Кроме того, см.: Чулков, стр. 747, № 31; Прач, стр. 239, № 112; Якушкин, стр. 229— в записи Максимова в Архангельской губ.; Балакирев, № 52; Колпакова, стр. 152; Кондратьева, № 30. Публикуемый текст близок к печорской записи.

В северной части Карельского Поморья была широко известна, исполнялась жениху и невесте, а в отдельных деревнях — холостому парню до венца. В настоящее время хранится в памяти пожилых женщин.

151. Из-за синего солоного 51/227; 364/20

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л. и А. С. Мехнина 46 л., январь 1964.

Одна из наиболее популярных свадебных песен. В публикациях известна с XVIII в. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 76. Кроме того, близкие варианты встречаются у Киреевского (№№ 698, 758, 759, 983), Ефименко (стр. 93), Шейна (№№ 1525, 1651, 2361), Соколовых (стр. 385, № 297). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Коничева (стр. 188), Померанцевой, Ярославск. (стр. 179, № 36 — сходство со второй частью публикуемого текста, стр. 191, № 60), Рубцова (№ 68), в сб.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 161), у Кондратьевой (№ 76), в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 151). Отдельные образы с другим контекстом встречаются у Киреевского (№№ 43, 68, 434). Обычный зачин — «Отставала лебедочка».

В северной части Карельского Поморья в большинстве деревень исполнялась до венца, в момент выезда невесты из родительского дома. В настоящее время известна старшему поколению как лирическая, исполняется без последних четырех стихов.

152. Чтой на стуле рети-бархати 51/178; 362/8

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л. и группа женщин, февраль 1964.

Имеет некоторое сходство с величальной свадебной, записанной на Печоре (см.: Песни Печоры, № 302). Кроме того, встречена у Рубцова (№ 80) и в сб.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 156). В варианте, записанном составителями в г. Кеми, вторая часть текста более развернута (см. 45/166; 351/11).

В северной части Карельского Поморья в большинстве деревень исполнялась холостому парню на рукобитье. В настоящее время известна пожилым женщинам в ряде деревень.

153. Из устья березового, да е... эхи 51/199; 363/11

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., А. С. Мехнина 46 л. и группа женщин, февраль 1964.

Известна в публикациях XVIII, XIX, XX вв. Библиографию см.: Песни Пинежья, № 101; Песни Печоры, № 301. Кроме того, см.: Чулков, стр. 614, № 96; Шейн, № 2271; Колпакова, стр. 121; Померанцева, Вологодск., № 115; Кондратьева, №№ 49, 50 — отдельные художественные образы; Песенн. фолькл. Мезени, № 154. Образ молодца, подстреливающего серую утицу — невесту, встречается в лирических песнях у Герстенберга (стр. 90, № 30 — плясовая с зачином «По загуменью тропинка лежит»), Киреевского (№ 1881), Колпаковой (стр. 145 — близкий вариант), Иваницкого (№ 2). Вторая часть публикуемого текста в таком сочетании в других поморских вариантах не встречается. Если в известных вариантах молодец, посылая стрелу, наказывает застрелить зверя, птицу и невесту, то в данном и других поморских вариантах молодец приказывает не убивать ни ворона, ни лебедь, ни утицу, ни девицу.

В северной части Карельского Поморья широко бытовала. В тексте сохранена традиционная свадебная символика. Исполнялась после венца, за «большим столом». В настоящее время известна женщинам пожилого возраста как лирическая.

154. Ой, я вью, вью да ель-елю 51/197; 363/9

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л. и А. С. Мехнина 46 л., февраль 1964 (текст уточнен с А. Т. Бурой, 75 л.).

Редкая. В просмотренных сборниках встречен один вариант у Киреевского, № 42 (менее полный, записан в г. Шенкурске Архангельской обл.).

В северной части Карельского Поморья исполнялась на свадебном пиру. В настоящее время известна отдельным женщинам пожилого возраста.

155. Сыро елью река спротекла 51/177; 362/7

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., А. И. Коновалова 52 л. и З. К. Мехнина 60 л., февраль 1964.

Редкая. Близкие варианты см.: Рождественская, стр. 76; Песенн. фолькл. Мезени, № 167 — более полный вариант; Соб., 1, № 476 — сходство по зачину.

В северной части Карельского Поморья исполнялась гостям; известна старшему возрасту. Вариант см. № 159 настоящего сборника.

156. Чтой уж по морю, морю по синему 51/173; 362/3

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л., П. В. Бутакова 55 л. и группа женщин, январь 1964.

Величальная, эпического характера. Известна в публикациях XIX в. Библиографию см.: Песни Печоры, № 382. Кроме того, см.: Студитский, Вологодск., стр. 143; Балакирев, № 51; Ефименко, стр. 112; Истомин и Дютш, стр. 131; Марков и Богословский, стр. 117, № 43. В просмотренных сборниках советского времени встречена у Рождественской (стр. 67).

В северной части Карельского Поморья исполнялась в честь почетного гостя за «большим столом». В настоящее время известна в отдельных деревнях старшему поколению. Вариант, записанный в пос. Керетский Лесозавод, интересен иными художественными образами:

Что один-то корабль да наперед выходил,
Да из-за Дунай,[1]
Наперед выходил да высоко вылетал,
Высоко вылетал да птица вешняя,
Еще нос да корма да по-тулиному,
Что бока-то у его да по-звериному,
Еще хобот мечет по-змеиному.

(См. 52/83; 371/12)

157. Налетали, наезжали ясные соколы 51/179; 362/9

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л. и группа женщин, февраль 1964.

Близкий вариант см. у Кондратьевой (№ 33). В других просмотренных сборниках не встречена.

В северной части Карельского Поморья была широко известна, пелась жениху, когда он с родными приезжал за невестой под венец. Составителями записано пять вариантов от исполнительниц пожилого возраста.

158. Есть-то на улице карета 51/108; 358/6

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л. и П. С. Мехнина 49 л., февраль 1964.

Известна в публикациях XIX в. (см.: Кир., №№ 26, 58; Ефименко, стр. 90; Шейн, № 2372; Соб., II, №№ 150, 151). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Колпаковой (стр. 129), Померанцевой, Ярославск. (стр. 173, № 25).

Публикуемый текст, по-видимому, — отрывок свадебной величальной; исполнительницами известна как лирическая частая.

В северной части Карельского Поморья встречена только в данной деревне.

159. Ель-елю, ель-елю, сыро елью река протекла 124/56; 612/3

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1965. Комментарий см. к № 155 настоящего сборника.

---

[1] Этот припев повторяется после каждой строки.

160. Не буйны ветры навеяли, они навеяли 124/31; 608/2

Г. Кемь. А. И. Попова 70 л. и А. И. Кузьмина 65 л. (сестры, уроженки д. Выгостров Беломорского р-на), декабрь 1965.

«Корильная» песня свату с устойчивыми сатирическими образами. В просмотренных сборниках советского времени встречена у Колпаковой (стр. 140), Кондратьевой (№ 73), в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 159). По сравнению с пинежским публикуемый текст менее полный — фрагмент традиционного, обычно значительно более длинного текста.

В северной части Карельского Поморья исполнялась свату в тот момент, когда гости приезжают за невестой. В настоящее время известна немногим женщинам пожилого возраста.

161. Не слыхала свет Ольга-душа 45/167; 351/8

Г. Кемь. Н. А. Умбачева 55 л., О. П. Брюхова 54 л. и З. М. Ломова 56 л., декабрь 1963.

Широко известна в публикациях XIX в. (см.: Якушкин, стр. 238; Кир., №№ 3, 418; Ефименко, стр. 91; Шейн, № 1537; Истомин и Ляпунов, стр. 101; Соколовы, стр. 378, № 257). В просмотренных сборниках советского времени опубликована у Померанцевой, Вологодск. (стр. 140, № 102), Рождественской (стр. 48), в сб.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 143), у Кондратьевой (№№ 67, 94).

В северной части Карельского Поморья прежде была распространена повсеместно, пелась на смотринах или рукобитье в момент появления жениха у невесты. В настоящее время известна пожилым женщинам большинства обследованных деревень. Составителями записано семь вариантов.

162. Резвы ноженьки с подходом 45/169; 351/14

Г. Кемь. Н. А. Умбачева 55 л. и группа женщин, декабрь 1963.

В просмотренных сборниках не встречена.

В северной части Карельского Поморья исполнялась на девичнике, повторялась до тех пор, пока невеста обносила чаркой каждого сидящего за столом гостя. В настоящее время встречается редко, только среди женщин пожилого возраста.

163. Вдоль по речке, реке 42/88; 284/16

Г. Кемь. З. М. Ломова 56 л., июнь 1963.

В публикациях известна с XVIII в. (см.: Чулков, стр. 757, № 47; Якушкин, стр. 261 — в записи С. В. Максимова из Архангельской губ.). В просмотренных сборниках советского времени встречена: Песни Печоры (№ 299), у Кондратьевой (№ 69).

В северной части Карельского Поморья исполнялась «брюдге» (посаженой матери невесты), а в отдельных деревнях — женатым гостям. В настоящее время известна старшему поколению как лирическая.

164. У чарочки да у серебряной 45/137; 350/13

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л. (уроженка д. Выгостров Беломорского р-на) и группа женщин, декабрь 1963.

Вариант величальной свадебной, широко известной в публикациях XIX в. (см.: Васнецов, № 185; Кир., №№ 112, 203, 344; Пальчиков, № 104; Шейн, № 1923; Истомин и Ляпунов, стр. 124; Соколовы, стр. 382, № 270). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Рубцова (№ 81); в сб.: Нар. тв. Сев. Двины (стр. 135), у Кондратьевой (№№ 70, 93).

В северной части Карельского Поморья прежде исполнялась на свадебном пиру в честь женатого гостя. В настоящее время известна женщинам старшего возраста в отдельных деревнях.

165. Быстра реченька по сахару текла 124/32; 608/3

Г. Кемь. А. И. Попова 70 л. и А. И. Кузьмина 65 л. (сестры, уроженки д. Выгостров Беломорского р-на), декабрь 1965.

Известна в публикациях XIX в. (см.: Балакирев, стр. 149, № 46; Кир., №№ 27, 726; Ефименко, стр. 88). В советское время записана в южной части Поморья (см. у Кондратьевой, № 74). Публикуемый текст по сравнению с известными сохранил лишь основу сюжета.

В северной части Карельского Поморья исполнялась за «малым столом» у невесты. В настоящее время известна только старшему поколению.

166. Как Васильева матушка 45/190; 351/35

Д. Подужемье Кемского р-на. Х. С. Данильева 55 л., Н. П. Данильева 55 л., декабрь 1965.

Варианты имеются у Киреевского (№№ 114, 307), Истомина и Дютш (стр. 135, записан в г. Кеми), Соболевского (III, № 272). В советское время выявлена в южной части Поморья (см.: Кондратьева, № 58).

В северной части Карельского Поморья исполнялась холостому парню за «большим столом», а в отдельных деревнях на рукобитье. В настоящее время известна старшему поколению. Составителями записано пять вариантов.

167. Приобсели всю горницу 53/62; 395/8

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Мосорина 55 л. и А. И. Гукова 59 л., июль 1964.

Близкий вариант см. у Кондратьевой (№ 52). Отдельные мотивы и образы встречаются в сб.: Нар. тв. Сев. Двины, стр. 160.

В северной части Карельского Поморья была широко распространена, исполнялась перед венцом, когда родня жениха приезжала за невестой. Составителями записано десять вариантов с напевами. Вторая часть текста по эмоциональному тону близка к причитаниям.

168. Что ль не яфрантик по горенке катался 123/71; 450/10

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Лирическая. Известна в публикациях с XIX в. Близкие варианты см.: Шейн, № 1519; Рыбников, III, стр. 136; Соколовы, стр. 381, № 267; Коничев, стр. 201; Рубцов, № 77; Иваницкий, № 499; в сб.: Песенн. фолькл. Мезени, № 142. В большинстве районов известна как свадебная, построенная на образах традиционной свадебной песни.

В северной части Карельского Поморья считается старой, редкой, записана только от данной исполнительницы как лирическая. Исполнялась на беседах и «на полянках» во время праздничных весенних и летних гуляний, а также при гребле на лодке.

169. Что ль по сенам, по сеночкам 123/50; 449/1

С. Шуерецкое Беломорского р-на. А. И. Гукова 59 л. и группа женщин, декабрь 1964.

Известна в публикациях XIX в. (см.: Кир., №№ 10, 115; Ефименко, стр. 89). В просмотренных сборниках советского времени встречена у Коничева (стр. 206), Рубцова (№ 89); Кондратьевой (№№ 35, 48), в сб.: Песенн. фолькл. Мезени (№ 173). Варианты зачина с иным развитием образов встречаются в публикациях XVIII—XIX вв. (см.: Песни Печоры, № 294).

В северной части Карельского Поморья исполнялась женатым гостям в момент одевания невесты к венцу. В отдельных деревнях пелась жениху в день рукобитья, когда жених и невеста ходили «утушкой», в этом случае говорилось, что не муж, а «милый друг» похваляется невестой. В настоящее время широко известна старшему поколению. Составителями записано тринадцать вариантов, в основном с одинаковыми напевами.

170. Пойду стара, матера лебедочка, по своему полу белому 124/10; 607/2

Д. Черная Река Лоухского р-на. С. К. Петрова 71 г., декабрь 1965.

Свадебный причит в форме развернутого диалога между матерью и дочерью.

171. Будет спати, высыпаться 124/57; 612/4

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1965.

Причит-импровизация. Исполнялся плачеёй от лица матери в день венца. После магнитофонной записи текст был уточнен исполнительницей:

По зарям зори сходятся,
А по избам печи топятся,
А по дымам дымы сходятся.
Время вставать тебе,
Сиза касата голубушка,
Вот тебе светла водица — умойся,
Бело полотенце — утрися,
Светлый наряд — снарядися.
Скоро придет твой богом суженый,
Седут за твои столы белодубовы
Все сватья да все сватушки,
Вся родня твоя, породушка
С чужой дальней сторонушки.

172. Пора встати, пробудитися 124/71; 611/7

Г. Кемь. Е. Ф. Благодарова 66 л., декабрь 1965.
Причит-импровизация, развернутый диалог между матерью и дочерью.

173. Баю, баю, баюшки 52/63; 370/11

Д. Черная Река Лоухского р-на. А. Г. Таурьянен 55 л., февраль 1964.
Импровизация. У других исполнителей не встречена.

174. Спи-ко, спи-ко, баю, бай 51/38; 354/17

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. Д. Ефремова 73 л., январь 1964.
Импровизация, имеет своеобразные художественные образы («Сон», «Сониха»). У других исполнителей не встречена.

175. Баю, баю, баю, бай 45/58; 348/2

Д. Поньгома Кемского р-на. М. А. Андреева 62 л., декабрь 1963.
Импровизация.

176. Баю, баю, баюшки 45/84-а; 349/2

Д. Поньгома Кемского р-на. Т. Ф. Семенова 35 л., декабрь 1963.
Импровизация с общеизвестными традиционными образами «баек».

177. Баю, баюшки, баю 45/220; 352/29

Г. Кемь. А. А. Балякина 56 л., декабрь 1963.
Импровизация.

178. Ездил старый малый на добром коне 51/160; 361/9

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.
Из цикла былин об Илье Муромце, относится к группе «Илья Муромец и разбойники». Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., III, стр. 488. В Поморье сюжет известен как часть былины «О Соловье-разбойнике и трех поездках». Публикуемый текст близок к современной поморской обработке сюжетов (см.: Аст., III, № 38 — записана в Сумском Посаде Беломорского р-на в 1932 г.). Обращают на себя внимание детали: Илья бьет неприятеля березовым прутышком, хвалится лапоточками.
Кроме публикуемого, в архиве КФ имеются шесть вариантов данного сюжета, записанных в последнее десятилетие в Кемском и Лоухском районах (см.: 58/47; 35/3; 55; 182; 247 и 251). См. также № 191 настоящего сборника.

179. Илья Муромец на заставе богатырской* 42/45; 283/4

Записана в д. Гридино Кемского р-на от А. Т. Бурой 78 л., июнь 1963.
Публикуемый текст принадлежит к группе былин о единоборстве Ильи Муромца с иноземным богатырем, без мотива встречи с неузнанным сыном. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., III, стр. 473—475; близок к варианту, записанному в Шенкурском уезде Архангельской губ. (см.: Аст., III, № 22), но значительно короче. Интересна деталь — описание спутников «неверного» (ясный сокол, сизый орел, змея лютая). По-иному и очень кратко дан эпизод выбора богатыря для поединка с «неверным». После троекратного боя Илья временно поражен, но не побежден. Необычна развязка: «неверный», присланный матерью на поединок с русским богатырем, оказался двоюродным братом Ильи, он покоряется Илье и обещает быть ему верным слугой. По-видимому, использован мотив братания Ильи Муромца и Добрыни. Данный эпизод встречается и в других вариантах, записанных в Карельском Поморье (см. 35/2 и 176).

180. Потык 51/158; 361/7

Записана в д. Гридино Кемского р-на от А. В. Ивановой 76 л., январь 1964.
Былина Киевско-богатырского цикла, сочетающая героические и новеллистические

* Названия былин, баллад, обозначенных звездочкой, принадлежат составителям.

элементы. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 779. В северных районах популярности не имела.

Публикуемый текст содержит эпические и сказочные мотивы. Раскрыты эпизоды женитьбы, погребения и превращения Потыка; непосредственное участие в его судьбе принимают богатыри — Илья Муромец, Добрыня и Алеша; они предупреждают Потыка о злых намерениях жены, освобождают от ее чар, выкапывают из могилы. К редким мотивам относится звон из могилы в «колокола трезвонные». В заключении имеется некоторое сходство с заонежскими вариантами (см.: Рыбников, I, № 12, вариант, записанный от Т. Г. Рябинина). Жена-чародейка кует полуаршинное «гвоздьё» и приколачивает спящего Потыка, освобождает его простая девушка, которая и становится настоящей женой. В архиве КФ имеется очень близкий вариант, записанный от данной исполнительницы (см. 35/185).

181. Добрыня и Алеша 51/155; 361/4

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Популярная былина-новелла. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 721.

Публикуемый текст краток, в основном совпадает с более ранними записями из Поморья (см.: Григорьев, I, № 3), записями 1935 г. в Кемском р-не (см.: Аст., II, стр. 722). Близок к варианту, записанному от А. В. Ивановой в 1956 г. (см. 35/180). Действие приурочено к г. Киеву. Имена матери и князя Владимира не названы. Алеша силой, без сватовства берет жену Добрыни; сатирический образ Алеши не описан. Жена узнает Добрыню по «лицу-плечу» и перстню «с именным клеймом». Развязка трагична: Добрыня свертывает Алеше голову с плеч.

В 1964 г. составителями записан более краткий вариант от П. В. Микковой из д. Поньгома Кемского р-на (см. № 200 настоящего сборника). Кроме того, из Кемского р-на имеется три варианта (см. 35/4 и 180, 36/90).

182. Хотенко Блудович 51/146; 360/16

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Былина-новелла. На Севере распространена мало. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., I, стр. 639.

Публикуемый текст краткий, сохранены основные эпизоды сюжета. Особенностью является замена дочери Часовой племянницей, а сыновей — племянниками.

В северной части Карельского Поморья составителями записан единственный вариант. Кроме того, см. запись 1956 г. (35/5, 142/178).

183. Илья Муромец 51/283

Д. Гридино Кемского р-на. А. И. Иванова 76 л., январь 1964.

См. комментарий к № 179 настоящего сборника. Прозаический пересказ забытой былины о единоборстве Ильи Муромца с иноземным богатырем. В тексте явная путаница: в роли царища Кудреянища выступает солнышко Владимир-князь.

184. Дмитрий и Домна* 51/157; 361/6

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Былина-баллада. Широко распространена на Севере, особенно в Поморье и Пинежье. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 717.

Публикуемый текст по композиционным особенностям близок к поморским вариантам (см.: Марк.-Богосл., ч. II, стр. 98; Григорьев, I, № 10, стр. 49; № 14, стр. 61; № 23, стр. 94). Отражает более позднюю редакцию сюжета (см.: Д. М. Балашов. Князь Дмитрий и его невеста Домна. К вопросу о происхождении и жанровом своеобразии. — Русский фольклор. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., 1959). В советское время записана в южной части Поморья (см.: Кондратьева, № 99. Вариант, записанный в д. Калгалакша, см. № 195 настоящего сборника).

Кроме публикуемых, в Архиве КФ из Кемского и Лоухского районов имеется 9 вариантов данного сюжета (см.: 58/51 — запись 1948 г.; 35/7, 52 и 183; 36/200 — запись 1956—1957 гг.; 59/25, 107 и 352).

185. Про Козарина 51/148; 360/18

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Былина-баллада, близка к циклу эпических песен о нашествии татар. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 770.

Публикуемый текст близок к поморским (см.: Григорьев, I, стр. 98, № 25) и позднейшим кемским записям 1935 г. (см.: Аст., II, стр. 771), хорошо сохранился.

Содержит сказочный мотив воспитания Козарина бабушкой-задворенкой, развернут эпизод освобождения сестры — причитание девушки и дележ добычи. Имеет заключительный эпизод: Козарин привозит сестру домой и предлагает матери выкупить дочь. Эпизод встречи с вещим вороном упущен. Варианты, записанные в Калгалакше и Поньгоме, см.: № №198, 204, 205 настоящего сборника. Кроме публикуемых, в Кемском р-не в последние годы записано девять в основном совпадающих вариантов (см. 58/49 — 1948 г.; 35/1, 44, 46, 248 и 252 — 1956 г.; 36/27, 29 и 197 — 1957 г.).

186. Князь Михайло 51/147; 360/17

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Былина-баллада. Известна в северных и средних районах, особенно на реке Пинеге. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 777. Публикуемый текст восходит к поморскому варианту (см.: Григорьев, I, стр. 110, № 31 — узнавание о гибели жены через слуг). Отличается некоторыми особенностями: возвратившись из поля, князь прежде встречается с матерью, но о гибели жены узнает не от нее, а через соседей; мать вынимает из сердца Марфиды три приметы — жили с Михайлом «во совете», «бладень во утробы», «князь во дороги». У Григорьева по-иному дано описание вылова колоды рыболовами.

В варианте, записанном от данной исполнительницы в 1956 г. (35/184), отдельные мотивы значительно сокращены: о трех приметах не упоминается; иначе дана развязка (князь бросается в реку), менее подробно рассказано о вылове колоды рыболовами. Варианты, записанные в Калгалакше и Поньгоме, см. №№ 197, 203 настоящего сборника. Кроме того, см.: 55/70 — 1937 г.; 35/6 — 1956 г.; 36/31 — 1957 г.

187. Князь, княгиня, старицы * 51/156; 360/5

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Былина-баллада. Была распространена главным образом в Поморье и по нижнему течению реки Пинеги. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 767, 810; Былины Печоры, № 88. Поморские варианты см.: Григорьев, I, стр. 30, № 4; стр. 46, № 9; стр. 58, № 13; стр. 63, № 15; стр. 103, № 27; стр. 121, № 35; Аст., II, № 226.

В публикуемом тексте сохранены лишь основные линии сюжета; имеются своеобразные детали, отмеченные в кемских обработках записи 1935 г. (см.: Аст., II, стр. 768): указан возраст княгини; голова убитой княгини с воем летит на небо. В варианте, записанном от данной исполнительницы в 1956 г., окончание текста более развернуто (см. 35/181). Варианты, записанные составителями в Калгалакше и Поньгоме Кемского р-на, см. №№ 196 и 202 настоящего сборника. Кроме публикуемых текстов и текстов, записанных в 1935 г. из Кемского р-на, имеется шесть вариантов (см. 35/10, 43, 53 и 181 — 1956 г.; 36/145 и 199 — 1957 г.). Записи последних лет подтверждают устойчивость кемских обработок.

188. Романушка 51/225; 364/18

Д. Гридино Кемского р-на. З. К. Мехнина 60 л. и А. С. Мехнина 46 л., январь 1964.

Былина-баллада. Редкая. Отражает эпоху борьбы с татарами. Известна в северных районах (на Белом море, Мезени, в Коми АССР, на Урале). В 1856 г. была записана в д. Калгалакша Архангельской губ. С. В. Максимовым. Опубликована в «Летописи русской литературы и древности», изданной Н. Тихонравовым (кн. I, М., 1859, стр. 122); перепечатана Якушкиным (см.: Якушкин, стр. 66); см. также: Киреевский, вып. 5, 1863, стр. 96 (записана в д. Калгалакша).

Публикуемый текст по сравнению с записью С. В. Максимова упрощен, он ближе к варианту, опубликованному Киреевским, но имеет свои особенности: Роман едет на охоту (а не за данью); значительно короче дан мотив сна и его отгадывание; нет встречи татар с портомойницей Марьей, имеет иное окончание: находясь в плену у татар, Марья откупается золотым перстнем и без особых препятствий возвращается домой. Варианты, записанные в Гридино и Поньгоме, см. №№ 189, 201 настоящего сборника. Кроме публикуемых, имеется семь вариантов записи 1956—1957 гг. (см. 35/8, 51, 246 и 249; 36/28, 32 и 33).

189. Романушка 51/153; 361/2

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Былина-баллада. См. комментарий к № 188 и вариант № 201 настоящего сборника. В памяти исполнительницы баллада сохранилась неполностью.

190. Дунаюшко 51/159; 361/8

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Былина-баллада. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 740. Публикуемый текст близок к поморским записям (см.: Григорьев, I, № 17, а также новые записи поморских обработок: Аст., II, стр. 741). Имеются своеобразные детали: Дунай просит слуг вести его на казнь мимо крыльца Настасьи; прощается сначала с белым светом, затем с матерью, отцом и трижды с Настасьей. Необычно заключение. Настасья выкупает Дуная златом-серебром и оставляет у себя.

Кроме публикуемого текста, в северной части Карельского Поморья в последние годы записано пять вариантов (см.: 58/46 — 1948 г.; 35/9, 141 и 179 — 1956 г.; 36/201 — 1957 г.).

Указанные варианты в своей основе близки к публикуемому тексту, варьируется окончание: перед казнью Дунай заменяется другим лицом; освобожденный от казни, он скрывается от королевны.

191. Ездил старенькой да по синю морю 51/8; 353/7

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

Вариант былины об Илье Муромце и разбойниках. См. комментарий к № 178 настоящего сборника. Публикуемый текст очень краток, сохранена лишь схема сюжета.

192. Саул Леванидович 51/7; 353/6

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

Редкая былина о богатыре, ищущем своего отца. Библиографию см.: Кирша Данилов, стр. 615. В публикуемом тексте сохранены лишь основные штрихи сюжета без художественной разработки эпизодов. Действие былины приурочено к Чернигову, царь Саул едет не за данью, а воевать в «чисто поле». Имена сына и матери не названы. О героических подвигах малолетнего богатыря, поехавшего на «завыручку» к отцу, не говорится. Былина не завершена, нет эпизода освобождения сына и расправы с татарами.

Имеется вариант, записанный от данной исполнительницы в 1956 г. (см. 35/57). Тексты в основном совпадают, но вариант 1956 г. несколько полнее.

193. Дюк Степанович 124/73; 627/3

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

Былина социально-бытового характера. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 742; близкий вариант — Марк.-Богосл., I, стр. 98.

Публикуемый текст интересен как единственная запись сюжета о Дюке в Карельском Поморье. Текст краткий, сохранена лишь основа сюжета. Упущен целый ряд эпизодов (мотив застав, просьба Дюка к матери отпустить его на пир, выезд, описание снаряжения, Чурилы нет, имена оценщиков не называются). В тексте имеются своеобразные детали: между Дюком и Владимиром происходит не спор, а уговор личного характера. Дюк приезжает на пир с целью взять замуж сестру Владимира, в связи с этим получает от князя задание — состязаться (по богатству одежды, в езде по полю, в прыжках через «реченьку быструю»). В состязании непосредственно участвует князь Владимир, его-то, посрамленного, Дюк и вытаскивает за волосы из воды после скачек через реку.

Исполнительница слышала былину от своей бабушки — Анны Андреевны Даниловой, уроженки д. Поньгома Кемского р-на.

194. Мать продает Ивана Гостиного сына 51/6; 353/5

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

Былина-баллада социально-бытового характера. Сюжет мало распространенный. С именем этого же героя существует широко распространенная баллада с другим сюжетом (состязание с конем). Библиографию см.: Аст., I, стр. 588. Публикуемый текст близок к поморскому варианту (см.: Григорьев, I, стр. 96, № 24 — мать продает сына за распутство и грубость). Введен эпизод: Гостиный сын оценивает корабли хозяина, за что получает их в награду.

Кроме того, имеется два варианта (см.: 48/58 — 1948 г.; 35/56 — 1956 г., от данной исполнительницы записано без напева).

195. Митрей и Домна 51/4; 353/3

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

Былина-баллада. См. комментарий к № 18 настоящего сборника.

В публикуемом тексте сохранены лишь основные линии сюжета.

196. Князь, княгиня, старицы * 51/5; 353/4

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

Былина-баллада. См. комментарий к № 187 и вариант № 202 настоящего сборника. Публикуемый текст подтверждает устойчивость кемских обработок данного сюжета. Из былины об отъезде Добрыни использована традиционная формула в речи жены при встрече мужа «Десять лет солнце не пекло» (стихи 42—45). Конь делает вещее предупреждение князю — понапрасну не проливать кровь. Сохранено проклятие старицы князем.

Вариант, записанный от данной исполнительницы в 1956 г. без напева, текстуально близок к публикуемому.

197. Князь Михайло * 124/74; 627/8

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 71 л., апрель 1966.

Былина-баллада. См. комментарий к № 186 и вариант № 203 настоящего сборника.

В публикуемом тексте действие приурочено к Поморью.

198. Казалин 51/2; 353/1

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. И. Ефремова 69 л., январь 1964.

Былина-баллада. См. комментарий к № 185 и варианты №№ 204, 205 настоящего сборника.

В публикуемом тексте сохранен эпизод расправы Козарина с татарами; своеобразно построено заключение: Козарин просит у родителей выкуп за сестру и исчезает неузнанным. Близок к варианту, записанному от той же исполнительницы в 1956 г. (см. 35/46).

199. Про царя Соломона 51/284

Д. Калгалакша Кемского р-на. А. П. Костина 70 л., январь 1964.

Былина-новелла. Была распространена в районах Севера. Библиографию и анализ сюжета см.: Аст., II, стр. 794.

Публикуемый текст принадлежит к хорошо сохранившимся вариантам, записан без напева. По отдельным художественным приемам имеет сходство с известной в Поморье балладой «Роман и Марья Юрьевна» (царь едет на охоту, жена видит вещий сон; корабельщики силой берут Соломаньицу оценивать корабли). Если в известных вариантах «сила» царя Соломана подкрепляется 25 товарищами — богатырями или крылатыми людьми-конями, то в публикуемом тексте — целым войском. В последнее десятилетие в Поморье записано два варианта данного сюжета (см. 35/45 — более полный вариант от данной исполнительницы; 36/198).

200. Князь Михайло 45/45; 347/4

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л. (уроженка д. Калгалакша того же р-на), декабрь 1963.

Традиционное название былины «Добрыня и Алеша». См. комментарий к № 181 настоящего сборника. Текст по композиции близок к вышеуказанному номеру и поморским записям 1935 г. (см.: Аст., II, стр. 722). Имеет некоторые особенности: имя Добрыни заменено именем Михайлы. В наказе «Михайло» разрешает жене выйти замуж не только за князей и бояр, но и за мужиков — простых и богатых. Мнимого убийства «Михайлы» нет, но сохранена деталь, присущая местным обработкам, — занавешивание окна черной канвой в знак печали (то же в записях 1935 г. из д. Калгалакша Кемского р-на).

201. Романушка 45/46; 347/5

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1963.

Былина-баллада. См. комментарий к № 188 и вариант № 189 настоящего сборника. Публикуемый текст отличается от других поморских вариантов своей развязкой: Марью освобождает Роман.

202. Князь, княгиня, старицы * 45/47; 347/6

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1963.

Былина-баллада. См. комментарий к № 187 настоящего сборника. Публикуемый текст близок к новым вариантам кемских обработок (см.: Аст., II, стр. 768), имеет

некоторое своеобразие: действие приурочено к Киеву, ни в одном из записанных в 1964 г. вариантов возраст князя не указывается. Использован мотив былины об отъезде Добрыни: наказ князя не ходить никуда восемь лет; старицы ложно сообщают о месячном ребенке, затем о трехмесячном; князь совершает самоубийство — повесился «на шелковой петелке». Варианты, записанные в Гридино и Калгалакше, — см. №№ 187, 196 настоящего сборника.

203. Князь Михайло 45/44; 347/3

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1963.

Былина-баллада. См. комментарий к № 186 и вариант № 197 настоящего сборника. Публикуемый текст краток, сохранены основные линии сюжета, имеются некоторые особенности: колоду с Марфидой мать спускает не в море, а в реченьку; рыболовы вылавливают сначала колоду с младенцем, а затем с Марфидой; князь Митрий кончает жизнь самоубийством — бросается в реку. Князя Михайло исполнительница называет Митрием.

204. Про Козарина 45/43; 347/2

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1963.

Отрывок былины-баллады. См. комментарий к № 185 и вариант № 198 настоящего сборника.

205. По утру было, по зорюшке 45/42; 347/1

Д. Поньгома Кемского р-на. П. В. Миккова 65 л., декабрь 1963.

Былина-баллада. См. комментарий к № 185 и вариант № 198 настоящего сборника. Публикуемый текст — отрывок из былины-баллады «Козарин»; плач полоненной девушки исполнительнице известен как самостоятельная песня.

206. Во высокой новой горнице 51/154; 361/3

Д. Гридино Кемского р-на. А. В. Иванова 76 л., январь 1964.

Редкая историческая песня о Щелкане, возникновение которой датируется первой половиной XIV в. В основе сюжета лежат исторические события, связанные с татарским игом. Библиографию и анализ сюжета см.: Исторические песни XIII—XVI вв., стр. 631, №№ 39—46. В 1909 г. песня о Щелкане была записана А. В. Марковым в д. Гридино от И. М. Мехнина, опубликована Б. Н. Путиловым (см.: Русский фольклор. Материалы и исследования. М.—Л., 1958; а также Исторические песни XIII—XVI вв., № 44).

Составителями установлено, что И. М. Мехнин является родным дядей А. В. Ивановой, от него она и переняла в молодости былины и историческую песню о Щелкане, но вариант А. В. Ивановой не содержит упоминания о Твери, Азвяке, эпизода с «чашей крови». В 1956 г. от той же исполнительницы К. В. Чистовым записана с зачином «Против зеркальца хрустального» (см.: ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 510).

Публикуемый текст хорошо сохранился, имеет небольшие разночтения по сравнению с записью 1956 г.: зачин полнее на три стиха (стихи 1—3), содержит ответ Щелкана на проклятие старушки (стихи 57—59).

В северной части Карельского Поморья у других исполнителей не встречена.

207. Без отца, без матери живут люди 42/44; 283/3

Д. Гридино Кемского р-на. А. Т. Бурая 78 л., июнь 1963.

Популярная историческая песня XVI в. Библиографию и анализ сюжета см.: Исторические песни XIII—XVI вв., стр. 654, №№ 200—260. Публикуемый текст относится к группе вариантов «Гнев Ивана Грозного на сына», когда об измене говорит сын Ивана Грозного Федор (Исторические песни, стр. 660, №№ 231—246). Он утверждает, что измена из «Каменной Москвы» не выведена. В гневе царь приказывает казнить сына. Более раннюю запись от той же исполнительницы см.: Исторические песни, № 233. Сличение вариантов показывает устойчивость текста, дополнены отдельные стихи (54—63). В записи 1964 г. Никита трижды спрашивает у Грозного: «Есть ли виноватому прощеньице?».

В северной части Карельского Поморья другим исполнителям неизвестна. А. Т. Бурая в 13-летнем возрасте слышала эту песню от своего деда Максима Иванова, предки которого пришли в Гридино из Новгорода.

208. Мать Россея, мать Россея 52/125; 374/9

С. Кереть Лоухского р-на. П. В. Тиммоева 67 л., февраль 1964.

Популярная историческая песня о событиях 1812 г. Библиографию см.: Песни Печоры, № 137. Кроме того, см.: Вессель и Альбрехт, № 64; Васнецов, № 5; Григорьев, I, стр. 189, № 12 — с напевом; Песенн. фолькл. Мезени, №№ 8—10.

В северной части Карельского Поморья составителями записан единственный вариант. Песня усвоена исполнительницей от ее бабушки, жившей в д. Полубоярская Мурманской обл.

209. Мы с подружкой боевые 52/24; 367/2

Д. Черная Река Лоухского р-на. М. К. Петрова 66 л., февраль 1964.

210. Трудно Карюшку спускаться 52/139; 375/6

С. Кереть Лоухского р-на. М. П. Курашова 79 л., февраль 1964.

211. Куда — бы два — пошел — бы два 52/156; 377/1

Пос. Чупа Лоухского р-на. У. П. Шаткова 62 л., февраль 1964.

Этими частушками сопровождался припляс на тарне (тарня — определенная территория, отведенная для сборищ молодежи из нескольких деревень).

212. Сядем, сядем со мной рядом 51/107; 358/5

Д. Гридино Кемского р-на. П. С. Мехнина 49 л., январь 1964.

213. Сохни, сохни, мой платочек 45/93; 349/11

Д. Поньгома Кемского р-на. Т. Ф. Семенова 35 л., декабрь 1963.

214. Все запали, зарастали 49/8; 282/4

Г. Кемь. А. Р. Петрова 53 л., июнь 1963.

215. Кемска реченька широка 42/9; 282/5

Г. Кемь. Н. М. Первухина 52 л., июнь 1963.

216. Говорят, суда горят 45/39; 346/11

Г. Кемь. А. И. Попова 74 л., июнь 1963.

217. Речка северна пойдет 45/220; 352/30

Г. Кемь. А. А. Балякина 56 л., декабрь 1963.

218. Попоем, подружка, песен 45/28; 345/16

Г. Кемь. Е. Ф. Благодарова 65 л., июнь 1963.

219. Занавеска не простирана 53/28; 392/6

С. Шуерецкое Беломорского р-на. М. И. Мосорина 55 л., июль 1964.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

Абрамский — А. Абрамский. Песни Русского Севера. «Сов. композитор». М., 1959.

Аст., I — Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступит. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.—Л., 1938.

Аст., II — Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.—Л., 1951.

Аст., III — Илья Муромец. Подгот. текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.—Л., 1958.

Балакирев — М. Балакирев. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано. Ред., предисл., исслед. и примеч. Е. В. Гиппиуса. М., «Музгиз», 1957.

Васнецов — А. Васнецов. Песни Северо-восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. Киров, 1949.

Вессель и Альбрехт — Н. Х. Вессель и Е. К. Альбрехт. Сборник солдатских, казацких и матросских песен. Вып. 1. СПб., 1875.

Герстенберг — Русские песни XVIII века. Песенник И. Д. Герстенберга и Ф. А. Дитмара. Общая ред. и вступит. статья Б. Вольмана. М., «Музгиз», 1958.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I. М., 1904.

Ефименко — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. — Изв. Общ. естествознания, археол. и этногр., т. XXX, Тр. этногр. отд., кн. V, вып. II, 1878.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким. Вологда, 1960.

Игры народов — Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В. Н. Всеволодским-Гернгросс, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. Л., «Academia», 1933.

Истомин и Дютш — Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записал слова Ф. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894.

Истомин и Ляпунов — Песни русского народа, собранные в губерниях Владимирской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записал слова Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899.

Исторические песни — Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1960.

Кир., Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. I, М., 1911; вып. II, ч. I, М., 1917; ч. II, М., 1929.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958.

Колпакова — Н. Колпакова. Свадебный обряд на р. Пинеге. Искусство Севера, II. Л., 1928.

Кондратьева — Русские народные песни Поморья. Составитель и собиратель С. Н. Кондратьева. М., «Музыка», 1966.

Коничев — Северное народное творчество. Ред.-сост. К. И. Коничев. Архангельск, 1939.

Леонтьев — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Архангельск, 1939.

Линева — Великорусские песни в народной гармонизации. Записаны Е. Линевой. Вып. I, СПб., 1904; вып. II, СПб., 1909.

Лопатин и Прокунин — Русские народные лирические песни Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. Под ред. и с вступит. статьей В. Беляева. М., «Музгиз», 1956.

Марк.-Богосл. — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. I. Зимний берег Белого моря. — Труды Музыкально-этнографической комиссии общества любителей антропологии, естествознания и этнографии, т. I, М., 1906; ч. II. Терский берег Белого моря. — Труды Музыкально-этнографической комиссии общества любителей антропологии, естествознания и этнографии, т. II. М., 1911.

Мякутин — Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург, 1904.

Нар. тв. Сев. Двины — Народное творчество Северной Двины. Составители В. В. Митрофанова и Л. В. Федорова. Архангельск, 1966.

Новикова — Русские народные песни. Вступит. статья, составление и примеч. А. М. Новиковой. М., 1957.

Ончуков — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.

Пальчиков — Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губ. Н. Е. Пальчиковым. СПб., 1888.

Песенн. фолькл. Мезени — Песенный фольклор Мезени. Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., «Наука», 1967.

Песни крестьянских войн — Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов. Л., 1959.

Песни Печоры — Песни Печоры. Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1963.

Песни Пинежья — Песни Пинежья. Материалы фонограмм Архива Академии наук СССР, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, кн. II. М., «Музгиз», 1937.

Померанцева, Вологодск. — Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, 1955.

Померанцева, Ярославск. — Песни и сказки Ярославской области. Под общей ред. Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.

Прач — Собрание русских народных песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. Под ред. и со вступит. статьей В. М. Беляева. М., «Музгиз», 1955.

Р.-Корсаков — Н. А. Римский-Корсаков. Сто русских народных песен. М., 1951.

Рождественская — У Белого моря. Народные песни и сказы. Сборник Н. Рождественской. Архангельск, 1958.

Розанов — Песни русских поэтов. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Ив. Н. Розанова. Л., «Сов. писатель», 1950.

Рубцов — Ф. Рубцов. Народные песни Ленинградской области. М., 1958.

Рыбников — Песни, собранные Рыбниковым, т. III. Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1910.

Соб., Соболевский — Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, тт. I—VII. СПб., 1895—1902.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Студитский — Ф. Студитский. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний. СПб., 1841.

Трутовский — В. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами. Под ред. и со вступит. статьей В. Беляева. М., «Музгиз», 1953.

Чайковский — П. Чайковский. Полн. собр. соч., т. 61, М.—Л., «Музгиз», 1949.

Чулков — Сочинения М. Д. Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Чч. I, II и III с прибавлением. СПб., 1770—1773. Переизд.: СПб., 1913.

Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. I, вып. 1 и 2. СПб., 1898—1900.

Якушкин — Русские песни, собранные П. И. Якушкиным. СПб., 1860.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ И ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Место записи	Исполнители	№№ записанных песен
	1. Беломорский район	
С. Шуерецкое	Андронова Мария Ивановна, 75 л.	64, 116, 123—126, 139
	Богданова Евгения Андреевна, 54 г.	112, 115, 120
	Богданова Ольга Семеновна, 77 л.	63
	Воронова Нина Павловна, 30 л.	113
	Гукова Анна Ивановна, 59 л.	54, 56—62, 110—113, 119, 122, 140, 167—169
	Дорофеевская Анастасия Владимировна, 55 л.	54, 57, 60, 121
	Курицына Валерия Ивановна, 66 л.	107, 109, 114, 117, 118, 141
	Мосорина Мария Ивановна, 55 л.	54, 56, 59, 110, 115, 120, 122, 140, 167, 219
	Никитина Наталья Григорьевна, 70 л.	115
	Попова Капитолина Федоровна, 60 л.	58, 110, 121, 122
	Симонкова Агния Ивановна, 55 л.	55, 108, 146
	2. Кемский район	
Д. Гридино	Бурая Августа Тимофеевна, 78 л.	179, 207
	Бутакова Парасковья Васильевна, 55 л.	23, 26, 32, 36, 37, 39, 40, 78, 82, 156
	Иванова Анастасия Васильевна, 76 л.	178, 180—187, 189, 190, 206
	Коновалова Анна Ивановна, 52 г.	21, 23, 24, 27—31, 77, 78, 80, 83, 155
	Коновалова Александра Евлампьевна, 52 г.	29, 34
	Мехнина Анна Самсоновна, 46 л.	21, 22, 25, 33, 36, 39, 79, 151, 153, 154, 188
	Мехнина Зинаида Киприяновна, 60 л.	21—28; 30—33, 35, 38—40, 75—78, 80—85, 135, 151—154, 156, 158, 188
	Мехнина Павла Самсоновна, 46 л.	29—28, 30—33, 35—38, 75—82, 84, 150, 155, 157, 158, 212
Д. Калгалакша	Ефремова Анастасия Ивановна, 69 л.	41—45, 86—92, 136, 191—198
	Ефремова Александра Дементьевна 73 г.	174
	Ефремова Римма Васильевна, 42 г.	42, 91, 92, 136
	Костина Анна Павловна, 70 л.	199
	Ларионова Зинаида Борисовна, 41 г.	43, 86, 88
	Мехнина Анна Андреевна, 61 г.	41, 42, 44, 87, 89, 91, 136
Г. Кемь	Балякина Александра Афанасьевна, 56 л.	177, 217
	Благодарова Елизавета Федоровна, 66 л.	52, 53, 172, 218

Продолжение

Место записи	Исполнители	№№ записанных песен
Г. Кемь	Брюхова Ольга Петровна, 54 г.	99, 161
	Кузьмина Анфиса Ивановна, 65 л.	51, 96, 100, 160, 165
	Ломова Зинаида Михайловна, 56 л.	102—105, 144, 161, 163
	Минюкова Александра Андреевна, 33 г.	52, 53
	Носкина Парасковья Федоровна, 56 л.	97
	Петрова Анна Романовна, 53 г.	98, 101, 145, 214
	Первухина Наталья Михайловна, 52 г.	215
	Попова Анисья Ивановна, 74 г.	50—53, 94—97, 100, 160, 164, 165, 216
	Умбачев Александр Петрович, 66 л.	99
	Умбачева Надежда Афанасьевна, 55 л.	99, 138, 162
	Титова Анастасия Григорьевна, 50 л.	51, 94, 100
	Тарасова Серафима Андреевна, 53 г.	138
Дер. Подужемье	Данильева Ксения Ивановна, 68 л.	106
	Данильева Наталья Петровна, 55 л.	106
	Данильева Хавронья Семеновна, 55 л.	166
Дер. Поньгома	Андреева Минадора Александровна, 62 г.	175
	Дмитриева Александра Семеновна, 56 л.	137
	Дмитриева Анастасия Федоровна, 44 г.	46
	Дмитриева Заря Дмитриевна, 30 л.	46
	Дмитриева Серафима Васильевна, 51 г.	49
	Кивечкина Раиса Сергеевна, 70 л.	48
	Кутчева Фекла Донатовна, 63 г.	48
	Миккова Павла Васильевна, 65 л.	46—49, 93, 137, 143, 159, 171, 200—205
	Семенова Татьяна Федоровна, 35 л.	93, 176, 213

3. Лоухский район

С. Кереть	Тиммоева Пелагея Васильевна, 67 л.	207
	Курашова Агапья Сергеевна, 52 г.	19, 71
	Курашова Матрена Прокопьевна, 79 л.	210
Пос. Керетский Лесозавод	Ладина Антонина Афанасьевна, 52 г.	71
	Смолькова Анна Семеновна, 66 л.	19, 20, 72
	Степанова Валентина Семеновна, 51 г.	19, 20, 71—73
Дер. Черная Река	Андреева Марфа Кузьминична, 69 л.	1—17, 65—70, 127—132, 147—149
	Игнатьев Егор Кузьмич, 61 г.	9
	Нифакина Агапья Павловна, 59 л.	10, 16, 17, 70, 130
	Нифакина Пелагея Прокопьевна, 72 г.	2, 7, 11, 14, 16, 17, 69, 132
	Петрова Мария Константиновна, 66 л.	6, 65, 128, 209
	Петрова Соломанья Константиновна, 70 л.	1, 3, 4, 6, 10—14, 18, 65—67, 70, 127—129, 131, 147, 149, 170
	Таурьянен Александра Григорьевна, 55 л.	3, 4, 8, 10, 68, 129, 132, 148, 173
Пос. Чупа	Гагарина Александра Федоровна, 61 г.	133, 134
	Парфенова Александра Матвеевна, 51 г.	142
	Тютюнник Анна Матвеевна, 38 л.	74, 142
	Шаткова Ульяна Павловна, 62 г.	133, 134, 211

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН

А ходил, гулял барин 134

Баю, баю, баю, бай 175
Баю, баю, баюшки 173
Баю, баю, баюшки 176
Баю, баюшки, баю 177
Без отца, без матери живут люди 207
Будет спати, высыпаться 171
Быстра реченька по сахару текла 165

Вдоль было по травоньке 133
Вдоль по морю, вдоль по морю 138
Вдоль по речке, реке 163
Вдоль по улице Ванюша 72
Вдоль-то по речке да вдоль по Казанке 135
Весел, не весел сегодняшний день 106
Ветерочки, да ветры, вы легоньки да голосочки 4
Вечер девки вечерину сидели 126
Вечор девок 93
Вздумал да и вот уехал 24
Во высокой новой горнице 206
Возле речки, возле моста 82
Во лузях да во лузях 67
Воля, ты наша волюшка 27
Воля, ты наша волюшка, девочья дорогая 41
Во селе, селе Покровском, среди улицы большой 99
Все запали, зарастали 214
Вы, листочики да лавровыя 19
Вы, премилые девушки, да вы придите-ко в гости к нам 13
Вы-то скажите, мысельцы мои 36
Вышли две девицы на улицу гулять 127

Говорил я своёй любушке словцо 38
Говорят, суда горят 216
Гуляньё, ты мое гуляньицо 15

Да было-то в ручках счастьицо 55
Да в-первых, я шила, вышивала-то да ярко солнце с облаками («Винограде холостое») 145
Да невеселенька наша компаньица 32
Да не ясён сокол со гнездышка слетаё 49
Да приотправился да собрался 28
Да середи-то было Китай да славного города («Винограде холостое») 146
Да сносеяли девки лен 78
Да сторона ли, ты моя сторонка 63
Да уж ты зорюшка, зоря 50
Да я не думала сегодня угореть 108
Девица, девица 73
Девка мала, туровата, с парнем вожевата 118
Дмитрий и Домна * 184
Добрыня и Алеша 181
Дунаюшко 190
Дюк Степанович 193

Ездил старенькой да по синю морю 191
Ездил старый малый на добром коне 178
Ель-Елю, ель-елю, сыро елью река протекла 159
Если б знала я, младенька 110
Есть-то на улице карета 158
Еще далече, далеча во чистом есть поле 143

Заболели мои ноженьки 2
Задумал недоросточёк жениться 139
Занавеска не простирана 219
За реченьку ходить 29
Затопила млада печь 76
Звезды падывали 142
Зелено вино в кармашке, сахар на бумажке 117

Из-за синего солоного 151
Из-под горья студены ключи шумят 104
Из-под камешка водичка спротекла 103
Из-под той белой березы 65
Из устья березового 153
Илья Муромец 183
Илья Муромец на заставе богатырской * 179

Казалин 198
Казачок, казачок 85
Как Васильева матушка 166
Как во Брантовой конторе, люли, люли люли 116
Как поехал добрый молодец во чисто полё гулять 53
Как по зорьке, по зоре 87
Как у наших у ворот 96
Как у наших у ворот 136
Кемска реченька широка 215
Князь, княгиня, старицы * 187
Князь, княгиня, старицы * 196
Князь, княгиня, старицы * 202
Князь Михайло 186
Князь Михайло * 197

Князь Михайло 200
Князь Михайло 203
Комарочку во лесочку много уродилось 89
Красна девица сидела под окном 120
Красна девушка ходила бережком 92
Красно солнышко, да ты зайди-ко за небеса 8
Кругом города царева, царева 128
Кругом Москвы объезжали 48
Кто-то бы сбегал, распроведал 22
Куда — бы два — пошел — бы два 211
Куды милый скрылся, где буду искать 60

Лесна птичка кинарейка 40
Лучше бы я, девушка, у батюшки жила 52

Мать продает Ивана Гостиного сына 194
Мать Россея, мать Россея 208
Мимо моего двора миленький гуляет 98
Мимо тех ли, мимо каменных палат 141
Митрей и Домна 195
Мне из Питера любезный газеты присылал 71
Мне комарики мешали-то ночку спать 42
Мне сказали про девицу 83
Мой муж не стонул, не болел — киселя захотел 70
Мы с подружкой боевые 209

На горы, горы деревце стоит 150
Наколола-то ноженьку на былинку 88
На крыльце девка стоит 86
Налетели голуба на дуба, люли, люли 137
Налетали, наезжали ясные соколы 157
На плоту ли, плоту девица мылася 58
На ракитовом кустышке 131
На что-то в людюшки рано торопиться 30
Не беги, не беги, да красна девица-душа 69
Не буйны ветры навеяли, они навеяли 160
Не за реченькой девушка гуляла 46
Не кукушица ли вона во сыром бору да вона скуковала 1
Не кума ль жалобилася 147
Не нападывай, пороха 111
Не отдай меня, батюшка, замуж 68
Не по реченьке-то лебедушка да плывет 9
Не слыхала свет Ольга-душа 161
Не сырой-от бор да разгорается 130
Не ходил бы да не гулял да по этой дороженьке 62
Не ясён сокол-то, сокол по борам лётал 11
Никогда нашу Надежду 113
Ну, за двором было, за батюшковым 124

Ой, вы ветры, вы мои ветерочки 31
Ой, да девушка садочком шла 81
Ой, девушка по садику гуляла 39
Ой, не дождичком-то у красной девушки белоё лицо смочило да помочило 6
Ой, я вью, вью да ель-елю 154
Отлетаёт мой-то теперь соколик 56
Офицерик, офицерик, офицерик молодой 97
О-хо-хонюшки, сердечко просится 119

По горнице-то столовой да столовой 149
По зоре-то было, по зорюшке 61
Пойду, стара, матера лебедочка, по своему полу белому 170
Поймали чечеху 74
По калинову мосточку 66
Полно-ко солнышку да из-за лесу да пекчи 12
Полно, полно вам, ребята, чужо вино пити 79
Полно по улице ходити 105
По насту, насточку 129
Попоем, подружка, песен 218
Пора встати, пробудитися 172
Потык 180
По утру было, по зорюшке 205
Приобсели всю горницу 167
Прираздвиньтесь, прираздайтесь, добрые люди 112
Про Казарина 185
Про Казарина 204
Про царя Соломана 199

Распекло в тумане 21
Резвы ноженьки с подходом 162
Речка северна пойдет 217
Романушка 188
Романушка 189
Романушка 201

Саул Леванидович 192
Скучно, маменька, весною жить одной 122
Скучно жить с милым дружком в разлуке 51
Славна питерска дорожка неширока 16
Снежки белые пушисты 114
Собирались ребятушка 123
Совевали ветерочки со горы 95
Соловеюшко, парень молодой же 35
Сорока от Старчины [не] вдалеке стоит 109
Сохнет, вянет во полюшке травонька 44
Сохнет, вянет во полюшке травонька 57
Сохни, сохни, мой платочек 213
Спи-ко, спи-ко, баю, бай 174
Сторона ли ты моя, моя сторонушка да сторона 26
Сыро елью река спротекла 155
Сядем, сядем со мной рядом 212

Там уж шла-прошла сила-гармия 47
Трудно Карюшку спускаться 210
Ты мука, ты мука, ты солдатский паек 84
Ты полынёчка ли да полынька 54
Ты рябинушка, ты кудрявая 64
Тысяцкой ли, ты тысяцкой 148
Тянет, дует с морюшка воздух 23

Уж вы горы, вы горы, эх, горы воробьевския 7
Уж вы лужки, вы лужки мои 91
Уж мы мост-то ведь стелили, стелили 132
Уж ты Аннушка, не плачь, люли, люли 115
Уж ты Ванюша, Ваня, Иван 94
Уж ты Дуня, Дуня 75
Уж ты счастье моё, да ты талан худой 33
У Иванушка заболела голова 102
У Степана-то дом да на семи верстах стоит («Виноградие холостое») 144
У чарочки да у серебряной 164

Хотенко Блудович 182

Чернобровый, черноглазый, душа ты мой 14
Что ж вы, девушки, ой, да призадумались 59
Чтой травонька в поле за муравая 25
Чтой за год такой да за народ лихой 18
Чтой на стуле рети-бархати 152
Чтой уж по морю, морю по синему 156
Что ль над речкой, над рекой, да над муравкой зеленой 107
Что ль не яфрантик по горенке катался 168
Что ль по сенам, по сеночкам 169
Что не знает-то, не знаёт мой миленькой 37
Что у маменьки родимыя 17

Цветики, вы цветики лазурёвыя 3

Шел-то Иванушко да долиною 5
Шила наша Катенька да трои новы рукава 45

Экой ты, Ваня, разудала, Ванюша, голова 20

Я бегу, бегу по поженке 101
Я воскресен день обедню прогуляла 125
Я капустицу полола, приговаривала 140
Я куды с горя 34
Я младым-млада, младешенька, в компаньице была 80
Я не думала-то да на сем свете тужить 10
Я по бережку похаживала 100
Я по горенке хожу, таки хожу 121
Я под ельничком ягодки брала 90
Я по жердочке шла 77
Я-то нигде своего дружка не вижу 43

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И НЕПОНЯТНЫХ СЛОВ

Ба́сче — красивее, наряднее («Ты умойся, уберись, басче снарядися», № 117).

Беседа (бесёда) — вечеринка, посиделки, сбор девушек с веретеном и куделью в один дом, обычно вкруговую, а также вечеринка, устраиваемая в специально снятой для этой цели обширной избе («Не ходи, моя милая, к соседу в беседу...», № 117).

Большой у́гол — красный, передний угол («Проходи... во большой во угол...», № 37).

Верзенки́ — по-видимому, от карельского слова «virzu» — лапоть («Своей женке верзенки...», № 78).

Ве́хорь — вихрь, порывистое круговое движение ветра («Он сердечко взял повысушил, уж суше ветрышка да суше вехоря...», № 119).

Вничь — ничком («Лягу вничь я на кровать...», № 13).

Гра́ять — гаркать («Отвезу тебя во чисто полё... черным воронам на граянье...», № 198).

Грезе́т — шерстяная ткань с узором того же цвета («Если любишь, душа, купишь алого грезету...», № 118).

Гря́дка, грядочка — всякая жердь из стены в стену («Да его цветное платье на грядке...», № 68).

Досе́льный — старый, прежний («Свою прежнюю, досельну полюбовенку на коленюшка... садил...», № 23).

Дрочи́ть — нежить, тешить, ласкать, баловать любя, выкармливать («Дрочил-нежил-то взамуж за себя...», № 19).

Дя́йна, дя́инька — жена дяди («Это, дяинька, не буря...», № 182).

Жидови́нка — пояс («Жидовинку распоясывать...», № 131).

Жирова́нье — житье («Мне не путне, жена, жированье...», № 137).

Жупя́чий — поющий (о птице) («По садам поют... птички жупячие...», № 172).

Заводи́стый — место с замедленным течением около берегов рек, озер, моря («Речка течет заводистая...», № 7).

Задво́ренка — женщина, живущая на барском задворке («Приходит к бабушке-задворенке...», № 185).

За́риться — сильно хотеть, завидовать («Приобзарилась она да на высокие домы...», № 75).

Заугóльщина — внебрачный ребенок («Стали его... ругать-бранить: „Заугольщина, ты пряма добыча деревеньщина“...», № 185).

Зыча́ть — кричать, звать («Скричал, зычал своим зычным голосом...», № 185).

Ископыть — земля, грязь, снег из-под копыт бегущего коня («Конь бежит... остается ископыть конинная...», № 179).

Камзо́товый — по-видимому, камлотовый — род плотной шерстяной или полушерстяной ткани («Кушаки у их камзотовыя...», № 155).

Канаться (конаться) — добиваться чего-либо, докучать просьбами («От жены своей канается...», № 137).

Ка́рбас — беломо́рская лодка («Раскрашенной едет карбасок...», № 43).

Кита́йка — простая бумажная ткань («Кумачу я не хочу, китайка не к моды...», № 79).

Коло́да — долбленый гроб, домовинка из цельного отрубка («Она ей колоду колотила...», № 203).

Корнице — возможно, заимствовано из карельского (кар. koarna — кора сосны; здесь — кожица виноградины («Ломает зелен виноград, да корнице мечет...», № 106).

Ко́ршичек — ко́рмщичек, человек, управляющий ходом судна рулем («Во восьмих-то коршичек...», № 153).

Корыпа́ться — капризничать, ломаться («Муж пьяница, надо мной корыпается...», № 131).

Коси́вчатый — сделанный из деревянных косяков («Узрила, усмотрила... из окошечка косивчата...», № 154).

Коси́ца — висок («Выкопал бы глаза со косицамы»..., № 179).

Костычный — будничный, крашенинный сарафан, широкий в подоле и косоклинный («Процедила кисель скрозь костычный подол...», № 70).

Крестовый — названый брат, поменявшийся нательным крестом («Олешенька Попович мне крестовой брат...», № 200).

Курева — пыль от сухой земли, поднятая ветром в воздух («Курева стоит да дым столбом валит...», № 196).

Лаженный — прилаженный, приведенный в порядок («Да ты прими-ка коня лажена...», № 67).

Левердок — веерок («Да во левой руке — немецкий левердок...», № 81).

Марева — зной при мутной белизне воздуха («В полюшке... стоял туман с куревою да с маревою...», № 26).

Наход — раз, прием («Во первый находна не слышала...», № 190).

Обзариться — см. **Зариться**.

Оверну́ться — оглянуться («Не воротишься, мой милый, хотя оверни́ся...», № 110).

Особли́вый — отдельный, не общий («В особливу заводил, за дубовый стол садил...», № 80).

Оста́вочка — оставленное на память («Мил первую оставочку оставил — от сердечика ласковы слова...», № 30).

Оста́нний — оставшийся («Ты приди-ко... на последний, на останний день...», № 37).

Па́ра (у женщин) — верхняя кофта с сарафаном («Под пару ленту алу... купишь...», № 79).

Пара́тный — парадный («Я построю высок терем... со паратненьким крыльцом...», № 22).

Перенять — ловить, перехватывать («Перейми старика со воды...», № 137).

Пе́рщатый, бе́рдчатый, бе́рчатый — узорчатый, браный («Смахнули девицы по рукаву... по перщату...», № 127).

Плис — плюш («Да не по плису я, не по бархату хожу...», № 9).

Плу́тево — поплавок к сетям («Клали плутева серебряные...», № 100).

Подворо́тенка — доска, которой заставляется отверстие под воротными затворами («Ворота были стекольчаты... подворотенка рывчата...», № 154).

Покля́пый — кривой, крюковатый («Он сутул, горбат да и наперед покляп...», № 184).

Политу́читься — наклониться, покрывиться («Малы теремки политучилися...», № 182).

Положо́к — занавеска, закрывающая, загораживающая кровать сверху и боков («Кабы эту... козоньку... да ко мне... в шитой, браной положок...», № 123).

Поло́жек — платок («Я стелила... тонкий беленький положек...», № 129).

Поро́ха — пороша, рыхлый снег («Не нападывай, пороха...», № 111).

Порядо́вный — живущий рядом («Всем суседышкам ближним, порядовным...», № 186).

Прожупе́ть — см. **жупя́чий**.

Ре́ти-ба́рхат — рытый, узорчатый бархат («На стуле рети-бархати... царь сидит...», № 206).

Са́дик, насад — судно с поднятыми дощатыми бортами («Не ровен ли там садик плывет...», № 153).

Ска́тный — крупный, круглый, ровный, будто скатанный («Скатным золотом обвертывал...», № 152).

Смельхаться (смелькаться) — соприкасаться, скрещиваться (о растениях); произносится так только в песнях («Не смельхайся, о хмель, со травою...», № 79).

Суме́т — сугроб («Тебе круто сголовье — суметы...», № 125).

Тала́н — судьба, участь («Уж ты счастье-мое, да ты талан худой...», № 33).

Тули́ться — прятаться, скрываться («Под деревчиком... тулилась, хоронилась душа — красная девица...», № 150).

Турова́тый, турови́тый — быстрый, прыткий, бойкий («Девка мала, туровата...», № 118).

Тя́га — дверная ручка, скоба («Калика... ни за каку тягу не хватается...», № 200).

Ужо́ — погоди («Ужо я схожу к батюшку...», № 159).

Учаща́ть — угощать («Угощала, учащала дорогим напитком...», № 89).

Хаз — в старину употреблявшаяся лента для обшивки сарафанов и церковных облачений, протканная мишурою («Полушубочек с хазами...», № 116).

Черво́нчатый — багряный, ярко-красный («Я найму тебе, красавица, червончатый корабль...», № 73).

Че́рень — рукоять, ручка, за которую берут вещь («Становил нож булатный — черень на белую грудь...», № 186).

Шорова́ть — см. Шурмаха́ть.

Шу́рмахать, шурмова́ть — в значении «джигитовать» («Ружьем шурмахать...», № 185).

Ягра́ — племя, род, орда («Ты скажи, девица, ты коёй ягры?...», № 185).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От составителей 3

А. П. Разумова, Т. А. Коски. Песни Поморья 8

ТЕКСТЫ

I. Поморские песни 31
Лирические протяжные (№№ 1—64) 31
Частые (№№ 65—126) 73
Игровые (№№ 127—141) 102
Святочные колядки (№ 142) 109
Величальные святочные (№№ 143—145) 110
Величальные свадебные (№№ 146—169) 111
Свадебные причиты (№№ 170—172) 123
Байки (№№ 173—177) 125

II. Былины, былины-баллады, исторические песни (№№ 178—208) 126

III. Частушки (№№ 209—219) 166

НОТЫ 169

Комментарии 403

Список библиографических сокращений 443

Указатель мест записи и исполнителей 445

Алфавитный указатель песен 447

Словарь местных и непонятных слов 450

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
Карельского филиала АН СССР

Редактор издательства *И. П. Палкина.* Художник *Д. А. Андреев*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева.* Корректоры *Г. В. Семерикова* и *Г. И. Яковлева*

Сдано в набор 30/XII 1970 г. Подписано к печати 10/VI 1971 г. Формат бумаги 70×108$^1/_{16}$. Бум. л. 14$^1/_8$. Печ. л. 28$^1/_4$ = 39.55 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 40.47. Изд. № 4183. Тип. зак. № 1338. М-07923. Тираж 3100. Бумага № 2. *Цена 2 р. 52 к.*

Ленинградское отделение издательства „Наука". Ленинград, В-164. Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука". Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
115	9 снизу.	еетво	ество
391	*Окончание напева № 203 см. на стр. 389—390, строка 4 сверху и до конца*		
420	26—27 сверху	не найдена.	не найдено.
445	3-й столб., 15 снизу	21—28	29—28
445	Левый столб., 15 сверху	батюшки	батюшка